УДК 271. 2-732.2+ 929
ББК 86. 372
Н 348

Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / Составитель и научный редактор Г.М. Зеленская. М.: «Лето», 2011. — 408 с.

Издание является третьим сборником научных статей, прочитанных в виде докладов и сообщений на Никоновских чтениях в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» с 2005 по 2010 год. Сборник посвящен 355-летию основания Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (1656—2011) и 330-летию со дня кончины Святейшего Патриарха Никона (1681—2011).

Издание рассчитано на всех, кто интересуется отечественной историей и культурой.

К ЧИТАТЕЛЮ

Никоновские чтения проводятся в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» с 1998 года. Практически сразу определились особенности этих научных конференций. Во-первых, они посвящены всего двум темам: 1) житию и деяниям Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России (1605—1681); 2) истории, архитектуре и культуре основанных им монастырей. При такой, казалось бы, узкой направленности, проблематика Чтений является неисчерпаемой, что обусловлено масштабом личности Патриарха Никона и значимостью его творений для духовной литературы, храмоздательства и церковного художества России.

Вторая особенность Никоновских чтений — география их участников. В Новом Иерусалиме выступают с докладами филологи, историки, архитекторы, реставраторы и музейные работники из Москвы, Подмосковья, Алтая, Архангельска, Валдая, Новгорода Великого, Нижнего Новгорода, Ростова Великого, Санкт-Петербурга, США.

Сложилось сообщество людей, искренне любящих Патриарха Никона, свято чтущих его память и профессионально занимающихся изучением духовного наследия Первосвятителя. Труды исследователей, постоянно участвующих в Никоновских чтениях, получили высокую оценку в научной среде. Особо хочется отметить старшего научного сотрудника сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск) С.К. Севастьянову, которая защитила в 2009 году диссертацию «Литературно-публицистическое наследие Патриарха Никона: принципы работы автора середины — второй половины XVII века» на соискание ученой степени доктора филологических наук. С.К. Севастьянова — автор книги «Материалы к “Летописи жизни и литературной деятельности Патриарха Никона”» (СПб., 2003). Без ссылки на это издание не обходится ни одна серьезная работа о Святейшем Никоне, и отрадно, что идея создания Летописи родилась на Никоновских чтениях. В 2009 году С.К. Севастьянова стала лауреатом премии имени митрополита Макария (Булгакова) первой степени в номинации «История Русской Православной Церкви» за книгу «Эпистолярное наследие Патриарха Никона: Переписка с современниками» (М., 2007).

Плодотворно работает кандидат исторических наук А.Г. Авдеев, автор книги «Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии» (М., 2006). Трудами А.Г. Авдеева был подготовлен к изданию «Никоновский сборник», посвященный 400-летию со дня рождения и 325-летию со дня преставления Патриарха Никона (М., 2006).

Весомый вклад в разработку тематики Никоновских чтений вносят музейные работники. Так, старшему научному сотруднику Новгородского государственного объединенного музея-заповедника Л.А. Секретарь принадлежит основанный на изучении архивных материалов вывод о создании Патриархом Никоном Ново-Духова монастыря в Боровичах. Старший научный сотрудник Валдайского филиала Новгородского музея-заповедника Н.П. Яковлева занимается исследованиями о музее Патриарха Никона в Иверском монастыре и о колоколах, связанных с именем Первосвятителя. Ведущий научный сотрудник музея «Новый Иерусалим» Е.И. Рогожкина постоянно вводит в научный оборот предметы из драгоценных металлов и камней XVII—XIX веков, происходящие из ризниц Иверского и Воскресенского монастырей.

Во всех Никоновских чтениях принимают участие представители Русской Православной Церкви. Низкий поклон архимандриту Макарию (Веретенникову), профессору Московской духовной академии, доктору теологии и магистру богословия, который сделал на Чтениях ряд докладов, посвященных русским

Первосвятителям. Будучи заведующим Регентской школы, архимандрит Макарий благословил своих воспитанниц подготовить духовные песнопения, сочиненные любимым учеником Патриарха Никона, архимандритом Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Германом I. Чтения 2005 года, посвященные 400-летию со дня кончины Святейшего Никона, завершились выступлением учащихся Регентского отделения Московской Духовной Семинарии, которые исполнили под руководством Веры Ильиной канты и духовные гимны архимандрита Германа.

Всегда желанны в Новом Иерусалиме гости из нижегородских пределов, где много сделано для сохранения исторической и молитвенной памяти о Святейшем Никоне. По благословению архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия архимандритом Тихоном (Затёкиным), наместником Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, издано немало работ о Первосвятителе, в том числе книги «Патриарх Никон. Рожденный на земле Нижегородской» (Нижний Новгород, 2007) и «Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь в судьбе Патриарха Никона» (Нижний Новгород, 2010).

Нельзя не упомянуть и слушателей Никоновских чтений, которых приводит на конференции любовь к Патриарху Никону и живой интерес к научному осмыслению его деяний. Я с благодарностью вспоминаю поддержку и понимание очень разной по составу аудитории в начале 2000-х годов, когда мною читались первые доклады о символике изразцов Нового Иерусалима. Тогда работа над этой темой только начиналась, и Чтения были экспериментальной лабораторией, где проверялись на жизнеспособность совершенно новые идеи. Сейчас, когда написана объемная монография о символике изразцов, получены на ее публикацию грант Российского гуманитарного научного фонда и рекомендация Издательского Совета Русской Православной Церкви, уместно выразить мою признательность всем, кто стоял у истоков постижения семантики ценинного убранства Нового Иерусалима.

Материалы Никоновских чтений 1998—2004 годов опубликованы в двух сборниках научных статей (М., 2002; М., 2005). Настоящий сборник является третьим и отражает не только содержание конференций, проводившихся в 2005—2009 годах, но и те изменения, которые произошли за последнее время в Воскресенском монастыре, где назначен новый наместник и начались реставрационно-восстановительные работы.

Сборник, сохраняя традиционную структуру, состоит из трех разделов: «СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ НИКОН. Житие, деяния. Духовные сочинения. Ученики, последователи. Почитание памяти»; «ВОСКРЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НОВОГО ИЕРУСАЛИМА. Палестинские первообразы. История, архитектура, реставрация, культура. Настоятели и братия»; «АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ».

Во всех разделах представлены новые материалы о Новом Иерусалиме. В связи с началом комплексной реставрации Воскресенского монастыря ряд статьей и архивных публикаций посвящен проблемам внутреннего убранства храмовых интерьеров и ремонтным работам, проводившимся в обители в XIX — начале XXI века.

Эти темы приобрели сейчас особую актуальность, и я надеюсь, что вопросы археологии, источниковедения, зодчества и церковного искусства патриарших монастырей займут в будущем центральное место на Никоновских чтениях.

Г.М. Зеленская,
зам. директора по научной работе
Историко-архитектурного
и художественного музея
«Новый Иерусалим»

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ НИКОН

ЖИТИЕ, ДЕЯНИЯ
ДУХОВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ
УЧЕНИКИ, ПОСЛЕДОВАТЕЛИ
ПОЧИТАНИЕ ПАМЯТИ

**Господи, не отврати Лица Своего,
но милостиво воззри на место сие,
днем и ночью, и во всякое время
не оставь, Господи, место святое сие
и собери вопшихся Тебе, Господи,
чтобы пребывали здесь и поклонялись
Тебе в церкви Святой Твоей...**

Молитва
Святейшего Патриарха Никона
«Рай мысленный».
Типография Иверского
Валдайского монастыря, 1659

С.К. Севастьянова
Институт философии СО РАН, Новосибирск

ПОУЧЕНИЕ ПАТРИАРХА НИКОНА О МОРОВОЙ ЯЗВЕ И СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И БЫТА МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Поучение Патриарха Никона о моровой язве занимает особое место в эпистолярном наследии святителя. Созданное в традиции памятников учительной литературы, посвященных стихийным бедствиям и наказаниям Бога за грехи, оно органично сочетает в себе разнообразные жанрообразующие элементы; прежде всего оно тяготеет к устной проповеди и публицистическому произведению, поскольку тесно связано с проблемами общественно-политической и церковной жизни России середины XVII века. Автор активно реагирует на события, участником которых стал, дает собственную оценку происходящему и подбирает источники.

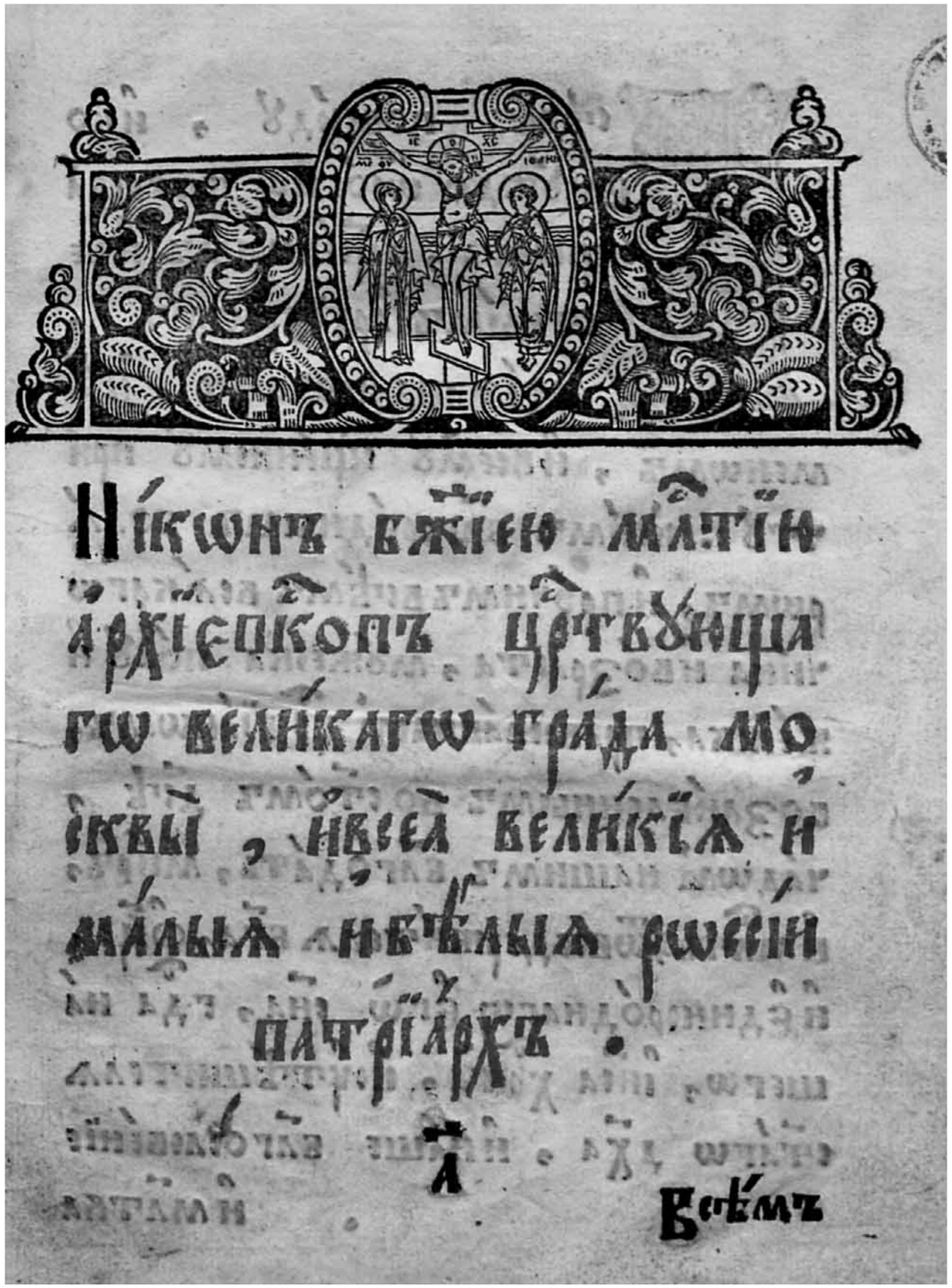
Поучение издано на московском Печатном дворе уже после ослабления эпидемии – 6 августа 1656 года[1]. Тираж, составлявший традиционное количество в тысячу двести экземпляров, скорее всего, был передан в патриарший Казенный приказ и разослан по монастырям и приходам под наблюдением самого Патриарха Никона. Официальный характер издания объясняет малую распространенность памятника в рукописной традиции: мне известно лишь три списка послания[2]; печатный текст подклеивался к рукописным сборникам (например, ГИМ, Синодальное собр., № 333); на полях печатных экземпляров читатели оставляли записи и пометы бытового характера[3]. Поучение владыки неоднократно переиздавалось: в XVIII веке Н. Новиковым[4]; в XIX веке – в собрании законов Российский империи[5]; в XX веке не совсем удачно (без комментариев, с опечатками и ошибками из-за неверного прочтения текста оригинала) В.В. Шмидтом[6].

Как памятник духовно-назидательной письменности XVII века это сочинение Патриарха Никона до сих пор не привлекало внимания исследователей. Но сегодня требует тщательного изучения. Во-первых, потому, что в поучении отразились как собственные взгляды и идеи Патриарха, так и морально-нравственные проблемы церковной жизни паствы, находящейся в сложной эпидемиологической обстановке; послание содержит элементы автобиографического повествования, ведь Никон излагал современникам свою точку зрения о причине поражения мором Москвы; и наконец, текст окружного послания должен был произноситься вслух, поэтому стиль своего сочинения автор подчинял именно этой задаче.

Напомню вкратце обстоятельства, благодаря которым появилось поучение о моровой язве.

Наблюдения за климатом и погодными условиями в русской столице начали вестись систематически с 1650 года[7], а информацию о смертельных болезнях и тяжелой эпидемиологической обстановке, стихийных бедствиях и любопытных бытовых явлениях, случавшихся за рубежом, жители Москвы в XVII веке регулярно получали из «Курантов»[8]. Несмотря на обилие «предупреждений» из иностранных газет о надвигающейся смертельной болезни, Россия не избежала эпидемии чумы: в 1652 году мор поразил Юго-Западную Россию и Украину, а к лету 1654 года унес сотни тысяч жизней по всей территории Центральной России, двигаясь по Волге из Астрахани[9].

Приехавший в 1654 году в Россию Антиохийский патриарх Макарий был поражен последствиями чумы: «Когда мы въехали в город (Москву. – *С.С.*), наши сердца разрывались,



Поучение Патриарха Никона о моровой язве. М.: Печатный двор, 1656. Л. 1

и мы много плакали при виде большинства домов, лишенных обитателей, и улиц, наводящих страх своим безлюдием, – действие бывшей тогда сильной моровой язвы»[10].

Смертность в Москве была необычайно высокой. Патриарший клирик Иван Шушерин свидетельствовал: «В столице умерло бесчисленное множество людей, можно сказать, что почти все погибли»[11]. Сам Патриарх Никон в письме царю, составленном сразу по возвращении в Москву в начале февраля 1655 года, писал: «**Ох! Увы! Зрѣния неполезнаго и плача достойнаго! Непрестанно смотря, плакал, плакал пустоты московския пути и домов: идѣже преже соборы многии и утеснѣние – тамо никоково, великия пути в малу стезю и потлачены, дороги покрыты снѣги, и никѣмъ суть и слѣдими, развѣ от пес. Ох! Ох! Иеремия плачевный, тому развѣ уплакати таковыя и толикое зло и запустѣния! Ей, ей, пиянства на ся издавна и омрачения не помню, якоже нынѣ изумѣхся от пустоты, обаче мало возвеселихся в Воскресение о пришествии останков христьянъ во святую соборную апостольскую церковь // ко святѣй литоргии малым чимъ меньши, яко и преже, или за радость на видѣние нас во святѣй службѣ, яко и нѣдра церковныя не вмѣстиша и двор против полнъ был, а еже о дворовой пустотѣ, не мошно утѣшитися, онѣх же писати, ей, не свѣмъ что**»[12]. Боярин Пронский писал Никону: «...мы, холопи твои, живем в огородах», «а стрельцов, государь, от шести приказов не един приказ не остался... а иныя разбежались и на караулах, государь, от них быть некому... а церкви, государь, соборныя и приходския мало не все стоят», «православные христиане помирают без отцов духовных и погребают без священников и мертвых телеса во граде и за градом лежат, псы влачими... а приказы, государь, все заперты, дьяки и подьячие – все померли»[13].

На то время, пока царь участвовал в военном походе против Польши, управление делами в столице перешло боярской комиссии, состоявшей из нескольких членов Боярской думы. В мае 1654 года Алексей Михайлович поручил ведать Москву боярину М.П. Пронскому; в комиссию с ним вошли бояре князья И.В. и Ф.А. Хилковы, В.Г. Ромодановский и думный дьяк Алмаз Иванов. При царице и царевнах были оставлены окольничие И.А. Милославский, Н.С. Собакин и П.Ф. Соковнин[14]. Формально комиссия подчинялась малолетнему царевичу Алексею Алексеевичу, который находился под опекой Патриарха Никона; поэтому члены комиссии должны были приходить к Патриарху[15]. В отсутствие царя именно Патриарх Никон управлял в столице.

Все члены боярского правительства погибли во время мора[16]. Во второй половине сентября 1654 года окольничий И.А. Хилков сообщал Никону, что боярин М.П. Пронский умер 11 сентября, 12 сентября смерть настигла боярина И.В. Хилкова[17]. В ответной грамоте окольничему Патриарх Никон спрашивал о князе Василии Григорьевиче Ромодановском и дьяке Алмазе Иванове – живы ли, в Москве ли, или куда-то уехали?[18] 22 сентября Патриарх Никон просил боярина М.П. Пронского известить его, «что ныне на Москве делается», однако боярина уже не было в живых[19]. В Москве умирали священники и некому было совершать богослужение, читать на литургии заупокойные ектении. Осенью 1654 года скончались митрополит Крутицкий Сильвестр[20] и обосновавшийся в Москве суздальский архиепископ Софроний[21]. Перед отъездом из Москвы в 1654 году Патриарх Никон поручил посвящать ставленников сербскому архиепископу Гавриилу, находящемуся в то время в столице[22]. Жители Москвы и зараженных эпидемией местностей обращались с молитвой к святым, прославившимся с древних времен избавлением от язвы[23]. В период морового поветрия прославились исцелением от смертельного недуга многие местночтимые иконы[24].

Когда царю Алексею Михайловичу стало известно об угрожающем характере эпидемии, он послал Патриарху Никону грамоту, в которой просил уберечь от мора царскую семью[25]. По просьбе царя Никон вывез царскую семью из Москвы: 24 июля он вместе с беременной царицей Марией Ильиничной (23 января 1655 года царица родила дочь Анну)[26], царевичем Алексеем и царевнами отправился сначала в Троице-Сергиев монастырь[27], где пробыл чуть больше месяца, продолжая управлять делами. Никон руководил мерами по улучшению эпидемиологической обстановки вокруг Москвы, принимал важные решения по изоляции зараженной территории[28]. Во вто-

рой половине августа, когда эпидемия свирепствовала с еще большей силой, Патриарх Никон принял решение переехать в Калязинский монастырь, куда 20 августа послал грамоту тамошнему келарю с указанием к принятию царской семьи, приготовлению келий и съестных запасов «в монастырских вотчинах в добрых местех, где морового поветрия в людях не именовалось»[29].

21 октября царь Алексей Михайлович пришел в Вязьму. Вскоре к нему туда приехали царица с царевичем[30]. Два месяца они ожидали, когда стихнет эпидемия. Патриарх Никон на это время отошел от дел. По свидетельству Павла Алеппского, он, расставшись в Вязьме с царем, проводил время «в горах и лесах, скрываясь от лютости моровой язвы, удаляясь от людей, проживая в палатке под дождем и снегом, не имея себе иного утешения, кроме огня»[31].

Голландский агент Иоганн де Родес писал: «Здешний же народ не очень доволен его [Никона] отъездом, тем, что пастырь так бросает своих овец»[32]. В конце августа 1654 года боярин князь Михаил Петрович Пронский в письме царице Марии Ильиничне в Калязинский монастырь рассказывал о смутах в Москве, о недовольстве народа отсутствием Патриарха в столице[33]. По окончании морового поветрия окольничий Богдан Матвеевич Хитрово написал Патриарху Никону: «...многое на Москве стало пьянство и воровство от чернецов и от попов, которые приехали, безстрашники, из городов, а иные многие и вновь постриглись, и про тебя, де, государя, многие от них поносныя слова. А иные, де, государь, про твой поход и розсужают, что не поехать было никоторыми делы нельзя. А и в городех, государь, и в деревнях много клеветников. А которые умные люди, и те розсужают же»[34].

Отъезд Никона из Москвы спровоцировал выступление посадских людей. «Чумной бунт» показал, что тысячи людей не желают поддерживать реформы Патриарха[35]. А 2 августа перед закатом случилось солнечное затмение[36]. В народе поднялось волнение, что все случившееся есть гнев Божий за надругательство Патриарха Никона над иконами[37]. 25 августа 1654 года во время обедни народ пришел к Успенскому собору с образом Спаса Нерукотворного, на котором лик и подписи были выскоблены[38]. Патриарх предал анафеме изготовителей икон, имеющих признаки западного неправославного характера[39].

Особое недовольство поведением Патриарха Никона во время морового поветрия и его реформами выражали идейные противники Никона – деятели раннего старообрядчества и прежде всего протопоп Аввакум. В мае 1664 года в первой челобитной царю Алексею Михайловичу, написанной после возвращения из сибирской ссылки, протопоп Аввакум причиной морового поветрия назвал церковные реформы: «Да не одно, государь, то, но и моровое поветрие не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянский меч стоит десять лет беспрестани, отнележе разадрал он церковь»[40].

Обвинения Патриарха в случившейся эпидемии, споры о причинах его отсутствия в Москве, неспокойная социально-политическая обстановка в столице и заметно изменившееся во время чумы духовно-нравственное состояние общества заставили Никона обратиться к пастве с проповедью.

* * *

В основе построения пастырского окружного послания лежал, как правило, составительский принцип, который обеспечивал подобие послания известному образцу, а потому давал возможность священнику высказать свои идеи с опорой на авторитет, а слушателям – легче воспринимать и понимать поучительную речь святителя. В XVII веке такой тип послания пастве, в котором легко узнавались традиционные источники или тексты авторитетных служителей Церкви, становится ведущим. Сборник «Патриаршее поучение», изданный в 1643 году на Печатном дворе в Москве и составленный пятым московским Патриархом Иосифом (предшественником Никона), имеет компилятивный характер и почти буквально повторяет распространенные в рукописной традиции XV–XVII веков сочинения поучительного характера[41]. В 1650 году, будучи новгородским митрополитом, Никон сам переделал окружное послание Патриарха Иосифа архиепископу вологодскому и великопермскому Маркеллу о молебствии по случаю неурожая, наводнений, пожаров и других стихийных

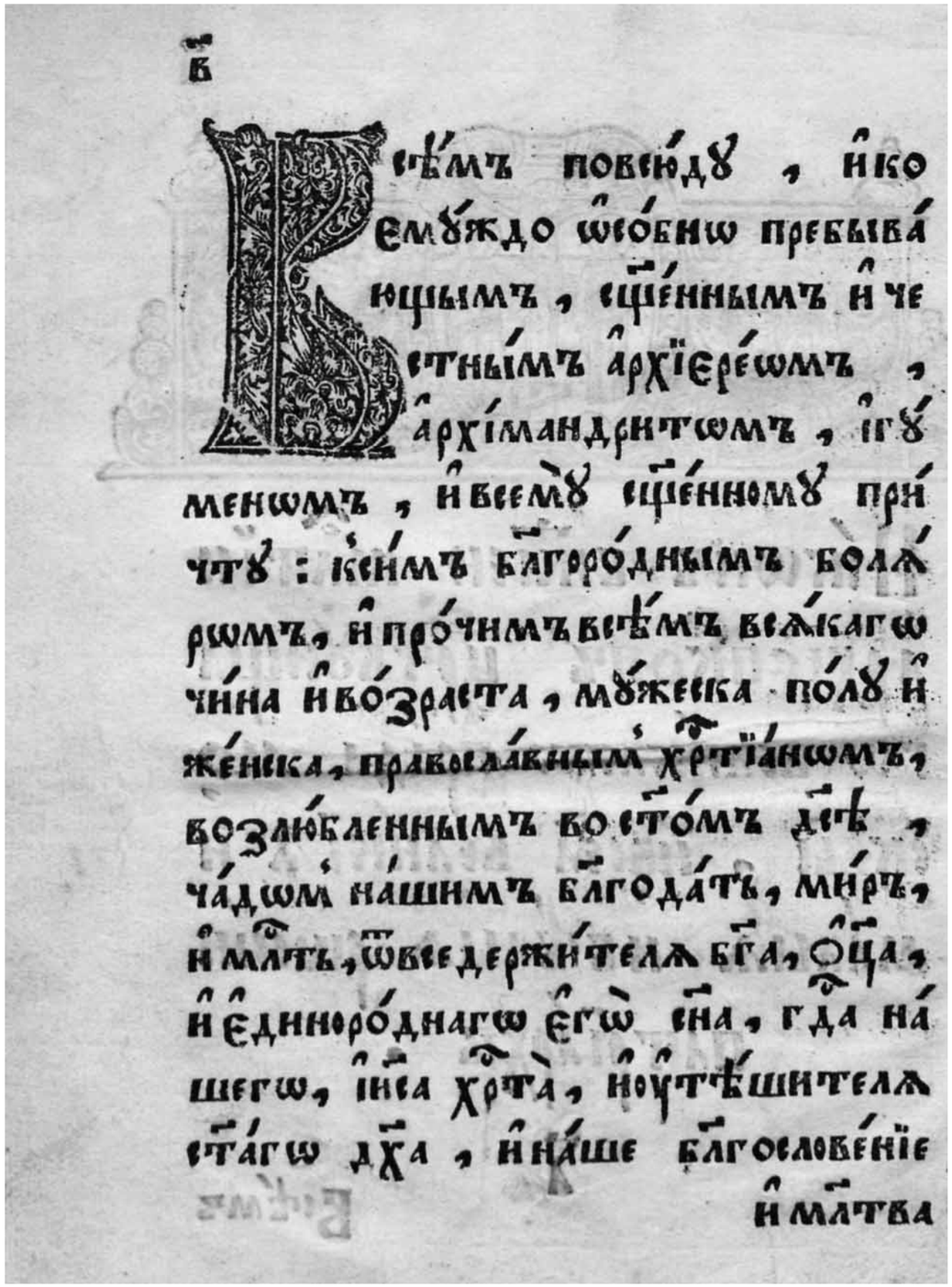
бедствий и адресовал его игумену Тихвинского монастыря Пимину. Митрополит Ростовский Иона Сысоевич в сочинении, составленном при вступлении его в паству (после 15 августа 1652 года)[42], и в грамоте о недействительности клятвы, возложенной Никоном на митрополита Питирима, также выступал как составитель[43]. В окружном послании к пастве Патриарх Адриан почти дословно повторил фрагмент речи Патриарха Никона на Соборе 1654 года о священстве и царстве и сформулировал 24 наставления верующим о необходимости церковных правил[44]. В основу окружного послания 1696 года Афанасий Холмогорский положил переделку послания Патриарха Адриана[45].

Несмотря на составительский характер и стремление авторов к уподоблению своих сочинений авторитетному источнику, каждое окружное послание отвечает обязательным требованиям жанра: послание имеет вступление – обращение ко всему народу независимо от возраста, пола, места проживания; в каждом послании оговариваются причины его составления; в конце автор благословляет читателей (слушателей) и сообщает дату составления текста. А вот центральная часть, компилятивная, дает автору свободу для проявления и раскрытия его способностей и творческой потенции.

Окружное послание Никона о моровой язве начинается традиционно[46]: «**Всѣмъ, повсюду и коемуждо особно пребывающымъ, священнымъ и честнымъ архиереомъ, архимандритомъ, игумномъ и всему священному причту к сим благороднымъ боляром и прочимъ всѣмъ всякаго чина и возраста, мужеска полу и женска православнымъ христианомъ, возлюбленнымъ во святомъ Дусѣ чадомъ нашимъ благодать, миръ и милость отъ Вседержителя Бога Отца и единороднаго Его Сына, Господа нашего Иисуса Христа, и утѣшителя Святаго Духа и наше благословение // и молитва!**» (л. 2–3). Затем автор сообщает о причине, побудившей его обратиться к пастве, переходя, таким образом, к центральной части поучения: «**Настоящаго времене, нынѣшняго отъ создания мира 7164-го (1656) году, а отъ еже по плоти Рождества Господа Бога и Спаса Иисуса Христа 1656 августа въ 6-й день, извѣстно буди вамъ, яко во многихъ градѣхъ моровое повѣтрие есть, а отъ чего, то единъ Богъ Святый весть и никому о семъ знати не належитъ, развѣ, еже глаголати, яко не бываетъ злоба, сирѣчь скорбь, ни во градѣ, ни въ селѣ, аще не Господь попуститъ, еже гладъ, губителства, недуги и язва и иная, о нихъ же много здѣ писати // не належитъ**» (л. 3–4). Завершается послание благословением Патриарха всем православным христианам: «**Преклоните добродетельными священных Евангелскихъ заповедей исполненьми всещедрую // утробу Божию на милость, даже неисповедимою Его благостию здѣ многолетне, безведне же и благополучне настоящаго житиа время препроводим, и в будущем вечныя радости сподобитися, не лишимся молитвами преблагословенныя Девы Богородицы Марии, силою Честнаго и животворящего Креста и боговидных апостол и великих вселенских учителей Василиа Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, и великих чюдотворцов и учителей московских и всеа Русии Петра, Алексиа, Ионы и Филиппа, и всех святых. Аминь**» (л. 53/53–53/54). Композиция поучения Патриарха Никона соответствует требованиям жанра окружных посланий владыки к пастве.

Центральная часть послания условно разделена мной на два раздела. В первом Никон сосредоточил внимание читателей и слушателей на духовно-нравственном состоянии его современников, особенности которого наиболее ярко проявились в тяжелые дни испытания мором и болезнью; автор говорил о нравственной дисциплине и охарактеризовал духовное состояние общества как порочное и греховное. Во втором Патриарх призвал паству к покаянной молитве к Богу.

Главной причиной морового поветрия Никон называет грехи современного ему общества: «**Нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, и здѣ во царствующемъ градѣ Москвѣ объявилося повѣтрее, не во единомъ мѣстѣ**» (л. 4). О грехе как отступлении от законов Божиих, как нарушении норм бытия тварного мира, установленных Богом, учили святые отцы[47]: «...**грех есть преступление закона... бывающее делом, или словом, или помышлением**» (преподобный Иоанн Лествичник)[48]; «**Начало греха — гордость. Начало гордости — незнание Бога**» (святитель Иоанн Златоуст)[49]. Митрополит Макарий (Булгаков) писал, что «**грех заключается в гордости, неверии Богу**[50], **отступничестве от Бога, величайшей неблагодарности к Богу**». Святитель Игнатий (Брянчанинов)


Поучение Патриарха Никона о моровой язве. М.: Печатный двор, 1656. Л. 2

назидал: грех – «**великая язва на всем существе: объяла тѣло, объяла душу, овладѣла всеми свойствами, всеми силами человека**»[51].

Тема греха пронизывает библейские книги. В Ветхом Завете особое место занимает повествование об истории израильского народа. Божественная мудрость, как учит опыт Израиля, использовала последствия греха в качестве воспитательной меры[52].

Новый Завет, в отличие от Ветхого, предлагает грешнику пути к спасению и освобождению от греха. В Новом Завете особое место заняла тема индивидуального (личного) и общественного (социального) греха. Новозаветная традиция учит, что главной предпосылкой преодоления этих разновидностей греха является его осознание; для христианина как члена общества приоритетной остается борьба с собственными грехами[53].

В книгах Нового Завета нет стройной системы грехов человеческих[54]. Непосредственное их перечисление есть у евангелистов Матфея (Мф. 15:19) и Марка (Мк. 7:21–22): это – злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления; лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Но это далеко не полный перечень пороков, упоминаемых самими же евангелистами в повествованиях о земной жизни Иисуса Христа. Свт. Игнатий (Брянчанинов) утверждал, что учесть все скверные привычки, страсти и пороки невозможно; Господь упоминает их только в связи с важностью нашего покаяния в них[55].

В рамках аскетической традиции в конце IV века сформировалась восьмеричная схема греховных состояний человеческой души, которая поделила все страсти на группы: «плотские» (чревоугодие, блуд, стяжательство) и «душевные» (гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость)[56]; происходящие от пороков, от зла непосредственно (чревоугодие, стяжательство, гнев и блуд), и ведущие свое начало от добродетели, что особенно опасно; открытые и тайные (печаль, уныние, тщеславие, гордость). Свт. Игнатий (Брянчанинов), придерживаясь древнейшей восьмеричной системы «страстей», выделял в самих грехах еще «подразделения» и «отрасли»[57], особое внимание уделяя грехам смертным и несмертным[58]. Свт. Тихон (Задонский) выделял три основные группы грехов – смертные, тайные и против Святого Духа; высказывания владыки о грехе собраны в «Симфонии» схиархимандрита Иоанна (Маслова)[59]. Между пороками существует внутренняя диалектическая связь. «Ибо страсти, подобно звеньям цепи, держатся одна за другую», – учит преп. Исаия Нитрийский[60]. Но так как духовные и телесные пороки возникают по разным причинам, то и врачевать их, как учат отцы-аскеты, следует различными способами: «Движение телесных страстей пресекает воздержание, душевных – духовная любовь», – учит авва Евагрий[61]. Преп. Иоанн Кассиан Римлянин призывал к систематическому и постепенному лечению страстей[62]; они, захватывая человека, становятся почвой для греха, который, как учит преп. Исаак Сирин, разрушает нравственную и духовную природу человека, его связь с Богом[63]. Святые отцы учили, что преодолевать пороки помогает Бог. При характеристике духовного состояния человека и общества они на первое место ставили методы борьбы с грехом: «...бегай от греха. Если же и подвергся какому грехопадению, не закосневай во грехе, но встань и обратись ко Господу Богу своему всем сердцем своим, чтобы спаслась душа твоя»; «Если обольщен будешь диаволом и впадешь в малый или великий грех, не приходи в отчаяние и не доводи себя до погибели, но прибегни к исповеди и к покаянию, и Бог не отвратится от тебя» (преп. Ефрем Сирин)[64].

В русле библейской и святоотеческой традиции Патриарх Никон показывает духовно-нравственное состояние современного ему общества, характеризует пороки и духовные недуги, захватившие его современников. Типичное для средневековых текстов выражение «**грѣхъ ради нашихъ**» получает в сочинении Патриарха реальное наполнение.

Для обозначения греховных состояний и действий Никон подбирает формулировки, слова и выражения с конкретным лексическим значением: «**кто от злов не отступит**» (л. 6), «**нерадѣния ради о сихъ облѣнится**» (л. 9), «**в напасти пометати**» (л. 16), «**непослушаниемъ**» (л. 18/19), «**от совѣсти // прелщаеми в напасть вринѣша**» (л. 18/19–19/20), «**ложная видѣния и лукавая вся сония сказующе прелстивше, уморити**

сотвориша» (л. 19/20), «**буи и о семъ своемъ зломъ дерзновении // не стыдятся, и сами сопротивны евангельскому велѣнию**» (л. 19/20–20/21), «**истинну никогда же хощемъ покоритися**» (л. 22/23), «**противницы**» (л. 23/24), «**глаголаху неподобная**» (л. 25/26), «**ложная // отъ лукаваго сердца видѣния и сония предлагаху**» (л. 26/27–27/28), «**внимаютъ баснемъ ихъ крамолнымъ, и бѣсовскимъ, и ложнымъ ихъ пророчествомъ**» (л. 27/28), «**не внимающе правому велѣнию, и от оныхъ крамольниковъ лживых баснословий напившеся, клеветаху пророчествоваху ложная**» (л. 27/28–28/29), «**себе губяще и братию свою, и на Бога хуляще**» (л. 28/29), «**лживе вопяху къ людемъ и неутвержены хъ сердца своимъ лукавымъ умышлениемъ возмущающе**» (л. 32/33), «**въ бѣды себе пометати и многихъ прежде времени лстивыми своими словесы сотвориша умрети**» (л. 39/40).

Призывая современников к молитвенному покаянию, в конце послания Патриарх Никон называет пороки, о которых следует просить прощения у Бога: «**Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ, яко забыхомъ заповѣди Твоя, и вслѣдъ мысли нашея лукавыя идохомъ; яко недостойнѣ званию и благовѣстию // Христа Твоего пожихомъ и святыхъ Его страстей и еже насъ ради истощания; яко быхомъ поношение Возлюбленному Твоему. Священникъ и людей отступихом вкупѣ**, "**вси уклонихомся, купно и непотребѣ быхомъ; нѣсть творяй судъ и правду, – нѣсть до единаго**". **Затворихомъ щедроты Твоя и человѣколюбие Твое и милосердие милости Бога нашего, злобы ради нашея и лукавства начинаний нашихъ, съ ними пожихом**» (л. 48/49–49/50) – грех, беззаконие, нечестие (презрение заповедей), лукавые помыслы и следование им, сопротивление и неверие Богу (сомнение в промысле Божием), жизнь не по чину, без покаяния, молитвы и причастия, гордыня, озлобленность и ложь.

Анализ упоминаемых Никоном пороков, греховных состояний и действий позволяет заключить, что в поучении о моровой язве он выделяет три группы грехов, усматривая между ними определенную зависимость и связь: грехи против Церкви (первая группа), проявляющиеся в несоблюдении церковных обрядов, правил и канонов, отдаляют человека от Бога и меняют его нравственное состояние, способствуют проявлению грехов духа (вторая группа), которые, в свою очередь, захватив человека, его сердце и душу, служат основанием для возникновения грехов против Бога и веры (третья группа); реализуются эти последние, наиболее тяжкие грехи в сознательном сопротивлении и непокорении Богу, распространении лжеучений, в общении с инославными. По мнению отцов-аскетов, исцеление греховных души и тела человека находится в воле Бога: помощь свыше проявляется явно – в наказании, тайно – в призвании к покаянию. Не случайно призыв к пастве о раскаянии в грехах, которым заканчивается центральная часть поучения Никона, начинается со слова «**Согрѣшихомъ**», с которого начинались статьи в древнерусских поновлениях – текстах, содержащих перечни грехов, произносимых от лица кающихся на исповеди[65]. Основная функция поновлений заключалась в том, чтобы не только «обнять всю полноту греховности» и выразить уничижение грешника перед Богом, но и вспомнить прежде раскаянные и открытые на исповеди грехи и обновить покаяние в них[66]. Если провести аналогию между грехом и болезнью, то Патриарх Никон показывает не острую ее форму, а хроническую, глубоко укоренившуюся в обществе и людях, обостряющуюся в благоприятных для нее условиях. А моровая язва, наказание свыше за грехи, является средством излечения недуга, способом мобилизации духовных сил, которые подталкивают «больного»-грешника к исповеди, искреннему покаянию и установлению ослабленных грехом взаимоотношений с Богом.

Рассуждения о грехах автор располагает по определенной схеме: сначала обозначается порок и обличаются его носители, затем предлагаются пути преодоления и методы борьбы с грехом. Для подтверждения своих слов Патриарх обращается к разным типам источников, главным из которых является Священное Писание; в каждом конкретном случае автор делает из традиционного текста необходимые типы заимствований. Источники, как правило, точно обозначаются. Обратимся к тексту[67].

I. Грехи против Церкви

Нарушение церковных канонов, правил и обрядов, нехристианский образ жизни всегда волновали иерархов Русской Церкви, о чем свидетельствует огромное количество поучений и назиданий на эти темы. Грехи против Церкви – одна из ключевых тем исповедных текстов в России в XIV–XIX веках. Составители покаянных текстов и вопросников выделяли в ней, как правило, несколько обязательных подтем: причастие, физическая чистота при исполнении обрядов и таинств, пост, посещение богослужений и поведение в церкви, осквернение причастия как святыни и некоторые другие[68]. В русле этой традиции Патриарх Никон обозначает ряд нарушений церковных канонов и обрядов, ставших привычными для его современников.

1. Формальное соблюдение заповедей Божиих в делах и поступках.

Патриарх указывает на недопустимое, с точки зрения Православия, поведение людей, которому свойственно: нарушение постов и соблюдение их не по чину («**и молитвою, и постомъ со слезами праведный гнѣвъ Божий // уставити, и по священнымъ правиломъ, повелѣвающимъ преданные Церкви четыре посты опасно хранити, молимъ поститися... Тѣмъ же всякъ от вас, яко сын восточныя Церкве // по силѣ да поститься**» – л. 4–6), ослабление молитвы («**Но мы, яко же намъ належитъ, должни есмы сами о себѣ и о людехъ молитися и плакатися предъ Господемъ Богомъ, дабы Господь со всѣми нами сотворилъ святую свою милость**» – л. 4), неискренность покаяния и утаивание грехов («**И васъ коегождо вкупѣ и особно молимъ о своихъ мимошедшихъ и о настоящихъ прегрѣшенныхъ каятися и грѣхи своя святымъ чистымъ исповѣданиемъ очистити...**» – л. 4), осквернение причастия – приступление к причастию недостойных, не получивших благословения духовника или без исповеди («**И елицы, по разсуждению отецъ своихъ духовныхъ, аще достоини явятся Пречистыхъ и Животворящихъ Таин Тѣла и Крове Христовы, да причастятся**» – л. 6). Современники шестого всероссийского Патриарха, таким образом, не проявляли должного старания к богообщению и духовной жизни. Обращаясь к пастве, Никон писал: «**Сего ради мы, яко же лѣпо пастырю, по Господни заповѣди, возвѣщаемъ вамъ, возлюбленная чада: да по заповѣдемъ Господнимъ, шествующе, постъ и молитву съ любовию Господнею имуще, къ Животворящимъ Таинамъ приступите, въ преумножение всѣхъ благихъ, и с помощию Того Самого Иисуса Христа отъ морового повѣтрея, елико мощно, себе блюдите. Нынѣ же всѣмъ вамъ предповѣствуемъ и не точию нынѣшнею, грѣхъ ради, язвою къ подвигу доброму возставляемъ и поститися и молитися велимъ, но всегдашнымъ Господнимъ повелѣниемъ устрашаемъ, еже рече ся во святомъ Евангелии: "Бдите и молитеся, яко не вѣсть въ кий часъ Господь вашъ приидетъ". И паки: "Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть**"» (л. 9, 24/25).

Настойчиво призывая народ к соблюдению обрядовой дисциплины, Патриарх в то же время предупреждал о последствиях жизни не по чину: «**Аще ли по сем нашем завѣщании кто от злоб не отступит и святым исповѣданиемъ, и постом, и молитвами не присвояется Господеви, и по разсуждению отец своихъ духовныхъ Святыхъ Таинъ не сподобится, и обрящет его Богъ, якова обрящетъ, по реченному во пророцѣ: "в чем тя застану, въ томъ тя и сужду**"» (л. 6). Словами из «пророка» Никон настаивал на необходимости покаяния перед смертью. Это изречение, приписываемое Церковью Иисусу Христу, сохранил для христианства св. мч. Иустин Философ в 47-м диалоге с иудеем Трифоном: «Милосердие, человеколюбие и неизмеримое богатство милости Божией, по словам Иезекииля, кающегося во грехах принимает как праведного и безгрешного; а того, кто от благочестия или праведности впадает в нечестие и беззаконие, признает грешником, неправедным и нечестивым. Поэтому-то наш Господь Иисус Христос сказал: в чем Я найду вас, в том и буду судить»[69]. Эта фраза, как произнесенная Богом, есть и в древнерусском переводе с немецкого языка «Повести о споре жизни и смерти», ставшей особенно популярной в России в XVI–XVII веках в церковной ортодоксальной среде[70].

Пост, молитва, покаяние и причастие – это важнейшие этапы духовно-нравственного совершенствования человека, пути приближения христианина к Богу, способы очищения души от пороков и грехов; каждый элемент этой духовной цепи, выстроенной Никоном в поучении, обладает собственным значением в деле спасения души.

Пост, первый элемент, узаконен особым постановлением Церкви (56-е правило VI Вселенского собора)[71]. О необходимости поста как средства нравственного совершенствования

неоднократно упоминается в Евангелии от Матфея (Мф. 9:15; 17:21). В церковных уставах и богослужениях правила поста сводятся не только к ограничению в пище и питии, но и к необходимости богомыслия, молитвы, воздержания от страстей, к совершению христианского милосердия[72]. Посредством постов Церковь ведет христиан к очищению от грехов, нравственному совершенствованию и богоуподоблению. Не случайно при первых признаках моровой язвы жители Коломны обратились к находившемуся там Антиохийскому патриарху Макарию с просьбой совершить для них освящение воды и благословить на пост. 23 августа 1654 года Патриарх совершил водосвятие и крестный ход вокруг Кремля, дал благословение на трехдневный пост[73].

Известно, что из всех постов, установленных Православной Церковью, важнейшим является пост Святой Четыредесятницы (Великий пост)[74]. Церковь строго исполняла свои правила в отношении к тем, кто не соблюдал поста в Св. Четыредесятницу. Непостящиеся и нарушающие пост осуждались по 69-му правилу святых апостолов. К тексту этого же постановления обращается и Патриарх Никон, делая цитату-выписку из печатной книги «Кормчая» (М., 1653)[75]. При этом владыка убирает из источника фразу о послаблении во время поста из-за болезни, благодаря чему правило становится более категоричным и не делает исключений для немощных.

В соответствии со святоотеческой традицией, согласно которой Великий пост почитается учреждением апостольским[76], Патриарх Никон требует от своих современников особой строгости в соблюдении именно этого поста, сближаясь в своем отношении к уставам Церкви со святыми отцами, которые не разрешали послабления поста даже в случае болезни постящегося[77].

Молитве и покаянию посвящено немало слов и поучений отцов Церкви: «...следствие молитвы – то, что бываем мы с Богом, а кто с Богом, тот далек от сопротивника» (свт. Григорий Нисский)[78]; «Кающемуся не должно никогда предавать забвению грехи свои, но молить Бога, чтобы Он не вспоминал о них» (свт. Иоанн Златоуст)[79]; «...покаяния делу треми сими добродетельми соделоватися: сим, еже помыслы очищати, и непрестанно молитися, и находящыя скорби терпети» (Марк Подвижник)[80]. Во время поста молитвенные и покаянные действия христиан приобретают особое значение: «Поста и воздержания Бог требует от нас... Пост смиряет тело и обуздывает беспорядочные вожделения; напротив, душу просветляет, окрыляет, делает легкою и парящею горе́»[81]. Между тем Патриарх Никон призывал паству к соблюдению строго молитвенного правила и покаянной дисциплины не только в пост, но и в периоды между постами: «**Но мы, яко же намъ належитъ, должни есмы сами о себѣ и о людехъ молитися и плакатися предъ Господемъ Богомъ, дабы Господь со всѣми нами сотворилъ святую свою милость. И васъ коегождо вкупѣ и особно молимъ о своихъ мимошедшихъ и о настоящихъ прегрѣшенияхъ каятися и грѣхи своя святымъ чистымъ исповѣданиемъ очистити и молитвою и постомъ со слезами праведный гнѣвъ Божий // уставити, и по священнымъ правиломъ, повелѣвающимъ преданные церкви четыре посты опасно хранити, молимъ поститися**» (л. 4–5). Никон требовал от современников восстановления обрядовой дисциплины и следования православному чину, чтобы соблюдение заповедей Божиих в делах и поступках стало их образом жизни.

2. Пассивность, отсутствие старания, малая ревность в познании христианской истины.

Грех пассивности в познании истины возникает, как учат святые отцы, на почве умственной лени, небрежения и беспечности, которые проявляются при усваивании основ вероучения, в то время как стремление к истине возвышает человеческую мысль к познанию Бога[82]. Патриарх Никон подчеркивает, что из-за лени и отсутствия старания в познании Бога постулаты веры усваиваются поверхностно и механически, отчего у человека в конце концов подрывается способность действенно-сознательного исполнения воли Божией в жизни: «**Тѣмъ же убо вси вы, любезная чада, покаяниемъ и молитвою естественную Божию милость на щедроты премѣнити потщитеся и съ помощию Его, елико мощно, опасно отъ морового повѣтрия ходите, зане еже опасство отъ сего повѣтрия съ помощию Божиею имѣти добро есть и благоприятно**» (л. 10).

Нерадение и отсутствие старания в познании Бога подрывают духовную и нравственную основу человека, духовный и нравственный уклад жизни. Беспечность, в которой нет рассудительности, граничит с леностью, нежеланием трудиться, неисполнением своих обязанностей. Грех лени порождает множество других грехов[83], из которых особо опасны праздность и уныние. К первой лень примыкает как неделание должного; ко второму – как расслабление души и нераскаянные грехи[84].

По наблюдению М.В. Корогодиной, в одном из поучений духовнику, входящем в состав чина исповеди (и, следовательно, постоянно находящемся перед глазами у священника), говорится, что если пришедший на исповедь человек не раскаивается искренно, то он и сам погибнет, и духовника погубит[85]. Таким образом, главная обязанность священника и пастыря заключается в приведении «беззаконника» к исповеди. В связи с темой искреннего покаяния Патриарх Никон делает выписки из книг Ветхого Завета об обязанностях духовника, которому вменялось предупреждать исповедующегося грешника о смертельной опасности нераскаянных грехов (Ис. 58:1; Иез. 33:7–9; 34:2–4). Обращаясь к Книге пророка Исаии и Книге пророка Иезекииля, Никон выстраивает цепочку из трех цитат.

Ветхозаветные реалии, персонажи и истории целых царств часто служили для проповедников важнейшими примерами, на которых они учили паству находить пути преодоления наказаний Божиих за грехи.

Основная тема 58-й главы Книги пророка Исаии – суд Божий над Израилем, раскрытие его виновности, несмотря на внешнюю видимую праведность[86]. И первый стих, призывный к искреннему раскрытию грехов, который приводит Патриарх Никон, особенно важен для дальнейшего повествования. Исполнение религиозных обрядов, в частности постов (у Никона после выписки из правил святых апостолов следует цепь из библейских цитат), должно стать образом жизни, который в период поста сопровождается соответствующим внутренним настроем, приводящим к искреннему осознанию и исповеданию грехов.

Следующие высказывания принадлежат пророку Иезекиилю. В 33-й главе пророк говорит соотечественникам, изнемогающим под гнетом грехов, о возможности спасения[87]. Прежде всего народ обязан слушать своего пророка, которого автор сравнивает со стражем, предупреждающим о надвигающейся опасности. В критические моменты жизни народа он обязан говорить только от имени Бога. И если пророк не вразумит грешника, то сам наказывается Богом смертью, как убийца[88]. В связи с этим в святоотеческой традиции всегда была актуальна тема о почтении к священникам[89]. 34-я глава Книги пророка Иезекииля посвящена обвинению пастырей Израиля, которые вводили народ в заблуждение и по отношению к пастве не исполняли своих обязанностей и «стада не пасли»[90]. Не случайно и Патриарх Никон неоднократно подчеркивает, обращаясь к слушателям: «**Сего ради мы, яко же лѣпо пастырю, по Господни заповѣди, возвѣщаем вамъ, возлюбленная чада: да по заповѣдемъ Господнимъ, шествующе, постъ и молитву съ любовию Господнею имуще, къ Животворящим таинамъ приступите...**» (л. 9); и еще: «**И не дивитеся, чада мои, симъ реченнымъ: не отъ себе бо къ вамъ сия глаголю, но Божия пророкомъ на обличение оныхъ лживыхъ сновидцовъ словеса, и великаго Аѳанасия Александрийскаго, его же святая православная восточная Церковь столпъ православия имѣетъ**» (л. 33/34).

Как показывает Патриарх Никон, роль пастыря и духовного отца во все времена заключается в возвещении слова Божия, в воспитании паствы в послушании и исполнении высших законов, в покорности Божией воле. Соблюдение пастырем своих обязанностей приведет к духовному оздоровлению общества и спасению народа от наказаний свыше за грехи. Осознавая тяжесть пастырского долга, Никон снимал с себя ответственность за судьбу непослушных духовных чад и призывал их к дисциплине и ответственности: «**Аще ли кто отъ васъ нерадѣния ради о сихъ облѣнится, да вѣсть таковый, яко чист есмь азъ отъ всякаго // поречения, сказавъ вамъ волю Господню, о вашемъ здравии и спасении пекийся**» (л. 9–10).

Таким образом, содержание подобранных Никоном цитат из пророческих книг показывает, что грех ветхозаветного человека заключается в формальном подходе к соблюдению заповедей Бога: в наружном, притворном покаянии, в поступках, свидетельствующих о том, что мелочи, ханжество, алчность и лицемерие заняли место духа[91]. И обращаясь к соотечественникам, Никон призывал их слушать своего пастыря и

духовного наставника; проецируя ситуацию, описанную в книгах Ветхого Завета, на современную, поучал: Бог наказывает тот народ, который отдаляется от Него в своих деяниях.

II. Грехи духа

Патриарх Никон обращает внимание читателей на грехи, которые не связаны с конкретными деяниями человека, а характеризуют его внутреннее состояние и определяют его поведение.

1. Гордость.

Это один из восьми тяжких грехов. Священное Писание учит, что гордость, высокомерие и злой путь (Притч. 8:13), богохульство и безумство (Мк. 7:22) – явления одного порядка; гордость человека унижает (Притч. 29:23) и предшествует гибели (Притч. 16:18). Начало греха – гордость; начало гордости – удаление человека от Бога (Сир. 10:14–15)[92]. Гордость – это, как учат отцы-аскеты, начало и источник всякого другого греха и зла: «Все грехи мерзки пред Богом, но мерзостнее всех гордость» (св. Антоний Великий)[93]; «Нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла все добродетели и так обнажала и лишала человека всякой праведности и святости, как эта злая гордость...» (св. Иоанн Кассиан)[94]. Преп. авва Дорофей выделял два вида этого греха: «Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его, как ничего не значущаго, а себя считает выше его, таковый, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу приходит и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога, и подвиги, и добродетели свои приписывает себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощию Божиею»[95]. В молитве Пресвятой Богородице великий князь Владимир Мономах просил: «“**Отъими от убогаго сердца моего гордость и бyесть, да не възношюся суетою мира сего**” **в пустошнѣмь семь житьи**»[96].

В соответствии со святоотеческой традицией Патриарх Никон выделяет у современников два вида гордости – против ближнего и Бога: «**...но и прочимъ многимъ не наученнымъ тѣхъ прелстивше, лютою тою язвою своеволнѣ тѣхъ yморити сотвориша и сами сопротивны евангельскому велѣнию и Аѳанасиеву праведному наказанию, паче же всей восточной Церкви сyще... отъ многия бyести во исполнение злобы своея похваляютъ, по реченному пророкомъ: “Мyжаемся, – глаголюще, – и противимся”** (ср.: Ин. 16:33), **сирѣчь: “Мyжаемся въ своемъ сопротивлении // и истинну никогда же хощемъ покоритися”** (ср.: 2 Тим. 3:8)» (л. 18/19–22/23). Поведение и состояния людей, сопротивляющихся Истине-Богу, Патриарх Никон характеризует при помощи слов, обозначающих деяния и состояния, противоречащие православной этике: «непослушание», «не восхотеша», «прельстиша», «от совести прельщаемы», «своевольно уморити сотвориша», «буи, о своем злом дерзновении не стыдятся», «сопротивны евангельскому велению», «во исполнение злобы своей позваляют», «истине не хотим покориться». Наказание от Бога тем, кто ведет такой образ жизни, как утверждает Патриарх Никон, будет не меньше, чем приговор для убийц. Не отступая от святоотеческой традиции, Никон показывает, что гордость, проявляющаяся в неповиновении и неверии, в сопротивлении и противостоянии Богу, есть свидетельство тяжелого духовного недуга, ведущего к духовной гибели[97].

2. По Патриарху Никону, одна из особенностей духовного состояния его современников – «буйство» в злобе: «**и нынѣ бyи и о семъ своемъ зломъ дерзновении**» (л. 21/22). Гнев и злоба, как учат святые отцы, — явления одного порядка. «Гнев есть какое-то опьянение или, лучше сказать, хуже опьянения и несчастнее беса» (свт. Иоанн Златоуст)[98]. Злоба – это производная гнева, которая губит все добродетели (свт. Тихон Задонский)[99]; в приливе гнева и злобы в худшую сторону меняются качества личности (свт. Димитрий Ростовский)[100]. Раздражение напоминает одержимость: «Ничем не отличаются раздраженные от сумасшедших, все делая без сознания, и даже не отличаются от диких ослов, когда они бьют и кусают друг друга»; «Гневающиеся и неистовствующие от ярости... трясутся так же, как и бесноватые» (свт. Иоанн Златоуст)[101].

Патриарх Никон показывает, что гнев у его современников превращается в привычку, от которой избавиться можно, как учат святые отцы, только постом, молитвой, любовью к ближнему и Богу[102]. Не случайно в поучении о моровой язве Патриарх уделяет немало внимания теме поста и покаяния.

3. Бессовестность («прельщенность» от совести) и бесстыдство: «**...и не точию самехъ себѣ, отъ совѣсти // прелщаеми, в вольную и непотребную напасть вринyша И еще... // не стыдятся...**» (л. 19/20–21/22). У человека, охваченного пагубной страстью, притупляется чувство самопознания. Грешник «прельщается» от совести. По заключению психологов, совесть реально существует в человеке; ее нельзя воспитать[103]. Апостол Павел под совестью понимал «сознание о Боге» (2 Кор. 1:12; 4:2; Рим. 9:1; 1 Тим. 1:5, 19; 3:9; 4:2; 2 Тим. 1:3)[104]; термином «совесть» он выразил центральную идею христианского учения о спасении верой (ср.: Рим. 14:1 и далее; 1 Кор. 8:7, 9, 12)[105] и связал понятие совести с верой, любовью и действием Святого Духа в жизни отдельного человека[106]. Святые отцы учили: совесть есть соперник человека; она обличает грех; она голос Бога[107]: «Кто стяжал страх Божий, тот устранился лжи, имея в себе неподкупного судию – свою совесть» (преп. Иоанн Лествичник)[108]; «Голос совести – это внутренний, тайный голос Божий в нас, и горе тому, кто... сознательно заглушает ее голос... кто склоняется более на сторону греха и порока» (схиигумен Савва)[109]; «...когда совесть наша говорит нам сделать что-либо... а мы не делаем... тогда мы засыпаем ее...» (авва Дорофей)[110]. Усыпление совести осуществляется путем самооправдания и безмерного искажения реальной действительности[111]. Если человек порывает связь со своей совестью, значит, голосу Бога он предпочитает свое знание, свою самость[112].

Состояние совести есть индикатор нравственного и духовного состояния личности. Из доброй (Деян. 23:1; 1 Петр. 3:16, 21; 1 Тим. 1:5, 19; Евр. 13:18), непорочной (Деян. 24:16) и чистой (1 Тим. 3:9; 2 Тим. 1:3) совесть становится порочной (Евр. 10:22), оскверненной (Тит. 1:15), немощной (1 Кор. 8:10, 12). Она может «принять весть откуда-то из мира тьмы и может оказаться этой мыслью захвачена, может переродиться»[113]. «Прельщаясь» от совести, человек попадает во власть своих собственных страстей; создается ложное представление о себе самом и собственной совести[114]. Когда нарушен контакт человека с Богом, когда он не может руководствоваться духовным в нем, совесть особенно нуждается в исправлении, учит преп. Исаак Сирин: «...безумная совесть наша... постоянно нуждается в биче... Поэтому обвиняй совесть свою в черствости... Ибо именно она уходит [в сторону] и постоянно хватается за испытания, [которые сама же] и навлекает на тебя. [И делает она это] или из-за безумных мнений относительно Бога, или из-за самомнения человека, или из-за того, что обвиняешь ты ближнего своего в чем-либо и угрожаешь ему, или из-за того, что ожидаешь ты от людей какого-нибудь [знака] уважения, как будто бы обязаны они [оказывать] тебе его!.. Если бы смирение было присуще совести твоей, не оставалось бы места для того, чтобы все эти [пороки] задерживались там»[115].

В соответствии со святоотеческой и апостольской традицией Патриарх Никон призывает своих современников к покаянию и исповеданию грехов, ко вниманию и анализу прежде всего собственных поступков и деяний; именно этот путь ведет к очищению совести. «Покаяние есть очищение совести» (преп. Иоанн Лествичник)[116]; «Чем глубже будешь вникать во все бывающее в тебе и от тебя и неправое устранять, а в правом утверждаться, тем скорее очистится совесть твоя» (преп. Никодим Святогорец)[117]. Апостол Павел учил: «от мертвых дел» (Евр. 9:14) совесть человека очищается в таинствах исповеди и причастия.

Патриарх Никон отмечал также, что его современники, охваченные «злым дерзновением» в сопротивлении Богу, потеряли стыд (л. 20/21). Стыд – это эмоциональное состояние или глубинное человеческое переживание, возникшее в результате несоответствия поведения человека с голосом совести, это осознание того, что человек поступил неправильно[118]. Испытание чувством стыда для человека полезно для осознания им своей духовной сущности, для адекватного понимания себя самого в действительности (Сир. 4:23–30)[119]. Чувствование совести и чувство стыда родственны; их отсутствие среди человеческих переживаний есть показатель ослабленной веры человека, утрата духовной связи его с Богом. Сопротивление воле Божией, гордыня, глухота к голосу духовного «я» – вот характерные особенности поведения людей, которые с горечью отмечает Патриарх Никон в дни по-

сланных свыше русскому народу испытаний. Именно такое состояние бездуховной (бессовестной) одержимости («буйства» и «сумасшествия»), «пагубы» души в сопротивлении Богу запечатлел владыка у своих современников.

4. Осуждение.

Свт. Димитрий Ростовский считал осуждение признаком смертных грехов – гордости, гнева, злобы, зависти[120]. В средневековых исповедных текстах грех осуждения рассматривался с двух сторон: как поступок и как состояние духа. В статье вопросника об осуждении содержался либо перечень тех, кого осуждал кающийся («отца духовнаго или священника, или чернца или черницу, или своего брата мирянина»), либо вопрос обобщенного характера («Всех человек осуждал?»)[121]. В русле этой традиции строит поучение и Патриарх Никон. Сначала он говорит об осуждении людьми его собственных поступков и деяний, т. е. об осуждении не просто священнослужителя, но Патриарха, что в православной традиции расценивается как особый и тяжкий грех: «**А еже въ та же мимошедшая лѣта въ моровое повѣтріе мнози купно // и особь собирающеся о насъ глаголаху неподобная и грѣхи наша поминающе, ихъ же мы не точию не содѣяхомъ, но ни же во снѣ помыслихомъ, и отхожденіе наше отъ царствующаго града Москвы... Но инии, дерзающе на ся восхищати судъ Божий, и судятъ искреннихъ, ихъ же отречеся нынѣ и Самъ Сынъ Божий...**» (л. 24/25). Известно, что Патриарх вернулся в Москву 3 февраля 1655 года, вскоре после того, как эпидемия прекратилась. Обращаясь к тем, кто распускал слухи разнообразного содержания о нем, в центральной части окружной грамоты Никон объясняет, что он покинул Москву по просьбе царя: «**А еже въ та же мимошедшая лѣта, въ моровое повѣтріе, мнози купно // и особь собирающеся, о насъ глаголаху непотребная и грѣхи наша поминающе, ихъ же мы не точию не содѣяхомъ, но ни же во снѣ помыслихомъ, и отхожденіе наше отъ царствующаго града Москвы, еже бысть по указу великаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича...**» (л. 24/25).

Отношение к Церкви определяется отношением к духовенству, к жизни Церкви; осуждение священника или епископа есть осуждение иерея Божия, который напоминает о Боге и неблагополучии духовного состояния человека, через священника Господь посылает спасительную благодать[122]: «Пусть жизнь священника будет самая порочная, но если ты внимателен к самому себе, то не потерпишь никакого вреда в том, что ему вверено от Бога... Да и несправедливо было бы, если бы по причине порочности другого лица терпели вред те, которые с верою приступают к символам нашего спасения» (свт. Иоанн Златоуст)[123]. Если рассматривать грех осуждения священнослужителя как нарушение христианином одной из десяти заповедей, то окажется, что этот грех есть преступление против пятой заповеди – о почитании отца и матери (Исх. 20:12). Патриарх Никон показывает, что осуждение пастыря есть тяжкий грех против Церкви.

С опорой на Священное Писание Никон говорит и об осуждении близких. Библейские цитаты встраиваются в авторский текст типичным способом – при помощи глаголов говорения. При помощи высказываний апостола Павла Никон учит, что осуждающие других совершают свои деяния не по неведению, но точно зная, что их поступки ложные и притворные[124]: «**Тии же, которавшии на насъ не удовлившеся симъ, но и ложная // отъ лукаваго сердца видѣния и сонния пред очи простѣйшихъ предлагаху, прости же и ненаученнии, не вѣдѣще полезнаго и внимаютъ баснемъ ихъ крамолнымъ, и бѣсовскимъ, и ложнымъ ихъ пророчествомъ, о нихъ же божественный апостолъ, предвидѣвъ, глаголетъ: “Внимающе, – рече, – духовомъ лестьчим и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемерии лжесловесникъ, сожженыхъ своею совѣстію...”** (1 Тим. 4:1—2)» (л. 26/27–27/28). Обращаясь к Евангелию от Матфея, Патриарх Никон доказывает, что только Бог – судья грешнику; а тот, кто хочет укорять других, сам должен быть непорочным: «**А еже искренняго прегрѣшения воспоминати, никому же се не належитъ. Глаголетъ бо Христосъ: “Не судите, да не судими будете; имъ же бо судомъ судите, осудитеся; и в ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ”** (Мф. 7:1–2)» (л. 43/44). А из Евангелия от Иоанна Никон заимствует фрагмент, в котором апостол учит – человека, берущего на себя обязанности судии, ждет наказание свыше: «**Но инии, дерзающее на ся восхищати судъ Божий, и судятъ искреннихъ, ихъ же отречеся нынѣ и Самъ Сынъ Божий, глаголя: “Аще кто услышитъ, – рече, – слово Мое и не пріемлетъ є, Азъ не сужду ему: не приидохъ бо да сужду мирови, но да спасу миръ. Отметаяйся глаголъ Моихъ иматъ судящаго ему: слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдний день”**» (Ин. 12:47–48)» (л. 26/27).

Призывая современников обратиться к покаянию в своих грехах и не осуждать близких – «**своя грѣхи зрѣти и себѣ самѣхъ осуждати навыкните**», Патриарх Никон приводит две цитаты из Послания апостола Павла к Римлянам: «**Послушайте апостола, вѣщающа: “Безъответенъ еси, о человѣче, всякъ, судяй, имъже бо судомъ, судиши другу, // себе осуждаеши, та же бо твориши, судяй. Вѣмы же, яко судъ Божий есть на творящихъ таковая. Помышляеши ли сие, о человѣче, судяй таковая творящим и творя самъ тожде, яко ты избѣжиши ли суда Божия?”** (Рим. 2:1–3). **И паки. “Ты кто еси, иже судяй чюждему рабу? Своему Господеви стоитъ или падаетъ”** (Рим. 14:4)» (л. 44/45–45/46). Апостол Павел говорит сначала о тех, кто осуждает подобных себе, – они неизвинительны («**безъответны**»), т. е. осуждая других, будучи сами порочными, люди осуждают себя; осудив другого, осуждающий произносит приговор себе – в этом состоит наказание и суд Бога. Вторая цитата объясняет, почему Господь запрещает осуждать даже чужого раба: он есть раб Божий, и только суду свыше принадлежит право судить «и о потере падающего, и о прибытке стоящего»[127].

В этой части поучения Патриарх Никон использует и общеизвестные библейские выражения: «**Буди // имъ милость Божия!** (ср.: Пс. 32:22), **И не постави имъ, Господи, грѣха!** (ср.: Деян. 7:60), **аще ли же живые или отшедшия; понеже требуютъ отшедшии, уже не имущее оправдания**» (л. 25/26–26/27).

В святоотеческой традиции человеку, впавшему в грех осуждения, рекомендовалось обратиться прежде к анализу своих поступков[128]: «**Ты хочешь осуждать?** – поучал свт. Иоанн Златоуст. – **Осуждай себя самого, никто тебя не осудит, если ты будешь осуждать сам себя, но осудит, если ты не будешь осуждать сам себя, осудит, если ты не будешь обличать сам себя, если ты не будешь скорбеть о себе самом**»[129]. В русле этой традиции Патриарх Никон советует христианам заниматься самообличением и самоанализом: «**Сия слышаще, чада, разумѣйте, кая полза, еже искреннихъ судити, и не своя грѣхи смотряти?**» (л. 44/45).

Чтобы показать, какой вред душе наносит осуждение близких – «**Точию пагуба души и Богу сопротивление. И что сего ужаснѣе?**» — Патриарх Никон обращается к Прологу, к рассказу о преп. Иоанне Савваитском (22 октября). Содержание его сводится к следующему. У одного монаха Иоанн спросил об иноке, который не пользовался доброй славой; монах ответил, что инок не переменился, а Иоанн воскликнул: «Худо!» — и увидел Иисуса Христа. По слову Спасителя Ангелы изгнали Иоанна, но в дверях осталась его мантия, что означало лишение Иоанна помощи свыше. В этот момент Иоанн проснулся. С тех пор он юродил по пустыни семь лет, пока не увидел Господа, возвратившего ему мантию. В поучительных целях Патриарх Никон приводит лишь слова Спасителя, наказавшего Иоанна за осуждение инока: «**Самъ бо Христосъ Иоанна Савваитскаго, внегда онъ осуди нѣкоего, повелѣ отъ себе отринути, глаголя: “Изримите его, – рече, – вонъ, яко антихристъ Ми есть: преже Моего суда той осуди брата своего!”**» (л. 44/45).

Показывая проявление греха осуждения в повседневной жизни, Патриарх Никон употребляет глагол «осуждати», когда говорит о поступках людей, направленных на них самих, и «судити», когда говорит о поступках людей, направленных на других людей, причем этот глагол используется в сочетании с существительным не в предложном падеже (судить о ком-то, т. е. рассуждать, разбирать и анализировать), а в винительном (судить кого-то, т. е. осуждать, выносить приговор). Отцы Церкви учили различать два суда – Бога и человека: «Поскольку Господь иногда говорит: “Не судите по наружности”, а иногда повелевает: “Но судите судом праведным” (Ин. 7:24), то не вовсе запрещает нам судить, а показывает различие суда... не надобно осуждать брата... Но защищать суды Божии – непререкаемая необходимость, чтобы умалчивающему самому не вкусить гнева Божия» (свт. Василий Великий)[130]; «...кто сам подвержен многим порокам, тот не должен быть строгим судиею погрешностей других людей, и особенно когда они маловажны; следовательно, Он не запрещает обличать или исправлять, но возбраняет нерадеть о

собственных грехах и восставать против чужих» (свт. Иоанн Златоуст)[131]; «Начало спасения есть самого себя осуждение» (преп. Нил Синайский)[132].

Отсутствие конкретных имен и дат указывает на пагубное, греховное состояние духа современников Никона: «**Но и о сихъ здѣ назнаменуемъ, яко мнози... не воспоминающе своихъ согрѣшений, грѣхи ко грѣхомъ прилагаютъ, глаголюще, яко "сего ради // человѣка или оного таковая язва бысть въ миру"! И сие глаголютъ туне... Тѣмъ не еже иныхъ судити, но еже своя грѣхи зрѣти и себѣ самѣхъ осуждати навыкните**» (л. 25/26–26/27, 45/46). Таким образом, для избавления от пагубной и греховной привычки осуждать других Патриарх Никон призывал паству к изучению собственных пороков, молиться за себя и своих ближних, охваченных тем или иным грехом.

III. Грехи против веры и Бога

1. Маловерие, сомнение в истинности Священного Писания и Предания.

Доказывая, что моровое поветрие и смертность «**в многонародныхъ градѣхъ и многовѣсныхъ**» происходят по воле Бога, поэтому избежать наказаний Господних переходя из одного места в другое невозможно, Патриарх Никон обращается к беседе свт. Афанасия Великого с князем Антиохом и из печатной книги «Скрижаль» (М., 1655–1656)[133] делает обширную цитату-выписку из ответов Афанасия Великого на 102-й и 103-й вопросы светского правителя о причине стихийных бедствий и о том, можно ли спастись от смерти, переходя с зараженной территории на место, свободное от болезней.

Развивая тему о следовании воле Божией, Патриарх Никон обращается к Священному Писанию за примерами о том, что бегство от гибели – не грех, а исполнение воли Божией.

Чтобы доказать, что спасение человека от грозящей ему гибели совершается только по воле Бога, автор напоминает ситуации, хорошо известные по Библии каждому христианину, используя такой вид заимствования из традиционного источника, как указание на библейский сюжет при помощи называния имени персонажа или краткой характеристики сюжета. Никон приводит примеры: а) из земной жизни Иисуса Христа: «**Но и Христосъ Спаситель // наказуя насъ не пометати себе самыхъ в напасти: овогда убо от Ирода, не требуя бѣжати, бѣгаше** (ср.: Мф. 2:13–14; 19–22; 4:12–13); **овогда же хотящимъ на Нь непокоривым жидомъ камение метнути, прошедъ сокровенно посреду ихъ** (Ин. 10:30–33; 11:8), **прохождаше, глаголя: "Не у приде часъ Мой"** (Ин. 2:4); **овогда же хотящимъ Его съ горы низринути, такожде утаился отъ жестосердыхъ, прохождаше** (Лк. 4:28–30)» (л. 14–15); б) из Деяний апостола Павла: «**Ему же подобная и ученикъ Его, Павелъ Апостолъ, творяше. Овогда убо отъ сонмища, хотящаго его убити, оконцемъ по стенѣ свѣшенъ** (Деян. 9: 24–25), **овогда же сотникомъ // восхищен бысть и избѣже ловления** (Деян. 27:41–44; 28:1). **Иногда же иными образы, да несопротивенъ явится Учителю Христу, спасение себѣ устрояше**» (л. 15–16); в) из истории израильского народа: «**И отвсюду явленно, яко не лѣть каждому себе самого въ напасти пометати... // Яко же бѣ и на фараона с вои при Моисеи потопление** (Исх. 14: 26–31), **или в Самарии при Осии царѣ Израилевѣ: ассириане, зане же не восхотѣша прияти законъ Божий, лвы поядоша, и нигдѣ же отъ нихъ кому мощно бяше укрытися** (4 Цар. 17:24–28)» (л. 16–17); г) из истории городов Содома и Гоморры: «**...егда бо умножится предъ Нимъ злоба людей содомских и гоморрских – тѣхъ убо за беззакониа во градѣхъ ихъ огнемъ и жупеломъ на показание непокоривымъ потопи** (Быт. 13:8–13; 14; 19; Ис. 1:9–10; Иез. 16:48–50), **а его же восхотѣ отъ погубления спасти, – праведнаго, глаголю, Лота – не во градѣ, но изведъ его оттуду вонъ, спасе, симъ путь спасения показа** (Быт. 11:31–14:16; 19)» (л. 22/23).

Патриарх Никон свободно объединяет, компилирует в своей проповеди текстовые фразы, расположенные в разных частях Священного Писания: «**Всякому православному подвигъ, якоже и нынѣ благодатиею Божиею видимо // есть на сотворшихъ прехождение от Москвы во время морового повѣтрея, иже бо на Бога надѣ-ющеся и Евангельскому велѣнию бѣжати отъ града во градъ от напасти повѣлевающу, послѣдующе и пророческое речение на умѣ имуще: "Ступайте, людие мои, внидите въ клѣть свою, затворите дверь свою, укрыйтеся вмалѣ, елико доиде же мимо идетъ гнѣвъ Господень"** (Ис. 26:20)...» (л. 16/17–17/18).

Составляя текст, Никон, как можно заметить, слегка перефразирует небольшой фрагмент новозаветного высказывания – в данном случае речь идет, видимо, о фразе "**Егда же гонятъ вы во градѣ сем, бѣгайте в другий**" (Мф. 10:23), а фрагмент из книги Ветхого Завета цитирует. Библейские высказывания объединяют два мотива: один – бегства от гнева и осуждения, второй – преодоления запрета Бога явно бросаться в опасность, нанося вред тем, кто мог бы получить пользу от проповеди. Слова евангелиста Матфея относятся к событиям после вознесения Христа и адресованы апостолам[134]; заключительная часть 26-й книги пророка Исайи повествует о воскресении мертвых; в 20-м стихе пророк обращается к уже воскресшим, причем к прошедшим первое воскресение[135]. Никон, вслед за Библией, учит: скрыться можно от врагов, но не от Бога, к которому, напротив, в периоды Его гнева и наказаний следует прибегать и усиленно молиться.

Короткое и емкое высказывание из традиционного источника становится опорой в рассуждениях Никона, который учит православных христиан руководствоваться в своем поведении постулатами Священного Писания. Автор строит цитатные цепочки, располагая рядом короткие цитаты, имеющие одинаковое начало[136]: «**Нынѣ же всѣмъ вамъ предповѣствуемъ и не точию нынѣшнею, грѣхъ ради, язвою къ подвигу доброму возставляемъ и поститися и молитися велимъ, но всегдашнымъ Господнимъ повелѣниемъ устрашаемъ, еже речеся во святомъ Евангелии: "Бдите и молитеся, яко не вѣсть, въ кий часъ Господь вашъ приидетъ"** (Мф. 24:42). **И паки: "Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть"** (Мк. 14:38)» (л. 24/25). Цитаты, совпадающие в инициальной части, где при помощи глаголов в повелительном наклонении сформулированы правила поведения христиан, обладают усиленной дидактической направленностью. Вслед за евангелистами Патриарх Никон призывает паству не к разовым благоугождениям Богу, а к такой молитве, которая приближает к Богу и предостерегает от искушений[137].

С опорой на Священное Писание Патриарх Никон рассуждает о том, что в любой ситуации надо положиться на Бога и молиться Ему о своем спасении[138]. Никон хвалит тех, кто, надеясь на Бога, ушел из Москвы и остался жив, благодаря молитве и «**заповѣди спасителныя исполняюще**»; в то же время Патриарх осуждает тех, кто, оставшись в центре эпидемии и усомнившись в силе Бога, стал распространять «**ложная видѣния и лукавая... сония**», демонстрируя таким образом маловерие и сомнения в вере.

Вслед за святыми отцами Патриарх Никон показывает, что грех маловерия, заключающийся в отсутствии глубокой убежденности в какой-либо христианской истине, возникает на почве сомнения и ослабления стремления к подлинному богопознанию. Маловерие ослабляет восприятие сердцем воли свыше. Преп. Исаак Сирин предупреждал о наказании свыше тех, кто усомнится в вере и Божием промысле: «Берегись, чтобы не стать тебе неверующим, когда ищешь ты, но не находишь... Не говори: "Много времени я трудился и [ничего] не обрел"; или: "Действительность не соответствует громким словам". Берегись этой мысли, ибо наказание следует сразу же за неверием: сердце, которое не верует, осуждено»; «Ибо отсутствие веры лишает человека истинного знания о Боге и того доверия к Нему, которое должен он иметь на всякое мгновение»[139]. Сомнение, как плод излишнего доверия себе и чужим мнениям, проявляется в мысли, нарушающей убежденность в истинности учения Христа и Церкви[140]. Жизнь не по заповедям подрывает основу христианского бытия. Не случайно Патриарх Никон в качестве примеров приводит такие случаи нехристианского отношения к себе и окружающим, как убийство и самоубийство, содомский и гоморрский грех, – такие поступки не имеют у Бога оправдания. Противостояние греху маловерия, а также укрепление в следовании путем спасения и доверия Богу и Церкви лежит в удалении от людей и от случаев, которые приводят к греху, чему и учит история праведного Лота. Вслед за святыми отцами Патриарх Никон предлагает врачевать маловерие и сомнение исповедью и покаянием, когда в присутствии духовника приходит полное самораскрытие грешника перед Богом.

2. Сомнения в Промысле Божием, ложные знания о Боге: «**Мнози бо тогда, не внимающе правому велѣнию и от оныхъ крамолниковъ лживых баснословий напившеся, клеветаху, овъ на сего, овъ же на иного // яко повинныхъ творяще моровому повѣтрию, и мнози невегласи, бѣсомъ**

прѣлщени, пророчествоваху ложная» (л. 27/28–28/29). В периоды тяжелых испытаний, посылаемых людям свыше, проявляется, по словам преп. Исаака Сирина, истинное знание людей о Боге: «Человек, который помнит, что по воле Божией случаются с ним [периоды] отдохновения и уныния... не обвиняет в унынии своем демонов, или людей, или тело, – ведь от них происходит всякое уныние, – ибо сознает он, что именно Бог движет всем этим... Ибо ни один помысел отдохновения не приводится в движение, кроме как по дару Божию»[141].

В русле святоотеческой традиции Патриарх Никон обличает сам факт существования негативного отношения его современников друг к другу. Поучая паству о христианском отношении к ближним, Никон обращается к книгам ветхозаветных пророков Иеремии (Иер. 31:30) и Иезекииля (Иез. 18:2) и вспоминает сюжет, в котором Бог упрекает израильтян в следовании принципу коллективной ответственности, установленному первоначальным законодательством Израиля (и это нашло отражение в еврейской пословице о поедании отцами кислого винограда и оскомине на зубах детей), и в игнорировании принципа личного воздаяния за допущенные ошибки. «**И сие глаголютъ тунѣ, забывше реченное Богомъ ко пророку, иже аще** “кто яст терпкое, тому имѣтъ быти и оскомины”. **Тако: еже кто согрешаетъ, за сие самъ и судъ воспримететъ, а не инии за него!**» (л. 43/44). Пророки утверждали, что грехи отцов не тяготеют над детьми, и освободиться от греховного прошлого можно лишь при помощи искреннего покаяния; Бог судит каждого человека по его личным поступкам и делам[142]; именно эту мысль подчеркивает Патриарх Никон в своем комментарии после примера из Священного Писания.

3. Ложные пророчества и внимание к ним: «**Богъ глагола чрезъ Иеремию на обличение и нынѣшнихъ лживыхъ пророковъ, иже лживе вопияху къ людемъ и неутвержденыхъ сердца своимъ лукавымъ умышлениемъ возмущающе и глаголющимъ:** “**видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ и извѣщение се, и се, прияхъ отъ Бога**”, **дабы многихъ вслѣдъ себѣ отторгнули. И мнози, тому послѣдующе, по ихъ розсказанию погибоша... И аще кто хощет присвоитися Господеви, да никако же вѣруетъ отъ оныхъ лживыхъ пророкъ, сновидцовъ, глаголемыхъ, и не точию да не вѣруетъ имъ, но и обличаетъ ихъ скоро, яко сопротивниковъ Божиихъ и антихристовъ... Аще убо Богъ на таковыя сице вопиетъ! Кто смѣетъ съ ними совѣщатися, развѣ Богу сопротивляяся? И отвсюду явленно, яко не точию не внимати лѣтъ есть лжесловесию оныхъ лживыхъ сновидцовъ, но и блюстися ихъ, яко губителей покрадывающихъ...**» (л. 26/27–27/28, 32/33–33/34, 34/35, 36/37)[143].

В данном отрывке Патриарх Никон дал характеристику современным ему лжепророкам и лжеучителям, базируясь в оценке их деяний на традиции, восходящей к Священному Писанию. В книгах Ветхого и Нового Заветов содержатся разные признаки ложных пророков и лжеучителей, а также предупреждения и наказания свыше тем, кто слушает ложных пророков. Через пророка Иеремию (Книгу пророка называет и Патриарх Никон) Бог предупреждает лжеучителей о возмездии за ложь (Иер. 6:13–15; 14:13–16; 23:28–32), за возвещение ложных видений во имя Божие (Иер. 14:14). По Новому Завету, главное отличие Божиих пророков от лжепророков состоит в том, что вторые претендуют на полноту истины, а первые владеют ею лишь «отчасти» (Ин. 16:12; 1 Кор. 13:8–9); как правило, лжепророки говорят то, что не находит подтверждения в Священном Писании (Гал. 1:8).

Ветхий Завет неоднократно предупреждал о появлении лжепророков (Втор. 13:1–5; 18:9–14; Ис. 8:19–21; 41:22). В Новом Завете таких предупреждений особенно много; в Евангелиях появление лжеучителей является одним из признаков конца света и второго пришествия Христа (Мф. 7:15–20; 24:4–5, 11, 24–27). В посланиях апостолов содержатся отличительные признаки ложных пророков и их учений: дух, который не исповедует Христа, есть дух антихриста (1 Ин. 4:1–3); ложные пророчества далеки от здравого учения и подобны басням (2 Тим. 4:3–4). Только в Новом Завете лжепророки называются лжеучителями (2 Петр. 2:1–3), поскольку какой бы пророк ни появился, он всегда будет ложным, ибо ветхозаветные пророчества об истинном пророке исполнились только в Иисусе Христе.

Появление ложных учений, еретических суждений и мнений, противоречащих Священному Писанию и Преданию, по убеждению святых отцов и учителей Церкви, связано с предпочтением личного духовного опыта опыту Церкви, с богословской необразованностью. Опасность лжепророков, как показывает Патриарх Никон, состоит не только в том, что они обвиняют во всех бедах невинных людей, а в том, что при этом они вещают от имени Бога. В отношении к ближним проповедники ложных учений подвержены тщеславию и честолюбию (когда выставляют напоказ мнимое благочестие и поверхностную духовность), любоначалию (когда навязывают свою волю другим и пытаются исправить чужую жизнь настойчивыми советами и указаниями), осуждению и человекоугодию (когда при помощи лести и притворства, возложения вины на других спасают себя от бед и неприятностей), равнодушию к ближним и высокомерию.

Один из источников этой части окружного послания, как уже упоминалось, – Книга пророка Иеремии. Согласно толкователям книг Ветхого Завета, Книга пророка Иеремии – это «книга угроз»; пророк возвещает о суде, причиной которого становится отступление иудейского народа от Бога. Этот тяжкий грех привел к безнравственному обществу, и Иеремия призывает свой народ к «обновлению» общения с Богом[144].

Патриарх Никон делает цитаты-выписки из двух глав Книги пророка Иеремии – 23-й и 29-й. В первой главе владыка обращается к стихам с 16-го по 32-й; реферирование текста главы помогает Никону выписать те стихи, в которых содержится наиболее яркая характеристика пророков и пророчеств; из другой главы он выписывает два стиха, 8-й и 9-й, о лжепророках. «**Сие рече Господь Силъ: не хощите послушати словесъ пророкъ, иже пророчествуют вамъ и прелщают васъ; видѣние сердца своего глаголютъ, не отъ устъ Господнихъ. Рекутъ симъ, иже хулятъ Мя:** // (л. 29/30) “**Глаголалъ есть Господь: миръ будет вам**”. **И всем, иже ходятъ в строптивству сердца своего, рекоша:** “**не приидетъ на насъ лукаво**”. **Кто бо бысть в совѣту Господни и видѣ и слыша словеса Его? Кто помысли слово Того – и слыша?**» (Иер. 23:16–18); «**Въ послѣдняя дни сразумѣете совѣтъ их**» (Иер. 23:20); «**Не послалъ пророки, а они течаху; не глаголахъ къ нимъ, и тии пророчествоваху. Аще бы стали въ совѣтѣ Моемъ, и возвѣстили словеса Моя людемъ Моимъ, отвратилъ быхъ убо Я отъ пути ихъ злаго и отъ помышлений ихъ строптивыхъ. Еда мниши, яко точию отъ близка** // (л. 30/31) **Богъ Азъ есмь, – рече Господь, – а не Богъ отдалеча? Аще утаится мужъ въ сокровенныхъ, а Азъ не узрю его? – рече Господь. Еда небо и землю не Азъ наполняю? – рече Господь. Слышахъ, иже рекоша пророцы, пророчествующе во имя Мое лжу. И реку-ще:** “**видухъ сонъ**”. **Доколѣ то есть въ сердцы пророковъ, прорицающихъ лжу и пророчествующихъ лщениемъ сердца своего? Что хотяще творити, да будут людие Мои имя Мое ради сония ихъ, иже вѣщаютъ единъ кождо искреннему своему? Пророкъ, иже имать сновидѣние, вѣщаетъ сновидѣние. И иже имать** // (л. 31/32) **слово Мое – глаголетъ слово Мое истинно. Что плевелъ ко пшеницѣ? – рече Господь. Еда словеса Моя не суть, яко огнь горящий, – рече Господь, – и яко млат, стрыющий камень? Сего ради, Азъ – къ пророкомъ, – рече Господь, – иже крадутъ словеса Моя единъ кождо отъ искренняго своего. Се, Азъ – къ пророкомъ, – рече Господь, – иже восприемлютъ языки своя и глаголютъ:** “**рече Господь**”. **Се, Азъ – на пророки, мечтающия лжу, – рече Господь, – ти же провѣщаша та и прелстиша люди Моя во лжу свою и въ чудѣсехъ своихъ, яко Азъ не послахъ ихъ, ни заповѣдахъ имъ, они же ничто же успѣша людемъ симъ, – рече Господь**» (Иер. 23:21–32); «**И паки рече Господь:** // (л. 32/33) “**Да не препираютъ васъ лживи пророцы, иже въ васъ; и не послушайте сновъ своихъ, яже вы видите; яко неправедну тии прорицаютъ вамъ во имя Мое; Азъ не послахъ ихъ**”» (Иер. 29: 8–9).

Патриарх проводит параллель между ветхозаветным состоянием общества и современной ему ситуацией (**«Яко же и древнии // християне, не послушавшии лживыхъ учителей. Бяху бо и тогда лживии апостолы, хотящии уподобитися Христовымъ истинным апостоломъ. Но не послушаху ихъ християне, постоянно во Христову учении пребывшии къ нимъ же...**» – л. 40/41–41/42) и находит близость двух разных эпох в том, что народы, живущие в разное время, подвержены одним и тем же грехам, и сущность человека, живущего по законам Нового Завета, остается ветхозаветной[145]. Не только лжеучителя своим поведением вредят духовной и нравственной природе людей, но сами люди, спокойно воспринимающие противоречащие Священному Писанию суждения, порочны,

поскольку вера их слаба[146]. Показателем ослабленной веры и удаления человека от Бога как раз и служит сближение с лжецами и лжепророками[147].

Патриарх Никон дает совет пастве, как вести себя с лжеучителями: обличать как антихристов и приводить к духовным отцам для покаяния: «**Аще ли не имущии благодати Божия, ни же боящеся Божиа прещениа начнут вѣщати // въ предъидущее время ложная вѣщания и сония, ихъ же, по пророку, Богъ до конца отринѣ, заповѣдая, никако же послушати сихъ, не приемлете сихъ и глаголемымъ отъ нихъ, никако же вѣруйте, зане сопротивна суть Богови. И аще кто хощет присвоитися Господеви, да никако же вѣруетъ отъ оныхъ лживыхъ пророкъ, сновидцовъ, глаголемыхъ, и не точию да не вѣруетъ имъ, но и обличаетъ ихъ скоро, яко сопротивниковъ Божиихъ и антихристовъ, о таковыхъ бо Апостолъ вѣщаетъ, яко и нынѣ мнози антихристи суть отъ насъ бо изыдоша, // но аще бо убо были отъ насъ, пребыли убо быша съ нами, но да явятся, яко не бѣша съ нами** (ср.:1 Ин. 2:19). **Да приводитъ къ намъ, пастырю. Мы же данною намъ от великаго архиерея Иисуса Христа, истиннаго Бога нашего, властию вязати и рѣшати, подобающее обличение на таковыхъ лжесловницѣхъ наложимъ...**» (л. 33/34–35/36). Никон призывал своих современников не общаться с лжепророками, избегать встреч с ними, чтобы уберечь свою душу от гибели: «**Тако и вы, чада любезная, яко истиннии христиане истиннаго сего владыки нашего Христа повѣления, никако же преслушайте о иныхъ лукавыхъ лжепророковъ, и ложныхъ ихъ сновидѣний, и лестных словесъ отнюд не послушайте, даже яко заповѣдей Христовыхъ исполнители Самого Того Христа, заповѣдавшего лжепророчествъ и лживыхъ сновидѣний не послушати, мзду многосугубну воспримете... Судите сами, чада возлюбленная, // кого вамъ требу послушати? Они бо, лжепророчествующии, повѣлеваютъ вамъ послушати лукавыхъ своихъ сновидѣний, мы же молимъ васъ слушати Христа и Его святыхъ и непорочныхъ велѣний**» (л. 40/41, 41/42–42/43).

Проповедь Патриарха Никона в той части послания, где речь идет о лжепророках, изобилует ссылками на Священное Писание. В совершенстве владея цитатным фондом, автор прибегает к разным типам включений из традиционного источника. При помощи единичных цитат, которые перемежаются с рассуждениями и комментариями автора, Никон назидает: «**Самъ Богъ вѣщаетъ пророкомъ: "Грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправдания Моя и восприемлеши завѣтъ Мой усты твоими, // ты же возненавидѣлъ еси наказание и отверглъ еси словеса Моя вспять?**" (Пс. 49: 16–17)» (л. 35/36–36/37); «**Зане Христосъ // Спаситель, до конца ненавидяй лжепророчествъ и лукавых сновидѣний, яко истинный Богъ, Самъ истинно широчайше намъ отъ тѣхъ блюстися заповѣдаетъ... своими пресвятыми усты вущаетъ: "Аще, кто речетъ вамъ: "се, здѣ Христосъ" или "ондѣ" – не имите вѣры; востанѣтъ бо лжехристи и лжепророцы и дадятъ знамения велия и чюдеса, якоже прелстити, еще возможно, и избранныя**" (Мф. 24:23–24)» (л. 37/38–38/39); «**Нынѣшнии же лживии пророцы и сновидцы ничто же чюдесъ // сотвориша, ни же творятъ... и многихъ прежде времени лстивыми своими словесы сотвориша умрети, такождѣ и сами вси умроша!.. По реченному апостоломъ: "Мнози, – рече, – послѣдуютъ нечистотам их, ими же истинный путь, сирѣчь Христово учение, похулится**" (2 Петр. 2:2). **О них же Христосъ, самая истина, единородный Сын Божий, запрещает нам, глаголяй сице: "Се, прежде рѣхъ вамъ. // Аще убо рекутъ вамъ: "се, въ пустыни естъ" – не изыдите; "се, въ сокровищихъ" – не имите вѣры**" (Мф. 24:25–26)»(л. 38/39–40/41).

Иногда Патриарх Никон разрывает цитату собственными пояснениями и комментариями; в этом случае авторское повествование обладает наибольшей степенью назидания и убеждения: «**И се, Самъ Христосъ Спаситель, предвозвѣщая намъ, да не прелщени будемъ отъ нихъ, глаголетъ: "Блюдите, да никто же васъ прелститъ; мнози бо придутъ во имя Мое, глаголюще: "азъ есмь Христосъ", и многи прелстятъ... // и будете ненавидими всѣми, имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози; и друг друга предадят, и возненавидит друг друга; и мнози лжепророцы востанут и прелстят многих; и, за умножение беззакония, иссякнетъ любы многихъ; претерпевый же до конца (сирѣчь, пребываяй во учении Христовѣ и не послушаяй, по Евангелию, оныхъ лжесловесных сновидцовъ и богоненавистнаго ихъ пророчества ложнаго, той, яко истинный христианин истиннаго нашего Учителя Христа послушник и ученик) спасется**" (Мф. 24:4–5, 9–13)» (л. 36/37–37/38).

В другом месте Патриарх Никон повторяет отдельные слова и фразы из первоисточника, приводимые ранее: «**До здѣ словеса, яже Богъ глагола чрезъ Иеремию на обличение и нынѣшнихъ лживыхъ пророковъ, иже лживе вопияху къ людемъ...** "**Видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ и извѣщение се, и се, приях отъ Бога**", **давы многихъ вслѣдъ себѣ отторгнули. И мнози, тому послѣдующе, по ихъ розсказанию погибоша...**» (л. 32/33—33/34).

Патриарх перефразирует библейские высказывания: «**...о таковыхъ бо Апостолъ вѣщаетъ, яко и нынѣ мнози антихристи суть отъ насъ бо изыдоша, // но аще бо убо были отъ насъ, пребыли убо быша съ нами, но да явятся, яко не бѣша съ нами**» (ср.: 1 Ин. 2:19) (л. 34/35–35/36).

Рассуждая о лжепророках, Патриарх Никон использовал в своей речи определенные выразительные средства и риторические приемы, причем те из них, которые делали авторскую речь особенно эмоциональной, взволнованной и выразительной.

Патриарх Никон постоянно обращается к слушателям/читателям: «**И не дивитеся, чада мои, симъ реченнымъ**» (л. 33/34); «**Тако и вы, чада любезная, яко истиннии христиане... лестных словесъ отнюд не послушайте...**» (л. 40/41); «**Судите сами, чада возлюбленная, //** (л. 42/43) **кого вамъ требу послушати?**»; «**Сего ради молю, чада возлюбленная, престаните, Божий судъ на ся восхищающе, искреннихъ судити**» (л. 44/45). Обращаясь к пастве, Патриарх повторяет один и тот же тезис, подтверждая его цитатой или отсылкой к авторитетному источнику, возвращается к теме назидания с углублением и расширением смысла, просто и доступно объясняет, как вести себя в той или иной ситуации. Обладая мощной творческой потенцией, Патриарх-проповедник мыслил образами и категориями Священного Писания, поэтому при отсутствии точной ссылки на источник в сознании слушателя возникали ряды образов и сюжетов, связанных с темой повествования. Так, подытоживая сказанное, Никон ограничивается типичной формулировкой «по пророку»: «**...аще ли кто не покаряется, то да творитъ, что хощетъ себѣ и прочимъ, аще ли не имущии благодати Божия, ни же боящеся Божиа прещениа начнут вѣщати... // въ предъидущее время ложная вѣщания и сония, ихъ же, по пророку, Богъ до конца отринѣ, заповѣдая, никако же послушати сихъ, не приемлете сихъ и глаголемымъ отъ нихъ, никако же вѣруйте, зане сопротивна суть Богови**» (л. 33/34–34/35). Отсутствие локализованного источника побуждает вспомнить отдельные фрагменты из Священного Писания о лжецах, выдающих себя за глашатаев Божиих: из Книги пророка Иеремии о предупреждении народов не слушать гадателей, сновидцев, волшебников и звездочетцев, призывающих к непокорению Саваофу (Иер. 27:9–10); об обманах вещунов из Книги пророка Захарии (Зах. 10:2); о предсказаниях Богом появления лжепророков и обольстителей в Евангелии от Матфея (Мф. 24:11–13, 24); о предостережениях апостола Петра о появлении в последние дни ругателей, сомневающихся в обетовании Господа (2 Петр. 2:1–3; 3:3–9); об испытании духа, к которому призывал апостол Иоанн Богослов, в связи с умножением в мире лжепророков (1 Ин. 4:1) и др.

Речь Патриарха изобилует риторическими вопросами, восклицаниями: «**И колико душъ православныхъ христианъ тою лютою язвою скончашася!**» (л. 23/24); «**Аще убо Богъ на таковыя сице вопиетъ? Кто смѣетъ съ ними совѣщатися, развѣ Богу сопротивляяся?**» (л. 36/37); «**И чюдо! Како и симъ таковымъ лживымъ сновидцомъ мнози ненаказаннии послѣдуютъ?**» (л. 39/40). Восклицания утвердительного характера, подытоживающие авторские рассуждения: «**Тако: еже кто согрешаетъ, за сие самъ и судъ воспримет, а не инии за него!**» (л. 43/44).

Иногда на задаваемый вопрос автор сам дает ответ: «**И что къ сему отвѣщаютъ они, противницы, иже сами себе и инех въ лютую язву вметати нудящимся? Воистинну – ничто же!**» (л. 23/24); «**Сия слышаще, чада, разумѣйте, кая полза, еже искреннихъ судити, и не своя грѣхи смотряти? // Точию пагуба души и Богу сопротивление. И что сего ужаснѣе? Самъ бо Христосъ Иоанна Савантскаго, внегда онъ осуди нѣкоего, повелѣ отъ себе отринути**» (л. 43/44–44/45).

При помощи риторического вопроса-восклицания Никон обрывает фразу: «**И что много глаголати? Обличаетъ бо сихъ Самъ Вышний промысла Своего исполнениемъ...**» (л. 22/23). Этот психологический прием намеренной приостановки повествования используется для усиления напряжения; подобный вопрос у

Никона отмечает кульминационный, логически и по содержанию завершенный, чрезвычайно эмоциональный момент повествования. Подобное риторическое восклицание напоминает и такой прием выразительной речи, как аганактезис[148] – риторическое восклицание с раздражением, возмущением, т. е. имеющее сильную эмоциональную окраску.

Патриарх Никон строит фразу на контрасте, противопоставлении и сравнении: «**Они бо, лжепророчествующии, повѣлеваютъ вамъ послушати лукавыхъ своихъ сновидѣний, мы же молимъ васъ слушати Христа и Его святыхъ и непорочныхъ велѣний**» (л. 42/43). Лексико-синтаксический параллелизм (разновидность антитезы), приведенный в данном примере, служит автору приемом разъяснения, особым способом внушения, скрытым, явно не выраженным поучением (апофонемой)[149].

В речи автора возникает и непроизвольная рифма (парономазия): «...**да по заповѣдемъ Господнимъ, шествующе, постъ и молитву съ любовию Господнею имуще, къ животворящимъ таинамъ приступите, въ преумножение всѣхъ благихъ, и с помощию Того Самого Иисуса Христа отъ морового повѣтрея, елико мощно, себе блюдите**» (л. 9); «...**и блаженнаго Аѳанасиа наказания совершителей дерзостну укаряетъ и неправедну и себе самыхъ отъ многия бүисти во исполнение злобы своея похваляютъ**...» (л. 20/21).

В поучении Патриарха встречаются фразы с морфемным и лексическим повтором: слова с одной и той же лексемой, следуя друг за другом, создают определенный ритм; контактный повтор (геминация) привлекает внимание к теме повествования, служит своеобразным приемом одновременного эмоционального и смыслового акцентирования в речи автора[150] : «...**яко мнози, не вѣдуще Божиа о нас промысла и не воспоминающе своихъ согрѣшений, грѣхи ко грѣхомъ прилагаютъ**...» (л. 42/43); «...**яко мы непрестанно о васъ молимъ Бога и молитися васъ самихъ молимъ**» (л. 45/46); «...**не послушайте, даже яко заповѣдей Христовыхъ исполнители Самого Того Христа, заповѣдавшего лжепророчествъ и лживых сновидѣний не послушати. Мзду многосүгүбну воспримете**... **Еже и сотворившее – здраствүйте, чающее восприяти за доброе слово, еже ко Христу послушание, мзду многосүгүбну!**» (л. 40/41, 42/43).

Синонимы и слова, близкие по значению, Патриарх располагает подряд не только для более точной характеристики предмета повествования, но и с назидательной целью: «...**и внимаютъ баснемъ ихъ крамолнымъ, и вѣсовскимъ, и ложнымъ ихъ пророчествомъ**...» (л. 27/28).

Поступки лжепророков по отношению к Богу и Церкви являются нарушением первой и второй заповедей – «Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим» (Исх. 20:3) и «Не делай себе кумира... Не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20:4, 5). Деяния ложных учителей, как показывает Патриарх Никон, сопряжены с богохульством, оскорблением Бога (ропотом на Него и Его Промысл): «**По нихъ же всѣмъ то явно, яко ничто же отъ глаголъ ихъ ложныхъ събыстьсѧ, точию себе губяще и братию свою, и на Бога хүляще, аки имъ извѣщение быстъ се**» (л. 28/29). По отношению к ближним поступки лжепророков могут быть расценены как нарушение заповедей шестой – «Не убивай» (Исх. 20:13) и девятой – «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20:16). «Убийство» духовное, сопряженное с клеветой, ведет к убийству физическому. Именно ложные учителя, по мнению Патриарха Никона, повинны в гибели многих людей и затяжном характере моровой язвы.

* * *

Нетрудно заметить, что в Поучении о моровой язве Святейший Никон выделяет прежде всего социальный грех. Доминирование греха в общественной жизни было причиной несчастий, которые преследовали древние царства за непослушание воли Божией. Первосвятитель поучает своих современников в добродетельной и богоугодной жизни и показывает, что внутреннее, духовное настроение каждого человека, его добрые привычки и обязанности определяют духовно-нравственное состояние всего общества. В «Возражении», написанном в первой половине 60-х годов XVII века, Патриарх Никон, вспоминая о страшном моровом поветрии, его причинами называл пороки и грехи, в которых погрязло общество и за которые Бог во все времена посылает наказания в виде мора, чумы и стихийных бед-

ствий[151]. Возвращая паству в лоно Церкви, призывая людей к чистоте, богоуподоблению, спасению, воцерковлению и обожению, в Поучении о моровой язве Патриарх Никон направляет своих слушателей и читателей против тех греховных состояний, пороков и страстей, которые сопровождают и определяют поступки людей. Решительное освобождение от греховных состояний дает, как учит Патриарх Никон, искреннее покаяние, раскаяние в порочных поступках и неповторение их впредь, чтобы избежать новых наказаний свыше.

Среди грехов, которые видит и обличает Никон у своих современников, главное место занимают так называемые в святоотеческой традиции смертные грехи и грехи против Бога. Среди грехов смертных (их семь – гордость, «несытость души», блуд, зависть, чревоугодие, гнев, леность)[152] московский Патриарх подробно характеризует гордость, гнев, леность. Среди «язв» общества (термин свт. Игнатия (Брянчанинова)) Патриарх Никон выделяет подразделы таких грехов, как печаль, уныние, тщеславие, которые по своему содержанию представляют собой грехи против Бога[153]. По заключению А.С. Новиковой, изучавшей понятие греха в творениях свт. Тихона Задонского, в проповеди Патриарха Никона «четко обозначены внешние и тайные грехи... Святейший Патриарх призывает своих пасомых к очищению грехов через покаяние и соблюдение постов... Патриарх Никон призывает православных христиан уповать на промысел Божий, слушать только Господа нашего Иисуса Христа и остерегаться всякого рода сновидцев и лжепророков»[154].

Патриарх Никон немало места отводит вопросам чистоты веры, призывает к сохранению православного образа жизни, что не было случайным. Патриаршество Никона ознаменовалось гонениями на иностранцев, представителей западной религиозной культуры: их выселяли из Москвы в Немецкую слободу, запрещали носить русское платье и держать русских слуг, их перекрещивали вторично по православному обряду, срывали евангелические церкви. Патриарх Никон обрушился и против западных новин, ставших особенно популярными среди русского православного населения после военных походов царя Алексея Михайловича против Польши (1654–1655) и Швеции (1656). В 1653 году Патриарх Никон на своем дворе сжег немецкие и английские платья, парики и шпаги, которые выпросил у двоюродного дядьки царя Никиты Ивановича Романова. На Алексея Михайловича, в ком Никон хотел воспитать идеального православного правителя, культура западных городов производила сильное впечатление. По словам английского доктора Самюэля Коллинса, находившегося на службе у Алексея Михайловича, «с тех пор как Его Величество был в Польше, видел тамошний образ жизни и стал подражать польскому королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома»[155]. Из походов Алексей Михайлович привозил в Россию вещи, которые трудно было связать с идеалом благочестивого быта православного христианина: оптические приборы, гобелены, мебель, музыкальные шкатулки, кружева, столовые приборы, певчих птиц и кареты[156].

Патриарх Никон придавал особое значение и обрядовой стороне веры. Церковная реформа, проводимая Никоном, охватывала все сферы общественной жизни, что, в свою очередь, требовало унификации церковных обрядов[157]. Изменения обрядов проводились по греческому образцу. В 1654 году по приходским церквам была разослана знаменитая «память» Патриарха Никона – Поучение о поклонах и крестном знамении; в 1655 году изменения обрядов были внесены в богослужебные книги.

Завершается Поучение о моровой язве призывом к покаянию и молитвой к Богу о прощении грехов, приведших к распространению в Москве и других местах России страшной болезни. Эта часть сочинения Никона компилятивная и представляет собой соединение в цельное повествование двух цитат-выписок из 15-го Слова свт. Григория Богослова, «говоренного в присутствии отца, который безмолствовал от скорби после того, как град опустошил поля»[158].

Таким образом, в Поучении о моровой язве Патриарх Никон выступил против пороков,

которыми, по его мнению, была заражена церковно-приходская жизнь, против «нерадения» в деле «церковного благочестия», против усиления западного влияния на русскую культуру, против «лжеучений» и «лжепророков», против снижения морально-нравственного уровня духовной жизни и быта его современников. В борьбе за чистоту Православия в 1656 году Патриарх Никон, кажется, еще неотделим от ставших уже его идеологическими противниками недавних товарищей, «ревнителей древлего благочестия», которые в своей деятельности ратовали за сохранение православных обрядов и укрепление морально-бытовых основ жизни православных христиан. Однако Никон требует от современников такого образа жизни, такого нравственного его устройства, которые бы соответствовали высоким требованиям Вселенской Церкви, святоотеческим учениям. Морально-нравственная и церковная жизнь русских православных людей должна стать, по мысли Никона, образцом для других христианских народов. Русские, обретающие с Божьей помощью мир и душевный покой, послужат примером для тех народов, которые погрязли в грехе, отступили от Бога и изменили вере. Выступая в 1656 году за идеальный и высокий морально-нравственный дух русских православных людей, Никон движим был уже не столько традиционным благочестием и мистической реальностью обрядов, сколько целями церковно-политического прагматизма: как государственный муж, он стремился установить в церковной жизни единообразие, чин и порядок новой реальности государственного устройства (абсолютизма), усиленно ратуя за расширение социальной миссии Церкви. Воссоединение Украины с Россией, война со Швецией, присоединение православных стран, находящихся под властью Турецкой империи, строительство Нового Иерусалима под Москвой – все это в 1656 году воплощало идеи Никона о вселен-ской миссии Русской Православной Церкви, о Москве как центре мирового Православия. Грамота о моровом поветрии, в которой пастырь проповедовал традиционный способ избавления от эпидемии при помощи обращения с молитвой к Богу, аккумулировала в себе идеи Патриарха Никона религиозно-политического характера, где проблема «воцерковления» широких слоев населения московского государства выходила за рамки богослужебного обряда и традиций благочестия.

Окружное послание Патриарха Никона о моровой язве издано 6 (17) августа. Знаменательно то, что в этот день Православная Церковь отмечает двунадесятый праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, посвященный воспоминанию события на горе Фавор (Мф. 17:1–13; Мк. 9:2–8; Лк. 9:28–36). По описанию евангелистов, вскоре после того, как Спаситель открыл ученикам, что Ему надлежит много пострадать, быть убитым и в третий день воскреснуть, Он возвел трех апостолов – Петра, Иакова и Иоанна на гору Фавор и преобразился перед ними: лицо Его просияло как солнце, одежды сделались белы как снег. Преображение Христово сопровождалось явлением ветхозаветных пророков Моисея и Илии, которые говорили с Господом о Его близком отшествии. Во время Преображения из облака послышался глас: «**Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Немже благоволих; Того послуша́йте**». Избранные апостолы вместе с ветхозаветными пророками олицетворяли на Фаворе всю Церковь – в этом экклезиологический смысл Преображения[159]. В евангельском повествовании Преображение имело еще одно значение: оно должно было при грядущей смерти Христа укрепить апостолов в их вере, дать им незыблемое свидетельство Божества Иисуса Христа и добровольности Его крестных страданий и смерти[160]. В богословской традиции Преображение имеет отношение лично к каждому христианину: в стремлении к озарению нетварным Светом состоит духовный смысл человеческой жизни[161]. Христианину, желающему удостоиться своего личного Фавора, надлежит постоянно упражняться в молитве и добродетели, отвращаясь от земных помыслов и устремляя свой ум, свою любовь к Богу[162]. Важнейший момент христианского учения о человеке, состоящий в том, что обожение человеческой природы возможно[163], реализовал Патриарх Никон в своем Поучении о моровой язве, приурочив свой труд к символам праздника Преображения Господня.

Поучение Патриарха Никона о моровой язве, в котором московский владыка выявил и охарактеризовал пороки и грехи, захватившие современное ему общество, актуально во все времена: нарушения морально-нравственных законов, характерных для разных человеческих сообществ, отступление от парадигмы вечных ценностей, закрепленных и обоснованных в сакральных текстах и святоотеческих учениях, приводят к сбою в работе всей социальной системы, разрушают внутреннюю, духовную гармонию целого общества и каждого его представителя. Средством наведения порядка в душах людей и методом духовной гармонизации общества во все времена служили сильные потрясения и войны, катастрофы и стихийные бедствия, перед лицом которых люди, сплотившись, приступали к глубокому самоанализу и духовному самосовершенствованию, обращались к собственному и «чужому» авторитетному культурному прошлому, к традициям и своим корням. Взгляд в прошлое был необходимым условием для выживания цивилизации. В трудные периоды жизни люди определялись и в своем отношении к Богу. Высшие силы, верша свой суд над непокорным народом, давали ему шанс на исправление, надежду на внешний и внутренний мир.

Н.П. Яковлева
Валдайский филиал Новгородского музея-заповедника

НИКОНОВСКИЙ КОЛОКОЛ ВАЛДАЙСКОГО ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Никоновские колокола занимают особое место в истории колоколоведения. При этом в первую очередь имеются в виду около четырех с половиной десятков церковных колоколов в монастырях, устроенных тщанием Патриарха Никона (13 колоколов Иверского монастыря, 20 – Ново-Иерусалимского[1], 10 – Крестного), а также церковные колокола, отлитые при самом деятельном участии Патриарха Никона (Большой московский Успенский и Калязинский колокола). К числу никоновских колоколов можно отнести более десятка часовых колоколов, присланных Патриархом в его монастыри, а также такие необычные колокольные предметы, как три бубенчика, припаянные к основанию серебряной стопы, вложенной Патриархом Никоном в Иверский монастырь[2].

В связи с никоновскими колоколами можно говорить о выработке специальной программы и выделить три группы колоколов. К первой группе можно отнести колокола, специально отлитые по заказу (и при участии) Патриарха Никона в 1653–1656 годах в период наивысшего триумфа власти Никона как Святейшего Патриарха и великого государя, церковного реформатора и государственного деятеля, обладавшего широкими властными полномочиями в тот момент, когда он был «собинным другом» царя, с которым они составляли «премудрую двоицу»[3]. Колокола этого периода отлиты знаменитыми московскими мастерами, в том числе государевым мастером А. Григорьевым.

Ко второй группе относятся колокола, приобретенные уже готовыми, а также «пленные» польские колокола, дополненные патриаршими надписями и служившие знаком духовной победы над католической Польшей и ее влиянием в традиционно православных регионах Украины и Белоруссии. В этом отношении показательны колокола Крестного монастыря[4].

В третью группу входят самые уникальные никоновские колокола, относящиеся к периоду оставления им патриаршего престола и последовавшей в связи с этим опалы. Они были отлиты в Ново-Иерусалимском монастыре силами своих монастырских мастеров со всеми детальными патриаршими разработками богословских, толковательных текстов и иконографии. Именно из этой группы колоколов сохранились четыре никоновских колокола, отлитые в 1666 году в Новом Иерусалиме.

Мы же остановимся на судьбе ныне не существующего уникального колокола, наиболее полно характеризующего первую группу никоновских колоколов, – большого благовестника Иверского монастыря, который так и называли – Никоновский колокол.

Его отливка производилась три с половиной века назад на Сельвицком острове Валдайского озера. Работа была приурочена к моменту освящения главного храма обители.

Из Москвы в Валдай был вызван государев мастер Александр Григорьев сын Лыков. Чаще всего имя его указывается просто как Александр Григорьев. Среди колоколоведов мастер известен как автор самых благозвучных русских колоколов. Кроме того, ему принадлежали самые знаменитые и грандиозные отливки XVII века. В 1655 году А. Григорьеву поручается отливка царь-колокола XVII столетия – Большого московского Успенского колокола весом 8000 пудов. Колокол отливался к моменту победоносного возвращения царя Алексея Михайловича из польского похода и был чрезвычайно важен для упрочения авторитета

«православныя христианские веры и святых Божиих церквей»[5]. Грандиозность Большого Успенского колокола показывала реальность величественной программы обустройства в Московии Третьего Рима как центра Вселенского Православия.

Павел Алеппский сообщает о том, что в момент отливки гигантского колокола мастеру на вид было не более 20 лет и что был он совсем безбородым, малорослым и тщедушным[6]. В семнадцатилетнем возрасте А. Григорьев становится мастером Пушкарского приказа в Москве и имеет более десятка своих учеников[7]. Случай редкостный!

Среди самых знаменитых отливок мастера, кроме Большого Успенского колокола (1655 год), необходимо упомянуть 300-пудовый колокол Симонова монастыря (1665 год) и 2125-пудовый колокол Саввино-Сторожевского монастыря (1668 год). В числе работ мастера значится и 1000-пудовый колокол для Софийского собора в Новгороде, отлитый в 1654 году совместно с Ф. Моториным[8]. Колокол, видимо, вскоре разбился, и из его металла с добавкою новой меди мастер Е. Васильев отлил (а вернее, перелил) Праздничный 1614-пудовый Софийский колокол (1659 год).

Для Иверского монастыря А. Григорьев отливал не только большой благовестный Никоновский колокол, но и колокол весом в 69 пудов, над которым в 1656 году он работал вместе с Ф. Моториным[9].

Никоновский колокол Иверского монастыря отливался А. Григорьевым осенью 1656 года. Об этом уникальном колоколе упоминают многие источники, касающиеся истории Иверского монастыря, а также исследователи творчества А. Григорьева. Правда, пишут очень кратко и достаточно противоречиво, а в книге А. Бондаренко «Московские колокола XVII в.»[10] в списке работ А. Григорьева этого колокола почему-то вообще нет... Значение же этого колокола в истории отечественной кампанологии чрезвычайно велико. Кроме того, необходимо заметить, что народные предания устойчиво связывают начало валдайского колокольного производства именно с отливкой в Иверском монастыре Никоновского колокола. Согласно легенде, валдайские кузнецы, присутствовавшие при литье и принимавшие в нем посильное участие, получили излишек меди, оставшийся после окончания работ над Никоновским колоколом. Этот материал и позволил сделать первые самостоятельные опыты колокольного литья на Валдае[11]. Помимо преданий, сохранились и письменные источники по истории этого колокола[12].

В отписках Иверского монастыря Патриарху Никону за сентябрь 1656 года значится: «...и колоколной мастер Александр Григорьев с ученики в твоем государеве строении, в Иверском монастыре... колокол вылили сентября в 19 день...»; «...и тот колокол окапывают из ямы, почали сентября по 20 день, и уши окопали исцелено вылиты»[13], «...из ямы вздынули сентября в 21 день... а вычистили тот колокол сентября по 28 день»[14]. Источники XIX – начала XX века, публикуя данные о колоколе в его бытность в Александро-Невской лавре, сообщают о том, что его вес составляет 800 пудов[15]. Этот же вес указан в колокольной надписи[16]. В монастырских документах 1656 года называется несколько иной вес: «...а по смете и сказке колоколного мастера Александра Григорьева будет в том колоколе весом 780 пуд»[17]. Эта запись относится к тому моменту, когда колокол еще не был поднят из литейной ямы и его вес, видимо, указан предположительно, в зависимости от расхода материалов. В публикациях по истории Иверского монастыря чаще всего указывается вес колокола в 1000 пудов[18], как об этом сообщает сам Патриарх Никон в книге «Рай мысленный»: «...и колокол велик слит бысть 1000 пудов весу в себе имея»[19]. Но колокол на 1000 пудов только планировали отлить, на самом же деле он получился немного меньшим по размерам. Монастырские документы XVII века объясняют этот факт: «...а осталось в лишке у того колокола меди 200 пуд, а всей меди было кладено в печь 1011 пудов 20 гривенок»[20].

В отписке Патриарху дана и подробная «роспись меры» нового колокола, диаметр и высота которого составляли около 2,5–2,6 м. При этом в росписи меры 1656 года указывается: длина наружной окружности в нижней части колокола – 11 аршин 6 вершков; внутренней в месте боя – 9 аршин 1 вершок; длина наружной окружности верхней части (по сковороде) – 6 аршин 4 вершка; внутренней высоты от сковороды до нижнего края – 3 аршина 2 вершка;

Святозерский Иверский Богородицкий монастырь.
Гравюра А. Степанова по рисунку А. Макушева. 1824 г.

наружной высоты от сковороды до нижнего края – 3 аршина 1 вершок; нижний диаметр – 3 аршина 8 вершков[21], т. е. 248,96 см. В данных обмерах общая высота с головой (как и высота самой головы колокола) не указывается. В обмерах колокола, сделанных в Санкт-Петербурге в XIX веке, сообщается высота колокола – 3 аршина 12 вершков[22], т. е. 266,76 см.

На колоколе было отлито поясное изображение Патриарха Никона с моделью храма в правой руке и колоколом в левой[23]: Патриарх Русской Православной Церкви, автор храмозданных грамот, определявших канон уставного православного храма и колокола, которым должно было стать «моделью всем векам»[24].

Над портретом Патриарха поставлена надпись: «Божиею милостию святейший Никон Патриарх Московский и всея Великия и Малыя и Белыя России».

Необходимо заметить, что изображение Патриарха Никона, держащего в руках храм и колокол, будет повторено в иконографической программе Воскресенского колокола Ново-Иерусалимского монастыря, отлитого в конце 50-х – начале 60-х годов XVII века[25].

Помимо подписи к портрету, на колоколе была сделана пространная вкладная надпись Патриарха Никона с указанием даты отливки и имени мастера: «Лета 7165 октября в 2 день слит сий колокол в дом Пресвятыя Богородицы великаго архиерея Христова нового исповедника Филиппа Митрополита Московского и всея России Чудотворца, на Свято озеро в общежительный в Иверский монастырь по указу великого господина святейшаго Никона Патриарха Московского и всея Великия и Малыя и Белыя России на воспоминание вечных благ и сродникам своим при благоверном и Христолюбивом царе и великом князе Алексее Михайловиче всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержце и при благоверной и Христолюбивой царице и великой княгине Марье Ильиничне и при благоверном и Христолюбивом царевиче Алексее Алексеевиче. А вылил тот колокол мастер Александр Лелеков (Лыков. – *Н.Я.*). Весу в нем 800 пуд»[26].

Необходимо заметить, что вместе с А. Григорьевым над отливкой Никоновского колокола Иверского монастыря работали пять его учеников (в т. ч. уже самостоятельный мастер Петр

Никоновский колокол (слева) на северо-западной башне
главного храма Александро-Невской лавры. *Фотография начала XX в.*

Степанов), получивших «патриаршего подарку» за колокольную работу 5 рублей на пятерых [27].

К моменту отливки Никоновского колокола в Иверском монастыре было уже 12 колоколов[28], в том числе малый, 35-пудовый, «Никон» с портретом Патриарха, отлитый в 1654 году[29]. Этому колоколу суждено было звучать в Иверском монастыре до 30-х годов XX века, разделяя вместе с ним все нестройности его исторической судьбы...

Никоновские колокола были установлены на деревянной колокольне, построенной уже в первый год существования Иверского монастыря. Первые колокола в монастырь Патриарх присылает спустя несколько недель с момента его основания[30]. Одновременно сообщает о том, что вскоре будут готовы и другие колокола, в том числе большие[31]. До отливки в 1656 году Никоновского колокола самым крупным иверским кампаном был 180-пудовый колокол[32]. С учетом веса и размера главного благовестного Никоновского колокола в 1657 году должны были поставить каменную колокольню Иверского монастыря. Но построить не успели. К ожидаемому приезду государя Патриарх просил срочно срубить новую деревянную колокольню и поставить ее возле большого колокола, перенеся на нее все колокола. Никоновский колокол в это время находился отдельно от основного набора колоколов, размещенных на первоначально выстроенной колокольне. С декабря 1657 года он висел на новой деревянной колокольне вместе с другими колоколами[33]. В июле 1666 года монастырские власти сообщают о том, что колокольня «гораздо плоха, столбы подгнили»[34]. В ноябре 1666 г. была готова новая деревянная колокольня, на которую перенесены все колокола. Спустя полтора десятка лет, уже после смерти Патриарха Никона, когда в Иверском монастыре развернулось активное строительство, была воздвигнута каменная колокольня, на которую подняты все никоновские колокола, в том числе большой благовестный колокол.

Никоновский колокол, отлитый А. Григорьевым в 1656 году, пережив период опалы на Патриарха Никона и «запрещение», разорение монастыря в 1666 году, уцелев в 1701 году во время петровской массовой сдачи колоколов на нужды войны[35], все-таки вынужден был покинуть валдайский Ивер, и опять же по воле Петра I. В 1712 году он приказал приписать Иверский монастырь со всеми его владениями и доходами к «новосозидаемому» петербургскому Александро-Невскому монастырю. Постепенно из ризницы Иверского монастыря были вывезены в Петербург наиболее ценные вещи[36].

В феврале 1719 года в Александро-Невский монастырь был отправлен иверский колокол весом в 250 пудов (по другим данным – 180 пудов) и 11 пушек[37]. Никоновский же колокол пока оставался на Валдае. Правда, обычно исследователи ошибочно считают дату приписания Иверского монастыря к Александро-Невскому (1712 год) и датой перемещения Никоновского колокола в Петербург.

30 августа 1724 года, во время торжеств перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского в Александро-Невский монастырь, Петр I приказал туда же привезти и Никоновский колокол с Валдая, а «для привозу водным путем рассмотреть и приготовить путь заранее»[38].

В начале сентября 1724 года в Петербурге решался вопрос о способе перевозки колокола, в связи с чем были опрошены бывший Иверский наместник иеромонах Варлаам и несколько валдайских жителей[39]. Весной 1725 года Никоновский колокол был снят с иверской колокольни и «за озеро перепровожен» к реке Валдайке, где был помещен на «нововыстроенную барку», но «за упалою вешнею водою в Валдайке-реке оставался в судне на мели на 8 версте от пристани»[40]. Здесь он пробыл до мая 1726 года, после чего двинулся в путь по воде в сторону Петербурга. В августе 1726 года колокол был доставлен в столицу. Его транспортировка обошлась в 1417 рублей. При этом колокольня Александро-Невского монастыря не могла принять столь большой и тяжелый колокол, поэтому для него выстроили особую колокольню на четырех деревянных столбах. Впрочем, вскоре она обветшала: ризничий, иеродиакон Феофилакт, докладывал о том, что колокольня во время звона шатается, «а в принаступающий знатнейший праздник святыя Пасхи следует быть немалому звону, которого чинить весьма опасно, чтоб за ветхостью колокольни не учинилось бы и людям траты»[41].

Когда колокол уже подняли на башню нового каменного соборного храма, было принято решение остановить строительные работы и разобрать новый собор в связи с его аварийным состоянием. В 1754 году Никоновский колокол вновь спускают на землю и устанавливают на новую деревянную колокольню вместе с другими колоколами.

Только спустя почти тридцать лет, в 80-х годах XVIII века, он займет свое место в северной башне Троицкого собора Александро-Невской лавры, долгое время оставаясь главным, крупнейшим колоколом Санкт-Петербурга, его голосом и голосом России.

Петр I приложил немалые усилия для того, чтобы колокол из Валдая был доставлен в Санкт-Петербург, в Александро-Невский монастырь. Он стал главным колоколом новой столицы Российской империи. При этом преследовалась не только идея преемственности грандиозных никоновских замыслов, но важен был и личный мотив. Необходимо заметить, что на колоколе отлит текст, касающийся «воспоминовения» и молитвенного пожелания всех благ не только патриаршим сродникам, но и царским, в первую очередь отцу Петра I, царю Алексею Михайловичу[42].

С 1726 года особое значение этого колокола в истории Русской Православной Церкви и государства подчеркивалось его ролью в государственной и церковной жизни Санкт-Петербурга, а стало быть, и России. Столичные процессии (ежегодно бывавшие 30 августа в память святого Александра Невского, петровских побед, Ништадтского мира, положившего начало империи и связанного с введением императорского титула), идущие крестным ходом по Невскому проспекту от Казанской церкви к Александро-Невской лавре, двигались на звук самого мощного и узнаваемого колокола Санкт-Петербурга – Никоновского колокола. Таким образом, с XVIII столетия Никоновский колокол оказывается в центре государственно-церковного церемониала, но, самое главное, он становится очень важным аудиальным сакральным символом Российской столицы и ее имперской державности[43].

Показательны строки, написанные А.П. Башуцким в первой половине XIX века: «...А в воздухе между тем гудел, не умолкая, оглушительный звон колоколов; в смутном шуме их два голоса, с двух противоположных концов города раздававшиеся, владычествовали и покрывали другие: один своими важными, громкими, мерными, как пушечные выстрелы ударами; другой резким и пронзительным звуком, долго трепетавшим в пространстве.

Народу, видимо, особенно знакомы были эти голоса, ибо при каждом ударе в толпах слышалось какое-либо приветствие: “Славно!”, “Ай да Иверский – Валдайский!”, “Речист, родимой – словно гром” или “Не вырос еще, бедняга немец!”, “Куда те, пискун свейский, тянуться за нашим русским богатырем...”»[44]

В начале 30-х годов XX века уникальный Никоновский колокол был уничтожен, но значение его для истории Валдайского Иверского монастыря, Санкт-Петербурга, Русской Православной Церкви и России в целом столь велико, что хочется надеяться на то, что современные литейщики колоколов вдохновятся идеей его воссоздания.

Л.А. Секретарь
Новгородский музей-заповедник

О СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРИАРХА НИКОНА В ВОТЧИНАХ ВАЛДАЙСКОГО ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Данная тема до настоящего времени не являлась еще предметом специального рассмотрения. В то же время она представляет несомненный интерес как для понимания общих процессов в экономической, политической и церковной жизни России середины – второй половины XVII века и роли в этих процессах Святейшего Патриарха Никона, так и для более конкретного выявления его непосредственного участия в реализации задуманных им масштабных проектов. Основным источником раскрытия данной темы являются опубликованные архимандритом Леонидом (Кавелиным) «Акты Иверского Святоозерского монастыря» и дела ценнейшего по своей исторической значимости и почти не изученного архива этого монастыря, хранящегося в Санкт-Петербургском институте истории РАН (Ф. 181).

Личность Новгородского митрополита (1648–1652), затем Патриарха Московского и всея России (1652–1667) Никона является одной из ключевых фигур русской истории XVII века. Без глубинного проникновения в сущность его разносторонней преобразовательной деятельности невозможно представить историческое развитие Руси в XVII столетии.

Для историков искусства огромный интерес представляет необычайный размах архитектурно-строительных работ, в которых Преосвященный Никон принимал живое и непосредственное участие, являясь их главным вдохновителем и организатором.

Главным проектом Патриарха Никона на Новгородской земле, не реализованным до конца по причине низложения и ссылки Патриарха, явилось создание уникального архитектурного ансамбля монастыря в честь чудотворной Иверской иконы Божьей Матери на живописном острове Валдайского озера. Монастырь получил статус ставропигиального, т. е. подчиненного Патриарху.

Осуществление этого замысла сопровождалось формированием огромной феодальной вотчины, также находившейся в полном управлении Святейшего Никона.

Формирование феодальной вотчины Иверского монастыря и организация хозяйственной деятельности

Одновременно с основанием Иверского монастыря Патриарх Никон приступил к формированию огромной феодальной вотчины, далеко превосходящей земельные владения самых крупных и влиятельных новгородских монастырей. Отказная царская грамота новгородскому воеводе Юрию Буйносову-Ростовскому о пожаловании Иверскому монастырю из дворцовых земель Петровского Боровичского, Спасского Боровичского, Березовского, Великопорожского, Потерпелицкого рядков на реке Мсте и приписке Боровичского Святодухова монастыря с земельными вотчинами датируется 1653 годом. В то же время Иверский монастырь получил во владение из дворцовых вотчин рядок Вышний Волочек и ям Выдропуск на реке Уяне и Полоновский на озере Селигер в «Демонском» погосте Деревской пятины с приписными к ним деревнями, землями и рыбными ловлями.

Тогда же монастырю было пожаловано село Валдай, переименованное в Богородицыно, с приписными к нему погостами: Еглинским, Нереходским и Колодцким. В 1654 году подтвердительной царской грамотой эти погосты,

рядки и Святодухов монастырь были закреплены за Иверским монастырем «во веки неподвижно»[1].

Под монастырские подворья царь Алексей Михайлович пожаловал двор в Китай-городе в Москве рядом с Богоявленским монастырем и двор Михаила Милославского в Новгороде.

По грамоте 1654 года еще два монастыря «со крестьяны и со всеми угодьи» были пожалованы вновь устраиваемой обители: Покровский Короцкий (недалеко от Валдая) и Лисицкий Рождества Богородицы близ Новгорода[2].

В 1653–1654 годах Патриарх Никон умножил владения Иверского монастыря покупкой земель у частных владельцев, а также с помощью меновых записей и вкладов. В той же жалованной грамоте 1654 года упоминаются купленные вотчины: сельцо Рахин Мост в Листовском погосте и сельцо Плоское в Колодцком погосте Деревской пятины (у князя Ивана Дмитриевича Пожарского), деревни в Клинском и Московском уездах (у разных владельцев).

Несколько вотчин в Новоторжском, Тверском, Старицком и Новгородском уездах Патриарх Никон выменял у Троице-Сергиева монастыря, отдав взамен домовую «курмышевскую» вотчину (село Антоново и деревню Юрьевка). Среди меновых вотчин перечислены села Медно, Стружно, осадные дворы в Торжке и Новгороде, село Кунья Гора близ Новгорода.

По вкладам Иверскому монастырю достались шесть соляных варниц и двор в Старой Руссе.

На все пожалованные вотчины монастырь получил «обельную» грамоту, освобождавшую зависимых крестьян от уплаты государственных пошлин: рыбных, лавочных, амбарных, приметных и других. Мостовые и перевозные пошлины также шли в доход монастыря. Монастырские крестьяне освобождались от постоев светских чиновников[3]. Судебные разбирательства среди крестьянского населения отдавались на рассмотрение архимандрита и братии Иверской обители.

Соляные варницы, полученные по вкладам от старорусского гостя Парфения Веневитова и новгородского гостя Семена Стоянова, освобождались от уплаты в казну оброка и соляных пошлин[4].

В 1654 году в Новгороде по указу царя Алексея Михайловича Иверский монастырь получил право владеть вымороченным двором Михаила Милославского на Торговой стороне близ Ярославова дворища. Наследник Михаила Андрей умер, не оставив детей. Жена его потеряла право наследования. Двор Милославского отдали Иверскому монастырю «в вечный поминок» Михаила и его родителей[5].

Пожалованный в 1654 году царем Алексеем Михайловичем в вотчинное владение монастыря пригород Холма на Ловати с деревнями и пустошами вскоре, в 1655 году, был возвращен в дворцовое ведомство. Взамен монастырь получил пять погостов в Старорусском уезде: Коломенский, Черенчицкий, Шотовский, Рамышевский, Парфинский с деревнями и со всеми угодьями по реке Ловати[6].

Еще три погоста в Старорусском уезде (Воскресенский, Ефремовский, Петровский) Иверский монастырь получил в 1655 году вместо пожалованных ранее Полоновского и Селищского рядков Деревской пятины[7].

К 1655 году к восьми погостам в Старорусском уезде прибавилось еще пять: Чертицкий, Славенский, Должинский, Дретенский и Снежский. Взамен было возвращено дворцу село Тургенево с приписными к нему деревнями из бывших вотчин Никиты Романова[8].

В том же 1655 году к Иверскому монастырю приписали еще два: Спасо-Преображенский в Старой Руссе и Федоровский в Твери вместе с принадлежавшими им земельными владениями и различными угодьями[9].

На основании челобитной Патриарха Никона в 1655 году по грамоте царевича Алексея Алексеевича Иверскому монастырю были отданы во владение пустопорожние земли в Новоторжском уезде Прутенской волости вблизи села Выдропуск, которое принадлежало обители[10].

Впоследствии расширение монастырского землевладения происходило главным образом за счет приобретения земель у частных владельцев. В 1656 году по просьбе Патриарха Никона новгородский воевода И.А. Голицын приобрел двор богатого гостя Семена Стоянова на Городище близ Новгорода с условием возвращения ему долга[11].

На реке Истре в Московском уезде у Б.В. Приклонского в 1656 году была куплена деревня

Селец с пустошами. В 1658 году Патриарху Никону удалось приобрести вымороченные имения Степана Лялина в Московском и Старорусском уездах. Сам Степан Лялин и его дети умерли в моровое поветрие, и имения остались без наследников. В том же году Патриарх расширил вотчину Иверского монастыря в Вельевском погосте Деревской пятине, купив землю у помещика А.И. Оничкова. В 1656 году у Романа Федоровича Боборыкина для Иверского монастыря были куплены сельцо Ивановское, деревня Рычково и еще несколько деревень в Московском уезде. У боярина В.П. Шереметьева в 1660 году приобретена деревня Качаваро-во на Истре (Московский уезд)[12].

Таким образом, в 50-е годы XVII века благодаря стараниям Патриарха Никона сформировалась огромная феодальная вотчина, принадлежащая Иверскому монастырю. Его владения располагались в Старорусском, Новгородском, Новоторжском, Ржевском, Клинском, Старицком, Московском уездах. Многие населенные пункты (села, деревни, рядки), а также приписные монастыри и дворы занимали выгодное географическое положение: по Московской дороге (Едрово, Яжелбицы, Выдропуск, Торжок, Тверь), на Волжском торговом водном пути (Потерпелицкий, Боровичские рядки на Мсте, Вышний Волочек на Тверце), на Волхове, Малом Волховце, озере Ильмень (Чертицкий погост на берегу залива озера Ильмень, двор Семена Стоянова на берегу Волхова, Лисицкий монастырь на Малом Волховце, село Сытино в Сытинской губе озера Ильмень).

В 50-е годы XVII века к Иверской обители были приписаны, кроме упомянутых выше, еще два монастыря: Николаевский Едровский и Николаевский Боровенский. К ним прибавились и два вновь основанных: Троицкий Галилейский и Ново-Духов Боровичский. В планах Патриарха Никона была приписка Николо-Лядского монастыря близ Городища под Новгородом[13].

Это обширное вотчинное хозяйство находилось в единоличном управлении Святейшего Владыки. Жалованные грамоты на владения Иверского монастыря он хранил в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре.

Формирование такого большого экономически независимого «государства в государстве» в конечном итоге не могло не встревожить правящую светскую элиту, которая постоянно стремилась к ограничению церковного и монастырского землевладения.

В правление Патриарха Никона отмечается процесс объединения хозяйственной деятельности Иверского и Ново-Иерусалимского монастырей. Земельные владения Иверского монастыря в Московском уезде на Истре соседствовали с Воскресенским монастырем и практически находились в пользовании последнего[14].

За соляными варницами и продажей соли в Старой Руссе наблюдал в 1667 году приказной Патриарха Никона Артемий Токмачов. Из 11 соляных варниц, принадлежавших Иверскому монастырю, доход от шести шел на нужды Воскресенского[15].

В Новый Иерусалим из вотчин Иверского монастыря поставлялась свежая рыба, уксус, различные строительные материалы. Отсюда отправлялись кирпичники, обжигальщики извести, каменщики, изразечники, прошедшие выучку на строительных площадках Святоозерской обители[16]. Из ризницы Иверского монастыря по указу Патриарха Никона в Ново-Иерусалимский и Крестный монастыри было взято большое количество церковной и столовой утвари, а также книг, в том числе из привезенных старцами Кутеинского монастыря[17].

Среди предметов церковного убранства, взятых в Ново-Иерусалимский монастырь, документы упоминают «олтарь мстиславский», т. е. полный иконостас с «писанными на золоте» иконами, царскими дверями и резными «столпцами». Заметим, что «олтарь мстиславский», но тябловой конструкции упоминается в 1675 году при описании Святодуховской церкви Боровичского монастыря[18]. Из Нового Иерусалима «мстиславский алтарь» было приказано вернуть в Ивер в 1685 году[19].

В 1666–1667 годах церковный собор лишил Святейшего Никона патриаршего сана и признал, что три монастыря (Ново-Иерусалимский, Иверский, Крестный) он основал «самоизвольным хотением» вопреки Соборному уложению. Собор постановил «тем новопостроенным монастырем не быти», а приписным монастырям возвратить вотчины и самостоятельность. И только после обращения царя Алексея Михайловича к Восточным Патриархам, чтобы они признали созданные Патриархом Никоном монастыри «в чину правильно созданных» и оставили за ними пожалованные по царским указам, купленные и вымененные вотчины, начался процесс размежевания вотчин и имущественного раздела[20].

За Иверским монастырем были оставлены все владения в Новгородском, Старорусском уездах, а также село Щучье с деревнями в Ржевском уезде, Слобода Шумковская в Новоторжском уезде, сельцо Щапово с деревнями в Клинском уезде, приселок Богородицкий в Московском уезде, а также два осадных двора в Торжке и Твери, дворы в Великом Новгороде, соляные варницы в Старой Руссе. Двор в Китай-городе и загородный двор в Москве были оставлены Иверскому монастырю и Ново-Иерусалимскому в общем владении. В качестве приписных за Иверским оставили Покровский Короцкий и Святодухов Боровичский монастыри. Всего за Иверским монастырем осталось 1636 крестьянских и бобыльских дворов и 26 мест пустых[21].

Село Кунья Гора, сельцо Сопки с деревнями были возвращены в 1667 году Троице-Сергиеву монастырю, Федоровский Тверской и Рождественский Лисицкий монастыри получили статус самостоятельных[22].

Иверский монастырь с вотчинами перешел в подчинение новгородскому митрополиту.

Организация строительных работ

Осуществление грандиозных замыслов Патриарха Никона потребовало создания необходимой строительной базы. Для возведения деревянных построек было достаточно леса и подвластного крестьянского населения, хорошо знакомого с плотницким делом.

Для сооружения каменных построек было необходимо в первую очередь найти нужные природные материалы: песок, глину, известняк, белый камень. Их в достаточном количестве нашли в монастырских владениях. В Боровичах началась разработка высококачественных глин, в том числе белых. В 1664 году Патриарх Никон наказывает архимандриту Филофею прислать в село Выдропуск 100 телег белой глины из Боровичей[23]. Залежи глин были обнаружены также в селах Дубовое, Валдай, Зимогорье. В этих местах организовали кирпичное производство. В Великом Пороге и Березовском рядке на Мсте устроили печи для обжига извести. Обнаруженный в Великом Пороге белый камень оказался непригодным для тёски, поэтому основным местом добычи его была выбрана Старица на Тверской земле[24].

Во вторую очередь необходимо было подготовить кадры строителей (кирпичников, каменщиков) из зависимого крестьянского населения.

Обучались местные крестьяне у опытных мастеров, которых собрал Патриарх Никон в Иверском монастыре, – из Новгорода, Вятки, Троице-Сергиева монастыря. И уже в 60-х годах кирпичники и каменщики из Боровичей, Едрова, Яжелбиц и других новгородских селений по указам Патриарха не только участвовали в строительстве Иверского монастыря, но и отправлялись на работы в Ново-Иерусалимский монастырь[25].

Игнат Максимов, мещанин города Копоса (Белоруссия), в 1655 году приступил к производству изразцов в Иверском монастыре. Для их изготовления использовалась местная глина[26]. Изразцы из Иверского монастыря предназначались не только для него, но и посылались в Новгород, Тверь по заказам новгородского митрополита, частных лиц[27].

Из документов 1673–1674 годов известно, что в этот период в Боровичах существовало производство кирпича и изразцов. Этой работой руководил старец Сильвестр, которого в документах называют «печкур»[28]. Возможно, изразцы в Боровичах начали изготовлять ранее – в 60-е годы по причине хорошего качества глин боровичского месторождения – лучшего в России, а также в связи с начатым строительством каменного храма в основанном Патриархом Боровичском Ново-Духовом монастыре. В отписке архимандриту Евмению Сильвестр называет себя старцем Ново-Духова монастыря.

В 1673 годах Сильвестр сообщал властям Иверского монастыря, что он отправил в Новгород по заказу митрополита Иоакима печные изразцы[29]. Сильвестр занимался также кладкой изразцовых печей и работал в Иверском монастыре[30]. В 1681 году «немощный и древний» старец «гончарного дела» Сильвестр был

послан для работы в Мартирьевскую Зеленецкую пустынь[31].

В строительной деятельности Патриарха Никона в новгородских вотчинах можно выделить несколько направлений. Большое внимание было уделено сухопутной дороге Москва—Новгород, которая вела и в Валдайский Иверский монастырь. Известно, что на Московской дороге сооружали новые мосты[32]. После 1654 года в принадлежавших Иверскому монастырю населенных пунктах, расположенных по Московской дороге, началось строительство монастырских дворов, где можно было остановиться на ночлег и поменять лошадей. Такие дворы с комплексами жилых и хозяйственных строений появились в Новгородском и Новоторжском уездах – в Едрове, Вышнем Волочке, Медне, Выдропуске. Патриарший стан был устроен также в Твери.

Строительство жилых хором, скотного и конного дворов в Выдропуске началось в 1654 году, вскоре после покупки этой деревни Патриархом Никоном у И.И. Урусова. В 1658 году на этом монастырском дворе было приказано к новым патриаршим хоромам пристроить крыльцо и сделать новый «мельничный верх»[33].

Подворья Иверского монастыря отстраивались в Москве и Новгороде. Новгородское подворье было устроено на Торговой стороне близ Ярославова дворища на Михайловой улице, на месте двора Михаила Милославского с каменной палатой и комплексом деревянных жилых и хозяйственных построек. Двор Милославских был переустроен для подворья: часть зданий отремонтирована, часть выстроена заново. В 1662 году работами по отделке новых келлий руководил резчик Иверского монастыря Никифор Реткин[34].

Одно из интересных направлений в строительной деятельности Патриарха Никона зафиксировано в адресованной ему грамоте архимандрита Иверского монастыря Дионисия. Это сооружение комплекса построек общественно-административного назначения в селе Богородицыне (Валдай). Комплекс включал гостиный двор с горницами на подклетах, в которых были устроены изразцовые печи, две школы, таможенную избу, важню, большую поварню и амбар[35]. Возможно, подобные комплексы возводились и в других крупных населенных пунктах.

Ремонт и строительство приходских храмов также контролировались указами Патриарха.

В 1664 году Патриарх разрешил священнику и крестьянам строительство деревянной церкви Иоанна Предтечи в Березовском рядке на месте прежней, разрушенной в «литовское разорение»[36].

В 1666 году власти Иверского монастыря обратились к Патриарху за разрешением освятить перестроенную по его указу каменную Успенскую церковь в селе Сытине. К церкви была пристроена новая алтарная апсида, отремонтированы стены, заведены новые дубовые и железные связи[37].

Из казны Иверского монастыря в 1658 году казначей иеромонах Евмений и «патриарший сын боярский Артемий Токмачев» выдали в церковь Параскевы Пятницы в селе Богородицы нецерковную утварь, облачения, ткани. Участие «патриаршего» представителя свидетельствует о том, что и оснащение вновь построенных или существующих в монастырских вотчинах храмов происходило не без участия самого Патриарха. В том же году из монастырской казны выделялась утварь и облачения для церкви в селе Еглино[38].

Главным объектом в грандиозных архитектурно-строительных планах Патриарха Никона являлись основанные им монастыри. Если строительная история Валдайского Иверского монастыря получила освещение, хотя и недостаточное, в современной литературе, то о двух других обителях, устроенных Святейшим Патриархом на Новгородской земле, почти ничего не известно.

Основание и строительство Троицкой Галилейской пустыни и Ново-Духова Боровичского монастыря

Галилейская пустынь была основана Патриархом Никоном близ деревни Гурылево (мирское название – Вельё) в Щученской волости Деревской пятины на берегу живописного озера Вельё[39]. Обращаясь к строителю Галилейской пустыни Евфимию, Патриарх Никон в 1665 году именует его «нашего строения пресвятыя и живоначальныя Троицы во святом Дусе сыну нашему...»[40]. Отсюда следует, что Патриарх считает Троицкую Галилейскую

пустынь «своим» строением. Определенно об устроении ее Патриархом говорится в челобитной священника Иакова Сазонова митрополиту Новгородскому Евфимию: «И в прошлых же, государь, годех, по указу блаженные памяти Святейшего Никона Патриарха, построена Галилейская пустынь...»[41]

Первое упоминание о Галилейской пустыни датируется 1659 годом. В росписи вещей, привезенных из Кутеинского монастыря, откуда была перемещена братия во вновь созданный Валдайский Иверский монастырь, упоминаются серебряные кадило, звездица, потир и лжица, которые Патриарх жалует в Галилею.

Незадолго до этого, в 1658 году, Святейший Никон приобрел у помещика Александра Оничкова вотчину в Вельевском погосте недалеко от приписного к Иверскому Покровского Короцкого монастыря, расширив владения, пожалованные Алексеем Михайловичем в Щученской волости[42]. Кроме того, для вновь основанной пустыни Патриарх выделил несколько деревень из вотчин Иверского монастыря[43].

Из челобитной крестьян, которые жаловались на притеснения настоятеля Галилейской пустыни Евфимия, известно, что в 1662 году они занимались заготовкой бревен для строительства. По-видимому, тогда возводилась деревянная Троицкая церковь и другие строения небольшой обители[44].

1665 годом датируется грамота Патриарха Никона, разрешающая строителю (настоятелю) Евфимию ловить рыбу «по-осташевски» (т. е. так, как было принято в Осташкове Тверского уезда) в Сытинской губе – вотчине Иверского монастыря.

После ссылки Патриарха в 1667 году Галилейская пустынь пришла в упадок. В 1670 году ее строитель обратился к властям Иверского монастыря дать взаймы рожь и солод[45].

В 1680 году Галилейскую пустынь приписали к Ново-Иерусалимскому монастырю. По переписным книгам 1678 года в Полоновском погосте Деревской пятины за Троицкой Галилейской пустынью числилась деревня Горылево, где жили «рыбные ловцы», и еще две деревни. Всего в трех деревнях упоминается 14 крестьянских и бобыльских дворов, 99 человек мужского пола[46]. По данным конца XVII века, зависимое население пустыни составляло 113 человек (мужского пола)[47].

После того как в 1692 году сгорела деревянная Троицкая церковь, на ее месте построили новую. Местные крестьяне корелы Троицкую церковь не посещали, а построили в соседней деревне Пестово свою церковь и выбрали священника корелянина[48].

В 1722 году Галилейская пустынь была приписана к Александро-Невскому монастырю, а в 1764 году, после ее упразднения, сохранившуюся до того времени Троицкую церковь перевели в разряд приходских[49].

Еще один новый монастырь Патриарх Никон основал в селе Боровичи, которое представляло собой в тот период крупный населенный пункт со сложной планировочной структурой. Представление о ней дают писцовые книги XVI века.

На правом крутом берегу Мсты располагался Борисоглебский погост с тремя деревянными храмами: Введения во храм Пресвятой Богородицы, святых первоверховных апостолов Петра и Павла, святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Рядом с храмовым комплексом стояли дворы церковнослужителей, крестьян, торговцев, ремесленников, а также торговые лавки[50]. От погоста вниз по реке Мсте на земле, принадлежавшей великому князю, тянулся до Свято-Духова монастыря Боровичский рядок. В 1545 году в нем насчитывалось 112 тяглых дворов, в 80-х годах – более 120. По социальному составу население рядка составляли ремесленники различных профессий, «торговые люди», пашенные крестьяне, а также «кормщики» – лоцманы, проводившие суда по порожистой, труднопроходимой Мсте.

Свято-Духов монастырь, поставленный в крутой излучине Мсты, завершал застройку правобережной стороны села, относящейся к Бежецкой пятине.

Напротив Борисоглебского погоста на левом берегу реки располагался Спасский погост с храмом Преображения Господня. Он относился к Деревской пятине. Застройка Спасского рядка шла вверх по течению Мсты до Жадинского ручья, за которым начинался рядок Крупая[51].

Два погоста, рядки и монастырь в целом составляли большое село Боровичи.

Свято-Духов монастырь. *Гравюра XIX в.*

О причинах выбора Патриархом Никоном этого села для устроения нового монастыря можно лишь предполагать. Скорее всего, он сам побывал в Боровичах и определил место для строительства, хотя документальные подтверждения его пребывания в Боровичах отсутствуют.

На выбор места, по-видимому, повлияло несколько факторов: выгодное географическое положение богатого села на древнем Волжском торговом пути, живописность ландшафта – по берегам порожистой реки Мсты в то время рос хороший строевой лес. Не случайно слово «бор» послужило основой названия населенного пункта. Но решающим фактором, без сомнения, явилась главная боровичская святыня – мощи преподобного Иакова Боровичского, которые по указу Патриарха Никона в 1654 году торжественно перенесли в Валдайский Иверский монастырь. Он сам переложил мощи в новую раку [52].

О месте расположения нового монастыря сообщает Михаил Корнилович, не ссылаясь при этом на документальные источники[53]. Вероятно, в Боровичах в то время еще сохранялось предание о монастыре, основанном Патриархом Никоном.

Святейший Никон не изменил посвящение главного храма нового монастыря относительно старого, подчеркнув тем самым их нерасторжимую связь. Только в сравнении со Свято-Духовым монастырь стал именоваться Ново-Духовым.

Если Корнилович прав и Ново-Духов монастырь располагался на противоположном берегу Мсты, он должен был стать новой архитектурной доминантой в планировочной структуре села Боровичи. Два монастырских ансамбля на противоположных берегах реки могли стать своеобразными пропилеями при въезде в село с западной стороны от Новгорода[54].

Самые ранние документы, касающиеся истории Ново-Духова монастыря, относятся к 1661 году. Это «отписки» архимандриту Валдайского Иверского монастыря строителя вновь создаваемой обители Иеронима и старцев Варсонофия и Арефы. Монастырь, таким образом, был мужским, а настоятель имел ранг строителя.

Собор Святого Духа в Боровичах. *Фотография 80-х гг. XX в.*

В 1661 году в Ново-Духовом монастыре активно велись строительные работы. Для «новых белых келлий» старец Иероним просил прислать 9 готовых окончин или мастера со всем «мастеровым запасом»[55]. Началось также строительство житниц. При монастыре были устроены печи для обжига кирпича, но из-за непоставки дров крестьянами много необожженного кирпича (сырца) испортилось. Кирпич заготовляли для сооружения каменной церкви.

Строитель и старцы жаловались и на другие сложности, возникающие в процессе строительства. Причиной этих трудностей было то, что Ново-Духов монастырь не был обеспечен собственными земельными вотчинами. Оба монастыря существовали за счет владений Свято-Духовской обители, что, естественно, вызывало протест крестьянского населения. Кроме того, власти Иверского монастыря облагали боровичских крестьян дополнительными оброками и требовали присылать плотников и кирпичников для строительства[56].

Все это приводило к остановке работ, о чем сообщал строитель Иероним: «...а в монастыри работать никому стало, а казачков стало ни за что нанять, а боровичане и сел поденщиков не хотят давать, а без того не мочно быть стала. Монастырь стал на двое и пашня тоже, а робить стало неким...»[57]

На обнищание монастырских крестьян жаловался в письме и старец Варсонофий: «...а пашни пахать тоже стало некому, крестьяне хлебом оскудели, а деревни Тины иные и по миру разбрелися, а жоны их траву ядят...»[58]

Хотя и медленно, но дело все-таки продвигалось, и в 1664 году последовал указ послать из Иверского монастыря каменщиков на строительство церкви в Ново-Духовов монастыре[59].

После низложения Патриарха Никона и ссылки его в Ферапонтов монастырь в 1667 году строительные работы, по-видимому, прекратились. Михаил Корнилович без документальных подтверждений пишет о том, что для храма был сделан только фундамент. Архивные источники позволяют опровергнуть данное утверждение.

Собор Святого Духа в Боровичах.
Современный вид

Казначей Ново-Духова монастыря Евстратий в письме архимандриту Иверского монастыря, датированном 1673 годом, сообщает, что договорился с местными дворянами перевезти из Ново-Духова монастыря в Свято-Духов «что есть кирпичу и камня и известь и церковь...», а деревянные постройки, в том числе надвратную церковь преподобного Иакова Боровичского, начали разбирать четыре плотника, находившиеся в распоряжении казначея[60].

Еще более определенно об этом сказано в грамоте 1674 года архимандрита Иверского монастыря Евмения «с братьею»: «...в прошлом де во 181 (1673. – *Л.С.*) году, по нашему указу и по грамоте велено им в Ново-Духовском Боровичском монастыре каменную церковь, которая по указу бывшаго Патриарха Никона заведена строить на помещецкой земли, разобрать и перевести в приписной их в старой Духовской в Боровитцкой монастырь»[61].

В 1673 году архитектурный комплекс Ново-Духова монастыря был полностью разобран, а строительный материал перевезен в Свято-Духов монастырь.

При большом скоплении «народа» в старый монастырь перенесли раку с частицами мощей преподобного Иакова Боровичского. Это событие вызвало у боровичан всеобщую радость. Из деревянных построек, кроме церкви преподобного Иакова, ранее перемещенной в Ново-Духов из Свято-Духова монастыря, были возвращены в Свято-Духов монастырь вновь выстроенные большие и малые кельи, хлебня, поварня, ограда. Каменную церковь в 1673 году не удалось перевезти из-за того, что вся территория монастыря оказалась заложенной камнем, кирпичом, бочками с известью[62].

Собор Святого Духа в Боровичах.
Вид на подкупольное пространство. *Фотография 2008 г.*

Надвратная церковь была поставлена и приготовлена к освящению в 1674 году[63]. Большое количество кирпича и извести (около тысячи бочек) говорит о том, что предполагался значительный объем каменных работ. Этот строительный материал был использован для сооружения каменного храма в Свято-Духовом монастыре. В 1674 году архимандрит Иверского монастыря указал «досмотреть место земли дабы церковь каменную делать...», высохла ли земля и можно ли копать фундаментные рвы[64].

Церковь Святого Духа, построенная в 1674–1676 годах, сохранилась в перестроенном виде до настоящего времени.

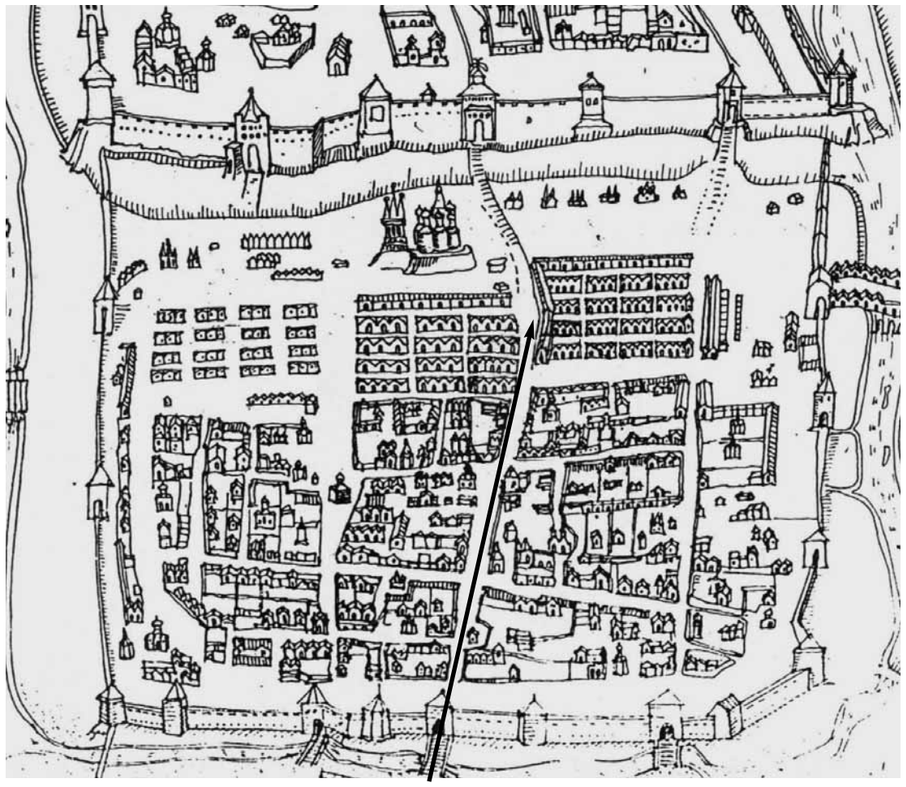
Начинания Патриарха Никона в Боровичах не прошли даром, брошенные им семена дали добрые всходы. Боровичские кирпичники участвовали в строительстве Иверского и Воскресенского Ново-Иерусалимского монастырей[65].

Кирпичное и изразцовое производство на базе качественных глин не остановилось в Боровичах и после 1667 года. В XIX веке началось промышленное изготовление кирпича, в том числе огнеупорного. Боровичские огнеупорные заводы Акционерного общества «Вахтер и К⁰», монополизировавшего эту отрасль промышленности в начале XX столетия, были самыми крупными в России. На боровичских заводах в XIX – начале XX века изготовляли также глазурованную керамическую плитку для облицовки фасадов. До настоящего времени город Боровичи является одним из самых крупных центров по производству кирпича в России.

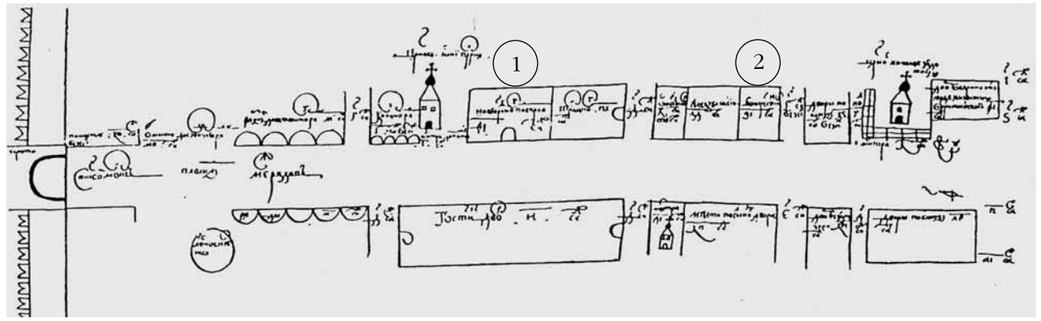
Т.Г. Берхина
Храм пророка Божия Илии в Китай-городе в Москве

УЛИЦА ИЛЬИНКА В ЖИЗНИ ПАТРИАРХА НИКОНА

Ильинка, одна из трех главных улиц Великого Посада, а затем Китай-города, сформировалась в XV веке, а ее окончательная трасса прошла между Фроловскими (Спасскими) воротами Кремля и Ильинскими воротами Китай-города, выстроенными в середине XVI века. Это издревле была торговая и посольская улица. Здесь изначально селились гости – купцы, с обеих сторон улицы располагались торговые ряды, здесь же было отведено место для Панского, или Посольского, двора и для двора Гостиного. Но рядом с торговой шла и церковная жизнь. Непосредственно на улице еще в начале XVI века располагались приходские храмы Воскресения Христова, великомученика Димитрия Солунского и святителя Николая – «Никола Большой Крест», а также Ильинский монастырь с каменным храмом Ильи Пророка, который был построен в 1519–1520 годах и дал имя улице, прежде называвшейся Дмитровской. С середины XVI века главным храмом улицы стал располагавшийся близ Фроловских ворот Кремля Покровский (Троицкий) собор на Рву, возведенный по обету Иоанна Грозного. В близлежащих к Ильинке переулках было еще не менее пяти церквей. В этот же период Ильинка становится еще и средоточием монастырских и архиерейских подворий, и некоторые из них просуществовали здесь в дальнейшем более трех веков.



План Китай-города XVI в. Стрелкой обозначена улица Ильинка



План улицы Ильинка. 1671 год:
1 – Новгородское подворье; 2 – Воскресенское подворье

Появление в Москве большого числа подворий было обусловлено централизацией государства. Со времени формирования Москвы как крупного политического и торгового центра иметь в столице подворья для монастырей и архиерейских домов было крайне необходимо. Их представители приезжали в столицу по монастырским делам, за покупками или по вызову великих князей. На соборы съезжались архиереи и духовные власти из всех епархий. Чем более укреплялась централизация власти, тем чаще и продолжительнее становились эти посещения столицы и тем насущнее становилась потребность монастырей и архиерейских домов в приобретении в Москве двора в постоянное владение.

Упоминания о подворье Троице-Сергиевой лавры в Кремле встречаются уже в XV веке, но более полную картину жизни подворий можно проследить в XVI–XVII веках. А в Китай-городе и особенно на улице Ильинка архиерейские и монастырские подворья были сосредоточены более, чем где бы то ни было в Москве.

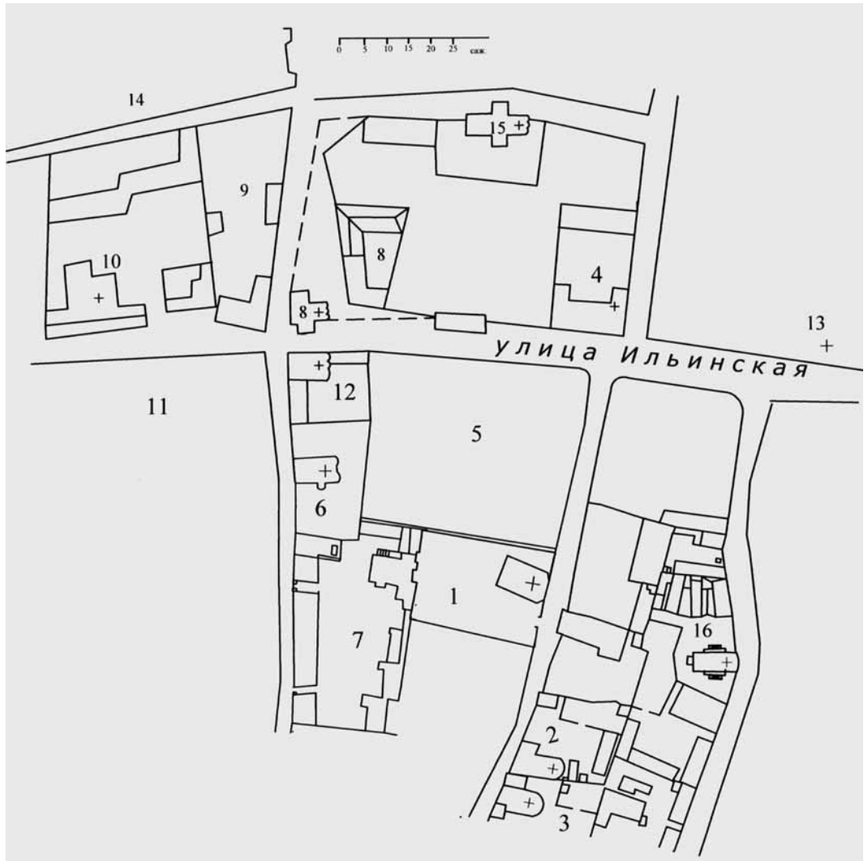
Уже в середине XVI века на Ильинке возникли подворья Троице-Сергиевой лавры и Иосифо-Волоколамского монастыря, и эти земли оставались за монастырями вплоть до 1917 года.

Оба эти участка находились близ Ильинского крестца (ныне Биржевая площадь) и были вкладами в обители от знатных людей. Иосифо-Волоколамскому монастырю передали во второй половине XVI века «двор наш на Москве на улицы на Дмитровки» князья Иван и Григорий Звенигородские[1], а Троице-Сергиева лавра получила вклад от «гостя Ивана Михайлова сына Антонова (потомка одного из “великих и славных” московских купцов Симеона Антонова, который родился по пророчению преподобного Сергия)»[2].

Троицкое подворье было «стряпческим» – на нем жили служители монастыря, поскольку у Троице-Сергиевой лавры были другие подворья в Москве, в том числе и в Кремле, а на Иосифо-Волоколамском подворье останавливались, приезжая в столицу, монастырские власти, и уже в 1558 году здесь была построена каменная церковь Благовещения[3].

Чуть позже, в конце XVI века, возникают еще несколько подворий близ Ильинки: Пафнутьевское «в Введенской улице» (с храмом в честь преподобного Пафнутия Боровского); Соловецкое «в Посольской улице»; недалеко от Соловецкого, ближе к Варварским воротам Китай-города, – Спасо-Прилуцкое подворье (с храмом преподобного Димитрия Прилуцкого).

Пафнутьевское подворье вплотную примыкало к церковной земле храма Николая Чудотворца, что у «Красных Колокол» с северной стороны, а Соловецкое было на десять сажен южнее этого же храма. О возникновении Соло-



Расположение храмов и подворий на улице Ильинка.
По планам владений Китай-города XVIII в., ЦИАМ. Ф. 2134.
Оп. 1. Д. 40. Л. 21, 32. Д. 15. Л. 1, 3—4

1 – Иверское подворье с храмом прав. Иакова Боровицкого; 2 – Пафнутие-Боровское подворье с храмом прп. Пафнутия Боровского; 3 – храм свт. Николая, «что у Красных колокол» с кладбищем; 4 – Воскресенское подворье с храмом Воскресения Христова; 5 – место Посольского двора (XVII в.); 6 – храм Успения Богородицы с кладбищем; 7 – двор Магистрата (XVIII в.); 8 – подворье Иосифо-Волоколамского монастыря с храмом Благовещения (с изменениями XVIII в.); 9 – Троицкое подворье; 10 – Новгородское подворье с храмом Ильи пророка; 11 – место Гостиного двора; 12 – храм вмч. Димитрия Солунского; 13 – храм свт. Николая «Большой Крест»; 14 – место Певческой слободки; 15 – храм бесср. Косьмы и Дамиана; 16 – храм сщмч. Ипатия Гангрского

вецкого подворья сохранилась запись: в 1576 году священник Аввакум и его духовный сын Богдан Дементьев дали вкладом в обитель «двор в Веденской улицы в Москве против церкви Пречистые Богородицы Введенские, да два коня»[4]. Упоминаний о церкви на Соловецком подворье нет, но в соседнем храме «Никола – Красный Звон» был придел соловецких чудотворцев.

В прилегавшей к Ильинке «Ипацкой» улице, рядом с древним храмом священномученика Ипатия Гангрского, упоминавшимся еще в летописи XV века[5], располагалось подворье еще одного древнего монастыря, сыгравшего заметную роль в русской истории: в 1595 году Борисом Годуновым здесь было пожаловано подворье Костромскому Ипатьевскому монастырю – двор «с полатой каменной, с погребами и хоромами»[6].

Несомненно, что монастыри получали как вклады и другие дворы в Москве, которые, однако, не становились подворьями, а либо продавались, либо сдавались монастырями внаем. Устройство подворья, видимо, диктовалось самим местом, его близостью к Кремлю.

Подворье мыслилось как часть монастыря и его подобие, поэтому здесь, как правило, возводили храм. На подворье, как и в каждый монастырь, вели Святые ворота, а над ними со стороны улицы помещалась икона. Внутри возводились «властелинские полаты», келии и хозяйственные постройки: поварня, хлебня, конюшня, погреба и амбары. Часть этих построек к началу XVII века была каменной. Обычно начальствовал над подворьем монах, который нес послушание «московской службы строителя».

Для ведения в Москве монастырских дел на подворье присылались из монастыря или нанимались в Москве особо доверенные люди – стряпчие, разбиравшиеся в тонкостях приказного делопроизводства.

Кроме указанных подворий древних русских монастырей, вблизи Ильинки, между Богоявленским монастырем и Новгородским архиерейским подворьем, со времен Ивана Грозного располагалось подворье афонского Хилендарского монастыря, на которое раз в семь лет с позволения русского царя приезжали греческие старцы для сбора милостыни.

С конца XVI века упоминаются в этой части Китай-города и архиерейские подворья – Новгородское, Казанское, Вологодское, Ростовское. Эти подворья являлись московскими резиденциями архиереев с клиром и служебниками, но нередко пустовали в их отсутствие. На подворье оставались дворник да стряпчий, которые распоряжались им по указанию владыки, и зачастую подворье оказывалось плотно заселенным жильцами.

Вместе со всем Китай-городом подворья неоднократно страдали от пожаров, вновь отстраивались и перестраивались, иногда по государственной необходимости у них отнимали часть территории. Так, в середине XVII века от Пафнутьевского подворья отрезали землю в пользу соседнего кладбища при церкви «Никола – Красный Звон» для погребения умерших при моровой болезни, а незадолго до этого для расширения дороги часть земли подворья «выпустили в улицу».

Подворья тесно взаимодействовали друг с другом в повседневной жизни: стряпчие и строители давали друг другу взаймы деньги и стройматериалы, выступали поручителями в делах, оказывали друг другу услуги, ходили в гости, а порой и конфликтовали.

НОВГОРОДСКОЕ ПОДВОРЬЕ

Такой предстает улица Ильинка к 1649 году, когда в марте на московский Софийский двор прибыл вновь поставленный митрополит Новгородский Никон[7]. За три года управления этой епархией он прожил в Москве на своем подворье около шести месяцев.

Новгородское подворье, или Софийский двор, возникло на Ильинке рядом с Ильинским храмом в 1570 году на месте двора земского казначея Хозяина Юрьевича Тютина, казненного Иваном Грозным. «Блаженныя памяти Государь и Царь и Великий князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал, дал в Софийской дом на Москве на Ильинском крестце хозяиновский двор Тютина и архиепископ Леонид, а после него Александр митрополит на том дворе поставил храм каменной во имя Никиты Новгородского чудотворца, и хоромы поставил Софийскою казною»[8]. Расположение подворья хорошо известно из планов Китай-города XVII века, а до нынешнего времени сохранилась соседствовавшая с ним церковь пророка Божия Илии.

На подворье новопоставленный митрополит прибыл по обычаю сразу после чина поставления, но уже к 24 марта отбыл в свою епархию. Достоверно известно, что в следующий раз он прибыл в столицу вечером 6 декабря 1650 года[9]. В Москве он был принят с большой честью, «якова инем владыкам новгородцким, прежде бывшим, таковые великие чести не бысть, яко же ему». При этом не только сам митрополит Никон, но и софийский клир были одарены дорогими подарками из государевой казны: «сукна на однорядки лутчие и бархаты на шапки в Великий Новград

Ильинка. Здания Теплых торговых рядов на Новгородском подворье.
В центре – церковь пророка Божия Илии. *Современный вид*

болшому собору Софеи Премудрости Божии протопопу и протодьякону, ключарем и рядовым священницам и дьяконом, и певчим, и подьяком, и пономарем, и сенним дьячком, комуждо по рассмотрению»[10]. В дальнейшем царь ежегодно призывал митрополита Никона в Москву, и он проживал на своем дворе по нескольку месяцев[11].

Один из таких периодов, когда митрополит Никон находился в Москве на подворье, отражен в сохранившейся «Расходной книге митрополита Новгородского Никона во время поездки его в Москву и в Соловецкий монастырь в 7160 году»[12]. По расходам, произведенным с декабря 1651 по август 1652 года, можно судить об общем укладе жизни на Софийском дворе в то время.

Митрополит Никон прибыл в Москву 21 декабря «три часа до света» и уже в этот же день (память преставления святителя Петра, митрополита Московского; †1326) сослужил Патриарху Иосифу в Успенском соборе. В храме присутствовал царь, после богослужения была трапеза у Патриарха для духовенства и бояр. В этот же день царь, царица и царевны прислали на Новгородское подворье своих бояр с угощениями, а митрополит Никон оделил посланных деньгами[13].

Вообще, во время пребывания митрополита Никона в Москве подворье было постоянно заполнено посетителями. Из Кремля непрестанно посылаются от государя, Патриарха, царицы и царевен «романея и яства», подарки, деньги, а вскоре по приезде в Москву царь дарит митрополиту двух светло-серых коней-санников (за период с 21 декабря 1651 по 11 марта 1652 года подарки и угощения посылались около сорока раз). В дни своих именин к митрополиту Никону приходят бояре с «именинницкими пирогами», в праздники с поздравлениями приходят московские протопопы, попы, государевы, патриаршии и властительские певчие дьяки и

подьяки; и всех их, так же как и посланцев из Кремля, Никон жалует деньгами и подарками. Здесь же, на подворье, он по воскресеньям и праздничным дням раздает милостыню нищим, оделяет их одеждой и сапогами.

Из «Расходной книги» видно, что на подворье вместе с митрополитом находилось более пятидесяти человек клира и служебников, а именно:

софийский ключарь Петр и дьякон Юрий, сенной черный поп Иосиф, ризничий черный диакон Лаврентий и черный дьякон Сергий, сушильный старец Иона, старец Моисей, стряпчие Новгородского Софийского дома Никифор Тяполков и Богдан Сназин, ясельничий Авраам Качалов, софийские дети боярские Андрей Черной, Фирс Иванов, Тимофей Жеглов, Михайла Косиков, дьяк Парфений Иванов, подьячий Симон Грязнов, странник Исидор;

певчие дьяки: Нестер Иванов, Афонасий Прокофьев, Артемий Федоров, Федор Яковлев, Ондрей Квасников, Дружина Иванов, Мартын Яковлев, Пахом Нежданов, Петр Васильев, Григорий Чуплов;

подьяки большой станицы: Иван Степанов, Семен Бабин, Елизар Дорофеев, Григорий Васильев, Июда Гаврилов, Афонасей Фомин;

недельщики Броха Афонасьев и Федор Константинов;

служебники:

истопник Михаил Колмогорец;

повара: Савка Григорьев, Овдоким Иванов, Мартемьянка;

хлебники: Левка Павлов, Евтишка Дурной, Васька Норный, Митька Шушерин[14],

помес Лашка Денисов;

гвоздарь Митька Иванов;

недельник Родька Крюков;

конюхи: Иудка Мартемьянов, Давыдка Плавный, Ивашка Антоньевский, Прошка Лукин, Гришка Федоров;

водовоз Демидка Посохин;

кузнец Бориска; портные Симон и Васька.

Кроме них в документах упоминаются постоянно жившие на подворье дворник Антон с женой, «никицкий дьячок Павлик» с женой и «никицкий поп Василий».

Из записей видно, что на подворье в церкви святителя Никиты Новгородского регулярно (еженедельно и по праздникам) совершается богослужение (более 12 раз выдаются деньги на «просфиры», на ладан, а свечи делает дьячок Павлик); службы не прекращаются, хотя к церкви в этот период пристраивают деревянную «паперть»[15] (делал «подвящик Иван Афонасьев», стрелец). Вероятно, в «Никицкой церкви» служил и сам митрополит Никон, так как к службе покупались «свеча выносная тройная», «свеча восковая тройная к преждеосвященной службе».

На подворье приходят иконописцы, часовщики, серебряники за заказами или с готовой работой.

Здесь подковывают лошадей, чинят сбрую и сани, покупают и привозят на подворье продукты и ткани, дают взаймы крестьянам под кабальные записи. Кроме пристройки паперти к церкви, происходит починка кирпичных погребов.

С декабря 1651 по август 1652 года митрополит Никон покидает подворье дважды: с 16 по 23 января 1652 года он вместе с царем, царицей и Патриархом выезжал из Москвы в Саввино-Сторожевский монастырь на обретение мощей преподобного Саввы Сторожевского, а 11 марта 1652 года Никон с сопровождающими едет на Соловки за мощами митрополита Филиппа.

Отъезду предшествуют тщательные сборы и приготовления на подворье. Покупаются сани, чинится сбруя, подковывают лошадей. По распоряжению Никона закупаются ткани «на манатью», укрепляются подошвы сапог, закупают продукты, ладан, сукно, кафтан «большим подьяком в дорогу с посохом ехать», стул кожаный дорожный для митрополита, богослужебные принадлежности. От царя также присылаются жалование и съестные припасы в дорогу («рыбу белуги и осетры и икру»).

На московское подворье митрополит Никон вернулся вечером 6 июля того же года, оставив своих спутников и мощи святителя Филиппа близ Москвы, чтобы 9 июля возглавить крестный ход, торжественно встречавший мощи за Земляным городом.

Упоминания в «Расходной книге» о митрополите Никоне исчезают после 25 июля 1652 года, когда он был возведен на Патриарший престол и покинул Новгородское подворье.

С 22 по 25 июля на подворье происходили действа, описанные в «Чине поставления Патриарха Никона»[16]. В первый день «государь царь и

великий князь Алексей Михайлович всея Русии советовав о том... со всем освященным собором, по новоизбранного Патриарха пошлет на Новгороцкое подворье от духовного чину Серапиона митрополита Сарского и Подонского, да Мисаила архиепископа Резанского и Муромского, да от своего царского синклита боярина Василия Васильевича Бутурлина да окольничего князя Ивана Ивановича Ромодановского да думного дьяка Михаила Волошенинова. А приехав властем и боярину с товарищи молыть Серапиону митрополиту речь преосвященному Никону митрополиту Новгороцкому и Великолуцкому, чтобы он ехал в соборную и апостольскую церковь честнаго и славнаго ея Успения к великому Государю и ко всему освященному собору на избрание на великий патриаршеский престол. А как Никон митрополит з двора своего пойдет и властем и боярину с товарищи ехати за митрополитом». Однако, как пишет митрополит Макарий (Булгаков), чин был нарушен и на подворье за митрополитом Никоном посылали несколько раз, поскольку он отказывался стать Патриархом[17]. В конце концов он согласился, оговорив условия, на которых принимает патриарший посох, – что «царь отнюдь не будет заниматься делами Церкви и духовенства»[18], и исполнение чина было продолжено. На другой день: «Пошлют ис крестовой соборново протопопа да протодиакона да ключаря по новонареченного Патриарха, а с ними для провожанья послати пламенников всех (12 человек) и приведен будет ими новонареченный в крестовую келью и действовати о нем в крестовой келье все по обычаю... И тако совершив... новонареченному Патриарху поехать на прежнее свое подворье, а провожать иво протопопу и протодиакону с пламенники». И наконец, 25 июля «...послати по новонареченного Патриарха Никона на подворье Серапиона митрополита Крутицкого, да чюдовского архимандрита Ферапонта, да спаского архимандрита, да пафнотьевского игумена.

А приехав к новонареченному Патриарху Никону говорить митрополиту речь... и новонареченному Патриарху Никону ехати к соборной церкви в санех, а санем и санником быти с патриарша двора, а за ним ехати Серапиону митрополиту Крутицкому да чюдовскому и спаскому архимандритам и пафнотьевскому игумену, а перед ними идти огненником...»

ИВЕРСКОЕ ПОДВОРЬЕ

Но улица Ильинка остается в поле зрения нового Патриарха. Основав Иверский монастырь, Патриарх Никон в 1654 году дает ему находившееся между Новгородским подворьем и Богоявленским монастырем греческое подворье Хилендарского монастыря, а грекам отдают монастырь «Николая чудотворца старого» на Никольской улице. В царской жалованной грамоте говорится: «...по прошению отца нашего и богомольца, Великого Государя, Святейшего Никона Патриарха Московского и Всея Руси, пожаловали, велели то Греческое подворье отдать в Иверский монастырь Пречистыя Богородицы и чудотворца Филиппа митрополита Московского и Всея Руси, что на Валдайском озере на приезд того монастыря властем, а что на том дворе хором и то оценить и по оценке деньги взять в Нашу казну... дана сея грамота 7162 месяца сентября в 19 день»[19].

Но в дальнейшем на месте Хилендарского подворья были поселены патриаршие певчие, а Иверское подворье было устроено чуть дальше от Кремля – позади Посольского двора. Для этого 11 июля 1655 года «дьяками Иваном и Аникием детьми Чистаго» был отдан двор их брата Назария, убитого во время соляного бунта, а 22 июля Патриарху Никону дана царская жалованная грамота на этот двор[20]. Архидиакон Павел Алеппский в «Путешествии Патриарха Макария...» писал: «Патриарх [Никон] недавно вступил во владение палатами одного из умерших визирей и, переделав их, обратил в подворье для своего новаго монастыря. ...В самой верхней части этого помещения он устроил красивую высокую церковь...»[21] И уже менее чем через год Патриарх Никон и Антиохийский Патриарх Макарий освятили эту церковь во имя праведного Иакова Боровичского[22]. Это событие, произошедшее 26–27 мая 1656 года и сопровождавшееся торжественным крестным ходом из Успенского собора, также описывается у Павла Алеппского и в «Книге записной Патриарха Никона»: «В понедельник

Святаго Духа... приказал государь Патриарх петь малую вечерню и всенощное Антиохийскому Патриарху на Иверском подворье и светить церков с его греческими властьми». На другой день «во вторник Троецкия недели по Пасце... государь Патриарх облачался в церкви Трех Святителей, что у нево государя на сенях... принесене же бывши и святей иконе Пречистыя Богородици Иверская из ево государевы патриарши келейной казны... и поидоша в ход с тою святою иконою. И вышед из граду на Лобном месте были, и с Лобнова места... приидоша на Посольскую улицу... И как будут близ Иверского подворья и Антиохийский Патриарх государя святейшего Патриарха встретил со своими греческими властьми, вышед с Пафнутьевского подворья из церкви, облачась в саккос и лентии, со святыми мощми носяй на главе. И поидоста вкупе на Иверское подворье и возшедше на паперть церковную, не входя в церков, и пошли со кресты с мощми круг церкви. И обшед трижды, Антиохийский Патриарх все действо вел освещение и литоргию служил, и пели греки, ево старцы...»[23] Особо интересным, с точки зрения взаимодействия подворий, представляется здесь изнесение мощей праведного Иакова Боровичского из церкви Пафнутьевского подворья, находившегося неподалеку.

БОГОСЛУЖЕНИЯ ПАТРИАРХА НИКОНА НА ИЛЬИНКЕ

Стремление Святейшего Патриарха Никона привести русское богослужение в соответствие с древней греческой традицией сформировалось еще до его вступления на Патриарший Престол. Попытки упорядочить богослужение видны уже в его деятельности на Новгородской кафедре, где он ввел единогласие, а также широкое употребление греческих песнопений.

По дошедшим до нас описаниям очевидцев, патриаршие богослужения Никона всегда отличались строгой уставностью, а также красотой и пышностью, что происходило из его любви к храму и богослужению, из его представления о храме как образе Царства Небесного и стремления явить «в видимых вещественных образах дивную красоту и славу Церкви Небесной, Иерусалима Нового»[24].

Патриарх Никон. *Гравюра XIX в.*

Патриарх служил все воскресные, праздничные службы и службы всем особо чтимым святым. При этом он старался совершать их в храмах, посвященных этим святым, и, таким образом, бывал во многих московских церквях.

Патриарх Никон неоднократно служил и в храмах на улице Ильинка: в храме Ильи Пророка, в храме Воскресения Христова, в храме Введения «Златоверхово» – более, чем на любой другой улице вне Кремля. Издревле в почитаемый храм Пророка Илии «за Ветошным рядом» в Китай-городе ежегодно, а часто и не один раз в год совершался крестный ход из Успенского собора, в котором участвовали царь и Патриарх. В Ильинском храме Патриарх Никон служил несколько раз, о чем свидетельствуют архивные документы: «7165 г. июля 20 дня Великий государь св. Патриарх ходил за кресты и был в ходу и служил у праздника в церкви Пророка Илии, что за Ветошным рядом, и от обедни идучи в город на Ильинском кресце тюремным сидельцом указал словесно государь Патри-

арх милостыни...»[25]; «...облачение на Патриархе было: сак красный камчатной, амфор средний, митра средняя, панагия яшмовая...»[26] В 1656 году, 4 июля, был совершен крестный ход по случаю засухи: «...и молили Бога о дожди (на ектенье на Лобном месте). ...И пойде с Лобного места по чину святейший государь Патриарх, служил у святаго пророка Илии за ветошным рядом, а служащих с ним государем было 10 человек и с ставленниками, а прочия черныя власти и священницы и диаконы и все православные христиане со кресты пошли на Воронцово поле...»[27]

В церкви Введения Богородицы «Златоверхово», которая находилась на правой стороне Ильинки, «в Веденской улице», Патриарх Никон также «литоргию служил у праздника, а облачение на нем было: стихар белой обьяринной, патрахиль и пояс меншое, поручи низаные средние, сак алтабасной низаной – государыни царицы данье, амфор старой болшой, митра средняя, понагия цареградская. Государь царь у обедни у праздника был».

Большое значение придавал Патриарх Никон особо любимым москвичами крестным ходам и другим церковным действам, проходившим на улицах и площадях Москвы. Одним из наиболее почитаемых мест вне Кремля было начало улицы Ильинка, где находились главные святоградские образы в Москве XVI–XVII веков: Спасские ворота Кремля, Троицкий (Покровский) собор и Лобное место. Здесь происходило и одно из главных и духовно значимых для Патриарха Никона богослужений – совершаемый в Вербное воскресенье чин «шествия на осляти». Чин сформировался еще в XVI веке и олицетворял собою вход Спасителя в Иерусалим перед Его крестным страданием, а в более широком символическом толковании он был устремлен в будущее – к Небесному граду Иерусалиму. Шествие следовало из Успенского собора в Троицкий (Покровский) собор на Красной площади, имевший Входоиерусалимский придел, а затем возвращалось через Спасские ворота в Кремль. Христа изображал в этом действе Патриарх, восседавший на лошади, которую вел под уздцы царь. Впереди торжественной, исполненной духовного смысла процессии везли вербу, украшенную яблоками, финиками и изюмом; на той же повозке стояли мальчики-анагносты, которые высокими голосами пели стихиры праздника. За повозкой следовали хоругви, иконы и духовенство. Дети постилали под ноги лошади, на которой ехал Патриарх, свои кафтаны. «Это было зрелище, смотреть которое мы пожелали бы всякому другу, – писал Павел Алеппский. – В это время все колокола неумолчно гудели, так что казалось, как будто дрожала земля. Патриарх осенял крестом народ направо и налево, а наш владыка шел позади Никона, а за ним архиереи... что наиболее привело нас в восторг, так это многочисленные отроки с разноцветными кафтанами и поспешность, с которою они расстилали их...»[28] В дальнейшем Патриарх Никон изменил традиционный порядок «шествия на осляти», сохранявшийся до середины XVII века. Оно стало начинаться у Лобного места и направляться в Успенский собор. Изменение порядка шествия могло быть связано со стремлением Патриарха приблизить русские обряды к греческим, а также с тем, что таким образом усиливалось сравнение Кремля с Иерусалимом, о котором упоминает и Павел Алеппский. Новый порядок шествия Патриарх Никон ввел с 1656 года[29]. Теперь крестный ход приходил из Успенского собора обычным порядком, а «шествие на осляти» начиналось от Лобного места. Здесь прочитывалось Евангелие, включавшее разговор Спасителя с учениками и посылку двух учеников за ослом, причем Евангелие читал протодиакон, а Патриарх произносил слова Христа. Вход в Спасские ворота Кремля не только символизировал вход Спасителя в Иерусалим, но и вход в Небесный Град во время Страшного Суда. «При остановке хода перед воротами все находящиеся на Красной площади падали ниц, и все замирало. Православный царь в праздничных одеждах вводил спасенную Церковь в лице Патриарха в Царские врата Небесного Града, о чем немедленно радостно возвещали все московские колокола»[30].

Таким образом, Ильинка, как средоточие почитаемых храмов и подворий крупных монастырей, часто посещалась и Патриархом, и царем, поэтому, думается, не случайно, когда Патриарх Никон озаботился устройством подворья для своего любимого детища –

Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, он место для него выбрал именно на Ильинке.

ВОСКРЕСЕНСКОЕ ПОДВОРЬЕ

Это был участок церковной земли с бесприходной каменной церковью Воскресения Христова «строения Юдиных». Из упоминания в монастырской описи о закладных 156 (1648) и 158 (1650) годов видно, что рядом с Воскресенской церковью находился немалый (заложен за 1000 рублей) двор Ивана Андреева сына Юдина[31].

Местонахождение храма точно известно из переписи улиц Китай-города 1626, 1639, 1657 годов. Кроме того, церковь Воскресения хорошо видна на планах конца XVI века, а на плане улицы Ильинки 1671 года показано уже место Воскресенского подворья. Монастырь владел им вплоть до 1917 года.

Храм Воскресения имел и участок церковной земли: «...по нынешней мере [1657 год] под церковью земли и кладбища в длину 19 сажен, да дворы церковных причетников... всего попова и дьяконова и дьячкова и пономарева и просвирницына дворовых мест вдоль от мостовой улицы подле Алексеева двора Шеина 31 сажень, поперег от старого кладбища подле мостовой улицы четверы сажени с четвертью, в другом поперечнике от проезжева переулка 16 сажен с полусаженью»[32].

Древняя церковь Воскресения Христова упоминается в летописи уже под 1472[33] и 1556[34] годами. На древнем кладбище при ней, вероятно, были погребены предки купцов Юдиных, которые были вкладчиками и, возможно, возобновителями церкви после московского разорения или пожара 1626 года и ее содержателями. До нашего времени дошли сведения о следующих вкладах в церковь Воскресения Христова (все они сделаны Оксиньей Юдиной в разные годы): воздух и покровец (вклад 1649 года; ныне находятся в собрании музея «Новый Иерусалим»[35]), крест серебряный со святыми мощами и ковш серебряный для теплоты (вклады 1642 года «Оксиньи жены вдовы Юдиной дочери Федоровой по своих родителях»[36]).

Вдова Ивана Юдина Оксинья дала также на содержание причта восемь лавок, причем данная грамота датируется декабрем 1659 года, когда церковная земля уже отошла к Воскресенскому монастырю.

Архимандрит Леонид (Кавелин) пишет, что церковь Воскресения Христова стояла «без пения»[37], но это сомнительно, т. к. в переписной церковной книге 1657 года упоминаются дворы причетников, и в том числе дьякона Гавриила и попа Феоктиста, и они же встречаются в других документах этого времени: дьякон Гавриил Владимиров поставлен к этой церкви в 1654 году[38], а «поп Феоктист церкви Воскресения Христова что в Панех» в 1656 году подписывает за неграмотных «деловых людей Плещеева», записавшихся «во крестьянство» в вотчину Патриарха Никона к Воскресенскому монастырю, «выпись из приказа холопья суда»[39]. Таким образом, этот священник, вероятно, был знаком Патриарху Никону и участвовал в хозяйственных делах Воскресенского монастыря еще до того, как церковная земля была взята под Воскресенское подворье.

Подворье было пожаловано монастырю по челобитной игумена Стефана и по совместному указу царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона 9 октября 1657 года: «...в нынешнем во 166 году, сентября в 8 день бил челом Великому Государю, Святейшему Никону, Патриарху Московскому и всея Великия и Малыя и Белыя Руси Государева Патриархова новаго строения Воскресенского монастыря игумен Стефан с братиею... велено де ему игумену Стефану быть... в том Воскресенском монастыре, а есть церковь Воскресения Христова в Китае в городе на большой Ильинской улице, что в Панех, а приходу, де, к той церкви никого нет; да к той же церкви есть церковная земля, да на церковной же земле причетнические дворы. И Великий Государь Святейший Никон, Патриарх Московский и всея Великия и Малыя и Белыя Руси... указал тое церкви Воскресения Христова, что в Панех на церковной земли и причетнических дворовых местах... устроить подворье и дать на ту землю данную... и по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича... из Патриарша Разряду... игумену Стефану с братиею... дали даную»[40].

При передаче церкви Воскресения Христова в Панех Воскресенскому монастырю ее утварь и имущество были переписаны патри-

аршим боярином Борисом Нелединским и дьяком Иваном Щепотиным[41].

В это же время, осенью 1657 года, Патриарх Никон особенно часто бывал на новом подворье, оделял здесь милостыней нищих и неоднократно служил в церкви Воскресения Христова. А на заупокойной литургии «по Иудиных родителях» 12 сентября с ним присутствовали митрополиты Казанский, Ростовский, Крутицкий, архиепископ Тверской, игумен Воскресенского монастыря и соборный протопоп[42].

Из документов Патриаршего приказа также видно, что и в дальнейшем Патриарх неоднократно посещал подворья своих монастырей. Так, 9 февраля и 13 апреля (вторник Светлой седмицы) 1658 года «Патриарх Никон ходил на подворья Иверского и Воскресенского монастырей; по его указу по дороге раздавали нищим милостыню»[43].

А 10 июля того же 1658 года Святейший Патриарх Никон, оставив Патриаршую кафедру, «иде пеш Красною площадью и Ильинским кресцем, даже до Воскресенскаго своего подворья. Народа же множество возследоваша ему уговаривающе его и плачуще; он же пришед на Воскресенское свое подворье и благословив всех и мир подаде отпусти во свояси, и вниде в свои келлии, яже суть на подворье. ...И пребыв ту на Воскресенском подворье три дни и три нощи, и испросив в Новодевическом монастыре две коляски прутием плетеныя киевския, и положив на едину коляску вещи своя, на другую же сяде сам и путешествоваше в монастырь свой Воскресенской»[44].

О последующих его приездах в Москву достоверно известно, что он останавливался на Воскресенском подворье 27 декабря 1662 года.

Весь период жизни Патриарха Никона в Воскресенском монастыре его связь с московским подворьем была постоянной: Патриарх занимался строительством монастыря, а большинство хозяйственных и торговых дел в Москве осуществлялось через подворье. На Воскресенском и Иверском подворьях оставались личные вещи, часть библиотеки, бумаг и келейной казны Патриарха[45]. В июле 1659 года он жаловался царю, что его письма и бумаги на Воскресенском подворье опечатаны[46].

Жизнь Воскресенского и Иверского подворий во время нахождения Патриарха Никона в Воскресенском монастыре прослеживается по патриаршим грамотам, отпискам служителей, находившихся в Москве, и по сохранившимся описям расходных книг. В этот период хозяйственными нуждами Воскресенского, Иверского и Крестного монастырей в Москве занимался стряпчий Воскресенского монастыря Григорий Урюпин (документально подтверждается с 1661 года), которому было установлено жалование от всех трех обителей: «...В прошлом во 171 (1663) году, указали мы, Великий Господин, из Иверского монастыря московскому стряпчему Григорию Урюпину давать по дести рублев денег в год, а из Крестного монастыря потомуж, а из Воскресенского монастыря давать хлеб и дрова, и лучины, и сено, и овес, и те деньги ему стряпчему плачены за Иверский и за Крестной монастыри из Воскресенского монастыря из монастырской казны.... И вам бы [Властям Иверского монастыря] за прошлыя за 171 и за 172 (1664) и за 173 (1665) и за нынешний 174 (1666) годы, сорок рублев прислать к нам, Великому Господину, в Воскресенский монастырь; а впредь на всякой год прислать по дести рублев без всякого переводу»[47].

Взаимодействие Воскресенского и Иверского подворий было очень тесным. Например, имущество Патриарха Никона находилось на обоих подворьях[48], и в описи Воскресенского монастыря сохранилось упоминание о росписных и расходных «Книгах Патриаршей келейной рухляди казначея иеромонаха Акакия, что он принимал на Москве с Иверского подворья у казначея иеромонаха Филофея»[49]. Можно также сказать, что в этот период Воскресенский монастырь и его подворье в большой степени обеспечивали московские нужды Иверской обители. Из переписки Патриарха Никона с Иверским монастырем видно, что присылавшиеся в Москву в приказы крестьяне из обеих обителей содержались на Воскресенском подворье: «...Да что присланы от вас были душегубцы Осташка Яковлев да Ортюшка Сысоев, да жонка Дарьица, и по нашему, Великого Господина, указу посланы они к Москве в Разбойной приказ. И марта в 19 день с московского Воскресенского подворья тот Осташка Яковлев из-за караулу ушол...»[50]

Даже загородным двором с огородом, «где для властелинского ж приезду и братии, капусты и огурцов посадить», за Петровскими воротами подворья владели «вообче пополам»[51].

Патриарх Никон в 1664 году даже пенял властям Иверского монастыря: «...Дел ваших монастырских на Москве и в Воскресенском монастыре много... не столько наших дел делают, сколко вашего монастырского... И вам бы для своих монастырских дел к писму прислать своего подьячего Стенку Петрову к нам в Воскресенский монастырь совсем на житье, чтоб он ваши Иверского монастыря дела знал...»[52] В 1666 году он снова писал Иверскому архимандриту Филофею: «...да у нас на Москве за вашими делами живут безпрестанно строитель и стряпчий; и в них у нас большие протори, а вы преж сего прислали всего на расход приказным людем 5 бочек рыбы, что мы, Великий Господин, велели взять, и вы то хотели доправить на старце... и впредь бы вам строителя и стряпчего к Москве прислать своего, так вы узнаете, как жить, коли вы за 5 бочек кручинитеся, а у нас и своих хлопот много...»[53]

О постройках на Воскресенском подворье в этот период ничего не известно, а о состоянии Иверского подворья к 1666 году можно судить по отписке архимандрита Филофея Патриарху Никону: «...На московском, Великий Господин, Иверском подворье у церкви и у хором кровли погнили, а около двора у тынов столбы и заборы погнили ж, а в иных местах и поразволилось; и мы, богомольцы твои, опасаемся, чтоб болше чего попортилось, и приказали ему ж иеромонаху Евстафию к той дворовой постройки на Москве припасти лесу, тесу и бревен... Да в прошлом во 173 году послан от нас, богомольцев твоих, Иверского монастыря на московское подворье дьякон Паисей, и ныне с подворья строитель Ипполит докучает нам, что де у него строителя с тем дьяконом Паисием между собою развратно, и чтоб нам того дьякона переменить; и мы без твоего святительского указу в Иверский монастырь того дьякона Паисия взять не смеем. И о том как ты, милостивый отец, укажешь?» На что от Патриарха Никона последовал ответ: «...А дворовая поделка на вашей воле, как хотите, так и строите; диякон на вашей же воле, кого хотите, того и держите на подворье»[54].

Улица Ильинка, 9/10 – место Воскресенского подворья

Можно предположить, что время суда над Патриархом Никоном было для подворий его монастырей тяжелым, здесь, по-видимому, были пересмотрены и описаны келейная рухлядь и казна Патриарха, а также имущество самих подворий и их церквей, поскольку в 1664–1666 годах было составлено несколько таких описных, росписных и переписных книг[55]. 30 ноября 1666 года, когда Патриарх Никон приехал в Москву, на Воскресенское подворье были отвезены взятые им из монастыря припасы, которые не пропустили в Кремль, где во время суда Патриарх Никон помещался на Архангельском подворье.

После суда над Патриархом Никоном и его ссылки произошло окончательное разделение хозяйственных дел Воскресенского и Иверского подворий, которые, несмотря на отнятие некоторых других вотчин, остались за монастырями. Иверские власти жаловались своему московскому покровителю боярину Илье Милославскому: «Ей, государь, посягание терпим многое, что видят нас беззаступных по бывшем Патриархе Никоне, а мы, государь, люди подневольные...»[56]

Повседневная жизнь и заботы всех подворий в XVII веке были схожи между собой: приезд монастырских властей, монахов и крестьян-челобитчиков из вотчин, пересылка пойманных беглецов, прием и отправка разных припасов и бесконечное хождение по приказам «за монастырскими делами».

Строители подворий сменяли друг друга примерно раз в два года, вероятно, потому, что эта должность была трудной и хлопотной. Власти монастыря старались подбирать на нее деятельных и предприимчивых монахов, которые в дальнейшем продвигались в монастырской иерархии. На московском подворье Воскресенского монастыря начинали свою деятельность архимандрит Филофей и архимандрит Никанор.

Кроме строителя, на подворье бывали по делам другие монахи и монастырские власти. А в праздники архимандрит и казначей со старцами останавливались на подворье, приезжая во дворец с поздравлениями и «праздничной святыней».

После ссылки Патриарха Никона подворья его монастырей, лишившись патриаршего покровительства, разделили участь других подворий, связанную с постоями по приказанию светских властей. Это видно из челобитной Воскресенского монастыря царю Алексею Михайловичу 1672 года: «...по твоего Великого Государя указу поставлен на Московском нашем Воскресенском подворьишке греческой посол со многими людьми, да с твоим же Государь подрядным вином из черкаских городов подвод с двести и больши. Да на том же нашем подворьишке стоит грузинской посланник другой год со многими людьми, и то наше подворьишко те стояльцы обожгли и обломали и все огноили. А ныне мы, богомольцы твои, приволокались к Москве для своих монастырских нужд и на том своем подворьишке нам, богомольцам твоим... стать негде. И кое на том нашем подворьишке было запасишко и борошнишко, те стояльцы то все вон выметали... Вели Государь тех стояльцов... с нашего московского Воскресенского подворьишка свести для нашей великой тяготы, чтоб нам... с монастырскими своими служебники по чужим дворам не скитаться. Царь Государь смилуйся!»[57]

Судя по помете, челобитная возымела действие лишь частично: «Государь пожаловал, бельцов на их подворьишке ставить не велел. А архиереев и архимандритов ставить по прежнему его великаго Государя указу».

Возвращение царской милости к Воскресенскому монастырю и Патриарху Никону перед его кончиной сказалось и на московском подворье монастыря. В 1680 году подворье посетил Патриарх Иоаким и совершил отпевание скончавшегося в Москве воскресенского архимандрита Варсонофия[58]. А в период настоятельства архимандрита Германа царь Феодор Алексеевич по его просьбе повелел отдать «безденежно» на нужды подворья сложенные на монастырском дворе кирпич, сваи и известь, приготовленные для сооружения в Москве уличных каменных оград[59].

Таким образом, даже из этого небольшого обзора видно, что сведения о московских подворьях существенно дополняют историю монастырей, созданных Патриархом Никоном, и показывают его богослужебную и хозяйственную деятельность в период пребывания в Москве, глубже раскрывая образ Патриарха-молитвенника, нищелюбца и рачительного хозяина.

Архимандрит Макарий (Веретенников)
Московская духовная академия

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПАТРИАРХ ПИТИРИМ

В отечественной историографии немало неизученных проблем, и прежде всего, отсутствуют исследования по истории высшей церковной власти. До сих пор не написана история Соборов Русской Церкви, а также ее Предстоятелей. Отсутствуют исследования о митрополитах и патриархах монографического характера, с приложением всех документов, связанных с именем каждого. Личность Патриарха Питирима не является исключением[1].

Родился будущий Патриарх, очевидно, в самом начале XVII века. «А рожение его в богоспасаемом граде Суждале»[2], – читаем в летописи. Монашеский путь будущего Патриарха начался в Суздальском Спасо-Евфимьевском монастыре. В 1642 году монах Питирим был на послушании в приписном к Спасо-Евфимьеву монастырю Васильевском монастыре близ Нижнего Новгорода. При нем был «по плоти единородный ему сын именем Александр», очень им любимый, у которого была «болезнь огненная вельми злолюта». В Оранской пустыни будущий Патриарх творил пред чудотворным образом Богоматери «моление свое о сыне своем нощеденственно». И после молебна он «зрит своего сына от болезни... исцелевша»[3]. Таким образом, первоначально он был женат и, возможно, происходил из белого духовенства.

В Спасо-Евфимьевском монастыре он прошел путь от простого монаха до настоятеля монастыря – в 1650–1654 годах[4], а затем был переведен в Московский Новоспасский монастырь (1654–1655)[5], где несколько ранее был настоятелем «собинный» друг царя Алексея Михайловича – архимандрит Никон (1646–1649). Настоятельствовал здесь суздальский архимандрит недолго, так как в 1655 году Патриарх Никон поставил его в митрополиты Сарские и Подонские, дав ему настольную грамоту[6].

Пребывание в Москве Крутицкого иерарха иногда могло вызывать неудовольствие Патриарха Никона. И Первосвятитель, стремясь также упорядочить территориальное деление епархий, новому митрополиту Крутицкому Питириму в настольной грамоте предписывал ему пребывание в городах «Сары и по Дону». «Должен убо есть сей священнейший митрополит Сарский и Подонский пречестный во Святом Дусе возлюбленный брат и сослужебник нашего смирения господин Питирим показать послушание и отошед в прилучившуюся ему святейшую митрополию, удержати ю со всею областью ея и всеми прилучившимися ей изначала пределы ж и весьми»[7]. Однако новый митрополит Москву не покинул и по-прежнему пребывал на Крутицах. Затем он был при государе, который находился с войском, «сблизился с царем и боярами, враждовавшими потом против Патриарха Никона»[8]. Следующую безуспешную попытку перевести иерарха Патриарх предпринимал в 1657 году.

Здесь следует сказать об одном памятнике древнерусской письменности – «Сказании о зачатии Москвы и Крутицкой епископии», создание которого датируют серединой XVII века. Автор «Сказания о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» связывал возникновение «Крутицкой власти» с пустынниками Сарой и Подоном. Тем самым обосновывалось, что «Крутицкая епархия образовалась не где-то в другом месте, а с самого начала (на пустынном месте) около Москвы, при этом основана самим князем»[9]. «Сказание» написано как бы в защиту интересов Крутицкого владыки и заставляет вслед за И. Забелиным видеть в его авторе какого-либо «досужего мирянина или церковника с Крутиц»[10].

Сарские митрополиты пребывали на Крутицком подворье рядом с Новоспасским мо-

Патриарх Московский и всея России Никон

настырем на берегу Москвы-реки. Митрополит Питирим принимал участие во всех важнейших церковно-государственных событиях того времени, например, в 1655 году – в работе Собора, который постановил творить чин великого освящения воды только в Крещенский сочельник[11]. Он участвовал в столичных богослужебных торжествах. Патриарх Никон мог служить в храме Николы Гостунского, а в Успенском соборе служил митрополит Питирим[12]; он же продолжал крестные ходы, начатые Патриархом Никоном[13]. В 1656 году при освящении соборного храма в Иверском монастыре он сослужил Патриарху Никону[14]. Вместе с Патриархом и другими иерархами митрополит Питирим бывал на царских обедах в Золотой палате[15].

Пребывая в столице, новопоставленный иерарх общался с государем, совершал крещение царских детей. В 1658 году он крестил в Чудовом монастыре царскую дочь Анну[16], затем в 1660 году – Феодосию[17]. Еще через два года – Феодора Алексеевича. «И о сем рождении бысть радость в Московском государстве и во всей Руси»[18]. Наконец, еще через два года он крестил царевну Феодору[19].

В 1656 году митрополит Питирим сопровождал царя Алексея Михайловича в походе под Ригу. По пути в Полоцке царя приветствовал иеромонах Симеон Полоцкий. Вот слова, обращенные к митрополиту Питириму:

«И твое святительство хвалим буди, Питириме,
Освященный митрополите всегда и ныне,
Яже на сей войне всячески потрудился еси,
Всегда утверждая воинство сладкими словесы,
Дабы несумненно шли воевати за веру,
Ты же о сем приносил всегда святую оферу»[20].

Но неожиданно привычное течение жизни было нарушено. 10 июля 1658 года, в праздник положения ризы Господней, после богослужения в Успенском соборе Патриарх Никон «оставил пастырский престол и архиерейский посох в соборной апостольской церкви Пресвятой Богородицы»[21]. Царю Алексею Михайловичу сообщил об этом пришедший из Успенского собора митрополит Крутицкий Питирим[22]. После удаления с кафедры Патриарха Никона обязанности местоблюстителя патриаршего престола почти 6 лет исполнял митрополит Сарский и Подонский Питирим.

Совершение митрополитом Питиримом 27 марта 1659 года любимого в народе крестного хода – чина шествия на осляти в праздник Входа Господня в Иерусалим — вызвало возмущение Патриарха Никона: он написал царю, что митрополит Питирим «дерзнул облюбодействовать седалище великого архиерея всея Руси»[23]. По мнению Патриарха Никона, такое его деяние вело также к новым нестроениям в Церкви. Есть такое мнение, что местоблюститель митрополит Питирим делал все для угождения государю, противоборствуя Патриарху Никону.

В 1660 году в Москве проходил Собор «по делу Патриарха Никона», в котором участвовал и митрополит Питирим. При этом у очевидцев оставления престола Патриархом Никоном были взяты «сказки» об обстоятельствах оставления им кафедры[24]. С 1660 года митрополит Питирим управлял Русской Церковью уже на основании соборного благословения, и

Патриарх Московский и всея России Питирим

поэтому он перестал поминать на богослужении имя Патриарха Никона. Отношение Патриарха Никона к данному Собору было однозначно негативным, поскольку о нем как о Первосвятителе имели суждение иерархи, им рукоположенные. Поэтому 16 февраля 1662 года, в Неделю Православия, совершая богослужение в Ново-Иерусалимском монастыре, он «предал анафеме митрополита Крутицкого Питирима за вины, совершенные им: шествие на осляти в Вербное воскресенье, поставление 4 мая 1661 г. Мефодия епископом Мстиславским[25], управление тремя епархиями (к этому времени Питирим помимо Патриаршей и Крутицкой принял на себя управление Суздальской епархией)»[26]. В связи с этим митрополит Питирим обратился к царю Алексею Михайловичу о защите, подав ему свое прошение 13 октября 1662 года после панихиды в Вознесенском монастыре[27]. Также митрополит Питирим обращался к царю, указывая на необходимость избрания нового Предстоятеля Русской Церкви.

Во время пребывания митрополита Питирима местоблюстителем патриаршего престола впервые в Московской Руси (на Печатном дворе) была издана печатная Библия (12 декабря 1663). Старец Евфимий Чудовский, ученик иеромонаха Епифания (Славинецкого), писал в «записке» о деятельности старца Епифания, что он, «живый в царствующем граде Москве, по времени между иных дел, яко есть обычай мудрым мужам, читаше Библию Ветхий и Новый Завет еллинский печатный, семидесяти преводники преведенный, спущая [сравнивая] с славянскою Библиею, в Остроге граде и на Москве печатными, испытуя и толкование святых Отец на некая речения и разумения, глаголаше во многих слухи, наипаче честных и властителей, мужей благоразумных и доброрассудных, яко грех величайший есть нам, славеном, православным христианом, и укоризна крайнейшее от иностранных народов, совершенно добре знающих еллинский и отчасти славенский и укарющих ны, яко не имамы Библии добре преведенные, паче же в Священном Евангелии премногая суть погрешения, в них же Сам Предвечное Слово Пребезначальнаго Бога Отца Иисус Христос глаголаше благовещенная Своя словеса. И оттуду вину прием и Святейший Никон Патриарх нача с греческих правити книги славенские, по тогожде мудрейшаго иеромонаха Епифания рассмотрению и возвещанию... тако мало по малу мудрого и преславаго сего Епифания словеса доидоша в слухи и самаго благочестивейшаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича... что в славянской Библии премногая суть погрешения в речениях и разумении не от хитрости, но от простоты и неведения, и не согласие величайшее с еллинскою седмидесятых преводников».

В предисловии к вышедшей Библии редакторы подчеркивали, что в нее не внесено никаких изменений сравнительно с принятой Церковью и привычной Острожской Библией. Правда, определенная редакторская работа была проделана, но исправления касались главным образом замены устаревших слов и форм более понятными, например «сотворим» вместо «съторим», т. е. были убраны неполногласные. Первая печатная московская Библия содержит ряд гравюр. На первой из

них изображен герб и план Москвы. Все это окружено изображениями библейских событий. Имеется также гравюра с изображением царя Давида, четырех евангелистов и т. д.

Сохранились сведения о продаже Библии, относящиеся к 1664 году: «И тех книг Библей продажа в нынешнем в 172 [1664] году по государеве указной цене по пять рублев на серебряные деньги»[28]. И ниже в приходо-расходной книге говорится: «Семь книг преосвященному Питириму, митрополиту Сарскому и Подонскому»[29].

Из некоторых деяний времени местоблюстительства следует назвать возведение им в 1662 году старицы Анисии в игумении[30] Александровского Успенского монастыря, а в 1664 году – инокини Марфы в игумении Екатерининского девичьего монастыря в Шенкурском остроге[31]. В Третьяковской галерее хранится Владимирская икона Богоматери, на обороте которой на сорочке имеется надпись: «Крутицкой митрополит Питирим поднес государ... Троицкого монастыря... при... в ҂ѯѕ [166 – 1658] году»[32].

За местоблюстительством в жизни будущего Патриарха последовал новгородский период. Из Москвы он был переведен на старейшую кафедру Русской Церкви. Назначение митрополита Питирима в Великий Новгород произошло на праздник Преображения в 1664 году[33]. После торжественного священнодействия в Успенском соборе новгородский владыка ездил «около города по чину и потом стол был в Крестовой палате болшой на Патриархове дворе»[34]. В то время объезд вокруг города совершали епархиальные архиереи, облачавшиеся в саккосы. Очевидно, для митрополита Питирима было сделано исключение. В Дворцовых разрядах читаем: «А что в 172 [1664] году, августа в 6 числе, переведен Крутицкой митрополит на Новгородскую епархию, Питирим митрополит, и ездил около города, а с ним были околничей и думной дьяк, потому что он, Питирим, будучи на Крутицкой митрополии, служил в ризах, а сака у него не было»[35].

Переведенному митрополиту была дана настольная грамота[36]. Новгородская летопись сообщает под 1664 годом о новом владыке: «В лето 7172, августа в 6 день, ставленой Питирим митрополит с Крутиц прислан на святительский престол в Великий Новград, избранием великаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича, всея России самодержца; а прихал в Великий Новград 7173, октября в 1 день, а взят с Крутиц, меж Патриаршества»[37]. В Великом Новгороде его встречали по традиции у храма Спаса на Ильине улице; он приложился к новгородской святыне – Богоматери «Знамение» и с крестным ходом направился в Софийский собор «и Литоргию служил соборне, и святую воду к великому государю к Москве посылал»[38].

Архипастырские усилия митрополита Питирима по управлению епархией нашли отражение во владычных актах[39]. Ряд грамот свидетельствует о его участии в жизни государевой семьи. 31 августа 1666 года митрополит Новгородский Питирим рассылает по всем пределам своей епархии грамоты, сообщая о рождении царского сына Иоанна Алексеевича с предписанием творить по сему случаю благодарственные «молебны с звоном»[40]. Новгородский владыка не был забыт государем. В 1668 году скончалась супруга царя Алексея Михайловича Мария Ильинична, в связи с чем «великий государь прислал на милостыню в Великий Новград преосвященному Питириму митрополиту и на раздачю по монастырем и на сорокоустие по всем церквам, коиждо церкве по разсмотрению воздаваше»[41]. И митрополит Питирим дает указание о совершении в епархии заупокойных молитв о почившей царице[42]. Через два года он дает указание творить молитвы о здравии государя в связи с его вступлением в брак с Натальей Кирилловной Нарышкиной[43]. В свою очередь, в ответ на ходатайство митрополита царь отменил взымание налогов в монастырских вотчинах епархии[44].

10 июня 1667 года митрополит Питирим послал грамоту в Нило-Столбенскую пустынь игумену Герману по поводу обретения мощей преподобного Нила († 1554; память совершается 7 декабря). Это произошло при начале строительства каменного Богоявленского собора в обители. Святитель дает указание, как необходимо устроить раку для святых мощей, и предписывает «обретению честных мощей преподобного Нила Чюдотворца праздновати б вам маия в 27 день по вся годы непреложно»[45].

Исполняя благословение Патриарха Иоасафа II, митрополит Питирим послал в марте 1668 года грамоту в Иверский монастырь с предписанием о благочинии в монастыре[46]. Затем в 1669 году новгородский владыка поставил в Иверский монастырь архимандрита Феодосия (1669–1671 годы), который ранее был настоятелем в Буйничском монастыре. В настольной грамоте, данной ему, были указаны его обязанности[47]. Важным документом является наказная память «десятскому попу» Борису Никитину, в которой архипастырь дает указание о необходимости совершения богослужения по новоисправленному Служебнику, об использовании просфор установленного образца, о единогласном пении и пр.[48] В 1668 году он послал грамоту игумену Спасского монастыря в Каргополе Евфимию, в которой говорится со ссылкой на соборные постановления о недопустимости перехода монашествующих из одного монастыря в другой, пострижении вне монастыря или же проживании иноков у мирян[49]. Данная грамота была написана в контексте соборных постановлений 1667 года. Две грамоты митрополита настоятелю Тихвинского монастыря посвящены отлучению лиц, угрожавших священнику, и затем разрешению их от церковного отлучения[50].

Нерешенность проблемы с Патриархом Никоном напоминала о себе. В 1664 году Патриарх Никон предпринял неудачную попытку вернуться на Патриарший престол; позднее об этом сообщили епархиальным архиереям. Государь спрашивал мнение митрополита Питирима о местоблюстителе – Ростовском митрополите Ионе: оставить ли его исполнять эти обязанности и брать ли у него благословение[51]. Митрополит Питирим дал отрицательный ответ: недостоин быть местоблюстителем[52].

Еще до приезда Вселенских Патриархов митрополит Питирим, как и другие русские святители, выразил свое мнение об их православности, признании греческих книг и греческой обрядности[53]. Прибывших в Москву Восточных Патриархов перед входом в Успенский собор встречал с духовенством митрополит Новгородский Питирим[54]. Он участвовал в работе Собора 1666 года, который осудил Патриарха Никона. Причем перед началом соборных заседаний Патриарх Никон настаивал на удалении митрополита Новгородского как своего «недруга»[55]. В последующее время новгородский владыка проводил в жизнь решения Собора 1666–1667 годов. 18 марта 1668 года он послал грамоту в Тихвинский монастырь о направлении в митрополичий судный приказ посадского духовенства, служащих по старым книгам[56].

О митрополите Новгородском Питириме можно говорить как о строителе. Под 1669 годом в летописи говорится, как по благословению митрополита Питирима были разобраны до основания обветшавшие Никитские палаты, надпогребная палата, надвратный храм святителя Петра «и вновь зделаша болши прежние, и притворы около тое церкви учинил болшие. А мастеры были нанятые с Тихвины, а делаша едино лето и полета»[57]. Затем «Питирим, митрополит Новгородский, сломал старую приказную полату великую о дву житиях, и на той же подошвы поставиша вновь полату и устроша в тое полаты владычень судный приказ, а под тою полатою устроиша келию велию»[58].

В это же время в Новгородской земле случился неурожай, и «Питирим митрополит приказал из софейских житниц хлеб продавать... только служивым людем, а иных чинов людем не продавали»[59]. В 1671 году вместо старого здания Богоявленского храма было воздвигнуто новое здание; в строительстве участвовали клирики, миряне и все церковные люди[60]. Одновременно было подготовлено место для возведения хозяйственных построек. В это время рухнула часозвоння святителя Евфимия и часть стены «каменного города»[61].

Служение митрополита Питирима в Великом Новгороде подходило к концу. 10 декабря 1671 года по указу государя митрополит Питирим выехал в Москву и ему были устроены торжественные проводы[62]. Новгородская летопись так сообщает о завершении его новгородского периода: «И бысть в Великом Новеграде митрополитом 7 лет 11 месяцов; и взят бысть на Патриаршество в царствующий град Москву, изволением государя царя и великаго князя Алексия Михайловича, всея России самодержца»[63]. Однако и после его отъезда в Великом Новгороде еще исполнялись сделанные им ранее распоряжения. 11 августа 1672 года «по указу великого господина преосвященнаго

Питирима, митрополита Великого Новаграда и Великих Лук» была послана память в Важскую десятину о церковном благочинии[64]. А в 1673 году по благословению митрополита Новгородского Питирима был вышит покров с изображением святителя Иоанна Новгородского[65].

В это время в Русской Церкви и государстве произошли важные изменения. 17 марта 1672 года почил Патриарх Иоасаф II, и его «погребал Питирим, митрополит Новгородцкий, и Павел Крутицкий, и инии архиепископы, и весь священный чин»[66]. А 30 мая, в день памяти преподобного Исаакия Далматского († 383; память совершается 30 мая), родился царь Петр Алексеевич, которого крестил в преддверии своего патриаршества митрополит Питирим[67].

Наконец 6 июля 1672 года состоялось избрание в Патриархи митрополита Новгородского Питирима, а 7 июля, на следующий день, его Первосвятительская интронизация. В летописи читаем: «Того же году иулия в 7 день в неделю возведен бысть на превысочайший патриаршеский престол великий господин Святейший Кир Питирим, Патриарх Московский и всея России, общим советом духовного соуза о наставляющем Святем Дусе, хиротонисани быша от своих российских митрополитов и архиепископов, и епископов, и всего освященнаго Собора, бывый прежде митрополит Великого Новаграда и Великих Лук»[68]. «...И того дни о сем праздноваша честно и радостно»[69]. В его избрании участвовали митрополиты: Сарский Павел, Астраханский Парфений, Иларион Рязанский, Филарет Нижегородский; архиепископы – Смоленский Варсонофий, Суздальский Стефан, епископ Сербословенский Иоаким. В настольной грамоте новопоставленному Патриарху говорится о первом Киевском митрополите, о поставлении автокефальных митрополитов на Руси после падения Константинополя, затем о поставлении Иова Константинопольским Первосвятителем. Далее говорится об оставлении престола Патриархом Никоном, избрании во время Собора Патриарха Иоасафа II и, наконец, после его кончины – Патриарха Питирима[70]. От Патриарха Питирима сохранилась его речь при вступлении на патриаршую кафедру. В ней он приводит примеры попыток уклонения от предназначения Божия: пророк Моисей, святитель Григорий Богослов; а также примеры послушания: Аарон, пророк Исаия. При этом новопоставленный святитель подчеркивает свою немощь и старость. «Прочее мы смирении, аще и нехотяще, обаче же восприимше превеликое достоинство сие, кое воздаяние воздадим Пресветлому Вашему царскому Величеству за Ваше к нам, смиренным, превеликое благодеяние?»[71] После своего посвящения он послал известительную грамоту Патриарху Константинопольскому Дионисию IV (1672–1673). Он пишет, что Господь приведе «тихость нашу во старости уже сущую от престола митрополии Великаго Новаграда и Великих Лук и Всемощною десницею Своею возведе ны на Превысочайший богохранимаго сего царства Патриаршеский вдовствующий престол царствующаго великаго града Москвы и всея России»[72]. Малороссийский гетман И. Самойлович прислал ему свою поздравительную грамоту. «А о раз веншую и зычу абы Сам Наивышших Архиерей Христос Господи вашу святыню пана пастыря и благодетеля моего великого на том Патриаршества правленыя во благоденствии здравии, яко светило православныя для помножения хвалы свое святой рачыл впозные времена заховати»[73].

Вскоре после своей интронизации Патриарх Питирим рукоположил 22 декабря архимандрита Чудова монастыря Иоакима на ставшую вдовствующей Новгородскую кафедру[74], который затем стал предпоследним Московским Патриархом XVII века.

Церковь во время патриаршества Питирима традиционно активно участвовала в решении государственных проблем. 9 ноября 1672 года царь, «советовав... со отцом своим и богомолцем, с Великим господином со Святейшим Питиримом, Патриархом Московским и всеа России, и со архиереи, указал и бояре приговорили» начать сбор средств в дворцовых селах, в патриарших, архиерейских и других на жалованье стрельцам[75]. Затем 12 марта 1673 года в Кирилло-Белозерский монастырь была послана царская грамота, предписывающая проведение сбора пошлин, необходимых для ведения военных действий, «советовав с отцом нашим и богомольцом с Святейшим Питиримом Патриархом Московским»[76].

За время первосвятительства Патриарха Питирима Московским печатным двором в декабре 1672 года были выпущены два издания: Триодь Постная и Канонник. Следующие издания, Ирмологий и Месяцеслов, вышли в междупатриаршество (август 1673).

Многогранное первосвятительское служение нашло отражение в его письменном наследии. Сохранилась интересная грамота Патриарха Питирима, посланная им игумену Деревяницкого монастыря Иоасафу (1671–1673 годы) в связи с возвращением на Русь из шведского плена мощей преподобного Арсения Коневского († 1447; память совершается 12 июня), захваченных шведами в Смутное время[77]. Еще ранее, 23 октября 1664 года, митрополит Питирим дал настольную грамоту архиепископу Вологодскому Симону (1664–1684), поставленному на архиерейскую кафедру[78]. Позднее, в 1673 году, Патриарх Питирим благословил Вологодского архиепископа Симона освидетельствовать мощи преподобного Галактиона Вологодского († 1612; память совершается 24 сентября).

Во второй половине XVII века у епархиальных архиереев Русской Церкви в силу благословения Вселенских Патриархов или же по распоряжению Московского государя появляются саккосы. В 1671 году царь пожаловал архиепископа Суздальского Стефана правом ношения саккоса, что было благословлено и Патриархом Иоасафом II. «По нем же, егда бысть на превысочайшем престоле Святейший Питирим, Патриарх Московский и всея Руси, и преосвященный архиепископ государево жалованье и благословение прежде бывшаго Патриарха, о саккосе, известил: и он, по государьскому изволению, також благословил и повелел ему словом во архиерейской одежде служити»[79]. За недолгое время правления Патриарха Питирима для него был изготовлен архиерейский саккос[80].

Личность Патриарха Питирима нашла отражение в старообрядческой письменности. В «Повести о боярыне Морозовой» говорится, как Первосвятителю было сообщено о находящихся под стражей боярыне Ф. Морозовой и Е. Урусовой, «ему бо того не ведущу, яко прежде его посажени быша»[81]. Святейший Патриарх «воспомянул» затем о них государю, предлагая освободить их, «женское бо их дело, что они много смыслят»[82]. Однако царь, лучше знавший ситуацию, возразил ему: «...не веси ты лютости жены тоя»[83]. Предпринятые затем Патриархом усилия образумить благородных жен были безуспешными. Боярыня не захотела даже исповедоваться у Патриарха, воспротивилась она и тому, чтобы Первосвятитель помазал ее елеем. Ф. Морозова сказала: «Егда бо был еси ты митрополитом Крутицким и держался обычая христианского, со отцы преданного нашея Русския земли, и носил еси клобучек старой – и тогда ты нам был еси отчасти любим»[84].

Ему приходилось общаться со знаменитым богословом старцем Симеоном Полоцким. «В “Остене” приведен один случай посещения Симеоном Патриарха Питирима, замечательный его “разглагольствованием” здесь с Епифанием Славинецким о времени пресуществления Святых Даров; а в бумагах самого Симеона сохранилось несколько речей, произнесенных в разное время и по разным случаям Питиримом, и между прочим духовная его, написанная Симеоном еще в то время, когда тот был митрополитом Новгородским»[85].

Патриарх Питирим управлял Русской Церковью менее года. «В лето 7181 апрелия в 19 в субботу преставися Великий господин Святейший Кир Питирим, Патриарх Московский и всея Росии»[86]. В Вологодской летописи отмечена непродолжительность его предсмертной болезни: «...а лежал в скорби только три дня»[87]. Патриаршее отпевание совершили митрополиты Иоаким Новгородский и Павел Крутицкий[88], «и бысть в Патриаршестве 9 месяцев, и преставися 7181 маия в 7 день»[89]. По краткости его правления сопоставимо с правлением в наше время Патриарха Сергия (1943–1944 годы).

Перед своей кончиной он написал духовную грамоту[90], взяв за ее основу грамоту, написанную ранее, когда он был еще на Новгородской кафедре[91]. При этом он отметил: «Не подписах же заветнаго моего сего писания рукою моею за немощию моею точию ради известия и веры написанных в сем завете моем печати моея приложением утвердих»[92]. В Патриаршей грамоте назван духовник Первосвятителя – иеромонах Иоасаф, которому было благословлено просить государя о поминовении Первосвятителя. Патриарх Питирим

пишет о месте своего погребения: «По сем, тело мое окаянное отдаю общей всех матери земли, от нея же взято бысть; и да будет погребено идеже благочестивый великий государь царь и великий князь Алексий Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец благословит»[93]. В написанной в Новгороде духовной грамоте он завещал погребсти себя «в богоспасаемом граде Суждале», в Спасо-Евфимьевом монастыре[94]. После кончины тело покойного Патриарха Питирима было перенесено в домовый храм апостола Филиппа, затем в Успенский собор, где после отпевания он был погребен у западной стены, рядом со своим предшественником, Патриархом Иоасафом II (1667–1672 годы)[95]. «Сохранились документы, указывающие, сколько и кому было роздано денег на поминовение при его погребении»[96].

Новым Предстоятелем Русской Церкви стал Патриарх Иоаким (1674–1690 годы), который до своего патриаршества был митрополитом Новгородским (1672–1674 годы). После кончины Предстоятеля Русской Церкви он разослал грамоты по епархии, где ранее до него был святитель Питирим, с предписанием творить по нем заупокойные молитвы. Он пишет, как «в нынешнем же в 181 году апреля в 19 день, во второмънадесять часу дня о Святем Дусе отец наш Великий господин Святейший Питирим, Патриарх Московский и всеа Руси, оставя Святительский престол, преселился в вечной покой»[97]. В Суздальском Спасо-Евфимьевом монастыре, обители пострижения Патриарха Питирима, имелась митра с серебряным обручем, на котором была следующая надпись: «Сделана сия шапка по указу Государя Царя Алексея Михайловича всея Русии по Святейшем Питириме Патриархе Московском на его келейныя деньги»[98].

Жизненный путь постриженника Спасо-Евфимьева монастыря был увенчан Патриаршим служением. Его непродолжительное настоятельство в Новоспасском монастыре положило начало пребыванию в Москве, завершившееся кратким первосвятительством в стольном граде. В его служении многое было связано с Патриархом Никоном. В историографии бытует представление о властном характере Патриарха Никона. Думается, целесообразнее говорить о сложности его отношений, например, с иерархией. Определенное значение в этом вопросе имела приближенность к царю и роль в жизни царской семьи, например, митрополита Питирима, впоследствии Патриарха. Все это свидетельствует о сложном раскладе сил в то время[99].

Патриарх Московский и всея России Иоаким

От Патриарха Питирима сохранилось достаточно обширное письменное наследие, которое, несомненно, может быть со временем пополнено. В нем нашли отражение вехи его жизненного пути, а также проблемы церковной жизни того времени. С уверенностью можно говорить о необходимости дальнейшего изучения жизни и деятельности Патриарха Питирима.

Ниже прилагается грамота Патриарха Питирима игумену Новгородского Деревяницкого монастыря.

«От Великаго Господина, Святейшаго Питирима Патриарха Московскаго и всеа Русии в Великий Новгород Деревяницкого монастыря игумену Иоасафу. По указу Великаго государя нашего царя и Великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца; его царскаго величества околничей Артемон Сергеевич Матвеев писал Свейскаго короля Карлуса его королевскаго Величества к Адольфу Эрес Шилту в то время, как он Адолф съехал с Москвы, что бы он порадел о святых мощах Арсения Коневскаго чюдотворца, о которых просил ты, игумен, по приезде своем у его королевскаго Величества прошение предложил, а ныне лежат те святыя мощи... в рубеже, чтобы те святыя мощи отдать в Росийское государство; и о тех святых мощах его королевского Величестива Указ в Ругодив к генералу Симону Грундельгельмфельту прислан, указано те святыя мощи отдать со всякою достойною честью и вспоможением. И тот... присланный лист к генералу прислан к Великому государю нашему, к его царскому Величеству; и Великий государь наш, его царское Величество, изволил с того присланного листа преводное писмо прислати к нам, Патриарху. И мы Святейший Патриарх для приему тех святых мощей, устроя под те святыя мощи раку по чину, указали ехати тебе игумену Иоасафу. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б для приему тех святых мощей ехал, где те святыя мощи ныне лежат, и по отдачи принял их с подобающею честию и положа честно во уготованную раку, проводил до Деревяницкаго монастыря, а как близ монастыря с теми мощми будешь, и те сятыя мощи, по нашему указу, велено встретить с честными кресты и со святыми иконами, со псалмопением честно ж новгородских монастырей архимандритом и игуменом, протопопом и священником, и диаконом в Великого Новгорода жителем всем православным христианом, и встретя те святыя мощи, во устроеной раки поставить в Деревяникцом монастыре во святей Божией церкви в подобающем месте; а о приеме и о провождении и устроении тех святых мощей к нам Патриарху отписать; а отписку велеть подать в нашем разряде боярину нашему Никифору Михайловичу Беклемишеву да дьяком нашим Ивану Калитину да Борису Остолопову, а о вспоможении к тому делу Великаго государя нашего его царскаго Величества указ в Великий Новград к боярину и воеводе ко князю Ивану Петровичю Пронскому послан из Посольскаго приказу. Писан на Москве лета 7181 декабря в 14 день»[100].

А.Г. Авдеев
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

КНИЖНИКИ И КНИЖНОСТЬ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Взращенная Патриархом Никоном в стенах Ново-Иерусалимского монастыря «интеллектуальная школа» стала заметным явлением в старорусской книжности второй половины XVII – начала XVIII века. После низложения Святейшего здесь подвизались наиболее ревностные его ученики. Среди наиболее значимых произведений, созданных ими за четверть века, прошедшие после смерти Патриарха Никона, в первую очередь необходимо назвать «Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России», составленное бывшим патриаршим келейником Иоанном Шушериным, стихотворные произведения архимандрита Германа, а также надпись на Елеонском кресте и две редакции стихотворной «летописи» Ново-Иерусалимского монастыря, написанные архимандритом Никанором.

Данная работа посвящена малоисследованным проблемам творчества книжников Ново-Иерусалимского монастыря.

НОВОНАЙДЕННОЕ КРАТКОЕ ЖИТИЕ ПАТРИАРХА НИКОНА

Одним из направлений деятельности учеников Патриарха Никона после его смерти стало создание произведений с апологией деятельности опального Предстоятеля Русской Церкви. В число данных произведений входили, как правило, анонимные краткие жития Патриарха Никона. Практически не изученные текстологически[1], они являются важным свидетельством творчества апологетов Патриарха Никона. В 2005 году мною было выявлено и опубликовано одно из таких житий[2].

Краткое Житие Патриарха Никона было обнаружено мною в рукописном сборнике, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки[3]. Структурно сборник состоит из трех частей, написанных двумя разными почерками. В первой части, написанной первым почерком (полуустав нового письма), помещены списки с надписи на Елеонском кресте, второй редакции стихотворной «летописи» архимандрита Никанора, и с надписи, содержащей «статистические данные» о Воскресенском соборе (л. 1–7), а также краткое Житие Патриарха Никона, списанное «из книги летописца» (л. 7–10). Вторая и третья части написаны вторым почерком, скорописью второй половины XVIII века. Во вторую часть вошли «материалы о Патриархе Никоне»: 1) «Видение Патриарха Никона» (л. 11–13); 2) Послание Патриарха Никона митрополиту Паисию Газскому (л. 13 об. – 20); 3) Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Патриарху Никону (л. 20–42); 4) переписка Патриарха Никона с митрополитом Афанасием, посланным от патриарха Константинопольского (л. 43–53 об.); 5) послание епископа Каллиста Патриарху Никону (л. 53 об. – 60); 6) послание Восточных Патриархов о низложении Патриарха Никона (л. 60–67 об.); 7) «Дела святейшего Патриарха Никона, паче рещи чудеса лечебныя» (л. 67 об. – 81); 8) Духовная грамота царя Алексея Михайловича (л. 81 об. – 84); 9) молитва Алексея Михайловича (л. 85–85 об.); 10) разрешительные грамоты восточных патриархов (л. 86–93 об.); 11) два дополнения к «Делам святейшего патриарха Никона...» (л. 94). После четырех свободных листов начинается третья часть рукописи, также переписанная вторым почерком. В нее включено датированное 17 июля 1717 года письмо богословов Сорбонны «О примирении Церкви Великорусской с Церковию Римской» (л. 99–113 об.) и датированный мартом 1718 года «Список с подлинной грамоты, какова послана в Париж на рукописание учителей-богословов парижских дому Сорбонскаго о примирении Церкви Великороссийской с Церковию Ѳранцужскою» (л. 114–121). Листы первой части сборника имеют филигрань «герб Амстердама» (близка типу Дианова, № 297, 1702 г.)[4], что позволяет датировать эту часть началом XVIII века. Листы второй и третьей частей имеют филигрань «pro patria» (близка типу Клепиков С.М. № 524, 90-е гг. XVIII в.)[5] и в целом дают дату, близкую к концу XVIII столетия.

Автор краткого Жития неизвестен. Судя по литературному конвою, в котором находится его произведение, он был иноком Ново-Иерусалимского монастыря. В списке сохранились отдельные диалектизмы, типичные для произведений книжности, созданных в этой обители: на черты московского говора с его характерным «аканьем» указывают слова «озлабление» и «пагребенъ»; присутствует в Житии и единственный украинизм – «по воли». Можно отметить и отдельные церковнославянизмы: «оу», «оуже» (дважды), «хотѣвшымъ».

Житие не добавляет каких-либо новых сведений к биографии Патриарха Никона. Определенные параллели этому произведению можно найти в «Известии...» Иоанна Шушерина, в стихотворных эпитафиях Патриарху Никону архимандрита Германа и в стихотворной «летописи» архимандрита Никанора. Однако в отличие от них данное Житие в значительной степени носит обличительный характер – в нем перечислены главные «недруги» Патриарха Никона. В первую очередь те, кто особенно активно добивался его низложения на Соборе 1666 года: князь Георгий Алексеевич Долгоруков, митрополит Крутицкий и Коломенский Павел, архиепископ Рязанский Иларион, епископ Киевский Мефодий, архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Сергий (Глазатый), «иже зѣло на него тощнѣ подвизашася, чающе себѣ получити и похитити той престолъ, но никтоже от сихъ сего получи, но во всемъ согрѣшиша». Но с наибольшей силой автор Жития обличает Патриарха Иоакима, противившегося возвращению Никона из ссылки и не пожелавшего прибыть на его погребение. Он, как говорится в этом произведении, «зѣло... враждуя на блаженнаго Никона», хотя последний обеспечил карьеру безвестному иноку: пригласил в Валдайский Иверский монастырь, почтил «икономства чиномъ», благодаря чему Иоаким стал «и самому царю ознанъ». Однако, став патриархом, Иоаким ответил благодетелю черной неблагодарностью: «вся сия благодѣяния в забытии быша и кроме злобы от него ничтоже явися».

(л. 7) О святѣйшемъ Никонѣ патриархѣ, списано из книги лѣтописца

В лѣто 7160го на Москвѣ бысть патриарх Никон родом русин, града Курмыша, прежде бысть в великом Новѣ градѣ митрополит. На патриаршество посвященъ своими *(л. 7 об.)* митрополиты и архиепископы. Былъ на Москвѣ 6 лет и во 166мъ году иулиа в 10 де(нь) гнева ради царьскаго остави Московское патриаршество и отиде в созданный от него монастырь Воскресения Христова, иже нарицается[1] Новый Иерусалимъ. И тамо пребысть 9 лѣт, служа святителская и священниковъ во свои обители и села посвящая. И во 175мъ году ноемвриа в 30 день повелѣниемъ царскимъ взятъ из обители Воскресения Христова к Москве, бяше бо ту собранъ соборъ, патриархъ Александрийский Паисий, патриархъ Антиохийский Макарий и мнози от архиерей гречестии и российстии. И собороваша на царевѣ дворѣ в Брусяной столовой, что стояла за Золотою палатою близъ Панахидной. Дважды ту соборъ былъ, но учинися все по воли царской, аще бы о нѣмъ и не хотѣвшымъ, и паки бысть третий соборъ *(л. 8)* в Чудовѣ монастырѣ, в церкви Благовѣщения Пресвятыя Богородицы, царя же ту не бѣ, но токмо сигклитъ. И тако его осудивше, послаша в заточение на Бѣло езеро в Ферапонтовъ монастырь, и тамо нужно зѣло бытие его бысть. Тогда же на том соборѣ взяша с него панагию да клобукъ, иже ношаше черной, на немже изображенъ бысть жемчюгом крест святый четвероконечный, а мантию архиерей-

[1] 18-я буква испр. из ъ.

скую и посохъ взяли оу него тамо оуже в заточении посланный с нимъ по цареву велѣнию приставникъ Аггей Алексиев Шепелев. Поспѣшницы же на тѣхъ соборѣхъ и всему тому его изгнанию быша тщаливѣйший паче всѣхъ от царскаго сигклита боляринъ токмо единъ, князь Георгий Алексиевичь Долгоруково, нынѣ же от тѣхъ никтоже, от священных же Павел митрополитъ Крутитский, *(л. 8 об.)* Иларионъ[2], рукоположенный самѣмъ им архиепископ Рязанский, Меѳодий епископ Киевский, мѣстоблюститель, из Ярославля Спасова монастыря архимандритъ Сергий Глазатый, иже зѣло на него тощнѣ подвизашася, чающе себѣ получити и похитити той престолъ, но никтоже от сихъ сего получи, но во всемъ согрѣшиша.

Пребысть же тамо сей многострадалный во изгнаний и в лютомъ озлоблении многое время, даже до смерти государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича всеа России. И егда сий скончася, тогда подвижеся на него Иоакимъ патриархъ Московский и сугубо и вящее нача его озлобляти. И не довлѣ симъ, но преведе его в Кирилов монастырь на вящее озлобление и томление, и ту пребысть немалое время. Всего же в тѣхъ озло *(л. 9)* блениях жития его бысть лѣтъ пятнадесять. Тогда царьствующу благочестивейшему государю царю и великому князю Ѳеодору Алексиевичу всеа России. Той, Богом наставленъ, призрѣ на смирение и озлабление сего страдалца и милостивъ ему явися. И в лѣто 7189го августа в день повелѣниемъ его царскимъ оттолѣ из заточения взятъ блаженный Никонъ, оуже сый в тяжкой болѣзни, и повелѣ ся ему быти во своей ему обители Воскресения Христова отонуду же и взатъ, но не збысть ся сие, на пути бо сый во градѣ Ярославлѣ преставися августа в 17 день.

И повелением царским мощи его оттолѣ взяты и принесены во свой ему монастырь Воскресения Христа Бога и пагребенъ Великия церкви в церкви Святаго Иоанна Предтечи под святою Голгоѳою, *(л. 9 об.)* вшедъ в церковь на правой странѣ. При погребении его бысть самъ благочестивѣйший царь со всѣмъ своимъ царскимъ домомъ, от архиерей же Корнилий митрополитъ Новгородский, Симеонъ митрополитъ Смоленский и прочии от священнаго чина архимандрити и игумени и иннии мнози зѣло.

Погребение же се зѣло честно и славно. Самъ благочестивѣйший царь ношаше одр с мощми и весь сигклитъ от святаго креста на Елеонѣ даже до гроба. Патриарху же Иоакиму ту не бывшу, аще и прошен бысть царемъ, колико зѣло бо враждуя на блаженнаго Никона, еще бо егда бяше во иночестве сый и обитая оу святѣйшаго патриарха во обители и почтенъ бысть икономства чиномъ, яко и самому царю ознанъ *(л. 10)* бысть от сего, обаче вся сия благодѣяния в забытии быша и кроме злобы от него ничтоже явися. Положенъ же бысть блаженный Никонъ патриархъ во гробъ повелѣниемъ царскимъ во всемъ архиерейскомъ облачении, якоже бѣ лѣпо есть архиереемъ. Гробъ изсѣченъ изъ камени алебастру бѣлого, егоже на той гробъ той камень, еще живъ сый блаженный и живый ту во обители проуготова.

РНБ ОР. Q. И. 612. Л. 7–10. Список начала XVIII в.

К биографии Иоанна Корнильевича Шушерина[6]

Нельзя сказать, что биография и творчество жизнеописателя Патриарха Никона, Иоанна Корнильевича Шушерина, изучена досконально. Главный труд его жизни «Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея Руси», бывший «едва ли не самым “тиражным” сочинением в репертуаре поздней рукописной книжности»[7], еще не имеет научного издания и недостаточно изучен текстологически[8].

Документы, открытые Н.П. Парфентьевым, неоспоримо свидетельствуют, что Иоанн Шушерин умер незадолго до сентября 1689 года[9], хотя часто его смерть относят к более позднему времени: Г.М. Зеленская считает, что Иоанн Шушерин умер около 1690 года[10], Н.Ю. Бубнов и А.В. Лаврентьев – в 1693 году[11]. Поэтому любое известие, касающееся биографии этого книжника, заслуживает самого пристального внимания.

В данной работе мы публикуем краткую биографию Иоанна Шушерина, написанную его внуком Никитой Михайловым и, судя по всему, являющуюся его автографом.

[2] В ркп. дважды – в конце л. 8 и в начале л. 8 об.; на л. 8 слово взято в квадратные скобки.

Она находится в рукописном сборнике из собрания Братства св. Петра митрополита, основанного в 70-е годы XIX века Н.И. Субботиным[12]. Сборник форматом in octo состоит из сплетенных друг с другом двух частей, имеющих отдельную пагинацию. В состав первой части входят: 1) Житие св. Филиппа митрополита (л. II–XVII, без конца); 2) «Известие...» Иоанна Шушерина (л. 1–49 об.); 3) запись внука Ивана Шушерина Ивана Михайлова, содержащая биографические данные о деде и об источниках его сочинения и, вероятно, являющаяся автографом (л. 50); 4) Устав церковный и чин монастырский Ново-Иерусалимского монастыря с предисловием архимандрита Никанора (л. 51–75); 5) Описание Великой церкви Нового Иерусалима (л. 75–86)[13]; 6) «Возражение или Разорение смиреннаго Никона, Божиею милостию патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы» (л. 89–305); 7) разрешительные грамоты Восточных Патриархов (л. 308–317). На л. И сборника имеются следующие записи: 1) «пожертвована в М.Д. Академию Андреем Николаичем Муравьевым»; 2) «Достойно есть»; 3) «что ныне Ризположения бысть»; 4) «за молитвы святых отец наших»; 5) «Сия книга глаголемая патриарха Никона Пучежскаго посада Тифинской церкви [нрзбр.] что она обличает еленических [?] сынов за то, что они сие на маету [?], но зная его сие [нрзбр.] душь и заточаетъ, а он был церкви устроитель благочестия и втотъ чинъ архипастырь. Села [нрзбр.] Казанской церкви П.Е.Л. [?]». По нижним полям л. II–XVII, 1–2 идет запись: «**сїѧ книга житїе и трꙋды ст҃ѣйшагѡ нікона патрїа́рха московскагѡ, присланнаꙗ изъ нова̀ го́рода въ пꙋческой Воскресенской пꙋшавинской монасты̀рь. вкладъ по благослове́нїю ї҆ѡва митрополи́та новогоро́дскаго казначеемъ єгѡ̀ ѳеѡдо́сїемъ, послѣже бывшим а҆рхимандритом монастырѧ, въ лѣто ѿ сотворенїѧ мі́ра ҂зс҃лд . е гѡда месеца сентеврїѧ во ѳторы день**». Данная запись порождает много недоуменных вопросов. Хотя она относится к марту 1725 года, но вписана в сборник спустя полтора года после рукоположения отца Феодосия в архимандриты Тихвинского монастыря (8 марта 1727 года) и значительно позже кончины митрополита Новгородского Иова, благословившего этот вклад (почил 3 февраля 1716 года[14]). На листах рукописи присутствуют филиграни трех видов: «герб Амстердама – AD» типа Дианова № 372, который датируется 170–1703 годами, «герб Амстердама – AJ» типа Дианова № 370 (1701, 1704)[15]. Однако имеющаяся на правом поле л. 85 приписка, сделанная другим почерком: «**пїсана сїѧ кнїга послѣ свѧтейшаго патрїарха никона л҃г лѣт**»[16], позволяет отнести дату создания рукописи к 1714 году и предположить, что первоначально она принадлежала Новгородскому архиерейскому дому, где были сильны традиции почитания Патриарха Никона. Весьма вероятно, что к формированию сборника причастен митрополит Новгородский Иов, который стремился собрать материалы не только о Патриархе Никоне, но и об основанном им Ново-Иерусалимском монастыре, и прежде всего о действующем в этом монастыре богослужебном уставе. К сожалению, не совсем ясны причины вклада данного сборника в Воскресенский Пушавинский монастырь, располагавшийся в Пуческой слободе Юрьевецкого Повольского уезда (в XIX веке он входил в каноническую территорию Костромской епархии). Возможно, в нем начинал иноческий путь отец Феодосий, а возможно, благословение митрополита Иова прямо или косвенно было связано с вопросом об уставе данного монастыря.

Публикуемая запись внука Иоанна Шушерина написана на отдельном листе иным почерком, нежели текст «Известия...», что позволяет определить ее как автограф. Данная запись завершает многие списки «Известия...», относящиеся к числу древнейших[17]. Но, в отличие от них, здесь дано имя ее автора и имеются некоторые разночтения с текстом «Известия...», опубликованным архимандритом Леонидом[18]. Эти разночтения отмечены в примечаниях к публикуемому тексту под литерой **Л**; наши замечания – курсивом. При сравнении с данным текстом создается впечатление, что записка Никиты Михайлова была включена в текст «Известия...» с основательной редакторской правкой. В частности, имеющееся в ней имя автора было заменено на имя создателя «Известия...», сопровождавшееся тайнописью.

Биография Иоанна Шушерина, написанная его внуком Никитой Михайловым

Чиномъ[1] клирикъ, иже бе знаемъ велми[2] святейшу[3] патриарху, понеже бо той[4] воспитанъ из детска возраста и возмужа при благословении[5] его и во время изгнания святейшаго Никона патриарха во дни соборовъ многа зла претерпе, в заточении седя[6] на[7] Москве за разными стражи три лета. Потомже во изгнание бысть[8] послан в Великии Новъ градъ во свое отечество, бе бо рождение онъ имея тои градъ. Бе[9] тамо во изгнании 10 летъ и абие по прошении[10] благородныя[11] царевны и великия княжны Татианы Михайловны свобожденъ бысть из Нова града и взятъ к Москве в царство благочестиваго царя Θеодора[12]. Тойже мужъ благочестивый, веру имея велию ко Господу Богу и ко святой[13] обители[14], о навершении Великия церкве велие тщание показа ходотайствомъ своимъ ко благородной[15] царевне и великой княжне Татиане Михайловне о всякихъ нужныхъ потребахъ, яже суть прилично к навершению Великие[16] церкве[17] и освящению. Понеже той мужъ по[18] милости государской и тако[19] бысть благородной[20] царевны и великой княжны Татианы Михайловны и милость государскую[21] непременную[22] паче иных смертных[23] своего чина тогожъ[24] ко всем[25] монастырским нуждам[26] пекийся непрестанно, занежъ[27] и намерение свое имеяй[28] по отшествии сей[29] жизни сея желая во обители святой[30] Воскресенской тело[31] свое предати погребению близъ своего[32] учителя. Тои же мужъ благочестивый и историю сию написа и[33] о известии рождения и воспитания и всего жития[34] его в жизни сей святейшаго Никона патриарха, и о начале[35] обители святой Воскресенской и о Велицей церкви, како начася и совершися, и о преставлении и погребении его вся от начала подробну[36]. Написа, ово самъ видя творимая и от устъ слыша самаго святейшаго, ово же слыша от братии, живяше[37] со святейшимъ, во изгнании бываемыя терпения и нужды даже до самыя кончины. Написахъ сие во славу и честь Божию,[38] имея к тому[39] и в сладость ко слушающимъ и прочитающимъ и на ведение[40] будущимъ впредь[41] обитающимъ во обители той Воскресенской, [42]рекомой Новый Иерусалимъ[42], братии[43] и [44]всякаго рода христианскаго[45], дабы память его фундатора начална[46] Никона[47] патриарха[48] незабвенна[49] в поминовение[50] вечно была, дондеже миръ вселенне[51] стоит[52].

[53]Никита Михайлов[54]

РГБ ОР. Ф. 579 (собрание Братства св. митрополита Петра). № 10. Л. 50. Автограф

Три произведения архимандрита Ново-Иерусалимского монастыря Германа

Архимандрит Герман, восьмой настоятель Ново-Иерусалимского монастыря, более всего известен как один из наиболее талантливых русских поэтов второй половины XVII века. А.М. Панченко называет его «наиболее плодовитым и недюжинным» поэтом никоновской школы, который овладел «всеми секретами тогдашней школьной версификации. В них заметен несомненный талант, сильна патетическая и лирическая стихия»[19].

Архимандрит Герман, вероятно, был в числе первых насельников Ново-Иерусалимского

Примечания к «Биографии Иоанна Шушерина, написанной его внуком Никитой Михайловым»

[1]**Л** *доб.* же. [2]**Л** вельми. [3]**Л** святейшему. [4]**Л** *нет.* [5]**Л** бедре. [6]**Л** сидя. [7]**Л** в. [8]**Л** нет. [9]**Л** и бе. [10]**Л** прошению. [11]**Л** Великия Государыни. [12]*В ркп. далее зач.* сейже. **Л** Феодора Алексиевича всея России. [13]**Л** святей. [14]**Л** *доб.* Воскресенской. [15]**Л** благородней. [16]**Л** *нет.* [17]**Л** церкви. [18]**Л** бе при. [19]**Л** в чину. [20]**Л** *доб.* государыни. [21]**Л** *доб.* имея к себе. [22]**Л** неизреченную. [23]**Л** сверстник. [24-25]**Л** и о всех. [26]**Л** нуждах. [27]**Л** занеже. [28]**Л** имея. [29]**Л** *нет.* [30]**Л** святей. [31]**Л** и тело. [32]**Л** его. [33]**Л** *нет.* [34]**Л** бытия. [35]**Л** начатия. [36]**Л** подробно. [37]**Л** живущих. [38-39]**Л** Имени святому. [40]**Л** уведение. [41]**Л** и впредь. [41-42]**Л** Новаго Иерусалима. [43]**Л** братиям. [44-45]**Л** всякому роду христианскому. [46]**Л** начальнаго. [47]**Л** Святейшаго Никона. [48]**Л** *доб.* Московскаго и всея России. [49]**Л** незабвенно. [50]**Л** поминовении. [51]**Л** во вселенней. [52]**Л** *доб.* Аминь. [53-54]**Л** Иоанн Корнилиев Рипатов. 131. 297. 563.

монастыря. В духовной грамоте он упоминает о том, что был постриженником патриарха Никона, который благословил его в день пострижения иконой Воскресения Христова[20]. Так же, как и архимандрит Никанор, Иван Шушерин называет Германа учеником патриарха Никона[21]. Герман навсегда сохранил благодарную память о своем духовном отце, «избавлшем нас от глада неслышания словес Божиих и удоволившаго нас насыщением тучнаго телца же и Агнца, иже питающиися вовѣки не умирают», как писал он позднее от лица братии в челобитной царю Федору Алексеевичу.

С июня 1658 года, после оставления Патриархом Никоном архипастырского престола и ухода в Ново-Иерусалимский монастырь, Герман постоянно находился рядом со своим духовным отцом. В качестве патриаршего келейника он впервые упоминается в документах в сентябре 1664 года[22]. В начале 60-х годов или, скорее, в конце 50-х годов XVII века он был рукоположен в сан иподиакона. Именно в этом сане Герман изображен на знаменитой парсуне, изображающей патриарха Никона в окружении учеников. Н.М. Михайлова датирует ее создание промежутком между 15 сентября 1661 и началом 1662 года[23]. Г.М. Зеленская[24] сужает ее датировку до начала 60-х годов XVII века, считая, что на парсуне запечатлен рассказ Патриарха Никона братии Ново-Иерусалимского монастыря о бывшем ему 12 января 1661 года видении[25].

После низложения и ссылки Патриарха Никона Герман остался в Ново-Иерусалимском монастыре, где занимал должности типикаря или уставщика (регента хора), был рукоположен в иеромонахи. С 1673 года Герман – строитель обители. В мае 1676 года он был отставлен с этого поста и публично бит «шелепами... за бесчинство» – за учиненный им «с товарищи» некий «бой и срыв казенной печати». Г.М. Зеленская связывает это наказание с попыткой сопротивления отеца Германа вывозу из обители святынь, книг и монастырской казны в Москву[26]. В должности строителя отец Герман был восстановлен в 1678 году. В сентябре того же года, как впоследствии вспоминал архимандрит Никанор, царь Федор Алексеевич «повеле... устав церковный и чин монастырский, како было предано Святейшим Никоном Патриархом хранити во веки твердо нерушимо вскоре написати». Вместе с иноками Ново-Иерусалимского монастыря – иеромонахом Тихоном, иеродьяконами Никанором (будущим восьмым предстоятелем обители) и Иннокентием Саввинским – отец Никанор за одну ночь «написаша весь устав церковный и чин монастырский по чину, как было при Святейшем, и послаша его в Москву к Великому Государю, подписав своими руками»[27].

25 октября 1680 года умер архимандрит Ново-Иерусалимского монастыря Варсонофий. 1 декабря того же года царь Федор Алексеевич во время посещения обители разрешил инокам самим избрать нового предстоятеля, намекнув, что им мог бы стать и Патриарх Никон. Герман был одним из главных инициаторов посылки челобитной к царю с просьбой о переводе опального Патриарха в основанный им монастырь[28]. Поскольку Патриарх Иоаким не дал на это благословения, Герман обратился напрямую к царю с просьбой назначить нового настоятеля и в январе 1681 года по царскому указу был назначен архимандритом этой обители. 26 августа 1681 года он вместе с высшими церковными иерархами в присутствии царя Федора Алексеевича служил заупокойную службу по Патриарху Никону, за что на следующий день государь пожаловал ему «своей государевой конюшни иноходца чернобура». 5 сентября того же года, в новый приезд царя в обитель, архимандрит Герман читал ему орации, за что также получил награду. В январе 1682 года, во время приезда царя Федора Алексеевича в обитель, Герман получил драгоценную архимандричью шапку, «построенную» по царскому повелению. Умер архимандрит Герман 11 декабря 1682 года и был похоронен у западной стены придела Всех Святых Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря.

В данной статье публикуются три произведения архимандрита Германа, относящиеся к разряду деловой письменности. Но сила таланта Германа была такова, что все три произведения можно рассматривать и как памятники книжности.

Первое произведение – доклад царю Федору Алексеевичу о назначении архимандрита в Ново-Иерусалимский монастырь – никогда не публиковалось и в справочной литературе не отмечено. Судя по поздней приписке к этому

документу, по рассмотрении этого «доклада» царь своим указом в январе 1681 года назначил Германа архимандритом Ново-Иерусалимской обители. Таким образом, «доклад» может быть датирован 1 декабря 1680 года – днем приезда царя Федора Алексеевича в монастырь, во время которого встал вопрос о новом архимандрите.

Список с него находится в составе рукописного сборника из собрания И.А. Вахрамеева[29]. Этот сборник состоит из следующих произведений, переписанных в разное время и в XIX веке оказавшихся под одним переплетом[30]. Помимо «доклада» в него входят: 1) Уставная грамота царя Алексея Михайловича 30 апреля 1654 года о злоупотреблениях, происходящих от отдачи на откуп мытов, мостов, переводов, перевозов, съестных и других припасов, о стеснении тем народной промышленности и об уменьшении для этого некоторых налогов, принятая по совету Патриарха Никона[31] (л. 1–6); 2) Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (л. 7–64 об.); 3) Поучения Патриарха Иоакима (л. 65–69); 4) Духовная грамота Патриарха Иоакима (л. 70–105); 5) Стихотворная эпитафия Патриарха Иоакима (л. 105 об. – 106 об.); 6) Духовная грамота архимандрита Германа (л. 107–115 об.); 7) Сборник проповедей Тимофея Каменевича-Рвовского (л. 121–170); 8) «Книга, глаголемая Божий град» того же автора (л. 170–210 об.); 9) Сказание о Флорентийском соборе (л. 211–230 об.); 10) Сказание об образе св. Николы Зарайского (л. 230–242 об.); 11) Физиолог (л. 243–260). На л. 69 об. находится текст эпитафии, сделанный крупным детским почерком в XIX веке. Приведем ее в таком виде, в каком она записана в сборнике: «Прохожеи, ты идѣшь, но можѣшь такъ какъ я, присятъ и одохи не мне у миня сови былиночку и спомни обо мне, я дома, ты в гостях. Подуми самъ сибе». Эта эпитафия, одна из самых распространенных в русском некрополе XIX – начала XX века, создана в 1802 году П.П. Сумароковым[32], и данный список, сделанный неуверенной рукой ребенка, очевидно со слуха (о чем свидетельствуют своеобразный «детский» язык и грубые грамматические ошибки), – лишнее подтверждение ее популярности. На л. 70 об. в XIX веке сделана проба пера, на л. 105 об. – черновик письма, также XIX века, л. 155 – пустой.

«Доклад» писан на бумаге желтого цвета голландского производства. Филигрань типа Дианова. № 494 – «голова шута», датируемая 1698 годом[33]. Таким образом, список может быть датирован концом XVII века.

Второе произведение – челобитная царю Федору Алексеевичу от имени братии Ново-Иерусалимского монастыря с просьбой о возвращении Патриарха Никона из ссылки была составлена в январе 1681 года. Ее автором обычно называют Германа, в то время бывшего строителем обители. Челобитная неоднократно публиковалась[34]. Однако списки, по которым она была опубликована, остаются неизвестными, к тому же в ряде случаев в публикациях обнаруживаются неточности и пропуски текста. Кроме того, все публикации, по сравнению с рукописями, были подправлены в соответствии с орфографическими нормами XIX века. Уже это показывает необходимость републикации челобитной по спискам конца XVII – начала XVIII века.

В основу публикации челобитной положен список начала XVIII века из рукописного собрания Тамбовской Саровской пустыни[35] (в подстраничных примечаниях к публикуемому тексту обозначаем литерой **С**). Разночтения даются по копии челобитной, включенной Иоанном Шушериным в Жизнеописание Патриарха Никона по той же рукописи (литера **Ш**)[36] и по списку середины XVIII века из собрания Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (литера **В**)[37].

Духовная грамота архимандрита Германа находится в составе того же сборника из собрания И.А. Вахрамеева, что и его «доклад» царю Федору Алексеевичу, где занимает л. 107–115 об. Духовная писана на бумаге желтого цвета голландского производства. Филигрань типа Дианова. № 494 – «голова шута –IB», датируемая 1679–1683 годами[38]. Духовная, таким образом, возможно, является автографом самого Германа или писца грамоты.

Духовная грамота – важнейший документ, позволяющий оценить личность архимандрита Германа. В ней он предстает как человек, живущий во страхе Божьем, перед лицом смерти скорбящий о том, что «не росточих множество грехов моих, не собрах плодов добродѣлей, ими ж скорбише всецѣлое упования безсмертия подается, обаче без упования нѣмь во своих дѣлех, но в милосердии Спасителя нашего, Премилостивого и Всещедраго Бога и Господа Иисус Христа, излившого Предражаишую Кровь Свою во имя грѣшник, молитвами всѣх святых. Егоже и молю, да помилует мя, грѣшника молитвами всѣх, излиявших кровь свою о Нем, и преподобных труд чрез естественными присвоившихся Ему, паче ж ходатайством Пресвятыя и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Присно Девы Марии, и да отмыет Пресвятою и Безценною Кровию Своею множество грѣхов моих, о сем и упавание в надежди спасителных Его Страстей твердое имѣю и в вѣре Православной Кафолической Матере нашея Восточныя Церкве яко несумнителен есмь, исповедую о сих».

О круге интересов архимандрита Германа, наверное, красноречивее всего свидетельствует его келейная библиотека, состав которой известен из его духовной грамоты. В ней преобладали издания на греческом и латинском языках – в их числе Библия (греческий текст и латинский перевод – Вульгата), Апостол, Новый Завет и богослужебные книги на греческом языке.

В духовной отца Германа отмечены книги на польском языке – Библия, жития святых и «полские псалмы». И если Библию действительно можно признать книгой польской печати, то жития и псалмы были напечатаны латиницей на малороссийском языке. Это стихотворные произведения Лазаря Барановича «Аполлон Христианский» и «Лютня Аполлонова», изданные в Киеве соответственно в 1670 и 1671 годах. В конце XVII века обе эти книги хранились в библиотеке Ново-Иерусалимского монастыря с пометой о принадлежности архимандриту Герману[39].

Такой подбор книг свидетельствует о том, что архимандрит Герман помимо польского и малороссийского свободно владел классическими языками. А это, в свою очередь, указывает на его малороссийское происхождение.

Интересовала архимандрита Германа классическая и славянская филология – в его духовной отмечены греко-славянские и славяно-латинские грамматики, а также латинская грамматика иезуита Альвара. Среди различных лексиконов, названных в духовной, возможно, имелись и латинско-русские лексиконы. На Руси в это время в рукописях распространялись «Лексикон латинский» Епифания Славинецкого и «Лексикон словено-латинский», составленный им же в содружестве с Арсением Корецким-Сатановским. В их основе лежал «Thesaurus polono-latino-graecus» польского лексикографа Григория Кнапского (1564–1639), впервые напечатанный в Речи Посполитой в 1621–1632 годах, и Лексикон Славяно-русский Памвы Берынды[40]. Последний, изданный в Кутеинском монастыре в 1671 году, имелся в библиотеке архимандрита Германа. Возможно, оттуда же происходит хранившаяся в библиотеке Ново-Иерусалимского монастыря «Грамматика Славянская» Мелетия Смотрицкого, напечатанная в Москве в 1648 году[41].

Отдельно стоит сказать о загадочных «книгах каменных», дважды упомянутых в духовной. Возможно, речь идет о книгах, название которых было неправильно воспринято переписчиком и заменено на более приемлемое по созвучию слово. Скорее всего, это мог быть «Тезаурус» Г. Кнапского. Вплоть до начала XIX века он считался лучшим словарем польского языка и был наиболее популярным учебным пособием для обучения польскому языку. С выпускниками Киево-Могилянской академии «Тезаурус» попал в Москву, где приобрел большую популярность и был известен под названием «Кнапеуш», «Кнапий», «Кнапи» или «Калепин лексикон». Этот словарь имелся в библиотеках современников архимандрита Германа – Симеона Полоцкого, Евфимия Чудовского, митрополита Сарского и Подонского Павла, Феофана Прокоповича, св. Димитрия Ростовского[42].

Столь основательная подборка книг польской и малороссийской печати, а также круг языков, которыми свободно владел архимандрит Герман, могли бы указывать на него как на выпускника Киево-Могилянской академии. Однако архимандрит Никанор не раз подчеркивал, что тот принял постриг «измлада» и даже «с младенчества».

Интересовала о. Германа и российская история. Иоанну Шушерину он завещал рукописный «лѣтописец», а дьякону Архангельского собора в Московском Кремле Аврамию Васильеву досталась «книга печать полская Александра Гваннина». Речь идет об «Описании Московии» итальянца Александра Гваньини, служившего в

Речи Посполитой. Написанное на латыни, оно впервые было напечатано в Кракове в 1578 году и позже переведено на польский язык[43].

Как бывшего уставщика архимандрита Германа характеризуют «книги пѣвчие» с записями «русских» и киевских распевов. Имелась в его келлии и лютня, на которой он, скорее всего, подбирал музыку к своим стихотворным произведениям.

Судьбу части книг, находившихся в келейной библиотеке архимандрита Германа, позволяет проследить недавно опубликованная опись имущества другого ученика Патриарха Никона и восьмого архимандрита Ново-Иерусалимского монастыря Никанора[44]. Составленная в 1698 году, в числе прочих категорий имущества она перечисляет и книги, хранившиеся в его келейной библиотеке.

«Доклад» строителя Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Германа царю Федору Алексеевичу о назначении нового архимандрита (1 декабря 1681 года)

(Л. 116) [1]Доклад Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексие[вичу...][2]. [3]С тоя подачи строитель Герман послѣди был архимандритом в сем монастырѣ Воскресенском во обители сеи Воскресенскои[4].

Великого Государя его Пресвѣтлаго Царского Величества по премудрому разсмотрению и благоразсудительному изволению, кто будет пожалован во предстатели в его Царское Богомолие в Воскресенскои монастырь архимандритом, о сем милости просит того монастыря строитель Герман[5] и прочии, аще будет его Царскому Величеству угодно.

И в первых чина и устава церковнаго, писаного и не писаного, изысканого многотруднѣ от дѣйствующаго ся во Иерусалимѣ чина, в Велицѣй Церкви и от Устава Святыя Горы и от иных благочинно держанных преданий, собраннаго благочестно и преданнаго нам от отца нашего, чтоб он пожаловал нам от его Царского Величества архимандрит во всем, яко в великом, тако и в малом чесом не от всяких, аще в нѣкиих малых вещах, и несходно *(Л. 116 об.)* есть великороссийских, любо и малороссийских монастыри с Чиновниками.

Братию, обѣщание положивших ту во святѣй обители, чтоб безвинно, или и за малое прегрѣшение, из монастыря не изгонял, развѣ за великое неисправление и по многих наказаниих духовных, или к мирским сходных, и тогда по общему совѣту.

С стороны чтоб потребных людеи принимал и по совѣту. И чтоб при нем принятыя старцы жителеи прежних по его попущению не уничижали, а кождыи бы свою службу сохранял по его разсуждению и с нашим совѣтом.

Нам, которыя по его Царскаго Величества изволѣнию присланы быти первых служеб в правлении, *(Л. 117)* чтоб свою отческую любовь показовал, яко отец чадом, и совѣт по заповѣди Владыки всѣх, яко первый брат ко единственным братиям. И учение и завѣщание в любви, яко присным другом, а не яко князь рабом, или богачь нищим, понеже властителское повелѣние и государское в гордости завѣщание, тако жестоко глаголание и ярое воззрѣние началника отвлачить с пособников от многаго совѣта духовнаго и подробну о всяких нужных потребах обще разсудити не попущает, и частѣе докладати, и безопасно приступати возбраняет, и конечнѣе же всякого в совѣт хождение отчюждает. Точию пред очима или рабски убѣжания ради ран благотворити подручных, а не от сердца и благоизволения любовна сыновски понуждает, еже есть нам чюжде.

[1-2] Вторым почерком в верхней части листа; окончание фразы обрезано. [3-4] Третьим почерком на полях в нижней и левой частях листа. [5] В ркп. над строкой.

Без совѣта же и без благословения его нам дѣлати и малых *(Л. 117 об.)* вещеи неприлично. Многонуждныя же потребы монастырских прошениих у Великаго Государя и о разсуждении росходов денежных и хлѣбных, и о разсмотрении между братии в зажилом, и служебников в жаловане и в пищи и в питии, кому доведется доволное и кому мѣрное изобилие. И в вотчинах, гдѣ прибавить пашни или оброку, и гдѣ збавить какои тяжести, и о здѣлке вотчиннои, с кѣм доведется, и о строениих в монастырѣ, и в вотчинах, и иныя таковыя нужды не точию малаго и кроткаго, но и особнаго и не скорочаснаго и доволно временнаго в разглаголаниих совѣта требуют.

А котораго совѣта начальника не любовное в дѣле и слове и в возрѣнии поступание совѣтников отвратило бы. *(Л. 118)* И чтоб от тово монастырским строением и росправным всяким делам в разсмотрении коснения не было.

Или ево единого безсовѣтным во всяких делах повелѣнием, аще бы и паче многих великоразумен был, чтоб порока и убытка какова монастырю не было. Понеже не точию земных вещей благополучение, но и спасение по писаному во многих совѣте бывает.

Да и тово для вѣдомо всѣм, кому аще случится преселитися на ино мѣсто извычениа немалаго и разсмотрения некраткаго, нужду имать в человецѣх и скотѣх и в земных движимых и недвижимых вещех разсудити.

(Л. 118 об.) И за наше безсовѣтное в монастырских делах нестроение, или в чем нестроение, или всем неисправление, чево не даждь, Боже, и слышати, чтоб нам от Царского Величества во гнѣвѣ не быти и монастырю в беспризорном оставлении.

Тако ж и всеи братии любовь свою отчески и пастырски бы показовал, яко прежде живущим, тако и при нем прибывшим.

А в совѣте монастырских дѣл, особно без нас, от тѣх, которыя прибудут ево страну, или и от прежде живущих в подговорку к себѣ не припускал без общаго нашего совѣта. И потаеных бы подговоров слушать не изволил, а обличал бы насреду пред всѣх. Чтоб от такового дияволского и лукавых человек злохитръства потаенаго ему мнѣния в сердцы или и явныя к нам *(Л. 119)* злобы, а нам размышления и от благосовѣтия удаления и ненависти друг на друга не воставали.

Пищу и питие в трапезѣ чтоб имѣл от братьи немного излишнее и в кѣлье, кромѣ нарочитых гостеи или немощи, либо велми нечастых нѣкиих случаев, чтоб особно от братии не трапезовал, дабы от того образ безчинства иным не происходил.

Сродичам своим по плоти или и другом чтобы монастырским[6] ничѣм не здѣлася, и всѣх сущих в монастырѣ от того возбранял, чтоб за любов плотскую родителеи и другов отверженна заповѣди Божиа не было и монастырю зазора, а подручным соблазна.

А мы не точию о всяких монастырских великих дѣлах, яко *(Л. 119 об.)* о строении болшом и малом, или о иных народных вещех, но и о малых особно приличных дѣланием разсудити могущему возвѣщати, и совѣт и благословение приимати должни есми.

А о ево особных приличествиих, яко о душевных наших правлениах и церковных, комуждо по винѣ запрещениих и о наказаниих духовных и о разсуждении между церковники и всеа братии в церковных и келеиных дѣлех, как ево Бог наставит и как царское повелѣние будет. Между же мирскими или в служебных [...][7] аще Великого Государя и нам разсуждати да попустит [...][8] обаче яко ему в явном нѣкиих монахов нак *(Л. 120)* азаниих, тако и нам в мирских разсуждении не без общаго совѣта дерзнути да будет. Развѣ малых или неудобных на снитием за разстояние нѣкое случаев, токмо и тое будет отпущения любовнаго зря, на праведное друг друга разсуждение.

ГИМ. ОР.
Собрание И.А. Вахрамеева. № 451. Л. 116–120.
Список конца XVII в.

[6] В ркп. 8-я буква испр. из j. [7] Пропуск текста. В ркп. оставлено свободное место примерно в 1,5 строки. [8] Пропуск текста. В ркп. оставлено свободное место примерно в 1,3 строки.

Челобитная грамота иноков Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря царю Федору Алексеевичу о возвращении Патриарха Никона из ссылки (январь 1681 года)

(Л. 346 об.) Список с челобитной слово в слово, какова подана Великому Государю.

Царю Государю и Великому Князю Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя России Самодержцу[1]. Бьют челом богомолцы твои, *(Л. 347)* Воскресенскаго монастыря строитель старѣц Герман, казначей старец Сергий с братиею.

Благоволением Божиим[2], Великий Государь, в превеличествѣ милости [3]не точию[4] человеческими, но и безплотных сил[5] умов смыслы необьятаго Бога, твоего[6], благочестивѣйшаго, нашего же и всѣх христиан Единаго Владыки [7]и Царя[8], присно обносящаго тому прелюбимое и любящее над[9] всѣх Его Самого, сердца[10] обращающаго во благоугодное Ему изволение, яко же бѣ Сам по премудрому и преклонившаго [11]в ней всѣми[12] благоутробие и конечную милость и[13] ко святѣй сей обители и великому сему[14] подобообразному[15] *(Л. 347 об.)* перваго[16] на мѣстѣ Живодателных Христовых Страстей Живоноснаго Его Пресвѣтлаго Воскресения [17]созданного храма[18] и к[19] нам, нищим твоим, Государевым[20] рабом и богомолцем, о них же радуемся[21] превеликою радостию и торжествуем торжествованием премногим, [22]яко и[23] прешедшии[24] морѣ печалей и страстей Чермное[25] Моѣсеем[26] и вселившися[27] в землю обѣтования всегдашния радости о Христѣ воскресшем во Иерусалимѣ. Токмо малое недостает, благий Владыко, яко не уподобихомся древним исраилтяном[28], пренесшим[29] кости от глада их[30] избавлшаго[31] Иосифа от Егѣпта, и в[32] новых[33] чад[34] *(Л. 348)* Константинополяном, умолившим[35] благочестивѣйшаго царя[36] Феодосия о возвращении Иоанна Златоустаго[37] от Коман, яко и до сего времени[38] не прострохом моления[39] о отцѣ нашем, избавлшем[40] нас от глада неслышания[41] словес Божиих и удоволившаго нас насыщением тучнаго телца[42] и Агнца, иже питающиися вовѣки не умирают. Тѣм нынѣ молим тебе[43], благочестивѣйшаго нашего Государя Царя, и[44] богоподобное[45] благоутробие твое[46]: помилуй нас, нищих[47] своих богомолцев, подаждь церкви исполнение, приведи[48] [49]кормчия кораблю[50], посли [51]пастыря стаду[52], пристав[53] главу тѣлу, христоподражателнаго *(Л. 348 об.)* нашего наставника[54], святѣйшаго Никона, преведшаго нас море мира сего[55], яко Моѣсей[56], повели, да и землю[57] обѣтования, юже наслѣдуем[58] твоим прещедрым богатодаровитым подаянием обилно, такожде наслѣдствит[59] и нам, разделит, яко Иисус и Елеазар, вѣдый всѣх, по разсмотрителному комуждо достойному приличеству. Изведи из[60] темницы душу его, яко и блаженнаго нѣкогда[61] Игнатия патриарха [62]Царскаго града[63] из заключения, повели свободити ис Кирилова монастыря в монастырь Живоноснаго [64]Воскресения Христова[65], растущи днесь в высоту повсюднаго прославления, яко древо плодовито[66] [67]при исходящих *(Л. 349)* твоего благодаровитаго[68] и щедролюбезнаго излияния, насажденный и оупояваемый[69], да и[70] он с нами купно твоих пребогатых щедрот насладится и в старости своей возвеселится. Царь Государь, смилуйся[71].

А[72] на подлинной челобитной позади пишет[73]:

К сей челобитной строитель старец Герман[74] руку приложил.

Казначей старец Сергий руку приложил.

[1]**СШ** самодержцы. [2]**С** *нет.* [3-4]**Ш** *нет.* [5]**В** *нет.* [6]*Испр.*, **СВ** твое. [7-8]**С** *нет.* [9]**В** на. [10]**Ш** сердце. [11-12]**В** в неизреченней ко всем. [13]**Ш** *нет.* [14]**СШ** самому. [15]**СШ** подобнообразному. [16]**В** и перваго. [17-18]**В** создавшаго храма. [18]**С** храму. [19]**В** *нет.* [20]**Ш** древним. [21]**Ш** радуется. [22-23]**В** *нет.* [24]**В** прешедшеи. [25]**В** *ако* Чермное морѣ. [26]**В** *доб.* великим. [27]**Ш** вселившася. [28]**В** иисраилтяном. [29]**В** изснесшим. [30]**В** *нет.* [31]**В** избавльшаго. [32]**В** *нет.* [33]**В** новым. [34]**В** *нет.* [35]**Ш** оумолившa. [36]**СШ** *нет.* [37]**СШ** *нет.* [38]**В** времяни. [39]**СШ** *нет.* [40]**В** избавльшем. [41]**В** непослушания. [42]**В** *доб.* же. [43]**СШ** твоего. [44]**СШ** *нет.* [45]**С** благоутробное. [46]**СШ** *нет.* [47]**Ш** нищых. [48]**С** проводи. [49-50]**В** кораблю кормчия. [49]**С** кормчию. [51-52]**В** стаду пастыря. [53]**В** приставь. [54]**СШ** *нет.* [55]**СШ** *нет.* [56]**СШ** Моiсей. [57]**С** *земли.* [58]**В** наслѣдствуем. [59]**Ш** наслѣдствовати. [60]**Ш** *нс.* [61]**Ш** иногда. [62-63]**Ш** Цареградскаго. [64-65]**В** Христова Воскресения. [66]**Ш** плодовитаго. [67-68]**Ш** *нет.* [69]**С** уповаемый. [70]**В** *нет.* [71]**С** помилуй ся. *Дальнейший текст в* **Ш** *отсутствует.* [72]**В** *нет.* [73]**В** *доб.* тако. [74]*У архим. Леонида нет.*

Резных дел мастер старец Ипполит руку приложил.

К сей челобитной бывший архимандрит Исаия[75] руку приложил.

(Л. 349 об.) Бывшей архимандрит Филофей руку приложил.

Соборной еромонах[76] Тихон руку приложил.

Иеромонах Исаия руку приложил.

Оуставщик иеродиакон Евстратий руку приложил.

Иеромонах Петроний руку приложил.

Иеромонах Сисой[77] руку приложил.

Иеромонах Варлаам и вмѣсто иеромонаха Памвы да монаха Боголѣпа по их велѣнию[78] руку приложил.

Иеромонах Антоний руку приложил.

Иеромонах Иоанн руку приложил.

Иеромонах Гедеон руку приложил.

Иеромонах Иосиф[79] руку приложил.

Иеромонах Рафаил *(Л. 350)* руку приложил.

Иеромонах Палладий руку приложил.

И в мѣсто монаха Оустина[80] и Максима [81]иеромонах Иона[82] руку приложил Иерусалилянин[83].

Иеромонах Авраам Степурин руку приложил.

Иеромонах Филарет руку приложил.

Иеродиакон Макарий руку приложил.

Иеродиакон Диоген руку приложил.

Иеромонах Дамаскин руку приложил.

Иеродиакон Иоиль руку приложил.

Иеродиакон Илия руку приложил.

Иеродиакон Серафим руку приложил.

Иеродиакон Vфросин[84] руку приложил.

(Л. 350 об.) Иеродиакон Иосаф руку приложил.

Клирик монах Гавриил руку приложил.

Чернец[85] Авиль[86] руку приложил.

[87]Чернец Феогност руку приложил[88].

Монах Феодосий руку приложил.

Монах Петр и вмѣсто Симеона руку приложил.

Монах Иосаф руку приложил.

Иеромонах Феофилакт и вмѣсто болнишных[89] старцев Филарета, Иоакіма, Варсонофия, да дѣтей своих духовных Иосифа, Ферапонта, Иринарха, Иоиля, Леонтия[90], Игнатия, Герасима, Пахомия, Васьяна по их челобитью руку приложил.

(Л. 351 об.) Иеромонах Варлам [91]вмѣсто дѣтей своих духовных монаха Иларион[92], да[93] монаха Ефрема, да монаха Исакия[94] по их велѣнью руку приложил.

Иеромонах Рафаил и[95] вмѣсто пономарей Галасия и Симеона по их велѣнью руку приложил.

Иеромонах Феофилакт и[96] в мѣсто монаха Захария и Николая и Мѣсаила по их челобитью[97] руку приложил.

*РГАДА. Ф. 357 (Рукописное собрание Тамбовской Саровской пустыни). Оп. 1. Д. 157. Л. 346 об. – 351 об. Список начала XVIII в. (**С**). Разночтения даются по списку Иоанна Шушерина в той же рукописи (**Ш**) и по списку середины XVIII в. (ГИМ ОР. Воскресенское собрание. № 129-бум. Л. 119 об. – 121 об.) (**В**)*

[75]**В** Исай. [76]**В** иеромонах. [77]**В** Сысой. [78]**В** прошению. [79]*Архим. Леонид:* Иоасаф. [80]**В** Иустина. [81-82]**В** иеромонаха Ионы. [83]*в* **В** *отнесено к следующей подписи.* [84]**В** Ефросин. [85]*Архим. Леонид:* монах. [86]**В** Авель. [87-88]**С** *нет.* [89]**В** болных. [90]**В** Леонтиа. [91-96]*у архим. Леонида нет.* [92]**В** Илариона. [93]**В** *нет.* [94]**В** Исаия. [95]**В** *нет.* [96]**В** *нет.* [97]**В** челобитье.

Духовная грамота архимандрита Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Германа (осень 1681 года)

(Л. 107) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Троицы Единосущныя и Нераздѣлныя, Единого, истинного всѣх Бога, се аз, раб Божий, недостойный во иеромонасѣх Герман, архимандрит Воскресенского монастыря, что на Истрѣ, строения отца нашего, святѣйшаго Никона патриарха, одержим болѣзнию многою и чая скорого исхода от жития сего общую всѣх человек смертию, помянуя непостоянное житие и скоро преходное и внезапу увядающее жительство мира сего, и рекох с воздыханием в болѣзнии сердца по Соборнику: «Суета суетствии, всяческая суета». И паки тогожде речения, видя на себе исполняемо, якож изыде, рече: «От чрева матере своея наг *(Л. 107 об.)* возвращается исти, яко ж и прииде, и ничтож приимет в труде своем, да пойдет в руце Его. И се же зол недуг, праведных же упование безсмертия исполнь по премудрому, и души их в руце Божии». Сия вся помышляя, скорблю, яко не росточих множество грѣхов моих, не собрах плодов добродѣтей, ими ж скорбише, всецѣлое упования безсмертия[1] подавается. Обаче без упования нѣмь не в своих делех, но в милосердии Спасителя нашего, Премилостивого и Всещедрого Бога и Господа Иисус Христа, излившого Предражаишую Кровь Свою за мя грѣшника, Егоже и молю, да помилует мя, грѣшника молитвами всѣх святых, излиявших *(Л. 108)* кровь свою о Нем, и преподобных труды чрез естественными присвоившихся Ему, паче ж ходатайством общия надежды всѣх и заступления, Пресвятыя и Пречистыя Владычицы нашия Богородицы и Присно Девы Марии, и да отмыет Пресвятою и Безценною Кровию Своею множество грѣхов моих. О сем и упавание[2] в надежди спасителных Его Страстей твердое[3] имѣю и в вѣре Православной[4] Кафалической Матере нашия Восточныя Церкве яко несумнителен есмь, исповѣдую о сих и изустную сию память в цѣлом своем разумѣ пишу.

И первую молю всю честную и возлюбленную ми о Христѣ монастыря[5] сего и приписных к нему монастырей братию, иеромонахов, иеродиаконов, причетников *(Л. 108 об.)* и всѣх монахов обще, к тому ж и мирских всѣх монастырских служебников и земледѣлцов, всякого чина и возроста монахов. Да пребудут присно по своему обѣщанию и по уставу и преданию святых и богоносных отец наших жителствующе, не пренебрегающе отнюд церковного чина и монастырского доброго постоновления. Мирских такожде, да христианская вся заповѣдания хранят, паче ж иных да очищаются святых исповѣданием. Аще невозможно во вся уставленыя, поне во Святый и Великий Пост и от сквернословия и пиянства и иных злых дѣл да блюдутся.

(Л. 109) Молю же брата и отца моего, кто будет по благоволению[6] Божию и по разсуждению святѣйшаго патриарха архимандрит, да чин церковный писанный и неписанный хранит, яко ж уставися при отце нашем, да и сам сохранен будет от всякаго злаго поречения. Мене ж, грѣшника, да поминает во святых своих молитвах.

Паки всѣх обще молю, [7]аще кого[8] в чесом любо оскорби[9] аз, сы в началствѣ сем, или прежде дѣлы скорбными или словесы жестокими или и иным чим, да простят ми грэшнику от всего сердца, да и саѣ скорѣишаго сподобятся прощения, купно ж и да молят Премилостиваго Бога о мнѣ *(Л. 109 об.)* выну, паче ж в сие время молитвы многи и, вспоможения потребующу, о сем слѣзно всѣх молю и мил ся дею и припадаю, аще не во плоти, но сим писанием.

Аще кто мнѣ в чесом любо приразися или оскорби, всѣх Господь Бог да простит по неизреченнѣи Своей милости, и да помилует их благостию Своею, и да[10] подаст им любовь и милость показати надо мною грѣшником, и да покажет их молитвеники обо мнѣ грѣшнем, да проиду без задержания воздушная мытарства лютого миродержца. О сем паки и паки всѣх обще отцев моих и братию и всѣх мирских молю, да незабвена *(Л. 110)* мя творят во святых своих молитвах.

А особно приказываю и молю болшее потщание имѣти по исходе моем от смертного телѣсе сего, о погребении, помяновении моем[11] и прочих к сему подвижении и о малом стяжании моем[12] да по росписи сей и по разсмотрению их раздѣлено будет прилѣжати и о всякои ползѣ убогои души моей потщание творити возлюбленному моему брату и благодѣтелю отцу строителю Сергию да отцу моему духовному иеромонаху Варламу. И в первых да потщатся испросити у Великого Господина Святѣйшаго Иоакима Патриарха Московского и всеа Росии разрешенную грамоту *(Л. 110 об.)* во удобнѣйшее провождение убогои души моей к вѣчному животу, и тую вручити ми, грѣшнику, купно з грамотою Святѣишага Паисия, патриарха Александрийского, и тако вдати земли, землю на погребения ж и на сорокоуст, или и в годовыя литаргий раздѣлити что останется по мнѣ от стяжания по своему разсмотрению.

Иконы Воскресение Христово, благословение Святѣйшаго Патриарха в первый день моего постражения, тако ж и Воскресения Христова окладныя, да Спасов Нерукотворенный образ да будет над гробом моим в киотѣ.

(Л. 111) Книги Библию, Апостол, Служебник да Новои Завѣт греческая печать с латинскою, да Грамотика Грекóславенская, да Октоих греческои, да полских Библия Иеронимова переводу в десть, Новый Завѣт в полдесть, Книга о вѣчности в четверть, Лексикон в четверть отдать в книгохранителницу, и за тое из их[13] прежние мои труды поминати мя грэшника незабвенно.

Отцу строителю Новый Завэт в полдесть, да образ Пресвятыя Богородицы Мелетиева писма, да что ему послѣ *(Л. 111 об.)* Феофилакта приказан образ Пресвятыя Богородицы взять, да Потребник книжкою.

Отцу Варламу Псалтирь слѣдованием да мантия киевская, да денег три рубли, да патрахиль.

Отцу казначэю складни окладныя болшия мѣлкого писма, да погребец, что послѣ Феофилакта, да книжка каменная.

Старцу Ипполиту складни окладныя, да цырнил, да темпулярик.

(Л. 112) Иеродиакону Серафиму складни другия, что послѣ Феофилакта, да клабук греческои.

Иеродиакону Диогену полские псалмы да нож черен костяной.

Старцу Васяну рукавицы песцовые под сукном.

Келеиным моим чадом:

Иоанну образ Пресвятыя Троицы, книга Живот Святых в десть на полском языке да с иконима, да ряса суконная холодная;

(Л. 112 об.) Петру образ Креста, Грамотик Словенская в четверть, Часословец греческои, Алварь латинскои, ряса теплая;

Павлу образ Иосифов, Псалтирь в полдесть да подрясок суконнои синеи, да Алементар полскои киевския печати;

Андрею образ Тихана Луховского, Часословец киевскои, по обрѣзу золочен, да ряса суконная дикой цвѣт, ветха;

Иеромонаху Илеодору брашно;

Евгению лютня;

(Л. 113) Ананию Часовник.

Афонасию Зиновеву коэш каповои.

Иоанну Шушерину Святцы с Лэтописцем и с Подлеником и с Рукою Богословлею.

Михаилу книжка каменная.

Иоанну Некрасову книга Жития Святых полская в полдесть.

Стряпчему Лексикон словенскои.

(Л. 113 об.) Иеромонаху Македону да Мисаилу по сапогам.

[1]*Испр., ркп.* безсмердия. [2]*Испр., ркп.* упавпние. [3]*В ркп. 3-я буква испр из* ѣ. [4]*Испр., ркп.* православно. [5]*Доп. по смыслу, в ркп. пропущено.* [6]*В ркп. испр. из* благословению. [7-8]*Над строкой.* [9]*Испр., ркп.* оскорбит. [10]*Над строкой.* [11-12]*На полях.* [13]*Испр., ркп.* х.

Иеродиаконом Гервасию да Исаию по башмакам.

Иеромонаху Исаию уставщику камилавка бархатная.

Иеродиакону Силивестру шапка[14] теплая суконная на лисицах.

Иеродиакону Иоасафу Лечебник.

Книгу печать полская Александра Гвавнина в десть отдать на Москвѣ собора Архангелского диакону Аврамию Василеву.

(Л. 114) Иеродиакону Дамаскину крест.

Очки зеленыя отдать иеромонаху Тихану.

Книги пэвчие двѣ русского знамени да портесныя всѣ продать, а киевского, что есть простого пѣния, и тѣ келейным моим братиам раздѣлити, Иоанну, Петру, а буде станут учится, и других дать по разсмотрению.

Казенного что есть серебренои посуды, *(Л. 114 об.)* так же и в моему борошну и что мнѣ дано два клабука баберековых, рукавицы да рукав бархатныя, погребцы два и иное, что обыщется, взять в казну.

Рясу соболю под бабереком, да каэтан атласнои на лисицах и камъчатои холоднои, да два мѣха положены в лавку, то всѣ прикащиком души моеи продать, а денги по своему доброму и благочестивому разсуждению раздѣлить *(Л. 115)* по души моей в сорокоустие и в милостыню. А что останется, и тѣм построити под колоколнею в церкви образы и отца Варсонофия блаженныя памяти, прежде мене бывшаго архимандрита, послѣ поминания ево оставшия денги в казнѣ издержать тут же в церковь по ево к нам приказу, чтоб тот грѣх на нас не взыскался за нескорое исполнение приказании оческих.

И скончавая сие аз, убогии, завѣтное *(Л. 115 об.)* свое писание, паки молю всѣх конечным и слѣзным молением, да помилуете грѣшною[15] душу мою как во церковных общих поминаниях, тако ж и в келеиных особных молениях во предстоянии ко Господу Богу, да не забудете, но да потщитеся святыми своими молитвами исхитити тую из рук вражиих и проводити без задержания на воздушных мытарствах в Небесное Царствие к видѣнию Славы Господа.

Аминь.

ГИМ ОР. Собрание ИА. Вахрамеева.
№ 451. Л. 107–115 об. Автограф

[14] *Доп. по смыслу, в ркп. нет.* [15] *Испр., в ркп.* грѣшного.

Г.М. Зеленская
Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДНИКИ ВОСКРЕСЕНСКОГО АРХИМАНДРИТА ГЕРМАНА I

Духовное завещание настоятеля Воскресенского монастыря архимандрита Германа I († 11 декабря 1682) является уникальным источником по истории Нового Иерусалима второй половины XVII века. Принадлежащее любимому ученику Святейшего Патриарха Никона, выдающемуся церковному поэту, автору духовных песнопений и стихотворных эпитафий, замечательному мастеру акростиха, оно содержит имена самых близких ему людей, перечисляет его личные книги и вещи. Данный материал заслуживает детального изучения — как ввиду его церковно-исторической и культурной значимости, так и ввиду неверных интерпретаций, кочующих из одного издания в другое.

В настоящее время библиография об архимандрите Германе I весьма обширна[1], сведений же о тех, кому настоятель завещал свое небогатое имущество, крайне мало. Задача нашей статьи — восполнить этот пробел.

Архимандрит Герман I родился, по-видимому, в первой половине 40-х годов XVII века. О происхождении замечательного стихотворца ничего не известно. Предположение о его родственных связях с митрополитом Казанским и Свияжским Лаврентием (в схиме Левкием; † 1672)[2] ошибочно, так как записанный в синодиках Воскресенского монастыря «род архимандрита Германа» относится к другому лицу — настоятелю Герману II († 26 июня 1699)[3].

В монашество будущий архимандрит Герман I был пострижен Патриархом Никоном «измлада». Документы 1663 года называют его «молодым старцем» и «келейным старчиком» Святейшего. Юным иподиаконом, держащим раскрытую книгу, он изображен на парсуне начала 60-х годов «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря».

Иподиакон Герман и Патриарх Никон.
Фрагмент парсуны «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря».
Начало 60-х гг. XVII в. Холст, масло

Патриарх Никон проявлял отеческую заботу обо всех сторонах жизни юных насельников Нового Иерусалима, и в первую очередь об их образовании. Многие из них несли клиросное послушание, научаясь знаменному и многоголосному пению, церковнославянскому и греческому языкам. «Старчик» Герман, обладавший чрезвычайными способностями к церковному пению и стихосложению, имел возможность развить свои дарования и со временем возрос в любомудра, книжника и духовного поэта.

После 1666 года, когда Патриарх Никон был осужден, низложен и сослан в Ферапонтов монастырь, монах Герман остался в Новом Иерусалиме, где, как известно из его акростихов, нес послушания «уставщика», «типикаря» и «еклесиарха». В 1673 году он упоминается

как соборный старец, в 1674—1676 годах — как строитель (управитель монастырским хозяйством). В это время по указам Патриарха Иоакима из Воскресенского монастыря в Москву вывозились святые мощи, книги, богослужебные облачения.

Старец пытался, вероятно, сопротивляться расхищению монастырского имущества. В октябре 1674 года он был причастен к делу «о срыве казенной печати и о ключах», а в мае 1676 года его «за бесчинство» били на соборе при всей братии шелепами. Возможно, именно этот случай отражен в одном из акростихов монаха Германа: «маия месяца болезнен».

Значительные изменения в жизни старца произошли в царствование Феодора Алексеевича. К 8 июня 1678 года (память великомученика Феодора Стратилата, именины государя) отец Герман написал гимн «Феодор славный воевода...» с тройным акростихом. Один, рифмованный, был обращен к небесному покровителю юного самодержца: «Феодора восхваляю, / да защищает, умоляю, / царя тезоименнаго / Феодора благовернаго». Другой содержал подпись: «Убоги чернец Герман», третий — дату. Это творение достигло царя Феодора Алексеевича и было по достоинству им оценено. Вскоре в Воскресенский монастырь пришло два царских указа (24 июля — с просьбой о соборном молении о его здравии и о победе над турками, 10 августа — с известием о победе под Чигирином). 5 сентября 1678 года царь Феодор Алексеевич с семьей впервые посетил Воскресенский монастырь, и с этого времени монах Герман становится одним из самых значительных лиц обители. Он участвует в составлении Устава церковного и Чина монастырского, где были описаны особенности в пении, чтении и «во всяком благочинии», сложившиеся при Патриархе Никоне.

В 1679 году царь Феодор Алексеевич принимает решение о возобновлении строительства Воскресенского собора в Новом Иерусалиме, прерванного ссылкой Святейшего Никона. Следуют царские указы об отставке строителя Феофилакта и о старце Германе, которому велено «быть в монастыре строителем». В феврале 1680 года отставляется «за старостью» архимандрит Филофей, на место которого переводится из Тихвинского монастыря опытный храмоздатель архимандрит Варсонофий. В том же году к Воскресенскому монастырю вновь приписывается Афанасиевский, что на Мологе, монастырь, и в июне туда назначается новый строитель — Герман. Вероятно, он и ранее нес иногда послушание за пределами своей родной обители: не случайно его имя отсутствует среди перечня воскресенской братии в монастырской Описи 1679 года. Однако на Мологе строитель Герман пробыл недолго. 18 сентября 1680 года он вместе с настоятелем и казначеем встречал в Новом Иерусалиме царя Феодора Алексеевича. Вскоре после этого, 25 октября, архимандрит Варсонофий скончался, и управление Воскресенским монастырем легло на плечи строителя Германа.

2 декабря он во главе братии вновь принимает в обители царя Феодора Алексеевича, который предлагает подать прошение о возвращении в обитель бывшего Патриарха Никона, переведенного в 1676 году из Ферапонтова монастыря в Кирилло-Белозерский. Челобитная, написанная государю от имени священноначалия и насельников монастыря, представляет собой замечательное духовное сочинение, главным автором которого был, несомненно, монах Герман.

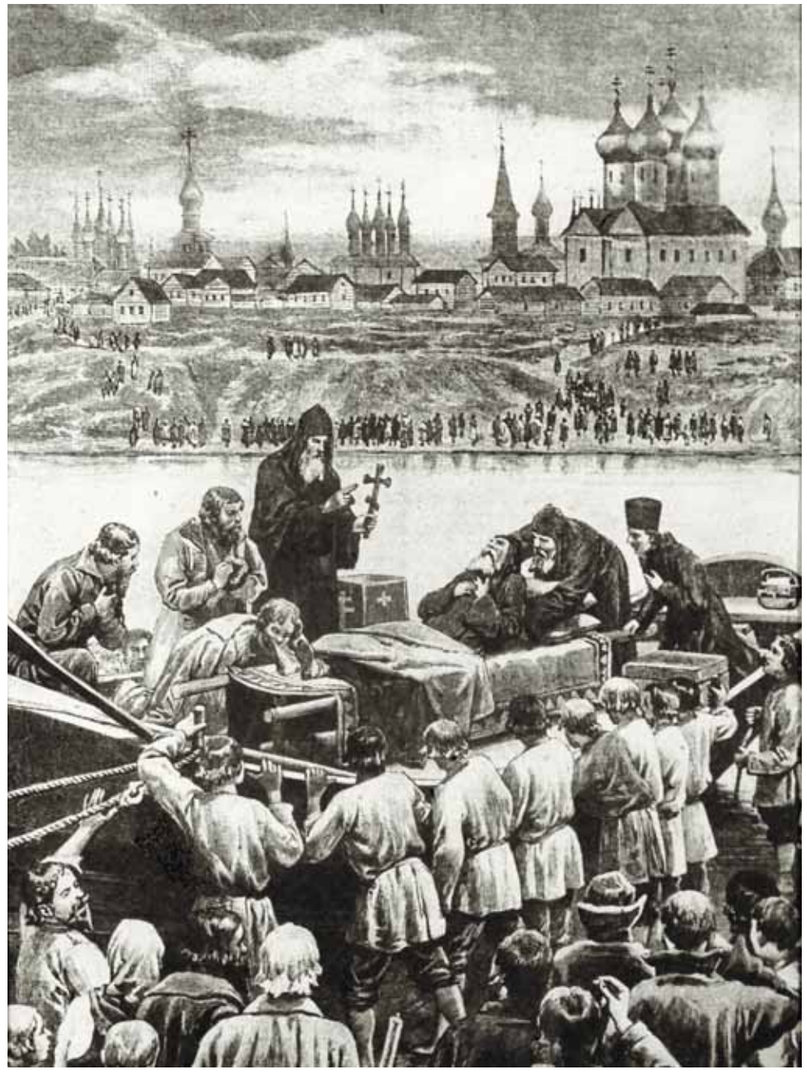
Прошение отличает изысканная сложность языка, торжественная лексика, местами близкая богослужебным песнопениям, насыщенность именами и образами из Священного Писания и церковной истории, изобилие сравнений, открытое выражение чувств и, вместе с тем, четкая структурность и ритмичность текста[4].

Царь Феодор Алексеевич не смог быстро удовлетворить прошение строителя и братии Воскресенского монастыря об освобождении монаха Никона из ссылки, так как этому противился Патриарх Иоаким. Однако государь продолжал заботиться о благосостоянии обители и в марте 1681 года велел быть «строителю старцу Герману архимандритом», доставив тем немалое утешение «кирилловскому заточнику».

К тому времени в Новый Иерусалим уже вернулись братия, добровольно уехавшие в ссылку вместе с Патриархом Никоном, а в 1676 году разлученные с ним и сосланные в Крестный монастырь.

Один из них, иеродиакон Мардарий, был назначен казначеем Воскресенского монастыря — на место постриженника Патриарха Никона старца Сергия (Турчанинова), ставшего строителем. Таким образом, в период настоятельства архимандрита Германа жизнью обители управляли ученики и сподвижники Святейшего Никона. Именно к ним и обратился уже тяжело больной Патриарх, чувствуя, что его «жития конец приходит». Он посылал своим духовным сынам благословение и просил их еще раз «побить челом» о нем великому государю. Архимандрит Герман сам вручил это послание царю Феодору Алексеевичу, моля его со слезами о возвращении в обитель своего духовного отца и учителя.

Когда же пришло долгожданное известие об освобождении Святейшего Никона из ссылки, архимандрит Герман послал навстречу ему трех братий обители. Они сподобились увидеть блаженного Никона живым и принять от него последнее благословение.



Кончина Патриарха Никона.
Литография с картины Н. Д. Дмитриева-Оренбургского. XIX в.

Несение тела Патриарха Никона
от Елеонской горы в Воскресенский монастырь.
Рисунок 1852 г.

Через девять дней после кончины Патриарха-схимонаха, умершего 17 августа 1681 года на реке Которосли под Ярославлем, архимандрит Герман встретил гроб с телом архипастыря близ Воскресенского монастыря.

Вместе с другими священномонахами он облачал тело почившего в погребальные одежды и свидетельствовал о его нетлении.

26 августа архимандрит Герман участвовал в погребении Патриарха Никона, похороненного в храме Воскресения Христова под Святой Голгофой, в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Царь Феодор Алексеевич, своими руками опустивший гроб Святейшего Никона в могилу, щедро одарил братию монастыря, а настоятелю пожаловал со своей конюшни «иноходца бура».

На следующий год 30 января, в день престольного праздника домовой Трехсвятской церкви Патриарха Никона в Воскресенском монастыре и вместе с тем в день кончины царя Алексея Михайловича († 30 января 1676), по именному указу царя Феодора отцу Герману была пожалована архимандричья шапка.

Несомненно, что юный государь строил свои отношения с Воскресенским настоятелем по образцу отношений царя Алексея Михайловича с Патриархом Никоном в период их «собинной» дружбы. Но старец Герман и как монах высокой духовной жизни, и как чрезвычайно одаренный стихотворец действительно был близок царю Феодору Алексеевичу, воспитанному крупнейшим поэтом своего времени иеромонахом Симеоном Полоцким. Недаром именно царь, сам складывавший вирши, предложил архимандриту Герману написать эпитафию Святейшему Никону.

Отец Герман сочинил две стихотворные эпитафии — краткую и пространную, которые были высечены на белокаменных плитах и помещены на гробнице Патриарха Никона.

Гробница Патриарха Никона с эпитафией архимандрита Германа
на белокаменной плите. Новый Иерусалим

В период настоятельства на долю архимандрита Германа выпали разнообразные хозяйственные заботы, связанные с началом возобновления строительных работ не только в обители на Истре, но и на Московском подворье Воскресенского монастыря. В одной из челобитных царю Федору Алексеевичу настоятель просил об отдаче на нужды подворья кирпича, свай и извести, приготовленных для сооружения в Москве уличных каменных оград и сложенных на монастырском дворе. Все материалы были отданы обители «безденежно».

Архимандрит Герман управлял обителью один год и десять месяцев, но успел совершить чрезвычайно много. В его лице авторитет воскресенского архимандрита был столь же высоким, как и в начальный период истории обители. После кончины царя Феодора Алексеевича († 27 апреля 1682) он участвовал 25 июня 1682 года в чине венчания на царство великих государей Иоанна и Петра Алексеевичей: вместе с настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря архимандрит Герман нес на блюде шапку Мономаха.

30 ноября 1682 года цари Иоанн и Петр, подтверждая преемственность своего отношения к Новому Иерусалиму как царскому богомолью, пожертвовали в Воскресенский монастырь серебряное панихидное блюдо с гравированной надписью на бортике: «Милостию Божиею Великий Государь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец»[5].

Архимандрит Герман отошел ко Господу 11 декабря 1682 года. Перед кончиной он написал духовное завещание, из которого явствует, что душеприказчиками почившего были его духовный отец иеромонах Варлаам и строитель иеромонах Сергий. Именно им поручалось, как сказано в Завещании, «**испросити у великого господина святейшаго иоакима патриарха московского и всеа росии разрешенную грамоту во удобнейшее провождение убогои души моей к вечному животу, и тую вручити ми, грешнику, купно з грамотою святеишаго паисия, патриарха александрийского, и тако вдати земли**».

Упоминание о «разрешенных грамотах» требует особого комментария. Имеется в виду разрешительная грамота, которая содержит молитву о прощении грехов усопшего, читается духовником над его телом и погребается вместе с ним.

В данном случае речь идет о двух грамотах. Одну из них душеприказчики должны были получить у Патриарха Иоакима, что вполне понятно, поскольку архимандрит Герман — настоятель ставропигиального монастыря. Неизвестно, рукописной или печатной была эта первая разрешительная грамота, но под второй подразумевалась, по-видимому, грамота, напечатанная в Москве по указу царя Алексея Михайловича в 1669 году (в количестве 1000 мужских и 500 женских) «для святейшего папы и патриарха Александрийского Паисия»[6]. Возможно, экземпляр этого издания уже имелся у архимандрита Германа[7].

Архимандрит Герман до последних дней своей земной жизни оставался духовным чадом Патриарха Никона. В своем Завещании он молил братию и будущего настоятеля хранить церковный чин, установленный Первосвятителем в Воскресенском монастыре. А над своим погребением настоятель просил среди других икон поместить и ту, которой благословил его Патриарх Никон:

«**иконы воскресение христово, благословение святнйшаго патриарха в первый день моего пострижения, тако ж и воскресения христова окладныя, да спасов нерукотворенный образ да будет над гробом моим в киотн**».

Архимандрит Герман погребен под колокольней Воскресенского собора, в церкви святого апостола Андрея Первозванного (освященной в 1690 году в честь Всех Святых), внутри которой вмурована в западную стену белокаменная плита со стихотворной эпитафией, сочиненной архимандритом Никанором, настоятелем Воскресенского монастыря в 1686—1698 годах.

Архимандрит Герман описан в эпитафии как «присный отец» духовного стада, дававший «образ всем», и как «рачитель писания хитроученый», сочинивший многие псалмопения с нотами и «сложно писание» над гробом Патриарха Никона.

Духовные песнопения (псалмы, гимны, канты), сохранившиеся в рукописных песенных сборниках XVII—XVIII веков, составляют наряду с эпитафиями главное творческое наследие архимандрита Германа. Среди них — стихотворное переложение псалма 140, гимны в честь Рождества и Воскресения Христова, Преображения Господня, Пресвятой Богородицы, святителя Николая Чудотворца, преподобного Макария Желтоводского и других святых.

Гимны атрибутированы архимандриту Герману благодаря акростихам с его именем.

Виртуозное владение изосиллабической версификацией позволило поэту расширить акростих до трех и более рифмованных и прозаических фраз.

Продолжая традицию византийский гимнографии, акростихи архимандрита Германа органично связаны с основным текстом, дополняя внешнюю стихотворную форму, предназначенную для пения, внутренней, предназначенной для чтения посвященными. По содержанию его акростихи — это исторические свидетельства, обращенные к людям, и «умная молитва», обращенная к Богу и святым Его.

В рукописных песенных сборниках тексты старца Германа расположены столбцами (от четырех до восьми) под нотными станами.

Белокаменная плита с эпитафией архимандриту Герману в церкви Всех Святых под колокольней. Новый Иерусалим

Вероятно, ему принадлежат и мелодии, записанные линейной нотацией.

В двух эпитафиях Святейшему Никону архимандрит Герман предстает как первый агиограф Патриарха, описавший его жизненный путь, деяния и духовный облик. Ученик не сомневался в святости своего духовного наставника, который, по словам первой эпитафии, «**Аки столп каменн или крепкий от древ / стояше твердо, яко в небо доспев**».

Эпитафии высечены на белокаменных плитах в два столбца. Они тоже имеют акростихи. В первой эпитафии он читается по начальным буквам левого столбца и концевым — правого («**Герман написа / в славу си отца**»), во второй — по первым буквам левого столбца («**Аз Герман в памят отца се писах**»)[8].

Именно архимандрит Герман положил начало монастырским записям о явлениях Святейшего Никона и чудесных исцелениях, происходивших на его гробе, самое раннее из которых датируется 28 января 1682 года.

Возможно, поэту принадлежит замысел (а может быть, и авторство) стихотворной надписи на изразцовом поясе барабана большой главы Воскресенского собора, в которой Патриарх Никон, как и в акростихах обеих эпитафий, назван отцом. Эта надпись была исполнена уже после кончины настоятеля, в 1683 году.

Личность архимандрита Германа, ревновавшего, как сказано в эпитафии ему, «всех житию святых», одна из самых возвышенных, светлых и духовно плодоносных в истории Нового Иерусалима и во всей православной культуре Святой Руси.

Завещание Воскресенского настоятеля дает возможность судить об имуществе архимандрита Германа, о его келейной библиотеке и о круге близких ему лиц.

Из документа следует, что он распоряжается не только предметами, составлявшими его собственность, но также:

1) казенным имуществом, бывшим у него в келейном обиходе;

2) вещами, отказанными братии иеромонахом Феофилактом († между январем 1681 и декабрем 1682);

3) деньгами, оставшимися в казне после поминовения архимандрита Варсонофия († 25 октября 1680).

Список персоналий уместно начать с иеромонаха Феофилакта, последний период жизни которого был тесно связан с архимандритом Германом.

Иеромонах Феофилакт

Иеромонах Феофилакт с 1677 по 1679 год нес в Воскресенском монастыре послушание строителя[9]. Он сменил на этой должности самого Германа, бывшего строителем в 1674—1676 годах[10].

Старец Феофилакт упоминается как строитель в надписи на водосвятной чаше 1677 года[11]. В монастырской Описи 1679 года, где поименно перечислена вся братия обители, он значится в списке иеромонахов[12].

В 1679 году по царскому указу последовала отставка старца Феофилакта с должности строителя, которым вновь назначается иеромонах Герман.

В январе 1681 года иеромонах Феофилакт был еще жив. Он приложил руку к челобитной, написанной братией Нового Иерусалима царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Патриарха Никона[13]. Скончался старец в период настоятельства архимандрита Германа, который, по-видимому, был его душеприказчиком.

От смерти иеромонаха Феофилакта до написания Завещания архимандритом Германом прошло всего несколько месяцев, и настоятель оставляет братии вместе со своим имуществом некоторые вещи старца, оговаривая их принадлежность и волю покойного. Так, в отношении строителя Сергия сказано: «**да что ему после Феофилакта приказан образ пресвятыя богородицы взять**». Иеродиакон Серафим получает складни, отец казначей — погребец, «**что после Феофилакта**».

Иеромонах Сергий

Первым из наследников архимандрита Германа в Завещании упомянут отец строитель иеромонах Сергий, которого настоятель называет «возлюбленным братом и благодетелем». Это не случайно, ведь речь идет о ближайшем сподвижнике Патриарха Никона, знаменитом литейщике колоколов старце Сергии (Турчанинове):

«**отцу строителю новый завнт в полдесть, да образ пресвятыя богородицы мелетиева писма, да что ему посли Феофилакта приказан образ пресвятыя богородицы взять, да потребник книжкою**».

Иеромонах Сергий (Турчанинов) жил в Новом Иерусалиме около полувека. В первой половине 60-х годов XVII века он нес послушание колокольного мастера и вылил при Патриархе Никоне все монастырские колокола, кроме первого, Воскресенского, при создании которого трудился как подмастерье[14]. Сохранились три колокола, вылитых монахом Сергием в 1666 году: Трехсвятский, «средний» и «малый»[15].

По предположению архимандрита Леонида (Кавелина), старец Сергий был родственником купцов Турчаниновых, живших в московской Кадашевской слободе. «Государев колокольной мастер» Феодор Яковлевич Турчанин приходился ему дядей[16].

После ссылки Патриарха Никона «колокольник» монах Сергий продолжал оставаться в Новом Иерусалиме. Вероятно, именно он, посланный в 1668 году с государевой грамотой на Белоозеро, заезжал к Патриарху повидаться в Ферапонтов монастырь[17].

С сентября 1674 по март 1681 года старец Сергий был казначеем Воскресенского монастыря[18].

На этой должности он упоминается в Описи 1679 года[19] и в списке братий, подписавших челобитную царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Патриарха Никона[20].

В период настоятельства архимандрита Германа иеромонах Сергий был назначен строителем обители. Его длительное пребывание в этой должности обусловило в Новом Иерусалиме преемственность идей Патриарха Никона.

Иоанн Шушерин, повествуя о 1679—1685 годах, когда завершилось сооружение храма Воскресения Христова, подчеркивает вклад в эти работы строителя старца Сергия Турчанина, который «в сем деле в навершии святыя великия церкви и во всех иных монастырских исправлениях зело трудися со тщанием прилежным, никто же тако ин, якоже он»[21].

В документах конца XVII века имя старца Сергия неизменно упоминается рядом с именем постриженника Святейшего Никона архимандрита Никанора, управлявшего Воскресенским монастырем в 1686—1698 годах.

Это время в истории обители характеризуется как третий строительный период, когда окончательно сформировался архитектурный ансамбль монастыря, где были сооружены Трапезные палаты с храмом Рождества Христова, Больничные палаты с церковью Трех святителей, возведена каменная монастырская ограда с башнями и надвратной церковью Входа Господня в Иерусалим.

Тогда же были освящены церковь Всех Святых и придел Собора архистратига Михаила в храме Воскресения Христова, а также подземная церковь святых равноапостольных Константина и Елены.

В 1704 году строитель Сергий устроил на свои келейные деньги придел во имя 12 и 70 апостолов в юго-восточной части ротонды Гроба Господня[22].

Он известен и как вкладчик Воскресенского монастыря. В Описях упоминаются «два ковша серебряных с пелюсками, дача Строителя старца Сергия»[23] и серебряный вызолоченный крест с надписью на нижней ветви: «Лета от бытия мира 7210, от воплощения же Бога Слова 1701, построил сей Св. крест Нового Иерусалима Воскресенскаго монастыря Строитель Иеромонах Сергий, на славу Св. имени и на поклонение Православным Христианам, по своему обещанию»[24].

В монастырской библиотеке хранились книги со скрепами старца Сергия 1701 года. Это «Жезл правления» иеромонаха Симеона Полоцкого (М., 1667) и «Православное исповедание веры» (М., 1666)[25].

В 1703 году строитель Сергий вложил в родную обитель еще одну книгу, которая содержала в одном переплете три издания: Псалтирь (1658), Евангелие (М., 1657) и Апостол (М., 1655). На страницах 1—98 была вкладная надпись:

«**Въ лѣто от созданія міра осмыє тысящи двѣсти перваго-надесять лѣста, а от Рождества Христова тысящи семь сотъ третьяго году мсца іюлія в первый день далъ сію книгу глємую Псалтирь съ возслѣдованіем, съ нею же зде в одном переплетѣ Евангеліе и апслъ вкладу въ Воскресенскій мнстрь что на рѣкѣ Истрѣ того же Воскресен-**

Симеон Полоцкий, иеромонах.
Жезл правления. М., 1667.
Титульный лист

Симеон Полоцкий, иеромонах.
История о преп. Варлааме и Иоасафе.
М., 1681. *Титульный лист*

скаго мнстря строитель монахъ Сергій при своей жизни въ вѣчное поминовеніе по дшѣ своей»[26].

Известна еще одна книга старца, включавшая три сочинения, переплетенные вместе. Это были: Псалтирь рифмованная иеромонаха Симеона Полоцкого (М., 1680), Месяцеслов в стихах и «История или повесть о преподобном отце Варлааме пустынножители и о Иоасафе царе Индийстем» (М.,1681) со скрепой по первым тридцати листам:

«АѰГ (1703) году маія в ІЄ (15) днь обители стаго Живоноснаго Христова Воскресенія новаго Іерусалима строитель старец Сергій сею глемою книгою салтирію на виршах и исторіею Іоасафа царевича благословил келейнаго своего старца Савватія, подписал по приказу отца строителя подъячей Родіон Булатов»[27].

Дата кончины иеромонаха Сергия требует уточнения. Известно, что он погребен за алтарем Успенского придела храма Воскресения Христова. Текст эпитафии над его могилой, высеченный на утраченной ныне каменной плите, возможно, находившийся среди «таблиц» в восточной стене Успенского придела со стороны северного участка старого братского кладбища, приведен в рукописи архимандрита Аполлоса (Байбакова), настоятеля Воскресенского монастыря в 1786–1788 годах: **«Лета ЗСА (7201) июля въ 18 день успе о Господе сея обители пречестный господинъ икономъ Сергій. и положенъ зде. Бывый въ сей обители на своемъ обещаніи въ разныхъ службахъ и икономомъ летъ 43»**[28].

Год кончины иеромонаха Сергия (1693) назван в эпитафии неверно, поскольку его имя

встречается в монастырских документах гораздо позже. По сведениям архимандрита Леонида (Кавелина), старец Сергий упоминается как строитель «с декабря 1681 по 1721 († 1721 в августе)». В другом месте историк приводит другую дату смерти Турчанинова — 1724 год[29]. Между тем, если указанные в эпитафии 43 года считать общим временем пребывания старца Сергия в Воскресенском монастыре, то он скончался не позже 1704 года.

Иеромонах Варлаам

После иеромонаха Сергия архимандрит Герман называет в Завещании своего духовника иеромонаха Варлаама:

отцу варламу псалтирь следованием да мантия киевская, да денег три рубли, да патрахиль.

Иеромонах Варлаам был одним из тех старцев, которые добровольно последовали за Святейшим Никоном в ссылку. Он пришел вместе с иеродиаконом Мардарием из Воскресенского монастыря в Ферапонтов осенью 1668 года[30], когда низложенный Патриарх оказался в одиночестве. Святейший Никон в челобитной государю от 22 октября 1668 года просил отпустить живших с ним прежде старцев и впервые сообщал о недуге отца Варлаама: **«самъ мало вижу, а поп слѣпъ, по книге проговорить нѣ может»**[31].

В марте 1672 года Патриарх Никон писал царю Алексею Михайловичу, что с ним поехало в ссылку **«2 человѣка черных поповъ, да 2 дьякона, да чернец Флавиан. И попы, и дьяконы, побыв со мною в Ферапонтове монастыре, по наговору Степана Наумова** (пристава. — *Г. З.*) **не захотели жить и ис кѣльи вышли. А остался со мною один чернец Флавиан. И несколько тот чернец пожыл, и послан к тебѣ, великому государю, с моим писмом. И тот чернец ко мнѣ и не бывал. А в то же время пришол ко мнѣ поп Варлаамъ да черной дьякон Мардарей. И, несколько пожив, Мардарей дьякон отпущон к тебѣ, великому государю, с моим писмом. И тот дьякон ко мнѣ не бывал же. А со мною остался одинъ черной попъ Варлаам. А тот попъ слепъ. И по се число я, богомолец, на себя и на попа хлѣбы пек и варил самъ.**

А ныне... рука лѣвая больна стала и дѣйствовати нисколько не может, пристроить пити и ястии принести некому А я, богомолец ваш оцынжал, и одряхлѣлъ и своим нужам не могу спострадать. А священник слепъ, я же около ево ходил»[32].

В челобитной Патриарха Никона царю Алексею Михайловичу, написанной в конце сентября 1673 года, Святейший повторял: **«А я, богомолец твой, в тѣ врямена в кѣлье запертъ был, никуды не выпускали, и в кѣлье никово не припускали, а со мною было, как запертъ был, всего два человека чернцов — попъ да дьяконъ. А какъ дьякон Мардарей поѣхал к Москве, и я один остался с попомъ А сколько Мардарей был на Москве и в сылке, и я один жил с попом»**[33].

В письме царю поздней осенью 1674 года Патриарх Никон сообщает о несчастье, случившемся с иеромонахом Варлаамом и с ним самим из-за недостроенных по нерадению плотников новых келий, которые возводились для ссыльного монаха Никона в Ферапонтове монастыре.

«И сентября же, государь, въ 13-й де[нь] келейной нашъ чорной попъ Варлам, идучи ис поварни по подмосткам ихъ, оступился и ногу переломилъ, и без ноги пролежал немалое время»[34].

«И октября, государь, въ 22-й де[нь] ходил я, богомолец твой, на поварню ѣсть сварить про себя, и назад и ис поварни идучи в келью, запятся по их же подмосткамъ за тесницу и пал на лѣсницу, а с лѣсницы выше сажени лѣтелъ, и розбился весь, ходить и дѣлать ничево не могу»[35].

Иеромонах Варлаам жил с Патриархом Никоном вплоть до перевода ссыльного из Ферапонтова в Кириллов монастырь и в последнее время был его духовником[36]. В 1676 году Святейший Никон просил, чтобы не отнимали у него келейных старцев, потому что «они к нему приобытчились, а он к ним»[37], однако его просьбу не исполнили.

Более того, иеромонах Варлаам и иеродиакон Мардарий были сосланы в Крестный монастырь[38].

Старец Варлаам вернулся в Новый Иерусалим в 1680 году. В январе 1681 года он подписал челобитную иноков Воскресенского монастыря царю Феодору Алексеевичу о возвращении Патриарха Никона из ссылки, причем не только за себя, но за пятерых других монахов, трое из которых названы его духовными детьми[39]. Это говорит о высоком автори-

тете иеромонаха Варлаама среди насельников обители.

В начале августа 1681 года, когда в Новом Иерусалиме было получено известие о выезде Патриарха Никона из Кириллова монастыря, архимандрит Герман послал навстречу ему иеромонаха Варлаама с двумя братиями.

Они «**встретиша его еще недостигша реки Волги ж двадцать поприщ, и тут благословение от него приняша и архимандриту и всей братии Воскресенскаго монастыря испроси. Блаженный всем подал мир и благословение, и паки яшася пути тою же рекою**»[40].

Иеромонах Варлаам присутствовал при кончине Патриарха Никона 17 августа в струге на реке Которосль и, вероятно, сопровождал гроб с его телом во время десятидневного пути из Ярославля в Новый Иерусалим.

В дальнейшем старец Варлаам многие годы оставался насельником Воскресенского монастыря, духовником архимандрита Германа и, возможно, братским духовником. С 19 февраля 1684 года по 13 марта 1685 года он был казначеем обители[41].

В расходных книгах 1693 года иеромонах Варлаам упоминается как уставщик[42]. В свое время послушание уставщика нес и старец Герман. Назначение на эту должность иеромонаха Варлаама говорит о стремлении настоятеля архимандрита Никанора и строителя старца Сергия упрочить живой традицией и преемственностью от старшей братии к младшей те уставные особенности богослужения, которые сложились в Новом Иерусалиме при Патриархе Никоне, были частично утрачены в 1670-х и возрождались в 1680-х годах. Иеромонах Варлаам, 8 лет служивший в Ферапонтове монастыре в надвратной Богоявленской церкви, которая была домовым храмом ссыльного монаха Никона, лучше иных мог справиться с этой задачей, усложнившейся к концу XVII века, когда число братии обители, составлявшее в начале 1680-х годов около 60 человек[43], возросло до 200[44].

Приведенные выше источники позволяют выделить в духовном облике старца терпение, смирение и преданность Патриарху Никону, которую он сохранил в тяжелых условиях ссылки и телесных немощей.

К сожалению, дата кончины и место погребения иеромонаха Варлаама неизвестны.

Иеродиакон Мардарий

Третьим лицом в Завещании архимандрита Германа упоминается монастырский казначей: «**отцу казначею складни окладныя болшия мелкого писма, да погребец, что после Феофилакта, да книжка каменная**».

Имя казначея не названо, но нет сомнений, что имеется в виду еще один ученик Патриарха Никона — иеродиакон Мардарий. Как упоминалось ранее, вскоре после избрания строителя Германа архимандритом Воскресенского монастыря указом царя Феодора Алексеевича казначей старец Сергий был назначен строителем обители, а иеродиакон Мардарий — казначеем[45].

Эти сподвижники Святейшего Никона управляли Воскресенским монастырем весь период настоятельства архимандрита Германа и были наиболее близкими ему людьми.

Иеродиакон Мардарий добровольно разделил с Патриархом Никоном тяжелые годы заточения в Ферапонтовом монастыре, приехав туда вместе с иеромонахом Варлаамом осенью 1668 года и оставаясь в полном послушании у ссыльного архипастыря восемь лет.

В своих донесениях царю Алексею Михайловичу пристав Степан Наумов сообщал, что иеродиакон Мардарий молод, «опасен» и что «в мире тот старец был иноземец, родом поляк»[46].

Будучи, несомненно, постриженником Святейшего Никона, иеродиакон Мардарий пользовался особым доверием опального Патриарха. На протяжении восьми лет молодой монах нес послушание келейника и казначея Патриарха Никона, исполняя различные его поручения. Самыми ответственными из них были поездки в Москву с письмами Святейшего к царю Алексею Михайловичу[47]. Эти дальние путешествия не всегда были безопасными. Обычно иеродиакона сопровождали московские стрельцы, но в 1673 году они взбунтовались, старца Мардария «безчестили и кляли» и не хотели отпускать для его охраны своего сотоварища[48].

Опасности подстерегали иеродиакона Мардария и в Москве, где за ним следили старцы Кириллова монастыря, стремившиеся не допустить передачи отписок Патриарха Никона царю. Бывали случаи, когда в столице посланцев из Ферапонтова «безвесно засадили». В случае неосторожности иеродиакона Мардария ждала та же участь, о чем Патриарх Никон писал государю в одном из писем: «**Да вели, Господа ради, чернцу нашему подворье указать, где постоять до твоего, государева, указу — или на Кириловскомъ, или на Иверскомъ, или на Воскресенском, и кормить и поить. А без твоего, государева, указу нигде не пустят. А они отказывают, что, де, у них твой, великого государя, указ есть пускать наших старцов не велено. Да чтоб, государь, кириловские старцы своим злохитръствомъ не истеряли того нашего чернца Мардария, потому што и службу Ферапонтова монастыря, которой к тебе, великому государю, послан с отписками, безвесно засадили. И в прошлом году, какъ ездил Кирилова монастыря чернець Корнило Затворниковъ к Москве, и у кириловских говорено было, что дьякона Мардария засадить безвесно лукавством своим. А того у них много деется: хто человекъ бедной станет на них бить челом в обидах, и оне из ыных приказов приставят ложным своим челобитьемъ и держат за приставом года по два и по три и болши безвесно, что и сыскать негде. И по дорогам от них тоже дурно бывает. Да в прошлом же во 183-м (1675) году генваря въ 6-й де[нь] жылец Игнатей Башковской был у меня и сказывал, что, де, кириловские старцы послали к Москве за моим черным дьяконом Мардарием, чтоб на Москве какъ-нибудь ево задержать, и отписки к мои до тебя, великого государя, не допустить. А ему, де, Игнатью приказывал Прилуцкаго монастыря келарь Киприян. А какъ Мардарей на Москве был, и ево, Мардария, звал на Кириловское подворье келарь старецъ Лаврентей к себе в келью. И того же Кириловского подворья строитель да чернецъ Корнило Затворников уведав то, што Мардарей у келаря старца Лаврентья в келье, присылали Кожеозерского монастыря черного попа и велели звать ево, Мардария, к себе. И дьякон Мардарей к ним не пошолъ. И они вдругоряд присылали Кожеозерского же монастыря строителя Корнилия Окинина звать. И дьякон Мардарей, узнав то, што не для добра по него присылают, и ис кельи от келаря Лаврентья вышел. И после ево, Мардария, строитель да чернець Корнило тово келаря Лаврентья на цепь сажали и хотели бить шелепами за то, што ево, Мардария, упустил. А знатно то, што не для добра ево, Мардария, к себе в келью звали...**

Да стократно молю твою милость, не задержав, отпусти чернца Мардария, занеже состарехся и изнемогох, не могу без него церковного правила исправлять, а священникъ худо видит. И на старость не вели гладною смертию уморить...»[49]

Патриарх Никон в том же письме сообщал, что чернец Мардарий – один у него диакон, «и тот беспрестани в посылках»[50].

В обязанности иеродиакона Мардария входило наблюдение за ловлей рыбы для монаха Никона и его братии, прием продуктов, привозимых из Кириллова монастыря, плата за покупки. Он помогал бывшему Патриарху принимать больных, которые во множестве стекались за помощью к ссыльному монаху Никону, получившему в заточении от Христа Спасителя «благодать чаши лекарственной»[51].

Иеродиакон Мардарий покупал в Москве травы и другие составляющие для лекарств, которые приготовлял монах Никон. Вполне закономерно, что клеветники, писавшие нелепые доносы на ссыльного Патриарха, упоминали заодно и «вины» самого близкого к нему человека — келейника Мардария[52].

В 1676 году против монаха Никона было возбуждено очередное «дело», по которому допрашивали и его самого, и его келейников «с великим пристрастием». Иеродиакон Мардарий держался на допросах очень достойно.

Он показал, что не раз возил отписки и челобитные монаха Никона в Москву, подавая их царскому духовнику протопопу Андрею Савинову и дьяку приказа Тайных дел Полянскому для передачи государю.

По делу лечения недужных иеродиакон заявил, что приводил приезжающих в крестовую келлию, приносил туда кадило и свечи и много раз видел, как Никон читает над больными молитвы по Требнику, «а дурна никакова и безчиния он не видел»[53].

Клеветнические доносы на монаха Никона не подтвердились. Тем не менее он был переведен из Ферапонтова монастыря в Кирилло-Белозерский, а его келейные старцы, в том числе иеродиакон Мардарий, сосланы в Крестный

Панорама Ферапонтова монастыря.
Современный вид

монастырь под строгий надзор. Монах Никон в челобитной Патриарху Иоакиму просил не лишать его близких ему людей, но тот эту просьбу не исполнил.

Иеродиакон Мардарий и другой сподвижник Патриарха Никона, иеромонах Варлаам, пробыли в Крестном монастыре до 1680 года, после чего по указу царя Феодора Алексеевича были освобождены и вернулись в Новый Иерусалим. Именно с иеродиаконом Мардарием юный государь послал 30 августа 1680 года утешительное письмо монаху Никону в Кирилло-Белозерский монастырь[54].

Вскоре ссыльный Патриарх получил еще одно радостное известие. В марте 1681 года указом царя Феодора Алексеевича его бывший келейник строитель Герман был назначен архимандритом Воскресенского монастыря. Вскоре после этого царским же указом казначей старец Сергий (Турчанинов) стал строителем обители, а иеродиакон Мардарий – казначеем[55].

Эти ученики Патриарха Никона сподобились нести труды по возобновлению строительства храма Воскресения Христова.

После кончины Патриарха Никона архимандрит Герман и казначей Мардарий стали свидетелями чудесных событий, совершавшихся по молитвам их духовного отца и учителя. Одно из них «объявил» дворянин Матфей Владимиров Оборин, рассказавший следующую историю. Он, Матфей Оборин, очень хотел присутствовать на погребении Патриарха Никона, но «забылся в своих суетах на Москве и того не получил». И после «обещался, чтоб быть у него святейшаго на гробе и такожде за суетою своею на гробе быть не прилучилось;

Ферапонтов монастырь. Надвратная Богоявленская церковь.
Современный вид

а ездит де беспрестанно мимо монастыря». В декабре 1682 года у него пропали с московского двора две лошади, которые так и не нашлись. 28 января Оборин, будучи в дороге близ Нового Иерусалима, заснул и видел во сне Патриарха Никона, который будил его со словами: «Встань, де, Матфей, и заедь ко мне на гроб; и буде зайдешь на гроб и лошадей своих тот час сыщешь». Пробудившись от сна, Оборин дал обещание быть у гробницы Патриарха Никона. И когда он приехал в подмонастырское село Вознесенское (ныне центральная часть г. Истры.), то здесь же на улице «в обозе у проезжих обеих своих лошадей поймал». Матфей Владимиров тотчас пришел в Воскресенский монастырь, молился на гробе Патриарха Никона и «видение отцу архимандриту Герману и казначею Мардарию и иным братиям сказал». Тогда же рассказ Оборина был записан, и он «у подлинного известия... руку приложил»[56].

Иеродиакон Мардарий был на должности монастырского казначея дважды: с декабря 1681 года по 17 февраля 1684 и с 16 января 1686 года по 28 декабря 1688[57].

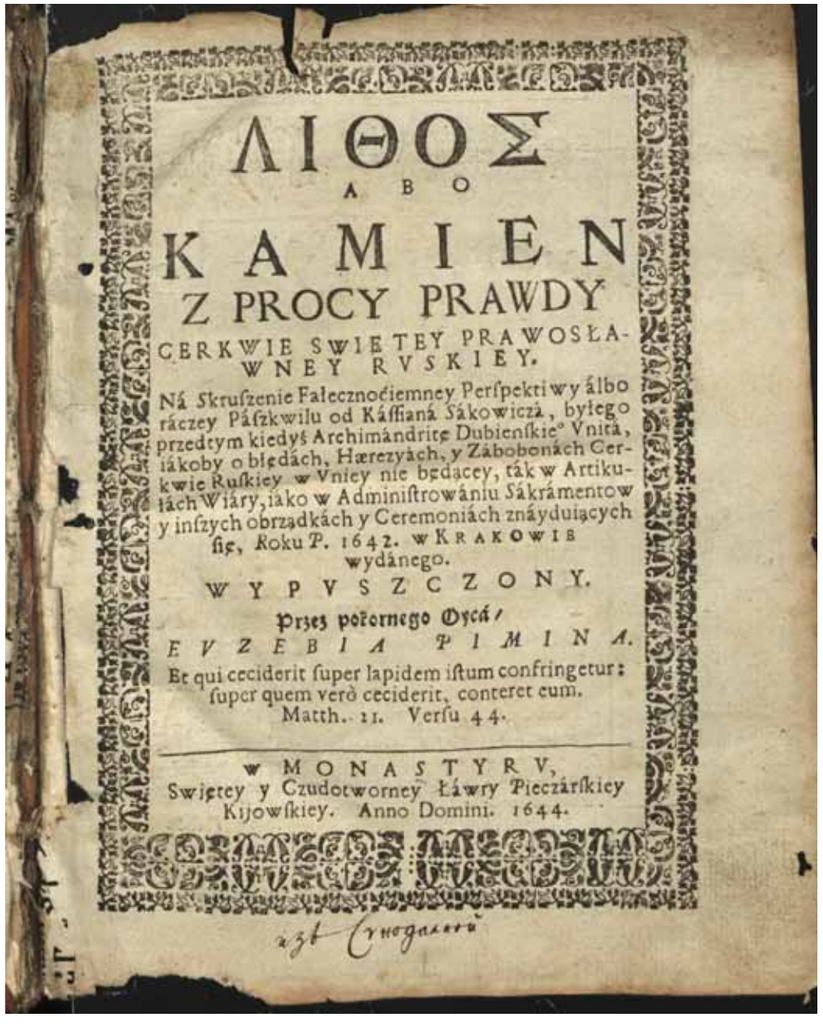
В марте 1686 года на имя архимандрита Никанора, строителя старца Сергия и казначея иеродиакона Мардария была дана жалованная грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, царевны Софии и «тетки их» царевны Татианы Михайловны, подтверждающая владение Воскресенским монастырем вотчинами «против прежних их отчиных крепостей»[58].

В 1693 году отец Мардарий был уже иеромонахом. В этом сане он упоминается как строитель Афанасьевского монастыря в Мологе, приписного к Воскресенскому Ново-

Иерусалимскому монастырю[59]. В 1698 году иеромонах Мардарий вместе со строителем иеромонахом Сергием переписывал имущество бывшего настоятеля архимандрита Никанора[60], автора эпитафии архимандриту Герману, сосланного в Воронежскую Акатову пустынь[61].

Вероятно, в связи со сменой настоятеля в 1698 году была составлена Опись церковному имуществу Воскресенского монастыря, скрепленная по листам иеромонахом Мардарием и другими братиями обители[62]. Дальнейшая судьба и время кончины этого преданного ученика и сострадальца Святейшего Никона неизвестны.

Среди вещей, предназначенных иеромонаху Мардарию по духовной архимандрита Германа, особый интерес представляет загадочная «книжка каменная». Она же была завещана и некоему Михаилу (вероятно, Шушерину), так


ΛΙΘΟΣ
ABO
KAMIEN
Z PROCY PRAWDY
CERKWIE SWIETEY PRAWOSŁA-
WNEY RVSKIEY.
Ná Skruſzenie Falecznoćiemney Perſpektiwy álbo
ráczey Páſzkwilu od Káſſiana Sákowiczá, byłego
przedtym kiedyś Archimándrity Dubieńſkiego Vnitá,
iákoby o błędách, Hærezyách, y Zábobonách Cer-
kwie Ruſkiey w Vniey nie będącey, ták w Artiku-
łách Wiáry, iáko w Adminiſtrowániu Sákrámentow
y inſzych obrządkách y Ceremoniách znáyduiących
ſię, Roku P. 1642. w KRAKOWIE
wydánego.
W Y P V S Z C Z O N Y.
Przez pokornego Oycá,
EVZEBIA PIMINA.
Et qui ceciderit ſuper lapidem iſtum confringetur:
ſuper quem verò ceciderit, conteret eum.
Matth. 21. Verſu 44.
w MONASTYRV,
Swiętey y Czudotworney Ławry Pieczárſkiey
Kijowſkiey. Anno Domini. 1644.

Лифос, или Камень с пращи правды Церкви святой православной Русской... Киев, 1644.
Титульный лист

что имеется в виду именно книга, которой архимандрит Герман владел в нескольких экземплярах.

По предположению А.Г. Авдеева, «речь идет о книгах, название которых было неправильно воспринято переписчиком и заменено на более приемлемое по созвучию слово. Скорее всего, это мог быть "Тезаурус" Г. Кнапского. Вплоть до начала XIX в. он считался лучшим словарем польского языка и был наиболее популярным учебным пособием для обучения польскому языку. С выпускниками Киево-Могилянской академии "Тезаурус" попал в Москву, где приобрел большую популярность и был известен под названием "Кнапеуш", "Кнапий", "Кнапи" или "Калепин лексикон". Этот словарь имелся в библиотеках современников архимандрита Германа...»[63]

Нам гипотеза А.Г. Авдеева представляется неубедительной. Нет никаких оснований считать название книги ошибкой переписчика. Скорее, это разговорная форма, довольно точно отражающая заголовок известного полемического сочинения, изданного на польском языке типографией Киево-Печерской лавры в 1644 году: «LIΘOS abo kamien z procy prawdy cerkwie swietey prawoslawney Ruskiey, na skruszenie falecznociemnie Perspektiwy albo raczey paszkwilu od Kassiana Sakowicza...» («Лифос или камень с пращи правды Церкви святой православной Русской на сокрушение лживотемной Перспективы... от Кассиана Саковича»)[64].

«Лифос или камень...», напечатанный по благословению Киевского митрополита Петра (Могилы), был объемным и весьма актуальным трудом, направленным против книги «Перспектива или изображение заблуждений, ересей и суеверий Греко-Русской дезунитской Церкви, находящихся как в догматах веры, так в совершении Таинств и в других обрядах и церемониях».

Кассиан Сакович, автор «Перспективы», был архимандритом Дубенского монастыря, но изменил сначала Православию, перейдя в унию, а затем — и унии, став латинским ксендзом в Кракове. Там и увидела свет его «Перспектива», изданная в 1642 году на польском языке.

По словам митрополита Макария (Булгакова), Сакович в своей книге «рассматривает по порядку седмь таинств, каждое порознь, начиная с крещения, и старается указать заблуждения или суеверия не столько в учении о том или другом таинстве, не столько даже в чинопоследованиях таинств, сколько в церковной практике или в том, как, с какими обычаями, при какой обстановке совершалось тогда каждое таинство в Западнорусской Церкви.

В осьмом отделе, самом обширном, занимается церковным уставом, критически перебирает разные церковные службы и частные священнодействия и высказывает язвительные замечания относительно праздников Малорусской Церкви, ее постов, храмов, сказывания в ней проповедей, ее училищ и пр. В заключении, упрекнув русских в лютеранстве и кальвинизме, убеждает их соединиться с Римскою Церковью, с которою их Церковь будто бы согласна во всем, кроме учения об исхождении Святого Духа и о папе. Книга Саковича, проникнутая явною неприязнею к той Церкви, к которой он некогда принадлежал, наполненная ложью, клеветами и насмешками против нее и представлявшая состояние ее в самом мрачном, безотрадном виде, не могла не произвести тягостного впечатления на православных, тем более на их архипастыря Петра Могилу, и он не остался безмолвным»[65].

Автор «Лифоса или камня...», названный общим именем Евсевия Пимена (то есть православного пастыря), последовательно разбирает возражения Саковича относительно церковных Таинств, «сокрушает» его заключение и прибавляет к своей книге трактаты об исхождении Святого Духа и о первенстве в Церкви, где излагает основы православного учения по этим вопросам.

Судя по всему, «Лифос или камень...» — коллективный труд, который стал апологетикой и отчасти литургикой Западнорусской Церкви.

Интерес к данному труду в России подтверждается не только завещанием архимандрита Германа, но и фактом поручения «писать государево дело» — книгу «Камень» двум певчим, прибывшим в Москву вместе с архидиаконом Михаилом из Киевского братского монастыря в 1652 году[66]. Один из этих списков сделан Петром Бережанским.

Известно, что рукопись славянского перевода «Камня» была вложена в 1665 году келарем Симоном Азарьиным в Троице-Сергиев монастырь[67].

К сожалению, неизвестно, печатными или рукописными экземплярами «книги каменной» располагал архимандрит Герман.

В отношении иеромонаха Мардария это не имеет значения, поскольку казначей был «родом поляк» и, следовательно, мог читать как перевод, так и киевское издание «Лифоса» в оригинале.

Старец Ипполит

Четвертое лицо, названное в Завещании, — старец Ипполит:

«старцу ипполиту складни окладныя, да цырнил, да темпулярик».

Старец Ипполит был, как и архимандрит Герман в юности, постриженником и келейником Патриарха Никона, который проявлял о них пастырское попечение и отеческую заботу. Так, отправляя в сентябре 1664 года своих келейников на богомолье в Иверский монастырь и Галилейскую пустынь, Святейший Никон писал властям Валдайской обители: **«По нашему, великого господина, указу, отпущены от нас из Воскресенского монастыря келейные наши старцы Герман да Ипполит, к дому пречистыя Богородицы Иверския, образу Ея помолитися. И вам бы их принять с честию, и сколко похотят пожить, и их покоить доволно; а будет похотят в Галилею побывать, и вам бы их велеть проводить с честию ж; а как пойдут от вас из монастыря и вам бы велеть их проводить, и наперед до Воскресенского монастыря по станам послать служку для столовых запасов и для подвод»**[68].

Старец Ипполит был замечательным резчиком по дереву и сподвижником Патриарха Никона в деле благоукрашения Воскресенского монастыря. Не случайно в письме в Новый Иерусалим из Кирилло-Белозерского заточения Святейший Никон упоминает его наряду со своими ближайшими учениками:

«Благословение сыном нашим архимандриту Герману, иеромонаху Варлааму, монаху Сергию, монаху Ипполиту и вкупе всей братии. Сделайте милость, побейте челом о мне еще Великому Государю уже бо моего жития конец приходит»[69].

Характерно, что в Завещании архимандрита Германа его наследники упомянуты в той же последовательности, что и в письме Патриарха Никона.

Крест с Распятием на Святой Голгофе.
Кипарис, резьба, раскраска.
Первая половина 60-х гг. XVII в.

В январе 1681 года была написана челобитная братии Воскресенского монастыря к царю Феодору Алексеевичу о возвращении Патриарха Никона из ссылки, третьим, после строителя и казначея, «резных дел мастер старец Ипполит руку приложил»[70].

Монах Ипполит был, вероятно, выходцем из Белоруссии[71]. В конце XVII века он, возможно, участвовал в оформлении церквей Большого Кремлевского дворца. В Воскресенском соборе на Святой Голгофе сохранился кипарисовый крест, изготовленный в меру Креста Господня, с резным изображением Распятия, выполненным в начале 60-х годов. Резчик, к сожалению, неизвестен, но в Московском Кремле находятся два Распятия 1680 года, выполненные, как позволяют предположить документы, с участием старца Ипполита. Это запрестольный образ в алтаре дворцовой церкви Воскресения Словущего и Распятие с предстоящими Богоматерью и святым апостолом Иоанном Богословом в молельне при церкви Воздвижения Креста Господня (Распятской)[72].

Главы церквей Теремного дворца в Кремле.
Илл. из книги Ф.Ф. Рихтера «Памятники древнего русского зодчества» (М., 1850. Л. VIII)

Главы церквей Теремного дворца в Кремле

Изразцовые картуши парапета
южной части хор Воскресенского собора
Первая половина 1680-х гг.

Воскресенское Распятие отличается от кремлевских, у этих произведений разные знаменщики и даже, возможно, резчики. Однако с уверенностью можно говорить о влиянии на них иконографии распятого Спасителя, изображенного на Голгофском Кресте в Новом Иерусалиме.

Сказанное относится также к Распятию с предстоящими из часовни Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря[73].

Вполне вероятно, что все эти Кресты, типологически повторявшие Голгофский Крест Воскресенского монастыря, были выполнены с той или иной степенью участия ведущего резчика из числа братии Ново-Иерусалимской обители, ученика Патриарха Никона старца Ипполита.

В начале 80-х годов XVII века старец Ипполит резал формы для изразцов, обрамлявших картуши на 11 главах, венчавших церкви Теремного дворца в Московском Кремле, которые были в это время подведены под одну кровлю. Кремлевские изразцы с тонкой манерой исполнения изысканного растительного орнамента в невысоком, очень пластичном рельефе близки ценинному убранству большой главы «великой церкви» Нового Иерусалима, выполненному в первой половине 80-х годов. Возможно, старец Ипполит участвовал и в этой работе. В южной части Воскресенского монастыря у него была мастерская, о которой сообщает Опись 1685 года: «Две келлии с сенми болшие покрыты тесом, поставлены к городу подле Патриарших келей з болшими красными окнами, покрыты тесом, а в них строен иконостас и всякие резные и столярные дела, и ныне живет в них резных дел мастер иеродиакон Иппалит и мастеровые люди, в них станки снасти внесены столярные Ипполитова ж заводу».

Иеродиакон Серафим

Пятым в Завещании архимандрита Германа упомянут иеродиакон Серафим:

«иеродиакону Серафиму складни другия, что после Феофилакта, да клабук греческой».

Иеродиакон Серафим пострижен в монашество самим Патриархом Никоном. Поддьяком был в числе анагностов (чтецов) Воскре-

Поддьяк Серафим.
Фрагмент парсуны «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря».
Холст, масло. Начало 60-х гг. XVII в.

сенского монастыря. Отрок Серафим изображен на парсуне начала 1660-х годов «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря»[74]. Он стоит слева от архимандрита Герасима и держит в поднятой руке очки и четки Патриарха.

Юный монах Серафим сопровождал Святейшего во время его поездки на церковный Собор 1666 года и держал жезл, который Патриарх Никон отдал ему, здороваясь с царем и Восточными Патриархами[75].

В январе 1681 года, уже в сане иеродиакона, отец Серафим подписал в числе других 60 братий челобитную царю Феодору Алексеевичу с просьбой о возвращении Патриарха Никона в Воскресенский монастырь[76].

В августе 1681 года, когда в обитель пришла весть об освобождении Патриарха из заточения, архимандрит Герман послал иеродиакона Серафима вместе с иеромонахом Варлаамом ему навстречу[77]. Таким образом, иеродиакон Серафим присутствовал при кончине Святейшего Никона.

В 1693 году иеродиакон Серафим по-прежнему был в числе братии Воскресенского монастыря[78].

Иеродиакон Диоген

Шестым в перечне наследников архимандрита Германа упоминается иеродиакон Диоген:

«иеродиакону Диогену полские псалмы да нож черен костяной».

«Черный дьякон Диоген» упоминается в монастырской Описи 1679 года как книгохранитель[79]. Его имя значится в списке братии, приложившей в январе 1681 года руку к челобитной царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Святейшего Патриарха Никона[80].

Послушание книгохранителя иеродиакон Диоген исполнял и в 1685 году[81]. Других сведений о нем обнаружить пока не удалось. Судя по должности и польским псалмам, завещанным ему архимандритом Германом, отец Диоген был человеком книжным и, вероятно, иноземцем – выходцем из Украины или Белоруссии.

Старец Вассиан

Следующим в Завещании назван старец Вассиан:

«старцу Васяну рукавицы песцовые под сукном».

Монах «Васьян» упоминается как духовный сын иеромонаха Феофилакта в списке братии, приложившей руку к челобитной царю Феодору Алексеевичу[82]. Однако в Описи 1679 года он среди братии обители не значится. Вероятно, старец Вассиан, как и сам отец Герман, нес в это время послушание за пределами родной обители.

В расходных книгах Воскресенского монастыря за 1693 год упоминаются «полевой монах Вассиан» и «старец Вассиан» в числе «хлебенной братии»[83]. Возможно, это одно и то же лицо. В любом случае старец Вассиан, получивший по завещанию отца Германа рукавицы, не был, скорее всего, человеком книжным и не сподобился священного сана, оставаясь простецом высокой духовной жизни.

Келейники Иоанн, Петр, Павел и Андрей

Далее архимандрит Герман перечисляет иконы, книги и вещи, которые он завещает своим келейникам — Иоанну, Петру, Павлу и Андрею:

«келеиным моим чадом:

Иоанну образ Пресвятыя Троицы, книга живот святых в десть на полском языке да с иконима, да ряса суконная холодная;

Петру образ креста, грамотик словенская в четверть, часословец греческои, алварь латинскои, ряса теплая;

Павлу образ Иосифов, псалтирь в полдесть да подрясок суконной синеи, да алементар полскои киевския печати;

Андрею образ Тихана Луховского, часословец киевскои, по обрезу золочен, да ряса суконная дикой цвет, ветха».

К сожалению, келейников архимандрита идентифицировать очень трудно. Они получили по его завещанию книги на греческом, латинском и польском языках, следовательно, были людьми учеными. Интересно указание настоятеля относительно нотных сборников в его наследии:

«книги певчие две русского знамени да портесныя все продать, а киевского, что есть простого пения, и те келейным моим братиам разделити, Иоанну, Петру, а буде станут учится, и других дать по разсмотрению».

Иоанн и Петр, возможно, несли клиросное послушание. Они были молоды и при желании учиться церковному пению дальше могли получить и другие певческие книги архимандрита. Все это позволяет предположительно отождествить с келейниками отца Германа двух иеродиаконов, упоминаемых в монастырских документах конца 1680-х годов.

Один из них — иеродиакон Петр, в 1688—1690 годах — ризничий, а с 1690 года — казначей обители. Второй — иеродиакон Иоанн, монастырский книгохранитель в 1690 году[84].

В приходно-расходных книгах 1693 года значатся соборный иеродиак[85] Андрей и монах Павел, которые несли послушание на Понойском промысле, «у моря». Таким образом, есть основания полагать, что келейные чада и, возможно, постриженники архимандрита Германа занимали впоследствии в обители значительные должности.

В качестве комментария к завещанным келейникам архимандрита иконам заметим, что Андрей получил образ преподобного Тихона Луховского, Костромского чудотворца († 1503; память 16 и 26 июня).

Иеромонах Илиодор, Евгений

Две следующие строчки Завещания следует, на наш взгляд, рассмотреть вместе:

«иеромонаху Илеодору брашно;

Евгению лютня».

О персоналиях речь пойдет далее, а сейчас рассмотрим вопрос о том, что именно наследовали от архимандрита Германа иеромонах Илиодор и Евгений.

Упоминаемая в Завещании «лютня» традиционно понимается исследователями как музыкальный инструмент, в связи с чем архимандрит Герман именуется «лютнистом», подбиравшим на струнах келейной лютни мелодии к своим гимнам, псалмам и другим песнопениям[86].

Между тем предыдущий предмет Завещания назван «брашном», однако не было попыток трактовать его буквально, в значении «снедь», «пища»[87]. Думается, именно в сопоставлении двух даров («брашно» и «лютня») содержится верное понимание их смысла.

Скорее всего, имеются в виду две книги: «Брашно духовное» и «Лютня Аполлонова».

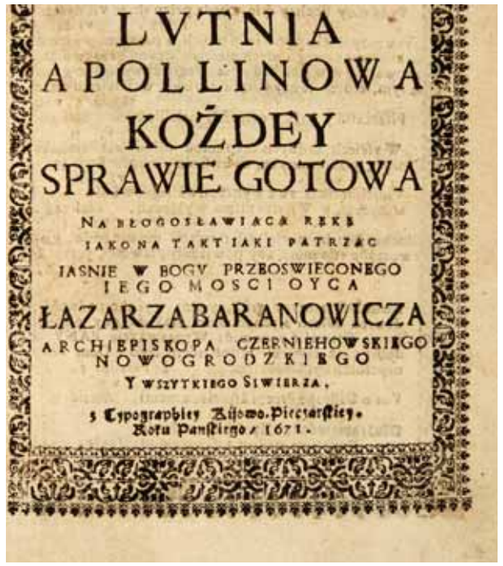
«Брашно духовное» было издано в типографии Иверского монастыря на Валдае в 1661 году. В Описи Воскресенского монастыря 1679 года «Брашны духовные» выделены особым подзаголовком, где указано «девятнадцать книг в полдесть, печать Иверскаго монастыря, и в том числе две по обрезу золоченых»[88].

Что касается «Лютни Апполоновой», то это следующая книга: Baranowicz L . Lvtnia Apolli-nowa kozdey sprawie gotowa... Kijow, 1671. В библиотеке Воскресенского монастыря хранился один экземпляр указанного издания с владельческой надписью архимандрита Германа: «Лютня Аполлонова, на южно-русском наречии, в стихах, соч. Лазаря Барановского, архиепископа Черниговского, напеч. в Киеве в 1671 году, в 4-ку, 278 листов. В коже. Из надписи по листам видно, что книга сия принадлежала Воскресенскому старцу Герману»[89]. Вероятно, ее отдал (или завещал отдать) в библиотеку сам Евгений.

Ни иеромонах Илиодор, ни Евгений не упоминаются в списках Воскресенской бра-

тии конца 70-х — начала 90-х годов XVII века. Хотелось бы отождествить наследовавшего «Брашно» старца с иподиаконом Илиодором, изображенным наряду с иподиаконом Германом на парсуне начала 1660-х годов «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря»[90]. Однако сведений о нем почти нет. Известно только, что иподиакон Илиодор был за какие-то провинности сослан Святейшим Никоном в Крестный монастырь.

По поводу Евгения предположения делать еще труднее, поскольку из Завещания неясно, был ли он монахом. Можно лишь предположить, что он владел латиницей, — настолько, чтобы читать книгу «Lvtnia Apollinowa».


LVTNIA
APOLLINOWA
KOŻDEY
SPRAWIE GOTOWA
NA BŁOGOSŁAWIACĄ RĘKĘ
IAKO NA TAKT IAKI PATRZĄC
IASNIE W BOGV PRZEOSWIECONEGO
IEGO MOSCI OYCA
ŁAZARZABARANOWICZA
ARCHIEPISKOPA CZERNIEHOWSKIEGO
NOWOGRODZKIEGO
Y WSZYTKIEGO SIWIERZA.
Z Typographiey Zikowo. Pieczarskiey.
Roku Panskiego / 1671.

Лазарь (Баранович), архиепископ.
Лютня Аполлонова.
Типография Киево-Печерского монастыря,
1671. *Титульный лист*

БРАШНО
ДУХОВНОЕ.
Сирѣчь.
Типомъ издася.

Брашно духовное.
Типография Иверского монастыря, 1661.
Титульный лист

Анания

Далее в Завещании следует запись:
«**ананию часовник**».

Как и в случае с Евгением, неясно, был ли Анания в постриге. В монастырских документах конца 70-х годов это имя не встречается. Зато в приходно-расходных книгах 1693 года упоминаются «канонархист Анания» и «изразешный монах Анания»[91]. Возможно, это одно лицо. Однако нет достаточных оснований для отождествления его с Ананием, упомянутым в Завещании.

Немногое можно сказать и о Часовнике. По всей вероятности, это Часослов — книга, экземпляры которой, московской и киевской печати, находились не только в келейном собрании архимандрита Германа, но и в монастырской библиотеке[92].

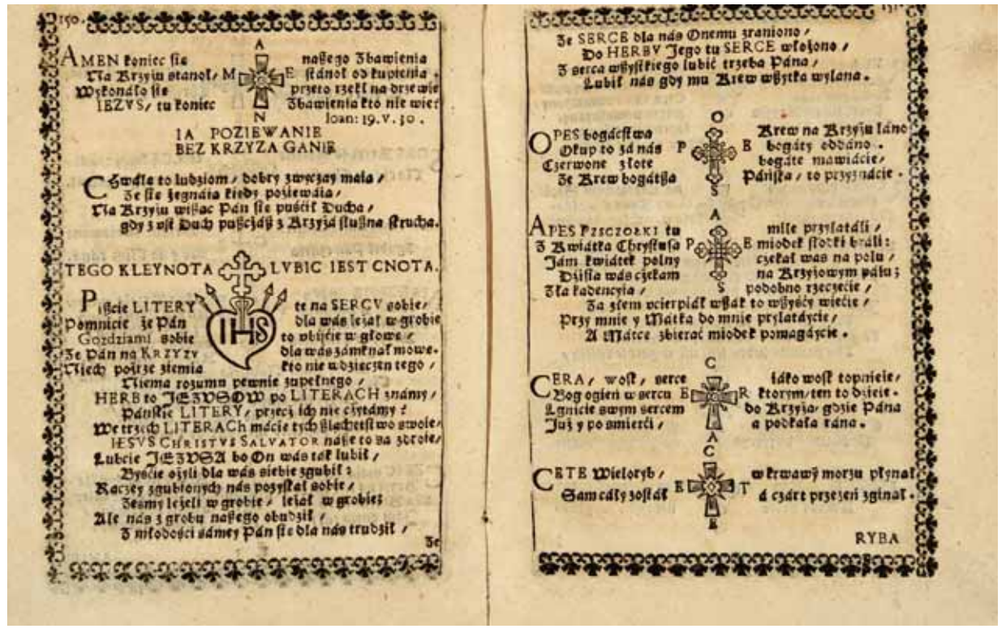
Афанасий Зиновьев

Следующее лицо в перечне наследников архимандрита Германа — человек светский и весьма известный:

«**афонасию зиновеву ковш каповои**».

Отказанный завещателем предмет представлял собой скорее знак внимания, чем какую-либо ценность. Это был ковш из капа — березового выплавка, нароста на березе, употреблявшегося для различных поделок. Дар соответствовал личности дарителя, в чьем имуществе не было дорогих вещей, и личности даримого, внесенного в Завещание в знак признательности и благодарности архимандрита Германа Афанасию Зиновьеву за его преданность Патриарху Никону и участие в завершении «великой церкви» Нового Иерусалима.

Ко времени кончины архимандрита Германа стольник Афанасий Дмитриевич Зиновьев поддерживал связи с Воскресенским монастырем на протяжении почти двадцати лет. В 1666 году он был взят под стражу и допрошен в процессе расследования по доносу патриаршего сына боярского Михаила Афанасьева, объявившего на Патриарха Никона «государево дело». Между прочих показаний Афанасьев назвал имена тех, кто писал «о всяких ведомостях» к близким Патриарху людям. Среди них был упомянут и «Афонасий Дмитриев сын Зиновьев»[93].


AMEN koniec sie / Na Brzyiu stanol / M / E / naszego Zbawienia / stanol od kupienia / przeto rzekł na drzewie / Zbawienia kto nie wie:
IEZVS / tu koniec
A
N
Ioan: 19. v. 30.
IA POZIEWANIE
BEZ KRZYZA GANIĘ
Chwała to ludziom / dobry zwyczay mała / Że się żegnáia kiedy posiewáia / Na Brzyiu wisiąc Pán się puścił Ducha / gdy z ust Duch puścił z Brzyia słuszna strucha.
TEGO KLEYNOTA LVBIC IEST CNOTA.
Pisicie LITERY / Pomnicie że Pán / Gorzdziami sobie / Że Pán na KRZYZV / Vlecły poiżze ziemia / Tiema rozumu pewnie zupełnego / HERB to IESVSOW po LITERACH známy / Pánskie LITERY / przeczi ich nie czytámy? / We trzech LITERACh máćie tych Bláchestwo swoie / IESVS CHRISTVS SALVATOR náse to na zgroie / Lubcie IESVSA bo On was tak lubił / Byście ożyli dla was siebie zgubił / Raczey zgubionych nás pozyskał sobie / Żeśmy leżeli w grobie / leżał w grobie / Ale nás z grobu naszego obudził / I mlodości námey Pán się dla nás trudził /
IHS
te na SERCV sobie / dla was leżał w grobie / to wbicie w głowę / dla was zámknął mowę. / kto nie u dzieczęcia tego /
Że SERCE dla nás Onemu zraniono / Do HERBV Jego tu SERCE włożono / I serca wszystkiego lubić trzeba Pána / Lubił nás gdy mu Krew wszytka wylana.
OPES bogáctwa / Okup to za nás / Czerwone złote / Że Krew bogátsza
P
O
S
Krew na Brzyiu láno / bogáty oddáno. / bogáte mawiácie / Páństa / to przyznácie.
APES Pszczołki tu / Z kwiátka Chrystusa / Jám kwiátek polny / Dissa was czekam / Vla kadencyia / Za złem wcierpiał wszák to wszyćy wiecie / Przy mnie y Matka do mnie przylatycie / A Mátce zbierać miodek pomagácie.
P
A
S
miłe przylatáli / z miodek słodki brali: / czekał was na polu / na Brzyiowym pálu; / podobno rzeczecie /
CERA / wosk / serce / Bog ogień w sercu / Łgnicie swym sercem / Już y po smierći /
C
R
A
C
ták wosk topnieie / ktorym/ten to dzieie. / do Brzyia / gdzie Pána / a podkała láno.
CETE Wieloryb / Sam cały został
E
T
E
w krwawy morzu płynął / á czárt przezeń zginął.
RYBA

Лазарь (Баранович), архиепископ.
Лютня Аполлонова.
Типография Киево-Печерского монастыря, 1671.
С. 150—151

Крестник Святейшего Никона Денис Долманов на допросе сообщил, что «Офонасий Зиновьев приезжал двожды и трожды и стоял на гостином дворе, а для чего приезжал, и он про то не ведает и от него ничего не слыхал»[94].

Был допрошен и сам Зиновьев. Его показания отличались доброжелательностью к Патриарху Никону и не содержали ничего лишнего.

«Афонасей Зиновьев сказал: Никон де патриарх к отцу ево и к нему добр был, и как де он Афонасей был в Астрахани к Никону Патриарху ни о чем не писывал, а писал де он к Денису Далманову, что вселенские патриархи пришли в Шамаху, а болши того ни о чем не писывал, а как он Афонасей приехал к Москве, и он де ездил к Патриарху Никону, не помнит, трижды или четырежды, и ставился на гостине дворе, а иное начавал у Дениса; а приезжал для благословения и смотреть монастырского строенья, да и для того, что близко сего монастыря деревня ево, в двунатцати верстах, и в келье был у Патриарха двожды; и Патриарх де

Никон спрашивал про Патриархов, где они едут, и он де ему сказал: как де он был в Астрахани, а Патриархи пришли в Шамаху. Да он же де роспрашивал про Кизылбашскую землю и про всякое строенье, а про иное ни про что Патриарх ево не распрашивал и он ему ничево не сказывал. Да он же бил челом взаймы о хлебе, а с Москвы ни от ково никаких вестей не говаривал и от него ничево не слыхал»[95].

А.Д. Зиновьев провел под стражей в «избушке голов стрелецких» два месяца и был освобожден по указу царя Алексея Михайловича в праздник Рождества Христова 25 декабря 1666 года[96].

Исследования об истории поселений на территории Истринского района позволяют уточнить земельные владения Зиновьевых близ Нового Иерусалима. Их вотчина располагалась к западу от Воскресенского монастыря, на расстоянии от него от 19 до 23 км. На берегу речки Молодильни находилось сельцо Полозово и рядом с ним пустошь на месте погоста Успенской церкви, разоренной, вероятно, в Смутное время. В 1651 году церковная земля Успенского погоста была «в средине вотчин» Дмитрия Зиновьева, которому ее отдали на оброк из патриаршего Казенного приказа, «пока места церковь не строится». По смерти Дмитрия земля эта находилась на оброке у его сына. К нему перешло и Полозово.

Согласно Дозорным книгам 1680 года, «в Сурожском стане вотчина стольника Афанасья Дмитриева сына Зиновьева с[ель]цо Полозово, а под тем с[ель]цом с полверсты пустошь, что был погост Успения Богородицы на речке Молодильне; а на том погосте кладбище есть... а подле того кладбища идучи из с[ель]ца Полозова к кладбищу, на левой стороне, к речке Молодиленке, пашни паханые середние земли 2 десятины, да лесом поросло 18 десятин...»[97]

В 1678 году А.Д. Зиновьев владел также деревнями Рыжково (6 крестьянских дворов) и Русаново (3 двора)[98]

Преданность Афанасия Зиновьева Патриарху Никону, его интерес к монастырскому строению и близкое соседство с Новым Иерусалимом обусловили датированный 1679 годом указ царя Феодора Алексеевича о том, «что у строения каменной большой церкви быть Афанасию Дмитриеву Зиновьеву»[99]. Это свидетельствует о причастности стольника к возобновлению работ по сооружению храма Воскресения Христова, прерванных ссылкой Патриарха Никона, и объясняет присутствие его имени среди наследников архимандрита Германа.

Иоанн Шушерин

Вслед за А.Д. Зиновьевым в Завещании упомянут человек еще более известный — Иоанн Шушерин:

«**иоанну шушерину святцы с летописцем и с подлеником и с рукою богословлею**».

Иоанн Шушерин родился в Великом Новгороде в конце 30-х — начале 40-х годов[100] XVII века. Вероятно, он приходился родственником кому-то из служащих Софийского архиерейского дома, где его и заметил митрополит Никон, занимавший Новгородскую кафедру с 1649-го по 1652 год.

После избрания 25 июля 1652 года Новгородского митрополита Никона Патриархом Московским и всея России с ним переехали в Москву некоторые клирики Софийского дома. Однако отрок Иоанн оставался в Новгороде еще около трех лет. 7 июня 1655 года он «был прислан» к Патриарху Никону «от Макария митрополита Новгородского» как подьяк «меньшой» станицы. Вскоре решился вопрос о пребывании Шушерина в штате патриарших певчих.

10 июля 1658 года Святейший Никон, оставив первосвятительскую кафедру, поселился в Воскресенском монастыре. Вероятно, с ним переехал и певчий Иоанн. Он был иподиаконом Патриарха и пел на клиросе, научаясь знаменному и многоголосному пению, церковнославянскому и греческому языкам.

Всецело преданный своему духовному учителю, Иоанн исполнял различные его поручения, в том числе и те, которые не подлежали широкой огласке. Так, в 1665 году он участвовал в подготовке поездки Федота Тимофеевича Марисова, двоюродного племянника Патриарха Никона, в Малороссию, куда тот должен был отправиться в свите гетмана Кирилла Давыдовича, черниговского полковника. Иоанн Шушерин успешно выполнил поручение Патриарха Никона, и Федот Марисов отправился в путь. Однако в местечке Седневе он был по царскому повелению схвачен, доставлен в Москву и допрошен. Так царю стало известно об участии «Ивашки Шушерова» в подготовке тайной поездки Марисова в Малороссию.

В октябре 1666 года в Москве расследовали донос на Святейшего Никона Михаила Афанасьева, назвавшего имена трех человек, которые «у Патриарха тайные дела ведают». Среди них был «подъяк Ивашко Шушера». Это объясняет события декабря 1666 года, когда Шушерин, сопровождавший Патриарха Никона в качестве крестоносца во время его поездки в Москву на церковный Собор, был арестован и допрошен царем Алексеем Михайловичем. Молодому иподиакону государь обещал свободу «того же часа», если он ответит на все вопросы; если же нет — сидеть ему под стражей «дондеже Бог изволит». Иоанн отвечал, что «не ведает ничтоже».

Преданность учителю дорого обошлась ученику. Более трех лет он сидел под стражей в Москве, после чего был сослан в Великий Новгород. Патриарх Никон долгое время ничего не знал о судьбе своего воспитанника. Пока шел церковный Собор, некоторых людей жестоко пытали, и пронесся слух, что мучат Иоанна Шушерина. Это, однако, не соответствовало действительности.

Святейший Никон укорял на Соборе самодержца за арест Шушерина, подчеркивая свое отеческое отношение к иподиакону. «Яко той Иоанн воспитан есть при ногу нашею... — говорил он царю, — оный же Иоанн жив ли или повелением твоим умучен, того не вемы»[101].

Заступничество Патриарха Никона не облегчило участи иподиакона. Иоанн в заточении претерпел «много зла», а затем был сослан на родину, в Великий Новгород. Ссылка длилась десять лет.

В Новгороде Шушерин был дьяком Никола-Дворищенского собора и составил синодик Новгородского Липенского монастыря[102].

Он был женат, его супругу звали Дарьей[103], их сына – Михаилом. Они имели в Новгороде собственный двор, проданный после переезда в Москву площадному подьячему Е.М. Водилову[104].

Возвращение бывшего иподиакона Патриарха Никона из ссылки произошло по ходатайству царевны Татианы Михайловны. В 1678/79 году Иоанн Корнильевич и его сын Михаил были «взяты» в крестовые дьяки царевен. На этой службе, дававшей возможность успешно ходатайствовать о возобновлении строительства Воскресенского собора в Новом Иерусалиме[105], И.К. Шушерин состоял до конца своей жизни. 26 августа 1681 года он, несомненно, присутствовал на погребении в Воскресенском монастыре Патриарха Никона.

В Новом Иерусалиме хранились вклады И.К. Шушерина: напрестольный Крест[106] и «двунадесятые Минеи, писаны по дщицам среднего мастерства, в ковчежце деревянном»[107].

Известно также, что Иоанн вложил в Спасо-Преображенский монастырь в Старой Руссе Евангелие московской печати 1685 года[108].

Иоанн Корнильевич вошел в историю литературы как автор «Известия о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России». Это сочинение разошлось во множестве списков и неоднократно переиздавалось, в том числе — в переводах на английский и на современный русский язык[109].

На протяжении 80-х годов Иоанн Корнилиевич о нуждах Воскресенской обители «пекийся непрестанно, занежъ и намерение свое имеяй по отшествии сей жизни сея во обители святой Воскресенской тело свое предати погребению близъ своего учителя»[110]. Он участвовал в подготовке храма Воскресения Христова к великому освящению, совершенному 18 января 1685 года Патриархом Иоакимом. Его присутствие на этих торжествах весьма вероятно.

Точная дата смерти Иоанна Шушерина неизвестна. После сентября 1689/90 года его имя в документах не встречается[111]. Вероятно, к этому времени он уже скончался и был погребен, согласно своему завещанию, в Воскресенском монастыре, близ могилы своего учителя, в приделе Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Современники по достоинству оценили его благочестивую жизнь и литературный труд, написанный «в сладость ко слушающимъ и прочитающимъ и на ведение будущимъ впредь обитающимъ во обители той Воскресенской, рекомой Новый Иерусалимъ, братии и всякаго рода христиан-

скаго, дабы память его фундатора начална Никона Патриарха незабвенна в поминовение вечно была, дондеже миръ вселенне стоит»[112].

Шушерин писал свое «Известие...» как агиографическое произведение, сознавая, что Патриарх Никон являет собой высокий образец русской святости. В этом он проявил несомненную прозорливость. Патриарх Никон вскоре после своей кончины прославился чудотворениями и почитался в XVII — начале XX века в основанных им монастырях и в местах, с ним связанных, как святой[113].

В заключение охарактеризуем тот дар, который получил Иоанн Корнильевич по Завещанию от архимандрита Германа.

А.Г. Авдеев связывает рукописный «Летописец» с интересом настоятеля к российской истории[114]. На самом деле «Святцы с Летописцем и с Подлеником и с Рукою Богословлею»— это рукописный сборник, содержащий годовые святцы с иконописными подлинниками (прорисями) и краткими сведениями (летописцем) об изображенных святых.

Подобный сборник значится в описи имущества, оставшегося после кончины наместника Иверского монастыря на Валдае иеромонаха Иоиля († 1673): «...Да книг: ...святцы, руки богословли, писмяные; летопись, мелкого уставного писма, в переплете»[115].

Возможно, завещание Иоанну Корнильевичу именно этой рукописи связано с кругом обязанностей Шушерина, которые он выполнял в качестве крестового дьяка и личного секретаря великой княжны Татианы Михайловны, заказывая по ее поручению в Оружейной палате новые иконы.

Михаил

За Иоанном Шушериным в Завещании архимандрита Германа следует некто Михаил:

«**михаилу книжка каменная**».

Весьма вероятно, что имеется в виду Михаил Шушерин — сын Иоанна Корнильевича, переехавший вместе с отцом из Новгорода в Москву в 1679 году и зачисленный в штат дьяков «больших» царевен с окладом денежным, хлебным и сукном в 5 рублей[116].

Если Иоанн Шушерин женился вскоре после ссылки в Новгород, то Михаил родился около 1670 года и ко времени кончины архимандрита Германа ему было не более 12 лет. Тем не менее до 1689/90 года он получал в хоре царевен Анны Михайловны и Татианы Михайловны весьма значительный денежный оклад — 20 рублей. После кончины Шушерина-старшего Михаилу были переданы его должность крестового дьяка и оклад высшей категории в сумме 32 рублей[117]. В Описи Китай-города 1695 года двор Михаила Шушерина упоминается на левой стороне Певческой улицы[118].

После кончины родителя Михаил Шушерин продолжал поддерживать связи с Новым Иерусалимом, приезжая в Воскресенский монастырь и по своим делам, и по поручению царевны Татианы Михайловны.

8 января и 7 апреля 1693 года он жертвовал деньги «братии за стол» по своем отце Иоанне Шушерине.

К сожалению, дата смерти Михаила Шушерина неизвестна. Вероятно, он скончался в конце XVII — начале XVIII века. Похоронен рядом с отцом, в приделе Архистратига Михаила, но точное место его погребения не установлено. Монастырская Опись 1875 года связывает благоустроение Архангельской церкви с именами отца и сына Шушериных[119].

Раскопки, произведенные в Архангельском приделе 3 декабря 1996 года, показали, что вдоль южной стены трапезы расположены в одну линию три захоронения. Возможно, одно из них, восточнее погребения Иоанна Шушерина, — могила его сына Михаила[120].

Иоанн Некрасов

Следующим в Завещании упомянут Иоанн Некрасов:

«**иоанну некрасову книга жития святых полская в полдесть**».

Этот наследник архимандрита Германа, человек весьма образованный, судя по отказанной ему книге, был в конце XVII века подьячим Поместного приказа. В Воскресенском монастыре хранился «Список Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна и Петра Алексеевичей послушной грамоты на жребий села Красного 1685 года» с пометкой: «Справа подьячего Ивана Некрасова»[121]. Имя Некрасова встречается в расходных книгах Воскресенского монастыря за 1693 год: «Поместному приказу подьячему Ивану Некрасову от монастырского дела дано два рубля»[122]. Эта выплата была произведена в ноябре. Аналогичная запись сделана и в феврале того же 7201 года[123].

Стряпчий

Далее в Завещании упомянут стряпчий Воскресенского монастыря:

«**стряпчему лексикон словенскои**».

Опись 1679 года называет имена двух монастырских стряпчих: Евстафия Глумилова и Ивана Аристова[124].

Евстафий Глумилов — это зять Патриарха Никона (муж его двоюродной племянницы), приказный, ведавший не только разными монастырскими делами, но и «тайными делами» самого Святейшего[125]. В 1665—1666 годах он писал под диктовку Патриарха Никона грамоты в Иверский монастырь на Валдае[126]. Такого доверия были удостоены только монахи, занимавшие главные должности в обители, — например, наместник и эконом.

Евстафий Глумилов при Патриархе Никоне вел вместе с монахами «книги приходные деньгам»[127], составлял «заемные памяти и расписки» в монастырских деньгах[128].

Вскоре после низложения и ссылки Святейшего Никона Евстафий Глумилов переписывал село Богословское Белозерского уезда с деревнями, крестьянами, бобылями и всяким строением[129]. Это дало ему возможность посетить ссыльного Патриарха в Ферапонтовом монастыре.

Евстафий Глумилов вернулся в Новый Иерусалим Великим постом 1668 года, и тогда же старец Сергий Колокольников (Турчанинов) отдал ему «тетрадки» с записями о суде над Патриархом Никоном для возврата их клирошанину Симонова монастыря старцу Марку, бывшему насельнику Воскресенского монастыря и поддьяку Святейшего Никона.

Об этих событиях известно из допроса Евстафия Глумилова в декабре 1668 года, когда расследовалось дело о «книге», составленной поддьяком Марком, который, сопровождая Патриарха Никона, присутствовал на Соборе 1666 года и записывал по благословению Святейшего все, что там видел и слышал.

У Евстафия Глумилова нашли при обыске списки некоторых документов, но, судя по всему, «тетрадки» старца Марка обнаружить не удалось[130].

Стряпчий Иван Аристов также был связан с Воскресенским монастырем долгие годы. В обители хранились «Книги приходные и расходные стряпчего Ивана Аристова, с 181 по 187 год (1673—1679), на семнадцати тетратех»[131], его расписки и другие хозяйственные документы[132].

Оба стряпчие много потрудились на благо Ново-Иерусалимской обители, но можно предположить, что в Завещании имелся в виду Евстафий Глумилов — родственник Патриарха Никона и его доверенное лицо.

Иеромонах Македон и старец Мисаил

Следующими в Завещании названы иеромонах Македон и Мисаил:

«**иеромонаху македону да мисаилу по сапогам**».

В списке братии Воскресенского монастыря 1679 года иеромонах Македон не значится. Нет его имени и среди насельников обители, подписавших в январе 1681 года челобитную царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Патриарха Никона. Вероятно, старец нес в это время послушание вдали от Нового Иерусалима.

Иеромонах Македон упоминается в монастырских расходных книгах за 1693 год[133]. Другими сведениями о нем мы пока не располагаем.

Из текста Завещания неясно, был ли Мисаил, как и Македон, иеромонахом. Между тем это важно, поскольку в Воскресенском монастыре подвизались два насельника с таким именем. В Описи 1679 года упоминаются «черный поп» Мисаил[134] и рядовой монах, старец Мисаил[135].

Старец Мисаил упоминается в документах 1668 года, когда он вел приходно-расходные книги и переписывал имущество Галилейской пустыни на озере Велие в Новгородских пределах.

В Воскресенском монастыре хранились «Книги приходные и росходные Галилейской пустыни старца Мисаила да монаха Феофана, за руками, на дву тетратех» и «Книги переписные Галилейской пустыни монаха Мисаила да монаха Феофана всякой церковной утвари и

монастырского строения за руками, на трех тетратех»[136].

В январе 1681 года, когда братия Воскресенского монастыря подписывали челобитную царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Патриарха Никона, иеромонах Феофилакт по просьбе монаха Мисаила вместо него «руку приложил»[137].

Иеромонах Мисаил оставил в истории Воскресенского монастыря более заметный след. Он был насельником обители со времен Патриарха Никона. Среди монастырских документов за 1667 год упоминаются «Книги приемные и росходные денежные иеромонаха Мисаила да монахов Феофана и Никандра, на пяти тетратех»[138].

Именно иеромонах Мисаил был послан в 1668 году к Святейшему Никону в Ферапонтов монастырь с гостинцами из Нового Иерусалима. Встреча ссыльного Патриарха с братией и трудниками Воскресенского монастыря была очень трогательной. Она описана Иоанном Шушериным, несомненно, со слов очевидцев.

В дни Великого поста «с гостинницы прииде вестник глаголя: яко приидоша от обители Воскресенской Новаго Иерусалима его строения, Святейшаго Патриарха, иеромонах Мисаил с прочими трудниками; повеле же Блаженный им внити; они же, вшедше, поклонение сотворише, от архимандрита и братии со умилением слезне благословение испросиша и сами получиша, и присланное с ними Блаженному вручиша денег 200 рублев и 10 хлебов братских трудов, також и от рыб и иных запасов не мало. Святейший же Патриарх прием сие все с радостию велиею и слезами, благодарив Вседержителя Бога, дающаго пищу всякой твари, и рече: яко сбысться днесь видение нощи сея, глаголющее мне, яко днесь имаши свой хлеб ясти»[139].

В 1678—1679 годах иеромонах Мисаил нес послушание на московском подворье Воскресенского монастыря. В обители хранились «Книги приемные и росходные деньгам Воскресенского Московского подворья иеромонаха Мисаила, что он сбирал лавочных оброчных денег и в росход держал, 178 и 179 году, на полуторе тетрати, за рукою»[140].

Подпись иеромонаха Мисаила наряду с подписью иеромонаха Мардария скрепляет листы Описи церковному имуществу монастыря 1698 года[141].

К сожалению, невозможно уточнить, кому из этих двух братий завещал свои сапоги архимандрит Герман. Более того, нельзя исключить, что названный в Завещании Мисаил — мирянин, хотя это мало вероятно.

Иеродиаконы Гервасий и Исаия

Далее в Завещании упомянуты два иеродиакона — Гервасий и Исаия:

«иеродиаконом гервасию да исаию по башмакам».

Сведения об этих старцах пока, к сожалению, не найдены.

Иеромонах Исаия

Принцип церковной иерархии в Завещании архимандрита Германа не соблюдается. После двух иеродиаконов снова назван иеромонах:

«иеромонаху исаию уставщику камилавка бархатная».

В Описи 1679 года иеромонах Исаия упоминается как «черный поп»[142]. Был он и в числе братии, подписавшей в январе 1681 года челобитную царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Патриарха Никона.

В период настоятельства архимандрита Германа иеромонах Исаия, как некогда и сам старец Герман, нес послушание уставщика. Вероятно, он был из числа старых насельников Нового Иерусалима.

На этом основании представляется возможным отождествлять его с тем иеромонахом Исаией, который с 15 февраля 1666 по 15 февраля 1671 года исполнял должность казначея Воскресенского монастыря[143] .

Иеродиакон Селивестр*

Далее в Завещании названы только диаконы:

«иеродиакону силивестру шапка теплая суконная на лисицах».

* Здесь и далее имена приводятся так, как они даны в источниках.

Старец с этим именем в документах 1679–1681 годов не встречается. Однако в монастырской Описи 1685 года, составленной после освящения храма Воскресении Христова, упомянут ризничий обители иеромонах Селивестр[144].

Согласно расходным книгам, иеромонах Селивестр продолжал состоять в числе братии обители и в 1693 году[145].

В этих документах упоминается также иеродиакон Селивестр[146]. Следовательно, старец, названный в Завещании, либо был между 1682 и 1685 годами рукоположен в иереи, либо оставался в сане иеродиакона до середины 1690-х годов, что тоже вполне вероятно.

Иеродиакон Иоасаф

«иеродиакону иоасафу лечебник».

Иеродиакон Иоасаф — один из книжников Нового Иерусалима, возможно, постриженник Патриарха Никона.

Имя Иоасафа как строителя Воскресенского подворья в Москве встречается в монастырских документах с начала 60-х годов XVII века.

В обители хранились «Книги описные Московского Воскресенского подворья, на двух тетрадях, что принял старец Филофей у строителя Иоасафа» (1662) и «Книги описные Воскресенского Московского подворья церковные строителя Филофея, что он принял у строителя Иоасафа, на двух тетрадях» (1666)[147].

К сожалению, не указан сан этих строителей, управлявших подворьем Воскресенского монастыря в Москве в период пребывания Святейшего Никона в Новом Иерусалиме, когда «роль подворий в исполнении строительных замыслов Патриарха еще более возросла: через них осуществлялось большинство хозяйственных и торговых дел в Москве»[148]. Архимандрит Леонид (Кавелин) называет их иеромонахами[149], однако под 1678 годом значатся «Книги переписные церкви Воскресения Христова, что на Московском подворье, переписи дьякона Иоасафа, на дву тетратех»[150].

Таким образом, иеродиакон Иоасаф, безусловно, нес послушание на столичном подворье Воскресенской обители, куда направлялись самые образованные и авторитетные насельники Нового Иерусалима. Достаточно сказать, что упомянутый ранее старец Филофей был с 1673 по 1680 год в сане архимандрита настоятелем Воскресенского монастыря.

Не менее значим для характеристики иеродиакона Иоасафа и тот факт, что он одно время нес послушание книгохранителя. В актах обители под 1668 годом упоминаются «Книги переписные книгохранительной казны дьякона Иоасафа, что он отвел новому книгохранителю Никанору, за рукою, на пяти тетратех»[151].

Никанор впоследствии тоже стал настоятелем — в сане архимандрита он возглавлял Воскресенский монастырь в конце XVII века.

В Описи 1679 года Иоасаф упоминается как «соборный старец» и как «черный диакон»[152]. Значится его имя и в списке братий, приложивших руку к челобитной царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Патриарха Никона[153].

В расходных книгах 1693 года встречается имя иеромонаха Иоасафа[154]. Возможно, это рукоположенный в сан священника иеродиакон, получивший Лечебник по Завещанию архимандрита Германа.

Диакон Авраамий Васильев

Далее в Завещании упомянут единственный представитель московского духовенства:

«книгу печать полская александра главнина в десть отдать на москве собора архангелского диакону аврамию василеву».

Иеродиакон Дамаскин

После московского диакона Авраамия Васильева архимандрит Герман вновь возвращается к братии Воскресенского монастыря:

«иеродиакону дамаскину крест».

В документах 60-х годов имя иеродиакона Дамаскина пока не обнаружено. Однако в 1676 году, когда архимандрит Герман был в сане иеромонаха и занимал должность строителя, старец Дамаскин тоже нес какое-то хозяйственное послушание, о чем свидетельствуют датированные этим годом «Книги приходные и расходные деньгам диакона Дамаскина, на тетратех»[155].

Характерно, что в Описи 1679 года его имя в списке братии не значится. Возможно, в это время он, как и старец Герман, находился вне

стен родной обители. В январе 1681 года иеродиакон Дамаскин приложил руку к челобитной царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Патриарха Никона[156].

Благодаря архимандриту Никанору известна дата кончины иеродиакона Дамаскина — 1690 год, когда он был уже соборным старцем. В монастырской библиотеке хранились книги, пожертвованные за поминовение его души и подписанные архимандритом Никанором.

Одна из них — Минея общая, изданная в Москве в 1685 году[157].

Другая — «Служба святителю Николаю Чудотворцу на 6-е декабря и 9-е мая, напечатанная в Москве в 1679 году, в 4°, 273 листа. В коже. По листам надпись: “7198 (1690), месяца марта 15-го дня, сия книга Житие Чудотворца Николая дана в дом Живоноснаго Христова Воскресения в монастырскую книгохранительницу того же монастыря, по преставлении соборнаго старца Иеродиакона Дамаска, по душе его в вечный поминок. Подписал Архимандрит Никанор”»[158].

В научной литературе иеродиакон Воскресенской обители Дамаскин, известный по Завещанию архимандрита Германа, ошибочно отождествляется с одноименным насельником Московского Чудова монастыря[159]. Между тем совершенно очевидно, что переводчик и полемист иеродиакон Дамаскин († 1706)[160] и соборный старец Ново-Иерусалимского монастыря иеродиакон Дамаскин († 1690), связанный с архимандритом Германом многолетним собратством, — это разные лица.

Иеромонах Тихон

Завершается список наследников архимандрита Германа иеромонахом Тихоном:

«**очки зеленыя отдать иеромонаху тихану**».

Вероятно, старец Тихон стал насельником Воскресенского монастыря еще при Патриархе Никоне. В обители хранились «Книги расходные деньгам иеромонаха Тихона, на тетрати» за 1667 год[161].

Иеромонах Тихон упоминается в Описи 1679 года как «черный поп»[162].

В том же году, согласно приходно-расходным книгам, писанным на десяти тетрадях его рукой, «он принял у казначея старца Сергия четыреста сорок пять рублев, да у черного попа Геронтия двести рублев, как поехал в Зырянския усолья для соляного промыслу»[163].

В списке братии, приложившей руку в январе 1681 года к челобитной царю Феодору Алексеевичу о возвращении из ссылки Патриарха Никона, значится «соборной еромонах Тихон». Возможно, именно он нес в том же году послушание строителя Афанасьева монастыря в Мологе, где подвизался в 1680 году и будущий архимандрит Герман.

В августе 1681 года настоятель Воскресенского монастыря с братией послали «во сретение Блаженному Никону иеромонаха Варлаама, иже прежде бе жительствуя у Блаженнаго Никона в Ферапонтове монастыре многая лета... и иеродиакона Серафима, и с Мологи приписнаго Афанасьевскаго монастыря строителя иеромонаха Тихона»[164].

Эти старцы, как уже говорилось ранее, удостоились последнего благословения Патриарха Никона и присутствовали при его блаженной кончине.

В 1690 году архимандрит Никанор освятил в Новом Иерусалиме подземную церковь святых равноапостольных Константина и Елены. Тогда же в этот храм был пожертвован комплект богослужебных книг с вкладной надписью насельника обители иеромонаха Тихона Пьянова. Можно предположить. что это тот самый иеромонах, который получил по Завещанию архимандрита Германа зеленые очки. Среди книг были: Четвероевангелие (М., 1682); Евангелие учительное (М., 1662); Меч духовный (Киев, 1666); Пролог полугодичный с сентября по февраль (М., 1661); Служебник (М., 1676); Молитвослов (М., 1658); Устав священнослужения Московского издания XVII века[165].

Все книги имели схожие вкладные надписи, из которых наиболее характерны следующие:

«**ЗРЧИ (1690) году мсца августа дня S (6) далъ сію книгу Евангелие стое въ домъ Живоноснаго Воскресенія Христова Новаго Іерусалима, что на рекѣ Истрѣ строеніе стѣйшаго Никона патриарха, въ великую церковь, юже имать въ той же церкви иная церковь, яже именуется земляная, новоосвященная во имя царя Константина и матери его Елены церковь, по душѣ своей и по родителехъ своихъ въ вѣчное поминовение. А подписал и дал сію книгу**

Лазарь (Баранович), архиепископ. Меч духовный. Киев, 1666. *Титульный лист*

сего же монастыря іеромонах Тихонъ Пьяновъ, архимандритъ Никаноръ власною рукою»[166].

В данной скрепе, подтвержденной настоятелем обители архимандритом Никанором, содержится только свидетельство вклада данной книги. Однако был второй тип надписи, который говорит об иеромонахе Тихоне Пьянове как о ктиторе церкви святых равноапостольных Константина и Елены, «построившим» в нее иконы, а также облачения на жертвенник и престол:

«Лета ЗРЧИ (1690) книга глемая церковной Служебникъ дана въ домъ живоноснаго Воскресенія Хрсва новаго Іерусалима, что на рекѣ Истрѣ въ Московскомъ уездѣ, строенія св. Никона, црковь Воскресенія Христова, еже иметь въ той цркве цквь, еже зовется земленая, новоосвященная во имя царя Константина, а дал сію книгу сегож мнстря іеромонах Тихонъ Пьяновъ по дше своей и по своихъ родителех въ вѣчный поминок, понеже онъ Тихонъ въ тое земляную црковь по своему обещанию построилъ святыя иконы и на престолъ и на жертвенникъ одежды»[167].

Согласно расходным книгам, в 1693 году иеромонах Тихон по-прежнему был насельником Воскресенского монастыря[168].

Итак, подведем итоги. В Завещании архимандрита Германа упомянуто 29 человек. Из них:

Строитель
старец Сергий

Казначей
иеродиакон Мардарий

Иеромонахи
Варлаам
Илиодор
Македон
Исаия
Тихон

Иеродиаконы
Серафим
Диоген
Гервасий
Исаия
Селивестр
Иоасаф
Дамаскин

Рядовая братия, старцы
Ипполит
Вассиан
Иоанн
Петр
Павел
Андрей
Мисаил
Анания
Евгений

Диакон
Авраамий Васильев, служитель Архангельского собора Московского Кремля.

Стряпчий
Евстафий Глумилов
или Иван Аристов

Подьячий
Иоанн Некрасов

Дьяки
Иоанн Шушерин
Михаил (Шушерин? — *Г.З.*)

Стольник
Афанасий Зиновьев

Имущество, о котором идет речь в Завещании архимандрита Германа, делится по принадлежности (кроме имущества иеромонаха Феофилакта) на три части.

I. Монастырское «брашно», которое после кончины настоятеля следует вернуть в казну. Это серебряная посуда, два байберековых клобука, бархатные рукавицы, два погребца и **«иное, что обыщется»**.

II. Личное имущество, в том числе:
1. Иконы, складни, кресты.
Архимандрит завещает три образа поместить над своим погребением, остальные семь отдать братии.
2. Книги рукописные и печатные.
Настоятель завещает 10 из них поместить в монастырское книгохранилище, 22 — отдать братии и другим людям. Остальные — **«книги пѣвчие двн русского знамени да портесныя — продать, а киевского, что есть простого пѣнія, и тн келейным моим братиам раздлити»**.

3. Облачение: мантия, епитрахиль, клобук, камилавка, две рясы, подрясник.

Все это архимандрит завещает отдать братии.

4. Одежда.

Одну часть предметов (ряса соболья, два кафтана, два меха) настоятель наказывает продать. Другую часть (шапка, рукавицы, сапоги, башмаки) — раздать братии.

5. Предметы келейного обихода. Очки, ковшик каповый, костяной ножик архимандрит Герман завещал отдать братии и другим людям.

III. Деньги, которые будут выручены от продажи части имущества, архимандрит Герман завещал разделить и раздать на поминовение его души и **«в милостыню»**.

Остаток этих средств, равно как и деньги, оставшиеся в монастырской казне после поминания почившего архимандрита Варсонофия, настоятель наказывает употребить на благоукрашение церкви под колокольней, где был погребен в 1680 году архимандрит Варсонофий, а два года спустя и сам архимандрит Герман.

Из завещания видно, что эта церковь была предметом особой заботы обоих настоятелей.

Архимандрит Герман завещает **«построити под колоколнею в церкви образы»** и упоминает, что архимандрит Варсонофий приказывал ему его деньги **«издержать тут же в церковь»**.

Наследие архимандрита Германа свидетельствует о личном аскетизме настоятеля, келейный быт которого был подчинен строгим правилам общежительного монастыря.

Главное богатство архимандрита составляли книги. Однако их общее количество без учета певческих сборников невелико — чуть более трех десятков.

Наследниками архимандрита Германа были братия Воскресенского монастыря и близкие обители люди. Многие из них лично знали и почитали Патриарха Никона. С ними прошла вся иноческая жизнь завещателя, это был постоянный и, по-видимому, единственный круг его общения.

Показательно,. что настоятель не упоминает никого из здравствовавших тогда духовных писателей, а из многочисленного клира кремлевских церквей называет только диакона Архангельского собора Авраамия Васильева.

Интересы и творчество архимандрита Германа были сосредоточены в Новом Иерусалиме, а труды направлены на возрастание Воскресенского монастыря «в высоту повсюднаго прославления»[169].

Г.М. Зеленская

Историко-архитектурный и художественный музей
«Новый Иерусалим»

НОВОЕ В БИОГРАФИИ ИОАННА ШУШЕРИНА

Имя Иоанна Шушерина неразрывно связано со Святейшим Патриархом Никоном (1605–1681), чьим учеником и клириком он был, чье жизнеописание составил и близ могилы которого завещал себя похоронить. Кроме того, Шушерин является одним из первых историографов Воскресенского монастыря, и от точности приведенных им фактов, а также от их авторской интерпретации во многом зависят наши представления о Новом Иерусалиме XVII века. Исследователи неоднократно обращались к биографии Шушерина и к его сочинению[1]. Однако существует возможность дополнить их изыскания новыми фактами, чему и посвящена настоящая работа.

Иоанн Шушерин родился в Великом Новгороде в конце 30-х – начале 40-х годов XVII века. В синодике Крестного монастыря XVII– XVIII веков, хранящемся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки, нами обнаружена следующая запись: «Род крестового диака Иоанна Корнилиева сына Шушерина: Корнилия, Агрипины, Иоанна, Марии, Дарии, схимонаха Никандра, схимонахини Феодоры, Михаила млад., Даниила млад., Афанасия млад., Иакова млад., Самуила млад., Марии млад., Ирины млад., Афанасии, Георгия, Анны, Мамелфы (Мамелхва), Евфимия, схим. Григория, Максима, Кодрата, Михаила»[2].

Корнилий и Агриппина – это отец и мать Иоанна. О благочестии рода свидетельствуют упомянутые в синодике схимники. Вероятно, Иоанн приходился родственником кому-то из служащих Софийского архиерейского дома, где его и заметил митрополит Никон, занимавший Новгородскую кафедру с 1649 по 1652 год.

Известно, что Иоанн был «воспитан издетска возраста и возмужа при благословении» Патриарха[3]. Сам он, повествуя о новгородском восстании 1650 года, причисляет себя к «преосвященнаго митрополита домочадцам» и замечает, что не только взрослым, но и ему, «тогда еще малу сущу», было небезопасно ходить по городу: «нарицаху бо нас изменников сообщниками и хотяху бити»[4].

После избрания 25 июля 1652 года Новгородского митрополита Никона Патриархом Московским и всея России с ним переехали в Москву некоторые клирики Софийского дома. Однако отрок Иоанн оставался в Новгороде еще около трех лет. 7 июня 1655 года он «был прислан» к Патриарху Никону «от Макария митрополита Новгородского» как подьяк «меньшой» станицы и пожалован 1 рублем на сапоги «телятинные красные»[5]. Вскоре решился вопрос о пребывании Шушерина в штате патриарших певчих.

Церковные хоры середины XVII века имели четкую иерархическую структуру, состоявшую из особых подразделений – станиц. Певцы назывались дьяками и подьяками. Их положение, жалование и функции определялись станицей, куда они входили, а иногда и местом внутри станицы. Денежный годовой оклад певчих дьяков колебался от 5 до 10 рублей. 18 октября 1655 года Иоанн был зачислен в штат 3-й станицы с окладом в 5 рублей.

Патриаршим певчим выдавалось повседневное и праздничное платье. Но дьяки, сопровождавшие Святейшего Никона «в походах», получали для этого особую обувь и одежду. В декабре 1655 года Шушерин участвовал в поездке Патриарха в Клин и Тверь, и ему был выдан «проезжий» теплый кафтан и 1 рубль на сапоги[6].

19–20 ноября 1657 года Иоанн среди прочих певцов сопровождал Святейшего Никона

в «походе» в недавно основанный Патриархом подмосковный Воскресенский монастырь Нового Иерусалима и был пожалован полтиной. С марта 1658 года к его окладу добавлен 1 рубль «за корм»[7].

Патриарший хор был во времена первосвятительства Святейшего Никона хорошей школой для его участников, особенно юных. Певчие исполняли не только традиционные, но и новые, быстро распространявшиеся распевы – греческий, киевский и другие. Для обучения их «греческому пению» был приглашен в Москву «греческого пения мастер» Мелетий. Вероятно, учился у него и Шушерин. В 1656–1657 годах дьяки и подьяки патриаршего хора часто исполняли богослужебные песнопения «греческого переводу».

10 июля 1658 года Святейший Никон оставил первосвятительскую кафедру и поселился в Воскресенском монастыре. Вероятно, с ним переехал и певчий Иоанн. В 1658/59–1661/62 годах он числился в прежней станице, но за жалованье не расписывался – вероятно, потому, что жил не в Москве, а в Новом Иерусалиме[8].

Итак, летом 1658 года Иоанн стал насельником обители Воскресения Христова. Он был иподиаконом Патриарха Никона и нес клиросное послушание, то есть пел на клиросе, продолжая научаться знаменному и многоголосному пению, церковнославянскому и греческому языкам. Божественная литургия в монастыре пелась иногда вся «греческими глаголы, согласием киевским»[9]. Ежедневно после литургии пред иконой Божией Матери «Троеручица», привезенной со Святой горы Афон, пелся молебен Пресвятой Богородице «греческим речением и согласием»[10].

Патриарх Никон заботился об образовании юных насельников обители. Они много читали, занимались стихосложением, летописанием, художественными ремеслами. В Новый Иерусалим был привезен из Валдайского Иверского монастыря печатный стан – вероятно, предполагалось издавать духовную литературу. В Воскресенской обители при Святейшем Никоне сложилось уникальное собрание печатных и рукописных книг[11]. В монастырской библиотеке находился знаменитый Изборник 1073 года – первая русская энциклопедия, а также хранилось около 500 рукописных греческих книг, привезенных из афонских монастырей и содержавших тексты Священного Писания, труды отцов Церкви, византийские хроники, грамматики, сочинения античных и средневековых авторов.

В монастырской атмосфере любомудрия выросли замечательные книжники, мастера церковного искусства и подвижники благочестия. Среди них – близкий духовный друг Иоанна Шушерина иподиакон и келейник Патриарха Никона, а затем, в 1681–1682 годах, настоятель обители, автор церковных гимнов и мастер акростиха архимандрит Герман[12]; келейник Святейшего Никона, резчик по дереву старец Ипполит; литейщик колоколов и многолетний строитель (эконом) Воскресенского монастыря иеромонах Сергий (Турчанинов). Все они упомянуты Шушериным в его «Известии о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона». Именно это братское содружество первых насельников Нового Иерусалима, в число которых входил и певчий Иоанн, продолжило впоследствии главные начинания своего духовного отца и учителя – Патриарха Никона и внесло значительный вклад в дело монастырского и общецерковного строительства второй половины XVII века.

Осенью 1659 года Святейший Никон уехал в другие основанные им монастыри: сначала в Иверский на Валдае, а затем – в Крестный на Кий острове в Белом море. Неизвестно, сопровождал ли Шушерин Патриарха в этой поездке, длившейся почти двенадцать месяцев. Из документов следует, что в апреле и ноябре 1661 года «для хлебной и всякой дороговли», возникшей вследствие обесценивания медных денег, Иоанну как патриаршему певчему выдавалось по 5 рублей[13]. Однако с сентября 1662 года он в штате патриаршего хора не упоминается[14]. По-видимому, с этого времени Шушерин безотлучно пребывал при Патриархе Никоне.

Всецело преданный своему духовному учителю, Иоанн быстро и точно исполнял различные его поручения, в том числе и те, которые не подлежали широкой огласке. Так, в 1665 году он участвовал в подготовке поездки Федота Тимофеевича Марисова, двоюродного племянника Патриарх Никона, в Малороссию, куда тот должен был отправиться в свите гетмана Кирилла Давыдовича, черниговского

полковника. Приехав из Воскресенского монастыря в Москву, Иоанн Шушерин вместе с Федотом Марисовым остановились на подворье Иверского монастыря. Шушерин привел туда из посольского двора гетмана Кирилла Давыдовича и вручил ему грамоты Патриарха Никона к Патриарху Константинопольскому Дионисию, Патриарху Иерусалимскому Нектарию, греку Мануилу в Валахию и к архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию Гизелю. Иоанн передал полковнику и деньги, предназначенные на проезд Марисова до Киева, а затем – до Константинополя, где Федоту предстояло получить ответные грамоты Патриархов Дионисия и Нектария, чтобы доставить их в Новый Иерусалим.

Иоанн Шушерин успешно выполнил поручение Патриарха Никона, и Федот Марисов отправился в путь. Однако в местечке Седневе он был по царскому повелению схвачен, доставлен в Москву и допрошен. Так царю стало известно об участии «Ивашки Шушерова» в подготовке тайной поездки Марисова в Малороссию[15].

В октябре 1666 года в Москве расследовали донос патриаршего сына боярского Михаила Афанасьева. Среди прочего Афанасьев назвал имена трех человек, которые «у патриарха тайные дела ведают». Это были зять Патриарха Никона (муж его двоюродной племянницы) Евстафий Глумилов, крестник Святейшего Никона Денис Далманов и «подъяк Ивашко Шушера»[16].

Тот же Михаил Афанасьев доносил, что в 1665 году Патриарх Никон тайно ездил в Москву «не ведомо к кому, а с ним ездили подъяк Иван Шушера да конюх Федор Арцыбашев»[17]. Других сведений об этой поездке нет, и достоверность их проверить сейчас невозможно. Для нас, однако, важно другое – убежденность современников в особой близости Иоанна Шушерина к Патриарху Никону, что, безусловно, было правдой. Это объясняет и тот интерес, который проявил к юному иподиакону царь Алексей Михайлович в декабре 1666 года, когда в Москве был созван для суда над Патриархом Никоном церковный Собор с участием Вселенских Патриархов.

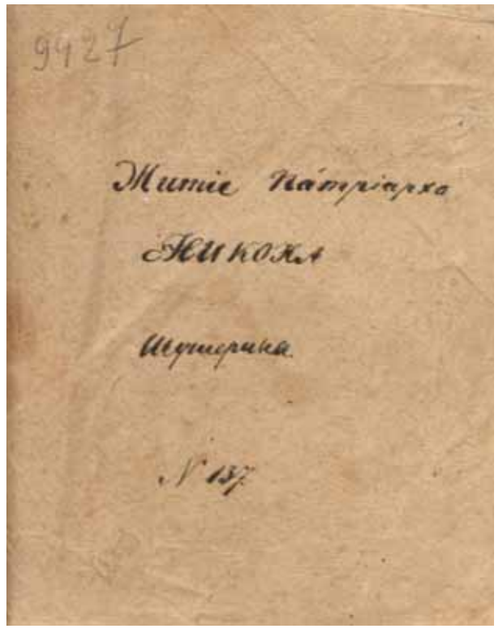
В своем «Известии о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона» Иоанн Шушерин подробно описал последнее богослужение Патриарха Никона в Воскресенском монастыре в церкви Воздвижения Креста Господня на Святой Голгофе, его поучение братии о терпении – «во еже бы им напасти и беды претерпевати с радостию Христа ради» и происшествия на пути Святейшего Никона из Нового Иерусалима в «царствующий град». Иоанн сопровождал Патриарха в этой поездке в качестве крестоносца. Он ехал на коне впереди патриарших саней с крестом в руках. У Никольских ворот Московского Кремля Шушерина остановили стрельцы. Полковник велел ему сойти с коня и объявил, что до него есть «государское дело». Иоанн передал крест Патриарху Никону и беспрекословно отдался в руки стрельцов, которые взяли его «под обе пазухи и понесоша аки на воздусе, не успевах бо ногами и до земли доткнутися»[18].

Вскоре Иоанна поставили пред царем Алексеем Михайловичем. Царь начал задавать вопросы и предупредил, что если Шушерин на них ответит, то ему свобода «того же часа будет». Если нет – сидеть ему под стражей «дондеже Бог изволит». Вопросы относились, несомненно, к делам Патриарха Никона, о которых мог знать «крестоносец подьяк». Иоанн, укрепляемый Господом, дерзновенно отвечал, что «не ведает ничтоже»[19].

Преданность учителю дорого обошлась ученику. Более трех лет он сидел под стражей в Москве, после чего был сослан в Великий Новгород. Патриарх Никон долгое время ничего не знал о судьбе своего воспитанника. Пока шел церковный Собор, некоторых людей жестоко пытали, и пронесся слух, что мучат Иоанна Шушерина. Это, однако, не соответствовало действительности, как свидетельствует сам жизнеописатель Патриарха Никона[20].

Святейший Никон в особой записке, зачитанной на Соборе 1666 года, и в беседе с государем во время суда упоминал «о тех, кто был за него мучен»[21], и просил освободить из заточения живых. Более того, он укорял самодержца за арест Шушерина, подчеркивая свое отеческое отношение к иподиакону.

«Яко той Иоанн воспитан есть при ногу нашею... – говорил царю Патриарх Никон, – оный же Иоанн жив ли или повелением твоим умучен, того не вемы»[22].



И. Шушерин. «Житие Патриарха Никона»
Рукопись XIX в.

«Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона...» М., 1871

Заступничество Святейшего Патриарха Никона не облегчило участь иподиакона. 28 октября 1667 года царь указал голове московских стрельцов Ф. Нарышкину «никоновского подьяка» взять и держать под стражей. В заточении Иоанн пробыл три года и «много зла претерпе»[23]. Затем Шушерин был сослан на родину, в Великий Новгород. Ссылка эта длилась десять лет.

Пребывание Иоанна Корнилиева сына в ссылке долгое время считалось белым пятном в его биографии. И сейчас об этом периоде жизни Шушерина известно очень немногое. Но те сведения, которые дошли до нас, позволяют предположить, что Иоанн Шушерин пользовался в Новгороде уважением как человек книжный и образованный. Он был дьяком Николо-Дворищенского собора и в первые годы царствования государя Федора Алексеевича составил синодик Новгородского Липенского монастыря[24].

По-видимому, вскоре после поселения в Новгороде Шушерин женился. Судя по синодику Крестного монастыря и поминанию его близких в Воскресенском монастыре, супругу его звали Дарьей[25]. Вероятно, здесь же, в Новгороде, у них родился сын Михаил. У Шушерина в Новгороде был собственный двор, который он, переехав в Москву, продал площадному подьячему Е.М. Водилову[26].

Возвращение бывшего иподиакона Патриарха Никона из ссылки произошло по ходатайству царевны Татианы Михайловны (1636–1706), младшей сестры царя Алексея Михайловича. В 1678/79 году Иоанн Шушерин и его сын Михаил были «взяты» в крестовые дьяки царевен «больших» (то есть сестер покойного царя Алексея Михайловича) с окладами денежным, хлебным и сукном.

Крестовые дьяки, которых содержал царский двор, набирались из лучших певцов. От простых певчих они отличались своими служебными обязанностями, в которые, кроме пения, входило исполнение различных поручений, – как правило, во внутренних покоях дворца.

В 1681/82–1683/84 годах Шушерины состояли на службе у тех же царевен с окладами: денежным – 20 рублей, кормовым – 4 рубля, 2 рубля «славленного», «причастными деньгами» на Великий и Успенский посты по 2 рубля[27].

В середине 80-х годов XVII века количество крестовых дьяков цариц и царевен состав-

ляло 57–60 человек. Обычно на получение жалования они писались в общем штате цариц Натальи Кирилловны и Марфы Матвеевны. В 1681/82–1685/86 годах в общем штате дьяков цариц Иоанн Корнильев получал годовые сукна в 5 рублей[28].

Во второй половине 80-х годов среди придворных певчих была произведена перестановка. Место общего «всех комнат» хора для цариц и царевен заняли отдельные хоры крестовых дьяков во главе со своими уставщиками – руководителями хоров. У царевен Анны Михайловны и Татианы Михайловны был совместный хор крестовых дьяков в составе 11–12 человек с окладами от 2,5 до 32 рублей. Иоанн и Михаил Шушерины состояли в 1681/82–1683/84 годах на службе у «больших» царевен с окладами: денежным 20 рублей и кормовым 4 рубля. Кроме того, они получали по 2 рубля «славленного» – за пение, прославляющее Христа в праздник Рождества Христова, и по 2 рубля «причастными деньгами» в Успенский и Великий посты, когда члены царской семьи причащались Святых Христовых Таин. Впоследствии Иоанн Шушерин имел оклад высшей категории. В 1685–1688 годах он ежегодно в декабре как дьяк «больших царевен» получал 1 рубль «патриаршего славленного»[29].

Иоанн Шушерин пользовался особым доверием и расположением царевны Татианы Михайловны, что дало ему возможность успешно ходатайствовать перед великой княжной о возобновлении строительства Воскресенского собора в Новом Иерусалиме[30].

26 августа 1681 года Иоанн Корнилиев, несомненно, присутствовал на погребении в Воскресенском монастыре Святейшего Патриарха Никона. Его описание этого события отличается чрезвычайной точностью. Заслуживают доверия и сведения о судьбе богослужебных облачений Патриарха. Так, Шушерин сообщает, что по окончании похорон царь Феодор Алексеевич осмотрел монастырскую ризницу и подарил митрополиту Новгородскому Корнилию, возглавлявшему заупокойное богослужение, «лучший саккос, алтабас белый серебреный»[31]. Действительно, в Описи имущества Софийского дома за 1736 год нами обнаружено упоминание об этом облачении («саккос алтабас серебряной гладкой...»)[32]. В Новгороде сохранялась память и о происхождении саккоса. Архимандрит Макарий указывает, что он был пожалован царем Феодором Алексеевичем митрополиту Корнилию († 1698) в 1681 году[33]. Это, несомненно, тот самый саккос, который изображен на парсуне «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря»[34]. К сожалению, пометы на полях списков Описи имущества Софийского дома свидетельствуют, что «оной саккос ветх» и «переделан на стихарь»[35].

Вероятно, вскоре после погребения Патриарха Никона Иоанн Шушерин пожертвовал в Голгофскую церковь Нового Иерусалима напрестольный серебряный вызолоченный крест, украшенный драгоценными камнями и жемчугом. В крест были вложены частицы мощей многих святых и редкие реликвии Святой Земли.

На шестигранной рукоятке помещалась надпись: «Лета 7185 (1677), июня в 4 день, построил сей крест по обещанию во обитель Св. Живоноснаго Воскресения Христова, во храм Св. Голгофы, еже есть Креста Господня, или где настоятель той обители изволит. Государынь Благоверных Царевен Крестовой Дьяк Иоанн Корнилиев Шушерин, за оставление грехов своих и в вечное поминовение по себе и по своих родителех. В нем части Св. мощей, части: а) Животворящаго Древа, б) млеко Пресвятой Богородицы, в) риза Пресвятой Богородицы, г) камень горы Голгофы, идеже изошла Кровь Христова, д) перст евангелиста Иоанна Богослова, е) древо жезла Моисеева; части Св. мощей: ж) св. Иоанна Златоустаго и св. Григория Богослова, з) апостола Андрея, и) Феодора Стратилата, і) первомученика Стефана, к) апостола Кодрата, л) св. Иоанна Милостиваго, м) св. мученицы Марины, н) св. евангелиста Матфея, о) св. Николая Чудотворца, п) св. Спиридония, р) св. Лазаря, с) св. Кирика, т) св. мученицы Татианы».

В Описи 1698 года (№ 8) этот крест описан так:

«Во 189 (1681) году Государынь Царевен крестовый дьяк Иван Корнилиев сын Шушерин пожаловал вкладу в дом святаго Живоноснаго Христова Воскресения крест серебряный золочен корсунскаго дела. На кресте Распятие Господне написано с чернью, а в нем двадцатерых мощи разных святых; а в венце у Спасова образа четыре искорки алмазных, четыре

яхонтовых красных: возглавие и в подножии два изумруда зеленых, восемь искор яхонтовых червчатых, восемь зерен кафимских. На ручках на синях три лалика, по концам на закрепках три зерна бурмицких, а вокруг того креста обнизано жемчугом в одну нить; саяние серебреное золочено; весу в том кресте полтретья фунта без осми золотников»[36].

В XIX веке крест этот находился в ризнице Воскресенского монастыря. В настоящее время его местонахождение неизвестно.

В Новом Иерусалиме хранились также «дванадесятые Минеи, писаны по дщицам среднего мастерства, в ковчежце деревянном, вклад крестоваго дьяка Ивана Шушерина»[37]. Ныне они тоже утрачены.

Боголюбивый Иоанн Шушерин был вкладчиком Воскресенского и других монастырей. После освящения Воскресенского собора, совершенного 18 января 1685 года, он вложил в Спасо-Преображенский монастырь в Старой Руссе Евангелие московской печати 1685 года[38].

В библиотеке Воскресенского монастыря находилась рукописная книга «Праздники» с экслибрисом Иоанна Шушерина. Она написана мелким уставом, местами полууставом, переходящим в скоропись, в пол-листа на 200 листах. На листе 80 в службе святителю Алексию упоминается имя царя Алексея Михайловича, при котором и написаны праздники. На листах 31 и 100 приложена черная восьмигранная печать с именем Ивана Корнильева. Вверху над именем между буквами «И.» и «К.» вырезан четырехконечный крестик: +. По мнению архимандрита Амфилохия (Казанского), «Иван Корнильев никто иной, как дьяк Шушерин, которого вклады в сем монастыре есть и другие»[39]. Ныне эта рукопись хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

Иоанн Шушерин был весьма образованным книжником своего времени. Не случайно именно ему завещал часть своих келейных книг упоминавшийся ранее крупнейший поэт Нового Иерусалима архимандрит Герман, умерший 11 декабря 1682 года. Среди келейных книг архимандрита Германа были киевские издания стихотворных трудов архиепископа Черниговского Лазаря Барановича «Аполлон христианский» (1670 год) и «Лютня Аполлонова» (1671 год), а также книги на греческом, латинском и польском языках[40].

Иоанн Корнилиев обладал несомненным литературным дарованием, умел работать с источниками. Во второй половине 80-х годов, живя в Москве, он написал «Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России». Это сочинение поставило Шушерина в ряд лучших духовных писателей России XVII века. Оно разошлось во множестве списков и неоднократно переиздавалось в XVII–XX веках, в том числе и в переводе на современный русский язык[41].

Особого внимания заслуживают новые факты о поручениях великой княжны Татианы Михайловны, которые выполнял Иоанн Шушерин в должности крестового дьяка. Так, 10 сентября 1684 года «из хором царевны Татианы Михайловны принес в Оружейную палату крестовый дьяк Иван Шушарин образ Пресвятыя Богородицы Казанские, писан на штилистовой кипарисовой цке, цка расколота, и сказал: Указала-де царевна Татиана Михайловна против сего образа написать на липовой цке образ Пресвятые Богородицы вновь добрым письмом. И октября 3-го тот образ написан и царевне в хоромы подан с старым образом»[42].

Известно, что по указанию царевны Татианы Михайловны Шушерин вел переписку со священноначалием Нового Иерусалима. Например, в ноябре 1686 года царевна Татиана Михайловна приказывала крестовому дьяку своему «Иоанну Корнильеву Шушерину... в Воскресенский монастырь отписать о церковном чине и уставе»[43]. Таким образом, в ряде случаев Шушерин исполнял обязанности и ризничего, и секретаря царевны Татианы Михайловны.

На протяжении 1680-х годов Иоанн Корнилиев о всех нуждах Воскресенской обители «пекийся непрестанно, занежъ и намерение свое имеяй по отшествии сей жизни сея во обители святой Воскресенской тело свое предати погребению близъ своего учителя»[44]. Он, несомненно, участвовал в подготовке храма Воскресения Христова к великому освящению, совершенному 18 января 1685 года Патриархом Иоакимом. Его присутствие на этих торжествах весьма вероятно.

Ранее упоминалось, что у Иоанна Шушерина был сын Михаил, переехавший вместе с отцом из Новгорода в Москву и зачисленный

в штат дьяков «больших» царевен с окладами денежным, хлебным и сукном в 5 рублей[45]. До 1689/90 года получал в хоре царевен Анны Михайловны и Татианы Михайловны в виде денежного оклада 20 рублей. После кончины Шушерина-старшего Михаилу были переданы его должность крестового дьяка и оклад в сумме 32 рублей[46]. В Описи Китай-города 1695 года двор Михаила Шушерина упоминается именно в этой части Москвы, на левой стороне Певческой улицы[47]. Возможно, здесь же жил до своей кончины и его отец Иоанн Корнилиев.

Точная дата смерти Иоанна Шушерина по-прежнему неизвестна. После сентября 1689/90 года его имя в документах не встречается[48]. Вероятно, к этому времени он уже скончался и был погребен, согласно своему завещанию, в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима, близ могилы своего учителя. Святейшей Патриарх Никон похоронен в храме Воскресения Христова под Святой Голгофой, вдоль южной стены придела Усекновения главы Иоанна Предтечи. Погребение Иоанна Шушерина находится напротив – в приделе Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, тоже вдоль южной стены.

После кончины родителя Михаил Шушерин поддерживал связи с Новым Иерусалимом. Особого внимания заслуживают две записи в «Книге приходной казенным деньгам» за 1693 год. Первая сделана в январе: «В 8 день принято у Крестоваго Дьяка у Михайла у Шушерина по отце его Иване Шушерине, за стол братии семь рублев»[49]. Вторая запись относится к апрелю: «В 7 день принято у Крестоваго Дьяка у Михайла у Шушерина в поминовение отца его Ивана Шушерина братии за стол денег пять рублев»[50].

На основании этих записей некоторые исследователи ошибочно отнесли кончину Иоанна Корнилиева к 1693 году[51]. Однако из датировок пожертвований Шушерина-сына можно сделать совсем иные выводы, если сравнить их с датами пожертвований царевны Татианы Михайловны «за стол» братии Воскресенского монастыря в поминовение Патриарха Никона. Они значатся в той же книге и относятся к 28 мая и 26 августа, причем в последний раз деньги от великой княжны передал «крестовый дьяк Михаил Шушерин»[52]. Совершенно очевидно, что царевна жаловала братию в дни, близкие к рождению и тезоименитству Патриарха (24 мая), и в дни, когда в Воскресенском монастыре отмечались кончина Святейшего (17 августа) и его погребение (26 августа). Михаил же жертвовал за поминание своего отца 8 января и 7 апреля. Если учесть, что 7 января совершается Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, то вполне логично связать с этим праздником день тезоименитства Иоанна Шушерина. В таком случае начало апреля 1689 года следует считать временем его кончины и погребения.

К сожалению, дата смерти Михаила Шушерина тоже неизвестна. Вероятно, он скончался в конце XVII – начале XVIII века. Похоронен рядом с отцом, в приделе Архистратига Михаила, но точное место его погребения, как, впрочем, и место погребения Иоанна Шушерина, не установлено. Монастырская Опись 1875 года связывает благоустроение Архангельской церкви с именами отца и сына Шушериных. «Краткая летопись» придела сообщает, что он «построен во имя св. Архистратига Михаила и прочих бесплотных Сил времен Святейшего Патриарха Никона, приведен в окончание усердием крестового дьяка царевен Ивана Корнильевича Шушерина и сына его Михаила (здесь погребенных); освящен 1690 года апреля 29 дня; был возобновлен в 1751 и 1853 годах»[53].

Крайне мало известно об оформлении места захоронения Иоанна Шушерина. Некоторые сведения на эту тему содержит монастырская «Книга ризничная» 1756 года, которая является также Книгой сверочной Описи 1737 года с описями 1751–1755 годов. В графе «По описи 1737 года» написано: «Над гробом Ивана Шушерина Деисусъ, образ Спасовъ да образ Пресвятыя Богородицы да Иоанна Предтечи в иконостасе золочен, весма ветхъ и лицъ незнать». В графе «По описям 1751, 1752, 1753, 1754 и 1755-го годов» помечено: «Несть ничево». Графа «По нынешний 1756 год» подтверждает предыдущую запись: «Сходно»[54].

Следовательно, до 1737 года над погребением Иоанна Шушерина находился в вызолоченном киоте трехчастный Деисусный чин, который к этому времени был уже «весма ветхъ». Вероятно, его убрали при возобновлении придела в 1751 году.

До конца 1996 года у южной стены трапезы Архангельского придела сохранялось кирпичное основание какого-то сооружения (возможно, надгробия), которое предание связывало с местом погребения Иоанна Шушерина.

В декабре 1996 года в Архангельском приделе велись ремонтно-реставрационные работы. Раскопки, произведенные 3 декабря, показали, что вдоль южной стены трапезы расположены в одну линию три захоронения, два из которых могут относиться к концу XVII – первой трети XVIII века. Возможно, одно из них – могила Михаила Шушерина[55].

К сожалению, раскоп не продлили до места предполагаемого погребения Иоанна Шушерина. Кирпичное основание сооружения над ним было разобрано и заменено белым камнем, впоследствии закрытым современным надгробием с Голгофским крестом, без надписи.

У Иоанна Шушерина, по предположению Н.П. Парфентьева, был внук – сын Михаила Стефан. С 1697 по 1699 год он состоял в хоре царевны Татианы Михайловны и числился крестовым дьяком. За три года его оклад вырос до 32 рублей[56].

Сведения, приведенные исследователем, вызывают ряд вопросов – прежде всего, о возрасте Стефана. Если Михаил Шушерин родился во время ссылки Иоанна Корнилиева и, следовательно, не ранее 1670 года, то ему в 1697 году было около 27 лет, а его сыну – вряд ли больше 10. В хоре царевен Стефан мог, конечно, петь, но почему он в столь юном возрасте стал крестовым дьяком с высшим окладом? Быть может, Михаил Шушерин скончался в конце 90-х годов, и его оклад был передан сыну? На эти вопросы ответа пока нет. С 1700 года имя Стефана Шушерина в штате крестовых дьяков царевны не упоминается, и о его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

По мнению А.Г. Авдеева, у Иоанна Корнилиева был еще один внук – Никита Михайлов. Этим именем подписана краткая биография старшего Шушерина в сборнике 1714 года из собрания Отдела рукописей РГБ[57]. Впоследствии биографические сведения о Шушерине вошли с некоторыми разночтениями в заключительную часть его «Известия...» о житии Патриарха Никона, но без упоминания имени автора вставки, явно инородной.

Биография Иоанна Шушерина свидетельствует о высокой оценке современниками его благочестивой жизни и литературного труда, написанного «в сладость ко слушающимъ и почитающимъ и на ведение будущимъ впредь обитающимъ во обители той Воскресенской, рекомой Новый Иерусалимъ, братии и всякаго рода христианскаго, дабы память его фундатора

Надгробие на погребении Иоанна Шушерина.
Современный вид

начална Никона патриарха незабвенна в поминовение вечно была, дондеже миръ вселенне стоит»[58]. Созданное Иоанном Шушериным «Известие...» является единственным полным жизнеописанием Святейшего Патриарха Никона XVII века. В наши дни, как и прежде, живое, полное любви и точных подробностей повествование ученика о своем учителе – интереснейшем и крупнейшем церковно-государственном деятеле своей эпохи – с увлечением и душевной пользой читают многие тысячи любителей русской истории. Шушерин писал свое «Известие...» как агиографическое произведение, сознавая, что Патриарх Никон являет собой высокий образец русской святости. Прозорливость Иоанна Корнильева несомненна: блаженный Никон вскоре после своей кончины прославился чудотворениями и почитался в XVII – начале XX века в основанных им монастырях и в местах, с ним связанных, как святой[59]. В настоящее время это местное почитание возобновлено. В Воскресенском монастыре у гробницы Святейшего Никона лежит на аналое икона, где Патриарх представлен с нимбом вокруг главы. О народном почитании Святителя Никона свидетельствуют его многочисленные скульптурные, иконные и колокольные изображения в разных городах, храмах и монастырях России[60].

В заключение отметим, что в начале XXI века над предполагаемым местом погребения Иоанна Шушерина в трапезе Архангельского придела находилась икона Воскресения Христова с праздниками, помещенная в резной деревянный киот. Образ был закрыт окладом, в прорезях которого ранее с трудом просматривались темные лики святых. Постепенно икона начала самообновляться, ее изображения светлели, краски обрели первоначальный цвет. Это можно сказать и о личности Иоанна Шушерина. Со временем она открывается нам все больше, ее духовный облик видится отчетливей и ярче.

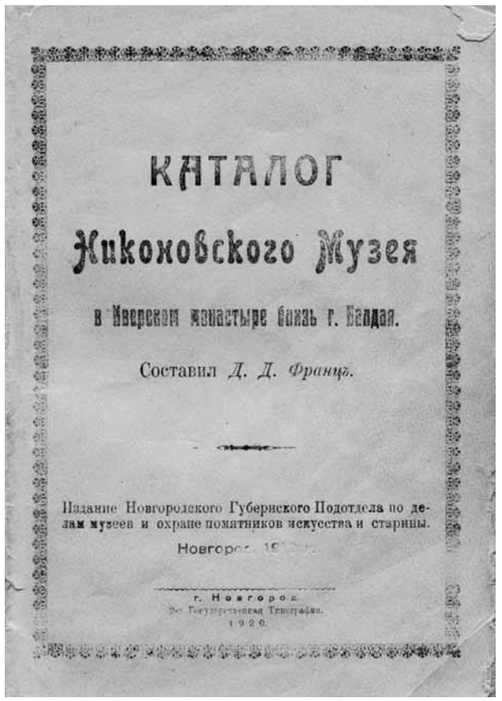
Н.П. Яковлева
Валдайский филиал Новгородского музея-заповедника

НИКОНОВСКИЙ МУЗЕЙ ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Подготовка к открытию Никоновского музея Иверского монастыря началась в конце 1918 года[1]. В январе 1919 года после возвращения обители конфискованных в 1918 году вещей из монастырской ризницы из их состава для музейного собрания были отобраны древние, имеющие большое историческое и художественное значение предметы.

Вопросами организации музея занимался его первый директор – Дмитрий Дмитриевич Франц (1870–1940), человек широко эрудированный, образованный, интеллигентный. Он родился, воспитывался, учился и работал в Петербурге. В 1894 году закончил физико-математический факультет Петербургского университета. Состоял на службе в Главном управлении почт и телеграфов, занимался преподавательской деятельностью. Будучи специалистом в области физики и математики, он глубоко изучал отечественную и мировую историю. В 1918 году он находился в городе Валдае[2], поэтому не случайно именно ему поступило предложение Главмузея Наркомпроса создать и возглавить музей в Иверском монастыре[3]. Одновременно Д.Д. Франц вел большую просветительскую и преподавательскую работу в городе Валдае[4].

Создание Никоновского музея Иверского монастыря имело огромное значение в деле сохранения уникальных художественных и исторических памятников XVII–XVIII веков: из обширного состава монастырской ризницы, книгохранилища, храмовых реликвий сохранилось только то, что оказалось в музейном собрании. Сегодня о нем можно судить по составленному Д.Д. Францем каталогу, изданному в 1920 году Новгородским губернским подотделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины[5]. В каталоге описаны 455 предметов, размещенных под 333 порядковыми номерами, соответствующими музейным инвентарям. При этом в подавляющем большинстве каждый предмет имеет достаточно подробное описание со всеми необходимыми историческими пояснениями, с указанием размеров и веса, если речь шла о драгоценных металлах. Некоторые идентичные вещи сгруппированы и записаны под одним номером: 6 серебряных дорожных стаканов, вложенных в 1655 году в Иверский монастырь Патриархом Никоном[6], 3 рукописные книги «Октоих», вложенные в обитель в 1735 году петербург-


КАТАЛОГ
Никоновского Музея
в Иверском монастыре близъ г. Валдая.
Составил Д. Д. Франц.
Издание Новгородского Губернского Подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины.
Новгород 19
г. Новгород
2-я Государственная Типография.
1920.

Обложка каталога Никоновского музея

Церковь Архангела Михаила,
в которой размещался Никоновский музей

ским купцом Н. Осиповым[7], 2 подсвечника серебряных выносных примикарных XVII века[8]. Под девятью номерами поставлены группы монет общей численностью 125 экземпляров[9].

Музей разместился в паперти надвратной церкви Архангела Михаила, где и до революции выставлялись вещи, имеющие особое церковно-историческое значение. В экспозиции были представлены: 33 иконы «древнего письма»; 5 произведений живописи, в том числе портреты Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича; 7 окладных напрестольных Евангелий XVII–XVIII столетий, 119 книг XVII–XVIII веков, в том числе 34 рукописные; а также редкие издания типографий Иверского и Кутеинского монастырей, книги московской, львовской, киевской, виленской печати; 42 грамоты храмозданные, храмоосвятительные, дарственные, из которых 10 – новейшие списки с документов XVII века; 29 храмовых и священнических облачений; 54 церковно-ризничных предмета из серебра, 1 – из золота, 21 – из меди, олова и чугуна, 8 – из кости и камня, 14 – из дерева; а также 125 русских и иностранных медных монет XVIII века.

К моменту закрытия музея в 1933 году в его коллекции находились и вещи, не указанные в каталоге. Они были переведены в музейный состав из монастырских храмов и ризницы уже после издания каталога, то есть в 20–30-х годах XX века[10].

В 1933 году, в связи с закрытием Никоновского музея, большая и лучшая часть его коллекции была передана Главмузеем Воскресенскому музею, расположенному в Ново-Иерусалимском монастыре, построенном, как и Иверский, Патриархом Никоном. В Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре Музей Святейшего Патриарха Никона был основан в 1874 году настоятелем обители, известным историком и археографом архимандритом Леонидом (Кавелиным; 1822–1891)[11].

Список передаваемых из Иверского монастыря вещей сохранился и находится ныне в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим».

Передаточные акты были подписаны последним заведующим Валдайским монастырем-музеем К.В. Борисовым, при котором созданный в Иверском монастыре Никоновский музей получил антирелигиозную направленность.

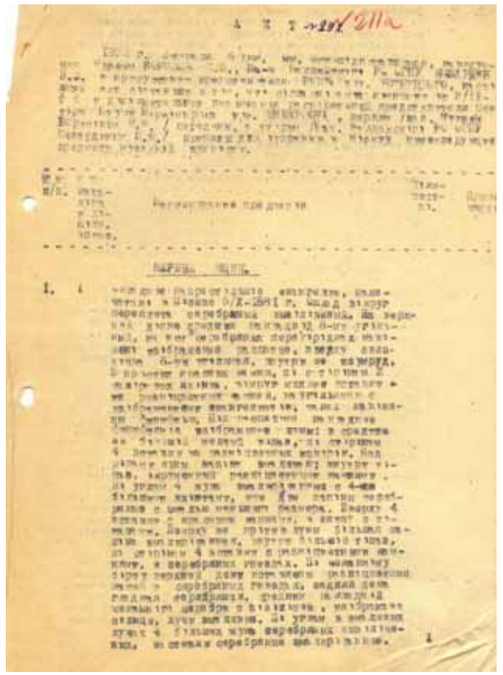
В 20-е годы Д.Д. Франц, человек православный, с большим уважением и любовью относившийся ко всему, что было представлено в музейном собрании, к истории Иверского монастыря и личности Святейшего Никона, уже не мог противостоять грубому атеистическому давлению начальства, поэтому вынужден был оставить музейную службу. Он занялся преподавательской деятельностью сначала в городе Валдае (с 1923 года значился учителем физики, химии и математики Валдайской железнодорожной школы)[12], затем в городе Ленинграде, в Технологическом институте[13].

На смену Д.Д. Францу в 1924 году[14] пришел пожилой, не очень озабоченный наукой, но хозяйственный и умеющий ладить с начальством В.М. Лукашевич[15], которого затем сменил К.В. Борисов.

В конце сентября 1931 года заведующему Валдайским монастырем-музеем К.В. Борисову пришел вызов Музейного сектора Ленинградского областного отдела народного образования на 10-месячные курсы повышения квалификации при Институте истории и философии с зачислением на это время на работу в Петергофское управление дворцов-музеев. На место К.В. Борисова для его замещения, а главное, для реорганизации музея в октябре 1931 года в Иверский монастырь прибыл научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры[16]. До августа 1932 года К.В. Борисов находился на курсах. За это время и были отобраны наиболее художественно и исторически ценные вещи для вывоза их из монастыря. В феврале 1933 года, после «специальных дополнительных письменных распоряжений» представителя сектора науки Наркомпроса (и одновременно директора Истринского музея) Н.А. Шнеерсона, в присутствии директора Валдайского монастыря-музея К.В. Борисова, начальника Валдайского ОГПУ П.Ф. Шевардина, представителя Валдайского райисполкома Устрицкого 153 музейных предмета, обозначенных в описи под 142 порядковыми номерами, были упакованы в 2 сундука и отравлены в Москву[17]. 1 марта 1933 года они были переданы научному сотруднику Истринского государственного краевого музея Н.А. Баклановой, о чем свидетельствует сдаточно-приемочный акт № 211 (294) от 01.03.1933 года.

Необходимо заметить, что помимо вещей, указанных в акте от 6 февраля 1933 года, в документ от 1 марта 1933 года были дополнительно вписаны еще 3 предмета[18]. Таким образом, из Иверского монастыря передавалось 156 музейных предметов. В их числе были 35 икон, 39 облачений, 7 напрестольных окладных Евангелий, 66 церковно-богослужебных предметов, выполненных в основном из серебра, 9 крестов напрестольных и наперсных. При этом 37 музейных предметов не значились в каталоге Франца, они поступили в собрание Никоновского музея позднее.

Если в каталоге Д. Франца вещи указаны под 333 порядковыми номерами, то в акте приема-сдачи 1933 года значатся учетные обозначения до 447 номера[19]. Список музейных предметов каталога Д.Д. Франца был продолжен в дополнительной описи, которая, как и каталог, представляла собой книгу поступлений. Основой для ее составления являлись



Передаточный акт
№ 211а (292) от 06.02. 1933 года

записи в Ризничной книге Иверского монастыря, которые тщательно выверялись, исправлялись, дополнялись. Д. Францем была изменена, уточнена атрибуция некоторых вещей. Так, древняя икона, названная в ризничной описи образом преподобного Сергия Радонежского, при тщательном рассмотрении оказалась иконой преподобного Варлаама Хутынского[20]. Это же относится и к Смоленской иконе Божьей Матери, обозначенной в ризничной описи как Иерусалимская икона Божьей Матери[21]. Безымянная икона Божьей Матери атрибутирована Д. Францем как Владимир-Волынская икона Божьей Матери[22]. Прочтение текста тропаря, вышитого на палице, позволило определить нашитую на ней икону как Смоленскую икону Божьей Матери, а не Иверскую, как сообщает ризничная опись[23].

В атрибуции музейных вещей автор каталога использовал документы Иверского монастыря XVII века, изданные архимандритом Леонидом (Кавелиным) и известные как «Акты Иверского Святоозерского монастыря»[24]. Во

вступительной статье к «Актам» архимандрит Леонид описывает наиболее интересные древности ризничного собрания[25]. Необходимо заметить, что это одно из первых описаний ризницы Иверского монастыря, если не считать «Опись иконам, утвари и прочему имуществу соборной церкви Иверского монастыря», составленную в декабре 1656/1657 года и опубликованную в XIX веке тем же автором[26]. Достаточно часто ссылаясь на труд архимандрита Леонида как самый авторитетный, Д. Франц делает исправления, уточнения и в нем. Это относится к монашеским схимам, которые архимандрит Леонид относит к работам кутеинских старцев XVII века, а Д.Д. Франц определяет их как изделия новейшего времени, на которые были перенесены древние изображения херувимов[27]. К числу позднейших копий Д. Франц относит и одну из музейных палиц[28]. Автор каталога вводит изменения и дополнения в описание книги иверской печати «Брашно духовное»[29].

Особое значение в каталоге Д.Д. Франца имеют приводимые автором многочисленные терминологические пояснения слов, не совсем понятных светскому (тем более советскому) читателю, таких как: «неристерий», «примикарий», «анфологион», «ирмологий», «триодь», «октоих», «диоптра», «лествица», «патерик», «синодик»[30] и пр. Кроме того, в каталоге приводятся исторические справки о знаменитых монастырских вкладчиках: Патриархе Иоакиме[31], игумене Кутеинского Богоявленского монастыря Иоиле (Трубецкиче)[32] и др.

Основу коллекции музея и ее гордость составляли вклады Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Несмотря на многочисленные утраты и изменения в составе монастырской ризницы, связанные с пожарами, войнами, с перемещением вещей в другие монастыри и храмы, в начале XX века в Иверском монастыре хранилось около трех десятков никоновских реликвий: серебряные ковши[33], тарелочки[34], блюда[35], стопы[36], стаканы[37], потиры[38], кубок[39], лампада[40], а также посохи[41], стихарь[42], четки[43], книги[44]. Почти все эти мемориальные вещи сохранились и находятся в основном в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим». Это делает возможным знакомство с ними и позволяет составить представление о коллекции Никоновского музея Иверского монастыря.

В музейном каталоге описаны пять серебряных ковшей для теплоты. Четыре из них (№ 17, 18, 20, 21)[45] значатся как «пожалованные Патриархом Никоном»[46], пятый (№ 19)[47] просто отнесен к «временам Патриарха Никона», тем более что на нем поставлена не патриаршая вкладная надпись, а подьячего Андрея Иванова сына. Надпись сделана по наружному вызолоченному венцу и, помимо имени вкладчика, выражает благопожелание «пити из нея на здравие в славу Божию, а не упиватися»[48]. Интересна ручка этого ковша, выполненная в виде мужской фигуры «в русском одеянии с шапкою мурлоткою на голове», как пишет Д. Франц[49], и рукой, держащейся за бороду. По обеим сторонам от фигуры изображены утицы. На одном из никоновских вкладных ковшей тоже поставлена надпись о «питии». С наружной стороны венца по позолоченному полю вязью написано: «ЧАРКА ДОБРА ЧЕЛОВЕКА, ПИТИ ИЗ НЕЯ НА ЗДОРОВЬЕ, МОЛЯ БОГА, ХВАЛЯ ГОСУДАРЯ»[50]. С оборотной стороны поддона вырезана вкладная надпись: «СВЯТЕИШИИ НИКОН ПАТРИАРХ»[51]. По зеркалу, внутри вызолоченной мишени, – «травы черневой наводки»[52].

Хранитель фонда драгоценных металлов новоиерусалимского музея Е.И. Рогожкина атрибутирует ковши как работы нидерландских мастеров первой половины XVII века[53]. Это относится в первую очередь к ковшам с изображением плавающих в море дельфинов и кита, описанным в каталоге Д. Франца под № 17, 20[54]. Не меньший интерес представляет ковш под № 21 с изображением чалмы, полумесяца, шестиконечной звезды и буквенных обозначений: «М. А. Г. М.» (Магомет. – *Д.Ф.*)[55]. На этом ковше, как и на вышеназванных, поставлена вкладная надпись: «163 (1655) ГОДУ НИКОН ПАТРИАРХ В ЫВЕРСКОИ МНСТРЬ».

Из числа серебряных блюд и тарелей особый интерес представляет блюдо, описанное в каталоге под № 48[56], по широкому борту которого среди декора вычеканены изображения двух птиц, львицы и быка, а также геральдического знака. По краю оборотной стороны борта выгравирована вкладная надпись: «ЛЕТА 7162-ГО (1654) СЕНТЯБРЯ В 1 ДНЬ СИЕ БЛЮДО ПОЛОЖИЛ ВЧНЫХ РАДИ БЛГ ВЕЛИКИ ГСДРЬ СТШИИ НИКОН ПАТРИАРХ МОСКОВСКИИ И ВСЕЯ РУСИИ В ДОМ ПРЧСТЫЕ БДЦЫ ИВЕРСКИЕ, ЧТО НА СТЕ ОЗЕРЕ, А КТО СИЕ БЛЮДО КАКОЮ МРОЮ В КОРЫСТЬ СЕБЕ ВОЧТЕТ, ДА ДАСТ БГ ЕМУ ТАКОВОЕ ЗЛО, ЯКОЖЕ АНАНИИ И САПФИРЕ»[57].

В связи с этим хотелось бы отметить, что во вкладной надписи, сделанной на страницах Минеи, за несколько лет до того вложенной в Софийский собор митрополитом Новгородским «смиренным Никоном», тоже поставлено предостережение против святотатства изъятия книги из храма, иначе «судит Бог в день судный яко ж Ананию и Сапфиру»[58].

На указанном блюде, так же как еще на двух подобных ему[59], но не вошедших в каталог (они позднее были записаны в дополнительной описи под № 343, 344[60]), стоят клейма немецкого города Аугсбурга первой половины – середины XVII века[61].

В музее были представлены и два набора тарелей русских мастеров серебряных дел. Один набор состоял из трех глубоких вызолоченных тарелей с изображениями Богоматери Знамение, Голгофы на фоне Иерусалима, Иоанна Предтечи[62]. По бортам в картушах гравированы литургические тексты. На оборотах бортов в 1653 году вырезаны одинаковые вкладные надписи: «161 ГОДА, ВЕЛИКИИ ГОСУДАРЬ СВЯТЕИШИИ НИКОН, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИИ И ВСЕЯ РУСИИ, СИИ СОСУДЫ ПОЛОЖИЛ НА МОНАСТЫРЬ ПРЕЧИСТЫЕ БОГОРОДИЦЫ ИВЕРСКИЕ И ВЕЛИКАГО СВЯТИТЕЛЯ ФИЛИППА МИТРОПОЛИТА, ЧТО НА ВАЛДАЕ»[63]. Другой набор представлен двумя серебряными тарелями с узкими бортами и гравированными изображениями Богоматери Знамение и Голгофы на фоне Иерусалима[64]. На оборотах бортов обеих тарелей вырезаны лаконичные вкладные надписи: «НИКОН ПАТРИАРХ»[65]. Необходимо заметить, что тарелей с подобными сюжетами в ризнице Иверского монастыря было немало[66], но только эти пять экземпляров были обозначены патриаршими надписями, поэтому и включены в музейное собрание.

В 1933 году в Воскресенский музей были переданы еще два серебряных блюда работы европейских мастеров XVII столетия: одно из них – с тремя эмблемами времен года[67], другое – с изображением мальчика, несущего гроздья винограда[68], а также две тарели: одна с фестончатыми краями и резной надписью «НИКОН», другая с вкладной надписью 1604 года жены «окольничева Ондрея Петровича Клешнина Орины»[69]. Из этих четырех предметов в музее «Новый Иерусалим» сегодня хранится только последняя упомянутая вещь[70], судьба других неизвестна.

К числу личных вещей Патриарха Никона, вложенных в Иверский монастырь, относится набор из шести серебряных дорожных стаканов[71]. Стаканы работы нидерландских мастеров из Утрехта первой четверти XVII века орнаментированы по краям бортов и имеют резную надпись по тулову: «163 (1655) ГОДУ НИКОН ПАТРИАРХ В ЫВЕРСКОИ МНСТРЬ»[72]. К этому же типу предметов относятся две серебряные стопы с такими же патриаршими вкладными надписями. Большая стопа сплошь вызолочена, имеет гладкое, без декора, тулово[73]. Меньшая, работы нюрнбергского мастера XVI века Павла Дульнера[74], декорирована чеканным орнаментом, в верхних «сердечках» которого вырезана такая же вкладная надпись, как и на стаканах[75]. Поддон украшен изображениями маскаронов и плодов, установлен на трех круглых прорезных ножках-бубенчиках[76].

В музее «Новый-Иерусалим» хранятся несколько потиров и кубков, вложенных Патриархом Никоном в Иверский монастырь. При этом один из них самим Патриархом был перемещен в 1655 году в Воскресенский монастырь, о чем свидетельствует вкладная надпись[77], четыре других до 1933 года находились в Иверском монастыре и экспонировались в Никоновском музее.

Одним из первых вкладов Патриарха в только что созданную на Валдайском озере обитель был потир[78] работы русских мастеров с гравированными по чаше медальонами с изображением поясного Деисуса и Голгофского креста с орудиями страстей. По краю чаши поставлена крупная литургическая надпись. Но особый интерес представляет вкладная надпись, мелко гравированная по поддону и строжайше запрещающая забирать у Иверской обители эту вещь: «161-ГО (1653) АВГУСТА 12 ВЕЛИКИИ ГСДИРЬ СВТШИИ НИКОН ПАТРИАРХ МОСКОВСКИИ И ВСЕЯ РУСИИ ПОЛО-

ЖИЛ СИ ЦЕРКОВНЫЕ СОСУДЫ В ДОМ ПРЧСТЫЕ БДЦЫ ИВЕРСКИЕ И ВЕЛИКОГО АРХИЕРЕЯ НОВОГО ИСПОВЕДНИКА ФИ(ЛИ)ППА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИИ НА ВОЛДАИСКОМ Е(З)ЕРЕ В ВЧНОИ ПОМИН СЕБЕ, АЩЕЛИ КТО ОТ (БЕ)З(С)ТРАШИЯ ПРЕОБИДИТ ДОМ ПРЕСВТЫЯ БДЦЫ И ВЕЛИКОГО УГОДНИКА ФИЛИППА И СИЕ СОСУДЫ ИЗНЕСЕТ И ТОГО СУДИТ ПО НЕПРАВДЕ ЕГО ЯКО СВ(Я)ТОТАТЦА»[79].

В тот же день, 12 августа 1653 года, такой же текст поставлен Святейшим на Кормчей книге, вложенной во вновь созидаемую обитель[80].

В собрании Никоновского музея находился и редкостный кутеинский потир[81], обозначенный в монастырских описях как вклад Патриарха Никона в Иверский монастырь[82]. Его гладкая чаша словно вставлена в прорезной декоративный чехол, в трех картушах которого вычеканены композиции «Воскресение Господне», «Крещение», «Христос во гробе» и головки херувимов в промежутках между ними. Под чашей – граненое яблоко с чеканными плодами и шестью разноцветными кастами. На чеканных ложках поддона изображены чередующиеся четыре фигуры святителей и четыре херувима. На оборотной стороне основания вырезан текст о даче в Кутеинский монастырь в 1651 году рабой Божией Евдокией Кошелиной вклада «за отпущение грехов своих и сына своего Михаила». На потире была (теперь, видимо, утраченная) серебряно-вызолоченная крышка с вычеканенными головками херувимов[83].

Из Никоновского музея происходит потир с чашей из горного хрусталя с серебряной оправой, поддоном чеканного серебра с накладными серебряными цветами, украшенными эмалью и камнями. Два изумруда оформляли и стоян этого потира[84].

В «Новом Иерусалиме» находится и изящный, богато декорированный орнаментом, изображениями агнцев, херувимов и женских головок (или человеческих личин, как это определяет архимандрит Леонид[85]) серебряно-вызолоченный кубок работы нюрнбергских мастеров, принадлежавший Патриарху Никону[86].

Кроме того, в Истре хранится и серебряно-вызолоченный панагиар[87], переделанный в России в XVII столетии из английского кубка XVI века[88]. Завершенная крестом крышка с внутренней стороны имеет гравированное изображение Святой Троицы. На дне панагиара вырезано Знамение Божией Матери[89].

К числу личных вещей Патриарха Никона относится серебряная солонка[90], использовавшаяся позднее в качестве ладанницы[91]. В публикациях XIX века она непременно упоминается в числе достопримечательностей ризницы Иверского монастыря[92]. Она выполнена в форме ладьи, имеет откидную крышку с навершием в виде льва, стоящего на задних лапах. Наряду с солонкой обычно упоминается и серебряная мыльница из собрания Никоновского музея[93]. Среди ее богатого чеканного декора в четырех мишенях сделаны изображения Нептуна с трезубцем, Нептуна на дельфине, Нептуна на крылатом морском коне, Нептуна, несущего на спине рыбу[94].

На серебряной лампаде[95], происходящей из церкви Богоявления Господня Иверского монастыря[96], поставлена вкладная патриаршая надпись: «163 (1655) ГОДУ НИКОН ПАТРИАРХ В ЫВЕРСКОИ МНСТРЬ». Лампада была представлена в Никоновском музее, а затем передана в Воскресенский. Чаша расчеканена овальными ложками, по которым выгравирован текст надписи. Венчик оформлен резным орнаментом с трилистниками, повторенными в декоре гирьки[97]. По мнению Е.И. Рогожкиной, лампада переделана из кубка, изготовленного в Аугсбурге (Германия)[98]. Правда, с чем невозможно согласиться, так с тем, что переделки были произведены в Воскресенском монастыре, куда, по мнению этого исследователя, она была передана в XVII веке[99]. Однако в начале XX столетия лампада, как и прежде, находилась в Богоявленской церкви Иверского монастыря[100], затем экспонировалась в Никоновском музее[101], а в 1933 году в числе других музейных предметов перемещена с Ивера в Новый Иерусалим[102].

Из Никоновского музея Иверского монастыря происходят и янтарные четки Патриарха Никона, хранящиеся теперь в «Новом Иерусалиме»[103]. Четки составлены из граненых желтых бусин разной величины: двух крупных, десяти средних, тридцати двух малых. На конце установлена крупная бусина с четырехконечным крестом, собранным из шести малых бусин[104]. При этом необходимо обратить внимание на ошибочность мнения сотрудников музея «Новый Иерусалим» относительно происхождения четок из захоронения Патриарха Никона, вскрытого его погребения, в 30-е годы XX века[105]. Совершенно точно документально подтверждается факт того, что в 1933 году данные четки поступили в Воскресенский музей не из погребения, а из Никоновского музея Иверского монастыря[106].

В ризничном, а потом и музейном собрании Иверского монастыря были представлены и царские вклады. В 1653 году[107] по благословению Патриарха Никона царь Алексей Михайлович вкладывает в новгородскую церковь Бориса и Глеба серебряное вызолоченное кадило[108], переданное позднее в Иверский монастырь. Кадило чеканной работы. Крышка завершается чешуйчатой главкой с крестом. Отдушины на крышке – в форме равноконечных крестов, на барабане главки – в виде стрельчатых окон. Крышка и тулово разбиты гладкими и орнаментированными ложками. На гладких ложках выгравирована в две строки вкладная надпись.

Еще одно серебряное кадило[109] царем Алексеем Михайловичем было первоначально вложено в Новгородский Савво-Вишерский[110] монастырь, а затем в 1654 году им же переведено в Иверский, что обозначено в надписи: «...ЛЕТА 7162, СЕНТЯБРЯ В 1 ДЕНЬ, ВЕЛИКИИ ГОСУДАРЬ И ВЕЛИКИИ КНЯЗЬ АЛЕКСИИ МИХАИЛОВИЧ ВСЕЯ РУСИИ СИЕ КАДИЛО ПОЛОЖИЛ В СВОЕ ГОСУДАРЕВО БОГОМОЛИЕ ПРЕЧИСТЫЕ БОГОРОДИЦЫ ИВЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ, ЧТО НА СВЯТЕ ОЗЕРЕ, В СТРОЕНИЕ ОТЦА СВОЕГО И БОГОМОЛЬЦА СВЯТЕИШАГО НИКОНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РУСИИ».

В Никоновском музее экспонировался и напрестольный серебряный вызолоченный крест[111] – новгородский вклад царя Алексея Михайловича, сделанный по челобитью Святейшего Никона в 1652 году, в бытность его на Новгородской митрополичьей кафедре, о чем свидетельствует надпись на оборотной стороне рукояти: «160 ГОДА ИЮЛЯ В 12 ДЕНЬ СЕИ ЖИВОТВОРЯЩИИ КРЕСТ ГДНЬ ПОЖАЛОВА(Л) ГДРЬ ЦРЬ И ВЕЛИКИИ КНЗЬ АЛЕКСИИ МИХАИЛОВИЧЬ ВСЕЯ РУСИИ В ВЕЛИКИИ НОВГОРО(Д) К СВОЕМУ ГОСУДАРЕВУ К АНГЕЛУ АЛЕКСЕЮ ЧЛКУ БЖУЮ, ПО ЧЕЛОБИТИЮ ПРЕОСВЩЕННАГО НИКОНА МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО И ВЕЛИКОЛУЦКАГО»[112]. На лицевой стороне восьмиконечного креста сделано чеканное изображение Распятия Господня с четырьмя полуфигурами предстоящих Богоматери, Марии Магдалины, Лонгина сотника и Иоанна Богослова. В нижнем средокрестии изображен святитель Николай Мирликийский. На лицевой стороне рукояти – чеканный растительный орнамент, на оборотной – вкладная надпись.

Еще одним царским вкладом является серебряная звездица[113], на дугах которой в 1653 году сделана черненая надпись: «ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСИЯ МИХАИЛОВИЧА...». По центру лучей звездицы в кругах гравирован текст: «ЗВЕЗДЕ ПРИШЕД ИДЕЖЕ БЕ ОТРОЧА И СТА ВЕРХУ»[114].

Из Никоновского музея происходит и серебряный вызолоченный неристерий XVII века[115] в виде голубя, символизирующего Святой Дух. Фигурка полая, с верхним отверстием, закрывающимся круглой крышкой. Неристерий висел над престолом соборного храма Иверского монастыря и служил для хранения запасных Святых Даров.

Практически все изделия из драгоценных металлов, экспонировавшиеся в Никоновском музее, были переведены в «Новый Иерусалим». В передаточных актах 1933 года не числятся два серебряных вызолоченных наперсных гайтанных креста XVII века[116], серебряно-вызолоченные четырехугольные рипиды XVII века[117], подсвечники серебряные разборные примикарные[118], серебряный кувшин XVII века[119]. Судьба этих вещей нам пока неизвестна, поиск сведений о них продолжается. К числу непереданных относятся серебряно-вызолоченный напрестольный крест[120], похищенный из Никоновского музея, а также золотая панагия[121] с алмазами и зеленой нефритовой камеей. Панагия принадлежала митрополиту московскому Платону (1737–1812), получившему ее в 70-е годы XVIII века в качестве дара от Папы Климента XIV(1769–1774), затем передана митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Серафиму, который вложил ее в

Иверский монастырь. В ризнице Иверского монастыря были и другие золотые вкладные вещи, причем в ризничной описи поставлены отметки о передаче их в музей. Это касается крестов, оставшихся в XIX веке после смерти иверских архимандритов Лаврентия (Макарова), Герасима (Гайдукова), Арсения (Кайзерова)[122]. К моменту закрытия Никоновского музея золотых вещей в его собрании уже не было; видимо, они были изъяты в пользу государства.

Помимо драгоценных металлов, патриарших и царских вкладов в Воскресенский монастырь были отправлены все иконы за исключением трех[123]. При этом одна из них числилась похищенной[124]. Судьба двух других икон XVII века, привезенных в Валдай из Кутеинского монастыря, неизвестна.

Не были отправлены в «Новый Иерусалим» портреты Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича[125], а также картина XVII века с изображением Иверского монастыря на Афонской горе в Греции[126].

Все облачения архиерейские, священнические, дьяконские, а также облачения престолов и жертвенников, плащаницы, воздухи и покровцы тоже были перевезены в Истру. Исключение составляли антиминс XVII века[127], местонахождение которого неизвестно, а также митра новейшей работы (по определению Д. Франца) с серебряно-вызолоченными чеканными образами святителя Филиппа и святого праведного Иакова Боровичского, снятыми с митры XVII века[128]. Эта митра была похищена из Никоновского музея, о чем сделана запись в ризничной описи[129].

В списках вещей, увозимых в 1933 году из Иверского монастыря, совершенно не значатся книги[130] (за исключением 7 окладных Евангелий)[131], грамоты[132], монеты[133], мебель и другие изделия из дерева: подсвечники XVII века[134], посохи XVII века[135], кресты напрестольные XVII века[136], а также коробка для митры[137], сундук XVII века, инкрустированный разноцветной костью[138], столы XVII века[139], резные диван и кресло начала XVIII века[140]. Не были отправлены и изделия из чугуна, жести, меди и других материалов, а именно: чугунные пушки XVII века весом в 12 и 20 пудов[141], медный и жестяной посохи XVII века[142], наперсные

Блюдо с рельефным изображением «Валаам на ослице». *XVII в.*

кресты из яшмы, меди и кости неизвестного святого[143], блюда медные XVII века с вкладными надписями боровичского купца А. Шульгина[144], медная вылуженная орнаментированная водосвятная чаша начала XVIII века[145], бронзовое паникадило XVII века[146], вериги в том числе, железный параман, принадлежавший игумену Кутеинского монастыря старцу Иоилю, который в 1655 году выводил белорусских монахов из-под польского нашествия на Валдай и, отойдя ко Господу, был погребен в паперти главного храма Иверского монастыря[147].

Есть основания предполагать, что практически все указанные вещи были оставлены в Иверском монастыре, а затем перевезены в город Валдай во вновь создаваемый музей.

В 1952 году в связи с закрытием Валдайского краеведческого музея часть музейных предметов была передана Боровичскому краеведческому музею. Среди них были и экспонаты бывшего Никоновского музея. До декабря 2008 года они так и хранились в фондах Боровичского филиала Новгородского музея-заповедника. В их числе 4 больших медных блюда, вложенных в Иверский монастырь боровичским купцом А. Шульгиным. На одном из них выбито рельефное изображение Валаама на ослице, удерживаемого Ангелом. По бортам сделаны чеканные изображения голубей и плодов[148]. На двух других блюдах – сюжеты, посвященные Адаму и Еве: в одном случае это сцена прельщения Адама и Евы Змием[149], в другом – изгнание Адамы и Евы из рая[150]. На орнаментированных полях этого блюда изображены фигуры фантастических животных: оленей, единорогов, собак. Еще одно медное блюдо отмечено надписью «1661 JOSUWA KALEP» и изображением двух человек, несущих виноградную ветвь[151]. Собственно только на одном из этих четырех блюд на поддоне поставлена резная вкладная надпись купца А. Шульгина[152]. Относительно трех остальных сообщается, что «по преданию» они являлись даром А. Шульгина. В декабре 2008 года два из указанных блюд переданы на хранение в Валдайский филиал Новгородского музея-заповедни-

Блюдо с изображением сюжета «Изгнание Адама и Евы из рая». *XVII в.*

Малый синодик Иверского монастыря. *Рукопись XVII–XVIII вв.*

Пушка. XVII в.

ка[153]. Еще два экспонируются в Боровичском филиале Новгородского музея-заповедника[154].

Хранящиеся в Боровичском филиале Новгородского музея-заповедника вериги, водосвятная медная чаша, напрестольные кресты, вероятно, тоже из числа предметов Никоновского музея[155].

В Боровичах хранились и книги из Никоновского музея, переданные в декабре 2008 года в Отдел хранения рукописных и старопечатных книг Новгородского музея-заповедника. В их числе рукописный Малый синодик Иверского монастыря XVII века, страницы которого богато декорированы орнаментом (Табл., № 5). Издания XIX века сообщают и о Большом синодике Иверского монастыря, который теперь находится в Новгородском музее[156]. В составе коллекции Никоновского музея он не числился, так как в начале XX века был передан в Новгородский епархиальный музей[157]. В связи с синодиками Иверского монастыря хотелось бы отметить особое историческое значение росписей родословных вкладчиков Иверского монастыря – как представителей древнейших дворянских родов России, так и жителей Валдая, в том числе колокололитейщиков Терских, Стуколкиных, Митрофановых, купцов Плюшкиных, помещиков Квашниных-Самариных и т. д.

Не меньший интерес представляют и рукописные книги XVII века: «Слова св. Иоанна Златоуста» и «Святого Исаака Сирина слова подвижнические» (Табл., №8, 3), хранившиеся в Боровичском филиале Новгородского музея-заповедника.

В Валдайском филиале Новгородского музея-заповедника от собрания Никоновского музея сохранилась только 12-пудовая пушка XVII века[158] и некоторые образцы монет[159].

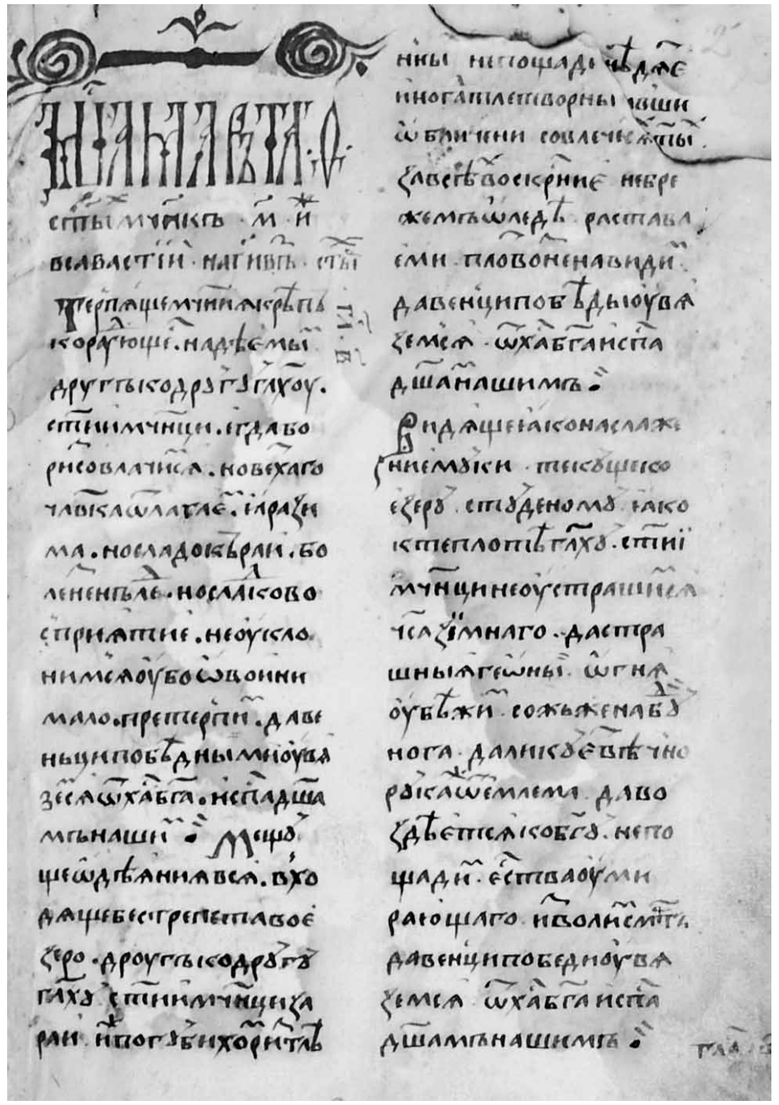
В фондах Новгородского музея-заповедника хранится большая часть книжной коллекции Никоновского музея. В основном эти книги (вместе с другими книгами из ризницы Иверского монастыря) поступили в 1952 году из Валдайского краеведческого музея в связи с его упразднением в библиотеку Новгородского музея. В 1979 году приказом Министерства культуры они были выделены из библиотечного фонда и определены в основной музейный фонд. На централизованный музейный учет книги были поставлены в январе 1981 года[160].

Кроме того, в 1979 году из Валдайского музея в Новгородский музей-заповедник поступили книги из библиотеки Иверского монастыря, поставленные на централизованный учет в

1980 году[161]. Среди этих книг были два тома очень редкой книги на греческом языке Адама Зоирникабиоса «Трактат об исхождении Святого Духа» (Табл., № 41–42), экспонировавшейся в Никоновском музее.

В ходе сверки 1983 года была выявлена ранее хранившаяся в собрании Никоновского музея «Книга о священстве» Иоанна Златоуста, изданная в Москве в 1664 году (Табл., № 38). В книге, помимо ризничных отметок Иверского монастыря, сделана постраничная вкладная надпись, относящаяся к 1761 году.

Необходимо отметить, что в Никоновском музее были представлены четыре экземпляра данного издания «Книги о священстве» с разными вкладными надписями[162]. При этом два экземпляра сегодня хранятся в Новгородском музее-заповеднике (Табл., № 37, 38).



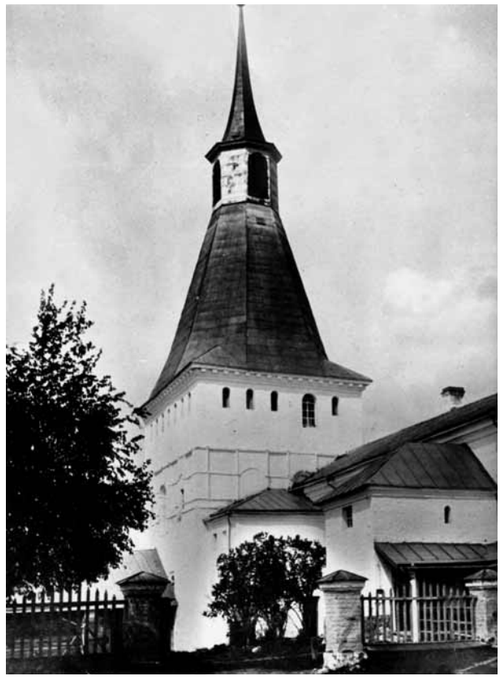
Трефолой. *Рукопись XVII в.* Л. 1

Биографы Патриарха Никона отмечают, что книги Иоанна Златоуста были любимым чтением Святейшего, поэтому неудивительно, что они были достаточно полно представлены в библиотеках никоновских монастырей[163]. Кроме названных изданий, в Боровичском музее до декабря 2008 года хранилась рукописная книга «Чтение», или «Слова» Иоанна Златоуста из Никоновского музея Иверского монастыря (Табл., № 8).

Две редкие рукописные книги XVII века из коллекции Никоновского музея поступили в Новгородский музей-заповедник в 1973 году от жительницы города Валдая Т.В. Герасимовой: это «Триодь Постная», «Трефолой или Служебник разным святым» (Табл., № 1, 2). Особая уникальность этих книг состоит в том, что они представляют собой вещи, вложенные в Боровичский Ново-Духов монастырь, основанный Святейшим Патриархом Никоном и уничтоженный в связи с его низложением с Первосвятительской кафедры. Памятников, связанных с этим монастырем, практически не сохранилось. После ликвидации обители вкладные надписи на вещах, происходивших из Ново-Духова монастыря, подправлялись: уничтожалась часть названия обители, ассоциировавшейся со Святейшим Никоном. Так, во вкладной надписи «Октоиха», изданного в Москве в 1631 году, от названия монастыря осталась только фраза: «...духовского монастыря», которой предшествовала постраничная запись «Ново-», утраченная вместе с вырванным листом, на котором она была поставлена (Табл., № 34). Эта книга из фондов Новгородского музея тоже экспонировалась в свое время в Никоновском музее.

Книгам в собрании Никоновского музея было отведено особое место – они составляли четвертую часть фондового состава. И это не случайно. Иверский монастырь не просто хранил крупнейшее книжное собрание, представлявшее различные издательские центры православного мира, но и сам являлся уникальным издательским центром.

Типографский станок на Валдай был привезен из Кутеинского Богоявленского Оршанского монастыря, где типографское дело было начато в 1630 году знаменитым печатником Спиридоном Соболем и существовало до 1655



Типографская башня Иверского монастыря.
Фотография начала XX в.

года, то есть до тех пор, пока типографский станок вместе с братией не был отправлен в Иверский монастырь. В Валдае типография возобновила свою работу в 1657 году и продолжала действовать до декабря 1665 года – времени ее перевода по распоряжению Патриарха Никона в Новый Иерусалим[164]. Работу друкарни в Воскресенском монастыре так и не успели наладить. После суда над Патриархом Никоном, состоявшегося в 1666 году, а также в связи с общим нестроением жизни в никоновских монастырях типографский станок оставался в бездействии.

В ноябре 1676/77 года, спустя 11 лет после отправки типографии из Валдая, Патриарх Иоаким своим указом велел перевести ее из Воскресенского монастыря в Москву, что и было сделано в марте 1677 года. В 1680 году кутеинская друкарня поступила во Дворец и стала называться Верхнею, находясь в ведении известного книжника Симеона Полоцкого[165].

В 80-е годы XVII века делались безрезультатные попытки возвратить типографию обратно в Иверский монастырь[166]. Необходимо

заметить, что Патриарх Никон, забирая типографию из Валдая в Новый Иерусалим, обещал ее возвратить сразу же, как только «снимут слова и станы и тески сделают»[167].

Среди книг иверской печати особое место занимают «Рай мысленный» Стефана Святогорца и Патриарха Никона (1659 год) и сборник «Брашно духовное, сиречь псалмы, молитвы, пения, благодарение и каноны и прочая, от многих святых книг собранныя, зело нужныя и душеполезныя» (1661 год). Иллюстрации к ним выполнены знаменитым кутеинским иноком гравером Паисием вместе с монахом Иоилем. Они же работали и над оформлением колоколов, отлитых в 1666 году в Новом Иерусалиме[168]. Оба эти издания были представлены в Никоновском музее: один экземпляр книги «Рай мысленный»[169] и два – «Брашно духовное»[170]. При этом «Рай мысленный» из Никоновского музея сегодня находится в собрании Российской государственной библиотеки (Москва)[171]. Относительно сборника «Брашно духовное» необходимо заметить, что в данный момент в Новгородском музее вместо двух значатся три книги под этим названием, причем все они происходят из Никоновского музея (Табл., № 24, 25, 7). Правда, каталожному описанию, сделанному в 1920 году Д.Д. Францем, соответствует только один экземпляр «Брашна духовного», начинающийся знаменитым титульным листом этого издания (Табл., № 24). Другой экземпляр, значившийся в ризничной описи как «Псалтирь следованная» кутеинской печати 1655 года, атрибутированный Д.Д. Францем именно как «Брашно духовное»[172], сегодня в собрании музея отсутствует. В данной книге титульный лист был утрачен, сборник начинался с псалмов и гравюры, изображающей царя Давида. В связи с этим за книгой закрепилось название «Псалтирь следованная». Кроме того, хранитель Отдела рукописных и старопечатных книг Новгородского музея-заповедника Л.И. Ерышева как «Брашно духовное» атрибутирует книгу, имеющую название по каталогу Никоновского музея «Месяцеслов с тропарями», или «Тропари воскресные» (Табл., № 25). И еще одна книга Никоновского музея имеет основание называться «Брашно духовное» (Табл., № 7). В каталоге Д.Д. Франца она именуется «Канон Боже-

Диоптра.
Кутеин, 1654

ственному и покланяемому Параклиту» и представляет собой конволют. Первые 32 листа книги – фрагмент «Брашно духовного» иверской печати, остальные – рукописные Каноны, Чиновник и пр., поэтому и прежде, и теперь книга значится в числе рукописных книг. Кроме того, в конце вплетена рукопись «Книга, глаголемая алфавит душеполезная» И. Копинского, переписанная в Иверском монастыре в 1691 году.

Говоря о сборнике «Брашно духовное», необходимо заметить, что все имеющиеся в Новгородском музее-заповеднике экземпляры неполные и представляют собой отдельные части книги иверского издания.

Если «Рай мысленный» и «Брашно духовное» были изданы кутеинцами на Валдае, то часто упоминаемые в связи с Иверским монастырем экземпляры Диоптры были напечатаны в Кутеине в 1651–1654 годах, привезены на Ивер, откуда и распространялись по России.

Две книги под названием «Диоптра или зерцало живота во мире сем человеческаго» экспонировались в Никоновском музееИвер-

ского монастыря[173]. Сейчас в Новгородском музее-заповеднике хранится один экземпляр этой книги, представляющий собой поучения и наставления афонских старцев; перевод с греческого выполнен игуменом Дубны отцом Виталием (Табл., № 48). Предисловие к «Диоптре» было подписано игуменом Кутеинской обители Иоилем Трупевичем.

В начале XX века в ризнице Иверского монастыря (а затем в Никоновском музее) имелись книги кутеинской печати 1630–1650 годов («Диоптра», «Месяцеслов», «Трифологион», «Требник»), «Полуустав Великий», изданный в Вильно в 1646 году, львовские издания («Триодион» 1642 года, «Апостол» 1639 года, «Триодь Постная»), киево-печерские («Триодион» 1627 и 1640 годов, «Служебник» 1629 года, «Ключ разумения» 1659 года И. Галятовского, «Меч духовный» 1666 года Л. Барановича, «Мир с Богом человеку или покаяние святое» 1669 года И. Гизеля, «Патерик» 1661 года, «Номоканон» 1624 года), московские «Служебники» 50–60-х годов XVII века, в том числе первый, исправленный по никоновской книжной реформе «Служебник» 1655 года с предисловием Епифания Славинецкого, а также изданные в Москве «Скрижаль» 1656 года со «Словом отвещательным» патриарха Никона, «Ирмологий» 1657 года, «Библия» 1663 года, «Обед душевный» 1681 года и «Вечеря душевная» 1683 года Симеона Полоцкого.

Не все из этих книг сохранились. Так, в Никоновском музее значились два «Служебника» 1655 года[174], в Новгородском музее сегодня хранится только один из них (Табл., № 19). Из четырех экземпляров «Служебника» 1656 года сохранились два экземпляра (Табл., № 20, 21). Сохранился и «Служебник» 1668 года московской печати (Табл., № 22), а также изданный Петром Могилой в Киеве «Служебник» 1629 года (Табл., № 18) с постраничными записями просительных ектений о членах царской семьи. Д.Д. Франц относит «Служебник» 1629 года к числу книг библиотеки Кутеинского монастыря[175].

Мы уже говорили о рукописной «Триоди Постной» из Ново-Духова монастыря. В Никоновском музее была представлена не менее любопытная «Триодь Постная», отпечатанная в Москве в 1589 году знаменитым печатником Андроником Невежой (Табл., № 33). Архимандрит Леонид (Кавелин) в связи с книжным собранием Иверского монастыря сообщает о «Триоди Цветной», изданной в Москве в 1597 году «снисканием и трудом мастера Анроника Тимофеева сына Невежи и прочих соработников о Господе любезными трудами»[176].

В Никоновском музее состояло на учете пять экземпляров «Триоди Цветной». Из них в фондах Новгородского музея-заповедника выявлено два: издание Киево-Печерской лавры 1640 года и издание львовской типографии Михаила Слиски 1642 года с посвящением Киевскому митрополиту Петру Могиле (Табл. № 32, 31).

Из собрания Никоновского музея происходит рукописная «Лествица» XVII века (Табл., № 4), хранящаяся в Новгородском музее-заповеднике.

И. Галятовский. Ключ разумения. Киев, 1659. *Титульный лист*

Кроме нее в Никоновском музее экспонировались еще две рукописные «Лествицы»[177], причем одна из них имела вклейки с акварельными миниатюрами и датировалась исследователями XV веком[178]. В музее сохранилась «Лествица», напечатанная в Москве в 1647 году (Табл., № 39). Замечательно оглавление, выполненное в виде лестницы, на каждой ступени которой обозначены монашеские добродетели.

Сохранились и находятся в собрании Новгородского музея-заповедника такие значимые для истории книжной печати сочинения XVII века, как изданные в Киево-Печерской лавре «Ключ разумения» И. Галятовского (1659 год) (Табл., № 49), «Меч духовный» Л. Барановича (1666 год) (Табл., № 50, 51), «Мир с Богом человеку» И. Гизеля (1669 год) (Табл., № 52, 53). Эти издания оказали самое большое влияние на своеобразие развития духовной жизни России. Кроме того, они через вступительные панегирические посвящения России и русскому царю Алексею Михайловичу в определенной мере способствовали укреплению российского авторитета в православном мире.

Почти все эти книги в Иверском монастыре были представлены далеко не в одном экземпляре. И несмотря на то что монастырская библиотека сильно пострадала во время пожаров 1704 и 1825 годов, а также в результате книжных перемещений, производимых Патриархом

И. Гизель. Мир с Богом человеку или покаяние святое. Киев, 1669. *Титульный лист*

Никоном, кутеинскими старцами, насельниками обители, все-таки в начале XX века на Ивере хранилось немало изданий XVII столетия.

Так, в 1918/1919 году в Никоновский музей из монастырской ризницы поступили два экземпляра книги архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку», изданной в Киеве в 1669 году и имевшей посвящение царю Алексею Михайловичу. В начале книги помещены стихи о русском царе и специальная грамота, прославляющая его и Россию не только словесно, но и через символические изображения. Оба экземпляра данного издания сейчас находятся в Новгородском музее-заповеднике. На одном из них (Табл., № 52) сделана пометка о том, что стоит обратить внимание на текст о вреде табака. Эта книга происходит из собрания архимандрита Пахомия Добрыни, служившего настоятелем Иверского монастыря в 50–60-е годы XVIII века.

Помимо изданий с панегирическими посвящениями русскому государю, в коллекции Никоновского музея было достаточно много книг с посвящениями ктиторам изданий и обителей. В таком случае в книге, как правило, помещался ктиторский герб.

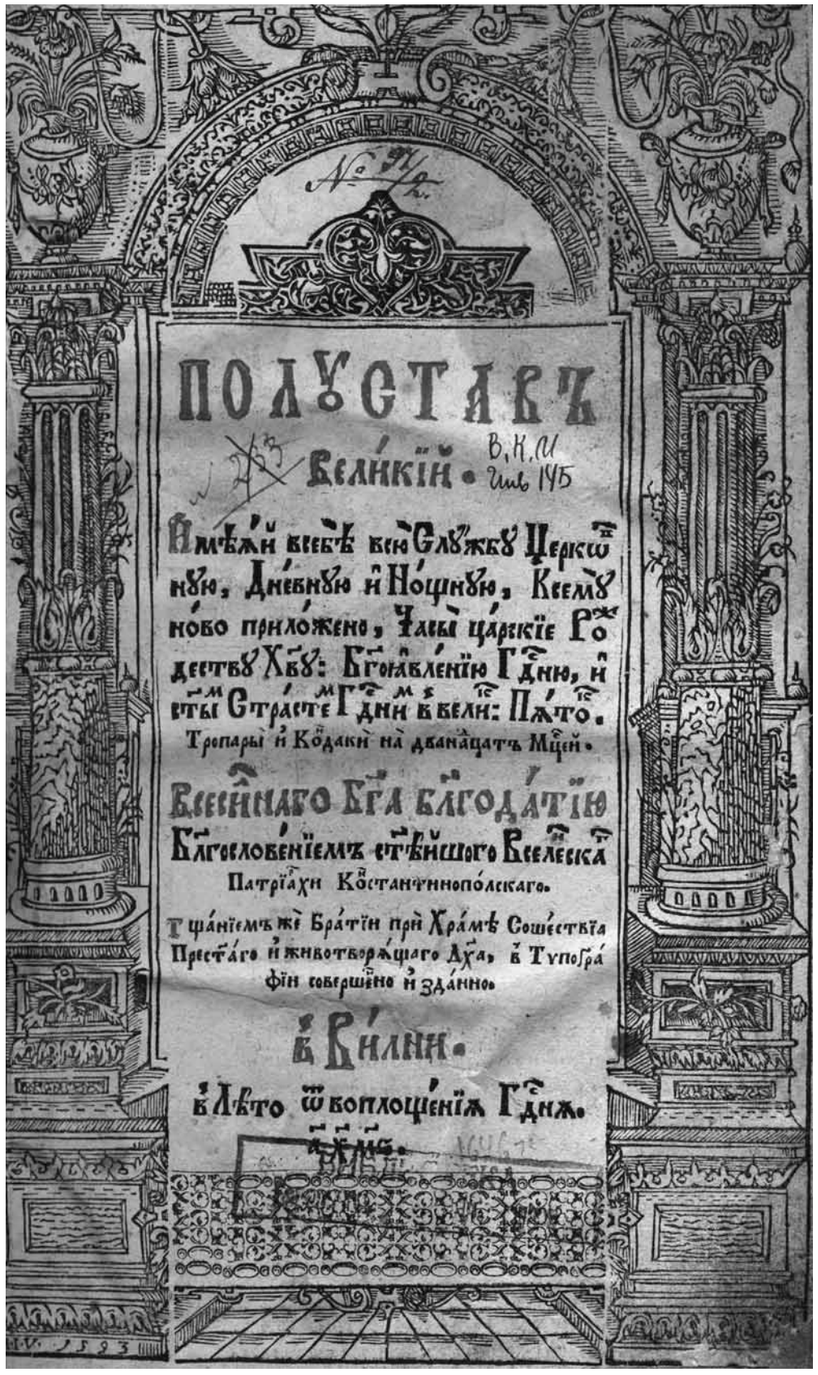
В XVII веке в России отмечается общий интерес к геральдике и герботолкованию[179], пришедший к нам в первую очередь через украинско-белорусские издания, привозимые по благословению Патриарха Никона для проведения книжной реформы. Многие из них появились в Иверском монастыре в связи с переездом туда кутеинских старцев.

Необходимо заметить, что гербы в книгах из ризничного собрания Иверского монастыря не были редкостью. Так, герб Патриарха Никона был помещен в книге иверской печати «Рай мысленный».

В Никоновском музее хранился находящийся теперь в Новгородском музее-заповеднике «Пречистый акафист» (в Иверском монастыре он значился как «Канонник»), изданный в Уневском монастыре в 1660 году (Табл., № 23). В книге изображен герб ктитора издания, «накладом» которого оно было создано, епископа Львовского, Галицкого, Каменец-Подольского, архимандрита Уневского монастыря Арсения Желиборского. Кроме того, герб «пана Ламского з Лужчина» помещен в «Духовных беседах» Макария

Герб Патриарха Никона в книге «Рай мысленный». Иверский монастырь, 1659

Герб «пана Ламского з Лушчина» в книге преподобного Макария Египетского «Духовные беседы». Вильно, 1627



Полуустав Великий. Вильно, 1646.
Титульный лист

Герб епископа Арсения Желиборского в книге «Пречистый акафист». Уневский монастырь, 1660

Египетского, изданных в 1627 году в Вильно (Табл., № 36). Архимандрит Леонид (Кавелин) отмечает редкость этого издания[180], хранящегося ныне в Новгородском музее-заповеднике.

Герб княжат Огинских и стихи к нему, посвященные хорунжему, надворному князя Литовского воеводе Минскому Богдану Огинскому, много сделавшему для спасения и налаживания работы типографии Виленского братства[181], был опубликован в «Полууставе Великом», изданном в Вильно в 1646 году и находящемся теперь в Новгородском музее-заповеднике (Табл., № 15).

В «Октоихе» из собрания Новгородского музея, изданном тщанием братства при храме Успения Богородицы во Львове в 1644 году, напечатан герб этого братства (Табл., №35).

Ктиторские гербы достаточно часто печатались в изданиях XVII века и сами по себе многое говорили не только о знаменитых ктиторах, но и об их роли в книгоиздательском деле и духовной жизни славянских народов.

Чрезвычайно популярные в XVII веке идеи духовного просвещения через христианские проповеди, заложенные в изданиях киевских книжников И. Галятовского, Л. Барановича, И. Гизеля, развивает в России Симеон Полоцкий. В 1675 году им была написана книга проповедей на евангельские сюжеты «Обед душевный». В ее основу положен годовой пасхальный цикл. В 1676 году пишется книга «Вечеря душевная», посвященная христианским святым и праздникам. Обе книги были изданы уже после смерти Симеона Полоцкого, соответственно в 1681 и 1683 годах. В собрании Никоновского музея находились один экземпляр книги «Вечеря душевная»[182] и два экземпляра книги «Обед душевный», причем один из них

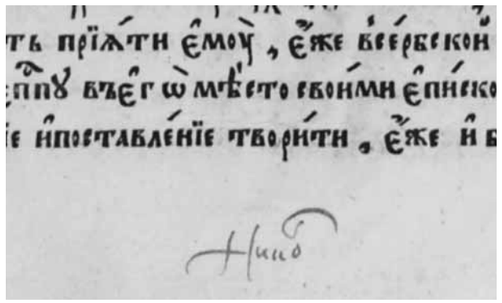
Октоих.
Львов, 1644

отмечен записью о том, что «сия книга... Великаго Государя Царя и Великаго Князя Иоанна Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца хоромная»[183]. В коллекции Новгородского музея-заповедника теперь находится один экземпляр «Обеда душевного» Симеона Полоцкого (Табл., № 54).

Книги, представленные в Никоновском музее, отражали общую идею украинско-белорусских и русских изданий XVII века – стремление укрепить православную веру посредством «исцеляющего душу нетленного слова», дающего возможность достичь Царствия Небесного, как о том говорится в предисловии к «Духовным беседам» Макария Египетского (Табл., № 36).

К числу подобных же изданий, созданных «во утверждение благочестивых людей, во увер ение же и обращение к покаянию от прелести раскольников святыя церкве», относится и «Увет духовный» Афанасия, архиепископа Холмогорского (Табл., № 43). Из собрания Никоновского музея в Новгородский музей-заповедник поступило «Евангелие с толкованием» Феофилакта, архиепископа Болгарского (Табл., № 40), вложенное монахом Ниловой пустыни Паисием Бартеневым в Свято-Троицкую Рабежскую пустынь и переданное после ее упразднения в Иверский монастырь. В ризнице Иверского монастыря хранилось еще одно такое же Евангелие, находящееся теперь в Новгородском музее[184], но не состоявшее в коллекции Никоновского музея.

В этом же ряду духовно-поучительной литературы находится и «Евангелие учительное» Филофея, патриарха Константинопольского, изданное в Москве в 1697 году (Табл., № 55), а также «Книги житий святых» Димитрия Ростовского киевского издания 1695 года (Табл., № 57).



Фрагмент вкладной надписи
Патриарха Никона в «Кормчей». М., 1653

Особое музейное хранение составляли книги с вкладными надписями Патриарха Никона. На книге «Кормчей», изданной в Москве в 1653 году (Табл., № 47), поставлена такая же надпись, как на серебряном вкладном патриаршем потире 1653 года, находящемся с 1933 года в музее «Новый Иерусалим»[185]: «161-ГО (1653) АВГУСТА 12 ВЕЛИКИИ ГСДИРЬ СВТШИИ НИКОН ПАТРИАРХ МОСКОВСКИИ И ВСЕЯ РУСИИ ПОЛОЖИЛ СИЮ СВЯТУЮ КНИГУ В ДОМ ПРЧСТЫЕ БДЦЫ ИВЕРСКИЕ И ВЕЛИКОГО АРХИЕРЕЯ НОВОГО ИСПОВЕДНИКА ФИ(ЛИ)ППА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИИ НА ВОЛДАИСКОМ Е(З)ЕРЕ В ВЧНОИ ПОМИН СЕБЕ, АЩЕ ЛИ КТО

ОТ (БЕ)З(С)ТРАШИЯ ПРЕОБИДИТ ДОМ ПРЕСВ-ТЫЯ БДЦЫ И ВЕЛИКОГО УГОДНИКА БОЖИЯ ФИЛИППА И СИЮ КНИГУ ИЗНЕСЕ И ТОГО СУДЯТ ПО НЕПРАВДЕ ЕГО ЯКО СВ(Я)ТОТАТЦА». Потир и «Кормчая» были в числе первых вкладов Патриарха Никона в Иверский монастырь, отмеченных единой датой – 12 августа 1653 года.

Патриарх Никон придавал большое значение книге «Кормчей» – хранил ее в своей личной библиотеке и часто использовал цитаты из нее[186].

«Кормчая», изданная в 1650 году при Патриархе Иосифе, в 1652 году по указанию Патриарха Никона была переделана. В нее внесли изменения, дополнения, сведения об участии в создании сборника Патриарха Никона. Это исправленное издание так и называлось: «Никоновская Кормчая».

«Кормчая» представляет собой сборник апостольских, соборных и епископских правил и их толкований, а также законов светской власти и других материалов. В Греческой Церкви такой сборник назывался «Номоканон» (Законоправильник). В коллекции Никоновского музея (а ныне в собрании Новгородского музея-заповедника) помимо «Кормчей» имелся также и сборник под названием «Номоканон», изданный Киево-Печерской лаврой в 1624 году (Табл., № 46).

Номоканон. Киев, 1624

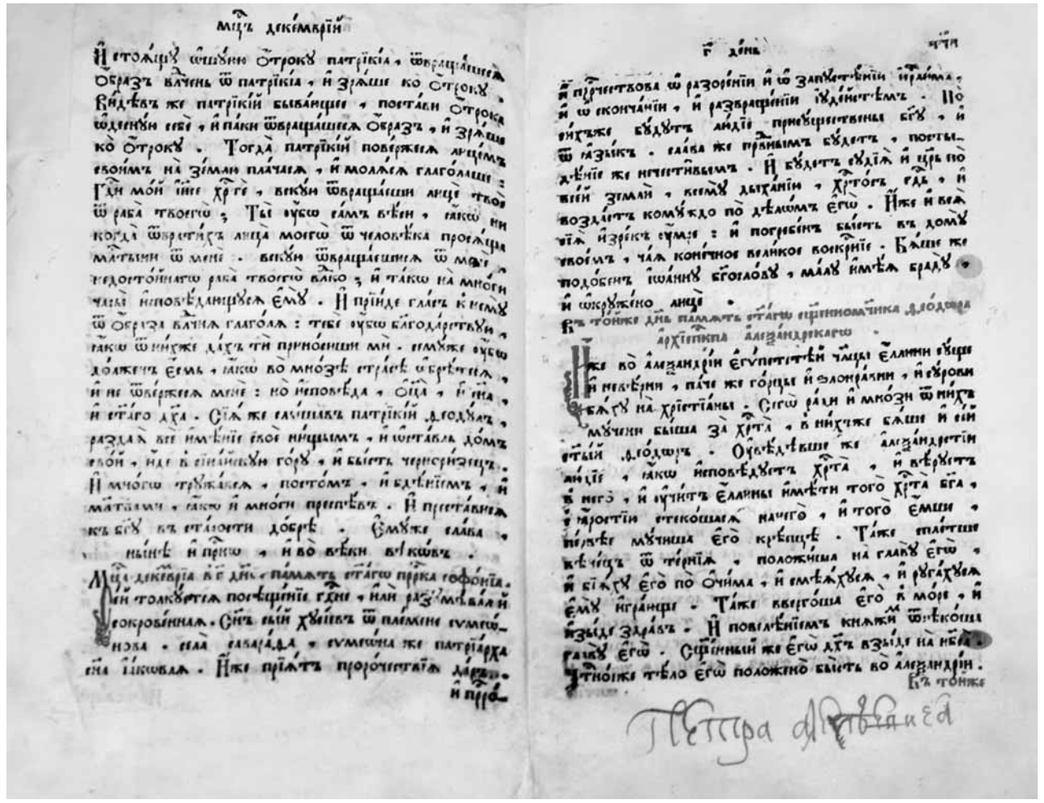
Сегодня книга «Кормчая» находится в собрании Новгородского музея-заповедника, также как рукописный Пролог с никоновской вкладной надписью 1656 года «вечныя ради благ по своей душе и своих родителях» (Табл., № 6).

Если говорить о патриарших и царских книжных вкладах в Иверский монастырь, то необходимо упомянуть вложенное в обитель в 1681/82 году Патриархом Иоакимом напрестольное Евангелие в серебряно-вызолоченном окладе[187], ныне находящееся в музее «Новый Иерусалим». В Новгородском музее-заповеднике хранятся книги с вкладными надписями 1703 года от лица царя Петра I по челобитию архимандрита Тарасия: «Евангелие учительное» 1697 года и Пролог 1696 года (Табл., № 55, 60).

Из Никоновского музея происходит Библия, хранящаяся в Новгородском музее-заповеднике, изданная Епифанием Славинецким в 1663 году в Москве (Табл., № 13). Она представляет собой первое переиздание Острожской Библии 1581 года[188].

Сведения о книгах из коллекции Никоновского музея, находящихся ныне на хранении в фондах Новгородского музея-заповедника, приведены в таблице *Приложения 1*. В ризничной описи Иверского монастыря, в каталоге Никоновского музея, в учетной документации Новгородского музея-заповедника название одной и той же книги иногда звучит по-разному, поэтому в скобках приводится дополнительный вариант названия, под которым может значиться данный предмет.

В таблице *Приложения 1* указаны данные на 63 книги из собрания Никоновского музея, выявленные в Отделе рукописных и старопечатных книг Новгородского музея-заповедника. Всего же в Никоновском музее было представлено 119 книг (за исключением 7 напрестольных Евангелий в серебряно-вызолоченных окладах, которые находились на особом хранении). В каталоге каждый предмет (даже если он повторялся несколько раз) был представлен под отдельным номером, который и являлся его инвентарным обозначением. Правда, под № 200 значатся сразу три «Октоиха», а под № 261 – два тома «Трактата об исхождении Св. Духа»[189]. Таким образом, 119 книг были записаны под 116 номерами, которые иногда ошибочно и принимают за общее количество книжных предметов. При этом из 119 книг Никоновского собрания 56 находятся в других коллекциях или местонахождение их не выявлено. Но даже то, что смогло сохраниться в неполном составе в Новгородском музее-заповеднике, представляет собой большой исторический интерес, является гордостью нашего музейного собрания и, кроме того, показывает значение Никоновского музея, сумевшего в самое тяжелое время 20–30-х годов XX века спасти от уничтожения уникальные ризничные вещи Иверского монастыря.



Евангелие учительное. М., 1697.
Фрагмент вкладной записи 1703 года от лица царя Петра I

Иверский монастырь был основан Патриархом Никоном в 1653 году, поэтому для Никоновского музея из монастырской ризницы были отобраны в основном вещи XVII века, в том числе патриаршие и государевы вклады. Сейчас от ризничного собрания Иверского монастыря сохранилось и находится в различных государственных и частных коллекциях только то, что оказалось в свое время в фондах Никоновского музея.

Проведенные в 2006–2008 годах исследования по выявлению сохранившихся вещей из коллекции Никоновского музея позволили в декабре 2008 года организовать в городе Валдае выставку, посвященную 90-летию создания этого уникального собрания. На ней представлены экспонаты музея и материалы о них.

Приложение 1

Книги из собрания Никоновского музея в фондах Новгородского музея-заповедника

№п/п	Учетные обозначения Новгородского музея-заповедника	Наименование, выходные данные	Учетные обозначения по каталогу Никоновского музея	Учетные обозначения по ризничной описи Иверского монастыря
1.	НГМ КП 31989 КР 132	Триодь Постная. Рукопись. XVII в.	№ 171 (с. 39)	№ 3/3 (л. 419 об.)
2.	НГМ КП 31987 КР 131	Трефологион (Трефолой). Рукопись. XVII в.	№ 172 (с. 40)	№ 4/4 (л. 419 об.)
3.	НГМ КП 40452	Исаак Сирин. Слова подвижнические. Рукопись. XVII в.	№ 173 (с. 40)	№ 5/5 (л. 420)
4.	НГМ КП 32056/25 КР 51	Иоанн Лествичник. Лествица. Рукопись. XVII в.	№ 176 (с. 41)	№ 7/7 (л. 420)
5.	НГМ КП 40455	Малый синодик Иверского монастыря. Рукопись. XVII в.	№ 181 (с. 42)	№ 11/11 (л. 420 об.)
6.	НГМ КП 32725/2 КР 139	Пролог (март – август). Рукопись. XVII в.	№ 182 (с. 42)	№ 12/12 (л. 420 об.)
7.	НГМ КП 30056/280 КР 101	Брашно духовное. Иверский монастырь, 1661 (Канон Божественному и покланяемому Параклиту). В сборнике (смешанного состава). Конволют. 2-я пол. XVII в.	№ 184 (с. 43)	№ 14/14 (л. 420 об.)
8.	НГМ КП 40451	Иоанн Златоуст. Слова. Рукопись. XVII в.	№ 186 (с. 44)	№ 16/16 (л. 421)
9.	НГМ КП 30056/392 КР 126	Чудеса Пр. Богородицы Тихвинской. Рукопись. XVII в.	№ 187 (с. 44)	№ 17/17 (л. 421)
10.	НГМ КП 30056/146	Обиход праздничный нотный. Рукопись. XVII в.	№ 197 (с. 46)	№ 47/47 (л. 423)
11.	НГМ КП 30056/179	Ирмологий нотный. Рукопись. XVII в.	№ 199 (с. 47)	№ 49/49 (л. 423 об.)
12.	НГМ КП 30056/176	Октоих нотный. Рукопись. XVII в.	№ 201 (с. 47)	№ 50/50 (л. 423 об.)
13.	НГМ КП 30226/9 КК 313	Библия. М., 1663.	№ 206 (с. 48)	№ 54/9 (л. 424)
14.	НГМ КП 30226/174КК 327	Псалтирь. М., 1697.	№ 208 (с. 49)	№ 63/11 (л. 427)
15.	НГМ КП 41071 КК 1051	Полуустав Великий. Вильно, 1646.	№ 210 (с. 50)	№ 97/2 (л. 430)
16.	НГМ КП 30226/5 КК 318	Апостол. Львов, 1639.	№ 211 (с. 50)	№ 103/8 (л. 431)
17.	НГМ КП 30226/202 КК350	Апостол. М., 1648.	№ 213 (с. 51)	№ 105/10 (л. 431)
18.	НГМ КП 30226/169 КК 250	Служебник. Киев, 1629.	№ 214 (с. 51)	№ 114/19 (л. 432)
19.	НГМ КП 30226/176 КК 253	Служебник. М., 1655.	№ 216 (с. 51)	№ 116/21 (л. 432)

№п/п	Учетные обозначения Новгородского музея-заповедника	Наименование, выходные данные	Учетные обозначения по каталогу Никоновского музея	Учетные обозначения по описи Иверского монастыря
20.	НГМ КП 30226/196 КК 342	Служебник. М., 1656.	№ 219 (с. 52)	№ 119/24 (л. 432)
21.	НГМ КП 30226/75 КК 158	Служебник. М., 1656.	№ 220 (с. 52)	№ 120/25 (л. 432)
22.	НГМ КП 30226/177 КК 254	Служебник. М., 1668.	№ 222 (с. 52)	№ 122/27 (л. 432)
23.	НГМ КП 30226/7 КК 117	Пречистый акафист (Канонник). Уневский монастырь, 1660.	№ 224 (с. 53)	№ 140/45 (л. 433 об.)
24.	НГМ КП 32502/25 КК 675	Брашно духовное. Иверский монастырь, 1661.	№ 225 (с. 53)	№ 141/46 (л. 433 об.)
25.	НГМ КП 30226/211 КК 657	Брашно духовное. (Тропари воскресные; Месяцеслов с тропарями). Иверский монастырь, 1661.	№ 228 (с. 55)	№ 152/57 (л. 434 об.)
26.	НГМ КП 30226/1 КК 317	Минея праздничная. (Анфологион). Львов, 1638.	№ 230 (с. 57)	№ 163/68 (л. 436)
27.	НГМ КП 30226/3 КК 256	Минея праздничная. (Анфологион). Львов, 1638.	№ 231 (с. 57)	№ 164/69 (л. 436)
28.	НГМ КП 30226/207	Трифологион. Кутеинский монастырь, 1647.	№ 233 (с. 57)	№ 167/72 (л. 436)
29.	НГМ КП 30226/206 КК 345	Трифологион. Кутеинский монастырь, 1647.	№ 234 (с. 57)	№ 168/73 (л. 436)
30.	НГМ КП 30226/94 КК 177	Минея (сентябрь – ноябрь). М.,1666.	№235 (с. 57)	№ 171/76 (л. 436)
31.	НГМ КП 30226/209 КК 356	Триодь Постная (Триодион). Львов, 1642.	№239 (с. 58)	№ 188/93 (л. 437)
32.	НГМ КП 30226/208 КК 353	Триодь Постная (Триодион). Киев, 1640.	№240 (с. 59)	№ 190/95 (л. 437 об.)
33.	НГМ КП 30226/210 КК 373	Триодь Постная. М., 1589.	№244 (с. 60)	№ 192/97 (л. 437 об.)
34.	НГМ КП 30226/123 КК 205	Октоих. М., 1631.	№246 (с. 60)	№ 197/102 (л. 438 об.)
35.	НГМ КП 30226/118 КК 201	Октоих. Львов, 1644.	№247 (с. 61)	№ 198/103 (л. 438 об.)
36.	НГМ КП 30226/6 КК 116	Макарий Египетский. Духовные беседы. Вильно, 1627.	№254 (с. 63)	№ 315/25 (л. 450)
37.	НГМ КП 30226/72 КК 155	Иоанн Златоуст. Книга о священстве. М., 1664.	№255 (с. 63)	№ 327/37 (л. 450 об.)
38.	НГМ КП 32208/10 КК 297	Иоанн Златоуст. Книга о священстве. М., 1664.	№256 (с. 64)	№326/36 (л. 450 об.)
39.	НГМ КП 30056/75 КК 374	Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1647.	№259 (с. 64)	№380/90 (л. 452 об.)

№п/п	Учетные обозначения Новгородского музея-заповедника	Наименование, выходные данные	Уч-ные об-ния по каталогу Никоновского музея	Уч-ные обозначения по описи Иверского м-ря
40.	НГМ КП 30226/49 КК 133	Феофилакт Болгарский. Евангелие с толкованием. М., 1698.	№ 260 (с. 65)	№ 395/105 (л. 453 об.)
41–42.	НГМ КП 29042/1 КГД 2940, 2941	Адам Зоирникабиос. Трактат об исхождении Св. Духа. Т. 1–2. СПб.,1797.	№ 261 (с. 65)	№ 499/59 (л. 460 об.)
43.	НГМ КП 30226/37 КК 348	[Афанасий Холмогорский]. Увет духовный. М., 1682.	№ 262 (с. 65)	№ 503/63 (л. 464)
44.	НГМ КП 30226/65 КК 148	Скрижаль (Толкования святой литургии и пр. церковных таинств). М., 1656.	№ 263 (с. 65)	№ 542/102 (л. 468)
45.	НГМ КП 30226/61 КК 145	Скрижаль (Толкования святой литургии и пр. церковных таинств). М., 1656.	№ 264 (с. 66)	№ 543/103 (л. 468)
46.	НГМ КП 30226/117 КК 200	Номоканон, сиречь Законоправильник. Киев, 1624.	№ 265 (с. 66)	№ 566/126 (л. 470)
47.	НГМ КП 30226/87 КК 170	Кормчая. М., 1653.	№ 266 (с. 66)	№ 570/130 (л. 470)
48.	НГМ КП 30226/67 КК 150	Диоптра. Кутеинский монастырь, 1651–1654.	№ 268 (с. 67)	№ 632/192 (л. 474)
49.	НГМ КП 30226/69 КК 152	Иоанникий Галятовский. Ключ разумения. Киев, 1659.	№ 269 (с. 67)	№ 633/193 (л. 474)
50.	НГМ КП 30226/115 КК 198	(Лазарь Баранович). Меч духовный. Киев,1666.	№ 270 (с. 68)	№ 634/194 (л. 474)
51.	НГМ КП 30226/116 КК 199	(Лазарь Баранович). Меч духовный. Киев,1666.	№ 271 (с. 68)	№ 635/195 (л. 474)
52.	НГМ КП 30226/111 КК 194	Иннокентий Гизель. Мир с Богом человеку. Киев, 1669.	№ 272 (с. 68)	№ 636/196 (л. 474)
53.	НГМ КП 30226/112 КК 195	Иннокентий Гизель. Мир с Богом человеку. Киев, 1669.	№ 273 (с. 68)	№ 637/197 (л. 474)
54.	НГМ КП 30226/18 КК 302	Симеон Полоцкий. Обед душевный. М.,1681	№ 275 (с. 69)	№ 639/199 (л. 474 об.)
55.	НГМ КП 30226/46 КК 130	Филофей Константинопольский. Евангелие учительное воскресное. М., 1697.	№ 278 (с. 70)	№ 649/209 (л. 475)
56.	НГМ КП 30226/92 КК 175	Димитрий Ростовский. Книга житий святых (Минеи на декабрь — февраль). Киев, 1695.	№ 282 (с. 71)	№ 1172/78 (л. 520)
57.	НГМ КП 30226/90 КК 173	Димитрий Ростовский. Книга житий святых. (Минеи на март – май). Киев, 1695.	№ 284 (с. 72)	№ 1175/81 (л. 520)
58.	НГМ КП 30226/129 КК 211	Пролог (декабрь – февраль). М., 1661.	№ 285 (с. 72)	№ 1181/87 (л. 520 об.)
59.	НГМ КП 30226/137 КК 219	Пролог (июнь – август). М., 1662.	№ 286 (с. 72)	№ 1182/88 (л. 520 об.)
60.	НГМ КП 30226/131 КК 213	Пролог (март – май). М., 1696.	№ 288 (с. 73)	№ 1184/90 (л. 520 об.)
61.	НГМ КП 30226/130 КК 212	Пролог (март – май). М., 1689.	№ 287 (с. 73)	№ 1183/89 (л. 520 об.)
62.	НГМ КП 30226/141 КК 223	Пролог (март – май). М., 1696.	№ 289 (с. 73)	№ 1185/91 (л. 520 об.)
63.	НГМ КП 30226/138 КК 220	Патерик Киево-Печерский. Киев, 1661.	№ 290 (с. 73–74)	№ 1189/95 (л. 520 об.)

ВОСКРЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НОВОГО ИЕРУСАЛИМА

ПАЛЕСТИНСКИЕ ПЕРВООБРАЗЫ
ИСТОРИЯ, АРХИТЕКТУРА, РЕСТАВРАЦИЯ, КУЛЬТУРА
НАСТОЯТЕЛИ И БРАТИЯ

Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе;
Яко роса Ермонская сходящая на горы Сионския,
яко тамо заповеда Господь благословение и живот до века.

Пс. 132:1

Божественная благодать, немощи наши врачующая
и оскудение наше восполняющая,
сама совершает пастырей Церкви своей.

Святитель Филарет (Амфитеатров),
митрополит Киевский

Н.А. Кочеляева
Российский институт культурологии

КОЛОКОЛЬНЯ ХРАМА ГРОБА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМЕ
(По материалам «Православного Палестинского сборника»)

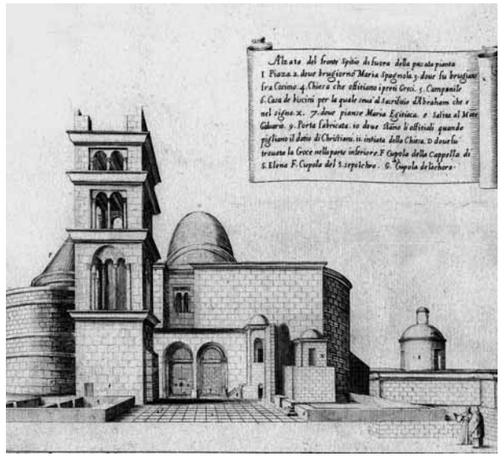
Сегодня, когда празднуется 350-я годовщина основания Ново-Иерусалимского монастыря, как нельзя более актуальными становятся проблемы, связанные с историей его создания и возведения храмов на его территории. Реставрационные работы, проводимые в зданиях монастыря, выдвигают на первый план изучение не только планировки построек, принадлежащих монастырю, но также и тех первообразов, которые послужили источниками при первоначальном строительстве. Поэтому в докладе предлагаем сосредоточить наше внимание на иерусалимском храме Воскресения Христова, а именно на его колокольне. И прежде чем перейти к материалам, касающимся собственно колокольни, хотелось бы предпослать экскурс в историю этого храма, а также коснуться особенностей тех источников, на основании которых базируется мое сообщение.

Вероятно, большинству присутствующих в зале известно, что первое здание храма Воскресения Христова в Иерусалиме было выстроено, согласно церковному преданию, на месте распятия, погребения и воскресения Христа, а также на месте обретения Креста императрицей Еленой. Эти три памятных места находились неподалеку друг от друга и образовывали единый комплекс почитания. В период с 325 по 335 год по указанию императора Константина Великого сирийские архитекторы Зеновий и Евстафий выстроили великолепную базилику Мартирий, освящение которой состоялось 13 сентября 335 года. Вокруг гробницы, которая по традиции отождествляется с местом погребения Христа, был возведен Анастасис – ротонда храма Воскресения, которая до завоевания Иерусалима персами была предметом неусыпной заботы византийских императоров. Выстроенный храм, заключивший в своем пространстве важнейшие свидетельства Голгофской трагедии, несколько раз подвергался значительным разрушениям[1], однако его реставраторы, восстанавливая святыню, сохранили три основные части этого комплекса, существовавшие с самого раннего этапа его истории. Это пещера Гроба Господня, Голгофские приделы и подземный храм на месте Обретения Креста Господня. Впервые храм Воскресения был разрушен в 614 году во время завоевания Иерусалима персидским царем Хосровом. Однако патриарх Иерусалимский Модест восстановил его в 629 году. В 1009 году по приказу халифа Аль-Хакима (Гакем), третьего халифа Египта из династии Фатимидов[2], иерусалимский храм Воскресения снова был разорен: в храме был убит вместе с клиром патриарх Иерусалимский Феофил, обрушен купол с ипетроном и купол над Голгофой. После смерти фанатичного правителя его сын, халиф Дагер, прекратил религиозные преследования христиан, возвратил им их права и в 1048 году разрешил восстановить храм Воскресения. И в середине XI века византийские императоры Михаил Пафлагон и Константин IX воссоздали эту святыню. Однако современный вид здание храма приобрело в середине XII века в период крестоносного владения Палестиной. Иерусалимские короли, завладев священным городом, принялись отстраивать его согласно господствовавшим в этот период в Европе художественным вкусам. Главным и существенным в замысле крестоносцев стало объединение всех святынь, связанных с распятием, погребением и воскресением Христа под одной крышей. Это была третья реконструкция знаменитого храма. Сохранив архитектуру ротонды над Кувуклией, они пристроили к ней здание храма в романском стиле, внутри кото-

рого строители пытались сохранить отдельные части предшествующей постройки. В этот период была построена и колокольня. Освящение нового храма, построенного крестоносцами, состоялось в 1149 году и было приурочено к 50-летию взятия ими Иерусалима. До настоящего времени от этой перестройки храма сохранился фасад здания и площадь перед ним, часовни по обе стороны двора и колокольня, выстроенная слева от входа.

В связи с предстоящими работами по воссозданию колокольни подмосковного Воскресенского собора был собран и изучен материал, касающийся истории колокольни храма Гроба Господня в Иерусалиме, которая пусть отчасти, но все-таки послужила образцом для колокольни Ново-Иерусалимского монастыря. Слово «отчасти» употреблено здесь не случайно, так как ко времени постройки монастырской колокольни звонница иерусалимского храма была частично обрушена в результате землетрясения 1562 года[3] и с тех пор оставалась незавершенной, почему и не могла служить полноценным образцом для воспроизведения ее в Новом Иерусалиме Патриарха Никона. Это «отчасти» подтверждается также и монастырской описью 1685 года, приведенной в «Историческом описании Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря» архимандрита Леонида (Кавелина): «Колокольня каменная высокая, сделана по образу Иерусалимскому с окнами продолговатыми большими, о трех поясах снизу, делана четвероугольна, а с половины под верх ведена на осмь углов с подзорами и репьями ценинными, от земли в высоту до главы 29 сажень, а во главе и что над главою крест три сажени с полусаженью»[4]. Как мы видим, в монастырской описи особо отмечен тот факт, что облик иерусалимской звонницы послужил образцом лишь для нижней половины колокольни Воскресенского монастыря. Однако для нас остается важным вопрос о том, насколько эта нижняя часть соответствует своему образцу. Верхнюю же часть звонницы выстраивали по уже привычной для этой эпохи восьмигранной форме.

При изучении колокольни иерусалимского храма были использованы паломнические описания, русские и греческие, относящиеся к периоду XII–XVII веков. Основной корпус этих описаний был опубликован в «Православном Палестинском сборнике» и до настоящего времени является важным материалом по истории святых мест Востока. Однако следует отметить, что эти описания содержат чрезвычайно скудную информацию о колокольне либо не упоминают о ней вовсе. Этому есть свое объяснение: внимание паломника всегда приковано к наиболее важным святыням, и в этом отношении изучение, например, Кувуклии и погребального ложа в ней является наиболее благодатным материалом. Колокольня же не несет в себе такой мемориальной нагрузки, однако кое-какие крупицы сведений о ней все-таки удалось найти. Мною было просмотрено более 30 томов «Палестинского сборника», и вот что удалось извлечь.



Храм Гроба Господня.
Южный фасад и колокольня. *Гравюра начала XVII в. по рисунку Бернардино Амико 1596 г.*

Сначала обратимся к русским описаниям. Из десяти русских описаний, относящихся к XIV–XVII векам, сведения о колокольне содержат только три памятника. Самый ранний относится к 70-м годам XIV века и принадлежит архимандриту Агрефенью. Читаем: «Звоник церковной Святое Воскресение»[5].

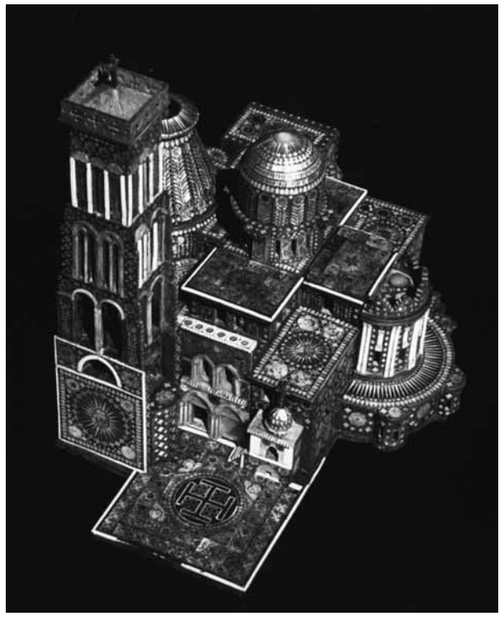
Следующая отметка содержится в первом хожении (1456 год) инока Варсонофия: «И близ с(вя)тыѧ ц(е)ркви Х(ри)*с*(то)ва Воскр(е)*с*(е)ния и великаго придѣла, идеж гроб Б(о)жіи, тоу же стоитъ колокольница, велми велика и хороша, камена, от полудены̀ страны»[6].

Наконец, еще одна заметка принадлежит посланцу русского самодержца Ивана Васильевича Грозного на Восток Василию Познякову: «А на десной стране, изходя из церкви, стоит колокольница велика и высока, на 4 столпех каменных мраморных; пот тою же колокольницею стоят 3 церкви: храм Воскресение Христово, а одесную храм Иякова брата Господня, а ошюю храм святых великомученик 40, иже в Севастии. А дом потрияршь приделан к тем церквам»[7].

Как мы видим, материал, изложенный в этих описаниях, не является исчерпывающим, поэтому обратимся к греческим памятникам паломнической письменности. Митрополит Даниил Эфесский оставил следующее описание: «На левой стороне двора храма, тотчас у дверей его, снаружи стоит колокольня, примыкающая к стене означенной церкви. Она до сих пор стоит цела: она громадна и очень красива; такую колокольню, я думаю, трудно отыскать во всей вселенной по ея высоте, изяществу и вообще великолепию и пышности ея наружности. Под упомянутою колокольнею построен и другой храм, который в сравнении с тем великим выше упомянутым, быть может и мал. Он также называется Воскресение Христово»[8]. Это сообщение, помимо комплиментарной части в отношении архитектуры сооружения, содержит отметку о том, что на момент совершения путешествия митрополитом Эфесским (между 1493 и 1499 годами) колокольня была «совершенно цела».

В «Рассказе о Иерусалиме и св. горе Синае» (между 1395-м и 1517 годами) есть запись: «На левой стороне от ворот находится колокольня большая и высокая, красивая, соединенная с большим храмом, едва ли есть на свете другая колокольня такая, как эта, и на ней было в то время 18 колоколов»[9].

«Душеспасительный рассказ о св. Гробе, о святом граде и о всех местностях Земли Обетованной» (вторая половина XV века) несколько конкретизирует описание колокольни, указывая количество колонн, а также те приделы, которые располагаются под ней: «Близ св. Гроба и колокольня. Она очень красивая и высокая. В ней 108 маленьких колонн, и под ней



Модель храма Гроба Господня с колокольней.
Кипарис, перламутр. XVIII в.

церковь Сорока мучеников. Направо от нея другая церковь Мироносиц, называемая Воскресением. Там Мария Магдалина увидела Христа и сказала: Господи, куда ты положил тело Иисуса, и т. д. На левой стороне в связи с св. Гробом другая церковь, Св. Иакова, брата Господня»[10].

Аналогичным образом сообщает об этой части храма проскинитарий «О граде Иерусалиме и его окрестностях, земле Обетованной» (начало XVI века): «И колокольня примыкает посередине к храму Св. Гроба. Она очень красивая, точеная и высокая, искусно построенная. Имеет и 108 маленьких колонн»[11].

Следующее сочинение – «Проскинитарий с Богом Святым и описание Святаго места Святейшаго града Иерусалима и прочих Святых мест XVI в.» уточняет местоположение колокольни: «И колокольня св. Гроба очень велика и красива. <...> С левой стороны Святой двери, шагах в пяти стоит колокольня Святого Гроба, а под колокольней церковь Четыредесяти мучеников»[12].

Еще одно описание: «Се же путьшествие Святаго (храма) град, Иерусалима и гроба Гос-

Колокольня храма Гроба Господня.
Современный вид

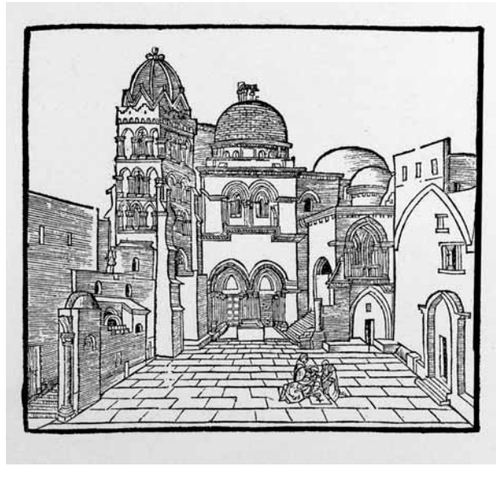
подня, и всех предел Иерусалимских, и обон пол Иордана, и Помория» (XVI век). Оно лишь отмечает факт существования колокольни: «есть <же> и звонница святаго гроба превелика зело и прекрасна»[13].

В сочинении «Проскинитарий, содержащий все чудесныя знамения, явленныя Спасителем нашим в Святом городе Иерусалиме и описание местностей (записан святогробским монахом Парфением 1 марта 1586 г.)» находим такое описание: «Стоит колокольня, очень красивая, искусной работы с красивыми окнами с колонками и под колокольнею храм Сорока»[14]. Исходя из этой отметки, можно с уверенностью говорить о том, что Парфений являлся только переписчиком проскинитария, так как к 1586 году верх колокольни уже был обрушен.

Анонимный греческий проскинитарий начала XVII века вводит в текст описания символические коннотации, уподобляя три верха храма образу Святой Троицы: «А приблизительно на расстоянии выстрела из лука от дома Давидова – великий и знаменитый храм Святого и живоносного Гроба великолепный и круглый. Он имеет и очень красивую колокольню, примыкающую к Пресвятому храму, и издали он представляет образ Св. Троицы»[15].

Важным свидетельством является греческий проскинитарий, написанный между 1608 и 1634 годами. В нем отмечены сохранившиеся части колокольни, количество уцелевших колонн и ступеней: «Колокольня Святого гроба примыкает к стене церкви: она высока и красива, прежде на ней был очень красивый купол, который потом разрушился. Вся колокольня выстроена на сводах и имеет тонких прекраснейших столбов, как можно видеть, теперь 88; прежде их было больше 100. Она имеет каменных ступеней, сколько можно видеть теперь, 96. Под колокольнею находится церковь Четыредесяти Святых, а близ этой церкви есть другая церковь – Св. Христова Воскресения»[16].

Таким образом, описания паломников содержат весьма скудные сведения, чтобы составить четкое представление об облике колокольни, однако до нас дошли изображения этого храма, выполненные западноевропейскими мастерами XV–XVI веков. Одно из них, сделанное в 1483 году Эргардом Ревихом, является чрезвычайно ценным, так как мы видим на этом рисунке еще не обрушенную землетрясением колокольню.



Вход в храм Воскресения Христова в Иерусалиме.
По рисунку 1483 г. Эргардома Ревиха

Глядя на изображение храма Гроба Господня, можно не без основания утверждать, что автор рисунка подробно и добросовестно передал облик сооружения. Достаточно взглянуть на купол, венчающий Кафоликон, чтобы

увидеть мельчайшие подробности, например, частично разрушенное завершение купола с «лампадой», вероятно, имевшее вид легкой беседки, аналоги которой можно видеть в европейских постройках (например, флорентийский баптистерий Сан-Джованни-Баптисто). На изображении мы видим, что лампада, венчающая купол, подверглась разрушению, утрачена часть колонок, на которые она опирается. Можно думать, что с такой же тщательностью автор отнесся и к рисунку колокольни. Мы видим, что звонница, возведенная над храмом, имела три яруса, которые затем увенчивались стройным куполом. Высота колокольни лишь немногим превышала высоту двух куполов храма. Здание колокольни по углам поддерживают мощные контрфорсы, которые, возможно, были обозначены русским паломником XVI века Василием Позняковым как столбы, на которые опирается эта постройка. Контрфорсы доведены почти до конца второго яруса. На южной стороне в ярусах колокольни мы видим трехпролетные арки, опирающиеся на изящные колонки; на восточной стороне видны на двух нижних ярусах двухпролетные арки, и лишь в верхнем ярусе показаны трехпролетные арки. Неточностью, допущенной художником, на наш взгляд, является то, что колокольня несколько отстоит от основного тела храма. Современные изображения этого памятника показывают, что звонница была пристроена вплотную к храму. Анализ декоративных деталей лишь подтверждает это.

Второе изображение колокольни хорошо знакомо всем присутствующим. Оно относится к концу XVI века и принадлежит итальянцу Бернардино Амико, чьи чертежи послужили несомненным источником для строительства подмосковного Нового Иерусалима. И здесь прошу обратить внимание на то, что это изображение является достаточно условным. Этот факт уже был отмечен протоиереем Дмитрием Шмелевым, правда, тогда это касалось изображения Елеонской часовни. Сейчас мы можем отметить также ряд расхождений с реально существовавшим храмом, отдельные фрагменты которого остаются неизменными и до настоящего времени. На изображении Амико отсутствуют контрфорсы, тогда как на современных изображениях мы можем их наблюдать. Ярусы колокольни слишком четко разграничены между собой горизонтальными выступами. Трехпролетные арки сохранены лишь в нижнем ярусе колокольни. Однако существенным, на наш взгляд, является изображение трехъярусной колокольни, так как именно три нижних яруса новоиерусалимской звонницы воспроизводили свой прототип. Сравнивая два изображения, надо отметить, что первое является более достоверным. (Подробный сравнительный анализ изображений был произнесен устно).

Тем не менее приходится признать, что для создания Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря именно изображение Бернардино Амико сыграло роль источника первостепенной важности, и неточности, допущенные художником при изображении храма Гроба Господня в Иерусалиме, легко отыскать в архитектуре подмосковного собора.

В завершение доклада несколько слов хотелось бы посвятить автору письменного описания палестинских святынь – Арсению Суханову, выполнившему обмеры храма Гроба Господня. В своем «Проскинитарии» иеромонах Арсений лишь упомянул о месте, где Мария Магдалина встретила Христа после Его воскресения. Он указал важнейшие святыни, находящиеся в этой части храма, однако обмеров он не выполнил, возможно потому, что этой частью храма владели католики, и по конфессиональным причинам русский посланник не получил разрешения на произведение обмеров[17]. Не оставил Арсений Суханов и описания колокольни, поэтому работы Бернардино Амико наряду с моделью храма являются главными источниками, использованными при строительстве колокольни.

И небольшое добавление из монастырской описи 1685 года: «А по исчислении меры Иерусалимской вкруг великия каменныя церкви с наружную же страну, мерою сто седмь сажень, опрично униженных (подземных) церквей и колокольни, а вокруг земных церквей мерою 32 сажени. Да вкруг колокольни мерою 30 сажень и три четверти сажени. А всего мерою вкруг великия соборныя церкви и к ней присовокупленных и в земли униженных церквей и колокольни сто пятьдесят три сажени без четверти»[18].

Г.М. Зеленская
Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»

ЛЕСТНИЦЫ ХРАМА ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

Лестницы Воскресенского собора в Новом Иерусалиме не привлекали внимания исследователей. Между тем эта тема представляет большой интерес как для истории строительства «великой церкви», возведенной по образу храма Гроба Господня в Иерусалиме, так и для символического осмысления зодческих форм, начало которому было положено основателем обители Патриархом Никоном.

Многоярусный собор, состоящий из трех основных объемов: ротонды Гроба Господня с запада, храма Воскресения Христова в центре и подземной церкви святых равноапостольных Константина и Елены с востока, – имел более двадцати каменных и деревянных лестниц, соединявших различные уровни огромного сооружения, создававшегося как образ храма-града.

Одни лестницы обусловлены иерусалимскими прототипами, но отличаются от них материалом и формой. Другие не имеют аналогов в храме Гроба Господня, и это лишний раз убеждает в намерении Патриарха Никона создать не копию, а преображенное подобие первообраза. Все «всходы» функциональны, но с некоторыми связаны символические толкования, менявшиеся со временем. Настоящая работа посвящена обзору «лествиц» Воскресенского собора с целью ввести в научный оборот новые архитектурные объекты, изучение которых поможет глубже проникнуть в особенности великой святыни православного мира.

«Всходы» храма делятся на внутренние и наружные. Начнем наш обзор с наружной лестницы на Святую Голгофу, которая ведет к южному входу в церковь Воздвижения Честного Креста Господня.

«ВСХОДЫ» НА СВЯТУЮ ГОЛГОФУ

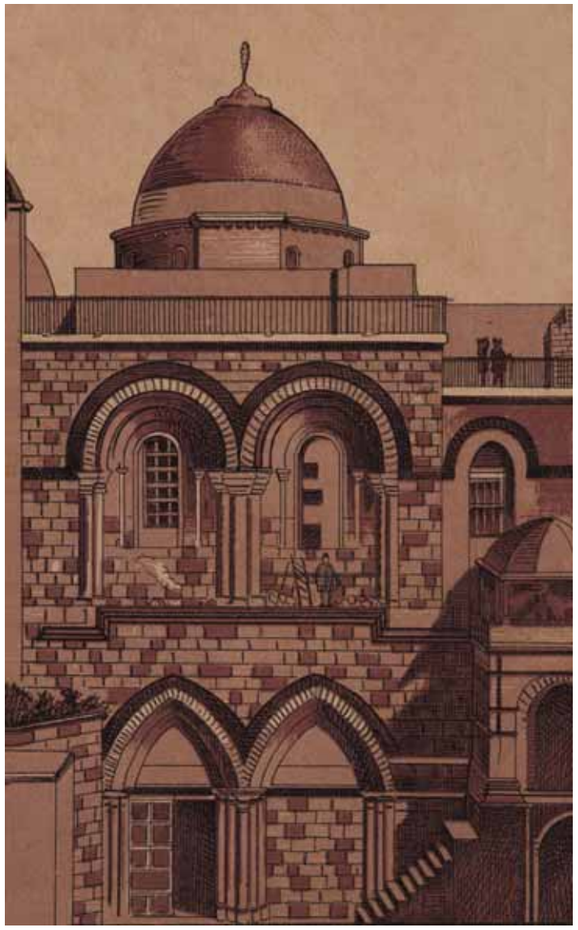
Наружная лестница

Голгофская церковь была освящена Патриархом Никоном в начале 60-х годов XVII века. В придел вела наружная лестница, начинавшаяся у главных южных врат Воскресенского собора. Первоначальный облик этого «всхода» был обусловлен первообразом, обозначенным на плане храма Гроба Господня падре Бернардино Амико 1596 года[1] и описанным в «Проскинитарии» иеромонаха Арсения (Суханова): «...есть двери на полдни з Голгофы вон из церкви и к тем воротам был особой приход по лествице на Голгофу, и над тою лествицею наверху пред дверми учинен теремок; сведен сводом чюдным строем, резным камением украшен, и ныне те двери заделаны... А что был на лествице теремок, и тут ныне учинена церквица римская, службу служат и запирают оне тое церквицу на низу. За тем крылцом учинена церквица; тут де стояла икона Пречистыя Богородицы, пред неюж покаяс Мария Египтяныни, егда не пусти ея Дух в церков поклонитися Кресту Христову на Голгофу»[2].

В Новом Иерусалиме эта лестница, как и многие другие проемы, заложенные в храме-первообразе, была открыта, что соответствовало реставрационным тенденциям в осмыслении прототипа[3].

Представление о первоначальном облике и конструкции сооружения дает монастырская Опись 1679 года: «На паперть (Голгофской церкви. — *Г.З.*) лестница каменная большая о трех всходах, покрыта на столбах тесом»[4].

«Теремок» католической «церквицы» пред южным входом на Голгофу в Иерусалиме был



Храм Гроба Господня. Южный фасад. Иерусалим.
Почтовая открытка начала XX в.
Справа — наружная лестница на Голгофу

преобразован в Воскресенском соборе в крытую площадку, служившую папертью.

Именно этой лестницей, сооруженной, вероятно, уже в конце 50-х годов XVII века, пользовались при Патриархе Никоне насельники и гости Воскресенского монастыря. Место близ Голгофы почиталось как священное — не случайно здесь были погребены в 1665 году иподиакон Никита Никитин и трудник Петр Заборский. Иподиакон, пострадавший в Москве по «делу Зюзина», завещал похоронить себя в Новом Иерусалиме, и «Святейший Патриарх срете его, яко мученика, вне монастыря со кресты и внесе в монастырь, и отпев уставленная над ним, погребе его своима рукама, под лествицею, иже на святую Голгофу»[5].

Погребение рядом с иподиаконом Никитой Никитиным Петра Ивановича Заборского — мастера «золотых, серебреных, медных, ценинных и всяких рукодельных хитростей» – свидетельствовало о высокой оценке Патриархом Никоном искусства этого «изрядного ремесленного изыскателя».

Несмотря на близкое подобие лестницы иерусалимскому прототипу и на связанные с нею исторические воспоминания, она была

Место «придельца» святой мученицы Татианы у южного входа на Святую Голгофу

кардинально перестроена в первой половине 80-х годов XVII века, когда завершалось сооружение Воскресенского собора. Лестница из трехмаршевой стала винтовой, вход на нее переместился с запада на восток — напротив места, приготовленного для придела преподобной Марии Египетской. Опись 1685 года упоминает о ней как о «круглой лестнице» с вратами «столярной работы»[6].

Западный вход на Голгофу был заложен. Здесь, в глухом проеме, оформленном изразцовым порталом, в конце XVII столетия поместили плиты с резной стихотворной монастырской «Летописью» архимандрита Никанора. Место погребения Никиты Никитина и Петра Заборского, уже недоступное для обозрения, было обозначено памятной плитой с надписью, составленной, вероятно, тем же архимандритом Никанором.

История перестроек сохранившейся двухэтажной Голгофской паперти практически не изучена, но из текста на памятной плите явствует, что лестница связывалась с местом, «идеже прежде во Иерусалиме покаяся Мария от Египта пред образом Святыя Богородицы»[7]. Именно в этом смысловом аспекте развивалась сакрализация южной лестницы на Голгофу в XVIII веке.

В 1749 году к востоку от нее была устроена на средства императрицы Елизаветы Петровны церковь преподобной Марии Египетской. В стенописях вокруг западного входа в придел изображались эпизоды из жития святой, и начинавшаяся здесь лестница включалась в историю подвижницы: над ступенями в стену был вмурован большой камень, привезенный из «Иорданской пустыни, где спасалась Мария Египетская»[8].

«Всход» по-прежнему вел на Голгофу, но верхние ступени лестницы выходили к новому приделу, устроенному тогда же, в середине XVIII века, у восточной стены Голгофского притвора и посвященному святой мученице Татиане.

Неизвестно, был ли освящен этот придел, от которого сохранились лишь следы от полукруглого восточного выступа на полу притвора. Ясно только, что он был очень мал, именовался «придельцем» и в описании Воскресенского собора середины XVIII века связывался логикой повествования с приделом преподобной Марии Египетской: «Церковь преподобныя Марии Египетския: во Иерусалиме на сем месте, как пишется в житии той преподобной, внегда она восходя на Голгофу поклонитися честному древу животворящаго Креста Христова, но силою Божиею невидимо отреваема, чрез что уразумевши преподобная недостоинство свое первого ради жития своего греховнаго, нача со слезами пред образом Пресвятыя Богородицы покаяние приносити, и прият извещение итти в пустыню Иорданскую, еже и сотвори, 47 лет без хлеба и одежды пребывающи. Против той церкви восход на святую Голгофу: восходят по степенем в приделец святыя Мученицы Татьяны, во Иерусалиме сие место нарицается Чертог святыя царицы Елены. Из того придельца врата медныя литыя на святую Голгофу в церковь Распятия Господа нашего Иисуса Христа пятка великаго...»[9]

Лестница, соединявшая с Голгофой приделы преподобной Марии Египетской и мученицы Татианы, создавала образ духовного восхождения, возможного только через покаяние, аскетический подвиг и мученичество за Христа. Это, наряду с переименованием в XVIII веке Крестовоздвиженского Голгофского придела в церковь Распятия или Страстей Господних, указывает на стремление следовать иерусалимскому прототипу и на желание расширить евангельскую топографию и топонимику храма, дополнив ее церковно-историческими и духовно-нравственными образами[10].

Эти тенденции в осмыслении Воскресенского собора заложил сам Патриарх Никон.

В последующие века они получили развитие, наиболее полно воплотившееся в богословско-иконографических программах архимандрита (впоследствии — архиепископа) Амвросия (Зертис-Каменского), бывшего настоятелем Воскресенского монастыря в 1748—1765 годах.

Винтовая лестница на Святую Голгофу с камнем из Иорданской пустыни, где спасалась преподобная Мария Египетская

Верхняя часть винтовой лестницы на Святую Голгофу в Новом Иерусалиме

В XIX столетии паломники, видевшие храм Гроба Господня, ревностно фиксировали случаи нарушения сходства Воскресенского собора с первообразом. Так, А.Н. Муравьев отмечал, что в Иерусалиме на открытом крыльце южной Голгофской лестницы «совершается доныне умовение ног, а здесь крыльцо закрыто, и тем нарушено сходство»[11]. Следует отметить, что к этому времени «приделец» святой мученицы Татианы был упразднен, и смысловые напластования, обогатившие данное место храма в XVIII веке, уже не просматривались.

Ныне винтовая лестница состоит из двадцати одной ступени. К западу от паперти Голгофской церкви находится еще один «всход» из четырех ступеней, ведущих на площадку над лестницей, назначение которой неизвестно.

В «Путешествии московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова» (вторая половина XVI века) отмечено, что у южного входа в храм Гроба Господня «приделано к церковной стене место высоко, мусиею утворено, и позлащено, а сказывают: ту царица Елена в прежние времена жидов судила»[12]. В путеводителе по Новому Иерусалиму начала XX века южный притвор Голгофской церкви именуется крыльцом царицы Елены[13]. Предстоит изучение сохранившихся архитектурных фрагментов в западной части Голгофского притвора с определением их образной интерпретации.

Знаменательно, что в Воскресенском соборе число ступеней южной Голгофской лестницы почти совпадает с количеством тех ступеней, по которым, согласно «Хожению игумена Даниила», паломники поднимались к месту Вознесения Господня на горе Елеон к востоку от Иерусалима. «Взълести же есть по степенем къ Вознесению Господню, и есть степеней тъх 22», — писал игумен Даниил[14].

Начитанный русский паломник, посещая Новый Иерусалим, мог сопоставить воспроизведенную здесь высоту Святой Голгофы, где Христос «вознесыйся на Крест волею»[15], с высотой верхней части Елеонской горы, «отонуду же бо Господь на небеса востече»[16].

Лестница на Голгофу из соборного алтаря

В Новом Иерусалиме южный «всход» на Святую Голгофу никогда не осмыслялся в качестве крестного пути Спасителя. Эта символика относится к двум внутрихрамовым северным лестницам, ведущим к Лобному месту Голгофской церкви. Одна из лестниц расположена в южной стене главного алтаря. Она ведет на «перететивье» — переход над аркой, по которому можно пройти к небольшой северной двери Голгофской церкви, упоминаемой в Описи 1685 года: «От северной страны... двери железные в алтарь большой»[17]. Эта часть Голгофы связывалась с местом, где стояла во время распятия Матерь Божия.

Опись 1685 года сообщает о плите «каменного путеводителя», вмурованной в стену у северной двери в Голгофский придел: «...из великаго олтаря лесница на Голгофу, и у дверей, которыя к великому олтарю, на стене подпись: “На сем месте во время распятия стояла Пресвятая Богородица со инема женами; от Креста Христова сажени полтретьи, в самой стене церковной, на том месте учинены двери”»[18].

Лестница соответствует своему первообразу в храме Гроба Господня, указанному на плане 1596 года.

В середине XVIII века символическое осмысление алтарной лестницы в Новом Иерусалиме формулировалось следующим образом: «...сход со святыя Голгофы по лесницы в соборной алтарь, по которому [сходу] возведен бысть Господь наш Иисус Христос на святую Голгофу... тут во олтарной церковной стене учинена дверь: на том месте во время распятия стояла Пречистая Богоматерь с Мироносицами... »[19].

В дальнейшем семантика этой лестницы получила наглядность благодаря помещенному на переходе от алтаря к Голгофе изображению Спасителя, несущего крест[20].

В настоящее время эта композиция, как и парапет из балясника на переходе между алтарем и Святой Голгофой, утрачены.

Внутристенная лестница и переход из алтаря на Святую Голгофу

Северная лестница на Святую Голгофу

Согласно священной топографии храма Гроба Господня, Христос поднимался к Лобному месту с севера, от пещеры, где Его содержали под стражей, пока приготовлялись орудия казни. Однако лестница из алтаря не могла быть общедоступной, и главным северным «всходом» на Святую Голгофу в Новом Иерусалиме является лестница, расположенная против Камня миропомазания. Она соответствует первообразу, о котором в «Проскинитарии» сказано: «...лествица вверх на Голгофу ИЗ (18. — *Г.З.*) ступеней»[21].

Лестница имеет два марша. Один примыкает к северной стене придела Усекновения главы Иоанна Предтечи. Он начинается с запада и завершается площадкой перед дверью Голгофской церкви.

Второй марш расположен под прямым углом к первому. Он начинается с северной стороны, находится внутри Голгофской церкви и ведет, так же как лестница из соборного алтаря, к Лобному месту.

В середине XVIII века данный «всход» на Голгофу описывался без символических толкований: «При самой святыя Голгофы между соборнаго олтаря и вышеписанной Предтечевой церкви от запада лесница на святую Голгофу»[22].

Близость «всхода» к приделу Усекновения главы Иоанна Предтечи открывала возможность для новой семантики: под лестницей была устроена Темница святого Иоанна Крестителя с «железными решетчатыми дверьми»[23] в северной стене парапета.

Северная лестница на Святую Голгофу

Внутристенная часть северной лестницы на Святую Голгофу

В XIX веке на эту лестницу распространилось значение Крестного пути, что получило отражение в монастырских путеводителях, где написано: «С Голгофы прямо к Камню повития или помазания ведет лестница, именуемая Крестным или Жалостным путем, по которому Спаситель благоволил нести на Себе Крест всего мира»[24].

А.Н. Муравьев пишет, что они с архимандритом Воскресенского монастыря взошли на Голгофу не Жалостным путем, «а особенным восходом из олтаря»[25].

При упоминании же северной лестницы он сообщает интересную подробность: «Любопытно, что верхния его (Жалостного пути. — *Г.З.*) ступени каменныя, а нижния деревянныя; ибо когда обсекли прямым уступом утес Голгофы, часть ступеней должно было доделать из скалы, и их срубили из дерева»[26].

Интерьер церкви на Святой Голгофе. Лобное место

Если речь идет о лестнице в Новом Иерусалиме[27], то, по всей вероятности, нижние ее ступени были обложены деревом. В любом случае несомненно стремление автора сопоставить лестницу и ее значение с известными ему сведениями о древнем прототипе, и потому он полагает странным, что «перенесена сюда Самарийская темница Иоанна Предтечи, отстоящая на три дня пути от Иерусалима»[28].

Между тем в «Хожении» Трифона Коробейникова темница упоминается близ колокольни храма Гроба Господня: «Патриарх ходит к Божественному пению к тем трем церквам, что у колокольни. Да на той же стороне... стоит темница на осуждение повинным. В той же темнице сидел пророк Иван Предтеча от безбожного Царя Ирода»[29].

Можно предположить, что главным смысловым обоснованием местонахождения Темницы

Иоанна Предтечи под северной лестницей на Голгофу служило ее сопоставление с Темницей Христовой в трапезе придела Успения Пресвятой Богородицы. Иконографические программы в Новом Иерусалиме строились во второй половине XVIII века на исторических параллелях, и Темница Крестителя Господня развивала тему мученичества Иоанна Предтечи, чье заключение и смерть предварили пребывание в темнице и крестную смерть Спасителя.

В настоящее время интерьер Темницы святого Иоанна Предтечи нуждается в восстанов-

Дверь в Темницу
святого пророка Иоанна Предтечи
под северной лестницей на Голгофу

лении как одно из святых мест Воскресенского собора.

Что касается наружной части северной лестницы на Голгофу, то она сохраняет вид, приобретенный в процессе ремонтно-реставрационных работ по собору, которые были произведены под руководством архимандрита Серафима (Чичагова; † 1937)[30]. Этот настоятель Воскресенского монастыря, управлявший обителью с февраля 1904 по март 1905 года, завершил свой жизненный путь в сане митрополита как священномученик. Он был репрессирован и вместе со многими другими служителями Церкви Христовой расстрелян на Бутовском полигоне. Ныне святитель Серафим причислен к лику новомучеников и исповедников Российских.

Предполагается законсервировать некоторые фрагменты предпринятых им реставрационных работ в Воскресенском соборе с целью сохранить для будущих поколений все пласты истории Нового Иерусалима.

В заключение отметим, что в храме Гроба Господня после пожара 1808 года северная лестница на Святую Голгофу была уничтожена «по распрям разноплеменных». Вместо нее против Камня миропомазания в Иерусалиме устроены две симметричные западные лестницы, «дабы крестные ходы греков и латин не мешали друг другу»[31].

Таким образом, Жалостный путь в Воскресенском соборе Нового Иерусалима, сохранивший первоначальную форму и планировку, имеет в определенном смысле значение первообраза.

Лестница в ризницу за алтарем Голгофской церкви

«Всход» в храмовую ризницу расположен восточнее северной лестницы на Голгофу и аналогичен ей по планировке и топографии. Он состоит из наружного марша, огражденного с востока и севера кирпичным парапетом, выложенным без перевязки со стеной. В путеводителе 1903 года эта архитектурная форма названа крыльцом[32].

Наружный «всход» завершается площадкой перед дверным проемом, за которым начинается внутристенная лестница. Как и в

других частях храма, здесь использованы резные белокаменные надгробные плиты XVI — начала XVII века, привезенные при Патриархе Никоне из неизвестного упраздненного погоста.

Слева от двери на внутристенную лестницу помещена плита «каменного путеводителя» с резной надписью: «На сем месте тамо келлии Святейшаго Патреарха Иерусалимскаго, зде же на том месте ризница».

Лестница в ризницу Воскресенского собора соответствует лестнице в патриаршие кел-

Наружная лестница в ризницу

Внутристенная лестница в ризницу

лии, обозначенной на плане храма Гроба Господня 1596 года.

В Новом Иерусалиме назначение помещения за алтарем Голгофской церкви не менялось на протяжении столетий. В храме-первообразе оно использовалось по-разному. Так, А.Н. Муравьев, описывая Воскресенский собор, замечает: «Архимандрит указал мне, подле придела Терноваго венца, келлию Патриаршую, которая, может быть, принадлежала некогда Святителю в Иерусалиме, но теперь обращена там в поварню заключеннаго храма»[33].

ЛЕСТНИЦЫ ГЛАВНОГО АЛТАРЯ

Особого внимания заслуживают лестницы центральной части храма Воскресения Христова, который мы называем, подобно первообразу, Кафоликоном.

В Новом Иерусалиме Кафоликон выделен из окружающего пространства тем, что уровень его пола поднят на высоту четырех ступеней в алтарной части и одной — в центральной. Главный алтарь собора имеет снаружи три «всхода».

Первый из них ведет на солею. Опись 1685 года упоминает перед царскими дверьми обитый красным сукном амвон «на три схода и степеньми»[34].

Ныне на месте утраченной солеи устроен временный деревянный «всход» с тремя ступенями.

В западную часть алтаря из южной и северной галерей храма ведут две симметричные лестницы. Эта особенность обусловлена первообразом, где Кафоликон, вытянутый по оси запад — восток, имеет боковые проходы, находившиеся, согласно плану 1596 года, перед иконостасом.

В Новом Иерусалиме, благодаря примыканию иконостаса к восточным подкупольным столпам, боковые проходы оказались в алтаре. Базиликальная структура Кафоликона была, таким образом, преображена в крестово-купольный одноглавый храм с притвором в Царской арке, отделяющей Кафоликон от ротонды, и с тремя входами по центру каменных преград, вычленявших центральную часть собора из общего пространства храма.

Ныне с южной стороны в алтарь ведут четыре каменные ступени. Исторический «всход» с северной стороны не сохранился. Его заменяет деревянная лесенка.

Северные двери алтаря использовались во время богослужения подобно северным вратам иконостаса. Это было обусловлено монастырским церковным уставом, особенности которого отмечались паломниками. «На всех литургиях в Воскресенском соборе, на главном престоле, малые и большие входы совершаются из северных боковых дверей главного алтаря в заолтарную галерею, в ротонду, вокруг Кувуклии и чрез Царскую арку в царские врата главного олтаря», — писал князь С.Н. Голицын[35].

В восточной части алтаря находится полукруглое горнее место с белокаменными ступенями, сохранившимися в первоначальном виде. Опись 1685 года упоминает «всход на самое горнее место... а ступеней до вышния степени седьм... На степенях четыре столпа»[36]. Горнее место и ступени были обиты в то время красным гамбургским сукном[37]. Эта традиция сохранялась вплоть до начала XX века.

В настоящее время ступени горнего места открыты в своем первоначальном виде, и есть возможность увидеть здесь древние надгробные плиты с резным орнаментом, использованные как строительный материал.

С алтарем Воскресенского собора связано предание о предназначении его для служения Вселенских патриархов. В XIX столетии это предание выражалось в пяти седалищах, устроенных на горнем месте.

Южные ступени в главный алтарь

Ступени горнего места в главном алтаре. Общий вид (вверху) и фрагмент

По словам А.Н. Муравьева, горнее место в Новом Иерусалиме – «на десяти ступенях с престолами пяти Вселенских патриархов»[38]. Выяснить время устроения этих «престолов» пока не удалось. Ясно одно: они имели сугубо символическое значение. Именно так – не в буквальном, а в знаковом смысле – их воспринимали паломники. «10 широких ступеней, обитых красным сукном, ведут к горнему месту с пятью седалищами, знаменующими пять вселенских патриарших престолов», – писал князь С.Н. Голицын[39].

ЛЕСТНИЦЫ НА ХОРЫ

Воскресенский собор, как и храм Гроба Господня в Иерусалиме, имеет второй ярус, куда ведут четыре лестницы. Эта особенность «великой церкви» Нового Иерусалима отмечена в Описи 1685 года: «...на тех больших столпах сведены верхния своды, а на них изнутри церкви всход и верхния обходы»[40].

Юго-восточная лестница

Особое значение для архитектурной истории Воскресенского монастыря имеет юго-восточная лестница «великой церкви». Топографически она соответствует иерусалимскому прототипу. В храме Гроба Господня данный «всход» был в XVII веке деревянным. Эта лестница не указана на планах и видах иерусалимской церкви, но отмечена в «Проскинитарии» иеромонаха Арсения (Суханова): «Над Голгофою ж на сводах место порожне, а лествица к нему древяная»[41].

Опись Воскресенского монастыря 1685 года повторяет этот текст почти дословно, но расширяет его информацией о том, что в Новом Иерусалиме данная лестница — каменная: «А над Голгофою же на сводах место порожнее, к нему лестница, и вместо Иерусалимския деревянныя лестницы сделана в сей церкви каменная лестница»[42].

Опись подробно фиксирует местоположение юго-восточной лестницы на хоры, причем в качестве ориентиров упоминаются наружная лестница на Голгофу, место для придела преподобной Марии Египетской и келия просфорника: «...из церкви великой вышед на южную страну, отворотясь на восток к лестнице, что на Голгофу всход, у лестницы на правой стороне полатка, где уготовано место быть церкви Преподобныя Марии Египтяныни, а позади ея другая на углу полатка, в ней живет монах, устроенный на службу пещи просфоры, а из нее всход на верхние обходы, что над Голгофою, учинены по олтарю крестообразно ити»[43].

В Воскресенском соборе юго-восточная лестница винтовая. Она заключена в цилиндрический объем, вынесенный на южный и восточный фасады храма. Первоначально этот «всход» не только соединял два этажа собора, но и вел на плоскую кровлю-гульбище второго яруса.

На гравюре второй половины XVIII века, изображающей Воскресенский собор с юго-восточной стороны, хорошо видна верхняя часть лестничного объема в виде стоящей на кровле башенки, завершенной шатриком с прапором. В таком виде «всход» представлен и на акварелях архитектора Л.Э. Тепфера, реконструировавшего храм на конец XVII века[44].

Ныне башенка утрачена, но сама лестница сохранилась. Она близка винтовой лестнице в Богоявленской пустыни Патриарха Никона, о которой голландец Николаас Витсен, посетивший Новый Иерусалим в мае 1663 года, записал в своем дневнике: «Лестницы очень узкие, похоже на лабиринт»[45].

Нижние ступени юго-восточной лестницы

Лестничный объем на южном фасаде Воскресенского собора

Это весьма интересное наблюдение. Образованному жителю Западной Европы круглая в плане лестница напомнила, вероятно, лабиринты из концентрических кругов, выложенные на полу католических храмов. Хождение по этим кругам от периферии к центру символизировало паломничество в Святую Землю. Образ лабиринта связывался и с духовным путем христианина. В этом качестве он изображался в XVIII–XIX веках на православных иконах и лубках.

Так, на иконе «Лабиринт духовный» XVIII века в центре кругов помещена композиция, знаменующая лествицу земной жизни: по ступеням кирпичного пьедестала поднимаются (слева) и спускаются (справа) мужчина и женщина в возрасте от раннего детства до глубокой старости[46]. У подножия лествицы изображены рождение и смерть человека.

Можно сказать, что винтовая лестница — это вертикальный лабиринт с множеством смысловых ассоциаций.

Юго-восточная лестница собора послужила в 90-х годах XVII века образцом для композиции башен монастырской ограды. К основному объему каждой башни примыкает полукруглый, увенчанный шатриком выступ, внутри которого находится винтовая лестница для подъема на второй и третий ярусы. Эта особенность способствовала объединению сооружений обители в единый архитектурный ансамбль, создававший образ града, всегда актуальный для Нового Иерусалима.

Лестница в северо-западном пилоне Кафоликона

В центральной части храма наибольший интерес представляет лестница в северо-западном пилоне. Она не имеет аналога в храме Гроба Господня и ведет на оба яруса хор, с которых можно попасть в барабан большой главы, откуда есть выход на кровлю.

В Новом Иерусалиме этот «всход» существовал, по-видимому, со времен Патриарха

«Лабиринт духовный».
Икона XVIII в. Холст, масло.
Из собрания музея «Новый Иерусалим»

Нижние ступени лестницы
в северо-западном пилоне Кафоликона

Восстановленный северо-западный
пилон и большая глава Кафоликона

Вид на восточную часть храма с хор в большой главе (вверху).
Верхние ступени лестницы в северо-западном пилоне Кафоликона

Никона. Он обозначен на плане Воскресенского собора 1858 года.

В 1941 году, когда монастырь был взорван немецко-фашистскими захватчиками, западные столпы храма обрушились. Их восстановление относится к 70 годам XX века.

Лестница в северо-западном пилоне состоит из 150 ступеней.

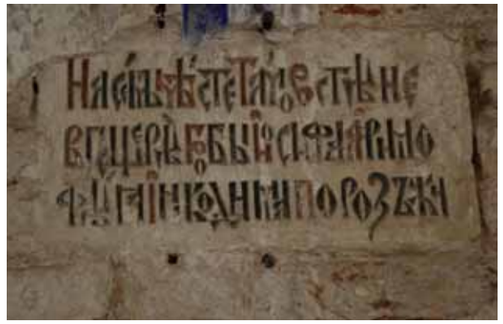
«Всход» внутри столпа символизирует восхождение на духовное небо, которое в данном случае знаменует церковная глава — место обитания Господа Вседержителя и Ангелов.

В XVIII веке эта идея была выражена в росписи скуфьи купола, где помещалась живописная композиция, представляющая Воскресение Христово. В барабане между окнами были изображены восемь Ангелов со свитками, надписи на которых составляли стихиру престольному празднику собора: «Воскресение твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити».

Северо-западная внутристенная лестница в ротонде Гроба Господня

Внутристенные лестницы, предназначенные для подъема на хоры, существуют и в ротонде Воскресенского собора. Одна из них, северо-западная, одномаршевая, начинается в западной экседре и не имеет первообраза в иерусалимском храме. Дверной проем этой лестницы находится против входа в «палатку», которая воспроизводит место погребения праведных Иосифа и Никодима. Расположение «всхода» зафиксировано монастырской Описью 1685 года «на правой стороне (галереи ротонды. — *ГЗ.*), промеж стен лесница на верхния полати... противо лесничных дверей, что на полати, в той же стене, где учинены два гроба, а у той полатки на стене надпись: “На сем месте тамо в стене в пещере гробы Иосифа Аримафейскаго и Никодима порозжия”»[47].

Северо-западная лестница
в ротонде Гроба Господня



Плита «каменного путеводителя» с надписью:
«На сем месте тамо в стене в пещере гробы...»

«Палатка» с подобием мест погребений
праведных Иосифа и Никодима

Плита «каменного путеводителя» с надписью:
«От тои полатки идучи на правой же
стороне промеж стен лестница...»

Справа от входа на лестницу находится белокаменная плита с резной надписью: «От той полатки идучи на правой же стороне промеж стен лестница на верхние полати направо». Надпись, в отличие от других текстов «каменного путеводителя», цитирует не «Проскинитарий» иеромонаха Арсения (Суханова), а топографическое указание Описи 1685 года. Это позволяет предположить, что лестница (полностью или частично) была построена вновь в первой половине XVIII века в процессе восстановления ротонды, пострадавшей от обрушения в 1723 году кирпичного шатра. В таком случае плиту следует считать стилизацией, характерной для реставрационной концепции архитектора И.Ф. Мичурина, работавшего в Новом Иерусалиме в конце 30-х — середине 40-х годов XVIII столетия. Предстоит проверить эту гипотезу в ходе начавшихся исследовательских работ по Воскресенскому собору.

Западная экседра ротонды, где начинается лестница, — одно из самых чтимых святых мест собора, связанных с темой погребения и воскресения. Оно находится против Кувуклии Гроба Господня и отмечено не только подобием гробниц праведных Иосифа Аримафейского и Никодима, но и одним из монастырских захоронений.

На хорах ротонды, прямо к западу от Кувуклии, был устроен в 1803 году на средства

Выход из северо-западной лестницы
на галерею второго яруса ротонды
к месту придела Преображения Господня

княгини Е.Р. Дашковой придел Преображения Господня.

Соединяя два святых места храма, знаменующих погребение и преображение, лестница напоминает о том «дивном преображении», которое совершится с нами, когда в прославленном теле возстанем мы из гроба, куда опускаемся с плачем: «Сеется тленное, воскресает нетленное»[48].

Юго-восточная лестница на хоры в ротонде Гроба Господня

В отличие от северо-западной лестницы, юго-восточный «всход» на хоры из первого яруса ротонды указан на плане храма Гроба Господня 1596 года. В Новом Иерусалиме он находится рядом с приделом 12 и 70 апостолов и был отмечен надписью на плите «каменного путеводителя»: «Лестьвица на верхния полати».

В Воскресенском соборе южная лестница служила общедоступным «всходом» на хоры храма, подтверждавшим сходство образа с первообразом. «Мы поднялись на хоры с южной их стороны, — писал А.Н. Муравьев, — по той лестнице, которая в Иерусалиме ведет на Армянскую половину, где устроены две их церкви»[49].

«На этой же (южной. — *Г.З.*) стороне храма находятся двери и лестница на хоры, в так называемый Иерусалим Армянский», — повествует путеводитель по Новому Иерусалиму 1903 года[50]. Далее сообщается, что, «сойдя с хор в нижний ярус, богомолец встречает придел семидесяти Апостолов»[51]. Следовательно, поднимались и спускались на хоры, как правило, по одной и той же южной лестнице.

Нельзя не отметить безупречную функциональность «всходов» на второй ярус храма. Четыре лестницы расположены по сторонам света, что позволяет использовать каждую из них при необходимости попасть в ту или иную часть хор. Ступени юго-западной лестницы были заново оформлены в процессе ремонтных работ 1904 года и нуждаются в особом исследовании.

Место придела 12 и 70 апостолов в южной галерее ротонды и нижние ступени юго-восточной лестницы на хоры

Ступени юго-восточной лестницы в ротонде Гроба Господня и выход на хоры второго яруса собора

ЛЕСТНИЦА НА КОЛОКОЛЬНЮ

Самой высокой винтовой лестницей Воскресенского собора была лестница на колокольню, которая, подобно своему первообразу в Иерусалиме, примыкает к южному фасаду храма. Первоначально она была семиярусной. В верхних ярусах был установлен часовой механизм. В первом этаже колокольни помещалась церковь, первоначально названная во имя святого апостола Андрея Первозванного и переименованная в 1690 году в честь Всех Святых.

В 1941 году при взрыве собора колокольня была разрушена. Уцелел только первый ее ярус и нижняя часть внутристенной винтовой лестницы, упоминание о которой содержится в Описи 1685 года: «...под колокольнею великия церкви церковь Всех Святых, что была Андрея Первозваннаго, не освящена... прошед тое церковь, на право лесница круглая на колокольню, а с колокольни ход на церковь учинен в стене церковной»[52].

Иностранцы, посетившие Новый Иерусалим в конце XVII века, писали: «Еще мы взобрались на колокольню высотой двести две ступеньки, которую, если бы Патриарх там и оставался, построили бы еще выше»[53].

Высота колокольни по числу ступеней лестницы могла для паломников-книжников ассоциироваться с высотой «столпа Давида» в Иерусалиме, который, по подсчету игумена Даниила, «степеней имать 200»[54].

Колокольня Воскресенского собора. *Фотография иеродиакона Диодора. 80-е гг. XIX в.*

Верхние ступени сохранившейся части лестницы на колокольню. *Современный вид*

ЛЕСТНИЦЫ ПОДЗЕМНОЙ ЦЕРКВИ

Церковь святых равноапостольных Константина и Елены, углубленная в землю на шесть метров к востоку от Кафоликона, сооружена в первой половине 80-х годов XVII века. Во времена Патриарха Никона на этом месте был только ров с кладезем.

Освящение церкви совершилось в 1690 году. В XVIII веке храм дважды перестраивался. Как и весь собор, он имеет несколько приделов и хоры, ведущие в барабан главы, из которого есть выход на кровлю, бывшую первоначально плоской. Сейчас в церкви находятся пять каменных лестниц.

Западная лестница

Западная лестница, ведущая в подземную церковь из заалтарной галереи Кафоликона, находится между заалтарными приделами Разделения риз и Поругания Господня. Первоначально она воспроизводила первообраз, обозначенный на плане храма Гроба Господня 1596 года и описанный в «Проскинитарии» иеромонаха Арсения (Суханова), где эта лестница упоминается дважды: «Мера вниз по лествице, иде же обретен крест Христов, и прочая самая стена, что в дверех, даж до первого степеня лествицы, сажен. Лествицы от того места дватцат девят ступене»[55]; «От тое церкви (Разделения риз. — *Г.З.*) итти на низ в пещеру лествица **КФ** ступеней окроме порога, что в самых дверех...»[56]

29 ступеней западной лестницы в подземную церковь называет и Опись 1685 года: «За олтарем же ход в низ по каменной лествице к востоку, идеже обретен Крест Христов и прочая; самая стена, что в дверях, с перваго степени лествицы имать едину сажень, и от того места к степени, что в дверях, 29 степеней»[57].

В связи с текстом «Проскинитария» интересна его интерпретация в резной надписи на плите «каменного путеводителя», расположенной в настоящее время справа от входа в «земляную церковь»: «Лествица во храм, чрез юже нисходятца к храму святыя Елены, последи ко храму Обретения святаго Креста, вся каменная, содержит аки степеней двадесят девять, а с порогом тридесят»[58].

Впрочем, этот текст в Описи 1685 года приведен и в другой редакции. После слов «вся каменная» следует: «содержит аки степеней тридцать»[59]. То же количество ступеней называет и Трифон Коробейников, отметивший, что в храме Гроба Господня в подземную церковь «идти по степеням по каменным 30 ступеней»[60].

Сопоставление источников можно продолжить, но для нас важно другое: в числе 30 содержится возможность того символического истолкования, которое эта лестница обрела в XIX веке, когда в ней, как и ныне, было 33 ступени. Столько же насчитывала в то время и лестница-прототип в храме Гроба Господня.

Западный вход в подземную церковь святых равноапостольных Константина и Елены

Западная лестница подземной церкви святых равноапостольных Константина и Елены

«Мы спустились к честному кресту по тридцати трем ступеням, как и в Иерусалиме», — писал А.Н. Муравьев[61]. Характерно, что знаменитый путешественник не истолковывает количество ступеней в лестнице, а писатель Иосиф Белов, посетивший Новый Иерусалим в 1850 году, сводит их число к тридцати двум[62]. Однако впоследствии путеводители и паломнические записки, отражая, по-видимому, уже сложившуюся к тому времени монастырскую традицию, связывают число ступеней данной лестницы с годами земной жизни Христа. «Глубина сей (подземной. — *Г.З.*) церкви простирается на столько ступеней, на сколько был зарыт Крест Господень, т. е. состоит из 33 ступеней в воспоминание лет земной жизни Спасителя», — читаем в «Историческом описании» обители архимандрита Ленида (Кавелина)[63] и,

Интерьер подземной церкви.
Вид с западной лестницы

Интерьер подземной церкви.
Вид на иконостас

почти в дословном пересказе, у княгини Е. Горчаковой[64].

Возвращаясь к надписи на плите «каменного путеводителя» первой половины 80-х годов XVII века, заметим, что число 30 тоже относится к годам земной жизни Христа. В этом возрасте Господь крестился и вышел на проповедь, в связи с чем в христианской аскетике число 30 знаменует духовную зрелость, достижение *полного возраста Христова* (Еф. 4:13). Именно поэтому символическая «лествица», описанная преподобным Иоанном, игуменом Синайским, состоит из 30 ступеней, верхняя в которой есть любовь. «Христос же, — пишет святой Иоанн Лествичник, — крестившись в тридесятое лето видимаго возраста, получил тридесятую степень в духовной сей лествице, ибо любовь есть Бог»[65].

Связь числа ступней заалтарной лестницы Воскресенского собора с воспоминанием о годах земной жизни Спасителя можно объяснять осмыслением подземной церкви как места Сошествия во ад. В Новом Иерусалиме такое толкование было вполне официальным, поскольку оно нашло отражение даже в таком сугубо техническом документе, как смета по ремонтным работам, представленная в Синодальную канцелярию архитектором И.Ф. Мичуриным в 1745 году. «Церковь царя Константина, что Сошествие во ад», — писал московский зодчий о подземном храме[66].

Семантику западной лестницы «земляной церкви» святых равноапостольных Константина и Елены можно соотнести с образом той «лествицы», которую создает на южном и северном фасадах храма ритмический ряд глав, «нисходящих» с запада на восток и «восходящих» с востока на запад. Этот архитектурный образ, символизирующий связь небесного с земным, «возводит ум» к Воскресению Христову, когда Господь сошел во ад и, «исхитив род человеческий из ада, возвел и привел на небеса к древнему достоянию нетления» (Синаксарь на Пасху)[67].

Южная и северная лестницы

Тема смерти и воскресения наряду с темой обретения Креста Господня всегда была главной для символики «земляной церкви» Нового Иерусалима, во многом обусловленной священными преданиями о первообразе. «Подземелье это находится на месте бывшей лощины, именуемой юдолью мертвых, куда повергали их; тут же низринут был и Крест Христов», — писала княгиня Е. Горчакова о подземной церкви в старом Иерусалиме[68].

Одна из икон в иконостасе подземной церкви Нового Иерусалима изображает воскрешение умершей женщины после возложения на нее Креста Господня, что позволило отличить Животворящее древо от найденных тут же крестов двух разбойников, распятых вместе с Христом на Голгофе. Предания о первообразе получили отражение в церковной жизни Воскресенского монастыря. По сторонам подземного храма расположен некрополь, а к его фасадам примыкают с юга и севера кладбищенские часовни.

С южной части некрополя в подземную церковь ведет узкая внутристенная лестница, которая выходит на площадку большой западной лестницы. Боковые «всходы» подземной церкви упомянуты в Описи 1685 года: «Посреди тое лествицы по обе стороны выход по лесенкам в полатки, а ис тех полаток двери приходные на монастырь»[69].

Симметрично южной лестнице находится северная боковая лестница. Она ведет на хоры, расположенные вдоль северной стены храма. По ним можно пройти на деревянные хоры в барабане главы, откуда есть выход на кровлю церкви, первоначально плоскую[70].

Специальные исследования по «всходам» подземной церкви не производились. Известно, что западная лестница была поновлена в 1904 году.

Юго-восточная лестница в придел священномученика Кириака и к месту Обретения Креста Господня

К юго-востоку от главного алтаря «земляной церкви» расположена лестница, которая соответствует первообразу, обозначенному на плане храма Гроба Господня 1596 года.

В «Проскинитарии» это место описано достаточно подробно: «В тое церкви служат армяне, тут два престола. А ныне называют тое церковь Иакова брата Божия. Ис тое церкви на

восток с полуденной страны олтаря лествица вниз, от церковнаго мосту даже до низу одиннатцат ступеней»[71]. Опись 1685 года повторяет этот текст с минимальными коррективами: «...ныне тут два престола, един Иакова Брата Божия, у второй Царей Константина и Елены. Из тое церкви на восток с полуденной страны олтаря лествица внизу от церковнаго помосту, с нижняго помосту же в церковь одиннадцать ступеней»[72].

В храме Гроба Господня эта лестница окружена святынями, чьи подобия были созданы и в Новом Иерусалиме. Здесь находились: с севера, в стене главного алтаря, — Седалище царицы Елены; с юга — придел Обретения Честного Креста; с востока — придел священномученика Кириака, где стоял изразцовый крест, изготовленный в меру Креста Господня.

Хоры в главе подземной церкви

Южная лестница подземной церкви

Часть северной лестницы на хоры

Юго-восточная лестница
к месту Обретения Креста Господня

Восточная часть подземной церкви неоднократно перестраивалось, однако лестница сохраняла свой традиционный вид. «Одиннадцать ступеней низводят к приделу епископа Кириака и к колодцу, где обретен был самый крест», — писал об этом святом месте Нового Иерусалима А.Н. Муравьев[73].

Ныне юго-восточная лестница состоит из семи ступеней. Как и прежде, она используется при богослужениях. Возобновлена традиция освящения воды в колодце[74].

Лестница в лантернин над местом Обретения Креста Господня

В подземной церкви над местом Обретения Креста был сооружен в XVIII веке световой фонарь (лантернин). История его использования требует специального исследования. Так, известно, что в это помещение был перенесен придел священномученика Кириака, однако сведений о его освящении обнаружить пока не удалось. Нет данных и о том, когда в своде пещеры Обретения Креста был устроен над кладезем овальный проем, сквозь который просматривался деревянный крест, водруженный у южной стены лантернина. Вероятно, создание этой пространственной композиции связано с перелицовкой восточной части подземной церкви, и деревянный крест в лантернине, указывая на значение иерусалимского первообраза, был призван заменить изразцовый крест, находившийся в XVII веке в приделе священномученика Кириака.

Место Обретения Креста Господня
и крест в лантернине

Наружная (внизу)
и внутренняя лестница в лантернин

Возможна также связь установки креста в лантернине с устроением в XVIII столетии на месте церкви священномученика Кириака придела в честь Воспоминания явления на небе Креста Господня в Иерусалиме. Этот праздник совершается Церковью 7/20 мая в память происшедшего в 351 году чуда, когда над Иерусалимом явился светящийся Крест протяженностью от Святой Голгофы до горы Елеон.

Первоначальный деревянный крест над кладезем утрачен. Сохранившийся крест восстановлен в 80-х годах XX века.

В лантернин из южной части подземной церкви ведет наружная лестница из четырех ступеней и внутренняя — из пяти.

ДЕРЕВЯННЫЕ ЛЕСТНИЦЫ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА. «ВСХОДЫ» НА КРОВЛЯХ ХРАМА

Наряду с белокаменными и кирпичными лестницами в Воскресенском соборе находились «всходы», выполненные из дерева. Это были как приставные лестницы, так и те, которые конструктивно связывались с деревянными «полатями» — хорами.

Монастырская Опись 1679 года упоминает хоры в западной части придела Успения Пресвятой Богородицы, освященного Патриархом Никоном в начале 60-х годов XVII века: «В церкви ж и в олтаре четырех столпа, к двум столпам, которые в церкви, приделаны деревянные полати»[75]. Упразднение этих полатей относится, вероятно, ко второй половине XVIII столетия. Оно могло быть связано с растеской арочных проемов в западной стене придела, соединяющих церковь с трапезой.

Хоры с ведущей на них деревянной лестницей были устроены и в западном притворе придела святой равноапостольной Марии Магдалины, расположенном в северо-восточной части галереи ротонды Гроба Господня.

Западная стена придела
святой Марии Магдалины с хорами

Северная стена главного алтаря собора
с пазами от тябел иконостаса и брусьев хор

Этот придел, освященный в 1801 году, благоукрашался на средства императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла I, почитавшей святую Марию Магдалину как свою небесную покровительницу. Церковь оформлялась по проекту архитектора М.Ф. Казакова, учитывавшего возможность присутствия на богослужении августейших особ, для которых и были устроены хоры.

В настоящее время сохранился мраморный алтарь церкви святой Марии Магдалины и оформление западной стены придела. Все деревянные части интерьера, к сожалению, утрачены.

Необычное явление представляли собой семиярусные деревянные хоры в главном алтаре Воскресенского собора. Они закрывали внутреннюю сторону иконостаса и первоначально предназначались для зажигания свеч у икон. Об этом свидетельствует Опись 1685 года: «В олтаре ж против деисусов учинены хоры деревянные в семи поясах для засвечиванья у деисусов свеч, с балясами точеными в брусье»[76].

Впоследствии хоры в алтаре обрели символическое значение. Предполагалось, что они были устроены «в память седми Вселенских соборов»[77].

Предание сохранило воспоминание об использовании этих хор в качестве клироса. «Архимандрит объяснил мне, — писал А.Н. Муравьев, — что на сих хорах становились певчие Патриаршие, и, по мере возвышающейся торжественности святой литургии, восходили все

Кровли храма Гроба Господня в Иерусалиме с приставными лестницами.
Современный вид

выше и выше, и стояли наконец на крайней высоте, как ангелы на небесах, во время совершения самого таинства — какая глубокая мысль!»[78]

Неясно, певчие какого именно Патриарха имелись в виду, но для нас интересно другое: многоярусные хоры в алтаре осмыслялись как ступени лестницы, соединявшей дольнее и горнее.

Ныне центральный иконостас собора полностью утрачен. Сохранились лишь пазы от тябел в восточных пилонах и пазы от брусьев хор в примыкающих к ним боковых стенах алтаря.

Лестницы Воскресенского собора размещались не только под землей и на земле, но и на кровлях храма, о чем упоминает Опись 1685 года: «...местами помощено вкруг великой главы и против глав обходами и многими всходы преизящне»[79].

Представление о «всходах» на кровлях «великой церкви» Нового Иерусалима могут дать приставные лестницы, соединяющие разные уровни храма Гроба Господня.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ ЛЕСТНИЧНОЙ СИМВОЛИКИ

Освоение «великой церкви» Нового Иерусалима на всех уровнях высоты, в немалой степени обусловленное особенностями богослужений, связано, несомненно, с той символикой, которая присуща образу лестницы в Священном Писании и в православной духовно-аскетической литературе.

Преподобный Иоанн Лествичник. «Лествица на Небо возводящая» .
М., 1647. Л. 3 об. Гравюра с изображением видения лествицы преподобному Иоанну

Христианская семантика «лествицы» восходит к видению Иакова, родоначальника израильского народа. В книге Бытия повествуется о том, что Иаков на пути в Месопотамию *пришел на одно место и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте. И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней* (Быт. 28:11–13). С высоты небесной лестницы Господь говорил с Иаковом, и благодатные утешения, полученные им от Бога, были даны в его лице всем грядущим поколениям верующего человечества.

«Лествица» Иакова знаменует тесную связь между небом и землей. Ангелы, восходящие вверх, возносят молитвы и чаяния человека к Богу, а нисходящие вниз низводят на человека различные виды милости Божией[80].

Пробудившись от сна, Иаков назвал место видения домом Бога и вратами небесными (Быт. 28:17). Камень, служивший ему изголовьем, почитался христианами как святыня. По преданию, он хранился в Иерусалиме, в мечети, именуемой Купол скалы, которая стоит на месте храма Соломона и в русских паломнических сочинениях именуется церковью Святая Святых. Об этом камне писал в начале XII века в своем «Хожении» игумен Даниил[81].

Посещали русские паломники и то место на Синае, где подвизался преподобный Иоанн Лествичник. «И видехом жилище его под каменем мало и темно... – писал Трифон Коробейников. – И оттуда видел святый Иван... лествицу до небеси, и о ней восходящих иноков, и приемлющу иноков самому Христу за руку»[82].

Изображение видения преподобному Иоанну помещалось, как правило, в изданиях его «Лествицы» — обязательной книги для монашествующих и мирян в Древней Руси. Знаменательно, что в 1655 году на Московском печатном дворе, находившемся в ведении Патриарха Никона, было отпечатано 2400 экземпляров «Лествицы на листах»[83]. Речь идет, по-видимому, о широко известной «Лествице духовного восхождения»[84].

Образом духовного восхождения является для православного сознания и видение Иакова. Это нашло отражение в Великом покаянном каноне святого Андрея Критского: «Лествица, юже виде древле великий в патриарсех, указание есть душе моя, деятельнаго восхождения, разумнаго возшествия: аще хощеши убо, деянием и разумом, и зрением пожити, обновися»; «Иаковлю лествицу разумела еси душе моя, являемую от земли к небесем, почто не имела еси восхода тверда, благочества»[85].

В Воскресенском соборе Нового Иерусалима к образу лествицы «возводят ум» керамические иконостасы Успенской церкви и заалтарных приделов, чье завершение имеет трехступенчатую форму. Сходные ассоциации вызывали и высеченные в камне стихотворные надписи с акростихами. В эстетике барокко акростих осмыслялся как особая вертикаль, которая, «перевязывая» строки, соединяет «небо с землей»[86].

Священное Писание, аскетическая и паломническая литература способствовали восприятию лестниц Воскресенского собора в церковно-исторических и духовно-нравственных аспектах, органично связанных с богослужебным освоением, художественным и богословским осмыслением храмового пространства.

Г.М. Зеленская
Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»

ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО НАДВРАТНОЙ ЦЕРКВИ ВХОДА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМ ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVII–XIX ВЕКАХ

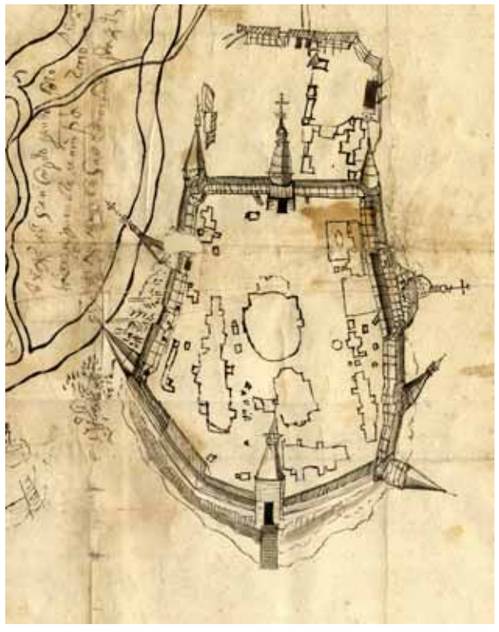
Надвратная церковь Воскресенского монастыря не была предметом комплексного научного исследования. Поскольку наша тема ограничивается характеристикой внутреннего убранства храма, мы будем касаться архитектурных вопросов лишь косвенно, напомнив вкратце историю церкви и отметив в связи с нею особенности планировочных решений монастырского ансамбля.

Первая церковь во имя Входа Господня в Иерусалим была возведена в Русской Палестине при Патриархе Никоне. Первоначально она находилась в селе Сафатове-Воскресенском на реке Песочной, где Святейший Патриарх, купивший эту землю у боярина Романа Боборыкина, устроил Новодевичий монастырь, нарицаемый Вифания[1]. Точное местонахождение Сафатова неизвестно. В настоящее время это восточная граница города Истры.

В память существования в Новом Иерусалиме Вифанского монастыря 17 апреля 2005 года митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий заложил в Истре близ реки Песочной храм в честь святых жен-мироносиц. Ныне на этом месте совершается во временном строении Божественная литургия.

В 1659 году Новодевичий монастырь с церковью Входа Господня в Иерусалим уже существовал. Здесь подвизались старицы во главе с игуменьей. Строения обители были деревянными, и Патриарх Никон готовился к сооружению каменного монастырского храма. Известен словесный проект этой новой церкви. Святейший Патриарх задумал ее как четырхстолпную, одноглавую, с тремя входами и папертью со всех сторон, кроме восточной[2]. Главу предстояло построить по образцу глав заалтарных приделов Воскресенского собора, повторив, возможно, не только их восьмигранную форму, но и изразцовое убранство.

Однако договориться с боярином Романом Боборыкиным, обещавшим финансировать строительство женского монастыря в своей бывшей вотчине, не удалось, и Патриарх Никон перевел Новодевичий монастырь на другую землю. Точное местонахождение обители после перенесения ее построек тоже неизвестно. Каменная церковь Входа Господня в Иерусалим, судя по всему, так и не была тогда возведена. Что касается Воскресенского мужского монастыря, то над его восточными вратами при Патриархе Никоне храма не было. Первую ограду обители, «малу и некрепку», сменила в 1664 году новая деревянная ограда с патриаршей домовой церковью во имя Трех Святителей на южном прясле. Относительно Святых врат Опись 1679 года замечает, что «по Московской дороге с приезду башня четвероугольная, а в ней проезжие ворота в монастырь, а над вороты образ Воскресение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, писан греческим письмом, в киоте треугольном, а среди башни поставлены Деисусы, десять икон»[3]. В этом описании представляет интерес упоминание треугольного киота с образом монастырского храмового праздника над вратами. Именно к нему восходило решение восточного фасада надвратной церкви конца XVII века, где в кирпичной кладке четверика было устроено треугольное углубление-киот с изображением Воскресения Христова.



Деревянная ограда Воскресенского монастыря. Вверху — Святые врата. Справа на стене — церковь Трех святителей. *Чертеж XVII в.*

Перенесение престола церкви Входа Господня в Иерусалим на Святые врата Воскресенского монастыря относится к середине 80-х годов XVII века[4]. Это было связано, во-первых, с упразднением Новодевичьего Вифанского монастыря и, во-вторых, с процессом сосредоточения в ограде Ново-Иерусалимской обители сакральных топонимов русской Палестины. Однако в монастырской Описи, составленной зимой 1685 года сразу после освящения храма Воскресения Христова, упоминание о деревянной надвратной церкви отсутствует[5].

Дальнейшая история церкви Входа Господня в Иерусалим относится к периоду сооружения каменной монастырской ограды. 19 апреля 1694 года монастырю была выдана благословенная «Патриаршая грамота на построение церкви на Святых вратах». Этот обычный по форме документ содержит очень интересные сведения о первоначальном замысле надвратного храма.

Согласно челобитной, поданной Патриарху настоятелем монастыря архимандритом Никанором и строителем старцем Сергием, они «на святых воротах обещались... построить церковь во имя Входа Господня в Иерусалим, да в пределе по правую сторону трех Святителей Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, а с левой стороны преподобнаго отца Сергия Радонежскаго Чудотворца»[6].

В благословенной грамоте, выданной Патриархом Адрианом, указывалось, что «входы бы в тое церковь и в пределы были б с паперти, а из средней большой церкви в те пределы дверей не строить»[7]. Приделы, следовательно, были задуманы как самостоятельные архитектурные объемы, фланкирующие храм по сторонам и увенчанные главками.

Таким образом, на Святых вратах предполагалось возвести трехпрестольный храм с главным престолом, существовавшим в деревянной надвратной церкви. В первый придел строители намеревались перенести престол Трехсвятской церкви патриаршего дворца, разобранной в связи с сооружением каменной монастырской ограды. Посвящение второго престола преподобному Сергию Радонежскому было, вероятно, связано с личностью строителя (эконома) монастыря иеромонаха Сергия (Турчанинова), постриженника Патриарха Никона и литейщика монастырских колоколов.

В связи с этим особого внимания заслуживает «Подрядная запись о построении церкви на святых вратах во имя Входа Господня в Иерусалим», составленная в 1694 году. Эта запись не только содержит сведения о том, что «каменных дел подрядчик» Яков Бухвостов передал подряд на сооружение церкви в Воскресенском монастыре каменщику Филиппу Папуге «с товарищи», но и подробно описывает будущий надвратный храм. Церковь была задумана богато украшенной, с двумя «сходами», «рундуками» и «балясами»[8]. Балясник «с входами» предполагался и по верху всех ярусов храма. Этот замысел отражает особенности плоских кровель Воскресенского собора с гульбищами, огражденными балясником. Однако первоначальный замысел строителей не был воплощен.

По мнению профессора М.А. Ильина, архитектурные объемы украсили вместо балясника так называемые гребни. Эскизная реконструк-

Надвратная церковь Воскресенского монастыря. *Реконструкция М.А. Ильина*

Храм в Уборах. *Реконструкция М.А. Ильина. Рисунок К.К. Лопяло*

ция надвратной церкви, выполненная М.А. Ильиным, представляет храм именно в таком виде[9]. Этот облик сближает церковь с другими сооружениями, бесспорно или предположительно связанными с Яковом Бухвостовым, например, с храмом в честь иконы Нерукотворенного образа Спасителя в Уборах. Первоначально, как показано на реконстркуции М.А. Ильина, боковые приделы храма в Уборах были увенчаны главками. Вероятно, такими же были задуманы приделы надвратной церкви в Новом Иерусалиме.

Сооружение храма Входа Господня в Иерусалим велось три строительных сезона. К лету 1697 года оно было завершено, и 21 мая монастырь получил Патриаршую грамоту на освящение церкви, выданную Патриархом Московским и всея Руси Адрианом[10].

Не углубляясь в проблемы внешнего декора церкви, отметим ее безусловный аскетизм в ряду подобных сооружений конца XVII века, когда тип храма «восьмерик на четверике» получил широкое распространение. Строители отказались и от приделов, и от балясника по ярусам, и от обширных наружных «всходов». Все это неминуемо заслоняло бы собой с восточной стороны главную святыню обители – Воскресенский собор или, в случае смещения оси, соперничало бы с ним. Принято было наилучшее решение: вертикаль надвратной церкви вписана в пространственный интервал между собором и колокольней, уравновешивая при панорамном обзоре с московской дороги сложную архитектурную композицию и занимая в ней строго иерархическое «срединное» место. При этом изображение Воскресения Христова на восточном фасаде четверика проецировалось на одноименный собор, «озвучивая» тему главного престольного праздника Нового Иерусалима уже при вступлении богомольцев на Сионский холм.

В XIX веке для Святых врат монастыря была разработана особая иконографическая программа. Она включала стенописи внутри врат и на их восточном фасаде, живописное изображение Входа Господня в Иерусалим на

Надвратная церковь Воскресенского монастыря. *Вид с запада. Фотография начала XX в.*

Надвратная церковь Воскресенского монастыря. *Вид с востока.. Фотография начала XX в.*

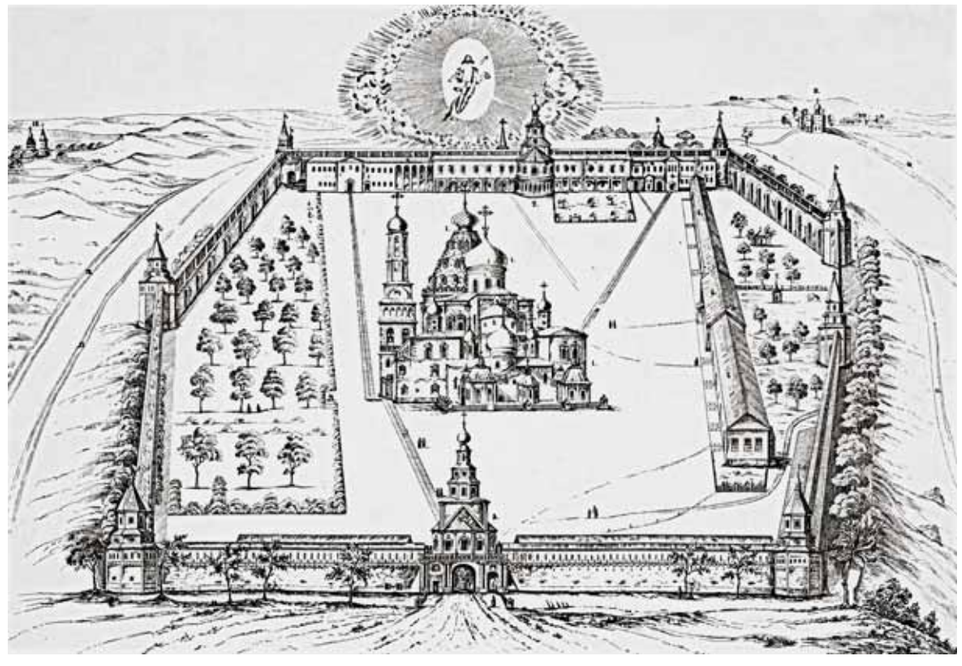
центральных воротах, иконы в нишах-киотах над боковыми пролетами и оформление двух внутристенных часовен, где были устроены иконостасы[11]. Знаменательно, что храмовая икона монастыря вынесена на восточный фасад надвратной церкви, а храмовый образ самой церкви помещен на Святых вратах. Это связано с осмыслением монастыря как иконы Святой Земли с градом Иерусалимом в центре. Надвратная церковь поставлена по одной диагональной оси не только с Воскресенским собором, но и с трапезным храмом Рождества Христова. В системе святых мест Воскресенского монастыря трапезный храм символизирует Вифлеем. В первом ярусе этой церкви был устроен Святой вертеп. Пещера Рождества располагалась напротив Пещеры погребения и Воскресения Спасителя в ротонде Гроба Господня, что исполнено глубочайшего богословского смысла.

Ясли, в которые был положен Богомладенец, прообразовали погребальное ложе Спасителя, и в планировке храма Рождества Христова это выражено с максимальной точностью. Расположенные на одной оси однотипные храмы Рождества Христова и Входа Господня в Иерусалим словно отражают друг друга, образуя своего рода архитектурную рифму и указывая на духовную связь между пришествием в мир Спасителя и Его шествием в Иерусалим на вольную смерть ради искупления человечества. Топонимика и расположение храмов Рождества Христова, Входа Господня в Иерусалим и Воскресения Христова создают символический образ Святой Земли. В XVII веке в этот ансамбль входил еще один храм, без которого архитектурный облик обители не может быть полным. На планах монастыря хорошо видна еще одна ось, уже не диагональная, а прямая, идущая от надвратной церкви к церкви Трех святителей. В конце XVIII столетия эта церковь, сильно пострадавшая от пожара, была перенесена в Царский дворец, построенный над Больничными палатами архитектором М.Ф. Казаковым. Но именно Трехсвятская церковь

Святые врата надвратной церкви.
Фото начала XX в.

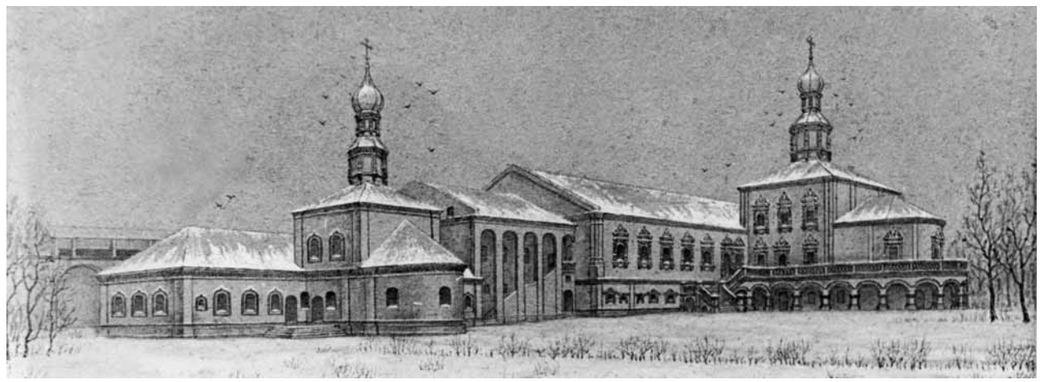
завершила создание архитектурного ансамбля в 1698 году. Ученики Патриарха Никона, хотевшие сохранить данный престол в приделе надвратного храма, построили в конечном итоге для него каменную церковь при Больничных палатах, создав еще одну планировочную и смысловую ось внутри монастыря. Эта ось сохраняется и сейчас, но ведет она от Святых врат, в сакральном смысле, никуда, поскольку храм не восстановлен. Между тем первоначальная планировка напрямую соединяла надвратную церковь с церковью Трех святителей, посвящение которой вносило в евангельскую топонимику Воскресенского монастыря тему святоотеческую и литургическую.

Архитектор А.М. Климанов, под чьим руководством восстанавливался комплекс западных сооружений Воскресенского монастыря в послевоенное время, хорошо понимал значение Трехсвятской церкви, но не имел возможности воссоздать ее в свое время. Эта проблема



Воскресенский монастырь с окрестностями. *Литография 1852 г.*

остается насущной, и она должна получить отражение в современной концепции воссоздания исторического облика Воскресенского монастыря. Смысловая связь между Святыми вратами и Больничными палатами с церковью Трех святителей имеет семантический аспект. Поместив в монастырскую лечебницу престол домовой церкви Патриарха Никона, его ученики выявили важнейшую грань замысла Нового Иерусалима.



Слева — Больничные палаты с церковью Трех святителей (1698 г.).
В центре — аркада церкви Трех святителей при Царском дворце (начало XIX в.).
Справа — Трапезные палаты с храмом Рождества Христова (1692 г.).
Реконструкция А.М. Климанова. 60-е гг. XX в. Картон, гуашь

Воскресенский монастырь.
Почтовая открытка начала XX в.

Святые врата и надвратная церковь.
Почтовая открытка начала XX в.

Патриарх Никон воплотил образ Святой Земли в монастыре, полагая иноческое общежитие образцом для мира и земной иконой Царства Небесного. По учению святых отцов Церкви, монастырь есть лечебница, где исцеляются духовные страсти, и в Новом Иерусалиме больничный корпус с храмом выделен как иерархически значимый элемент архитектурного ансамбля, имеющий не только практическое, но и символическое значение.

На дореволюционных снимках монастыря хорошо видно, как менялись детали оформления Святых врат с восточной стороны. Например, сквозной балясник по гульбищу надвратной церкви сменился металлическим ограждением и так далее.

Живопись здесь постоянно поновлялась. В 1904 году тщанием архимандрита Серафима (Чичагова) был произведен капитальный ремонт Святых врат и церкви Входа Господня в Иерусалим. В акте о приеме работ сказано, что «Восточная башня — в которой Святые ворота, выездные ворота и во втором этаже церковь — потребовала переборки всех колонн, каменных пьедесталов и настилки новых решетников и железных крыш в четырех ярусах»[12]. Ремонтно-реставрационные работы в интерьере храма тогда не производились.

1904 год был временем последней масштабной реставрации монастыря в дореволюционный период. Интерьер надвратной церкви поновлялся в середине XIX века, на чем мы остановимся ниже. К сожалению, о судьбе внутреннего убранства церкви Входа Господня в Иерусалим после закрытия обители в 1919 году ничего не известно.

Воскресенский монастырь. Вид с востока.
Фотография иеродиакона Диодора.
Конец 70-х — первая половина 80-х гг. XIX в.

В 1941 году храм был взорван немецко-фашистскими оккупантами, уцелели только фрагменты его крестообразного основания. Церковь была восстановлена в 70-х годах XX века по проекту архитектора Г.А. Ларионова.

Современный облик храма требует всестороннего исследования. Так, в интерьере церкви, где сделаны изразцовые полы, уровень

алтаря повышен, но солея отсутствует. Эту и другие проблемы предстоит решить в процессе подготовки храма к богослужебной жизни.

Самым ранним письменным источником по надвратной церкви была монастырская Опись 1698 года. К сожалению, она утрачена или пока не найдена. Не удалось пока обнаружить и фотографии храмового интерьера. Однако выявлены письменные и графические материалы XVIII—XIX веков, которые позволяют достаточно точно восстановить основные элементы внутреннего убранства церкви Входа Господня в Иерусалим.

Изучение документальных источников по храму целесообразно начинать с самого полного из них — монастырской Описи 1875 года. Раздел, посвященный надвратной церкви, начинается «Краткой летописью», затем следует глава с описанием алтаря. Сообщается, что «в нем святой престол на каменных столбах; верхняя доска каменная, вышиною 1 аршин 6 вершков, шириною 2 аршина 2 вершка»[13] (около 95х150 см).

Надвратная церковь. *90-е гг. XX в.*

Руины Святых врат. *40-е гг. XX в.*

Описание соответствует престолам в Успенском и Предтеченском приделах Воскресенского собора. Первый из них сохранился, второй, как ни прискорбно, разобран в 1996 году. Оба были устроены на кирпичном основании, покрытом белокаменной доской. Заметим, что материал, конструкция и мера монастырских престолов — тема неизученная и требует специального исследования, в том числе археологического.

Но вернемся к надвратной церкви. Опись отмечает «на престоле святой Антиминс белого атласа, освящен Иоакимом, Патриархом Московским 1680 года»[14]. Вероятно, речь идет о первоначальном антиминсе, выданном монастырю в 1697 году. Его наличие говорит в пользу того, что престол в позднее время заново не освящался.

Далее описан «жертвенник дубовый, трехъугольный. Над ним образ Благовещения Богородицы живописный, в рост, на доске»[15].

Размер жертвенника не указан. Что касается его формы, то она, вероятно, объясняется трехлепестковой, с прямоугольными выступами апсидой храма.

На горнем месте в алтаре помещался «Нерукотворный образ Спасителя, живописный, на доске»[16].

На южной стене алтаря находился образ Спасителя, благословляющего хлеб и вино, на северной — Казанская икона Божией Матери»[17]. Над Царскими дверями со стороны алтаря размещалась икона «Умовение ног Спасителя учениками, иконнаго письма»[18].

Вторая глава Описи посвящена предалтарному иконостасу. Сообщается, что он «устроен на возвышении, обитом красным сукном, с тремя уступами, столярной работы, окрашен красною краскою, о пяти ярусах. Карнизы, колонны с капителями, рамы и разные резные украшения — вызолочены. Иконы иконописныя, в рост, на досках. В первом ярусе царские двери сквозныя золоченой резьбы; на них шесть образов: Благовещение Богородицы и четыре Евангелиста в пояс, в круглых рамах. Местные иконы: по правую сторону Вход Спасителя в Иерусалим... По левую — Похвала Божией Матери»[19].

Далее перечисляются изображения в местном, праздничном, деисусном, пророческом и праотеческом чинах. Описаны «южная и северная двери деревянныя, сверху полуциркульныя. На южной двери Св. Диакон Филипп... На северной — Архидиакон Стефан»[20].

Об иконостасе мы будем говорить далее подробно, а сейчас процитируем описание клиросов и настоятельского места, которое представляет особый интерес: «По сторонам церкви два деревянных клироса, окрашенные красною краскою, с резными золочеными украшениями. Позади правого клироса — настоятельское место, также окрашенное красною краскою с резьбой»[21].

Третья глава Описи посвящена осветительным приборам. Отмечено «в середине церкви паникадило медное о четырех ярусах, в каждом на рожках по шести шандалов для свечей». Пред местными иконами — «четыре свечные лампады медные, посеребренные, на медных же рожках, каждая с тремя накладными херувимами и золочеными между ними звездочками, средней величины»[22].

Итак, Опись 1875 года фиксирует внутреннее убранство надвратной церкви с максимальной полнотой. Совершенно очевидно, что пятиярусный резной иконостас, клиросы и настоятельское место были созданы в одно время и как единый ансамбль. Многое, в том числе красно-золотая цветовая гамма, говорит в пользу их датировки концом XVII века. Это подтверждает и другой документ, хранящийся в музее «Новый Иерусалим», — Книга ризничная середины XVIII века, которая позволяет проследить судьбу внутреннего убранства монастырских храмов с 1737 по 1756 год, когда она и была составлена. Книга является сверочной и в связи с этим имеет три графы. Первая содержит выписки из Описи 1737 года. Вторая отмечает наличие, сохранность и передвижение предметов с 1751 по 1755 год. Именно здесь находим указания на замену обветшавших изделий новыми. Третья графа, озаглавленная «По нынешний 1756 год», подтверждает информацию первых двух разделов.

Описание надвратной начинается с иконостаса. В графе 1737 года названы «Царские двери резныя золоченыя, на них образ Благовещения Богородицы, да четыре евангелиста». В следующих колонках помечено: «Сходно».

«По правую сторону Царских дверей образ Вход во Иерусалим...». В следующей графе — «Сходно. Оный образ починен».

«Над Царскими дверми праздники, апостолы, пророки, Отечество, Распятие Христово в ыконостасе резном золоченом». — «Сходно».

«По левую сторону образ Похвалы Богородицы». — «Сходно, токмо повредился. Оный образ починен»[23].

Эти строки Книги ризничной убеждают в том, что речь идет об иконах и иконостасе, известных по Описи 1875 года. Упомянутые повреждения и чинки говорят об их ветхости, а значит — древности.

Далее сообщается о движении предметов: «На южных дверех архидиакон Лаврентий, а на северных архидиакон Стефан». — «Сходно. Оные двери взяты в собор, а на то место взято из собора, на которых вновь написаны Степан да Филипп архидиаконы»[24]. Следовательно, боковые врата иконостаса, известные по Описи 1875 года, относятся к середине XVIII столетия.

«Крылосы правои да левои столярные, писаны красками красными» — «Сходственно, токмо раскрашены разными красками»[25].

Книга ризничная, в отличие от Описи 1875 года, упоминает об иконах в центральной части храма: «На стенах в трех крестах пятнатцать икон разных святых, писаны на золоте и красках». – «Сходственно, изветшали до конца».

«В олтаре на стенах в дву крестах десять икон разных святых писаны красками и золотом». — «Сходственно. Изветшали до конца. Имеетца в ризнице»[26].

Итак, изучение Книги ризничной позволяет утверждать следующее:

иконостас и клиросы в надвратной церкви дошли до последней четверти XIX столетия почти в первоначальном виде;

настенные иконы к XIX веку сильно обветшали и впоследствии были убраны без замен;

почти все церковные ткани к середине XVIII века изветшали «до конца». Их перешили или заменили на новые;

светильники тоже были заменены, но источники содержат подробное описание как новых, так и старых паникадил и лампад.

Сделанные выводы подтверждает еще один письменный источник, хранящийся в РГАДА. Это «Дело о возобновлении иконостаса надвратной церкви в 1853 году»[27]. Начинается оно с написанного 2 июля представления настоятеля Воскресенского монастыря архимандрита Климента в Московскую контору Святейшего Синода о том, что иконостас в церкви над Святыми вратами «обветшал до безобразия, и близок к падению»[28]. Настоятель, «озабочиваясь возобновлением его в том виде, в каком он существовал доселе», призвал двух мастеров для составления сметы. Один мастер «выпросил» 2150 рублей серебром, второй — 1400. В том и другом случае предполагались следующие работы: столярная резьба, «окрашение» и «перезолота червонным полузолотниковым золотом» тела иконостаса. «Возобновление» икон оценивалось отдельно, и за эту работу московский цеховой мастер Александр Титов «выпросил последнюю цену триста рублей серебром»[29].

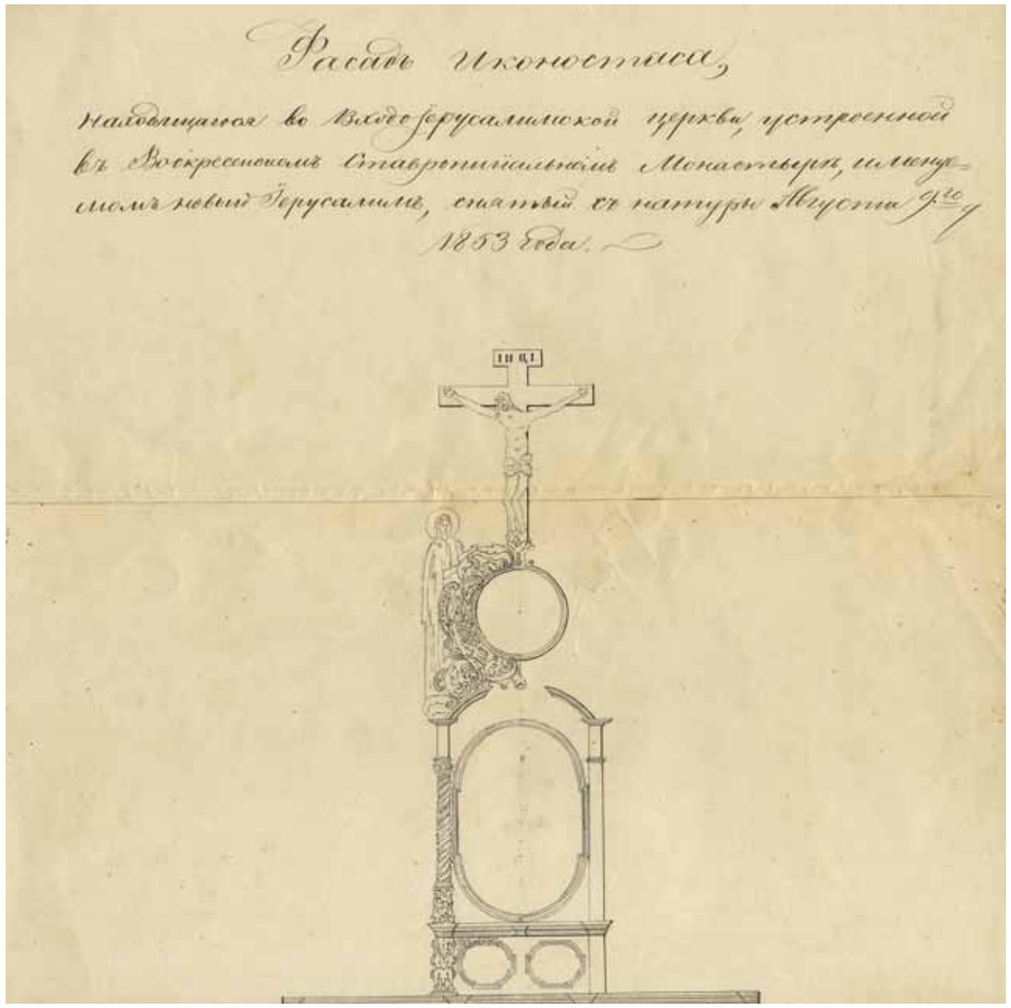
Изложив суть дела, настоятель просил Синодальную контору дозволить «возобновление означенного иконостаса предоставить» мастеру Ивану Игумнову, который брался выполнить работу дешевле, и Александру Титову. Общую сумму в 1700 рублей серебром предлагалось уплачивать из текущих монастырских доходов[30]. В ответ на это представление из Синодальной конторы пришел указ Его Императорского Величества архимандриту Клименту «представить... рисунок иконостасу... который он предполагает возобновить»[31]. Во исполнение указа рисунок был представлен с объяснением, что «живопись повреждена решительно на всех образах означенного иконостаса». Описывались повреждения икон и следовало подтверждение намерения возобновить живопись «решительно в прежнем виде»[32]. Далее на листах 5, 6 и 7 следует рисунок иконостаса, выполненный карандашом. На листе 5, склеенном по горизонтали, изображен верхний пятый ярус иконостаса, увенчанный крестом с распятием. Здесь же написан заголовок рисунка: «Фасад иконостаса», «снятый с натуры Августа 9-го 1853 года».

Остальные четыре яруса изображены на втором листе горизонтального формата, который, вероятно, предполагалось подклеить к первому. Он остался, однако, в «Деле» как самостоятельный лист под номером 7. Очень важно, что на этом рисунке художник представил масштаб (в аршинах), что значительно облегчает использование данного изобразительного источника при современном проектировании иконостаса.

На следующем листе вертикального формата представлен рисунок Царских врат. В архивном хранении он значится под номером 6.

К анализу изображения иконостаса мы еще вернемся, а пока продолжим рассмотрение документов. 18 декабря того же 1853 года в Московской конторе Синода слушали дело о возобновлении иконостаса надвратной церкви Воскресенского монастыря и подтвердили разрешение архимандриту Клименту произвести работы за указанную сумму.

Следующий документ датирован 26 июля 1854 года и представляет собой донесение в Московскую контору Синода от архимандрита Климента. Настоятель пишет, что иконостас во Входоиерусалимской церкви «возобновлен в том самом виде, в каком был первоначально



Фасад иконостаса надвратной церкви. Верхние яруса.
Худ. Н.Н. Ягужинский. 9 августа 1853 г. Бумага, карандаш

устроен, и возобновлен совершенно прочно, чисто и изящно»[33].

После этого последовал указ от 2 августа того же 1854 года о том, чтобы архимандрит Климент предоставил возможность благочинному ставропигиальных монастырей архимандриту Агапиту, настоятелю Московского Ново-Спасского монастыря, «освидетельствовать» возобновленный иконостас[34].

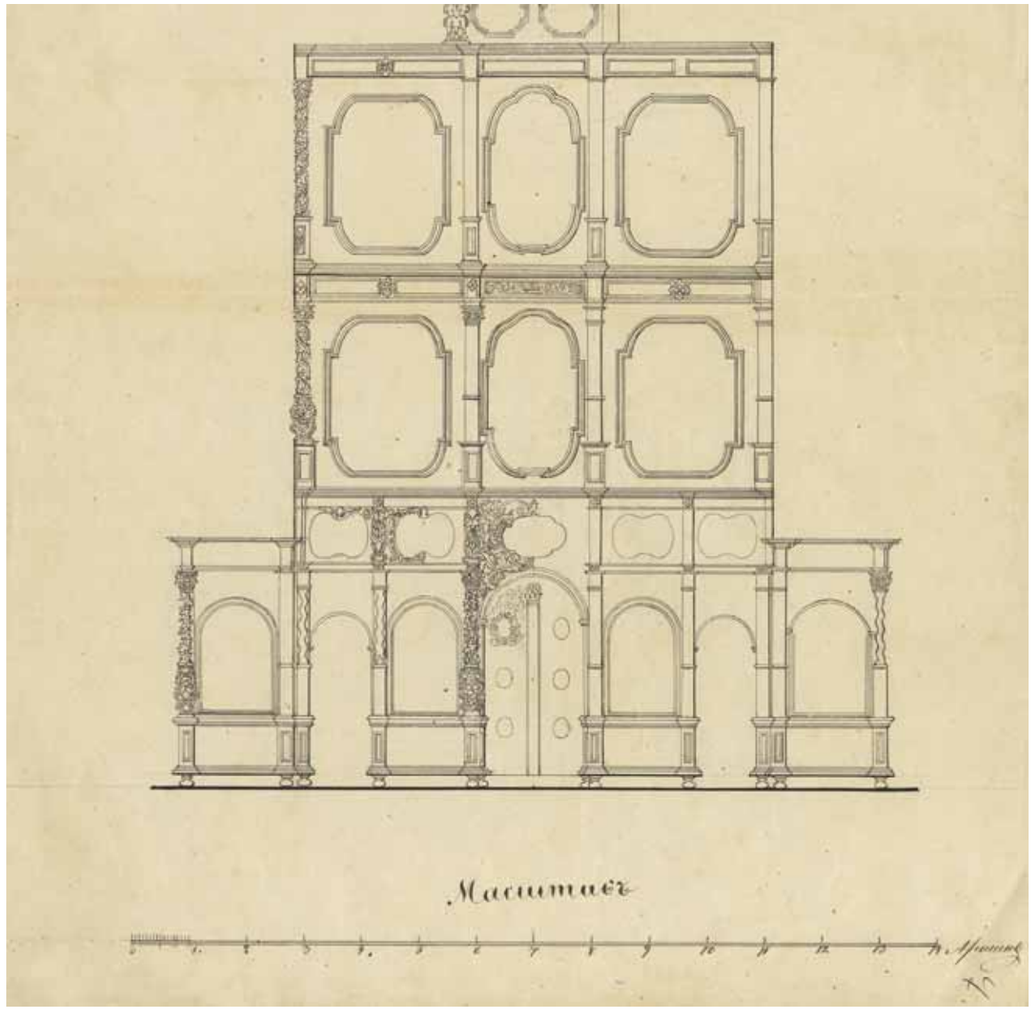
Указ был выполнен, и 8 декабря архимандрит Агапит предоставил в Синодальную контору свое донесение, где писал следующее: «Иконостас исправлен, а колонны и резьба вызолочены прочно и чисто; иконы прочищены без всякой перемены и повреждения и все совершенно в том виде, в каком первоначально было устроено»[35].

Последний документ датирован 13 декабря. В нем сообщается, что донесение архимандрита Агапита «принято к сведению»[36]. На этом дело о возобновлении иконостаса было закрыто.

Обратимся теперь к рисунку иконостаса более подробно. Архивное «Дело» не оставляет сомнения в том, что перед нами изображение первоначального иконостаса надвратной церкви. Его структура и резьба характерны для конца XVII века, если иметь в виду храмы типа «восьмерик на четверике», открытые в интерьере на всю высоту. Пятиярусная структура в точности соответствует Описи 1875 года, где перечислены иконы местного, праздничного, деисусного, пророческого и праотеческого чинов.

Нижний ярус опирается на деревянные выточенные ножки, что характерно для подобных иконостасов. Однако структура местного чина имеет в данном случае свои особенности.

Собственно иконостас состоит из пяти пролетов. В центре – Царские врата, справа от них — храмовый образ Входа Господня в Иерусалим, слева – икона «Похвала Пресвятой Богородицы». Далее следуют южные и северные врата.



Фасад иконостаса надвратной церкви. Нижние яруса.
Худ. Н.Н. Ягужинский. 9 августа 1853 г. Бумага, карандаш

Следующие проемы выделены масштабно. Они шире остальных и увенчаны прямоугольной профилированной филенкой, достигающей середины высоты праздничного ряда. Перед нами, по сути, два киота для икон, и рисунок дает основание полагать, что они находились не заподлицо с «телом» иконостаса, а немного выступали вперед. Вероятно, киоты примыкали к столпам по сторонам алтарной части храма.

Такому архитектурному решению иконостаса соответствует и состав размещавшихся в киотах икон. В южном киоте находился образ «Воскрешение Лазаря», в северном — икона «Иисус Христос с учениками в доме воскресшего Лазаря». Введение в иконографическую программу этих изображений углубляло смысловое и расширяло символическое значение местного чина иконостаса. Обычно в нижнем ряду помещаются образы престольных праздников или особо чтимых святых данного храма. В надвратной церкви таким образом была икона «Воскрешение Лазаря». Этот праздник Святая Церковь совершает накануне Входа Господня в Иерусалим, в Лазареву субботу. Воскрешение праведного Лазаря на четвертый день после кончины прообразовало Воскресение Спасителя, в то время как пребывание Христа в доме воскресшего Лазаря предзнаменовало Его страдания и жертвенную смерть на Кресте. Именно в доме Лазаря, где была приготовлена вечеря, Мария помазала миром ноги Иисуса и отерла их своими волосами. В ответ на замечание Иуды, что миро можно было продать, а деньги раздать нищим, Христос сказал: *оставьте ее, она сберегла это на день погребения Моего* (Ин. 12:1–7). Следовательно, образы в киотах по сторонам местного чина иконостаса «возводили ум» богомольцев к евангельским событиям, которые предшествовали Входу Господню в Иерусалим, знаменуя события Страстной седмицы и Воскресение Христово.

Нужно отметить редкость иконописного изображения Христа с учениками в доме воскресшего Лазаря, более характерного для живописи. Обычно подобные композиции концентрируют внимание на фигуре сидящего Спасителя, к ногам Которого склоняется мироносица Мария, сестра Лазаря Четверодневного.

Не случаен и выбор иконографии Богородичной иконы для местного чина иконостаса надвратной церкви. Праздник с названием «Похвала Пресвятой Богородицы» совершается в субботу пятой седмицы Великого поста, именуемой субботой Акафиста.

И еще одна особенность характерна для местного ряда нашего иконостаса. Над северными вратами помещалась икона святого праведного Алексея, человека Божия. Ей соответствовала такая же икона святого апостола Петра над южными вратами. Рисунок не выделяет эти небольшие образки, но они упомянуты в Описи 1875 года и, несомненно, существовали в иконостасе изначально. Изображенные святые — небесные покровители царей Алексея Михайловича и Петра Алексеевича. В период правления первого государя основан Воскресенский монастырь, в период правления второго сооружена надвратная церковь. Оба самодержца почитались ктиторами Нового Иерусалима. Изображение их Ангелов в местном чине иконостаса надвратной церкви следовало иконографии центрального иконостаса Воскресенского собора, устроенного в первой половине 80-х годов XVII века. Там над южной дверью в алтарь помещался образ святого Алексея, человека Божия, а над северной дверью — образ святого великомученика Феодора Стратилата. Это небесные покровители царей Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича, в правление которого было возобновлено строительство «великой церкви» Нового Иерусалима, прерванное на 15 лет осуждением и ссылкой Патриарха Никона.

Праздничный ряд иконостаса надвратной церкви, расположенный над местным, состоит из двух овальных горизонтальных картушей, в которых помещались на одной доске два изображения: Благовещение Пресвятой Богородицы и Рождество Христово, Обрезание и Богоявление Господне, Преображение и Воскресение Господне, Вознесение Господне и Успение Пресвятой Богородицы. В этом же ряду, в центре, над Царскими вратами и в особом картуше находилось изображение Тайной вечери.

За праздничным чином следует деисусный, решенный вполне традиционно для

своего времени. В центре помещался пятифигурный Деисус в фигурной овальной раме, вытянутой по вертикали, где был изображен Господь Вседержитель и молитвенно предстоящие Ему Пресвятая Богородица, святой Иоанн Предтеча, Архангелы Гавриил и Михаил. Опись отмечает в руках Вседержителя Евангелие, раскрытое на словах: «Придите благословении Отца Моего...», а в руках Иоанна Предтечи — хартию с надписью: «Се Агнец Божий...»[37] По сторонам центральной иконы в таких же, но более узких рамах находились образы двенадцати апостолов, по шесть на одной доске. Подобное композиционное решение встречается во многих иконостасах последней четверти XVII века, например в деисусном чине в церкви Живоначальной Троицы в Останкине.

Опись 1875 года не перечисляет изображенных апостолов. Вероятно, однако, что их состав и расположение было аналогичным деисусному чину главного иконостаса Воскресенского собора. Там в центре тоже помещался пятифигурный Деисус на одной доске, а по сторонам его находились: слева — иконы святых апостолов Петра, евангелиста Иоанна Богослова, Иакова, Фомы, Филиппа, Иуды Иаковлева; справа – святых апостолов Павла, евангелиста Матфея, Андрея, Варфоломея, Симеона, Иакова Алфеева.

Четвертый, пророческий ряд иконостаса надвратной церкви по пропорциям и порядку размещения икон повторяет деисусный чин. В центре изображена Пресвятая Богородица с Богомладенцем Христом, сидящая на престоле. По сторонам находились образы двенадцати пророков, по шесть на одной доске. Согласно Описи 1875 года, это были: слева – Соломон, Иеремия, Аарон, Даниил, Исаия и Аввакум; справа – Давид, Захария, Моисей, Иезекииль, Илья и Гедеон. В данном перечне вызывает вопрос изображение Гедеона, который не входит в число больших и меньших пророков, называемых так по объему написанных ими пророческих книг. Гедеон был седьмым судьей Израильским, о котором повествует Книга Судей Израилевых. Тем не менее он изображался в составе пророческих чинов, о чем свидетельствует, в частности, иконостас собора Рождества Пресвятой Богородицы в Звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре[38].

Пятый, праотеческий чин иконостаса надвратной церкви решен весьма своеобразно. Архитектурно он представляет собой большой киот, в центральной части которого помещена икона «Отечество» в овальной вертикальной раме. В основании киота находятся две поясные иконы праотцев Адама и Евы в горизонтальных картушах. Праотеческий чин более узкий по сравнению с нижними ярусами, что объясняется архитектурными особенностями верхней части храмового интерьера. Аналогичное завершение имел иконостас церкви в Троицком-Лыкове, сооруженной в конце XVII – начале XVIII века.

В связи с неоднозначным отношением к традиции изображать новозаветную Троицу в изводе «Отечество» отметим, что выбор этой иконографии не случаен. В главном иконостасе Воскресенского собора в центре праотеческого чина изображен Господь Вседержитель, следовательно, программа иконостаса надвратной церкви ориентировалась на другие образцы. Одним из них был, несомненно, иконостас Успенского собора Московского Кремля, где в праотеческом ряду помещено именно «Отечество». Кремлевский иконостас создан в 1652 году по инициативе Патриарха Никона, и его иконографические особенности имели для учеников Первосвятителя бесспорный авторитет.

Особый интерес представляет завершение иконостаса надвратной церкви. Оно состоит из иконы «Снятие Спасителя со Креста» в круглом картуше, над которой помещен резной деревянный крест с живописным изображением распятия. По сторонам креста находились, как сообщает Опись 1875 года, живописные, в рост, обрезные по контуру изображения Богоматери и Иоанна Предтечи, ниже — Сотника Лонгина и Марии Магдалины.

На рисунке же мы видим только одну фигуру слева. Похоже, это святая Мария Магдалина. Трудно сказать, почему художник ограничился только фрагментом. Для воссоздания завершения иконостаса нужно будет подбирать аналоги.

Отдельная тема — резьба и раскраска иконостаса, чье цветовое решение (сочетание

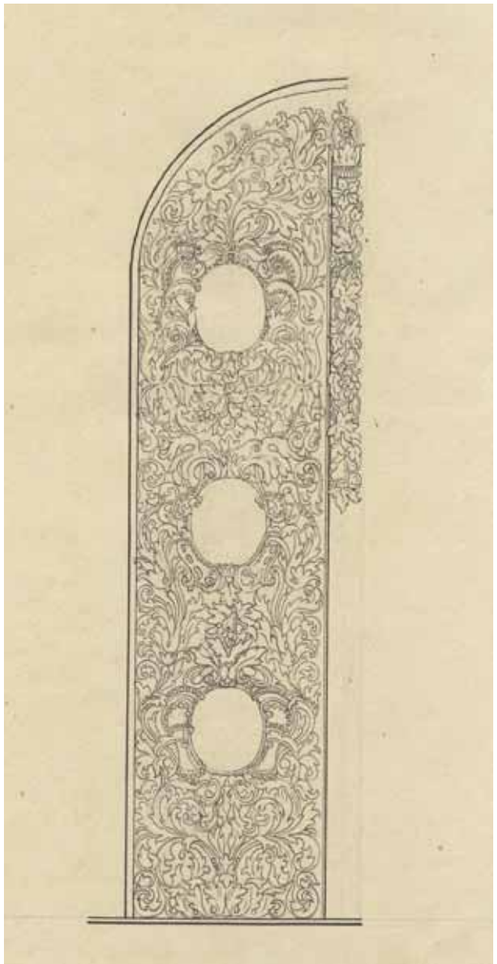
красного фона с золотом накладной резьбы) выглядело очень торжественно. Орнаментика резьбы иконостаса состояла из традиционных растительных мотивов с завитками, перлами и виноградными гроздьями. Особо интересно изображение связок округлых и грушевидных плодов. Подобные композиции характерны для изразцового убранства Воскресенского собора, где насчитывается более двадцати композиций с изображением плодов. Тема обильного плодоношения связана с евангельскими притчами о зерне и сеятеле, с ветхозаветным образом райских деревьев, плоды на которых не будут истощаться, каждый месяц будут созревать новые (Иез. 47:12); и с описанным в Апокалипсисе древом жизни, растущим посреди рая Божия и дающим на каждый месяц плод свой (Откр. 22:2). Благодаря этой многозначной символике плоды могут быть мотивом не только наружного храмового декора, что характерно для конца XVII века, но также иконостасов, Царских врат и литургических сосудов.

Рисунок иконостаса выдает руку хорошего церковного художника. Его имя известно, но биографию предстоит разыскать. Это Николай Никитич Ягужинский, авторство которого удалось установить благодаря следующей записи в Приходно-расходной книге Воскресенского монастыря за 1853 год: «Вследствие указа Московской Святейшего Синода конторы от 31 июля за № 986-м для представления в оную рисунка иконостасу во Входо-Иерусалимской церкви, предполагаемому к возобновлению, выдано художнику Николаю Никитину Ягужинскому за снятие онаго всего 15 рублей серебром»[39]. Именно этот документ позволил без труда найти в РГАДА рисунок иконостаса.

В завершение изложим основные положения концепции восстановления внутреннего убранства церкви Входа Господня в Иерусалим. Первое из них состоит в том, что есть документальное основание для воссоздания основных элементов первоначального интерьера храма: престола, жертвенника, иконостаса, киотов с иконами, пелен и паникадил.

Благодаря рисунку и недавно найденному снимку фрагмента иконостаса можно воссоздать его пропорции, стилевые и орнаментальные особенности резьбы, а также состав икон, зафиксированных монастырскими описями.

В качестве наиболее характерных аналогов рекомендуется использовать лучшие памятники церковного искусства данного времени, в том числе: иконостас и резное убранство храма в Уборах (зодчий Яков Бухвостов, 1694–1698); иконостас церкви Живоначальной Троицы в Троицком-Лыкове (зодчий Яков Бухвостов, 1698–1704); иконостас и резное убранство Успенского собора в Рязани (зодчий Яков Бухвостов, 1698–1704); иконостасы



Царские врата иконостаса надвратной церкви.
Худ. Н.Н. Ягужинский. 1853 г.

церкви Живоначальной Троицы в Останкине (1678–1683), церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Филях (1690–1693) и другие.

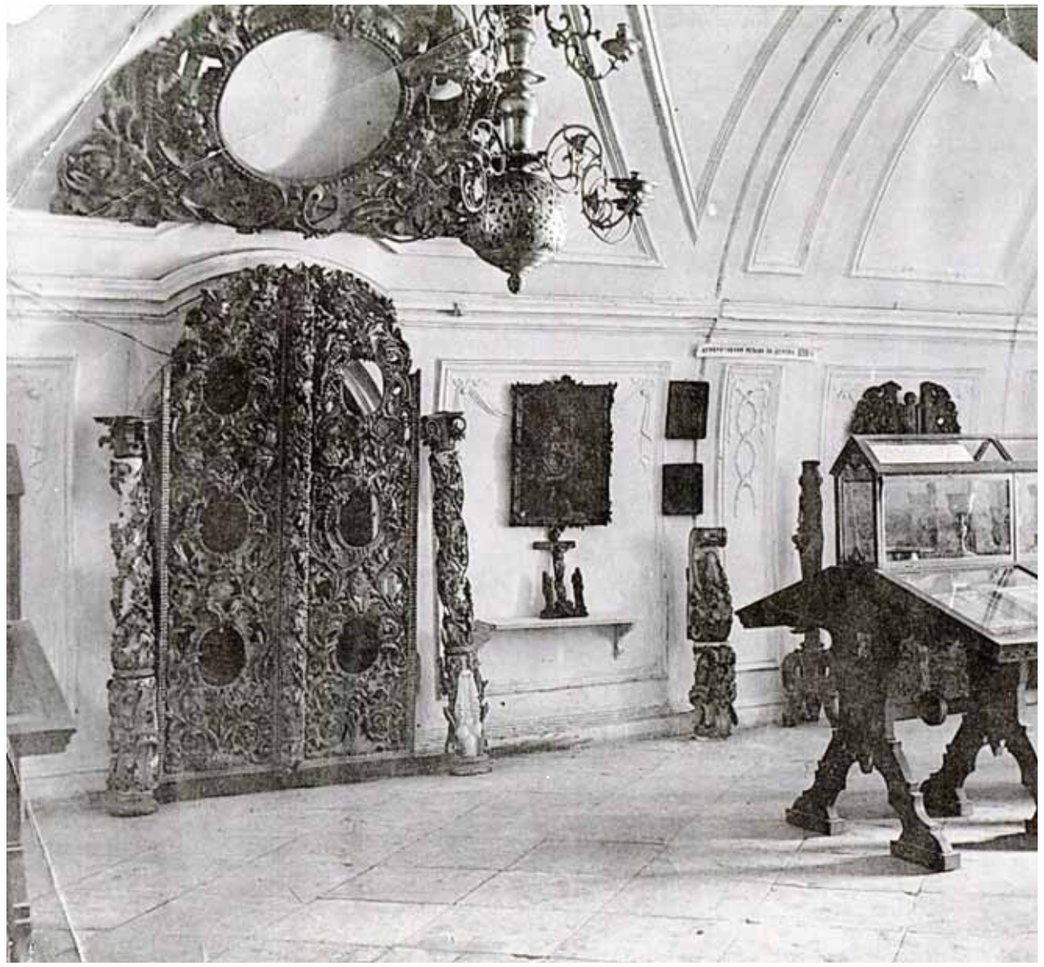
При создании проекта внутреннего убранства надвратной церкви Нового Иерусалима необходимо уделить особое внимание вопросу сохранения ее изразцовых полов, которые были изготовлены в 70-х годах XX века по аналогам из руин памятника. Отметим, что фрагменты изразцового пола запечатлены и на фотографиях разрушенного храма.

Исходя из вышеизложенного, предлагается следующая концепция восстановления интерьера надвратной церкви.

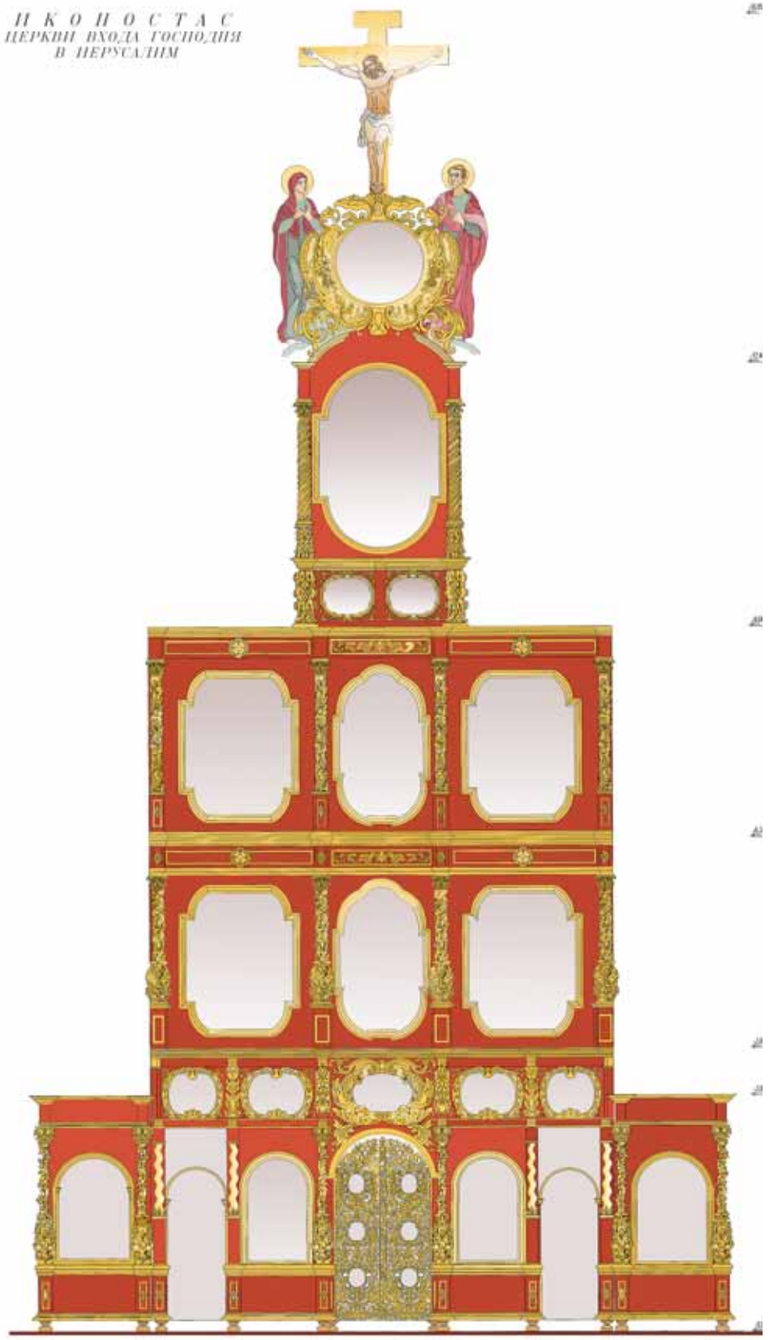
1. Изготовить престол и жертвенник в параметрах, соответствующих монастырской Описи 1875 года.

2. Воссоздать пятиярусный деревянный, с вызолоченной резьбой по красному фону иконостас конца XVII века, используя рисунок художника Николая Ягужинского 1853 года.

3. Повторить состав икон в иконостасе, зафиксированный описями 1737–1875 годов.



Царские врата и фрагмент резьбы иконостаса надвратной церкви.
Фотография 1930-х гг.



Проект иконостаса надвратной церкви.
Архитектор В.В. Дмитриенко (ЦНРПМ). 2010 г.

Надвратная церковь и башни крепостной ограды Воскресенского монастыря. *2009 г.*

4. Клиросы и настоятельское место в храме изготовить в одном стиле с иконостасом, украсив их вызолоченной резьбой на красном фоне.

5. Повторить форму настенных киотов в виде крестов.

6. Изготовить «паникадило медное о четырех ярусах».

7. При написании икон для храма учитывать сюжеты образов, размещавшихся в Надвратной церкви, согласно письменным источникам, в конце XVII – первой половине XVIII века.

8. С целью стилистического единства храмового убранства изготовить комплект мебели с деталями резьбы, аналогичной резьбе иконостаса и клиросов, и включающий следующие предметы: аналои, канун для поминальных свечей, церковную лавку, столик для раздачи запивки, вешалку, скамьи.

Все предметы должны соответствовать масштабу интерьера и пропорциям иконостаса надвратной церкви. И наконец, последнее. Следует дополнить число икон храма образами священномученика диакона Никанора, апостола из 70-ти, и преподобного Сергия, игумена Радонежского, – небесных покровителей создателей надвратной церкви архимандрита Никанора и строителя иеромонаха Сергия (Турчанинова). Тем самым мы отдадим должное постриженникам и верным ученикам Патриарха Никона, из которых архимандрит Никанор был первым историком Воскресенского монастыря, чей стихотворный «Летописец», высеченный на белокаменных плитах, доныне встречает всех входящих в храм Воскресения Христова. Надвратная церковь и другие постройки Нового Иерусалима конца XVII века – это плод молитвы и трудов духовных чад Святейшего Никона, достойно завершивших великое дело своего учителя.

М.А. Крючкова
Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»

РЕМОНТ ШАТРА НАД РОТОНДОЙ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В середине XIX века в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре проводились многочисленные ремонтные работы. Поскольку они не привнесли ничего принципиально нового в архитектурный облик монастыря, им не уделяли должного внимания и специальных публикаций по этому поводу не было. В настоящей статье прослеживается ход ремонтных работ в Воскресенском соборе по документам монастырского архива, насколько они сохранились до наших дней (музей «Новый Иерусалим», архив документов дореволюционного периода, фонд № 1 «Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь»). Сразу надо сказать, что эта документальная база явно неполна: некоторые сюжеты, возникающие в архивных делах, не имеют в них продолжения и резко обрываются. В известной степени это восполняется материалами Московского отделения Императорского археологического общества (ЦИАМ, фонд № 454). Наиболее полно документы указанных фондов говорят о двух ремонтных мероприятиях середины XIX века – реконструкции шатра над ротондой Гроба Господня и неожиданно возникшего по ходу дела вопроса о замене чугунного пола в соборе на деревянный.

Огромный Воскресенский собор был сложным сооружением с точки зрения эксплуатации. В середине XIX века стала очевидной необходимость ремонта некоторых его частей, прежде всего – деревянного шатра над ротондой, которому к тому времени было уже около ста лет и который лишь незначительно поновлялся в 1819–1820 годах.

18 мая 1845 года старшая братия подала рапорт епископу Агапиту о необходимости отремонтировать крышу на шатре ротонды Гроба Господня. В нем говорилось: «Мы повседневно в дождливое время видим течь в соборной церкви в шатре, которая вредит и Гробовой вызолоченной часовне, не упоминая уже о самом основании деревянном означенного шатра, которое гниет от течи...» При осмотре с кровельщиком они обнаружили «на оном шатре в крыше на спаях всех листов железных отбившуюся значительно замазку и проржавелые листы». Предложили заново обмазать все спаи и заменить ржавые листы[1]. 19 июля 1845 епископ Агапит послал в Московскую синодальную контору донесение о необходимости архитекторского освидетельствования шатра.

2 августа в монастырь для осмотра ветхостей собора был направлен московский губернский архитектор Дмитрий Фомич Борисов. Он предоставил отчет Московскому гражданскому губернатору, где говорилось, что «течи слишком значительны и даже с давнего времени в... шатре, или так называемом трибуне, коего верх под самую главу составлен из брусчатой обвязки, в виде круглого конуса, имея в 6 ярусов настоящих окон просветы и при первых трех находятся хоры, и все покрыто белым железом хотя в склепку, но во многих местах примечательны проржавленные листы, сквозь которые проходит течь на обшивку и обвязку конуса, от чего дерево уже начинает гнить, и это более можно видеть в поперечных связях, и сверх того происходит сие при окнах сего конуса, так что самые оконные вязки и косяки требуют разборки и по прежней конструкции из новых материалов устроения, а для того потребно весь конус раскрыть и деревянную его конструкцию исправить и потом окрыть новым белым листовым железом по прежнему в спай, но с запайкою оловом. Подобным образом ветхи и другие кровли, существующие ныне из старого листового и сгоревшего железа, поддерживаемые одною замазкою, как окружающая основание конуса плоская кровля, так и в других частях сооружения, равно и под особым куполом проходит течь сквозь свод, и далее уже касается кирпичных стен, что доказывает отопрелость стенной живописи»[2]. Осенью 1845 года для предотвращения течи до большого ремонта стыки кровельных листов были замазаны мастером Иваном Аверьяновичем Леоновым новой замазкой.

Для составления сметы на капитальный ремонт шатра архитектор затребовал планы и фасады собора, а Синодальная контора запросила еще и сведения о времени и обстоятельствах постройки шатра и кровель храма. В архиве самой конторы планов и фасадов не нашлось, был обнаружен только общий план монастыря да еще дело о ремонтных работах, произведенных в шатре в 1819–1820 годах. В монастырском архиве тоже не нашлось никаких планов фасадов и профилей собора, следовательно, и ротонды с шатром.

Весной 1846 года течь в шатре возобновилась. Подрядчик И.А. Леонов со своими работниками осмотрел места течи, пытался опять исправить текущие швы новой замазкой. Но летом «опять начала показываться течь в шатре и пробивалась сквозь обшивку во внутренность шатра и парусину между окон вниз прямо на помост чугунный, наконец прекратилась течь на помост, но простиралась по стропилам внутрь обшивки на деревянное основание шатра, что на каменной стене при третьих хорах, отчего на западной стороне шатра многие балки изгнили, начиная от шейки, что под большою репчатою главою и до основания деревянного, также на северо-восток и юго-восток продолжается течь по сторонам внутри до основания деревянного»[3]. И.А. Леонов не нашел «более удобных и лучших средств в предохранении от течи шатра, как раскрыть оный снаружи и перекрыть вновь». Это мнение еще в 1845 году было «словесно подтверждено» губернским архитектором Борисовым, а в июне 1846 года «партикулярным образом было осматриваемо главным Дворцовым Архитектором Константином Тоном, который тоже сказал, что одно средство прекратить течь, раскрывать по частям шатер и вновь запаивать оловом, а прочие все средства никогда не прекратят течи»[4]. В августе 1846 года в монастырь был направлен губернский архитектор Борисов для снятия чертежей с собора. Борисов прибыл в монастырь 23 августа. Ему в помощники дали четырех штатных служителей и наемного кровельщика. В 1846 году чертежи так и не успели составить и оставили это до февраля 1847 года.

Сметы, составленные архитектором Борисовым (в монастырском фонде они не сохранились), были представлены на рассмотрение главного архитектора четвертого округа Ведомства путей сообщения и публичных зданий Никитина, который не решился сделать заключение «без натуры». Он только высказал сомнение, что предполагаемая осушка храма «посредством уничтожения чугунных плит и настилки каменного пола пособит делу, но не совсем достигнет предназначенной цели, ибо спертый воздух равномерно не будет иметь кругообращения, как объявлено в смете»[5]. Монастырскими властями было составлено и послано в Синодальную контору «Рассмотрение и соображение с местными обстоятельствами составленной губ. архитектором Борисовым сметы». В нем сделаны следующие замечания. Первое заключалось в том, что на тот момент не было нужды в ремонте плоской кровли вокруг деревянного шатра, разве что потом, если на нее будут поставлены леса, понадобится ее перекрывать. Также не было необходимости в возобновлении всего иконостаса над Гробом Господним, что предусматривала смета Борисова, разве только в некоторых местах.

Вторым пунктом монастырские власти писали следующее: «Над среднею частью храма около главы по железным стропилам покрытую листовым железом кровлю в спай, а не в гребень, действительно, по ветхости ее следует перекрыть вновь, но на самой главе железо не ветхо, и течи на свод совсем не приметно, а что примечательны изнутри храма на своде главы пятна, это происходит не от течи, а от внутренней сырости и паров, скопляющихся в куполе по прямому направлению к нему из всего храма, так как и по замечанию самого г. Архитектора... во внутренности храма сырость происходит от того, что воздух в нем запертой и не имеет кругообращения. Сверх того,

железа на кровле большой главы не более как третья часть, а две части оной покрыты медью, и вся она как извне, так и внутри не имеет худобы, требующей исправления особенного». Было признано нецелесообразным обивать окна с боков и с лица черным листовым железом, в то время как окна обиты черным железом только с боковин, а сверху и с лица обиты белым железом, как и вся кровля. Покрашенные «белиною краскою под общий вид белого железа всей кровли» листы черного железа вскоре облезают, «от чего оказывается пестрота самая неприятная на вид». Монастырское правление высказывалось также против обивки белым железом яблока под крестом, поскольку оно позолочено и не требует исправления «по своей крепости в железе и позолоте».

«Рассмотрение...» и, как можно заключить из него, смета Борисова подняли проблему, решение которой изначально не предполагалось, – перенастилки пола в соборе. Борисов считал, что имевшиеся во многих местах собора чугунные полы нужно заменить диким камнем, однако не нашел одобрения у монастырских властей. Настоятель и братия указывали: «Как на Голгофе, так и в галерее ротонды чугунный пол не бывает сыр и не делает особого влияния ни на воздух, ни же на стены, да и быть в тех местах, особенно на галерее ротонды, случается временно и большая часть уже в хорошее весеннее и летнее время, одним любопытствующим посетителям. Таким образом остается в предмете один чугунный пол нижний, и тот не во всех местах храма одинаков по своей сырости и холоду. Середина храма, заключающаяся между так называемою Царскою аркою к западной стороне и главным иконостасом, по сторонам отделяющаяся возвышенностью с уступом между местами Царским и Патриаршим и крылосами правым и левым, – эта средина чугунного пола гораздо бывает суше прочих мест, равно и в самом алтаре, может быть даже оставлена в таком виде, особенно при настилке на ней веревчатых половиков, потому что она, исключая главнейших знаменательных дней, коих не более в году двух или трех бывает там, всегда занимается народом по причине постоянного в главном алтаре служения вечернего, утреннего и обеденного. За сим прочие части чугунного внизу пола действительно сыры бывают всегда, и даже среди лета, хотя воздух в храме и согревается и прохлада в нем среди лета бывает такая же, как и в других каменных церквах, не имеющих хотя такой огромности и пространства».

Настоятель и старшая братия решительно высказались против настилки пола диким камнем. В качестве примера они приводили приделы, которые уже имели такой пол и при этом были чрезвычайно сыры, в частности Успенский придел, где плиты из дикого камня были положены на нижний белокаменный пол. «Странно даже, – писали монастырские насельники, – что помост белого камня в сей Успенской церкви весь сухой, равно как и в самом алтаре, а дикий на нем этот камень в сие самое время весь холодный и мокрый, как облитый водою». В принципе чугунный пол можно было заменить белокаменным, но белый камень слишком мягок и при большом посещении храма быстро стирался бы и крошился, производя при этом пыль, которая бы оседала на иконостасах и портила их позолоту.

Таким образом, ни чугунный, ни белокаменный пол, ни настил из дикого камня не устраивали монастырских насельников. «А между тем, – подтверждали они, – необходимо неотложно требуется обезпечение стен, коих повреждение от сырости очевидно и время от времени значительно увеличивается, а с тем вместе и самые придельные храмы, при стенах сих устроенные, такому же повреждению или еще и более подвержены, так что утварь их вся истлевает в один год, и среди лета при всем свободном воздухе, при ветре из открытых окон в хорошую погоду, бывает мокра, как обмоченная нарочно в воде».

«Все сие, – делали вывод монастырские власти, – ведет теперь к такому более вероятному заключению, что необходимо по крайней мере в некоторых частях нижнего пола во храме и ротонде или в шатре устроение помоста деревянного досчатого, как уже безопасного по одной сырости в сих местах от огня; да и во всем храме нет никакой печи и топки, так как это бывает в некоторых теплых церквах других монастырей с помостами однако деревянными; да и в самой ротонде нет ни одной лампады, равно и в галерее, кроме четырех малых приделов, у коих только по две лампады имеются, а служение бывает по одному разу в год в храмовый их праздник. При иконостасе же Гроба Господня хотя и есть несколько лампад, но под оными вокруг его можно обить часть деревянного помоста железными листами. Сей же иконостас стоит один, как известно, отдельно среди ротонды, окруженный колоннадою, и близ него нет никакого деревянного придела и тому подобного. Деревянный досчатый помост не сделает неприличной перемены во всех прочих частях пола, ибо чугунный на средине храма пол, как выше объяснено, поднимается на четверть аршина от всего стороннего чугунного пола, и, следовательно, деревянный помост, если устроен будет еще и выше четвертью против средины храма, будет доставлять тогда больше удобства для предстоящих на нем и вид от того нимало не обезобразится, а уступ с него к средине храма будет так же, как теперь с средины к сторонам. Но главное в сем случае должно быть во внимании то, что чрез сие действительно надобно ожидать обеспечения стен и столбов от сырости, ибо ясным тому служит доказательством поставленный на досчатом помосте новый Царский придел. Сие место, которое он занимает, как и прочия, было сыро от чугунного пола и может быть от сырого грунта, на коем по мнению г. Архитектора основан весь храм, но теперь, чему уже целый год прошел, не только пол его деревянный, и сам он сух и две стены, к коим он примыкает, но и близ его лежащий чугунный пол не имеет прежней мокроты. То же самое подтверждает чугунный пол в главном алтаре, который можно сказать всегда почти сух, хотя и холоден. Это должно приписать не столько тому, что весь его помост поднят выше на три ступени от пола церковного среднего, сколько другой его половине, сделанной Амфитеатром в виде горнего места, состоящего из полукруглой деревянной площадки с возвышенностью по ней 8 ступеней деревянных же и обтянутых сукном. Устроивши деревянный пол на самом чугунном теперешнем полу, нимало не трогая его и поднявши более чем на 7-мь вершков, можно сделать в нем продушины, как это сделано в помосте Царского придела, и это не только послужит к осушению чугунного пола, на коем он будет устроен, и к прочности самого деревянного помоста, но и к препятствию действия или влияния прежней от чугуна происходящей сырости и холода на стены, на коих теперь и краска пропадает, заменяясь зеленой плесенью, и штукатурка отпадает, и сам кирпич заметным образом темнеет и крошится при малом к нему прикосновении. Если взять еще во внимание разность суммы, потребной на деревянный помост и на помост из плит дикого камня, то откроется, что в случае бы потребности скорых будущих исправлений первого достанет для того надолго суммы предполагаемой теперь на одно только устройство последнего».

В будущем монастырь соглашался производить регулярный ремонт деревянного пола на свои нештатные деньги, а сэкономленную сумму теперь направить на настилку деревянных полов в малых приделах. «Тем более сие нужно, – говорилось в “Рассмотрении...”, – что в некоторых из них, кроме совершенно портившейся от сырости утвари, самый иконостас, т. е. дерево его, портится и гниет, а краска на нем и позолота не держится и вскоре пропадает. Всякое теперь поновление и в дереве и в красках и позолоте тщетно и напрасно. Нельзя не сказать того, что из сих четырех приделов, гораздо более других терпящих вред от сырости и притом на большом пред другими виду занимающих в храме места свои, есть один Царский придел во имя Марии Магдалины, коего сень из чистого белого мрамора, колонны мраморные ж, капители бронзовые позлащенные, образа некоторые писаны на меди, а местные на дереве, и все сие, равно утварь и ризница от Монарших щедрот блаженной памяти вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. В нем хотя престол и жертвенник мраморные ж и порчи по сему не имеет, но дерево, где есть, гниет, одежда на престоле и жертвеннике истлела, живопись иконная тускнеет год от году, штукатурка стен и в олтаре и в самой церкви инде отдулась, а инде совсем отвалилась, стена же каменная осыпается, как песок, и притом всякая другая поправка и всякое другое усилие к поддержанию всего этого в целости и должном виде решительно тщетна».

Таким образом, власти Нового Иерусалима ясно дали понять, что для них было бы желательно иметь в Воскресенском соборе деревянные полы, однако тогда, в середине XIX века, это оказалось невозможным. Забегая вперед, нужно сказать, что только в конце XIX века мо-

настырским насельникам удалось осуществить это свое намерение. В 1889 году архимандрит Вениамин (Поздняков) подал рапорт в Синод, где указал на то, что «в храме служба должна обязательно начинаться со Страстной седмицы, которая при ранней Пасхе приходится на март», а к этому времени собор не успевает прогреться, да и летом его пол «при перемене погоды бывает мокрым, отчего многие из братии получают ревматизм и вообще страдают простудой, на что жалуются и многие из богомольцев». Поэтому, по его мнению, следует заменить чугунные плиты деревянным настилом, «положить по бетону в виде паркета по примеру Киево-Печерской Лавры, где в 1885 году устроен деревянный пол вместо чугунного в древнем храме великой церкви»[6].

Для этого потребовалось разрешение Императорского археологического общества – главного органа надзора за архитектурными памятниками. Археологическое общество в январе 1889 года уведомило Синод, что «не находит никаких препятствий к замещению в соборном храме Воскресенского Новоиерусалимского монастыря чугунного ныне существующего пола сосновым»[7]. Огромную площадь нижнего яруса Воскресенского собора (около 400 квадратных саженей) постепенно начали выкладывать паркетом, двигаясь от Кувуклии Гроба Господня. В начале XX века работы еще продолжались[8].

Возвращаясь к «Рассмотрению...» монастырских властей на смету архитектора Борисова 1847 года, добавим, что в нем не было признано нужным поновлять масляную живопись в шатре, разве что местами, «как потому, что ни краски, ни кисть настоящего времени не могут удачно быть приноровлены к кисти и краскам того времени по давности оных и особенному их характеру, так и потому, что при разборке и поставке оных опять на свои места можно и должно будет соблюсти всю осторожность и оставить их без повреждения и в прежнем своем виде. Тем паче такая осторожность и такая мера потребны в сем случае, что оные священные изображения составляют между прочим единственную в своем роде древность и редкость искусства, каковые притом в своем виде блюсти и поддерживать требуют и указные предписания»[9].

По поводу живописи в шатре в списке ремонтных работ было сказано: «Внутреннюю обшивку шатра не снимать, дабы не испортить нарисованных на холсте изображений, а возобновить токмо те места, где доски ветхи»[10]. Было указано «сею живопись написать вновь, копируя с оригинала», относительно следующих картин на холсте: на первых хорах, с южной стороны арки, изображения апостола Андрея и князя Владимира, с северной стороны – Бориса и Глеба и княгини Ольги, на вторых хорах относительно двух картин «между аркою» – «царь Константин и царица Елена». Другие картины велено было «промыть и заправить и покрыть лаком». Над дверьми Гроба Господня вместо образа Нерукотворного Спаса предполагалось написать Воскресение Христово[11], а также возобновление осыпавшейся штукатурки, лепнины, позолоты на часовне Гроба Господня и херувимов внутри собора и во фронтонах окон шатра.

В июле 1847 года Ведомство путей сообщения поручило архитектору Полибину (Палибину), жившему в Воскресенске, осмотреть ветхости собора. Он составил замечания на смету губернского архитектора Борисова, в которых высказал мнение, что «смета сия должна быть совершенно изменена», потому что, во-первых, многие работы, обозначенные в ней, уже сделаны в течение лета монастырем на собственные средства; во-вторых, многие исправления можно произвести позже, также монастырскими силами; и в-третьих, «многие предположенные в смете улучшения совершенно бесполезны, из числа которых более всего замечательно предположение, стоющее большой суммы и почти ни к чему не ведущее, это есть уничтожение сырости в соборном храме, заменив плитовой чугунный пол каменным из дикого камня». Полибин оспаривал мнение Борисова, что собор стоит на сырой местности. «Довольно одного взгляда на местность храма, – считал он, – чтобы вполне убедиться в неверности сделанного по смете предположения. Одна половина храма стоит на крутизне, составляющей прибрежную часть реки Большой Истры, а другая половина на насыпи, состоящей, как заключить можно по имеющимся признакам, из земли твердых и сухих пород, а именно: хряща и щебня, да и, кроме того, ни в одном из строений, окружающих храм, нет признаков сырости. Скорее можно предположить, что сырость в храме происходит, во-первых, от того, что при сложном его устройстве нет должного кругообращения воздуха, так что есть многие части храма, до которых как солнечные лучи, так и должный ток воздуха не достигают. Во-вторых, в течение шести месяцев каждогодно храм остается запертым и служба в нем не совершается, а равно нет в нем никакой топки, а потому стены, своды и колонны внутри храма будучи оштукатурены и даже, может быть, в сырое время не просохли еще особенно в тех местах, которые скрыты от солнечных лучей и влияния сухого воздуха, а потому и намерзают, а впоследствии оказывается в таковых местах течь и штукатурка отваливается. В летнее время хотя самый храм и находящиеся в нем окны в хорошее время и бывают открыты, но по неимению больших средств в монастырских смежителях (служителях? – *М.К.*) это делается не так часто, как бы следовало, и недостаточное число окон бывает открыто, форток же, которые постоянно могли быть открыты для тяги сырости и кругообращения воздуха, вовсе не имеется».

Полибин предложил попробовать для начала недорогие мероприятия по уменьшению сырости в храме: в зимнее время производить «легкую, но частую топку чугунными печами, устанавливая оные в тех местах, где наиболее оказывается сырости», а в летнее время отворять как можно больше окон и дверей, «стараясь, чтобы все пункты храма были проникаемы воздухом, а наиболее сквозным ветром». Полибин считал, что эти меры, проводимые из года в год, хотя и не приведут к совершенному уничтожению сырости, но «по крайней мере укажут степень возможности совершенного уничтожения оной». Относительно мнения настоятеля и братии об устройстве деревянных полов он высказал сомнение, что это поможет делу, да к тому же «в столь обширных и знаменитых зданиях таковые полы нигде не устраиваются, тем более, что они требуют тщательного ухода и постоянного ремонта»[12]. В конце октября Полибин составил новую смету на ремонт в соборе (как и смета Борисова, она не сохранилась в монастырском архиве).

Поскольку губернский архитектор Борисов и архитектор Ведомства путей сообщения и публичных зданий Полибин не пришли к единому мнению относительно причин сырости в соборе и мер для ее устранения, решено было узнать мнение главного архитектора Придворного ведомства Константина Тона. 9 июля 1848 года из Московской синодальной конторы был прислан указ о разрешении произвести ремонт ветхостей в шатре под его руководством. Из казны на ремонт шатра было выделено 10 000 рублей. На подготовительные и организационные мероприятия в 1848 году ушло слишком много времени, и сами работы решено было отложить до следующей весны. Желание произвести ремонт шатра за свой счет высказал коммерции советник Александр Логинович Тарлецкий, в связи с чем выделенные из казны деньги вернули назад. Указом Синодальной конторы от 15 апреля 1849 года смотрителями за работами в шатре были утверждены назначенные Тоном архитекторы И.С. Каминский и Я.И. Реймерс. В 1849 году к ремонтным работам в шатре опять не успели приступить до зимы, и они опять были отложены до весны следующего, 1850 года. Работа на шатре началась 10 мая 1850 года, то есть через пять лет после первого обращения старшей братии к настоятелю по данному вопросу, и поначалу шла медленно из-за отсутствия профессиональных смотрителей[13]. В июне архитекторами за 200 рублей был нанят десятник, крестьянин Владимирской губернии Иван Иванов, для присмотра за работами на месте.

Ремонт шатра стал угрожать сохранности Кувуклии. 4 июля 1850 года ризничий Авраамий подал настоятелю рапорт о необходимости защитить Кувуклию от появившейся в шатре течи. Решено было сделать над часовней Гроба Господня парусинный зонт. Тарлецкий взялся это устроить своими работниками из монастырских материалов. 16 июля 1850 года настоятель доносил в Синодальную контору, что «работы производятся против прежнего успешнее, а именно: по 15-е сего июля сделано в шатре 18 окон и покрыты железом, еще сделано 6 окон, но железом оные не покрыты, кроме сих к 6 окнам сделаны подмости и раскрыты оные, между окон 5 граней от шейки купола и до низу покрыты железом»[14]. В конце августа старшая братия писала в рапорте епископу Агапиту, что «работа в шатре производится довольно деятель-

но, малое препятствие было во время дождей, но теперь покрыто 21 окно, в 6 окон вставлены колоды с рамами, только не покрыты железом, и к 6 окнам сделаны подмостки, остается только 12 окон неисправленных»[15]. Архитекторы Тон и Реймерс были в Новом Иерусалиме 22 июля проездом. К концу октября работы по покрытию шатра были в основном закончены. Однако были допущены некоторые недоделки. 31 октября 1850 года настоятель писал в Синодальную контору, что «шатер хотя покрыт новым черным листовым железом в гребень, но гребень сей почти весь остается незагнут, отчего, а равно и от непокрытия еще многих мест железом, во время бывших дождей и при таянии снега сильная течь открылась по стропилам внутри кровли, по колодам оконным, и простирается до основных балок и на досчатые полы хор и внутрь самой церкви на помост; в некоторых частях шатра проходит течь даже на священные картины, в коих масляной краски живопись заметно от сего повреждается»[16].

В 1851 году работы в шатре возобновились только в конце июля. 24 июля два кровельных мастера, присланные от Тарлецкого, начали загибать гребни. 30 августа старшая братия доносила настоятелю, что кровельщики продолжают работу, течь прекратилась и зонт над Кувуклией снят. 2 августа в монастырь от Тарлецкого был прислан московский цеховой мастер позолотчик Иван Петрович Игумнов. Им были позолочены глава и шестьдесят головок ангелов на фронтонах окон. В начале октября все гребни были загнуты. К концу октября 1851 года кровля шатра была загрунтована черной масляной краской, починена крыша над вторым ярусом ротонды, поврежденная при ремонте шатра.

От неоднократных протечек испортились картины в шатре: «на некоторых опала краска, а на других оная растрескалась, но незначительно и по огромной высоте, на коей оные картины находятся, не представляет снизу приметного безобразия; а между окон на простенках шатра, обтянутых холстом и окрашенных масляною краскою, краска оная немного полиняла и оказались на оных пятна». «Посему некоторые священные картины потребно возобновить, а простенки окрасить вновь масляною краскою перловаго цвета»[17]. 8 октября 1852 года шатер осмотрел Константин Тон. Он нашел, что ремонт шатра произведен хорошо. Осталось только покрасить крышу и исправить ветхости внутри шатра. Однако в следующем году во время дождей в шатре опять стали появляться течи, с той стороны, на которую был направлен ветер. Настоятель считал, что это происходит от того, что оконные рамы не замазаны, недостаточно прочно загнуты гребни кровли, а также из-за неокрашенной крыши.

Судя по тому, что из позднейших документов информация о течи в шатре исчезает, она в конце концов была устранена. Что касается мер, предложенных архитектором Полибиным для осушения собора, то они отчасти предпринимались. Так, в 1849 году были топлены три чугунных печки в соборе «для вытягивания сырости»[18].

В заключение можно сказать, что ремонт деревянного шатра Воскресенского собора середины XIX века был самым значительным реставрационным мероприятием на этом объекте вплоть до 1941 года, когда шатер был полностью разрушен во время фашистской оккупации города Истры и целенаправленного уничтожения ансамбля монастыря. Ремонт практически полностью был осуществлен на деньги частного жертвователя, казна и сам монастырь оплачивали только проектные работы архитекторов и некоторые мелкие подряды. Поновление шатра осуществлялось с учетом исторической ценности изначального облика сооружения и с максимально возможным его сохранением. Нельзя, однако, не отметить чрезвычайно медленные темпы работ, особенно на начальной стадии. Во многом это было обусловлено отсутствием необходимой технической документации – фасадов и разрезов собора – как в самом монастыре, так и в Синодальном ведомстве. В ходе этого ремонта неожиданно центральное место занял вопрос о предохранении собора от сырости вообще, решение которого монастырские власти видели в замене чугунных полов на деревянные. Спор по этому вопросу еще больше задержал начало работ на шатре и тогда, в середине XIX века, так и не был разрешен. Только в конце века настойчивые просьбы монастырских насельников наконец были услышаны и началась постепенная настилка деревянных полов в Воскресенском соборе.

Е.И. Рогожкина
Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»

ПРЕДМЕТЫ ЦЕРКОВНОГО ОБИХОДА ИЗ ПРИДЕЛОВ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА, ХРАНЯЩИЕСЯ В ФОНДЕ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ МУЗЕЯ «НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ»

Данное сообщение является продолжением работы по изучению предметов церковного обихода из драгоценных металлов и камней, происходящих из Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря и хранящихся в фондах Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим». Два предыдущих сообщения были посвящены личным вещам Патриарха Никона и царским вкладам в Воскресенский монастырь в XVII веке. В ходе работы над этими сообщениями был определен круг предметов, принадлежавших самому Патриарху Никону, и предметов, вложенных в Воскресенский монастырь членами царской семьи Романовых. Также были установлены личные вещи Патриарха Никона, поступившие из Валдайского Иверского монастыря по акту № 211 от 6 февраля 1933 года и ставшие частью коллекции музея «Новый Иерусалим».

Целью данного сообщения является продолжение введения в научный оборот предметов церковного обихода из приделов Воскресенского собора XVIII–XIX веков, хранящихся в фонде драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим».

Обрушение грандиозного кирпичного шатра над ротондой Воскресенского собора в1723 году и пожар 1726 года стали причиной аварийного состояния храма. Начались работы по восстановлению и частичной перестройке фасадов и интерьеров подземной церкви, собора и ротонды. Благодаря активному покровительству императрицы Елизаветы Петровны строительные и восстановительные работы в Новом Иерусалиме в период ее правления проводились с большим размахом. В XVIII–XIX веках в Воскресенском соборе устраивается 15 новых приделов в дополнение к уже имевшимся 14 приделам XVII века. Новые приделы устраиваются не только членами царской семьи, но и другими богатыми вкладчиками.

Одним из таких приделов был придел святителя Андрея Критского, расположенный в «палатке», устроенной Патриархом Никоном между приделами Разделения риз и Написания титла. История придела описана Г.М. Зеленской в «Путеводителе» по Новому Иерусалиму: «Первое освящение придела относится к 1749 году. Средства на его благоустроение были пожертвованы графом Андреем Петровичем Литте, с которым связано и посвящение придела святителю Андрею Критскому – небесному покровителю графа. В начале 50-х годов XVIII века придел был обновлен графиней Маврой Егоровной Шуваловой «по своему сугубому обещанию»[1]. Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелева, была женой Петра Ивановича Шувалова, входившего в круг доверенных друзей Елизаветы Петровны и самых приближенных к ней людей. Он был видным государственным деятелем своего времени. Мавра Ивановна не только хлопотала перед императрицей о служебных и хозяйственных делах Петра Ивановича, но и находила способы вредить его недоброжелателям. В 1749 году он похоронил свою супругу, а затем тяжело заболел и отчасти утратил главенствующее положение в Сенате.

С семьей Шуваловых связаны три предмета, ныне хранящиеся в фондах музея «Новый Иерусалим». Это небольшая серебряная вызолоченная двухъярусная дарохранительница, увенчанная небольшой главкой с четырехконечным крестом[2]. На лицевой стороне верхнего яруса, имеющего килевидное завершение,

находится дверца на шарнирах. Внутри расположены два небольших отделения. На дверце гравировано распятие на фоне Иерусалима. Прямоугольное основание верхней части надевается на нижнюю часть при помощи фигурных зубцов. Нижняя часть дарохранительницы прямоугольная, на расширенном с уступом основании имеет четыре сферических ножки по углам. На лицевой стороне нижнего яруса гравировано Благовещение, а на оборотной стороне гравирована вкладная надпись: «ПОСТРОЕНА: СИЯ: ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА: ВКЛА//ДУ: ВООБИТЕЛЬ: ВНОВОПОСТРОЕННОЙ: ВОСКРЕ//СЕНЬСКОЙ: ИЕРУСАЛИМЪ: ПООБЕЩАНИЮ: ГОСПОДИНА // ГЕНЕРАЛА: ИКОВАЛЕРА: ИСЕНАТОРА: ГРАФА ПЕТРА// ИВАНОВИЧА: ШУВАЛОВА: В НЕЙ ВЕСУ: 30 ФУНТОВ 38 ЗОЛОТНИКОВ // 1749 ГОДУ: ИЮЛЯ: 4 ДНЯ».

Серебряная вызолоченная двухъярусная дарохранительница. *Вклад М.Е. Шуваловой*

На дарохранительнице стоит клеймо «А. S.» московского пробирного мастера 1735–1749 годов Андрея Зайцева. К сожалению, другие клейма пока расшифровать не удалось.

Простая по форме и небольшая по размеру (27х13х9 см), дарохранительница выглядит довольно монументально благодаря пропорциональности размеров ее частей. А вот гравированные изображения выполнены несколько грубовато. В целом же дарохранительница является вполне типичным образцом подобного рода предметов середины XVIII века.

Два других предмета – это дискос и тарель. Судя по клеймам, оба они были изготовлены в мастерской Кунина Василия Матвеева – московского купца 1-й гильдии, имевшего монополию на производство изделий церковного обихода из золота и серебра. Очень похожие стилистически, они, тем не менее, несколько отличаются по декору.

Дискос[3] серебряный, частично вызолоченный, с мелкой тарелью и невысоким цилиндрическим поддоном с уступом. На зеркале тарели гравировано изображение жертвенного агнца в виде Младенца Христа в чаше. По сторонам изображены Ангелы с молитвенно сложенными руками. По борту, в трех фигурных картушах, обрамленных изогнутыми листами аканта, гравированы надписи: «СЕ АГНЕЦ», «БОЖИЙ ВЗЕМЛЯЙ», «ГРЕХИ МИРА». На оборотной стороне, у края борта тарели, гравирована вкладная надпись: «1753 ГОДУ МАЯ 10 ДЕНЬ СЕЙ ДИСКОС ШТАТС ДАМЫ ГРАФИНИ МАВРЫ ШУВАЛОВОЙ РОЖДЕНА ШЕПЕЛЕВА ОТДАНО В НОВОЙ ИЕРУСАЛИМ В ЦЕРКОВЬ СТРОЕННУЮ ЕЮ АНДРЕЯ КРИТСКОГО».

Тарель[4] маленькая (диам. — 149 мм), также частично вызолоченная. На зеркале гравировано «Благовещение». А по борту, в рамках с закругленными торцевыми сторонами с двойными листами аканта, гравированы надписи: «Благовествуй», «Земле Радо», «Сть Велию». Так же, как у дискоса, вкладная надпись гравирована на обороте борта тарели, по краю: «СИЕ БЛЮДЪЦО ШТАТС ДАМЫ ГРАФИНИ МАВРЫ ШУВАЛОВОЙ РОЖДЕНА ШЕПЕЛЕВА ОТДАНО В НОВОЙ ИЕРУСАЛИМ В ЦЕРКОВЬ СТРОЕННУЮ ЕЮ АНДРЕЯ КРИТСКОГО 1753 ГОДА МАЯ 10 ДНЯ».

Тарель маленькая, частично вызолоченная. *Вклад М.Е. Шуваловой*

Тарель серебряного дискоса. *Вклад М.Е. Шуваловой*

Из вкладных надписей видно, что оба предмета были одновременным вкладом. Можно предположить, что очень похожие предметы были специально приобретены в мастерской Кунина для вклада их в придел Андрея Критского Воскресенского собора, а соответствующие надписи на них выполнены там же по желанию знатной заказчицы.

В фондах музея хранятся предметы, связанные с семьей генерала Бориса Александровича Загряжского. Они происходят из придела 12 и 70 апостолов. Этот придел с 1704 года размещался в юго-восточной части ротонды Воскресенского собора; он был устроен на келейные деньги ближайшим сподвижником Патриарха Никона – иеромонахом Сергием (Турчаниновым). «Во второй половине XVIII века придел обновлялся на средства помещика Рузского уезда Московской губернии генерала Загряжского и был освящен вторично в 1783 году... Придел был семейной усыпальницей Бориса Александровича Загряжского († 1809), его супруги Екатерины Михайловны, урожденной княжны Черкасской († 1782), и ее сестры – Анны Михайловны Черкасской († 1847)»[5]. Все вклады Бориса Александровича Загряжского можно условно разделить на несколько групп. К первой группе можно отнести предметы, датированные 1782–1783 годами. Это ковшик для теплоты, потир, дискос и кадило.

Ковшик для теплоты[6] серебряный, внутри вызолоченный, с цилиндрической чашей и припаянной треугольной ручкой с закругленными углами. На дне и на ручке гравированы четырехконечные кресты. По краю ручки гравирована рамка в виде гирлянды из листьев, перевязанных вверху и внизу лентой и скрепленных в нижних углах цветками. На обороте дна резная в два ряда вкладная надпись: «В ЦЕРКОВЬ О (70 – *ЕР.*) АПОСТОЛЪ ЧТО ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВОЕРОСАЛИМСКОМЪ МОНАСТЫРЕ ВЪ ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ СУПРУГИ ГЕНЕРАЛЪ МАЙОРА // БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗАГРЯЗСКАГО ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАССКОЙ АПГ (1783. – *ЕР.*) ГОДА ВЕСУ ЗД» (количество золотников не указано. – *ЕР.*). Внутри верхней строчки надписи гравировано «№ 16» – вероятно, ризничный номер. Ковш прост по форме и почти лишен декора, отсутствие которого компенсируется контрастом вызолоченной внутренней поверхности с незолочеными ручкой и бортом снаружи. На дне ковша и на ручке выбиты московские городские клейма с изображением Георгия Победоносца, клеймо с буквами «А.О.П» неизвестного альдермана 1775–1804 годов и клеймо с датой «1782».

Ковшик для теплоты серебряный.
Вклад БА. Загряжского

Потир[7] серебряный, местами вызолоченный, чеканный, с черневыми дробницами на чаше и поддоне. На гладкой чаше с отогнутым наружу краем помещены четыре овальные дробницы с изображением Голгофы и трехчастного Деисуса. Христос, Иоанн Предтеча и Пресвятая Богородица представлены стоящими на облаках, Богородица в трехчетвертном повороте влево, а Иоанн Предтеча в трехчетвертном повороте вправо.

Дробницы обрамлены накладными рельефными рамками в виде венков и соединены чеканной провисающей гирляндой, перевязанной лентой с бантами над дробницами. По краю чаши крупными буквами гравирована надпись: «РЕЧЕ ГОСПОДЬ ЯДЫ МОЮ ПЛОТЬ И ПИЯЙ МОЮ КРОВЬ ВОМНЕ ПРЕБЫВАЕТ И АЗЪ ВНЕМ». Стоян выполнен в виде фигуры Ангела, стоящего на облаках и несущего чашу на руках и голове. На верхней части поддона вычеканены узкие ложки и ряд жемчужника. На выпуклой части поддона, в дробницах, изображены композиции «Моление о чаше», «Бичевание», «Христос перед Пилатом» и «Несение креста». Дробницы также обрамлены венками и соединены провисающей гирляндой из цветов и листьев.

По краю поддона гравирована вкладная надпись: «В ЦЕРКОВЬ ✪ (70. – *Е.Р.*) АПОСТОЛЪ ЧТО ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВОИЕРОСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ ВЪ ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ СУПРУГИ ГЕНЕРАЛ МАЙОРА БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗАГРЯЗКАГО ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАСКОЙ ѦПГ (1783. – *Е.Р.*) ГОДА ВЕСУ 3 ФУНТА ЗОЛ. 54». После вкладной надписи выгравировано «№ 2» – тоже, по-видимому, ризничный номер.

Потир выглядит очень нарядно и богато. Различные техники: чеканка, гравировка, чернение, позолота – не нарушают стилистического единства предмета. Гладкие золоченые поверхности и рельефные серебряные элементы потира дополняют друг друга и только усиливают его декоративное решение.

На поддоне потира выбиты городское клеймо Москвы, клеймо с датой «1783», клеймо

Потир серебряный.
Вклад БА. Загряжского

неизвестного альдермана и несколько смазанное клеймо с буквами «I. I. B.», которое вполне можно определить как клеймо Верещагина Ивана Ивановича, серебряного дела мастера, купца 1-й гильдии, 1777–1792 годов.

Серебряный, густо вызолоченный дискос[8] вполне традиционен по форме, зато богато декорирован гравировкой. На зеркале тарели изображена очень динамичная композиция, изображающая Богомладенца Христа с большим крестом в левой руке, стоящего на облаках. Над Ним – Господь Саваоф с распростертыми руками и Святой Дух в виде голубя. В облаках – сонм Ангелов. По борту тарели, в трех резных рамках с расходящимися и перекрещивающимися стеблями, надписи: «СЕ АГНЕЦ БОЖИЙ», «ВЗЕМЛЯЙ», «ГРЕХИ МИРА».

На оборотной стороне, по краю борта тарели, гравирована вкладная надпись: «В ЦЕРКОВЬ ✪ (70 – *Е.Р.*) АПОСТОЛЪ ЧТО ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВОИЕРОСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ ВЪ ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ СУПРУГИ ГЕНЕРАЛ МАЙОРА БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗАГРЯЗСКАГО ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАСКОЙ ѦПГ (1783. – *Е.Р.*) ГОДА ВЕСУ 9 ЗОЛ.».

После вкладной надписи выгравирован ризничный номер – «№ 3».

Клейма на дискосе совпадают с клеймами на потире, из чего можно сделать вывод, что эти два предмета были изготовлены в одном 1783 году в одной мастерской И.И. Верещагина.

И еще один предмет, который можно отнести к этой группе, – кадило[9]. Оно серебряное, с грушевидной прорезной крышкой, увенчанной маленькой главкой с крестом. Чаша полусферическая на высоком поддоне с тремя круглыми ножками-бубенчиками. Кадило декорировано чеканным орнаментом с изображениями круглых картушей в венках, провисающих гирлянд и букетов цветов. Вкладная надпись гравирована в четыре строки по низу широкой части чаши: «В ЦЕРКОВЬ // ✪ (70. – *Е.Р.*) АПОСТОЛЪ ЧТО ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВОИЕРОСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ ВЪ ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ СУПРУГИ ГЕНЕРАЛ МАЙОРА БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗАГРЯЗСКАГО // ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАСКОЙ ѦПГ (1783. – *Е.Р.*) ГОДА ВЕСУ 1 ФУНТ 80 ЗОЛ.». После вкладной надписи выгравирован ризничный номер – «№ 14».

Дискос серебряный.
Вклад БА. Загряжского

К сожалению, плохое состояние кадила не позволяет в полной мере оценить его художественные качества. Оно нуждается в реставрации. Элементы сложной грушевидной барочной формы и барочного декора в виде трельяжной решетки здесь соседствуют с чеканным орнаментом более строгого стиля.

По краям коптильника, чаши и основания кадила есть несколько плохо читаемых клейм. Среди них можно разобрать Московское городское клеймо, клеймо неизвестного альдермана, такое же, как и на двух предыдущих предметах, и клеймо с буквами «I. П. М.», которое в книге «Русское золотое и серебряное дело XV–XX веков»[10] определяется как клеймо неизвестного мастера 1776–1792 годов. Годовое клеймо срезано краем коптильника, но по аналогии с клеймами на других предметах можно с большой долей вероятности предположить дату «1783» год. Кроме того, на обороте основания кадила сохранилась наклейка из желтой ткани, на которой проставлялись номера монастырской ризницы. На данной наклейке есть надпись: «Нов. № 8 // стар. № 6 / весу 1 ф. 78 зол.». Видимо, по разным описям предметы из ризницы могли получать другие номера в зависимости от какого-то движения этих предметов.

Кадило.
Вклад Б.А. Загряжского

Предметы этой условно собранной группы имеют дату изготовления 1782–1783 годы, что ясно прослеживается по клеймам на этих предметах. Все они были поминальными вкладами генерала Загряжского по своей супруге, скончавшейся в 1782 году, о чем свидетельствуют абсолютно тождественные вкладные надписи.

Вторая группа состоит из четырех предметов. Это два подсвечника и две лампады. Они, несомненно, являются частями единого комплекса, поскольку выполнены в едином стилистическом ключе. Однако эти предметы имеют различные датировки. Пока трудно сказать, весь ли это комплекс или, возможно, были еще другие предметы. Предполагается это выяснить в ходе продолжения работы над темой.

Два подсвечника[11] выполнены в виде коротких цилиндрических колонн на широких уступчатых основаниях. Подсвечники имеют свечники вместо капителей. Под свечниками – накладные провисающие от розанов гирлянды. По краю основания подсвечника с клеймом 1783 года гравирована вкладная надпись: «В ЦЕРКОВЬ О (70. – *Е.Р.*) АПОСТОЛЪ ЧТО ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВОИЕРОСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ ВЪ ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ СУПРУГИ ГЕНЕРАЛ МАЙОРА БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗАГРЯЗСКАГО ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАСКОЙ АПГ (1783. – *Е.Р.*) ГОДА ВЕСУ 1 ФУНТ». После вкладной надписи выгравирован ризничный номер – «№ 15». Этот подсвечник продолжает группу поминальных вкладов по Екатерине Михайловне Загряжской.

По краю основания второго подсвечника с годовым клеймом 1793 года вырезана следующая надпись: «СТАВРАПИГИАЛНАГО ВОСКРЕСЕНСКАГО НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ ИМЕНУЕМАГО МОНАСТЫРЯ КАЗЕНОЙ 1793 года МАРТА 17 ДНЯ ЗДЕЛАНЪ ПРИ АРХИМАНДРИТЕ ВАРЛАМЕ ВЕСУ 92 золотников». Как видно из этой надписи, второй подсвечник был заказан позже, в пару к первому. Но, судя по клеймам, второй подсвечник был изготовлен в другой мастерской. При более детальном рассмотрении видно, что рисунок листьев гирлянды и профилировки по низу колон и на основании имеют различия, и подсвечники могли восприниматься как пара только на некотором расстоянии.

Два подсвечника.
Вклад Б.А. Загряжского

Первая лампада[12] очень большого размера (225х230 мм), серебряная, в форме уплощенной сферы. Горло расчеканено узкими ложками. Край горла широко раскрыт. Нижняя часть в форме перевернутого колокола также декорирована рядом чеканных ложек. Большой колоколообразный коптильник крепится цепями из крупных овальных звеньев к литым головкам херувимов на тулове. На тулове вычеканена широкая провисающая между головками херувимов гирлянда, перевязанная внизу лентами. Под одним из херувимов вырезана вкладная надпись в семь строк: «В ЦЕРКОВЬ // О (70. – *Е.Р.*) АПОСТОЛ ЧТО ВЪ ВОС//КРЕСЕНСКОМ НОВОИЕРУСАЛИМСКОМ // МОНАСТЫРЕ ВЪ ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ// ПО ГЕНЕРАЛ МАЙОРЕ БОРИСЕ АЛЕ//КСАНДРОВИЧЕ ЗАГРЯЗСКОМ // АШ (1810 года. – *Е.Р.*) ГОДА ВЕСУ 2 фунта 35 золотников». Под надписью гравированы расходящиеся от центрального крупного цветка длинные стебли с цветами и листьями.

На большой лампаде имеются: Московское городское клеймо, клеймо с указанием года – «1810» и пробы – «84». Другие клейма определить не удалось.

Вторая лампада[13] значительно меньшего размера (230х170мм). Форма и декор полностью совпадают с формой и декором большой лампады. Горло меньшей лампады закрыто плоской крышкой с большим шандалом в центре и тремя меньшими шандалами по краю. Под одним из херувимов также гравирована вкладная надпись в 10 строк: «ВЪ ЦЕРКОВЬ 12х // АПОСТОЛОВ ЧТО ВЪ ВОСКРЕСЕН//СКОМ НОВО ЕРУСАЛИМСКОМ МОН//АСТЫРЕ ВЪ ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ // ГЕНЕРАЛ МАЙОРА БОРИСА АЛЕКСАНДРО//ВИЧА ЗАГРЯЗСКАГО ПОСВЯЩЕНО В ЗНАКЪ // НЕЗАБВЕННОЙ ДРУЖБЫ КНЯЖНОЮ АННОЮ // МИХАЙЛОВНОЮ ЧЕРКАСКОЮ 1810 го ГОДА // ГЕНВАРЯ (число не указано. – *Е.Р.*) ДНЯ // ВЕСУ 1 фунт 35 золотников». Рисунок гравировки, обрамляющей надпись, внизу более простой, чем на большой лампаде.

Большая лампада.
Вклад Б.А. Загряжского

На крышке этой лампады есть клеймо с буквами «I. В» и датой, которая читается как «1809» год, что соответствует клейму пробирного мастера Ивана Вихляева 1804–1818 годов. То есть оно было изготовлено в год смерти Бориса Александровича и вложено в Воскресенский монастырь через год.

Несмотря на разницу в датировках этих предметов, основным декоративным приемом, использованным при их изготовлении, явля-

Малая лампада.
Вклад Б.А. Загряжского

Серебряный вызолоченный потир с финифтяными дробницами.
Вклад А.М. Черкасской

ется сочетание гладких незолоченых серебряных поверхностей с незначительными элементами чеканного орнамента. Простые геометрические формы немного усложняются в деталях, что не нарушает целостного восприятия предмета. Мотив провисающей чеканной гирлянды является не только единственным элементом декора, но и объединяет все эти четыре предмета, он же связывает их с потиром из предыдущей группы, где такая гирлянда была одним из элементов декоративного оформления.

И еще один предмет, связанный с семьей Загряжских. Это серебряный вызолоченный потир[14] с финифтяными дробницами. Чаша потира высокая, яйцевидная, с накладным кожухом на нижней части в виде остроконечных, узких листьев. Стоян – в виде трех женских фигур-кариатид, поддерживающих чашу. Поддон в верхней части конический, внизу – круглый, уступчатый. На средней части чаши расположены четыре финифтяные дробницы с трехчастным Деисусом из стоящих на облаках Христа и обращенных к нему в трехчетверт-

ном повороте Богоматери и Иоанна Предтечи и распятием. Дробницы обрамлены серебряными ободками, оформленными в виде страз. Под дробницами расположены накладные матовые изображения соединенных пальмовых и лавровых ветвей. Между дробницами – накладные литые головки ангелов. Между краем чаши и дробницами накладная полоса с традиционной литургической надписью: «ТЕЛО ХРИСТОВО ПРИИМИТЕ И ИСТОЧНИКА БЕСМЕРТНАГО ВКУСИТЕ». На конической части поддона расположены три трапециевидные финифтяные дробницы с композициями «Венчание тернием», «Снятие с креста», «Положение во гроб». Дробницы чаши и поддона бело-голубые. Между дробницами – накладные литые головки ангелов. У края поддона чеканный орнаментальный пояс из листьев аканта. По краю поддона гравирована вкладная надпись: «СОСУДЫ СИИ ПОСВЯЩЕНЫ ОБИТЕЛИ НОВАГО ИЕРУСАЛИМА ЕЯ СИЯТЕЛЬСТВОМ КНЯЖНОЮ АННОЮ МИХАЙЛАВНОЮ ЧЕРКАСКОЮ В ПАМЯТЬ ЕЯ ПРЕВАСХОДИТЕЛЬСТВА ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛАВНЫ ЗАГРАЦКОЙ : 1806 го». Здесь же в рамке выгравирована надпись в две строки: «БОЖЕ ТВОЯ ОТЪ ТВОИХЪ // ТЕБЕ ПРИНОШУ». Этот потир – поминальный вклад Анны Михайловны Черкасской по своей сестре Екатерине Михайловне.

На поддоне потира видно клеймо с фрагментом даты «806» и клеймо «М.К.», которое соответствует пробирному мастеру Карпинскому Михаилу Михайловичу 1800–1824 годов.

Говоря о вкладах в придел 12 и 70 апостолов, невозможно обойти еще один известный нам предмет, который, хотя и не относится к фонду драгоценных металлов и камней, относится к данному комплексу. Евангелие[15], которое сейчас экспонируется на выставке «Святися, Святися, Новый Иерусалиме», также является вкладом в придел 12 и 70 апостолов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в память Е.М. Загряжской, погребенной в этом приделе.

Вкладная надпись на изнанке нижней доски Евангелия: «В ЦЕРКОВЬ // О (70. – *Е.Р.*) АПОСТОЛЪ ЧТО ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВОИЕРОСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ ВЪ ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ СУПРУГИ ГЕНЕРАЛ МАЙОРА БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗАГРЯЗСКАГО // ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАСКОЙ ѦПѰГ(1783. – *Е.Р.*) ГОДА». Ризничный номер – «№ 8».

При рассмотрении сохранившихся предметов из этого придела обращает на себя внимание наличие ризничных номеров почти на всех из них. Всего из этого придела сохранилось 10 предметов, ризничные номера проставлены на шести из них. Это номера 2, 3, 8, 14 15, 16. Можно предположить, что предметов было больше, не все они сохранились. Остается еще много вопросов и по поводу имеющихся предметов.

В заключение хотелось бы отметить, что в XVII, а затем и в XIX веке при строительстве новых приделов происходило и их наполнение иконами, предметами церковной утвари, тканями и книгами. Рассмотренные нами два придела дают очень небольшую возможность представить, какие предметы являлись частью интерьеров этих приделов. Возможно, подобные предметы не слишком часто использовались, а чаще находились в ризнице, благодаря чему так хорошо и сохранились.

Хотелось бы выразить большую благодарность сотрудникам музея «Новый Иерусалим», оказавшим мне большую помощь при подготовке этого сообщения: Г.М. Зеленской, Л.М. Черниловой, Л.Г. Невзоровой и Н.И. Сафоновой.

Ю.В. Василькова
НИИ истории и теории искусствознания РАХ

РАБОТЫ ЖИВОПИСЦА ПАВЛА СОРОКИНА В НОВОМ ИЕРУСАЛИМЕ

Имя Павла Семеновича Сорокина в настоящее время известно лишь узкому кругу специалистов. Выпускник Императорской Академии художеств, пенсионер в Италии и Франции, академик живописи, он участвовал в росписи храма Христа Спасителя в Москве и соборной церкви святого благоверного князя Александра Невского в Париже. Пятнадцать лет своей жизни Павел Семенович посвятил преподавательской деятельности. Он был в числе первых преподавателей в Московском епархиальном училище иконописания, а среди его учеников в Московском училище живописи, ваяния и зодчества был прославленный русский художник Константин Алексеевич Коровин. Творческое наследие Павла Сорокина практически не исследовано. Мало изучена и его биография. В 2005 году в статье Т.В. Юденковой была предпринята попытка восстановить основные этапы жизни и творчества художника с привлечением не публиковавшихся ранее архивных материалов[1].

Родился будущий живописец в 1833 году в глубокой провинции, в посаде Большие Соли Костромской губернии. Это поселение, расположенное на реке Солонице, возникло в XIII веке. Существовавшие здесь соляные источники разрабатывались вплоть до начала XVIII столетия, а после, когда добыча соли была прекращена, стали процветать кузнечные, портняжные, кровельные ремесла. В округе славились большесольские мастера каменного строительства и резьбы по дереву. Все посадские жители были разного рода ремесленниками. Семья Сорокиных принадлежала к мещанскому сословию[2]. Нам ничего не известно о родителях. Очевидно, они были достаточно образованными людьми, так как сумели обучить детей первоначальной грамоте и привить им любовь к искусству. В результате все четверо их сыновей – Евграф, Рафаил, Василий и Павел – стали художниками[3]. Самым талантливым и самым известным из них был старший брат Евграф Сорокин. В юности он расписывал церкви в Ярославле. Благодаря личной протекции императора Николая I в 1841 году Евграфу удалось поступить в Академию художеств. Вскоре он привез в Петербург самого младшего из своих братьев – Павла и стал обучать его рисунку. Мальчик оказался очень способным и в возрасте 13 лет был зачислен в Академию художеств, в мастерскую исторической живописи к профессору А.Т. Маркову.

Алексей Тарасович Марков, ученик А.И. Иванова, А.Е. Егорова и В.К. Шебуева, был прекрасным рисовальщиком. Преподавательская деятельность занимала важное место в его жизни, он воспитал целую плеяду мастеров исторической живописи. Его бесконечная доброта и внимательное отношение привлекали учеников, в среде которых профессор Марков пользовался огромной популярностью; он был более любим, нежели Карл Брюллов. Стараясь по возможности оказывать поддержку наиболее способным выходцам из бедных семей, он ходатайствовал о помощи в Совете для Евграфа и его брата Павла. Совет Академии художеств 19 декабря 1847 года постановил: «По представлению профессора А. Маркова выдать Павлу и Евграфу Сорокиным по 70 рублей»[4]. Учитель и в дальнейшем продолжал опекать братьев Сорокиных, предрекая им большое будущее, и не обманулся в своих ожиданиях.

В течение всего академического обучения Павла Сорокина рассматривали как ученика, подающего большие надежды. Он быстро получил все положенные медали. Спустя четыре года после поступления в Академию художеств

он имел малую золотую медаль за программу «Призвание апостола Андрея» и звание классного художника. В 1851 году Сорокин приступил к работе над академической программой на большую золотую медаль «Первые христианские мученики при св. Владимире». Медаль ему не присудили, но картина была сразу приобретена известным меценатом Козьмой Терентьевичем Солдатенковым и вскоре размещена в фигурном классе Московского училища живописи, ваяния и зодчества, где пользовалась большой популярностью и ее неоднократно копировали. После смерти Солдатенкова картина перешла в коллекцию Московского публичного и Румянцевского музея, а оттуда вошла в собрание Третьяковской галереи. Следующим крупным произведением Павла Сорокина стал молельный образ «Всех скорбящих Радость», написанный им для церкви Богоматери «Всех скорбящих Радости» в Петербурге; за эту работу его удостоили похвалы. Наконец, в 1854 году он получил большую золотую медаль и право пенсионерской поездки за границу сроком на шесть лет за картину «Юпитер в кузнице Вулкана». Критика хвалила Сорокина за сочную свободную живопись, за знание художественных приемов, но отмечала отсутствие возвышенного идеального мифологического характера. Это едва ли не единственная его картина на мифологический сюжет, и думается, что подобная тематика не могла вдохновить художника, явно тяготеющего к религиозной живописи, на создание «возвышенного образа».

В русской культуре с начала 40-х годов XVII века возрастал интерес к христианским древностям. Наряду с многочисленными историческими изысканиями и археологическими раскопками в Святой Земле началось изучение памятников православного искусства в Константинополе. Были частично опубликованы вновь открытые мозаики и фрески. В середине XIX века в Петербурге и Москве эти исследования имели уже программный характер. В 1853 году вышло постановление Святейшего Синода «Об изучении древней церковной Византийской живописи». Было решено отправить на Афон группу воспитанников Петербургской духовной семинарии с целью копировать «драгоценные образцы Византийской живописи лучших ее времен и усвоить ее нашему Отечеству»[5].

Президент Императорской Академии художеств великая княгиня Мария Николаевна, узнав об отправке на Афон семинаристов, решила отослать на Святую Гору и экспедицию художников, «имея непременное желание учредить при Академии художеств специальный класс для образования живописцев к распространению иконописания на точных основаниях Византийского стиля»[6]. Изучение церковной живописи вызывало большой интерес в императорской семье. Известно, например, что история иконописи входила в программу обучения наследника престола[7].

В 1856 году в Академии художеств был создан музей церковного искусства («Музеум древнего иконописания») в помощь художникам, которые выбрали для себя путь церковной живописи. Он существовал на особых правах, не сливаясь с официальным академическим музеем, где были представлены произведения искусства XVIII–XIX веков, и в конце 50-х годов XIX века уже обладал достаточно серьезным собранием древностей. В числе дарителей были такие знатоки церковного искусства и коллекционеры, как П.И. Севастьянов[8]. Таким образом, русские художники имели возможность ознакомиться с этими уникальными экспонатами в стенах Академии художеств. Павел Сорокин, будучи в то время еще ее учеником, вероятно, тоже изучал музейную коллекцию и уже тогда имел некоторое представление об искусстве христианского Востока.

За границу Павел Сорокин отправился только в июне 1858 года[9]. Уже через год живописец, «почувствовав скуку и тоску по родине, тяжело заболел» и потому «был вынужден» вернуться в Россию[10]. Продолжил он свое пенсионерство лишь спустя два года, как раз в то время, когда в Париже начались работы по росписи соборной церкви святого благоверного князя Александра Невского, в которых он участвовал вместе с братом Евграфом[11]. Создается впечатление, что, в отличие от многих пенсионеров, которые всячески старались продлить свое пребывание в Западной Европе, Павел Сорокин особенно туда не стремился, и руководило им скорее чувство долга перед Академией художеств, нежели личный энтузиазм. Со свойствен-

ной ему старательностью и ответственностью художник выполнял все необходимые задания. Кроме того, он увлекался изучением древностей, «посещал лекции по археологии, работал в Императорской Публичной библиотеке»[12]. По возвращении в Россию осенью 1870 года Павел Сорокин поступил на должность преподавателя в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где проработал до конца своих дней. Параллельно он преподавал в Московском епархиальном училище иконописания, а также трудился по частным и государственным заказам, исполняя образа для храмов. Скончался Павел Семенович от тяжелой болезни в мае 1886 года в Москве в возрасте 53 лет.

В биографии художника остались и «белые пятна». В частности, доподлинно ничего не известно о его местонахождении в период с 1865-го по 1870 год. В своих воспоминаниях об учителе Сергей Милорадович и Константин Коровин называют его «монахом», имея в виду не только глубокую религиозность, выражавшуюся во всем образе жизни художника, но и слухи о его длительном пребывании на Старом Афоне. Документальных подтверждений этому Т.В. Юденковой найти не удалось. Таким образом, почти пять лет биографии мастера выпадают из поля зрения искусствоведов. Попытка восстановить этот пробел представляется нам важной, поскольку Павел Сорокин занимался преимущественно религиозной живописью и длительное пребывание на Афоне должно было заметно отразиться на всей его дальнейшей судьбе. В творческом наследии художника преобладают исторические и библейские сюжеты. Он не писал жанровых картинок на продажу, чем грешили многие его собратья по кисти. Будучи по своей натуре человеком не от мира сего, Сорокин всей душой стремился к высотам истинной духовности. И в этих поисках самым притягательным местом для него как для православного христианина была Святая Гора Афон.

Косвенным доказательством того, что определенные связи с Афоном у Павла Сорокина все же имелись, может послужить его отчет для Московского Художественного общества, в котором сказано, что в 1872–1873 годах он создавал эскизы икон для афонской часовни, принадлежавшей Русскому монастырю святого великомученика Пантелеимона на Афоне[13]. Такую работу монахи не могли поручить человеку постороннему, не имевшему на то благословения духовника обители.

Эта часовня была устроена в 1873 году в Москве при Богоявленском монастыре на Никольской улице, который состоял в близких отношениях с Русским Пантелеимоновым монастырем на Афоне и служил временным пристанищем афонитам, приезжавшим за сбором подаяний. До нас дошло весьма скудное описание этой первой часовни: «Фасад был очень изящный, и внутри она украсилась иконами, присланными с св. Афона, составляющими копию здешних чудотворных икон. По середине часовни поставлено было художественно изображенное распятие Христово с предстоящими Богоматерию и Иоанном Богословом; справа от распятия помещена чудотворная Тихвинская икона Божией Матери, а слева древняя икона св. великомученика Пантелеимона, с частию св. его мощей... но при всей прекрасной обстановке, часовня по недостатку места, была довольно тесна»[14]. В оригинальном тексте приведенному фрагменту предшествует подробный рассказ о торжественном открытии и освящении часовни 11 февраля 1873 года. К тому времени образа, порученные Павлу Сорокину, еще не были окончены и потому в данном описании не упомянуты.

В отчете, датированном 31 июля 1873 года, сам художник сообщает, что «составлял эскизы образов для Афонской часовни в Москве на Никольской улице (2 из них в размер)»[15]. Здесь речь идет только о подготовительных работах. С другой стороны, существует свидетельство непосредственного заказчика образов иеромонаха Свято-Пантелеимоновой обители Арсения (Минина) о том, что Павел Сорокин их действительно писал. Отец Арсений, прибывший в Москву с афонскими святынями в 1867 году, был строителем часовни и впоследствии настоятелем Афонского подворья. Он имел также послушание заниматься книгоиздательской деятельностью монастыря в России. В числе первых книг, готовившихся иеромонахом Арсением к изданию была книга «Земная жизнь Спасителя мира». Материал для нее собирался в течение 20 лет старцем-духовником Пантелеимонова монастыря отцом Иеронимом. Им же было предложено название и совместно со Степаном Ивановичем Пономаревым составлено введение[16]. Работу автора-составителя по просьбе отцов Иеронима, Макария и Арсения взял на себя С.И. Пономарев[17]. В качестве художника-иллюстратора был привлечен Павел Сорокин. В письме к С.И. Пономареву от 15 января 1873 года иеромонах Арсений выражает обеспокоенность следующим обстоятельством: «Г[осподин] Сорокин, взявшийся составлять для нас картины к “Земной жизни Спасителя”, отвлекся теперь другим делом, начав писать образа для часовни, и пропишет их до июля, а потому как Ваше мнение, не задержит ли он нас составлением картин для “Жизни Спасителя”, коих потребуется немало, а он хотя и мастер своего дела, но в работе медлителен, не можете ли сказать предположительно, как при помощи Божией продлится труд Ваш: год или два? Опасаюсь, чтоб не последнее давало задержки в картинах. Мне много хлопот об устроении часовни, но без хлопот ничего не бывает»[18].

Из следующего письма отца Арсения становится понятно, что у Сорокина уже имелись некоторые эскизы будущих иллюстраций. «Мне б желательно хоть приблизительно знать, когда может быть этот труд окончен, если не так скоро, как я и полагаю, то картины сделает Сорокин, который теперь пишет иконы для часовни, и к [39] августу окончит оные, а он художник очень хороший, и хотелось бы ему поручить составление картин для “Жизни Спасителя”, некоторые уже у него составлены, например Богоявление изображено, Спаситель не стоящий в воде, а вышедший из нее, и сшедший на Него Дух Святой, согласно Евангелия, что Вы на это скажите?»[19]

Остается предположить, что иконы все же были написаны и помещены в первой Афонской часовне, а по окончании строительства нового здания (второй Афонской часовни) в 1883 году перенесены туда[20]. Что же касается иллюстраций к «Земной жизни Спасителя мира», то отцы Иероним и Макарий в начале 1880 года рекомендовали Н.В. Елагину, планировавшему издание книги, заимствовать гравюры у Гюстава Доре. Если же они «окажутся не в православном духе, то попросить исправить [Ф.Г.] Солнцева»; однако старцы не исключали возможности использовать и уже имевшиеся у них картины[21]. Очевидно, работа Павла Сорокина над ними не была завершена. Однако связь художника с Афоном, а именно с Русским монастырем Святого Пантелеимона, становится очевидной.

Т.В. Юденкова в своей статье определила время возможного пребывания Сорокина на Афоне руководствуясь тем, что в 1865 году им был отправлен в Академию художеств последний отчет о пенсионерской поездке, и с этого момента вплоть до возвращения осенью 1870 года в Россию «следы его теряются»[22].

В литературе имеется подробное описание одного знаменательного события из жизни насельников русской обители на Афоне, которое произошло в исследуемый период. В июне 1867 года монашескую республику почтил своим высочайшим присутствием один из членов российской императорской фамилии. Пароход «Великая княгиня Ольга» по пути из Константинополя остановился у Афона, и великий князь Алексей Александрович высадился на берег, где его встречали специально прибывший из Солуня русский консул А.Е. Лаговский и помощник солунского паши Нар-Бей. В фотомастерской Свято-Пантелеимонова монастыря был сделан снимок, на котором великий князь запечатлен в окружении группы, состоявшей из нескольких человек[23]. По свидетельству современника, в эту группу входили: шесть человек из свиты великого князя, сопровождавшие его из Константинополя секретарь посольства М.А. Хитрово и архимандрит Леонид (Кавелин), консул Лаговский, а также два старца русской обители – отец Иероним и отец Макарий[24], всего 11 человек.

Однако на этой сохранившейся фотографии насчитывается четырнадцать человек. Исследователи распознают среди них от великого князя Алексея Александровича (в центре) отца Иеронима (справа), отца Макария (слева) и отца Леонида (четвертый слева во втором ряду). Это количественное расхождение можно объяснить тем, что по правилам монастырской этики упоминания удостаивались только важные особы. До сих пор не было попыток идентифицировать всех изображенных. По нашему мнению, на снимке представлен и Павел Сорокин: господин в светском костюме (шестой слева во втором ряду) обнаруживает явное сходство с художником. В настоящее время из-

вестно всего лишь одно фотографическое изображение Павла Сорокина, выполненное в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века[25]. При сравнении этих двух снимков с учетом разницы в возрасте можно говорить о явном сходстве моделей. Таким образом, афонская фотография становится прямым и безусловным доказательством пребывания Павла Сорокина на Святой Горе[26]. Помимо того, существуют документы, свидетельствующие о пребывании художника не только на Афоне, но и в Константинополе.

В НИОР РГБ хранятся письма старца-духовника Свято-Пантелеимонова монастыря иеросхимонаха Иеронима (Соломенцева) и игумена обители схиархимандрита Макария (Сушкина) архимандриту Леониду (Кавелину), состоявшему в то время при Российской императорской миссии в Константинополе[27]. В письмах за 1867–1868 годы встречаются упоминания о некоем Павле Семеновиче. Фамилия его не называется, но из текста понятно, что речь идет о художнике, который прибыл в Константинополь с Афона. На наш взгляд, достаточно оснований полагать, что это и есть Павел Семенович Сорокин, поскольку имя, отчество и род занятий совпадают.

Впервые имя его появляется на страницах письма от 19 августа 1867 года[28]:

«Ваше Высокопреподобие, всечестнейший батюшка, отец архимандрит Леонид! Благословите!

С пароходом русск[им] писал я к милости Вашей, и после того почтенно-любезных писем Ваших не имели утешения получать. Теперь посылаем икону святой великомученицы

Великий князь Алексей Александрович (в центре) на Святом Афоне.
П.С. Сорокин – шестой слева во втором ряду.
Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь. Фотография 1867 г.

Екатерины для церкви святых царей Константина и Елены или как и куда Вы заблагорассудите. Впрочем, известно да будет Вам, что сзади иконы есть надпись, что икона для цер[кви] в Буюкдере[29]. Быть может, Вы благоволите загладить оную и сделать вновь, то, кажется, отец Маркеллин это может сотворить, а также не случилось бы что дорогою, царапины или повреждения, пусть наши отцы попросят исправить извест[ного] Павла Сем[еновича]...

Духовник Иероним, иеромонах Макарий
М[онастыры] Русский Святого
великомученика Пантелеимона»[30]

Следующее упоминание о художнике мы встречаем в письме от 1 декабря 1867 года[31]: «...Вот в чем наша к Вам просьба: потрудитесь позвать к себе Павла Семеновича, живописца, и убедить его побыть до Троицы, с тем чтобы он ходил в дни службы к Вам в церковь. Положите ему жалованье, которое мы будем ему выдавать чрез Вас или хоть прямо, как Вы посоветуете, это потому что в настоящее время мы баса послать скоро не можем, то и уверены, что Вы совершите это...

И[еромонах] М[акарий].
Святая Гора Афон Монастырь Русский».

Основной обязанностью Павла Семеновича в Константинополе стало пение в посольской церкви на клиросе, где он исполнял басовую партию. В Пантелеимоновом монастыре Сорокин был признан и как мастер в писании молельных образов, подтверждение тому мы находим в двух других письмах иеромонаха Макария: «...Я просил Вас, батюшка, потрудиться предложить Павлу Симеонов[ичу], не угодно ли ему продолжать пение в миссийской церкви и дать ему жалованье чрез Вас или самим. Это на благоусмотрение Ваше повергаю, и паки просим о сем, к тому же если он согласится подольше пожить, то мы с удовольствием пришлем ему и работы, конечно, иконной. Я думаю, он согласится, впрочем, будем ожидать Вашего уведомления. Начинаем готовить человека, баса, но здоровье хилое, боимся, зимою не выдержит, если бы Пав. С. согласился и Вам это не противно, то чего же нам лучше?»[32]; «...Благодарим Господа Бога, что певчие наши трудятся с усердием, молим Его благость, да укрепит их в деле сего послушания. О Павле Сем[еновиче] жду Вашего уведомления, что скажет он окончательно. Кажется бы, для него выгодно получать жалованье за пение и живопись. Впрочем, каждый рассчитывает по своему мнению»[33].

Итак, на основании приведенных фрагментов можно заключить, что Павел Семенович прожил на Афоне достаточно долго и успел заслужить любовь и заботу старцев. Очевидно, что сам он монахом не был и, судя по всему, даже не находился на послушании у духовников обители, поскольку ему предлагалось жалование и свобода самому принимать решения. Скорее всего, на Святой Горе он пребывал в качестве гостя Свято-Пантелеимоновой обители и художника иконописной мастерской. Так продолжалось до середины июня 1867 года. После визита на Афон великого князя Алексея Александровича Сорокин отправился в Константинополь, вероятно вместе с архимандритом Леонидом (Кавелиным), и находился там по крайней мере до 19 мая 1868 года (если внял просьбам старцев и отца Леонида «побыть до Троицы»)[34]. Дальнейшие передвижения художника в исследованных документах не отражены. Вернулся ли он сразу на Афон или оставался в Константинополе при отце Леониде вплоть до назначения последнего в 1869 году настоятелем в Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь, нам не известно. Важным является то обстоятельство, что связи живописца с афонским монастырем и с отцом Леонидом сохранялись и после возвращения его в Россию.

Пребывание на Святой Горе и в столице древней Византии явилось наиболее плодотворным временем для художника. Он писал образа, которые, возможно, и по сей день находятся в Пантелеимоновом монастыре. Сам факт столь длительного проживания среди афонской братии наводит на мысль, что Сорокину действительно был близок путь аскетизма. По свидетельству современников, «из каждых десяти приезжавших в паломничество на Афон восемь выражали желание остаться в Русском монастыре на монашество»[35]. Очень возможно, что и Павел Семенович Сорокин стоял перед сложным выбором: навсегда удалиться от суетного мира в тихое пустынное место или продолжить свое земное поприще в прежнем качестве. В результате он стал «мона-

хом в миру» и окончательно утвердился как церковный художник.

Свой первый крупный заказ после возвращения в Россию мастер получил при содействии архимандрита Леонида (Кавелина). В 1871 году в своем отчете в Совет Московского художественного общества Павел Сорокин указывал, что в каникулярное время им были выполнены «18 образов для иконостаса в приделе Богородицы “Утоли моя печали” в храме Воскресения Христова в Воскресенском монастыре в Новом Иерусалиме»[36]. Этот придел был устроен в 1806 году в северной части подземной церкви святых равноапостольных Константина и Елены по случаю погребения здесь супруги генералиссимуса князя Александра Васильевича Суворова-Рымникского – Варвары Ивановны Прозоровской и их сына Аркадия. История придела и его описание подробно изложены Г.М. Зеленской в книге «Некрополь Нового Иерусалима»[37].

Некоторые из потомков Суворовых были в дружеских отношениях с русским послом в Константинополе Николаем Павловичем Игнатьевым[38], который вел активную переписку с отцом Макарием и отцом Иеронимом, оказывая материальную поддержку Русскому Пантелеимонову монастырю[39]. Он также занимался устроением церквей Русской Духовной Миссии в Константинополе; это по его личной просьбе с 1867 года афонские монахи исполняли послушание певчих в посольских церквях[40]. Возможно, по протекции Н.П. Игнатьева и при содействии архимандрита Леонида (Кавелина) Павел Сорокин получил заказ на исполнение иконостаса в семейной усыпальнице Суворовых.

Иконостас, как известно, не сохранился, но в РГАДА имеется опись Воскресенского монастыря, составленная архимандритом Леонидом (Кавелиным) в 1875 году в связи с предстоящими ремонтными работами[41]. В этом документе содержится подробное описание усыпальницы Суворовых. Иконостас был двухъярусный и включал образа небесных покровителей членов семей Суворовых и Зубовых[42]. В нижнем ярусе справа и слева от Царских врат располагались иконы Спаса Нерукотворного и Богоматери «Утоли моя печали». На Южных и Северных дверях помещались образы святого благоверного князя Александра Невского и святой великомученицы. Варвары, над ними соответственно – преподобного Аркадия Новоторжского и святой мученицы Евдокии. В верхнем ярусе по правую сторону от креста располагались поясные иконы святого мученика Платона, святителей Аверкия Иерапольского и Николая Мирликийского; по левую – святых мучениц Веры и Любови и святой благоверной княгини Ольги[43]. На Царских вратах были традиционные изображения: Благовещение и евангелисты.

В Отделе графики ГТГ среди прочих рисунков Павла Сорокина хранятся два эскиза, которые могли быть созданы в процессе работы над иконостасом придела «Утоли моя печали». Один из них (Инв. Р-2561) выполнен карандашом и обозначен в учетной карточке как «Фигура святого со свитком и крестом». В действительности на рисунке мы видим женскую фигуру, стоящую на мече с крестом в правой руке и свитком в левой. Рука со свитком опущена. На голове изображенной – розовый венец и зубчатая корона, волосы прядями распадаются по плечам. Наличие меча (орудия усекновения святой девы) и, главное, надпись над ее головой «Св. великомученица Варвара» позволяют безошибочно идентифицировать изображение. Другой эскиз (Инв. Р-2554) выполнен сепией и также обозначен в карточке как «Фигура святого. Эскиз композиции для росписи собора». Однако это вариант изображения святой великомученицы Варвары: черты ее лика на обоих эскизах идентичны, неизменным остается и наличие в подножии меча. На голове святой – корона, волосы собраны сзади. Изменено положение рук: они скрещены на груди. В правой руке она держит пальмовую ветвь – символ победы над смертью. Изображение венчает стрельчатая арка.

Сохранилась фотография иконостаса, выполненная в начале XX века[44]. Качество снимка не позволяет разглядеть детали; хотя в большинстве случаев видны лишь силуэты фигур, угадывается академическая манера письма. На многих иконах видны следы осыпания красочного слоя. Изображения святой мученицы Евдокии и преподобного Аркадия Новоторжского отсутствуют. Образ святой великомученицы Варвары подвергся значи-

П.С. Сорокин. Святая великомученица Варвара. Эскиз образа для иконостаса придела в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в храме Воскресения Христова в Новом Иерусалиме. *1871. Б., граф. кар. 31,6х19, 4. ГТГ*

П.С. Сорокин. Святая великомученица Варвара. Эскиз образа для иконостаса придела в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в храме Воскресения Христова в Новом Иерусалиме. *1871. Б., граф. кар., сепия. 34,7х16,4. ГТГ*

П.С. Сорокин. *Фотография 70-х – первой половины 80-х гг. XIX в.*

тельному разрушению. Лик и некоторые части облачения почти стерты, но по силуэту можно определить, что фигура обращена к Царским вратам, волосы собраны сзади и расправлены по плечам. В левой руке святая держит крест, правая рука опущена. Прямо под пальцами большое светлое пятно: можно предположить, что в руке был свиток. Таким образом, по иконографии наиболее близким окончательному варианту является первый эскиз (Инв. Р-2561), взятый в зеркальном отображении. Если принять версию, что данные эскизы действительно служили рабочим материалом для иконы святой великомученицы Варвары в приделе иконы Божией Матери «Утоли моя печали», то можно составить представление о стилистике остальных образов в иконостасе.

Подробное изучение творчества Павла Сорокина выходит за рамки данной статьи, однако нельзя не отметить, что произведения Павла Сорокина религиозного содержания далеки от канонической иконографии. Это обстоятельство, по-видимому, смущало и его современников. В период проведения живописных работ в Храме Христа Спасителя в Москве комиссия, в которую входили представители духовенства, отказалась принять выполненные Павлом Сорокиным образа для главного иконостаса, поскольку они были «найдены совершенно неудовлетворительными»[45]. Члены комиссии решили подвергнуть их экспертизе, назначенной от Академии художеств, «с тем, чтобы определить, могут ли [они] быть допущены в Храме»[46]. В результате Сорокин был вынужден переписать все образа. В документах не уточняется, что именно в первоначальном варианте не устроило экспертов. В профессионализме Павла Семеновича сомневаться не приходится, а значит, комиссию не удовлетворили либо стилистические особенности этих произведений, либо их иконография. Возникает вопрос: почему художник, бывший на хорошем счету у святогорских монахов, сталкивался с такими проблемами у себя на Родине? По воспоминаниям учеников, на протяжении всей жизни мастер оставался в рамках академической школы. Если пребывание на Афоне существенно не повлияло на манеру его письма, то, возможно, именно там Сорокин усвоил особый, в некотором смысле неформальный подход к составлению композиций.

Афонская живопись – явление неоднородное. Согласно епископу Порфирию, до второй половины XVIII столетия собственной иконописной школы на Афоне не существовало[47]. Все древние иконы были принесены из разных стран, в основном из Византии и Македонии. Стенные росписи делались приглашенными мастерами: в Лавре св. Афанасия и Ставроникитской обители – Феофаном Критянином и Фралгом Виотийцем; в Протате, Старом Руссике и Хиландаре – Мануилом Панселином из Солоник; в Ивере – иеромонахом Марком из Грузии; в прочих монастырях работали пришлые живописцы из Фессалии и Эпира, Болгарии, Валахии и России, из города Смирны и с острова Хиос[48]. В этих памятниках, безусловно, отразились черты поздневизантийского искусства.

Во второй половине XVIII века на Афоне появились свои художники. В городе Карее были выкуплены две кельи (Всесвятская и Рождества Богородицы), принадлежавшие монастырю Каракалл; в них расположились частные школы церковной живописи[49]. Во Всесвятской мастерской работал иконописец Дамаскин; вскоре у него появился талантливый воспитанник Никифор I. Приблизительно в 1790 годах на Афон после обучения в Москве прибыл грек Николай. Он научил Никифора масляной живописи (до этого писали только темперой). Наряду с подражанием византийским мастерам в святогорских храмах встречались «иконы живоизобразительные»[50].

Росписи, выполненные в академической манере, можно было встретить на Афоне только в монастыре Святого Пантелеимона и в бывшем русском Андреевском скиту[51]. Епископ Порфирий в последний раз был на Афоне в 1858–1859 годах и потому не мог их видеть, так как основные живописные работы в обители осуществлялись уже после 1870 года стараниями иеромонаха Василия (Селезнева) и его учеников[52].

Свои суждения об афонской живописи исследователь резюмировал следующим образом: «Православная иконопись на Афоне выражает христианские догматы, предания, обряды, но так, что догматическая непреложность иконописания сочетается со свободностью вдохновения веры и эстетического вкуса, а эта свободность ограничивается просопографической достоверностью, священным приличием и надобностью возбуждать и поддерживать христианские высокие помыслы и святые чувствования»[53].

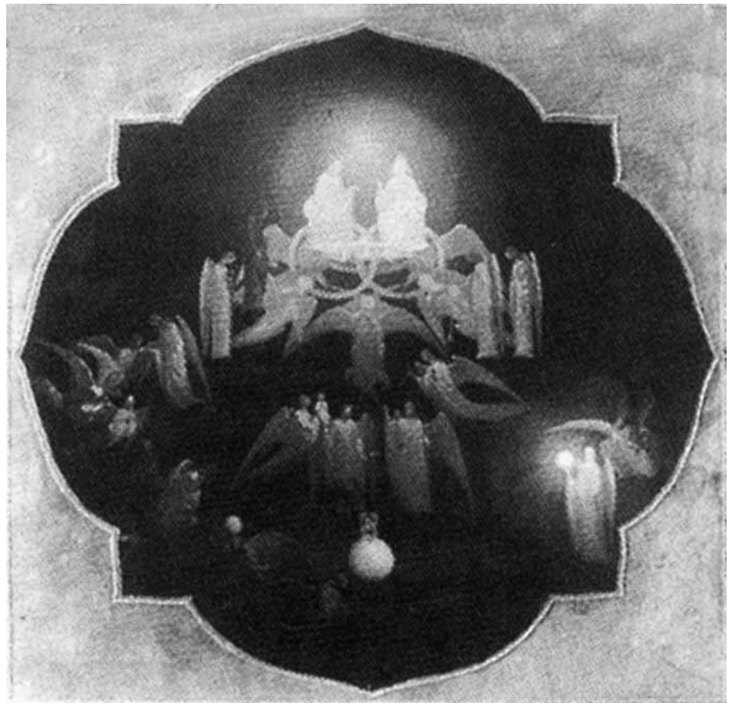
Особое внимание епископ Порфирий обращал на иконографию: «На Афоне приняты лишь такие изображения, какие указал и благословил Седьмой Вселенский Собор... там нигде не увидишь Св. Троицу, представляемой у нас так, что справа на облацех и херувимах восседит Иисус Христос с Своим крестом, даже обнаженный по пояс (Брюллова), слева Бог Саваоф с треугольником около головы и с державою и скипетром в руке, а среди их парит голубь в сиянии... Иконописцы на Св. Горе Афонской писали Св. Троицу в виде трех ангелов под Мамврийским дубом по древнему установлению»[54].

Справедливости ради надо сказать, что в храмах Свято-Пантелеимоновой обители изображение «Троицы Новозаветной» («Сопрестолие») встречается довольно часто. В русской церковной живописи данная иконография начиная с XVI века «вошла в обычай» и продолжала распространяться даже после категорического запрета, установленного Большим Московским Собором (1666–1667)[55]. Художники, работавшие в мастерской Пантелеимонова монастыря, в основном были выходцами из России, они и продолжали эту традицию. В этой связи становится понятным сам факт появления иконографии «Сопрестолие» в произведениях Павла Сорокина («Триипостасное Божество» (ГТГ, инв. 1820).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на все соборные постановления, богословские споры «о неизобразимости Бога Отца» не прекращались[56]. При этом через многие иконы «Троицы Новозаветной» совершались чудеса и исцеления. Таким образом, эта иконография стала считаться «воцерковленной».

Во второй половине XIX века мастерская русской обители приобрела статус местного центра. Изготовленные здесь иконы в большом количестве рассылались по российским храмам. Учились здесь и святогорские монахи, и приезжие русские живописцы[57]. Художники, оставаясь в рамках церковной традиции, были вполне свободны в выборе манеры письма и при наличии древних византийских икон и фресок не считали обязательным пользоваться ими как прорисями. Более того, судя по приведенным ранее отрывкам из писем отца Макария и отца Иеронима, поощрялась разработка новой иконографии, а в некоторых случаях (например, для книжных иллюстраций) допускалось использование образцов западноевропейского искусства при условии соответствия их Священному Писанию и учению Православной Церкви.

В русском церковном искусстве XIX века наряду с возрастанием интереса к историческому и культурному наследию своего народа начались «поиски искусства, которое было бы и национальным, и нравственно возвышающим и эстетически воспитательным»[58]. Во второй половине XIX века изучение традиций церковной живописи находилось еще на начальной стадии. Византийский стиль представлялся грубым и варварским. Предстояло еще осмыслить вновь открытые древние иконы, росписи и мозаики, прийти к пониманию их богословского содержания. Пока же главным арбитром в спорах о правильности исполнения образа являлась Императорская Академия художеств[59]. Она же «поставляла» мастеров, которые могли расписывать соборы и церкви картинами в современном стиле, отвечающем мощи и духу государства. Предметом споров чаще всего становились манера исполнения молельного образа и его иконография. При работе над росписями Храма Христа Спасителя художникам давались указания, в каком именно стиле следует написать тот или иной сюжет, причем в качестве примеров назывались конкретные имена. Так, Ф.А. Бронников получил относительно своих эскизов предписание придерживаться «вообще в рисунке дорафаэлевской школы, именно Джотто, Фра Анджелико, а в изображении ангелов – Беноццо Гоццоли (в палаццо Медичи Риккарди во Флоренции)»[60]. Нередко художники теряли всякое терпение и бросали работу, как сделали В.Е. Маковский и И.М. Прянишников, заявившие в ответ на высказанные им замечания, что они «ничего лучшего не в состоянии сделать»[61]. Необходимо было иметь особое смирение, чтобы работать в таких условиях. Иной раз эксперты комиссии ставили такие рамки, что художнику просто не оставалось места для творчества. Живописцам приходилось лишь выполнять чужую композицию, составленную уже до мельчайших подробностей. Создавался своего рода канон, который воспринимался художниками не просто как помеха их творческой свободе, но как гнет. Подобные суждения возникали и в среде теоретиков. Например, Ф.И. Буслаев считал, что «пока искусство не высвободится из служения Церкви, оно не способно возвыситься до чисто свободного творчества, потому что творчество свободное есть привилегия культуры: в Церкви же высво-



П.С. Сорокин. Триипостасное Божество.
70-гг. XIX в. *Дерево, м., золото, лепка. 31,5х32. ГТГ*

П.С. Сорокин. Эскиз композиции для росписи собора.
Калька, граф. кар. 30,4х19,8. ГТГ

бодиться иконопись как искусство не может, так как она скована догматами учения»[62].

Совсем иное понимание канона усвоил на Афоне Павел Сорокин. При всей своей строгости, эти правила не закрепощали сознание художника, но, напротив, стимулировали творческий процесс, подталкивая его к поиску новой формы воплощения образа, к разработке новых иконографий. Оставаясь приверженцем академической манеры письма, Павел Сорокин иногда использовал в качестве образцов неканонические изображения. Например, в выполненных им эскизах композиции для росписи собора (ГТГ, инв. Р-2556, Р-2569) сам сюжет (Ангел-хранитель ограждает человеческую душу от притязаний дьявола) на первый взгляд нетрадиционный, однако в русских иконах XVIII века он встречается[63].

Вопрос о конкретных влияниях на творчество мастера заслуживает отдельного исследования. Немногочисленные сохранившиеся его произведения дают основания полагать, что идеи для своих композиций он черпал из различных источников, среди них были и афонские образа, и работы западноевропейских мастеров. Основным ориентиром для Павла Сорокина являлась русская церковная живопись второй половины XVII – XVIII века, которую он воспринимал как национальную традицию и стремился воссоздать, пользуясь современным художественным языком.

Приложение

РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Ед. хр. 32. Новый Иерусалим. Воскресенский монастырь. Опись 1875 года, составленная о. Леонидом (Кавелиным).

Л. 151

№ 12. Придел во имя Божией Матери «Утоли моя печали».

Краткая летопись сего придела.

Придел сей устроен в 1806 году по случаю погребения здесь супруги Генералиссимуса, Фельдмаршала Российских войск князя италийского графа А.В. Суворова-Рымникского.

Примеч. Иконостас устроен вновь в 1872 году.

Л. 152.

Предалтарный иконостас.

1. Иконостас дубовый, столярной работы и другие украшения цинковые, накладные, золоченые, подложены фольгою. Два яруса. Иконы живописные, писаны на цинке, поля и рамы золоченые.

2. В первом ярусе царские двери дубовые, глухие с цинковой резьбой; на двух образах Благовещение Пресвятой Богородицы, в рост, четырехугольных рамах и на четырех св. Евангелисты, в пояс, в круглых рамах.

Местные иконы в четырехугольных рамах.

3. На правой стороне – Спасителя Нерукотворного.

4. На левой – Божией Матери «Утоли моя печали», в пояс, у Предвечного Младенца Хартия с надписью: «Суд праведен судите, милости и щедроты творите искреннему своему».

Л. 152 об.

Южные и Северные двери дубовые:

5. На южной двери св. Благоверный кн. Александр Невский, в рост в полуциркульной сверху раме, над ним Преп. Аркадий Новоторжский, в пояс, в круглой раме.

6. На северной двери св. великомученица Варвара, в рост, в полуциркульной сверху раме, над нею св. Мученица Евдокия, в пояс, в круглой раме.

7. Во втором ярусе, над царскими дверьми, дубовый и на нем резной, цинковый золоченый крест.

8. По сторонам изображены в пояс в полуциркульных сверху рамах:

св. мученик Платон, св. Аверкий, Еп. Иерапольский и св. Николай Чудотворец.

9. По левую – св. мученица Вера, св. мученица Любовь и св. благоверная кн. Ольга.

10. Под царскими дверями чугунная плита с отливной надписью.

Г.М. Зеленская
Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»

ВОСКРЕСЕНСКИЙ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОНАСТЫРЬ В XVII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

«Яко древо плодовито...»

История Воскресенского монастыря, насчитывающая три с половиной столетия, до сих пор не написана. Быть может, это объясняется тем, что она во все времена была в значительной мере историей его «великой церкви» – храма Воскресения Христова, сооруженного по образу храма Гроба Господня в Иерусалиме. Молитвенная жизнь и послушания братии подчинялись служению святыням обители, поклониться которым стекались тысячи паломников.

Настоящая работа ставит целью обобщить сведения о наиболее замечательных настоятелях и насельниках монастыря с надеждой положить основание более полному своду материалов на эту тему.

Воскресенская обитель с самого начала своего устроения в 1656 году была общежительной. При Патриархе Никоне число братии возросло до пятисот[1]. После осуждения и ссылки Святейшего Никона в 1666 году монастырь пережил период разорения и запустения. Ученики Патриарха были сосланы или направлены в приписные обители, многие братия покинули Новый Иерусалим. Опись 1679 года, составленная перед возобновлением в монастыре строительных работ, содержит именной список 59 насельников. Это архимандрит, казначей, 10 иеромонахов, 3 иеродиакона, 2 пономаря и 44 «рядовых братий»[2].

Однако в 1685 году, когда совершилось освящение главного престола храма Воскресения Христова, в Новом Иерусалиме подвизалось уже не менее двухсот человек монашествующих[3]. Были возвращены в родную обитель ученики и постриженники Патриарха Никона. В 1680–1690-х годах они занимали в монастыре начальствующие должности, сохраняя богослужебный устав и традиции своего духовного отца и наставника.

Святейший Никон ввел в Новом Иерусалиме архимандрию, и при нем сменились три настоятеля Воскресенской обители, которые были, по сути, патриаршими наместниками. Архипастырь назначал на это послушание самых достойных, но вместе с тем ощущал как священноархимандрит свою личную ответственность пред Богом за духовное состояние братии. «Аз, отец недостойный, патриарх и брат ваш, и раб...» – так обращался он к насельникам монастыря в своем Духовном завещании, где излагал вслед за преподобным Иосифом Волоцким основы спасительного жития: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Завещаю и являю духовному настоятелю, иже по мне сущему, и всем еже о Христе братиам моим, с от перваго даже и до последняго. Аз, окаянный и недостоиный и заключенный во свой Воскресенский монастырь Никон, патриарх Московский, противу моея силы Христовы ради любве и спасения моего же и всех братии моих, и еще жив сый изложих сия написания, яко да и сущии с вами по моем отшествии начнут хранити сия. Лета убо моя к старости уже приближишася, и смертная ми чаша во утомлении моем уготовляется, впадох убо во многия и различныя моя болезни, и ничтож ино возвещающу ми, разве смерть и страшный суд Владыки моего Христа Бога. Сего ради боюся и трепещу, слышах бо Божественная Писания, глаголюща: истязан имать быти настоятель о всех, иже под ним сущих; и аще может отсещи их от зла, и не отсецает, кровь их от

руку его Бог взыщет, и погибает таковый невнимателный и сам с ними, яко нерадив и ленив; аще ли обличит и запретит, и не возможет отсещи их от зла, он убо свою душу избавил есть, тии же во гресех своих умрут. Сего ради молю вас, отцы мои и братия святая и чада возлюбленная, аз, отец недостоиный, патриарх и брат ваш, и раб, за любовь Господа нашего Иисуса Христа, давшаго себе о гресех наших, оскорбимся о мимошедшем времяни жития нашего, подвигнемся о будущих благих, да, не леностию и нерадением здешнее житие провождающе, осуждени будем в страшное второе пришествие Господне»[4].

Отеческое попечение Патриарха Никона о братии и сложившаяся при нем богослужебная жизнь обители сознавались учениками Святейшего как ценности, которые надлежало хранить и передавать из рода в род.

В начале 80-х годов XVII века, когда было нужно избрать нового настоятеля, строитель старец Герман – «рачитель писания хитроученый», бывший иподиакон и келейник Патриарха Никона – написал царю Федору Алексеевичу «доклад», в котором изложил свое мнение относительно желательных и нежелательных действий будущего архимандрита. Тем самым он создал идеальный образ настоятеля Воскресенского монастыря, прототипом которого был, несомненно, сам Патриарх Никон и его сподвижники, управлявшие обителью в 60-х годах XVII столетия.

По мнению старца Германа, нужно, чтобы настоятель соблюдал особенности «чина и устава церковнаго, писаного и не писаного, изысканого многотрудне от действующаго ся во Иерусалиме чина, в Велицей Церкви и от Устава Святыя Горы и от иных благочинно держанных преданий собраннаго благочестно и преданнаго нам от отца нашего» – Патриарха Никона; «братию, обещание положивших ту во святей обители... безвинно, или и за малое прегрешение, из монастыря не изгонял, разве за великое неисправление и по многих наказаниих духовных, или к мирским сходных»; действовал «по общему совету» со старшей братией, «понеже не точию земных вещей благополучение, но и спасение по писаному во многих совете бывает».

Строитель Герман отмечал, что принятым в обитель новым старцам не следует уничижить по попущению настоятеля прежних жителей, настоятелю же должно с пастырской и отеческой любовью относиться ко всей братии, «яко прежде живущим, тако и при нем прибывшим». Архимандриту не подобает слушать «потаенных подговоров», чтобы «от такового дияволского и лукавых человек злохитръства» в его сердце не закралась тайная или явная злоба к братии, а у насельников не восстала ненависть друг к другу.

Пища и питие настоятеля не должны особо отличаться от братских. «Кроме нарочитых гостеи или немощи, либо велми нечастых некиих случаев» архимандриту не следует трапезничать в своей келлии, «дабы от того образ безчинства иным не происходил».

Сродники и друзья настоятеля не могут иметь никаких преимуществ или прибытков в монастыре, «чтоб за любов плотскую родителеи и другов отвержениа заповеди Божиа не было и монастырю зазора, а подручным соблазна».

Отношения настоятеля к братии должны строиться на любви. Старец Герман выражает

Духовное завещание-устав Патриарха Никона.
Рукопись XVII в.

пожелание, чтобы настоятель «свою отческую любовь показовал, яко отец чадом, и совет по заповеди Владыки всех, яко первый брат ко единственным братиям. И учение и завещание в любви, яко присным другом, а не яко князь рабом, или богачь нищим, понеже властительское повеление и государское в гордости завещание, тако жестоко глаголание и ярое воззрение началника отвлачить с пособников от многаго совета духовнаго и подробну о всяких нужных потребах обще разсудити не попущает, и частее докладати, и безопасно приступати возбраняет, и конечнее же всякого в совет хождение отчюждает». В свою очередь, братии без совета и благословения настоятеля «делати и малых вещеи неприлично».

Что касается духовного управления монастырем, запрещения или наказания братии по церковным и келейным делам, то как «Бог наставит [настоятеля] и как царское повеление будет»[5].

Государь Федор Алексеевич после прочтения этого послания счел, что лучшим настоятелем для Воскресенского монастыря будет сам старец Герман. И действительно, любимый ученик Патриарха Никона пас церковное стадо, как сказано в эпитафии ему, «дая образ всем, яко бе присны отец»[6].

Архимандрит Герман скончался молодым: в 1682 году ему было едва за 40. Он оставил завещание, исполненное духовной мудрости, любви к собратьям и преданности заветам своего учителя: «И первую молю всю честную и возлюбленную ми о Христе монастыря сего и приписных к нему монастырей братию, иеромонахов, иеродиаконов, причетников и всех монахов обще, к тому ж и мирских всех монастырских служебников и земледелцов, всякого чина и возроста монахов. Да пребудут присно по своему обещанию и по уставу и преданию святых и богоносных отец наших жителствующе, не пренебрегающе отнюд церковного чина и монастырского доброго постоновления. Мирских такожде, да христианская вся заповедания хранят, паче ж иных да очищаются святых исповеданием. Аще невозможно во вся уставленыя, поне во Святый и Великий Пост и от сквернословия и пиянства и иных злых дел да блюдутся.

Молю же брата и отца моего, кто будет по благоволению Божию и по разсуждению святейшаго патриарха архимандрит, да чин церковный писанный и неписанный хранит, яко ж уставися при отце нашем, да и сам сохранен будет от всякаго злаго поречения. Мене ж, грешника, да поминает во святых своих молитвах»[7].

Духовным преемником архимандрита Германа был настоятель Воскресенского монастыря в 1686–1698 годах архимандрит Никанор, тоже постриженник Патриарха Никона. Самое раннее известие о нем относится к 1668 году, когда дьякон Иоасаф передал книги переписные книгохранительной казны «новому книгохранителю Никанору». В 1671 году отец Никанор упоминается в книгах приемных и расходных «денгам и всяким монастырским покупкам» как иеродиакон. В 1672 году он нес послушание на Воскресенском подворье в Москве, а в 1674 году был строителем Галилейской пустыни на озере Велье. В 1678 году, вскоре после первого посещения Нового Иерусалима царем Федором Алексеевичем, отец Никанор вместе с другими иноками, жившими в монастыре при Патриархе Никоне, участвовал в написании Устава церковного «по чину, как было при Святейшем». С 13 марта 1685 года по 16 января 1686 года иеромонах Никанор нес послушание ризничего, а затем, до 1698 года, был в сане архимандрита настоятелем обители[8].

Архимандрита Никанора по праву можно назвать первым историком Нового Иерусалима. Кроме монастырского «Летописца», он написал стихотворную эпитафию архимандриту Герману. Вероятно, в период подготовки к освящению церкви Всех Святых под колокольней, где погребен скончавшийся в 1682 году архимандрит Герман, эпитафия была высечена на белокаменной плите и вмурована в западную стену внутри храма.

Архимандриту Никанору принадлежит запись 1686 года со слов греческого митрополита Леонтия афонского предания об иконе Божией Матери «Троеручица», а также запись 1693 года о сооружении Трапезных палат с храмом Рождества Христова, сделанная по листам напрестольного Евангелия и запечатлевшая драгоценные подробности монастырской жизни, включая сведения о том, что «братии тогда было не менее двою сот»[9].

В период настоятельства архимандрита Никанора в Новом Иерусалиме возведены Трапезные палаты и крепостная ограда с надвратной церковью Входа Господня в Иерусалим; благоустроены и освящены южные приделы Воскресенского собора и подземная церковь; построена Елеонская часовня.

В 1698 году архимандрит Никанор был переведен в воронежский Алексеевский Акатов монастырь, которым, вероятно, управлял в должности настоятеля в 1703–1704 годах. Известно, что он принес в Акатову обитель список иконы Божией Матери «Троеручица», вскоре прославившийся чудесами.

Причины удаления из Нового Иерусалима столь почтенного и образованного настоятеля неизвестны. Возможно, они связаны с событиями лета 1698 года, когда было разгромлено последнее в истории России стрелецкое восстание. Это произошло на берегах Истры-Иордана, к югу от Воскресенского монастыря, где встретились полки мятежных стрельцов, шедших с северо-западной границы в Москву, и регулярные царские войска, снабженные артиллерией. Начался бой, который завершился поражением стрельцов. Многие из них были взяты в плен, 57 человек повешены близ монастырской ограды.

Военные действия нанесли немалый ущерб обители. Согласно челобитной, составленной священноначалием, с 17 июня по 10 июля ратные люди «на монастырских и на крестьянских полях ржанаго и яроваго хлеба потравили и потолочили многое множество, а на лугах и по заполью сенные покосы и около самаго монастыря по версте, и по две, и по три, и по четыре, и по пяти, и по больше, все потравили ж без всякаго останку, и у монастырских слуг и у служебников из огородов многие овощи побрали и лошадьми потравили, и дворовое строение и городьбу обожгли, и в прудах рыбу выловили до остатку, а из монастыря разным всяких чинов людям в дачу хлеба и лоя изошло многое ж число, и стрельцов больше дву тысящ человек (пленных. – *Г.З.*) кормили все монастырским же. И от того монастырю и слугам, и служебникам, и крестьянам учинилась во всем скудость большая»[10].

Белокаменные плиты со стихотворным «Летописцем» архимандрита Никанора. *Последняя четверть XVII в.*

Даже если эта челобитная, написанная, вероятно, ранней осенью 1698 года, не была подана, недовольство священноначалия военными действиями близ обители не могло остаться без внимания царя Петра. 8 октября в Новый Иерусалим прибыл подьячий Помест-

Фрагмент исторической «Летописи» архимандрита Никанора по листам напрестольного Евангелия. *1693 г.*

ного приказа Даниил Крылов с указом государя «Воскресенского монастыря бывшаго архимандрита Никанора Божие милосердие образы, и ево пожитки книги и деньги и платья, и всякую келейную рухлядь, и что есть на лицо, переписать и, переписав и запечатав, поставить в казенной келье» до следующего царского указа. Экземпляр же описи отослать к «великому государю, к Москве в Поместный приказ»[11].

История удаления «бывшаго архимандрита Никанора» в Акатов монастырь нуждается в специальном исследовании, однако вряд ли можно сомневаться в том, что это была ссылка и что постриженнику и последователю Патриарха Никона пришлось на исходе XVII столетия повторить судьбу учеников Святейшего, пострадавших по воле самодержца в 1660-х годах.

Впрочем, впоследствии ссылка могла выглядеть и почетной, не случайно архимандрит Никанор оказался в Воронеже, где в то время создавался русский флот. Любопытно, что к весне того же 1698 года Воскресенский, Иосифо-Волоцкий и Саввино-Сторожевский монастыри должны были по царскому указу построить галеру «со всем вооружением в ней». Согласно «записи», которую составил годом ранее подрядчик – датский комиссар Андрей Бутенант фон Розенбуш, «велено вышеписанных монастырей крестьяном осмью тысячам дворам построить галеру... на Воронеже, и спустить на воду в 206 году, в апреле месяце»[12].

Предстоит выяснить, получил ли когда-нибудь архимандрит Никанор свое имущество, оставшееся в Воскресенском монастыре. В описи его келейной библиотеки упоминаются книги киевской и польской печати, книги на польском языке, рукописные Летописец и Лечебник[13]. Это позволяет говорить об архимандрите как о любомудре, человеке разносторонних интересов и познаний.

Подьячий доставил в Москву перепись личных вещей архимандрита Никанора 11 октября 1698 года, а 13 октября в Новый Иерусалим уже был назначен новый настоятель. Им стал архимандрит Герман II, в прошлом – игумен Раифской Богородицкой пустыни близ Казани. В связи с личностью этого пастыря уместно развеять одно научное заблуждение, которого в свое время не избежал и автор данной статьи. Дело в том, что в двух синодиках Воскресенского монастыря XVII века[14] записан «род архимандрита Германа», впервые полностью опубликованный А.Г. Авдеевым[15]. Исследователи относили запись в синодиках к архимандриту Герману I, пытаясь на основании упомянутых в нем имен реконструировать родственные связи знаменитого стихотворца.

Нами впервые идентифицированы все четыре архиерея, чьи имена вписаны в «род архимандрита Германа». Это митрополиты Казанские и Свияжские Лаврентий (в схиме Левкий; † 1672), Иоасаф († 1686), Маркелл († 1698) и архиепископ Псковский Арсений († 1683)[16].

Данное мнение вызвало решительный отпор А.Г. Авдеева. «С одной стороны, – писал он, – необходимы веские доказательства того, что данные иерархи принадлежали к “роду архимандрита Германа”, с другой – получается, что поминальные списки должны были быть пополнены их именами после смерти архимандрита. Однако обе синодичных записи сделаны одним почерком, а имени самого архимандрита Германа в ней нет. Следовательно, их составление можно датировать временем архимандрии Германа, то есть между февралем 1681 и декабрем 1682 г.»[17] С этим возражением, кроме приведенных дат, нельзя не согласиться. Неверно, однако, суждение А.Г. Авдеева о том, что наше предположение «вряд ли имеет под собой серьезную почву». Предложенную идентификацию трудно оспаривать, поскольку в истории высшей русской иерархии не было других митрополитов, кроме Казанских и Свияжских, с именами Иоасаф (6 сентября 1674 — 30 января 1686) и Маркелл (8 сентября 1690 — 21 августа 1698)[18]. Нет и другого архиепископа Арсения, кроме Псковского (12 марта 1665 — 1681)[19]. Налицо, таким образом, противоречие, снять которое можно только одним способом: датировать время синодичной записи не началом 80-х, а концом 90-х годов XVII века. В таком случае совершенно очевидно, что имеется в виду род архимандрита Германа II[20].

Сохранилась белокаменная плита с эпитафией этому настоятелю, вмурованная в восточную стену Воскресенского собора с южной стороны монастырского некрополя. В надписи сказано, что архимандрит Герман преставился ко Господу 26 июня 1699 года, «бывый на архимандрии сея месяцев осмь **ГІ** (13) дней». В приписке, процарапанной ниже, добавлено: «родом казанец, а игуменом был в Раифе...»[21]

Белокаменная плита с эпитафией архимандриту Герману II

Думается, не случайно начало игуменства Германа в Раифской пустыни (1691 год) совпадает с началом пребывания на Казанской кафедре митрополита Маркелла, переведенного туда из Пскова. Назначение же игумена Германа в Новый Иерусалим не могло состояться без благословения или же инициативы Патриарха Адриана, который до своего избрания на первосвятительский престол был митрополитом Казанским и Свияжским (1688–1690 годы). До него Казанскую кафедру занимал митрополит Иоасаф, после него – митрополит Маркелл. Кровное родство архимандрита Германа II с этими архиереями требует особых доказательств, но в любом случае несомненно, что его связывали с ними духовные узы.

Вернемся, однако, к истории Воскресенского монастыря. Со времени архимандрита Германа II настоятели из числа братии в Новом Иерусалиме уже не избирались, их переводили из других монастырей. Настоятельство архимандрита Никанора было последним периодом расцвета обители, о котором можно сказать словами из челобитной братии царю Федору Алексеевичу, где они просили вернуть из ссылки Патриарха Никона: «монастырь Живоноснаго Воскресения Христова, растущий днесь в высоту повсюднаго прославления, яко древо плодовито...»[22]

«Сей Божий дом от них весь блеск свой восприял...»

Новое столетие принесло существенные изменения в жизнь обители. Если в 80-х годах XVII века число братии Воскресенского монастыря доходило до двухсот, то в 1710 году оно составило половину «против патриаршего установления», то есть равнялось ста. После реформы 1764 года, когда монастырь лишился своих земель и 13 765 душ вотчинных крестьян, его статус был определен как первоклассный, со штатом в 32 человека монашествующих[23]. Обитель именовалась «царскою» и состояла в ведомстве Священного Синода. Архимандрит (впоследствии архиепископ) Амвросий (Зертис-Каменский; † 1771) первым из настоятелей Нового Иерусалима получил право носить мантию со скрижалями. В 1748 году именным указом императрицы Елизаветы Петровны ему и «впредь будущим по нем архимандритам» было повелено «Божественное священнослужение отправлять против Киевопечерской лавры»[24].

Архиепископ Московский и Калужский Амвросий (в миру Андрей Степанович Зертис-Каменский) был одним из образованнейших архиереев своего времени[25]. Он родился в 1708 году в городе Нежине, обучался сначала в школе киевского Богоявленского монастыря, а затем – в Киевской и Львовской духовных академиях. С 1733 года являлся слушателем Московской славяно-греко-латинской академии. В 1789 году был пострижен в монашество и определен учителем в Александро-Невскую духовную семинарию, где с 1742 года занимал должность префекта. В 1748 году архимандрит Амвросий именным указом императрицы Елизаветы Петровны был назначен настоятелем Воскресенского монастыря, став одновременно и членом Святейшего Синода. Ему предстояло восстановить храм Воскресения Христова, пострадавший четверть века назад после обрушения шатра над ротондой Гроба Господня.

17 ноября 1753 года архимандрит Амвросий был рукоположен в епископа Переяславльского и Дмитровского. Воскресенский монастырь остался в его ведении «до окончания построек». В 1761 году епископ Амвросий был переведен в епархию Сарскую и Подонскую, а в 1674 году возведен в сан архиепископа Крутицкого. 2 августа 1765 года настоятелем Нового Иерусалима стал его родной брат, архимандрит Никон (Зертис-Каменский). В 50-х годах XVIII века он трудился над благоукрашением храма Воскресения Христова как светский художник, а затем принял монашеский постриг и был настоятелем Переяславльского Данилова (1761 год) и Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря (1761–1765 годы).

С 1768 года архиепископ Амвросий возглавлял Московскую епархию. Императрица Екатерина II поручила ему возобновление Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов Кремля. Владыка занимался также отделкой зданий Чудова монастыря, используя для этого личные средства[26].

Архиепископ Амвросий был знатоком не только архитектуры. Он владел несколькими иностранными языками – латинским, греческим, еврейским – и работал над переводами, многие из которых неоднократно переиздавались, в том числе книги: «Псалтирь» в новом славянском переводе с древнееврейского (М., 1809, 1878); «Изложение православной веры» преподобного Иоанна Дамаскина (М., 1774, 1785); «Послания» святого Игнатия, епископа Антиохийского (М., 1772, 1784, 1789, 1824); «Поучения огласительные и тайноводственные» святителя Кирилла, архиепископа Иерусалимского (М., 1772). Кроме того, архиепископ написал службу святителю Димитрию Ростовскому.

Жизнь архиепископа Амвросия оборвалась трагически: 16 сентября 1771 года во время «чумного бунта» он был убит в Московском Донском монастыре, где и погребен. Надпись к его портрету, находившемуся в покоях Царского дворца в Новом Иерусалиме, сравнивала архиепископа с Патриархом Никоном: «Амвросий кончил то, что Никон основал, / Сей Божий дом от них весь блеск свой восприял, / Но Никон на пути своем из заточенья, / Амвросий в дни чумы и черни возмущенья / Имели дней своих безвременный конец: / За то украсил их страдальческий венец»[27].

Между тем вклад архиепископа Амвросия в историю храма Воскресения Христова расценивается в настоящее время не столь однозначно. Подобно Патриарху Никону и его последователям, он создал свой образ Нового Иерусалима. Этот образ был вполне созвучен эпохе, говорил художественным языком барокко, отражал богословскую ученость автора и ориентировался на земные первообразы: храм Гроба Господня и церкви Петербурга. Новый Иерусалим XVII века, вобравший опыт церковного искусства православного мира и, в первую очередь, зодчества Древней Руси, оказался невостребованным. Уникальный синтез образов дольнего и горнего был не понят и, по сути, разрушен. Облик Града Небесного уподобился характерному для XVIII столетия облику царского дворца с пышной чувственностью и католическими заимствованиями в декоре. В это культурно-историческое пространство были вписаны новые подобия иерусалимских святынь. Значение Воскресенского собора поясняла надпись, выполненная в технике масляной живописи по дереву на «таблице» размером 278,5x71,5 см, помещенной в нишу на столпе между Красными и Судными вратами. Автором текста мог быть архиепископ Амвросий: «Всяка душа благочестива, желающая пречудный храм Воскресения Христова, иже во Иерусалиме, видети и тамо в нем сущим Святым местам с верою поклонитися, но ради разстояния дальняго онаго дойти не могущая, созерцай семо вшедши и разумей внутрь заключенных вещей душеполезную тайну, яже Спаситель твой тамо между неверными, здесь же среди благочестиваго христианства в воспоминание тебе спасительных Страстей, смерти и тридневнаго Воскресения, в храме сем Ново-Иерусалимском представляет»[28].

Полифоническая многозначность символики XVII века сменилась театральной условностью декора в сочетании с конкретностью священных подобий, для которых барочное убранство было рамой, никак не связанной с их духовным смыслом. Все это прослеживается на многочисленных примерах церковного искусства середины – второй половины XVIII столетия, особенно в графике и лицевом шитье, где использовалась традиционная средневековая иконография. Показательно в данном контексте творчество иеродиакона Христофора Жефаровича – живописца, вышивальщика и гравера-издателя, работы которого хорошо знали и в Москве, и в Воскресенском монастыре.

В музее «Новый Иерусалим» хранится епитрахиль архиепископа Амвросия из парчи с растительным узором, вытканным серебряными нитями и битью по белому фону. По центру епитрахили нашиты три четырехконечных креста из вишневого бархата с золот-

Епитрахиль архиепископа Амвросия.
Шитье иеродиакона Христофора Зафир.
Середина XVIII в.

ным орнаментом. Особый интерес представляет шитая надпись на греческом языке, помещенная внизу, под бахромой: «Было вышито иеродиаконом Христофором Зафир»[29].

Христофор Зафир (Зефар) – это греческая транскрипция имени серба Христофора Жефаровича, родившегося в конце XVII века в Дойране в Македонии и скончавшегося в Москве близ Кремля, в Богоявленском монастыре.

Предполагают, что Жефарович учился живописи в греческом городе Солоники, после чего работал в церквах Печской патриархии и в землях австрийской монархии. В 40-х годах XVIII века он жил в Вене, продолжая обучение и работая в мастерской гравера Томаса Месмера. В 1745 году Жефарович совершил паломничество в Иерусалим, где встретился с архимандритом Симоном Симоновичем, служившим при Святом Гробе. Тогда, видимо, и родилась идея создать иллюстрированное «Описание Иерусалима». Это издание с текстом архимандрита Симона и гравюрами иеродиакона Христофора увидело свет в Вене в 1748 году. В 1749 году в мастерской Томаса Месмера Христофор Жефарович выпустил еще один труд архимандрита Симона – «Проскинитарий». Большинство иллюстраций этой книги повторяли гравюры из «Описания Иерусалима».

В 1753 году Жефарович приехал в Москву и в том же году скончался. Опись его имущества свидетельствует о том, что он занимался торговлей книгами, иконами, гравюрами[30]. Вероятно, иеродиакон Христофор привез для продажи или подарков русскому духовенству и предметы священнического облачения собственной работы[31].

«Описание Иерусалима» было перегравировано в России уже после кончины архиепископа Амвросия, но он мог знать венские издания, используя этот «историко-топографический» путеводитель или «Проскинитарий» с иллюстрациями Христофора Жефаровича при устроении святых мест Нового Иерусалима.

Среди преемников архиепископа Амвросия выделяется личность епископа Крутицкого и Можайского Сильвестра (Страгородского; † 1802), жившего в Новом Иерусалиме с 1771 года «на обещании». До 3 октября 1785 года он управлял обителью, а затем пребывал здесь на покое. В 1788 году был переведен на должность настоятеля в Московский Андроников монастырь, где и скончался.

Епископ Сильвестр продолжил изучение истории Нового Иерусалима, начатое Иоанном Шушериным и архимандритом Никанором в конце XVII века. Он написал «Историческое и хронологическое описание Воскресенского монастыря “Новый Иерусалим”» (СПб., 1786).

Знаменательно, что в год издания этого труда настоятелем обители был назначен архимандрит (впоследствии епископ) Аполлос (Байбаков; † 1801), замечательный духовный писатель и богослов. Выходец из Малороссии, он учился не только в Московской духовной академии, но и в Московском университете и принадлежал к славной плеяде выдающихся учеников митрополита Платона (Левшина; † 1812), основателя Вифанского монастыря.

В разные годы архимандрит Аполлос занимал должность ректора Троицкой духовной семинарии и Московской духовной академии, был наместником Троице-Сергиевой лавры и членом Российской академии наук. Он получил известность как хороший проповедник и плодовитый писатель, автор богословских трудов, переводов и сочинений по теории словесности. О содержании одной из самых характерных книг архимандрита Аполлоса можно судить по ее названию: «Натура и благодать, или некоторые существенные различия между чувствованиями натурального человека и человека духовного, в рассуждении вечного спасения, с приложением таблиц о должностях и качествах человека» (М., 1785). Из других его сочинений особым успехом пользовались «Правила поэтические российского и латинского стихотворения». Впервые этот научный труд вышел в Москве в 1774 году и выдержал впоследствии 10 изданий[32].

Архимандрит Аполлос был настоятелем Воскресенского монастыря всего два года, но успел написать сочинение под названием «Исторические достопамятности о начале и произшествиях Ставропигиальнаго Воскресенскаго монастыря, нареченнаго Новым Иерусалимом»[33]. В этой рукописи история обители доведена до второй половины XVIII века. Автор с большим вниманием исследовал доступные ему памятники эпиграфики, тщательно переписав тексты эпитафий на монастырских надгро-

Епископ Аполлос (Байбаков)

биях и высеченный на белокаменных плитах стихотворный «Летописец».

В настоящее время от последней строки «Летописца» сохранились на плитах только отдельные буквы, но благодаря труду архимандрита Аполлоса мы можем прочесть ее полностью и словно услышать голос архимандрита Никанора, сообщающий, что в тексте «таблицы» заключен акростих с его именем: «Хотяй имя писавшаго познати, изволь двоестрочие читати, токмо изволь читати внятно, то будет и имя тебе явно»[34].

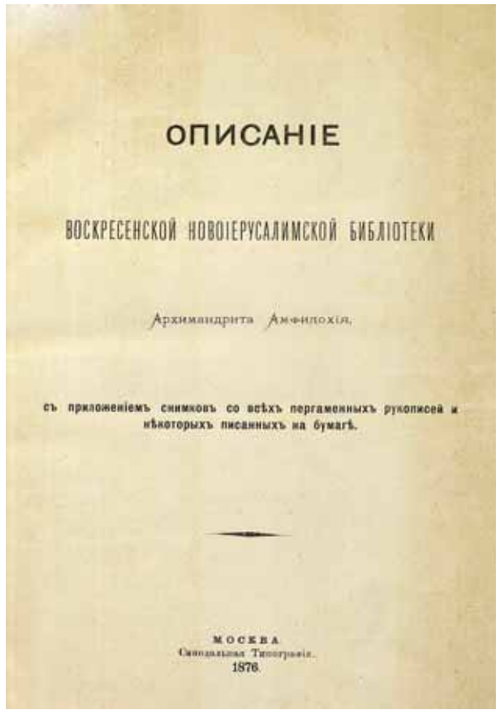
Архимандрит Аполлос одним из первых оценил значение Нового Иерусалима для вселенского Православия. Именно ему принадлежат сведения о том, что приделы за алтарем Воскресенского собора были устроены Патриархом Никоном с тем намерением, чтобы в них совершали богослужения на своих языках представители Греческой, Грузинской, Молдавской и других Православных Церквей[35].

Изучение духовно-исторического наследия Воскресенского монастыря его настоятелями достигло расцвета в XIX столетии. К плеяде ученого монашества принадлежал архимандрит Аполлос (Алексеевский; † 1859), управлявший обителью в 1821–1837 годах. Он был автором неоднократно переиздававшейся книги «Начертание жития и деяний Патриарха Никона», где опубликовал ряд документов XVII века. Продолжая летописные традиции Нового Иерусалима, архимандрит Аполлос в 1835 году благословил выгравировать на бронзовой вызолоченной доске текст рескрипта великого князя Николая Павловича, обращенного к архиепископу Московскому Августину (Виноградскому)[36]. Будущий император Николай I просил Преосвященного быть ему «помощником и руководцем» в деле устроения в Новом Иерусалиме обетного придела по случаю рождения в 1818 году великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Все это характеризует архимандрита Аполлоса как бережного хранителя исторической памяти Нового Иерусалима.

В XIX веке церковных и светских ученых особенно привлекала уникальная библиотека Воскресенского монастыря, основание которой положил Патриарх Никон. Первым составителем полного описания этого собрания был настоятель Воскресенской обители в 1856–1860 годах архимандрит (впоследствии епископ) Амфилохий (Казанский; † 1893). Сначала ученый составил «Описание Юрьевского Евангелия» (М., 1877). В 1859 году было издано его «Описание рукописей Воскресенского монастыря», а в 1876 году – «Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки», куда вошло описание 242 рукописей XI–XVIII веков и 135 печатных книг XVI–XVII веков.

Изучая библиотеку, архимандрит сравнивал списки древних текстов, занимался словарными выписками, готовил палеографические снимки. Этот подвижнический труд получил высокую оценку в научном мире. В 1860 году архимандрит Амфилохий стал членом-корреспондентом Императорского Русского Археологического общества. «Описание Новоиерусалимской библиотеки» было удостоено Уваровской премии[37].

Епископ Угличский Амфилохий (Казанский)



ОПИСАНІЕ

ВОСКРЕСЕНСКОЙ НОВОІЕРУСАЛИМСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

Архимандрита Амфилохія.

съ приложеніемъ снимковъ со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагѣ.

МОСКВА
Синодальная Типографія.
1876.

«Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки». М., 1878. *Титульный лист*

Надгробие епископу Амфилохию

Владыка Амфилохий скончался в сане епископа Угличского, викария Ярославской епархии, и был погребен в Ростовском Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре, в церкви преподобного Сергия Радонежского. На мраморном надгробии над его могилой изображены древние книги, им изучавшиеся: «Четвероевангелие Галичское» 1144 года, «Псалтирь Симоновская» 1280 года, «Карпинский апостол» XIII века, «Апокалипсис» XIV века. В надписи под датами жизни преосвященного высечены слова, вмещающие его призвание и научный подвиг: «Археолог и палеограф».

«На свещнице святой Церкви и боголюбезного иночества...»

Бесценный вклад в изучение истории Воскресенского монастыря внес знаменитый церковный историк и археограф архимандрит Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин; 1822–1891). Он был назначен настоятелем обители в 1869 году, а в 1870 году уже увидели свет «Месяцеслов Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря» и «Описание соборного храма Воскресения Христова». Оба издания имели целью дать читателю «краткое, но обстоятельное описание монастыря, могущее равно удовлетворить как просто грамотного, так и образованного посетителя обители»[38].

Следующим научным трудом архимандрита Леонида была работа со списками жизнеописания Патриарха Никона, составленного Иоанном Шушериным. Подготовленный к публикации рукописный текст из библиотеки Воскресенского монастыря архимандрит сверил со списками из Иверского и Крестного монастырей. Книга «Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России» (М., 1871) неоднократно переиздавалась. Она и по сей день остается лучшей публикацией сочинения Шушерина.

В 1872 году было издано «Краткое историческое сказание о начале и устроении Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря». В него вошло описание обители 50-х годов XVIII века, а также написанные архимандритом Леонидом главки о портретах Патриарха Никона, его иконах, богослужебных облачениях и келейных вещах. Эта работа предваряла создание монастырского музея Патриарха Никона – одного из первых церковных музеев России, основанного архимандритом Леонидом в 1874 году.

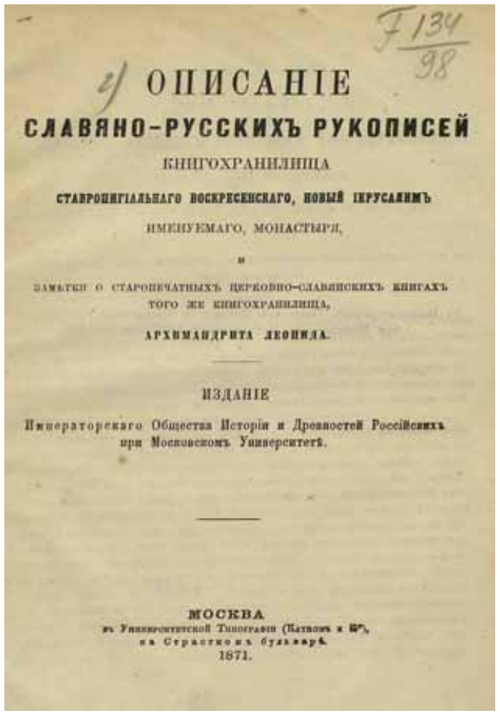
В 1875 году под руководством архимандрита Леонида была составлена Главная церковная и ризничная опись Воскресенского монастыря. Этот документ, как и Опись музея Патриарха Никона, сделанная в том же году, является бесценным историческим источником[39].

Особенно плодотворным в научном отношении был для архимандрита Леонида 1876 год, когда вышла его статья «Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре»[40]. Этой работой отец Леонид положил начало изучению уникальной керамики Нового Иерусалима. В том же году было издано отдельной книгой «Историческое описание» Воскресенского монастыря – объемный свод письменных источников XVII века, собранных архимандритом Леонидом. Промыслительное значение данной работы несомненно, поскольку многие документы, опубликованные в этой книге, в настоящее время утрачены.

Тема истории древностей Святой Земли всегда была насущной для Нового Иерусалима. В начале 60-х годов XIX века насельник Воскресенского монастыря иеромонах Павел (Вертоградов) составил «Краткое описание старого Иерусалима». Архимандрит Леонид продолжил это начинание публикацией в 1873 году своей книги «Старый Иерусалим и его окрестности»[41].

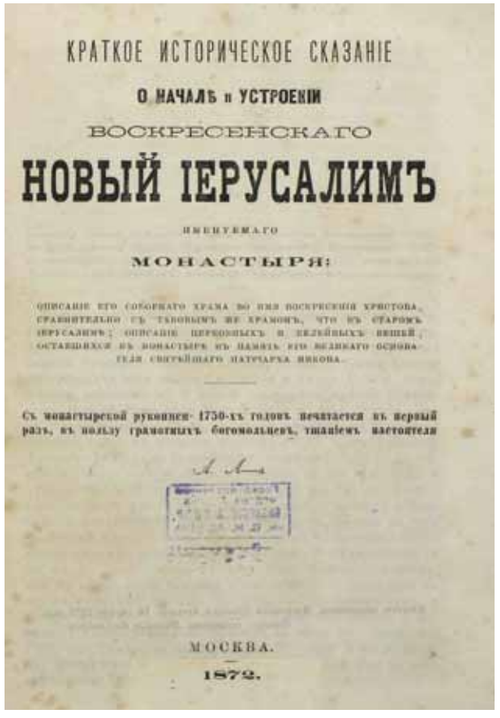
Архимандрит Леонид управлял Воскресенским монастырем до 1877 года, затем был назначен наместником Троице-Сергиевой лавры. В 1891 году, когда ученый преставился ко Господу, увидела свет его «Справочная книга по русской агиографии», где среди местночтимых святых назван и Патриарх Никон[42].

Научная деятельность священноначалия Воскресенского монастыря была неразрывно связана с заботами о духовном состоянии обители. Период настоятельства архимандрита Леонида особо показателен в этом отношении, поскольку отражает и молитвенное внимание к монастырским древностям, и воспи-


F 134
98

ОПИСАНІЕ
СЛАВЯНО-РУССКИХЪ РУКОПИСЕЙ
КНИГОХРАНИЛИЩА
СТАВРОПИГІАЛЬНАГО ВОСКРЕСЕНСКАГО, НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ
ИМЕНУЕМАГО, МОНАСТЫРЯ,
и
ПАМѢТКИ О СТАРОПЕЧАТНЫХЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИХЪ КНИГАХЪ
ТОГО ЖЕ КНИГОХРАНИЛИЩА,
АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА.
ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.
МОСКВА
въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

«Описание славяно-русских рукописей книгохранилища... Воскресенского монастыря». М., 1871. *Титульный лист*



КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ
О НАЧАЛѢ и УСТРОЕНІИ
ВОСКРЕСЕНСКАГО
НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ
ИМЕНУЕМАГО
МОНАСТЫРЯ:
ОПИСАНІЕ ЕГО СОБОРНАГО ХРАМА ВО ИМЯ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА, СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ТАКОВЫМЪ ЖЕ ХРАМОМЪ, ЧТО ВЪ СТАРОМЪ ІЕРУСАЛИМѢ; ОПИСАНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ И КЕЛЕЙНЫХЪ ВЕЩЕЙ, ОСТАВШИХСЯ ВЪ МОНАСТЫРѢ ВЪ ПАМЯТЬ ЕГО ВЕЛИКАГО ОСНОВАТЕЛЯ СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА НИКОНА.
Съ монастырской рукописи 1750-хъ годовъ печатается въ первый разъ, въ пользу грамотныхъ богомольцевъ, тщаніемъ настоятеля
МОСКВА.
1872.

«Краткое историческое сказание о начале... Воскресенского монастыря». М., 1872. *Титульный лист*

тание монашествующей братии в духе заветов оптинских и афонских старцев.

Архимандрит Леонид происходил из семьи столбовых дворян, чье родовое имение Гривна находилось в Калужской губернии. Его отец, Александр Александрович Кавелин, был отставным штаб-ротмистром Клястицкого гусарского полка, участником войны 1812 года.

Мать, Мария Михайловна, урожденная Нахимова, приходилась двоюродной сестрой знаменитому адмиралу П.С. Нахимову, тоже калужскому дворянину. «Род мой, – писал Л.А. Кавелин, — с незапамятных времен имел оседлость в Козельском уезде, в близком расстоянии от Оптиной пустыни. С малых лет привык я преклоняться пред ее святынею»[43].

Небесные покровители семьи Кавелиных были изображены на иконах в иконостасе придела трапезного храма Рождества Христова, устроенного архимандритом Леонидом в честь святой мученицы Татианы[44]. Эти образы напоминали о глубоком благочестии древнего русского рода. Мать архимандрита Леонида Мария Михайловна, женщина бесконечно добрая и терпеливая, жила и умерла как праведница. Его младший брат Владимир скончался послушником Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни, где начинал свою иноческую жизнь и Лев Александрович, сменивший в 1852 году мундир гвардейского офицера на подрясник послушника.

Свое монашеское имя Кавелин получил в честь оптинского старца Леонида, в схиме Льва (Наголкина; 1769–1841), которого знал и почитал с детства. Его духовным наставником в Иоанно-Предтеченском скиту был иеросхимонах Макарий (Иванов; 1788–1860). Старец Макарий, имевший дар духовного рассуждения, наставлял своих учеников словами Священного Писания и святоотеческих учений. Он старался

поддерживать в монастырском и скитском братстве заведенное его предшественником старцем Леонидом откровение помыслов, «от которого проистекает хранение совести, справедливо признавая сие делание основанием внутреннего благоустроения и порядка, а, следовательно, и процветания обители»[45].

Главным послушанием Льва Кавелина в Иоанно-Предтеченском скиту стала работа письмоводителя у старца Макария и участие в переводах святоотеческих книг. Этому способствовала и его литературная одаренность, и знание европейских и славянских языков: немецкого, французского, английского, сербского, болгарского, польского. Впоследствии, уже в сане иеромонаха, Кавелин на всех местах своих послушаний искал и находил высокие примеры старчества, суть и духовное значение которого он опытно познал под водительством иеросхимонаха Макария[46].

В 1859 году, после полутора лет работы в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, отец Леонид посетил Афон, где познакомился со старцами-подвижниками, близкими по духу оптинским старцам. В дальнейшем, будучи настоятелем русской посольской церкви в Константинополе (1865–1869 годы), настоятелем Воскресенского монастыря (1869–1877 годы), а затем наместником Троице-Сергиевой лавры (1877–1891 годы), архимандрит Леонид вел переписку с иеросхимонахом Иеронимом (Соломенцовым; † 1885), духовником Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне, и с настоятелем той же обители схиархимандритом Макарием (Сушкиным; † 1889).

Отец Леонид неоднократно приезжал на Святую Гору, месяцами жил в Русской киновии и видел в ее внутреннем устроении образец для российских монастырей. Он любил афонскую обитель «за поистине общежительную жизнь, единомыслие, утверждающееся на беспрекословном послушании игумену и старцу-духовнику, за духовный союз с братиями по вере – греками, за продолжительные уставные богослужения, непрестанную молитву, неуклонное последование святоотеческому правилу еженедельного причащения, предваряемого частой исповедью у общего старца-духовника, за душевное преуспеяние, внутреннее благоустройство каждого из братий, за любвеобилие и странноприимство»[47].

Архимандрит Леонид (Кавелин). Настоятель Ново-Иерусалимского монастыря с 1869 по 1877 гг.

Став настоятелем Воскресенского монастыря, архимандрит Леонид получил возможность устроить внутреннюю жизнь обители по этому духовному образцу. Ранее, посетив Новый Иерусалим с целью паломничества, он чрезвычайно огорчился замеченным нестроением и в сердцах сказал, что ноги его здесь больше не будет. Однако Господь судил иначе, и именно архимандриту Леониду предстояло благоустроить Воскресенский монастырь. Настоятель начал с формирования нового состава «старшей братии» – наместника, ризничего, казначея и духовника. Уже 1870 году он утвердил на должности наместника обители иеромонаха Венедикта (Макарова), а на должности казначея – иеромонаха Венедикта (Лебедева). В 1871 году в Новый Иерусалим был переведен из Балаклавского Георгиевско-

го монастыря иеромонах Серафим (Петров), ставший в 1873 году братским духовником. Тогда же иеромонах Антоний (Гаврилов) стал ризничим.

За первых пять лет своего управления обителью архимандрит Леонид не только заново сформировал состав «старшей братии», но и вдвое умножил число монахов в священном сане, а также принял более двадцати штатных и живущих на испытании послушников, обеспечив тем самым дальнейшее увеличение числа монашествующих.

Келейником архимандрита Леонида был по благословению афонских старцев монах Никодим (в миру Нектарий Григорьев), происходивший из московских мещан кондитерского цеха. Чтению и письму он обучался дома, был женат, но овдовел. Указом Московской конторы Святейшего Синода определен послушником в Воскресенский монастырь 5 сентября 1870 года, где пострижен самим архимандритом Леонидом 20 марта 1871 года. В 1875 году ему было 55 лет.

Среди 16 послушников, «на испытании живущих», был Николай Рождественский, впоследствии — епископ Вологодский Никон, один из ярчайших светильников нашей Церкви. Он перешел вместе с архимандритом Леонидом в Троице-Сергиеву лавру и оставил замечательные воспоминания о своем духовном наставнике как о воспитателе монашествующей братии. «Благодарю Бога, – писал архиепископ Никон в 1915 году, – что моим духовным руководителем в продолжении многих лет был незабвенный ученик великого в своем монашеском смирении старца Оптиной пустыни отца Макария архимандрит Леонид (Кавелин), который постоянно твердил мне о первом завете своего старца – послушании и смирении, об отсечении своего смышления и искании воли Божией наипаче во внешних обстоятельствах жизни. С этой точки зрения покойный старец оценивал нравственный облик каждого монаха, ему подчиненного; никакие внешние достоинства в его глазах не имели большой цены, если монах имел склонность ценить самого себя. “Самоцен – первый враг монаха”, – говаривал он. И все внимание старца, как настоятеля монастыря, было обращено на воспитание в подчиненных духа смирения, отсечения своей воли и смышления, сознания той животворящей в духовном отношении истины, что не мы делаем доброе, если что делаем, а Господь Своею всемощною благодатью, и если мы себе приписываем какое-либо добро, то крадем его, это добро, у Бога. Это в корне подсекало в иноках, внимающих своему спасению, всякий самоцен, а следовательно, отнимало почву и у честолюбия, стремления к наградам, к повышению в священном сане и тому подобное. Послушник еще может мечтать о монашеском звании, но должен помнить, что монах-то и есть, по выражению преподобного Иоанна Лествичника, “бездна смирения, в которую он низринул и в которой потопил всякого злого духа” (Лествица. Гл. 23, 27). В таком настроении придет ли человеку на мысль расценивать свои достоинства и заслуги и мечтать о каких бы то ни было наградах?.. Но мы все немощны, ко всякому из нас может приразиться искусительный помысл самоцена, а потому те, кто стоит на страже спасения души монаха, имеют долг постоянно напоминать ему об этом, а когда потребно, то и ставить преграды проявлению самоцена. Так и делал покойный отец Леонид. Помню, одно высокопоставленное лицо, мирянин, вздумал ходатайствовать пред ним о рукоположении скитского иеродиакона в сан иеромонаха. “Я сам думал об этом, – сказал старец, – но теперь вижу, что ему рано быть иеромонахом; извините, ваше превосходительство, у меня уж такая дурная привычка: за кого ходатайствуют миряне, того – подальше от повышений, пока у него простынет искушение самоценна”. И действительно, он отложил рукоположение иеродиакона почти на три года, дабы неповадно было и монахам искать повышений и наград через мирян, а мирянам ходатайствовать за них ко вреду их»[48].

Хотя описанный случай относится ко времени пребывания отца Леонида в Троице-Сергиевой лавре, в том же духе он действовал и в Новом Иерусалиме.

О богослужебной жизни Воскресенского монастыря можно судить по сохранившемуся «Расписанию богослужений в дни отдания Пасхи и Вознесения Господня» за 1875 год. В эти дни совершались три Божественные литургии – две ранних и одна поздняя, служились

молебны у Гроба Господня, у иконы Спасителя с припадающими святителем Филиппом и Патриархом Никоном, а также у Иерусалимской иконы Божией Матери и у иконы Божией Матери, именуемой «Троеручица». У гробницы Патриарха Никона совершалась в эти дни панихида. Кроме того, один из иеромонахов нес послушание у Святых врат, где, по обычаю, все богомольцы окроплялись святой водой, а один из иеродиаконов назначался «для записывания в Синодик».

Под основным текстом – интереснейшее примечание: «Объявленной братии вменяется в строгую обязанность, чтобы исполнять и удовлетворять все просьбы богомольцев и посетителей, не доводя ни до каких жалоб и неудовольствий, и при оном быть в исправности и строгом исполнении своей обязанности». Подпись: «Настоятель Архимандрит Леонид»[49].

Сам архимандрит Леонид до конца своих дней свято соблюдал обеты, данные при постриге. Он, как и его келейник монах Никодим, хотел поселиться на Афоне. Зная намерение старцев Иеронима и Макария возобновить на Святой Горе Старый Русик, он послал им в 1874 году из Нового Иерусалима иконускладень с изображением престольных праздников церквей этой обители[50]. Будучи с 1877 года наместником Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Леонид продолжал переписку с иеросхимонахом Иеронимом и схиархимандритом Макарием, не оставляя надежды соединиться с близкими ему людьми. Но старцы не благословили на это ни его, ни его келейника.

«Дерзаю Вам сказать, – писал наместнику лавры в конце 1883 года схиархимандрит Макарий, – что оставлять вам пост... не следует, ибо Вам самим известно, сколь бедно отечество наше деятелями, истинно преданными своему призванию, тем более церковными, а еще менее того монашествующими. Вы же по благодати Божией стоите на свещнице святой Церкви и боголюбезного иночества, возвращаете данные вам от Бога таланты на пользу святой Церкви, отечества и ближних... Но если по недоведомым для нас судьбам Промысла Божия суждено будет... устраниться Вам от общеполезных подвигов, то в таком случае обитель наша, как здесь, на Афоне, так и Кавказе, всегда к услугам Вашим и почтет за честь покоить Вас...»[51]

21 марта 1884 года схиархимандрит Макарий уже решительно ответил архимандриту Леониду, что такое его уклонение не угодно Богу. Таким образом, наместник Троице-Сергиевой лавры оставался на этой должности за послушание до самой своей кончины 4 ноября 1891 года.

В конце XIX – начале XX столетия Воскресенский монастырь возглавляли один за другим выдающиеся иерархи Русской Православной Церкви. Все свои блестящие дарования они отдавали служению обители, бывшей в то время крупнейшим духовным центром России.

В 1877 году, после перевода архимандрита Леонида в Троице-Сергиеву лавру, настоятелем Воскресенского монастыря был назначен архимандрит Вениамин (Поздняков), управлявший обителью более десяти лет.

Архимандрит Вениамин (в миру Василий Поздняков) родился в 1816 году в Ефремовском уезде Тульской губернии в купеческой семье[52]. Первоначально он обучался в Ефремовском гражданском училище, но, почувствовав призвание к монашеству, поступил 10 марта 1841 года послушником в Глинскую Богородицкую пустынь – один из центров старчества на Руси[53]. Спустя три года Поздняков перешел в Святогорскую пустынь в Изюмском уезде Харьковской губернии, возобновленную в 1844 году. Здесь же Василий 21 ноября 1845 года был пострижен в монашество. Почти десять лет подвизался отец Вениамин в Святогорской обители, которая стала для него духовной родиной.

В 1853 году в жизни иеромонаха Вениамина произошли большие изменения. В связи с началом Крымской войны он был определен для служения на Черноморском флоте с назначением в штат Георгиевского Балаклавского монастыря в Крыму и 15 марта поступил на фрегат «Коварна», который во время военных действий на Черном море крейсировал вдоль берегов Турции.

С 15 сентября 1854 года отец Вениамин оказался в эпицентре героической защиты Севастополя, продолжавшейся 349 дней. С самого начала битвы он состоял при 44-м флотском экипаже на Малаховом кургане –

главном укреплении, которое называли дверью Севастополя, и здесь проявил себя настоящим героем. На основной батарее, сдерживавшей натиск элитных английских войск, и на главном перевязочном пункте молодой иеромонах поддерживал боевой дух русских воинов, молился о победе, вдохновлял защитников.

За три месяца до окончания сражений (1 июня 1855 года) отец Вениамин был переведен на батарею № 4 на северной стороне Севастополя, которая прикрывала отступление русских войск. Там он духовно окормлял раненых в офицерском отделении. Позднее, во время одного из последних сражений за Севастополь на Черной речке 4 августа, он нес службу на главном перевязочном пункте на Микензиевской горе. Здесь он пробыл до 18 числа и сопровождал до Симферополя последний транспорт с ранеными.

За подвиги во время обороны Севастополя отец Вениамин был награжден многими боевыми наградами.

После сдачи Севастополя 1 сентября 1855 года по распоряжению главнокомандующего Южной армией князя Горчакова иеромонах Вениамин был направлен в Киево-Печерскую лавру для дальнейшего служения по усмотрению Духовного ведомства. После понесенных на фронте трудов отец Вениамин желал молитвенной монашеской жизни и, будучи почитателем Матери Божией, подал прошение об определении его в Свято-Успенский Большой Тихвинский монастырь Новгородской епархии, где хранилась великая святыня – Тихвинская икона Богородицы. 20 февраля 1856 года его прошение было исполнено.

Однако уединенная жизнь отца Вениамина в Тихвинском монастыре периодически нарушалась. В 1856 году его пригласили для окормления экипажа «параходо-фрегата» «Храбрый», который плавал по Балтийскому морю. В 1859 году он состоял на «параходо-фрегате», находившемся в распоряжении генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича и совершившем плавание в Англию.

Недюжинные способности и многочисленные заслуги иеромонаха Вениамина не остались незамеченными у священноначалия, и 15 июля 1861 года он был определен строителем, то есть настоятелем, в Свято-Троицкую Филиппо-Ирапскую пустынь, которая находилась в 45 верстах от Череповца.

12 ноября 1862 года отец Вениамин был перемещен настоятелем Свято-Духова монастыря в городе Боровичи Новгородской епархии. В связи с этим назначением иеромонах Вениамин был возведен в сан игумена и награжден палицей, а спустя 5 лет – возведен в сан архимандрита. К этому времени вполне проявились в нем дары утешения, духовного окормления, молитвы и назидания. Он впитал иноческий опыт древних обителей – Глинской пустыни, Киево-Печерской лавры, Тихвинского монастыря. Он на себе изведал особую благодать и особую тяготу искушений первоначального устройства обители в Харьковском Свято-Горском монастыре. Он вкусил пустынного жития в уединенной Филипповой пустыни. Он отпевал сотни людей, исповедовал героев и грешников, сам не раз глядел в лицо смерти. Безусловно, настоятель Свято-Духова Боровичского монастыря в свои неполных 50 лет был человеком уникального духовного опыта и мудрости. Именно к этому периоду относится личное знакомство отца Вениамина с замечательной русской подвижницей – игуменией Таисией Леушинской, тогда еще юной девицей Марией Солоповой. Игумен Вениамин духовным взором сразу разглядел в скромной девице избранницу Божию и принял ее под свое духовное руководство. Пылкий дух юной подвижницы не мог не ощутить силу его благодатных дарований, и Мария всей душой прилепилась к «богомудрому старцу-игумену», который стал ее первым настоящим духовником и наставником в иноческом делании.

Укрепляемая советами и молитвами отца Вениамина, Мария продала единственное личное имущество – дом своего деда в Боровичах[54] и, получив не без чудесной помощи Божией разрешение матери, поступила послушницей в Тихвинский Введенский монастырь.

По своему глубокому смирению отец Вениамин называл себя «недостаточным» для духовного руководства и счел необходимым передать будущую игумению своему авве — архимандриту Лаврентию, настоятелю Иверского монастыря на Валдае, основанному Патриархом Никоном. Однако духовная связь игумена Вениамина и матушки Таисии не прерывалась. «Отец Вениамин не переставал назидать меня письменными наставлениями, и вообще, во всю мою жизнь, до самой его кончины, он был моим “старцем”», – писала она[55].

В конце 1873 года архимандрит Лаврентий, почувствовав приближение кончины, подал прошение об увольнении на покой. Настоятелем обители был назначен его ближайший духовный сын отец Вениамин, который стал одновременно благочинным ряда монастырей, в том числе Свято-Духова Боровичского, Короцкой Тихвинской и Успенской Полновской женских общин. Через год он уже был благочинным всех тихвинских монастырей.

Архимандрит Вениамин являл собой пример сыновней любви к угасавшему старцу-предшественнику и попечения о нем. «За это не оставит его Господь, – говорил иеросхимонах Антоний, духовник Киево-Печерской лавры, – ибо это редкая черта в наш век, в который обычно начальники к предместникам своим по должности нелюбовно относятся»[56].

Матушка Таисия вспоминала, что архимандрит Вениамин «поместился в кельях о. наместника, чтобы ничем не нарушать покоя о. архимандрита Лаврентия, предоставив ему оставаться в занимаемых им настоятельских кельях... Он предупреждал всякое его желание, охранял от всего, могущего его огорчить»[57].

После кончины архимандрита Лаврентия духовные советы отца Вениамина помогали матушке Таисии в несении креста настоятельницы. «Он живо сочувствовал моим начальническим скорбям и, хорошо зная мое внутреннее устроение, безошибочно направлял свои советы и утешения... – писала она. – Он был для меня, в полном смысле слова, незаменим»[58].

В 1875 году Иверский монастырь посетил архимандрит Леонид (Кавелин). Он использовал свой десятидневный отпуск, чтобы поработать с архивными документами валдайской обители. Плодом этой поездки стало не только издание актов Иверского монастыря, но и знакомство отца Леонида с архимандритом Вениамином. Настоятель Нового Иерусалима увидел в смиренном воине Христовом достойного наследника подвижнического духа, горевшего и в старце Лаврентии, и в митрополите Филарете (Амфитеатрове), по благословению которого был основан Оптинский скит, возродивший на Руси традицию старчества.

При архимандрите Вениамине в 1889 году в монастыре было 20 человек братий и указных послушников. 18 послушников жили в обители «на испытании»[59].

Личность и духовный авторитет архимандрита Вениамина привлекали в Новый Иерусалим многих именитых людей. Их описания обители сохранили бесценные подробности об особенностях богослужений, возглавляемых настоятелем. Особый интерес в этом отношении представляют воспоминания князя С.Н. Голицына. «Всенощная совершалась соборно, по полному чину монастырскому, с согласным пением на два клироса... – писал он о праздновании иконе Божией Матери “Троеручица”. — По окончании всенощной около 9 часов... я при выходе настоятеля из собора в свои покои познакомился с ним лично, так как заочно он уже был известен мне. Во время Крымской войны, будучи служащим иеромонахом на Черноморском флоте, он находился при осаде Севастополя, под огнем неприятеля напутствовал раненых адмиралов, генералов, офицеров и солдат наших, даже выносил раненых из-под выстрелов, и был удостоен за то пожалованием наперсного креста на Георгиевской ленте...

На другой день, 28 июня, я был у ранней обедни в малом приделе Разделения риз, в галерее за главным алтарем, а после обедни слушал молебен, совершенный перед Кувуклией, по древнему обычаю, соблюдаемому со времен Никона, именно — с пением “Христос Воскресе!” и Пасхального канона, что для меня было столько же ново, сколько и отрадно слышать. Затем один из иеродиаконов, по поручению настоятеля, вследствие моей просьбы, показал и объяснил мне все св. места в Воскресенском соборе, внизу и вверху, и в других церквах и зданиях монастыря...

В 9 часов я пошел в собор к поздней литургии, которую, равно как и после нея молебствие пред иконой Божией Матери “Троеручица”, совершал архимандрит соборно и очень торжественно. По окончании же этого молебствия в Кувуклии, в приделе Ангела, для богомольцев было совершено другое молебствие, снова с пением “Христос Воскресе!” и

Храм Воскресения Христова. Вид с юго-востока.
Фотография иеродиакона Диодора. Середина 70-х – конец 80-х гг. XIX в.

Пасхального канона и с чтением воскресного Евангелия, что было очень умилительно.

В 6 ч. вечера ударили в большой колокол ко всенощной на праздник св. апостолов Петра и Павла, и я пошел в собор... Всенощную совершал Архимандрит соборно и очень торжественно...

На другой день, 29 июня, в день св. апостолов Петра и Павла, я слушал раннюю обедню в одном из левых приделов собора, во имя Рождества Богородицы, причем народу было очень много, а после обедни был для богомольцев, по обычаю, перед Кувуклией молебен с пением "Христос Воскресе!" и Пасхального канона, с чтением воскресного Евангелия, целованием креста и окроплением св. водой»[60].

Из этих заметок следует, что при архимандрите Вениамине Пасхальный канон совершался в Кувуклии Гроба Господня не только в воскресные, но и в другие дни. Паломники в священном сане, желавшие отслужить молебен, могли совершить его в Кувуклии Гроба Господня. Для этого в приделе Ангела находилось облачение, а на камне, отваленном от Святого Гроба, лежали Евангелие и крест[61].

В конце XIX века в Воскресенском монастыре увеличилось число паломников, которые, совершив путешествие в Святую Землю, стремились посетить и Новый Иерусалим. Они отмечали, что «размером, чистотою, обилием света и благолепием здешний храм даже превосходит старо-

иерусалимский святогробский, где и темно, и тесно, и мрачно, и всюду нагромождены инославными христианами органы, алтари и т. п.»[62]. Такие паломники стремились встретиться в Воскресенском монастыре с иеромонахом Далматом, который неоднократно бывал в Иерусалиме и служил в течение полугода в Горней — женской общине, устроенной начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонином (Капустиным)[63].

Иеромонах Далмат, уроженец города Кинешмы Костромской губернии, принял постриг в Костромском Ипатиевском монастыре и поступил в число братии Воскресенской обители в 1885 году в сане иеродиакона[64]. В мае 1888 года он был рукоположен во иеромонаха[65], в 1900–1901 годах занял должность казначея[66].

В 1903 году, уже будучи за штатом, иеромонах Далмат получил «годичный отпуск для поклонения святым местам в Палестине на св. горе Афоне»[67]. По возращении из паломнической поездки он по-прежнему жил в Воскресенском монастыре, где и скончался в 1911 году[68].

При архимандрите Вениамине получили широкое распространение фотографии с видами Нового Иерусалима, изготовленные в мастерской Воскресенского монастыря – одной из первых церковных фотомастерских России, основанной по благословению архимандрита Леонида в первой половине 70-х годов XIX века. Долгие годы послушание фотографа обители нес иеромонах Диодор (в миру Диомид Борисов), родившийся в 1840 году в городе Поречье Смоленской губернии и принявший постриг в Успенской Почаевской лавре 20 марта 1870 года. В январе 1873 года отец Диодор был перемещен, согласно собственному прошению, в Воскресенский монастырь, где проходил клиросное послушание. В 1876 году он рукоположен в иеродиакона[69], в 1889 году занимал должность казначея в сане иеромонаха[70]. Незадолго до своей кончины архимандрит Вениамин назначил его наместником[71].

Отличительной особенностью монастырской фотомастерской была направленность ее деятельности на архитектурно-видовые снимки, запечатлевшие святые места храма Воскресения Христова и главные святыни Русской Палестины. Для характеристики трудов иеромонаха Диодора нужны специальные исследования, но даже беглое знакомство с произведениями фотомастерской Нового Иерусалима позволяет говорить о профессиональном качестве работ и глубоко продуманном отборе видов для съемки, которые являются сейчас ценнейшим изобразительным источником по истории Воскресенского монастыря.

Настоятельство архимандрита Вениамина было отмечено также знаменательным событием, связанным со Святой Землей. В 1889 году великий князь Сергей Александрович пожертвовал в Новый Иерусалим палестинские святыни. Сохранилось донесение об этом, отправленное из монастыря в Московскую контору Святейшего Синода: «Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Сергию Александровичу 17-го сего октября, благоугодно было прислать при письме на имя Настоятеля за собственноручным подписом, копия с онаго при сем препровождается, Святыню, привезенную Им из Палестины, в дар Воскресенскому монастырю, а именно: частицы камней Гроба Господня, с места Рождения Спасителя нашего, Гроба Пресвятой Девы и часть ветки масличной из Гефсиманского сада. Все эти священные предметы утверждены в небольшой деревянной шкатулке. По сему радостному событию в тот же день отслужен был Спасителю и Богоматери соборный молебен с многолетствием Всему Царствующему Дому, при участии всей братии монастыря и случившихся в это время богомольцев.

О чем имею честь почтительнейше донести Московской Св. Синода конторе.

Октября 19 дня. 1889 г.» [72]

Благодарить великого внязя Сергея Александровича ездил в Москву ризничий обители иеромонах Антоний (Лебедев). Он поднес Его Высочеству от имени настоятеля просфору и на вопрос о местонахождении пожертвованных святынь ответил, что в настоящее время они хранятся на престоле в ковчеге царевны Татианы Михайловны[73]. Вероятно, это был тот ковчежец, в котором царевна передала в Новый Иерусалим в 1691 году длань правой руки святой мученицы Татианы.

Знак ордена св. Анны первой степени

Звезда ордена св. Анны первой степени

Архимандрит Вениамин имел множество церковных наград: «две серебряные звезды и два ордена св. Анны первой степени, два ордена св. Владимира третьей степени, два ордена св. Анны второй степени, кабинетный наперсный золотой крест на георгиевской ленте... Севастопольский бронзовый военный крест»[74]. В конце своего жизненного пути архимандрит Вениамин исполнял должность благочинного ставропигиальных монастырей. Он скончался в 1890 году и был погребен у северного входа в храм Воскресения Христова. Ныне намогильная плита находится на северном участке монастырского некрополя[75].

В последние годы земной жизни старца его духовная связь с игуменией Таисией приобрела характер взаимного духовного соутешения, и не случайно именно матушке было явлено откровение о загробной участи отца Вениамина. На сороковой день после кончины старца она видела его во сне служащим пасхальную литургию в Горнем Иерусалиме[76]. Это видение,

Надгробная плита
архимандрита Вениамина

Виды Воскресенского монастыря. Слева в среднике — изображение школы.
Хромолитография. 1914 г.

по сути, стало знамением, которым Господь прославлял Своего угодника.

В лице архимандрита Вениамина все три монастыря, основанные Патриархом Никоном, обрели своего молитвенника и попечителя. До назначения в Новый Иерусалим он был настоятелем Иверской обители на Валдае, а в своем Духовном завещании упомянул и Ставрос на Кий острове. По его распоряжению Крестному монастырю были пожертвованы «два 5% свидетельства непрерывно-доходной железнодорожной ренты, по 5000 руб. каждое, в вечное владение»[77].

Келейные книги архимандрита Вениамина духовно-нравственного содержания в количестве двухсот экземпляров были переданы после его кончины в библиотеку Воскресенского монастыря[78].

На неизрасходованные настоятельские деньги в сумме 1305 р. 77/2 коп. епископ Христофор (Смирнов), назначенный 13 декабря 1890 года управляющим обители, по совещанию со старшей братией предложил устроить при монастыре церковно-приходскую школу[79].

Владыка Христофор (с 1887 года – епископ Волоколамский, в 1890 году уволен на покой) управлял Воскресенским монастырем только около двух лет, так как 19 декабря 1892 года стал епископом Ковенским, первым викарием Литовской епархии[80]. В апреле 1893 года в Новый Иерусалим на должность настоятеля был переведен архимандрит московского ставропигиального Симонова монастыря Андрей (Садовский)[81]. Однако епископ Христофор остался главным членом строительной комиссии по сооружению странноприимного дома, начав-

шемуся в апреле 1892 года. Это трехэтажное каменное здание, рассчитанное на тысячу богомольцев, было построено к востоку от обители по проекту московского архитектора В.Е. Сретенского и торжественно освящено 25 сентября 1893 года, в день празднования 500-летия со дня кончины преподобного Сергия Радонежского.

В первом этаже дома помещались кухня, столовая, умывальная и кладовые; в среднем и верхнем этажах находились по две больших залы, уставленные нарами. Кроме того, на третьем этаже было помещение для заболевших и комнаты для «чистой» публики, не имевшей возможности платить за гостиничные номера. По инициативе епископа Христофора верхний этаж приспособили «для временного пользования под церковно-приходскую школу вплоть до устройства отдельного здания ее»[82]. Монастырская школа была построена близ Святых врат обители при архимандрите Андрее в 1898 году. Это двухэтажное здание сохранилось до нашего времени в первоначальном виде.

Попечение о народном образовании было присуще настоятелям Воскресенского монастыря во все времена, и особенно в конце XIX века. Архимандрит Андрей, скончавшийся 14 марта 1898 года, завещал часть своих средств на обустройство обители и на церковно-приходскую школу[83].

Архимандрита Андрея на должности настоятеля обители сменил архимандрит Владимир (Филантропов). Его правление ознаменовалось посещением Нового Иерусалима 12 апреля 1903 года императором Николаем II. Среди членов августейшей семьи, сопровождавших государя императора, были великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна.

Церконо-приходсая школа
Воскресенского монастыря. *2010 г.*

Посещение августейшей семьей
Воскресенского монастыря. *12 апреля 1903 г.*

В начале 1904 года архимандрит Владимир был рукоположен в епископа Киренского, викария Иркутской епархии. 14 февраля 1904 года настоятелем Воскресенского монастыря стал архимандрит Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов). Дворянин, аристократ, потомок адмирала В.Я. Чичагова, учившийся в Пажеском корпусе и Артиллерийской академии, участник Балканской войны 1877–1878 годов, полковник гвардии Леонид Чичагов по благословению своего духовного отца, святого праведного Иоанна Кронштадтского, оставил военную карьеру и принял сан священника. После кончины своей супруги отец Леонид был пострижен в монашество с именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского. К этому времени он составил знаменитую «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». В 1902–1903 годах архимандрит Серафим руководил подготовкой канонизации преподобного Серафима и сподобился чудесного видения святого старца.

В Новом Иерусалиме архимандрит Серафим нес послушание настоятеля всего один год, но за это время он осуществил огромные ремонтно-реставрационные работы по всему комплексу Воскресенского монастыря. Перечень этих работ занимает в Акте приема семь страниц рукописного текста.

29 апреля 1905 года архимандрит Серафим был рукоположен в епископа Сухумского. Впоследствии владыка занимал разные кафедры, и везде его архипастырское попечение было направлено на возрождение «сознания, духа и деятельности в пастырях, без которых не может проникнуть в жизнь прихожан ничего истинно духовного, благодатного и нравственного»[84].

В 1918 году архиепископ Серафим был возведен Святейшим Патриархом Тихоном в сан митрополита. Он принимал участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви, представители которого посетили Новый Иерусалим.

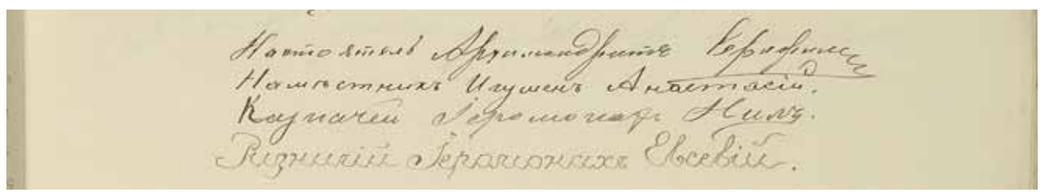
В первые десятилетия советской власти митрополит Серафим постоянно подвергался арестам и ссылкам. В ноябре 1937 года тяжело больной архипастырь был арестован и 11 декабря расстрелян в деревне Бутово под Москвой.

10 ноября 1988 года митрополит Серафим реабилитирован, а в 1997 году прославлен в лике священномучеников.

Святитель Серафим, подобно Патриарху Никону, обладал многими дарованиями, которые, как поется в тропаре ему, «к пользе народа Божия преумножил еси». Он был духовным писателем, богословом, историком, иконописцем, церковным композитором, врачом, имел дар прозорливости. Известны его пророческие слова, сказанные во время гонений: «Сейчас многие страдают за веру, но это — золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько не помнит вся история христианства»[85].

Преемником архимандрита Серафима в Новом Иерусалиме стал архиепископ Херсонский и Одесский Иустин (Охотин). Владыка родился 12 ноября 1823 года в семье священника Нижегородской губернии в Арзамасе, окончил Нижегородскую духовную семинарию. 20 мая 1853 года принял монашеский постриг, 13 сентября того же года был рукоположен в иеромонахи. По окончании Санкт-Петербургской духовной академии подвизался на поприще духовного образования и просвещения (с 18 апреля 1855 года — инспектор Ярославской духовной семинарии). 5 августа 1871 года хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. С 13 апреля 1879 года – епископ Харьковский и Ахтыр-

Священномученик митрополит Серафим.
Икона конца XX в.



Подписи настоятеля и старшей братии монастыря
под Актом приема ремонтных работ. *1904 г.*

ский, с 15 сентября 1882 года – епископ Подольский и Брацлавский, с 28 марта 1887 года – епископ Курский и Белгородский и, наконец, с 3 сентября 1893 года – архиепископ Херсонский и Одесский.

26 марта 1905 года владыка был уволен на покой согласно собственному прошению и назначен управляющим Воскресенским Ново-Иерусалимским монастырем. Архиепископ Иустин пользовался авторитетом в сфере церковной науки и просвещения, в 1903 году был избран почетным членом Казанской духовной академии, являлся членом Церковно-археологического общества.

Отличительными чертами деятельности владыки Иустина были «непрерывные труды на благо паствы, заботливость об улучшении всех частей епархиального управления, попечение о материальном и нравственном преуспеянии духовных учебных заведений, заботы о благолепии церковного богослужения, ревностное попечение о народном образовании в духе церковности, православия и, наконец, широкая христианская благотворительность»[86].

Архиепископ Иустин скончался 25 мая 1907 года и был погребен в «главном храме Воскресенского собора»[87].

Следующий настоятель Ново-Иерусалимского монастыря, епископ Пензенский и Саратовский Тихон (в миру Василий Варсонофьевич Никаноров), разделил участь святителя Серафима (Чичагова) и многих тысяч других новомучеников и исповедников Российских. Этот тихий, кроткий и смиренный архипастырь был большим молитвенником. Он любил уставную службу, часто читал и пел на клиросе. Владыку отличали простота, ласковость и задушевность в обращении, никто никогда не видел его раздраженным или разгневанным[88].

Святитель Тихон родился 30 января 1855 года в селе Кирюга Новгородской губернии в семье псаломщика. По окончании Новгородской духовной семинарии учился в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил в 1881 году со степенью кандидата богословия. Был помощником смотрителя Белозерского духовного училища и инспектором Новгородской духовной семинарии. 15 июня 1884 года пострижен в монашество, 8 июля того же года рукоположен в иеродиакона, 10 июля – в иеромонаха, 6 декабря 1888 года возведен в сан игумена, 25 декабря 1890 года – в сан архимандрита с назначением ректором Новгородской духовной семинарии. Был настоятелем Новгородского Антониева монастыря. В 1892 году архимандрит Тихон хиротонисан во епископа Можайского, второго викария Московской митрополии, и назначен управляющим Саввино-Сторожевского Звенигородского монастыря. С 1899 года – епископ Полоцкий и Витебский, с 1902 года – епископ Пензенский и Саранский. В 1907 году владыка Тихон уволился на покой и 31 июля того же года стал настоятелем Воскресенского монастыря, которым управлял до 1912 года, когда был определен епископом Калужским и Боровским.

В 1913 году владыка получил назначение на Воронежскую кафедру с возведением в сан архиепископа. В 1917–1918 годах он участвовал в Поместном Соборе Русской Православной Церкви. В 1919 году награжден правом ношения креста на клобуке. В октябре того же года Воронеж был занят белыми войсками. Архиепископ Тихон служил панихиды по многочисленным жертвам красного террора. Когда белым пришлось отступить, владыка имел возможность покинуть город вместе с ними, но он предпочел остаться со своей паствой. 9 января 1919 года по новому стилю[89] архиепископ Тихон принял мученический венец. Во время совершения богослужения в Благовещенском соборе Митрофаниева монастыря он был схвачен большевиками и повешен на Царских вратах. Погребен владыка 2 марта 1920 года в склепе того же храма. В августе 1956 года собор был разрушен, а мощи святителя перезахоронены на Коминтерновском кладбище. В 1993 году останки архиепископа Тихона были перенесены в Алексеево-Акатов монастырь города Воронежа[90]. Это та обитель, которой в 1703–1704 годах управлял постриженник Патриарха Никона архимандрит Никанор.

20 августа 2000 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви архиепископ Тихон прославлен в лике святых для общецерковного почитания.

В Новом Иерусалиме владыка Тихон уделял особое внимание церковным древностям.

Мученик Михаил Строев.
Икона 2010 г.
Иконописец Григорий Маракуев

При нем был произведен ремонт иконостаса и обновлены стенописи в церкви Рождества Христова, реставрировались иконы в приделе Поклонения волхвов[91], в подземной церкви святых Константина и Елены и в Богоявленской пустыни, где, кроме того, была устроена железная кровля[92]. В Елеонской часовне, сооруженной около 1686 года к востоку от Святых врат обители, были в 1909 году написаны живописцем Михаилом Строевым по благословению настоятеля картины «Патриарх Никон» и «Царь Алексей Михайлович»[93]. Знаменательно, что Михаил Степанович Строев, последний из династии монастырских служителей Строевых – церковных художников, трудившихся в обители с XVIII века и передававших свое мастерство от отца к сыну, тоже причислен к лику мучеников.

В 1937 году при обыске в его доме сотрудники НКВД изъяли в качестве «вещественного доказательства» фотографию, запечатлевшую художника вместе с братией и настоятелем Воскресенского монастыря. Тогда же Михаил Степанович был арестован и в 1938 году скончался в заключении. Память мученика Михаила совершается 3/16 марта и в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Среди ближайшего окружения владыки Тихона в Новом Иерусалиме был и будущий священномученик Иона (Лазарев). В 1911 году настоятель назначил его наместником обители. К тому времени это был духовно опытный монах в сане архимандрита. Он родился в 1869 году в селе Лучино Санкт-Петербургской губернии в семье священника. Избрание его наместником, ближайшим помощником настоятеля, свидетельствует о доверительном отношении к нему владыки Тихона, и, видимо, не случайно в январе 1918 года архимандрит Иона был отправлен из Нового Иерусалима в распоряжение архиепископа Тихона. В 1926 году он был рукоположен во епископа Велижского, викария Витебской епархии. Однако приступить к своим обязанностям ему помешали обстоятельства. Владыка был уволен на покой и проживал в селе Батюшково Дмитровского района Московской области, где служил в церкви святителя Николая Чудотворца. Епископ Иона помогал чем мог осужденным священникам, работавшим на строительстве канала Москва – Волга. В 1937 году он был арестован и 21 октября расстрелян. В 2000 году Деянием Архиерейского Собора Русской Православной Церкви епископ Иона причислен к лику священномучеников[94].

В 1912 году настоятелем Воскресенского монастыря был определен епископ Александр (Головин; 1844–1916).

Владыка родился 25 августа 1844 года в семье священника села Мясоедова Тульской губернии. В 1866 году окончил Тульскую духовную семинарию. 5 июня того же года был рукоположен во священники. Служил в Успенской церкви Нарышкина Крапивинского уезда Тульской губернии, состоял законоучителем сельского народного училища. 14 января 1880 года был переведен к Успенской церкви города Тулы. После смерти жены отец Александр был пострижен в монашество 27 ноября 1890 года и принят в число братства Александро-Невской лавры. В 1891 году назначен помощником лаврского духовника, а в 1892 году – духовником и экзаменатором ставленников с оставлением в должности лаврского духовника.

Епископ Александр (Головин)

В 1892 году отец Александр поступил для продолжения образования в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1896 году. Тогда же был командирован в Абиссинию с отрядом Красного Креста. В 1897 году вернулся в Россию и был определен настоятелем Троицкого Калязинского монастыря с возведением в сан архимандрита.

В 1899 году архимандрит Александр возглавил Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, где прослужил четыре года. В 1900 году он был избран действительным членом Палестинского общества.

27 июня 1903 года архимандрит Александр хиротонисан в епископа Старицкого, викария Тверской епархии. В течение пятилетнего служения на тверской земле он много сделал как для церковного устроения, так и для историко-археологического изучения и описания края, состоял членом нескольких научных обществ. Владыка имел множество церковных наград, в том числе был награжден в 1903 году Блаженнейшим Дамианом, Патриархом Святого Града Иерусалима и всей Палестины, золотым наперсным крестом с частью древа Животворящего Креста Господня.

12 декабря 1904 года в общем собрании Императорского Православного Палестинского общества преосвященный Александр за внимательное попечение о духовных нуждах и потребностях русских паломников, посещавших Иерусалим в бытность его там начальником Русской Духовной Миссии, был избран в почетные члены Общества. Связь со Святой Землей владыка поддерживал до конца своей земной жизни.

С 1908 года владыка Александр – епископ Орловский и Севский[95], а через два года назначен на епископскую кафедру в Калугу. 25 июня 1912 года по слабости здоровья он был уволен на покой с назначением на должность настоятеля Воскресенского монастыря. В обители владыка обратил внимание на тяжелые бытовые условия жизни братии и занялся разработкой «Проекта постройки братских келлий, трапезы, кухни, хлебопекарни, помещений администрации и ремонта дворца царевны Татианы Михайловны»[96].

Проект предполагал расширение жилых и административных помещений путем надстройки над братскими корпусами второго этажа. На нижнем этаже восточного братского корпуса должны были находиться пекарня, трапезная, столовая для рабочих, буфет, кладовые и келлии поваров. На верхнем этаже – келлии послушников, иеродиаконов и иеромонахов. Во втором братском корпусе помещения нижнего этажа предназначались для канцелярии с архивом текущих дел, приемной, келлий казначея и послушника. Комнаты верхнего этажа – для покоев наместника и приезжающих в монастырь духовных особ.

Во дворце царевны Татианы Михайловны планировалось разместить книжную лавку, библиотеку, монастырский архив и зал для Палестинских чтений, что свидетельствует о намерении настоятеля продолжить в Новом Иерусалиме традицию изучения памятников восточнохристианской письменности и культуры. Проект построек, задуманных владыкой Александром, остался невоплощенным. Однако он не потерял актуальности и в настоящее время.

Епископ Александр скончался 4 февраля 1916 года и был погребен в Воскресенском соборе, у алтаря придела святой Марии Магдалины. В музее «Новый Иерусалим» хранится обширный личный архив владыки.

В 1916 году настоятелем Воскресенского монастыря стал епископ Трифон (впоследствии – митрополит; в миру князь Борис Петрович Туркестанов; 1861–1934). Этого удивительного архиерея называли за высокую духовную жизнь и дар проповедника «московским Златоустом». В истории Нового Иерусалима он олицетворяет традицию преемственности с духовным наследием Оптиной пустыни. Если архимандрит Леонид (Кавелин) был учеником старца Макария (Иванова), то владыка Трифон начинал свой иноческий путь под водительством старца Амвросия (Гренкова).

Митрополит Трифон родился в Москве, в глубоко религиозной семье. Его отец, князь Петр Николаевич Туркестанов (1830–1891), был потомком грузинского князя Бориса (Баадура) Туркестанишвили, переселившегося в Россию при Петре I. Мать будущего митрополита Варвара Александровна, урожденная Нарышкина, рано осиротела, и ее воспитывала тетка, княгиня Е.М. Голицына, родная сестра М.М. Тучковой (в монашестве Марии), основательницы подмосковного Спасо-Бородинского монастыря[97].

Со старцем Амвросием Борис Туркестанов впервые встретился в детстве, когда вместе с матерью совершил поездку в Оптину пустынь. Они подходили к домику преподобного Амвросия, и старец неожиданно, прозревая будущее мальчика, сказал стоявшему перед ним народу: «Дайте дорогу, архиерей идет!» Люди расступились, и княгиня с сыном подошли под его благословение[98].

После окончания в 1883 году гимназии Борис Туркестанов поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Но его сердце стремится к иночеству, и в 1884 году он едет в Оптину пустынь и становится послушником старца Амвросия.

Личность отца Амвросия, его способность провидеть волю Божию в человеческих судьбах и врачевать сердца людей была решающей в формировании монашеского строя души будущего митрополита[99].

В 1888 году на Кавказе, в городе Ардоне, было открыто Александровское духовное училище, куда Борис Туркестанов был приглашен преподавателем. Старец Амвросий благословил его принять это приглашение, и в 1889 году молодой послушник отправился на родину своих предков. Здесь 31 декабря 1889 года он был пострижен в монашество с именем святого мученика Трифона и через неделю, на праздник Богоявления, рукоположен во иеромонаха.

В 1891 году отец Трифон поступил в Московскую духовную академию. В том же году ему пришлось перенести две тяжелые утраты: скончался его отец, а затем – отец Амвросий. Иеромонах Трифон в Слове на погребении своего духовника и учителя отметил, что главным качеством старца «была та добродетель, которая является свойством верных учеников Христа и без которой все остальные добродетели — как медь звенящая и кимвал звучащий, по слову апостола. Это христианская о Бозе любовь...»

Даром любви обладал и сам иеромонах Трифон. Во время учебы в духовной академии он выбрал себе послушание тюремного священника в маленькой церкви в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» Сергиево-Посадской пересыльной тюрьмы. Молодой иеромонах почти каждый день посещал камеры заключенных. Беседуя с ними, он стремился найти слова поддержки и назидания, чтобы хоть немного смягчить ожесточение и уныние, закрывающие человеку путь к началу покаяния и обретения новой жизни.

Академию иеромонах Трифон окончил кандидатом богословия, получив эту степень за работу «Древнехристианские и оптинские старцы».

В 1895 году иеромонах Трифон был назначен смотрителем Московского духовного училища при Донском монастыре, в 1897 году – ректором Вифанской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита, в 1899 году – ректором Московской духовной семинарии. Через два года Святейший Синод определил архимандриту Трифону быть епископом Дмитровским и настоятелем Московского Богоявленского монастыря. Хиротония состоялась 1 июля 1901 года в Успенском соборе Московского Кремля.

В Богоявленском монастыре владыка Трифон прослужил 13 лет. Здесь его трудами были отремонтированы храмы, проведено электричество, обновлена утварь, устроены новые приделы. Служба в Богоявленской обители совершалась по строгому уставу с соблюдением всех положенных чтений и песнопений, которые старательно исполнялись монахами и учениками опекаемого монастырем Марфинского училища для мальчиков. Почти за каждым своим богослужением владыка обращался к народу со словами проповеди.

В 1905 году, когда Россию захлестнула волна террора, был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Это событие до глубины души потрясло

Лазарет для раненых воинов при Воскресенском монастыре. *1917 г.*
В центре – епископ Трифон. Крайний справа во втором ряду сидящих – М.С. Строев

его супругу, будущую преподобномученицу великую княгиню Елизавету Федоровну. Она решила уйти из мира и на свои личные средства приобрела усадьбу на Большой Ордынке, где основала Марфо-Мариинскую обитель милосердия. Владыка Трифон поддерживал это начинание Елизаветы Федоровны. 9 сентября 1909 года, в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы, он освятил первый храм обители во имя святых жен-мироносиц Марфы и Марии. А в апреле 1910 года епископ Трифон посвятил первых 17 сестер во главе с великой княгиней в крестовые сестры.

Продолжая навещать Оптину пустынь, владыка Трифон находил отдохновение в беседах с игуменом Варсонофием (Плиханковым, 1845–1913) — духовником монашеской братии и наставником множества мирян. Приезжая в Москву, старец Варсонофий останавливался обычно в Богоявленском монастыре.

Епископ Трифон всегда старался рассказать своим современникам об уникальном духовном опыте Оптиной пустыни и жизни ее подвижников. С этой целью он не раз участвовал в благотворительных чтениях в пользу приютов и лечебниц, выбирая темой своих сообщений историю и духовную жизнь Оптиной. В 1912 году владыка с программой чтений о старце Амвросии выезжал во Францию и выступал в Ницце.

1912 год принес весть о смуте в Оптиной пустыни. Оклеветанный недоброжелателями, старец Варсонофий был вынужден покинуть свой скит и любимую обитель и за год до смерти принять назначение настоятелем в подмосковный Старо-Голутвин монастырь. Этот монастырь находился под ведомством епископа Трифона, который до конца жизни старца старался окружить его своей заботой. 5 апреля 1912 года владыка Трифон возвел игумена Варсонофия в сан архимандрита.

Все это время преосвященный Трифон не оставлял своих научных интересов. Он был действительным членом Московского археологического института, по инициативе которого в 1913 году во внебогослужебное время в Успенском соборе Московского Кремля и в Богоявленском монастыре был устроен показ древнего русского богослужебного обряда – «Пещного действа», основанного на рассказе из Книги пророка Даниила о трех отроках, ввергнутых халдеями в пылающую печь, но сохраненных Богом. «Пещное действо» совершал в свое время и Патриарх Никон, причем не только в Москве, но и в Новом Иерусалиме. Об этом свидетельствует хранившаяся в обители грамота 1678 года, повелевавшая «ценинного дела мастера, который, будучи в том (Воскресенском. – *Г.З.*) монастыре, делал печное действо и ангела, прислать к Москве»[100].

Владыка Трифон, исследуя «Пещное действо», сформулировал и свое отношение к отечественным древностям. «Археолог, любящий свою Родину и свою Церковь, – писал епископ, – старается проникнуть в дух старины, оживотворить ее со всею ясностью; он представляет себе и то время, которое он изучает, и тех людей, которые в нем действуют; он их любит, он с ними живет, он радуется их радостям и горюет о их горе»[101].

В 1914 году началась Первая мировая война. Епископ Трифон подал прошение о направлении его в действующую армию и был назначен исполняющим обязанности полкового священника 168-го Миргородского пехотного полка и благочинным 42-й пехотной дивизии. «За проявленную храбрость при совершении богослужений на линии огня и за беседы в окопах с воинами во время боя» преосвященный Трифон был награжден панагией на Георгиевской ленте и орденом святого благоверного князя Александра Невского.

После полученной на Польском фронте контузии владыка Трифон вернулся в Москву. Здоровье его было подорвано, а один глаз почти утратил зрение. Епископ просился на покой в Оптину пустынь, но указом Святейшего Синода был назначен в 1916 году настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

Вскоре владыка Трифон опять уехал на фронт, на этот раз – Румынский. Вернувшись, он окончательно поселился в Новом Иерусалиме, где занимался и благотворительностью, и благоукрашением монастырских храмов. Сохранилась фотография 1917 года, запечатлевшая епископа Трифона с пациентами и персоналом лазарета, устроенного для раненых воинов в странноприимном доме при Воскресенском монастыре.

Епископ Трифон на свои средства открыл в здании монастырской школы женскую гимназию, где иногда читал духовные лекции. Первое выступление владыки в новой гимназии было посвящено старцу Амвросию и духовному наследию Оптиной пустыни.

Перед Октябрьским переворотом владыка Трифон почти безвыездно находился в Воскресенском монастыре, ограничив свою деятельность богослужениями и духовничеством. Он даже не участвовал в работе открывшегося в 1917 году в Москве Поместного Собора Русской Православной Церкви, хотя ему было предложено выставить свою кандидатуру на выборах Патриарха. Однако он принимал в Воскресенском монастыре участников Собора, которые молились у гробницы Патриарха Никона.

На Поместном Соборе 1917–1918 годов в Русской Церкви было восстановлено Патриаршество, упраздненное царем Петром I. Интронизация вновь избранного Патриарха Московского и всея Руси Тихона, ныне причисленного к лику святых († 1925; память 25 марта / 7 апреля), совершилась в Успенском соборе Московского Кремля. Знаменательно, что для торжества настолования из Оружейной палаты были взяты мантия, митра и клобук Патриарха Никона[102].

Епископ Трифон оставил Новый Иерусалим и поселился в Москве в 1918 году, когда приняли мученические венцы страстотерпцы царь Николай и царица Александра с детьми (память 4/17 июля) и преподобномученица великая княгиня Елисавета (память 5/18 июля).

Сбылись пророческие слова архиепископа Никона (Рождественского), ученика архимандрита Леонида (Кавелина). «Готовьтесь к

исповедничеству, готовьтесь к мученичеству, – писал он в 1914 году. – И тем горше будет чаша наших испытаний, что нам поднесут ее не язычники, не римские воины, а изменники Христу. О, они злее всех язычников, ибо они суть “сборище сатаны”, о которых говорит Тайновидец. Что все нынешние поношения, кои нам приходится терпеть, пред теми, какие ждут нас впереди, если попустит Господь! Грозы Божии ходят вокруг нас»[103].

Владыка Трифон пользовался большой любовью и поддержкой Патриарха Тихона. В 1923 году Святейший возвел его в сан архиепископа и удостоил права носить бриллиантовый крест на клобуке. В 1931 году, когда исполнилось 30 лет архиерейского служения архиепископа Трифона, он был Указом митрополита Сергия (Страгородского) возведен в сан митрополита. Владыка скончался 14 июня 1934 года в возрасте 73 лет и был погребен на Введенском кладбище в Москве.

Последние месяцы перед закрытием монастыря обителью управляли последовательно два архиерея, уволенные на покой. В 1918 году – архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иоаким (в миру Иоанн Иоакимович Левицкий); в 1919 году – епископ Сарапульский и Елабужский Палладий (Добронравов).

Владыка Иоаким родился в 1853 году в селе Петрушки Каневского уезда Киевской губернии в семье церковного причетника[104]. Первоначальное образование получил в Киевско-Софийском духовном училище, затем обучался в Киевской семинарии, после чего, как лучший студент, был послан учиться за казенный счет в Киевскую духовную академию. По окончании академии со степенью кандидата богословия был назначен преподавателем Рижской духовной семинарии на кафедру гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей. Спустя три года определен на место священника при Рижском кафедральном соборе с оставлением в должности преподавателя.

До 1893 года деятельность будущего архиерея была преимущественно пастырская и преподавательская. На этом поприще он показал себя с лучшей стороны и был удостоен многих церковных наград. В 1886 году отец Иоанн овдовел, оставшись с тремя малолетними детьми. Душа батюшки стремилась к монашеству, но необходимость заботиться о детях удерживала его от исполнения этого намерения. И только в 1893 году, после кончины дочери, он принял монашеский постриг с именем Иоаким и уже на второй день был возведен в сан архимандрита. Вскоре последовало назначение отца Иоакима на должность ректора Рижской духовной семинарии. В 1893–1895 годах он состоял также редактором местных «Епархиальных ведомостей».

14 января 1896 года состоялась архиерейская хиротония архимандрита Иоакима с назначением его епископом Балтским, викарием Каменец-Подольской епархии. С 1897 по 1899 год владыка был епископом Брестским, викарием Литовско-Виленской епархии.

В декабре 1899 года последовало высочайшее повеление об открытии самостоятельной Гродненской епархии, и преосвященный Иоаким стал ее первым правящим архиереем. Наряду с другими делами владыка уделял особое внимание храмоздательству и благоустройству иноческих обителей в крае. Именно по его благословению основан Красностокский женский монастырь и построен величественный собор в городе Бресте.

26 ноября 1903 года преосвященный Иоаким был переведен на Оренбургскую кафедру, где много сделал для развития миссионерского дела. В Оренбургской духовной семинарии было введено изучение татарского языка и преподавание мусульманства как обязательного предмета. Владыка изыскал средства на содержание четырех епархиальных миссионеров. Открывая единоверческие приходы, он сам служил в них по старопечатным книгам. Благодаря миссионерской деятельности преосвященного Иоакима многие иноверцы Уральского края приняли Православие.

13 августа 1910 года епископ Иоаким был перемещен из Оренбурга в Нижний Новгород. Труды владыки на Нижегородской земле – родине Патриарха Никона – отличались многообразием. Он предпринимал меры для увеличения числа приходов и храмов в них, при нем активизировалась миссионерская деятельность, впервые была введена должность епархиального противосектантского миссионера. Во всех деяниях владыки выражалась энергия, трудоспособность и личная инициатива. Нижегородцы полюбили его за кроткий нрав, глубокое и ясное проповедническое слово.

В 1913 году, когда отмечалось 300-летие дома Романовых, епископ Иоаким участвовал в торжествах по случаю приезда в Нижний Новгород императора Николая II с августейшей семьей. Он встречал их величества в кафедральном Спасо-Преображенском соборе приветственной речью и благословил государя святой иконой.

В годы Первой мировой войны владыка Иоаким сумел организовать в своей епархии широкую благотворительную помощь беженцам и русским солдатам. Он обращался к пастырям и монастырям, побуждая их к сбору средств и вещей. Призыв владыки принес обильные плоды. С 1914 по 1916 год духовенством Нижегородской епархии было пожертвовано на нужды войны 46 850 руб., монастырями – 23 776. Практически при всех обителях действовали лазареты для раненых, приюты для беженцев и осиротевших детей. Заслуги владыки на этом поприще не остались незамеченными. 6 мая 1916 года преосвященный Иоаким был возведен в сан архиепископа.

В 1917 году архиепископ Иоаким, будучи членом Священного Синода, выехал из Нижнего Новгорода в Москву для участия в Поместном Соборе. Вернуться к управлению епархией он уже не смог – этого не желали сторонники новой власти. Под давлением революционно настроенных кругов общественности архиепископ Иоаким, как и многие другие иерархи, был вынужден уйти на покой. «Всепокорнейше прошу Ваше Святейшество... – писал он 21 марта 1918 года, – переместить меня на настоятельское место в Ставропигиальный Воскресенский монастырь, именуемый Новый Иерусалим». Постановлением Святейшего Синода и Патриарха от 28 марта 1918 года просьба его была удовлетворена. 13 мая владыка официально простился с духовенством и паствой своей епархии. К тому времени нижегородский архиерейский дом был уже захвачен и разграблен.

«Мутная и бурная волна всяческих восстаний», как назвал события тех дней архиепископ Иоаким, захлестнула и московскую землю. 15 мая 1918 года в Звенигороде произошло убийство местного комиссара, его секретаря и милиционера. Братия Саввино-Сторожевского монастыря были обвинены в подстрекательстве народа к сопротивлению советской власти. 29 июня 1919 года Звенигородский уездный совет постановил в течение месяца закрыть все монастыри в уезде, в их числе – Воскресенский.

Архиепископ Иоаким выехал в Крым, где поселился на даче своего сына под Севастополем. Там и окончилась мученически его земная жизнь. В 1921 году владыку убили бандиты, напавшие на дом с целью грабежа[105].

Последним управляющим Воскресенского монастыря был епископ Сарапульский и Елабужский Палладий (Добронравов), уволенный на покой. Владыка родился 18 ноября 1865 года в Могилевской губернии в семье коллежского советника. Монашеский постриг принял в 1888 году. С 1897 года – архимандрит, с 1903 – епископ. В 1919 году был уволен на покой. 13 августа того же года Святейший Патриарх Тихон издал указ, в котором рекомендовал епископу: «...во всех случаях сношения его с властью ему надлежит опираться на богомольцев и почитателей монастыря... позаботиться о его защите»[106].

Содержание этого указа понятно лишь при знании обстоятельств закрытия обители, которое не было одномоментным актом. Сначала, в 1918 году, власти Звенигородского уезда реквизировали монастырское имущество, находившееся в городе Воскресенске и его окрестностях: гостиницу для паломников, скотный двор и дрова в Рамской роще на реке Песочне, сады и пчельник. Для защиты монастыря было образовано Братство ревнителей Православия. В него входило 70 человек: местные жители, настоятели двух приходских храмов – Вознесения Господня в городе Воскресенске и Преображения Господня в селе Никулине – и 8 человек из числа братии. Но остановить действия властей они не могли. В докладной записке, составленной в феврале 1919 года ликвидационным отделом Звенигородского управления юстиции в уездный Совет, сообщалось: «Местный монастырь, именуемый Новый Иерусалим, целиком со всем имуществом и штатом описан и взят на учет. Местным отделом социального обеспечения там устроены богадель-

ня и ясли, для чего приспособлены помещения бывших епископов. Монахов до Октябрьского переворота было около 50, теперь осталось же около 30... Монахи назначаются на работы, как и все буржуи... Случаев снятия с себя священного сана не было»[107].

После постановления от 29 июня 1919 года о закрытии всех монастырей в уезде в Новый Иерусалим начали стекаться верующие. 7 июля в присутствии местных властей состоялось бурное собрание. Власти прибегли к обману, уверяя людей, что слухи о закрытии обители являются ложными и контрреволюционными. 12 июля произошло второе собрание, более мирное, на котором было решено содержать монастырь на средства верующих. После этого народ покинул стены обители. Тогда местные власти вызвали из Звенигорода отряд вооруженных красноармейцев и с их помощью в ночь с 13 на 14 июля захватили монастырь, расставив караулы и арестовав монахов как заложников, чтобы угрозой расправы над ними заставить верующих отказаться от противодействия закрытию обители.

К тому времени в Новом Иерусалиме находилось 15 монахов. Настоятель епископ Палладий был болен тифом и не вставал с постели.

Произведенное после этого следствие не обнаружило никаких контрреволюционных намерений в действиях защитников обители. Большинство монахов были отпущены на свободу. Следователь Г.И. Соколов, навестивший епископа Палладия в земской больнице, заявил, что владыка может считать себя свободным и что есть сомнения в законности закрытия монастыря. Такой исход дела не устраивал местных большевиков. В Воскресенск был приглашен другой следователь — эксперт И.А. Шпицберг, производивший вскрытие мощей преподобного Саввы Сторожевского в Звенигородском монастыре. 15 августа началось новое следствие. На допросах Шпицберг выяснял фамилии людей, приезжавших в монастырь и близких к Патриарху Тихону, выявлял монахов, общавшихся с ними, составлял список членов Братства ревнителей Православия, собирал сведения на епископа Палладия. В итоге наиболее «опасные» монахи были отправлены в звенигородскую тюрьму, а их дела переданы в Московский трибунал. Остальных временно поместили в богадельню, устроенную в настоятельских покоях.

Окончательное закрытие монастыря совершилось 19 ноября 1919 года, когда Звенигородский Совдеп вынес постановление о выселении монахов с территории обители и снятии их с довольствия[108]. На Святых вратах повесили железную доску с надписью: «Великая русская революция передала Новоиерусалимский монастырь и собор народу. Отныне, перестав служить делам культа, он является художественно-историческим памятником старины Всероссийского значения».

Зимой 1919–1920 годов на территории монастыря был организован Историко-художественный музей, который возглавила педагог П.К. Разумовская. В ноябре 1921 года здесь же открылся музей местного края, устроенный Н.А. Шнеерсоном, заведующим Уездным статистическим бюро. В апреле 1922 года оба музея были объединены под его руководством.

Епископ Палладий, оправившись после болезни, жил в Москве, где над ним состоялся суд. В 1922 году владыка скончался.

В упраздненном Воскресенском монастыре одна часть богатейшего художественного достояния обители, включая ряд экспонатов Музея Патриарха Никона, вошла в состав фондов государственного музея. Другую часть варварски уничтожили, третью продали с аукциона. Иконостас трапезного храма Рождества Христова, созданный по проекту архитекторов И.С. Каминского и Я.И. Реймерса – учеников и сподвижников академика К.А. Тона, был сожжен в бывшей монастырской бане. Подобная участь постигла, вероятно, иконостасы и других церквей обители. Воинствующее безбожие, воцарившееся в России, отметилось в 30-х годах XX века кощунственным вскрытием погребений в храмах Нового Иерусалима и на территории монастырского некрополя.

Ранним утром 26 ноября 1941 года немецко-фашистские войска (дивизия СС «Райх») ворвались в Истру и заняли территорию бывшего монастыря. В Воскресенском соборе они устроили склад боеприпасов, в других помещениях разместились штаб гестапо и госпиталь. Музей, не все коллекции которого были эвакуированы, подвергся безудержному уни-

Панорама Воскресенского монастыря. *Вид сверху*

чтожению и грабежу. 10 декабря 1941 года, отступая от Москвы, фашисты взорвали ансамбль Воскресенского монастыря.

В январе 1944 года комиссия экспертов определила ущерб, нанесенный памятникам архитектуры и коллекциям музея, в 47 495 926 золотых рублей.

Музей вернулся в Новый Иерусалим в 1956 году. В настоящее время его основной фонд насчитывает около 170 тысяч единиц хранения.

Во второй половине XX века разрушенный архитектурный ансамбль монастыря был почти полностью восстановлен. Однако до сих пор остается в руинах колокольня храма Воскресения Христова, от которой уцелел лишь первый ярус.

Новый период в истории Нового Иерусалима начался в 1994 году. 18 июля Священный Синод Русской Православной Церкви слушал сообщение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II († 5 декабря 2008 года) о возобновлении деятельности Воскресенского монастыря и о назначении наместника обители. Было вынесено следующее решение: «С благодарностью ко Господу принять весть о возрождении Ново-Иерусалимской обители под каноническим управлением Патриарха Московского и всея Руси. Утвердить архимандрита Никиту (Латушко) наместником Ставропигиального Воскресенского Ново-Иерусалимского мужского монастыря».

Архимандрит Никита (в миру Сергей Петрович Латушко) родился в 1953 году в Белоруссии в семье священника. В 1983 году окончил Ленинградскую духовную академию. С 1984 по 1993 год проходил послушание в Иерусалиме, где последние пять лет был начальником Русской Духовной Миссии. Таким образом, в лице первого наместника возобновленной обители возобновились связи Воскресенского монастыря и с Белоруссией, и со Святой Землей.

Первое богослужение в возобновленном Воскресенском монастыре было совершено в Рождественский сочельник 6 января 1994 года в подземной церкви святых Константина и Елены.

Наместник Воскресенского монастыря архимандрит Никита и Президент Российской Федерации В.В. Путин в центральной трапезной палате Воскресенского монастыря. *7 января 2007 г.*

25 августа 1994 года обитель посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, который совершил в Воскресенском соборе благодарственный молебен[109].

В 1995 году Ново-Иерусалимскому монастырю были переданы в бессрочное и безвозмездное пользование Воскресенский собор, церковь Рождества Христова в Трапезных палатах, Богоявленская пустынь и восточный братский корпус.

С 5 января 1996 года начали совершаться регулярные монастырские богослужения в церкви Рождества Христова.

В ноябре 1996 года начался капитальный ремонт Рождественского собора. Одновременно велись научные исследования архитектуры храма, в процессе которых были обнаружены гнезда для крепления тябел первоначального иконостаса, зафиксированы следы растесок оконных проемов и перекладок стен в XVIII–XIX веках. В нише северной стены алтаря были открыты остатки белокаменного рукомоя — подобного тем, что сохранились со времен Патриарха Никона в Воскресенском соборе.

Проект нового иконостаса выполнен архитектором М.Ю. Горячевой. Предполагалось, что иконостас будет тябловым, пятиярусным, близким первоначальному. Образцом для орнаментальных мотивов накладной резьбы послужила резьба Красных врат Воскресенского собора первой половины 60-х годов XVII века. Установка двух нижних ярусов иконостаса была произведена в феврале 1997 года. Резьбу дубовых тябел и других деталей выполняла бригада белорусских резчиков, которую возглавлял мастер из Минска Валерий Павлович Карачун. К сожалению, на этом работа по созданию иконостаса остановилась.

6 декабря 1997 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил великое освящение храма Рождества Христова. Тогда же монастырю был возвращен серебряный ковчег с мощами святой мученицы Татианы. Перенесение в храм великой святыни и первое после 305-летнего перерыва патриаршее богослужение ознаменовали начало возрождения Ново-Иерусалимского Вифлеема.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и наместник Воскресенского монастыря игумен Феофилакт. *23 июля 2008 г.*

В 1996–1999 годах реставрационным центром, входившим в Межрегиональную общественную организацию «Байкал» (руководитель О. А. Попов), осуществлялось финансирование и производство работ по восстановлению лепного убранства и реставрации изразцовых иконостасов в Предтеченском, Архангельском и Успенском приделах Воскресенского собора.

16 декабря 1999 года церковь Успения Пресвятой Богородицы была торжественно освящена Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Летом того же года в ротонде Гроба Господня завершился разбор лесов, простоявших там более 20 лет: они были установлены для начатого в 1977 году монтажа металлической конструкции шатра. Освобождение ротонды от лесов открыло доступ к главной святыне Нового Иерусалима – Кувуклии Гроба Господня. Реставрационные работы этого периода сопровождались научными исследованиями, результаты которых опубликованы[110].

7 января 2007 года, в праздник Рождества Христова, в Воскресенском монастыре молился Президент Российской Федерации В.В. Путин.

В мае 2008 года наместником обители был назначен игумен Феофилакт (в миру Григорий Александрович Безукладников). Он родился 1 декабря 1963 года в городе Оса Пермской области в семье священника, где всего было 12 детей. Окончив общеобразовательную среднюю школу, поступил в Одесскую духовную

семинарию. После окончания первого курса был призван в Советскую Армию и два года служил в рядах Вооруженных Сил.

В 1987 году закончил Регентский класс при Московской духовной академии и семинарии. 14 марта 1987 года был принят в число братии Свято-Троице-Сергиевой лавры и 3 июля того же года пострижен в монашество с именем Феофилакт, в честь святителя Феофилакта исповедника, епископа Никомидийского. 16 июля 1987 года рукоположен в сан иеродьякона. В том же году поступил на очное отделение Московской духовной академии. 30 мая 1988 года рукоположен в сан иеромонаха. 1 июня 1988 года направлен в число братии Свято-Введенской Оптиной пустыни и переведен на сектор заочного обучения академии. В августе 1990 года иеромонах Феофилакт был назначен настоятелем Московского подворья Оптиной пустыни в храме Живоначальной Троицы в Останкине. В 1995 году возведен в сан игумена. С 2001-го по 2007 год являлся членом Епархиального совета Москвы. 25 марта 2003 года в дополнение к несомому послушанию был назначен настоятелем храма иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» на Ходынском поле, где с 30 марта по 15 октября 2005 года исполнял также обязанности председателя приходского совета. С 2003 года – благочинный храмов Всехсвятского округа, в который входят все православные храмы и часовни, находящиеся в пределах Северного административного округа Москвы. С этого же времени – духовник православной гимназии во имя иконы Божьей Матери «Знамение» в Ховрино.

12 июня 2005 года окончил Московскую духовную академию. В 2007 году был назначен председателем Богослужебной комиссии при Епархиальном совете Москвы и вошел в состав Общественного совета Северного административного округа столицы.

6 мая 2008 года игумен Феофилакт назначен наместником Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря, в связи с чем освобожден ныне от всех занимаемых ранее должностей. Батюшка имеет множество церковных наград, в том числе: медаль преподобного Сергия Радонежского 1, 2 и 3-й степени, медаль «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени, орден святого благоверного князя Александра Невского 3-й степени и другие. 25 ноября 2008 года игумен Феофилакт избран действительным членом Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения.

23 июля 2008 года в жизни монастыря произошло знаменательное событие: Новый Иерусалим посетили Святейший Патриарх Алексий II и Президент Российской Федерации Д.А. Медведев. Они осмотрели обитель и, убедившись в том, как много предстоит сделать по ее реставрации, приняли решение о создании Попечительского совета для оказания помощи в восстановлении монастыря и согласились стать его попечителями.

В настоящее время при Попечительском совете создан Благотворительный фонд по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского мужского монастыря.

Архитектурный ансамбль обители является объектом историко-культурного наследия России, состоящим на государственной охране. Статус охраны – федеральный.

20 октября 2008 года состоялось Учредительное заседание Попечительского совета Благотворительного фонда по восстановлению Воскресенского монастыря, где председательствовали Президент Российской Федерации Д.А. Медведев и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Участники заседания приняли ряд решений, в том числе по финансированию работ, которое должно быть разделено поровну между федеральным бюджетом и пожертвованиями предпринимателей.

В 2010 году в результате конкурса определились три основные организации, которым предстоит заниматься восстановлением исторического облика Воскресенского монастыря. Заказчик-застройщик – ГУП города Москвы «Управление по реконструкции и развитию уникальных объектов». Генеральный проектировщик – ФГУП «Центральные научно-реставрационные проектные мастерские». Генеральный подрядчик – ООО «Интарсия» (С.-Петербург).

В настоящее время в обители шесть насельников. Перед монастырем стоят большие задачи. Предстоят огромные реставрационные работы, обширное новое строительство, возрождение общежительной монашеской жизни с ее церковно-историческими и литургическими традициями, возобновление издательской, музейной, паломнической деятельности. В 2008 году была создана «Концепция развития Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря как духовно-воспитательного, образовательного, научно-просветительского и паломнического центра». Осуществление Концепции предполагает создание при монастыре ряда учреждений, подразделений и служб.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
и президент Российской Федерации Д.А. Медведев
в Воскресенском монастыре. *23 июля 2008 г.*

I. Православная гимназия имени священномученика Серафима (Чичагова)

1. Располагается близ Воскресенского монастыря, который является ее учредителем и духовным попечителем.

2. Имеет государственную лицензию, включает полный курс общеобразовательных предметов и специальную программу духовного образования.

II. Монастырское училище церковных художеств имени мученика Михаила Строева

Включает мастерские: иконописи и монументальной живописи; керамики; столярного дела и резьбы по дереву; скульптуры, мелкой пластики и резьбы по камню; кузнечного дела; пошивочных и золотошвейных работ; книжного оформления и переплетного дела.

Училище церковных художеств имеет при каждой мастерской реставрационное отделение и осуществляет:

Братия и певчие Воскресенского монастыря.
2011 год

обучение молодежи в соответствии со специализацией мастерских;

создание произведений церковного искусства и художественных ремесел (иконы, стенопись, архитектурные и печные изразцы, резьба по дереву и камню, предметы художественной ковки и пр.), необходимых для восстановления и реставрации монастырских храмов;

изготовление предметов богослужебного облачения и церковного обихода для монастырских храмов;

производство сувенирной продукции для продажи в монастырской лавке, на православных выставках и ярмарках.

III. Музей памяти Святейшего Патриарха Никона

1. Занимается научно-исследовательской работой по истории и архитектуре Воскресенского монастыря и Русской Палестины.

2. Создает экспозицию Музея памяти Патриарха Никона, тематические, юбилейные и другие выставки.

3. Формирует в электронном виде архив из документов и изобразительных материалов по истории Нового Иерусалима, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, в Историческом архиве Москвы, Государственном Историческом музее, Музее архитектуры имени В.А. Щусева, Музее истории религии, Российской государственной библиотеке и в других учреждениях Москвы и Петербурга.

4. Комплектует фонд музейных предметов, организует их учет, хранение и реставрацию.

5. Ведет фотолетопись монастырской жизни.

6. Обеспечивает монастырское Училище церковных художеств необходимым иконографическим и научным материалом.

7. Совместно с монастырским издательством и паломническим центром обители участвует в организации и проведении ежегодных Никоновских чтений, в подготовке экскурсоводов, в работе над путеводителями и научно-просветительскими изданиями.

IV. Монастырская библиотека

1. Комплектует фонд рукописей, старопечатных и современных книг в печатном и электронном виде по следующим направлениям:

богослужебная литература;

творения святых отцов Церкви;

аскетическая, духовно-нравственная, церковно-историческая литература;

учебники (Закон Божий, Основы православной культуры, Грамматика церковнославянского языка, Палеография и др.);

энциклопедии, словари, справочники;

издания по истории церковного зодчества и изобразительного искусства (альбомы, монографии, сборники научных статей);

труды настоятелей и братии Воскресенского монастыря XVII–XXI вв.

2. Осуществляет учет и хранение библиотечного фонда, составляет в электронном виде каталоги своего собрания.

3. Поддерживает связи с Российской государственной библиотекой, Исторической библиотекой, с другими книжными собраниями и букинистическими магазинами. Заказывает электронные копии и ксерокопии нужной литературы.

4. Обслуживает насельников и сотрудников монастыря, учащихся Православной гимназии и Училища церковных художеств.

V. Монастырское издательство «Новый Иерусалим»

Занимается редакторской подготовкой, верстской и тиражированием:

духовно-просветительской литературы;

изданий по Святой Земле, истории Воскресенского монастыря и Русской Палестины;

путеводителей, буклетов, календарей, открыток и другой памятной и сувенирной продукции для паломников и богомольцев;

формирует издательскую фототеку.

VI. Паломнический центр

1. Организует и проводит экскурсии:

по Воскресенскому монастырю и Музею памяти Святейшего Патриарха Никона;

по святым местам Нового Иерусалима и Русской Палестины.

2. Обеспечивает подготовку монастырских экскурсоводов, создает совместно с Музеем Патриарха Никона научно-методическую документацию.

3. Поддерживает связи с духовными и воскресными школами, паломническими службами монастырей и храмов Москвы и Московской области.

4. Организует паломнические поездки в Святую Землю, по святым местам России и стран христианского мира.

5. Совместно с издательством Воскресенского монастыря участвует в создании путеводителей по Новому Иерусалиму и Святой Земле, буклетов, карт, открыток и другой продукции для паломников.

VII. Сельскохозяйственное подворье

1. Включает: животноводческую ферму; огородничество; садоводство; пчеловодство; выращивание лекарственных трав; рыбное хозяйство.

2. Обеспечивает продуктами питания насельников и паломников обители.

3. Осуществляет продажу продуктов собственного производства в монастырских лавках, на православных выставках и ярмарках.

* * *

Концепция развития Воскресенского монастыря предполагает, что Новый Иерусалим будет восстанавливаться как великая святыня христианского мира и как современный духовно-воспитательный и образовательный центр, призванный раскрывать всем, и особенно молодежи, душеполезный смысл нетленных ценностей нашего Отечества.

В.П. Гришин
Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»

РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Ансамбль Ново-Иерусалимского монастыря был взорван немецко-фашистскими захватчиками 10 декабря 1941 года. Взрывами были разрушены все восемь башен крепостной стены, Надвратная церковь, Воскресенский собор, Трапезные палаты. Реставрационно-восстановительные работы по ансамблю начались уже в 1942 году. Первые годы проводились работы по разминированию территории и разборке завалов. Реставрационными работами в послевоенные годы руководили архитекторы П.Д. Барановский, А.М. Климанов, Е.Г. Ефремов, инженер Б.Ф. Вологодский. Несколько позже — архитекторы О.И. Пруцин и Л.К. Россов.

В 50—60-х годах XX века были восстановлены: комплекс Трапезных палат, где вновь открылся Московский областной краеведческий музей, Гефсиманская и Дамасская башни, три яруса надвратной церкви. В начале 70-х годов — Сионская башня и башня Давидов дом, а также верхние яруса надвратной церкви. По Воскресенскому собору проводились консервационные и укрепительные работы. Так, архитектор П.Д. Барановский предлагал три варианта консервации ротонды. Уже в 1970 году делались попытки определить с помощью воздушного шара высотные отметки шатра ротонды. Была произведена фотофиксация ротонды вместе с поднятым над нею шаром, а затем эти снимки совместили со старыми фотографиями шатра.

С приходом в музей в 1973 году нового директора В.Ф. Нижегородова восстановительные работы в течение двух десятилетий получили новый импульс, а главное — непрерывно финансировались благодаря его авторитету в Управлении культуры Московской области. За два десятилетия были восстановлены Елизаветинские ворота, башни Варуха и Ефремовская. Перестроена и приспособлена под выставочные залы хозяйственная постройка (за стенами монастыря). Отреставрированы и приспособлены под фондохранилища Солодовые, Караульные и Патриаршие палаты. Проводились работы по благоустройству территории перед главным входом в монастырь. Была выведена из аварийного состояния Богоявленская пустынь Патриарха Никона. Большие восстановительные и исследовательские работы проводились по Воскресенскому собору. В 1975 году была возведена глава над крестовой частью храма, в 1980—1990-х годах восстановлен шатер ротонды Гроба Господня. Осуществлялась реставрация на фасадах храма, а также в интерьерах подземной церкви и в приделах Воскресенского собора.

Подробно и обстоятельно об этих работах и исследованиях рассказано в первом сборнике «Никоновские чтения» (2002 год) в статьях В.П. Гришина, Л.М. Чернениловой и Г.М. Зеленской[1].

Над восстановлением уникального декора Воскресенского собора (изразцовым убранством XVII–XVIII веков и лепным декором XVIII столетия) трудились бригады под руководством В.А. Минина и В.А. Кочина. Работы возглавляли архитекторы Б.Л. Малхасов, Г.А. Ларионов, В.П. Гришин, Г.В. Алферова, Н.А. Любимова, инженер Н.П. Смирнов. В исследованиях и обмерах участвовали архитекторы М.Б. Черныш ов, Л.Э. Тепфер, искусствовед Т.В. Бугаева.

В эти же годы по решению Мособлисполкома было начато создание музея деревянного зодчества под открытым небом (филиал музея «Новый Иерусалим»). На живописную территорию вблизи монастыря намечалось перевезти 70 памятников, но в итоге установили только четыре (ветряную мельницу из с. Кочемлево Тверской области, крестьянскую усадьбу Кокорина из с. Выхино, часовню из с. Сокольники, церковь Богоявления из Пушкинского

района Московской области). К сожалению, церковь Богоявления, переданная в пользование Воскресенскому Ново-Иерусалимскому ставропигиальному монастырю, в 2000 году сгорела.

Надо отметить, что до 1995 года все объекты Воскресенского монастыря находились на балансе Производственного бюро Управления культуры Мособлисполкома. По распоряжению Правительства Российской Федерации от 9 октября 1995 года № 1380-р Русской Православной Церкви (Московскому Патриархату) переданы четыре объекта Ново-Иерусалимского монастыря, в том числе Воскресенский собор, в бессрочное безвозмездное пользование.

Если основные процессы реставрации Воскресенского собора в XX веке описаны в сборнике «Никоновские чтения», то работы по объектам музея не нашли своего отражения в публикациях. Поэтому остановлюсь на описании работ, которые проводились на объектах, занимаемых музеем и монастырем.

1995—2001 годы

Весной 1995 года сложилась аварийная ситуация на северном склоне монастырского холма. Произошли оползни грунта, в результате чего возникла угроза обрушения северной части крепостной стены с двумя крепостными башнями. Для принятия мер по прекращению оползневых процессов и укреплению холма при Управлении культуры Московской области была создана комиссия из ведущих специалистов.

Холм укрепили буроинъекционными сваями и армированными распорными конструкциями «Спицы-фермы». Проведены дренаж этого участка, вертикальная отсыпка и выравнивание склона. Работами руководили инженеры Г.Б. Бессонов и И.Г. Стрельбицкий.

Дворец царевны Татьяны Михайловны

Работы велись в 1995—1996 годах. Вместо рубероидной кровли сделана оцинкованная. Выполнены отделочные работы на фасадах и в интерьерах, установлены оконные решетки и дверные блоки, положены новые дощатые полы. На северном фасаде пристроено деревянное крыльцо с тамбуром.

Церковь Рождества Христова

В 1997—2001 годах проведены реставрационные и отделочные работы фасадов храма, включая вычинку кирпичной кладки, перетирку штукатурки и покраску стен.

Выполнен ремонт стропильной системы кровли. Воссозданы печные трубы с вентиляционными каналами.

В интерьере выполнены отделочные работы и восстановлены металлические воздушные связи.

Работы проводились под руководством архитектора М.Ю. Горячевой.

Аварийный участок крепостной стены между Елизаветинской и Иноплеменничьей башнями

Проведены инженерные работы по укреплению кирпичной кладки стен и фундаментов методом инъектирования. Восстановлен верхний участок крепостной стены. Заново выполнена кровля, обмазка и побелка фасадов.

Работы велись в 1997—2001 годах.

Аварийный участок крепостной стены.
Восточный фасад до начала реставрации

Аварийный участок крепостной стены.
Западный фасад в процессе реставрации

Западный Братский корпус

Выполнена новая кровля из оцинкованного железа.

2004–2005 годы

Работы в данный период по всем объектам, кроме западного Братского корпуса, осуществлялись архитектурно-реставрационной мастерской «Аркада-НТ».

Святые врата

В 2004 году установлены новые металлические и деревянные резные ворота по проекту архитектора В.П. Гришина.

Трапезные палаты. 1 этаж.
Бывшая церковь
Избиения младенцев
и примыкающие к ней залы

Проведены отделочные работы в интерьерах. Металлические оконные блоки заменены на дубовые. Выполнен ремонт электрооборудования.

Трапезные палаты. 2 этаж.
Южная палата и бывшая церковь
Трех святителей
при Царском дворце

Проведены отделочные работы в интерьерах, в том числе устройство новых паркетных полов из лиственницы, ремонт и остекление оконных металлических блоков. Установлены новые оконные деревянные блоки и решетки. Заменены кровли и выполнен ремонт электрооборудования.

Северная Трапезная палата

Проведены отделочные работы, включая устройство новых полов из лиственницы, ремонт и остекление металлических оконных блоков, ремонт электрооборудования. Под полом найдены печные полихромные рельефные изразцы XVII века.

Восточный фасад
Трапезных палат

Проведены отделочные работы. Укреплены фундаменты двух пилонов в восточной части галереи. Отремонтированы и укреплены гипсовые оконные наличники, установленные в 1950–1960-х годах. Следует отметить оригинальный прием реставрации, позволивший, не выбивая старые белокаменные блоки, имитировать богатые наличники в стиле барокко.

Архимандричьи палаты

Отремонтированы и окрашены кровли. Произведены отделочные работы на фасадах и в интерьере. Выполнен ремонт электрооборудования.

Проведена замена оборудования котельной музея.

Солодовые палаты

В 2004 году проведены работы по ремонту системы отопления с заменой разводки труб и чугунных батарей на новые, современные. Восстановлены исторические вентиляционные внутристенные каналы.

На крыше палат установлены четыре дымовые трубы, приспособленные под вентиляцию[2].

Покрашена кровля. Проведен ремонт электрооборудования.

Западный Братский корпус

В 2004 году на средства музея по периметру здания сделана отмостка.

Территория монастыря

В 2005 году был произведен ремонт пешеходной дорожки к югу от Воскресенского собора, выполненной из клинкерного кирпича.

2006 год

Трапезные палаты

Проводились следующие работы по центральной палате: отделка интерьера, устройство новых полов из лиственницы, ремонт и остекление оконных блоков, ремонт электрооборудования. Изготовлены и установлены два дверных блока из дуба в южную и северную палаты.

При разборке полов 60-х годов XX века в западной части палаты обнаружена кирпичная стена, проходящая с севера на юг. Это, вероятно, стена, оставшаяся от «каменных служб» первой половины 60-х годов XVII столетия. На западной стене, ниже уровня пола,

Замена полов
в южной трапезной палате

Центральная трапезная палата.
Стена «каменных служб» 60-х гг. XVII в.

Южная трапезная палата
после реставрации

обнаружены ниши от старых вентиляционных каналов.

В поперечном направлении, с востока на запад, на разном уровне проходят металлические связи, которые при восстановлении палат в 60-х годах XX века были отремонтированы и «доварены».

Больничные палаты

Выполнены отделочные работы в интерьере. Произведен ремонт электрооборудования, установлены оконные блоки из дуба по старому образцу, заменены дверные блоки.

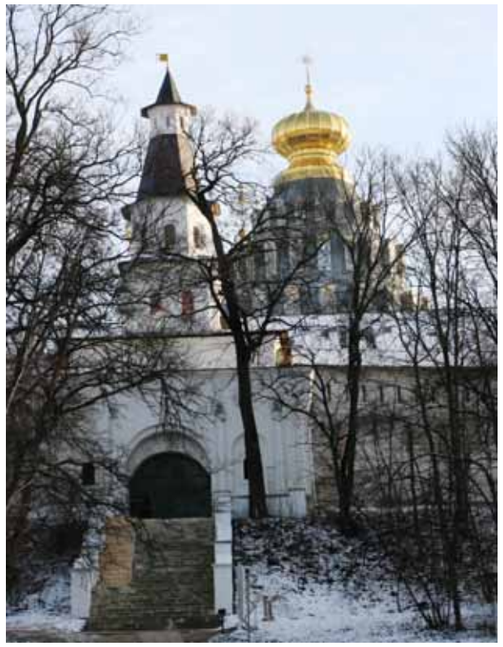
2007 год

Надвратная церковь

Выполнены отделочные работы по фасадам храма и в арках Святых ворот, произведены докомпоновка и укрепление белокаменной кладки по первому ярусу, ремонт контрфорсов. Установлены водосточные трубы.

Надвратная церковь в процессе реставрации

Надвратная церковь
по окончании реставрационных работ



Елизаветинская башня (вверху)
и западная лестница в процессе реставрации

Елизаветинская башня

Выполнены отделочные работы по фасадам и в интерьере первого яруса. Проведена гидроизоляция открытого гульбища и замена белокаменного покрытия на уровне боевого хода крепостной стены. Установлены водосточные трубы. Реставрирована белокаменная лестница.

2008 год

Трапезные палаты

На первом этаже в 16 оконных проемах вместо металлических рам установлены новые, изготовленные из дуба. Установлены также три дверных дубовых блока. Выполнены отделочные работы в интерьере западной галереи. Уложены новые белокаменные полы в одностолпном подвале.

Церковь Рождества Христова покрыта медной кровлей (на средства монастыря).

Квасные палаты

Изготовлены и установлены четыре оконных блока. В подвальном помещении

Западная лестница в процессе реставрации

проведены отделочные работы и устроены дощатые полы.

Работы по музейным объектам 2007—2008 годов осуществлялись ЗАО «Денекс».

2009 год

Крепостная стена.
Юго-восточное прясло
от надвратной церкви
до Гефсиманской башни

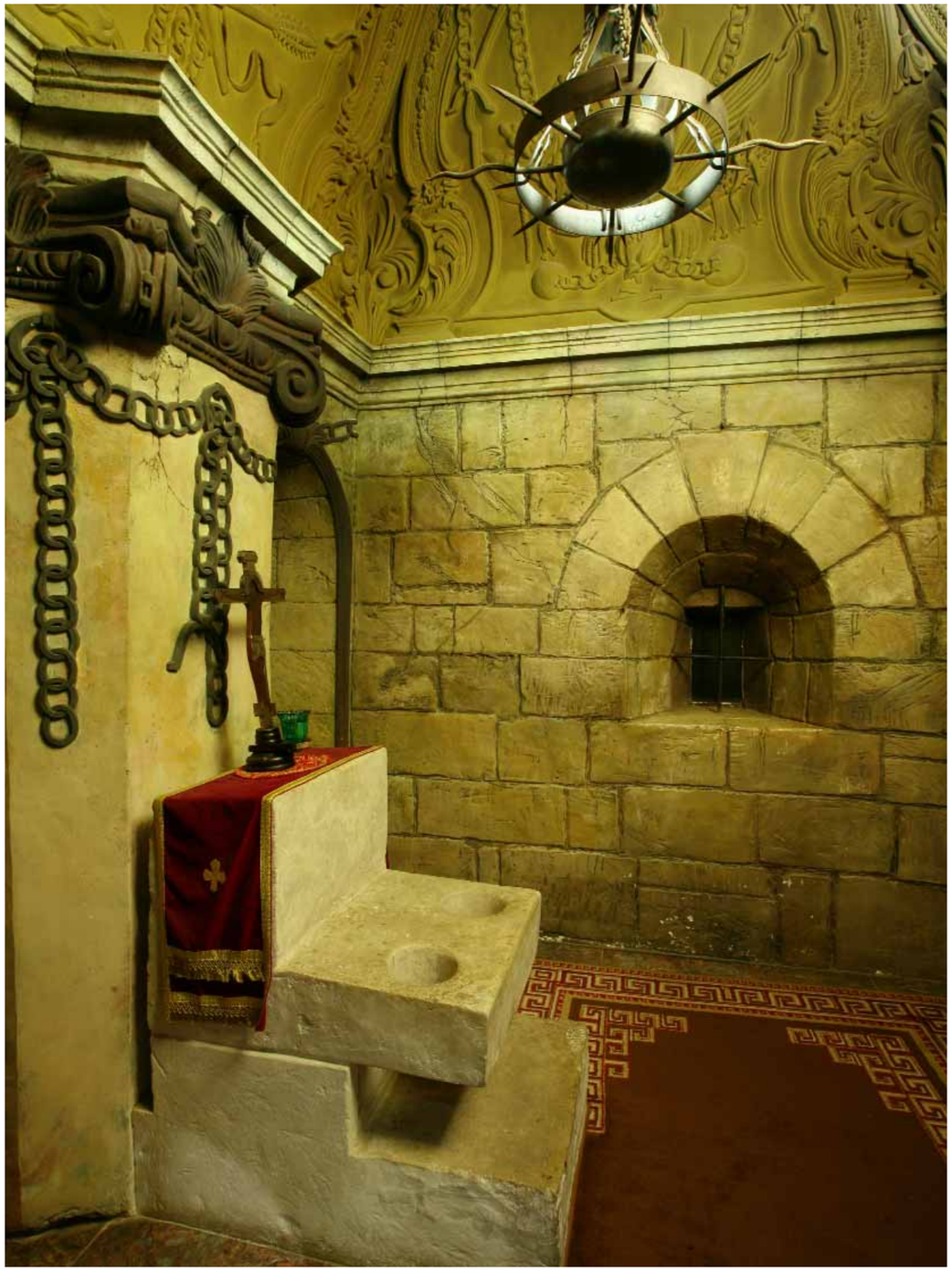
Выполнены отделочные работы по стене. Произведена реставрация кирпичной выстилки по боевому ходу с устройством гидроизоляции и установкой белокаменных водометов. Заменены кровля и обрешетка по боевому ходу. Укреплен аварийный участок стены в месте примыкания к Гефсиманской башне.

Гефсиманская башня

Проведены отделочные работы на фасадах, заменено кровельное покрытие по шатру и обходу башни.

Деформация кладки крепостной стены

Юго-восточное прясло крепостной стены и Гефсиманская башня
в процессе реставрационных работ



Свод Темницы в Успенской церкви.
Произвольная раскраска лепнины XVIII в.

Свод Темницы в Успенской церкви.
Произвольная раскраска лепнины XVIII в.

Работы 2009 года осуществлялись архитектурно-реставрационной мастерской «Аркада-НТ».

Трапезные палаты

Проведены ремонт и окраска кровли. Осуществлен ремонт белокаменной площадки у восточного фасада Архимандричьих палат. Устроены белокаменные полы в помещении бывшей церкви Поклонения волхвов.

* * *

В связи с передачей Воскресенского собора и храма Рождества Христова Ново-Иерусалимскому монастырю мы выделяем перечень ремонтно-реставрационных работ по этим объектам в отдельный тематический раздел.

Воскресенский собор

С 1999 по 2007 год реставрационные работы проводились Воскресенским Ново-Иерусалимским ставропигиальным монастырем под руководством архитектора М.Ю. Горячевой.

1999 год, ноябрь

Разобраны строительные леса в интерьере ротонды, простоявшие более 25 лет.

В приделе Успения Пресвятой Богородицы в основании керамического иконостаса установлены недостающие изразцы (10 целых и 4 половинчатых) с цветочным орнаментом.

В Темнице Христовой (трапеза Успенского придела) поновлен и произвольно раскрашен лепной декор, стены расписаны «под камень», устроены новые полы, изготовлено паникадило.

В помещении за алтарем придела Собора Архистратига Михаила установлен камин, облицованный изразцами, стилизованными под композицию «Неопалимая купина» XVII века.

Работы по оформлению интерьеров выполнялись керамистом А.В. Романовским.

Интерьер ротонды Гроба Господня.
Белокаменная выстилка пола в виде лучей, расходящихся от Кувуклии

2001 год

Установлена к югу от Воскресенского собора металлическая конструкция, куда перенесен стопудовый Трехсвятский колокол 1666 года.

Полностью вскрыты полы в ротонде Гроба Господня, убран строительный мусор. При этом открылись древние белокаменные выстилки-площадки из необработанных блоков, расходящиеся лучами от Кувуклии. Пустое пространство между белокаменными лучами было в процессе работ выложено современным кирпичом.

Во время выстилки пола в западной части галереи ротонды обнаружено захоронение в виде кирпичного склепа. Погребение когда-то было вскрыто, так как место разборки заложено двумя чугунными плитами.

В южной части галереи ротонды, к востоку от придела Зачатия святой Анны, под полом обнаружены остатки фундамента от каменной преграды XVII века. Таким образом, подтвердилось существование преграды, изображенной в данном месте на чертеже XVIII века архитектора И.Ф. Мичурина. В процессе вычинки пола местоположение преграды было условно обозначено двумя кирпичными выступами на полу у стен галереи ротонды.

2002 год

Проведены консервационные работы в приделе святой равноапостольной Марии Магдалины в северной галерее ротонды Гроба Господня. Расчищен от строительного мусора и укреплен беломраморный алтарь, сооруженный по проекту архитектора М.Ф. Казакова в виде полуротонды с изящными колоннами.

Алтарь придела св. Марии Магдалины
после укрепления

Завершения подземной церкви
в процессе замены покрытия

2003–2007 годы

Выполнен ремонт кирпичной кладки алтарной стены собора и проведены работы по вычинке и укреплению белокаменного профилированного цоколя по всему периметру храма.

Значительная часть «великой церкви» покрыта медной кровлей. Сделана кровля на заалтарных приделах собора, на подземной церкви, включая лантернины и главу. В процессе работ были обнаружены на металлических журавцах клейма с датой «1761 год».

Технология производства состояла из следующих этапов: расчистка и огрунтовка металлической конструкции кровли, устройство сплошной дощатой обрешетки, покрытие медными листами.

Окрашены зеленым цветом пять куполов заалтарных главок собора.

Фрагмент белокаменного цоколя
Воскресенского собора в процессе вычинки

После краткого перечня работ, проведенных на объектах ансамбля, хотелось бы обобщить и технологические процессы, и методы, которые внедрялись в процессе производственных реставрационных работ.

1. Технология укрепления и докомпоновки черепка изразцов методом «контакт» (разработана в начале 1980-х годов в Объединении «Росреставрация»), которая позволяет реставрировать изразцы на месте (непосредственно на объекте), не выбивая остатки изразцов. Этот так называемый холодный метод докомпоновки включает в себя долепку изразца из кирпичной крошки, грунтовку, покраску и покрытие лаком.

Этим методом прекрасно овладели керамисты В.А. Минин, А.В. Романовский, Н.Е. Любимов. Проведенные ими работы в 1980-х — начале 1990-х годах на фасадах и в интерьере Воскресенского собора доказали надежность и состоятельность такой технологии.

2. Технология обжиговой керамики. Сложность воспроизведения изразцов XVII века состояла не только в подборе цветовой гаммы поливы, но и в больших габаритах изразцов, воспроизводстве уникальной рельефной проработки. Большой объем таких изразцов был выполнен на главе Воскресенского собора. Изразцы обжигались в керамической мастерской треста «Мособлстройреставрация» в Коломне керамистом Л.В. Кондаковым в конце 1970-х годов. Автор проекта керамического убранства большой главы Воскресенского собора архитектор Н.С. Любимова принимала непосредственное участие в приемке и установке изразцов. К сожалению, ныне керамическое убранство главы имеет многочисленные утраты в виде осыпей.

3. Технология укрепления, докомпоновки, метод расчистки и крепления лепного декора XVIII века на металлических «пиронах» из цветного металла разработан и применен скульптором В.А. Кочиным в 1980-х — начале 1990-х годов. Лепной декор в нескольких приделах собора и в подземной церкви восстановлен по этой технологии. Подробный отчет по работам, которые проводила Межобластная специализированная научно-реставрационная производственная мастерская Объединения «Росреставрация», находится в Техотделе музея «Новый Иерусалим».

4. Технология отливок имитации белого камня. Этот метод был применен на Большой главе Воскресенского собора. Карниз барабана главы выполнен из белого люберецкого песка и цемента. Заливка профилированных форм производилась одновременно с вибрацией, для уплотнения раствора.

5. Технология работ по реставрации металлического чеканного иконостаса 50-х годов XVIII века в подземной церкви. Здесь были применены различные приемы по расчистке, докомпоновке, креплению старых деталей и изготовлению новых деталей при сборке чеканного иконостаса в 1987—1991 годах. Руководил работами Н.С. Коваль.

6. Впервые в музее применена технология осушения каменных конструкций Патриарших палат в конце 1980 года. В цокольной части здания в пробуренные под разным наклоном отверстия нагнетали раствор, который закупоривал все пустоты в фундаменте здания. В результате проведенных работ в помещениях палат установился нужный микроклимат.

7. Укрепление монастырского холма буроинъекционными сваями и армированными «фермами-спицами» в 1995—1997 годах. Автор проекта — инженер Г.Б. Бессонов.

8. Инъектирование и укрепление кирпичных стен и бутовых фундаментов Иноплеменничьей башни и аварийного участка крепостной стены под руководством архитектора И.Ю. Коровина в 90-х годах XX века.

9. Стереофотограмметрические расчеты по определению габаритов утраченных частей памятника. Выполнил архитектор М.Б. Чернышов († 2009) в конце 70-х — начале 80-х годов XX века. Расчеты легли в основу проекта реставрации Воскресенского собора 1982 года. Этот метод при наличии старых фотографий можно применять на любом объекте с утраченными объемами памятника.

Хотелось бы надеяться, что перечисленные методы найдут дальнейшее применение в реставрации памятников истории и культуры.

В ближайшее время предстоят колоссальные по объему и сложности реставрационные работы по керамическому убранству Нового Иерусалима, необходимо проанализировать положительные и негативные результаты

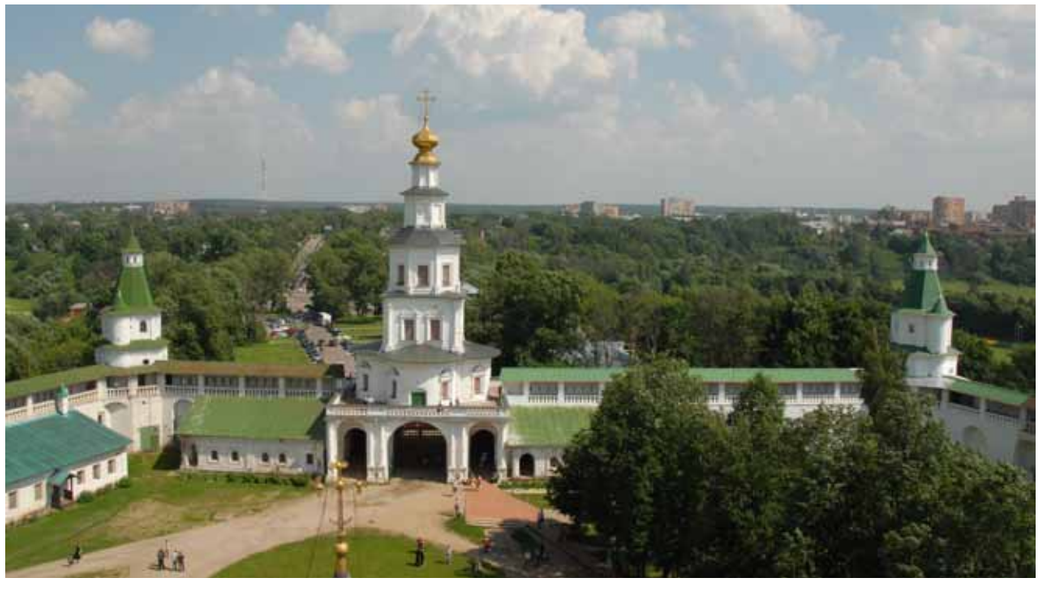
Игумен Феофилакт (Безукладников)
Воскресенский Ново-Иерусалимский ставропигиальный монастырь

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО СТАВРОПИГИАЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ. ПРОБЛЕМЫ, ПРИОРИТЕТЫ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь представляет собой великую святыню вселенского Православия и уникальный памятник богословской мысли, выраженной в объемно-планировочных решениях, архитектурных формах, декоративном убранстве, в особенностях топографии и топонимики соборных храмов и придельных церквей. Вершиной этой мысли был период XVII века, особенно середина столетия (1656–1666 годы), когда всеми строительными работами в обители руководил ее основатель, Патриарх Московский и всея России Никон (1605–1681).

Монастырские сооружения частично перестраивались и оформлялись в стиле барокко во второй половине XVIII века. Почти все они пострадали в годы воинствующего безбожия и Великой Отечественной войны и были частично восстановлены во второй половине XX столетия. Работа по реставрации такого комплекса чрезвычайно сложна и требует прежде всего точно поставленных целей и четко обозначенных приоритетов.

Особенно это относится к центральному сооружению обители – храму Воскресения Христова, сооруженному как топографиче-



Вид на Елеон с кровли Воскресенского собора

ская копия храма Гроба Господня в Иерусалиме, но с использованием традиционных для древнерусского зодчества архитектурных форм и обильного изразцового убранства, воплощающих образ храма-града, Иерусалима Горнего. Вместе с тем Воскресенский собор создавался и как архитектурный месяцеслов, храм-икона Всех Святых с первоначальным замыслом устроения в нем приделов по числу дней в году. Важнейшей особенностью собора являются его многочисленные изразцовые и высеченные в камне надписи, благодаря которым он всегда был храмом-проповедью, предназначенной для духовно-нравственного просвещения богомольцев и паломников. Кроме того, Воскресенский собор – это драгоценный ковчег, где хранилось множество икон, палестинских реликвий и киотов с частицами святых мощей угодников Божиих.

В главном храме обители сохранились уникальные творения церковного искусства, созданные в XVII–XVIII веках мастерами из России, Украины и Белоруссии. Не случайно Воскресенский собор называют хрестоматией по художественной культуре нашего Отечества.

Все это предопределяет особое отношение к восстановлению Нового Иерусалима. Воскресенская обитель должна стать и монастырем, растущим, как писал ученик Патриарха Никона архимандрит Герман, «яко древо плодовито», и духовным центром, сердцем Русской Палестины. Образы палестинских святынь существуют во многих странах христианского мира, но нигде не была создана столь иконографически полная, всецело православная пространственная икона Святой Земли, какую являет собой Новый Иерусалим.

РУССКАЯ ПАЛЕСТИНА

Восстанавливая Воскресенский монастырь, где сосредоточены образы Вифлеема и Иерусалима, где можно поклониться вертепу Рождества Христова, взойти на Святую Голгофу и припасть к Живоносному Гробу Господню, мы должны понимать, что нам предстоит также работа на прилегающей к монастырю обширной территории, где протекает Истра-Иордан, возвышаются горы Фавор, Ермон, Елеон.

Последние исследования говорят о том, что в данном месте на Истринской земле издревле существовала «предуготованная Богом» Русская Палестина, ибо здесь находились в XVI — начале XVII века деревянные храмы Рождества Христова, Преображения, Воскресения и Вознесения Господня, расположение которых относительно друг друга и сторон света соответствовало евангельской топографии Святой Земли[1]. Новый Иерусалим создан в центре этой священной ограды, существующей в виде приходских храмов и в наши дни. Уже возобновилась традиция крестных ходов из Воскресенского монастыря к Елеонскому кресту в праздник Вознесения Господня, совершается Божественная литургия во временных церковных строениях на Елеоне, близ Фавора и на месте Вифании.

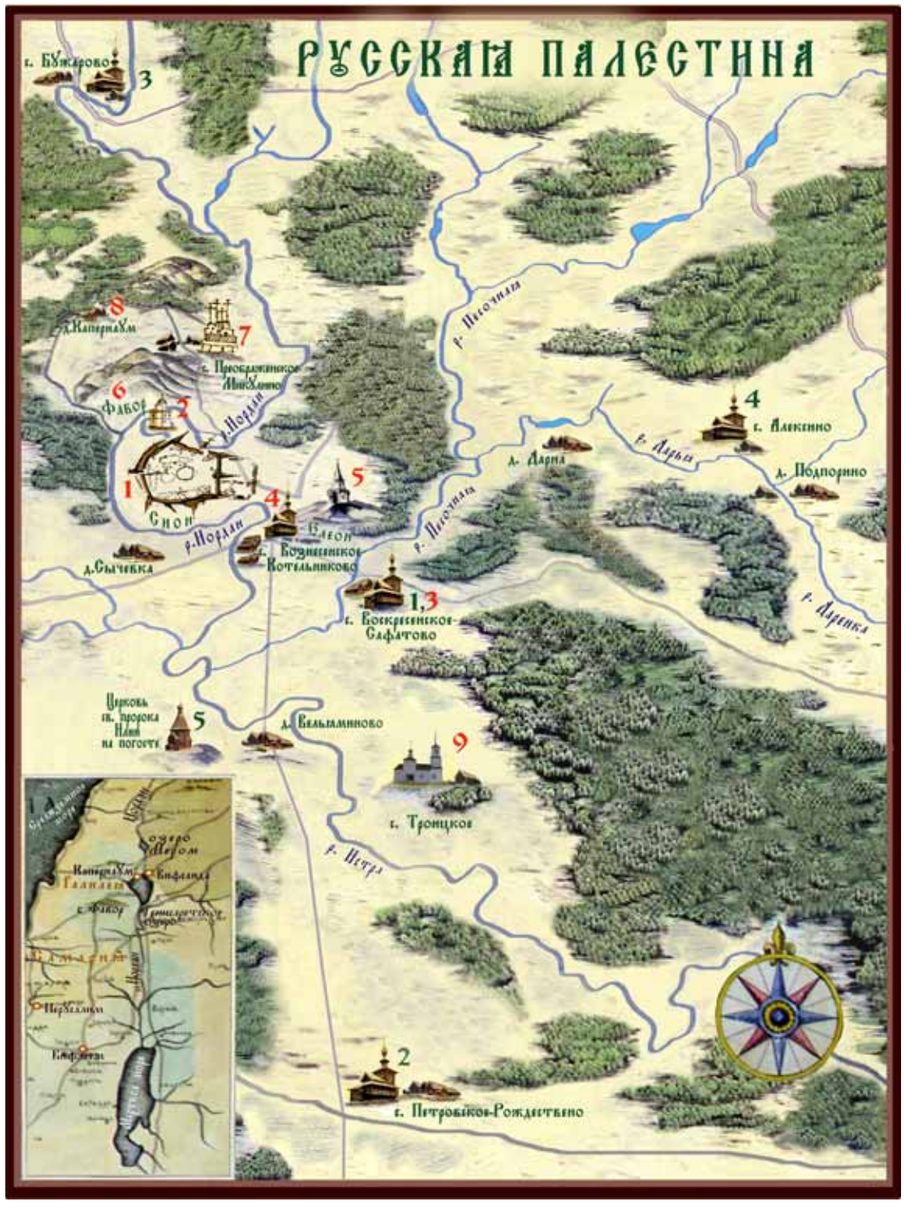
Святые места Русской Палестины, где были воспроизведены священные первообразы, связанные с земной жизнью Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и святых апостолов, — это наше духовное наследие, и необходимо разработать концепцию их церковного возрождения. Думается, наряду с приходскими храмами здесь должны быть построены часовни, водружены поклонные кресты, установлены памятные знаки.

СВЯТЫЕ МЕСТА БЛИЗ МОНАСТЫРЯ

Территория близ Воскресенской обители нуждается в благоустройстве и восстановлении водных артерий — Кедронского потока, прудов, канала вокруг Богоявленской пустыни Патриарха Никона.

Всю землю в излучине реки Истры-Иордана, огибающей Воскресенскую обитель с трех сторон, следует передать монастырю. Здесь должны быть обустроены святые места и создано подсобное монастырское хозяйство. Предстоит восстановить утраченные сооружения, особенности естественного и рукотворного ландшафта и, главное, изначальное предназначение земли – быть кормилицей человека.

Кроме того, на данной территории могут располагаться братские келлии и скит, что позволит развивать в Новом Иерусалиме разные формы монашеского общего и отшельнического жития.



РУССКАЯ ПАЛЕСТИНА. СХЕМАТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НА КОНЕЦ 70-х ГОДОВ XVII В.
I. «Предуготованная» Палестина в конце XVI — первой половине XVII в.
1 – церковь Воскресения Христова в с. Сафатове (местоположение условное); 2 – церковь Рождества Христова в с. Петровском; 3 – церковь Преображения Господня в с. Бужарове; 4 – церковь Вознесения Господня в с. Алексине; 5 – церковь святого пророка Илии на погосте.
II. Новый Иерусалим в середине XVII в.
1 – монастырь Воскресения Христова на холме Сион; 2 – Богоявленская пустынь; 3 – женский Вифанский монастырь в с. Сафатове; 4 – церковь Вознесения Господня в с. Вознесенском; 5 – крест на холме Елеон (с 1686 г. — Елеонская часовня); 6 – холм Фавор; 7 – церковь Преображения Господня в с. Микулине-Преображенском; 8 – деревня Капернаум; 9 – церковь Живоначальной Троицы в с. Троицком (с 1675 г.)

Богоявленская пустынь.
Современный вид

Богоявленская пустынь с оградой XIX века
в процессе восстановления. *2009 г.*

Следует сказать, что уже сейчас чувствуется необходимость в создании на реке Истре обустроенного места для Святого Крещения, принять которое в водах Русского Иордана стремятся многие люди. Это место должно включать в себя, кроме баптистерия, и приходской, приписной к монастырю храм, который можно посвятить Собору Предтечи и Крестителя Господня Иоанна – в воспоминание монастыря Иоанна Предтечи близ Иордана на Святой Земле. Так получит развитие и достигнет календарной полноты тема Крещения Господня – престольного праздника Богоявленской пустыни. У Предтеченского храма целесообразно устроить помещения катехизации и оглашения готовящихся приступить к Таинству Святого Крещения.

Проблему обустройства прилегающей к монастырю территории нужно решать в комплексе, и наилучшим способом представляется создание в окрестностях обители новой церковной архитектуры. Она должна соответствовать:

1) экологическим особенностям и возможностям природных объектов;

2) историческим традициям;

3) зодчеству ансамбля Воскресенского монастыря, особенно стен и башен обители;

4) палестинским первообразам;

5) современным санитарно-техническим требованиям.

Индивидуальное проектирование с соблюдением указанных принципов желательно и при воссоздании утраченных надкладезных часовен под монастырским Сионским холмом. Например, нет необходимости восстанавливать часовню «Силоамская купель» в виде утраченного деревянного шестигранного сруба середины XIX века, который никак не соотносится ни с названием источника, ни с его предназначением быть купелью, ни с архитектурными особенностями монастырских сооружений XVII века близ него.

Мы должны восстанавливать не строительную историю Нового Иерусалима, в которой были периоды и расцвета, и упадка, а, следуя Патриарху Никону, создавать посредством архитектурных форм и церковного убранства образы Святой Земли и Горнего Иерусалима, воплощая в них, по мере возможности, православное вероучение в разных его аспектах (догматики, сотериологии, эсхатологии и пр.).

Крестный ход у Богоявленской пустыни в праздник Происхождения (изнесения)
Честных Древ Животворящего Креста Господня. *2010 г.*

Новый Иерусалим должен развиваться как архитектурно-ландшафтный комплекс, все сооружения которого имеют глубоко продуманную богословскую, церковно-историческую и зодческую программу. К сожалению, в XIX веке эти принципы зачастую подменялись требованиями сугубо практическими. Их воплощение мы видим сегодня в ограде Богоявленской пустыни, которая повторяет сооружение конца XIX столетия. Конечно, возведение вокруг уникального творения Патриарха Никона массивного забора преграждает доступ к нему случайных посетителей и способствует его сохранности, но вместе с тем уничтожает важнейшую особенность образного строя «пустыньки на острову» – «нераздельность и неслиянность» с окружающей средой отшельнического «столпа каменного о четырех апартаментах». Не случайно сооружение ограды вызвало протест православных жителей Истры, написавших открытое письмо в редакцию газеты «Культура»[2].

Будем надеяться, что забор – явление временное и что в будущем дойдет черед до восстановления вокруг Богоявленской пустыни рва, заполненного водой, и возвращения месту изначального вида острова, поскольку это имеет первостепенное значение для многогранной богословской программы скита Святейшего Патриарха Никона.

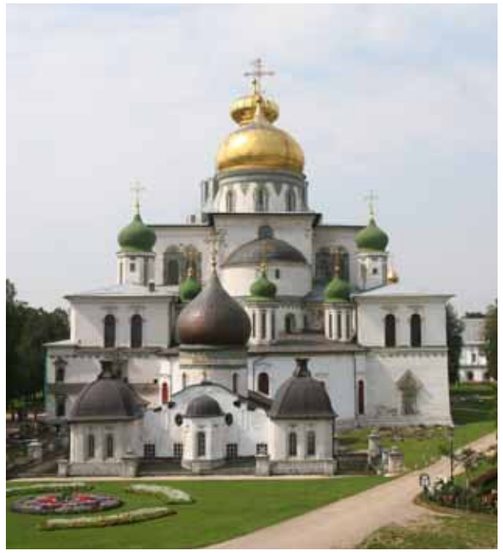
По завершении реставрационных работ и оформления интерьеров Богоявленскую пустынь предполагается использовать в соответствии с историческими особенностями этого здания и с учетом изначального предназначения каждого из четырех этажей.

Первый этаж: часовня, которая может быть общедоступной; служебные помещения. **Второй этаж**: келлии для насельников пусты-

ни. **Третий этаж**: церковь Богоявления, обустроенная для совершения богослужений; трапезная, келлия и «приемная» палата Патриарха Никона, оформленные на основании изобразительных и письменных источников как мемориальные помещения. **Четвертый этаж**: церковь святых первоверховных апостолов Петра и Павла, приспособленная для совершения богослужений; летняя келлия Патриарха.

Церкви и помещения третьего и четвертого этажей будут открыты для посещения паломниками и богомольцами по специальному расписанию.

Предстоит положить много трудов не только на реставрационно-восстановительные работы в ближних окрестностях Воскресенского монастыря, но и на воцерковление этой территории. Сейчас, когда возобновились зимние и летние крестные ходы из обители на Истру-Иордан и к Силоамскому источнику в праздники Богоявления и Происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня, особенно дико видеть на деревьях и кустарниках близ Пустыни плоды современного суеверия в виде лоскутков, привязанных к веткам туристами-язычниками. Тряпочками и металлическими замками увешивается мостик через Кедрон. У Креста, установленного монастырем на берегу Истры-Иордана, собираются и водят хороводы различные сектанты. Летом сюда приезжают отдыхающие, которые устраивают пикники в Гефсиманском саду и ложатся загорать под Крестом. Подобное отношение к святым местам можно изменить только возрождением в окрестностях обители постоянной церковной жизни. Кроме того, в излучине Истры-Иордана с юго-западной стороны следует, согласно Концепции развития монастыря, создать подсобное хозяйство. Оно будет включать в себя: пруды для разведения рыбы; парники; огороды; плантацию лекарственных трав и питомник по выращиванию саженцев; пасеку; конный двор для использования лошадей в хозяйстве и для передвижения паломников по святым местам Русской Палестины. Ближнее подсобное хозяйство позволит обеспечить продуктами питания насельников и паломников обители, а также осуществлять продажу продуктов собственного производства в монастырских лавках, на православных выставках и ярмарках.



Храм Воскресесния Христова.
Вид с востока

НАУЧНОЕ ОСВОЕНИЕ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ

Важнейшей частью процесса восстановления Воскресенского монастыря должны стать научные исследования, направленные на всестороннее изучение строительной и богослужебной истории обители. Сейчас существует реальная возможность археологических, архивных и других изысканий. Нужно использовать ее во всей полноте, не ограничиваясь отдельными шурфами, зондажами или документами. Работы в этом направлении, начатые в 2009 году, следует продолжать и вести постоянно.

Мы должны представлять картину монастырской истории целиком и в деталях, в разрезе четырех веков и в пределах каждого столетия. Это относится к археологии, архитектурному ансамблю обители и внутреннему убранству всех церквей. Изучение должно включать не только фактологический материал, но и анализ его с церковной точки зрения. Без этого мы не сможем осознанно, с учетом смысловой значимости разных эпох восстанавливать столь многослойный памятник. Сказанное относится ко всем сооружениям

монастыря и, особенно, к храму Воскресения Христова.

Воскресенский собор

«Великая церковь» Нового Иерусалима – это многогранный комплекс идей и образов. Отметим основные аспекты богословской и духовно-просветительской программы храма, без постижения и осмысления которых подход к реставрационно-восстановительным работам будет сугубо техническим.

Остановимся на идее Воскресенского собора как архитектурного месяцеслова, на значении его как памятника церковного художества и книжности, на воплощенном в «великой церкви» образе вечной Пасхи в Царстве Небесном и образе храма-града Иерусалима Горнего. При этом будем иметь в виду, что в храме предстоит восстановить не только стены, кровли и внутреннее убранство, но и богослужение по особому Уставу, известному с последней четверти XVII века.

Храм — икона Всех Святых

Восстанавливая главный монастырский собор, следует стремиться к воплощению тех идей, которые были заложены в Новом Иерусалиме Патриархом Никоном. Одна из них – соединение в Воскресенском соборе образа храма Гроба Господня с образом константинопольской Святой Софии. Согласно Новгородскому хронографу XVII века, Патриарх Никон устроил в храме Воскресения Христова «еликож в году дней, толико и престолов, кояждо имеет своя преграждения и двери»[3]. Эта запись почти дословно повторяет текст XIV столетия из «Странствия в Царьград Стефана Новгородца»: «Святы Софеи имат двереи 365, тако ж и престолов»[4].

Святая София после падения Византии представлялась греко-православному миру идеалом церкви с легендарным воспоминанием о том, что в ней приделы были устроены «еже на всяк день святым»[5]. Этот идеал и намеревался воплотить Патриарх Никон.

В случае устроения в Воскресенском соборе престолов по числу дней в году священная топография храма будет являть собой полный

Придел в виде главы на кровле южной галереи Воскресенского собора

извод иконы Всех Святых, где в центре представлено Воскресение Христово (главный престол) в окружении «клейм» Страстей Господних (заалтарные приделы и церковь на Святой Голгофе).

Воплощение в соборе идеи храма-месяцеслова, где каждый день церковного календаря – престольный праздник, органично связано с еще одной идеей, заложенной в Новом Иерусалиме изначально и сформулированной в XVIII веке. Имеется в виду идея совершения богослужений в приделах храма духовенством разных Поместных Православных Церквей[6]. Эти приделы могут быть благоукрашены в традициях храмового искусства данных Церквей и хранить их святыни.

Такое использование главного монастырского собора ставит перед реставраторами новые задачи. Для их осуществления необходимо следующее.

1. Учесть перспективу богослужебного освоения храмового пространства от подземной церкви до глав-приделов на кровлях второго яруса собора и хор в центральной главе Кафоликона.

2. Предусмотреть использование внутристенных помещений (так называемых пала-

ток), галерей и хор храма в качестве места для часовен и приделов.

Напомню, что устроение «палаток» в толще стен храма – это зодческий прием Патриарха Никона, позволивший расширить внутреннее пространство собора, не нарушая его плановое подобие первообразу – храму Гроба Господня в Иерусалиме.

3. Освободить от позднейших прикладок и закладок, если позволяют технические условия, проемы между столпами первого яруса ротонды, а также «палатки» внутри стен.

4. Вернуться, по возможности, к пространственному решению интерьеров храма на XVII век.

5. Обеспечить возможность совершения богослужений и посещения собора паломниками круглый год.

Проект восстановления храма должен включать решение задач, связанных и с особым устройством кровель, и с выходом на них из лестниц и большой главы Кафоликона, и с расширением внутреннего пространства первого яруса Воскресенского собора, и с отоплением всех частей «великой церкви».

Изразцовый иконостас церкви Всех Святых. Общий вид (вверху) и фрагмент фриза с изображением рога изобилия

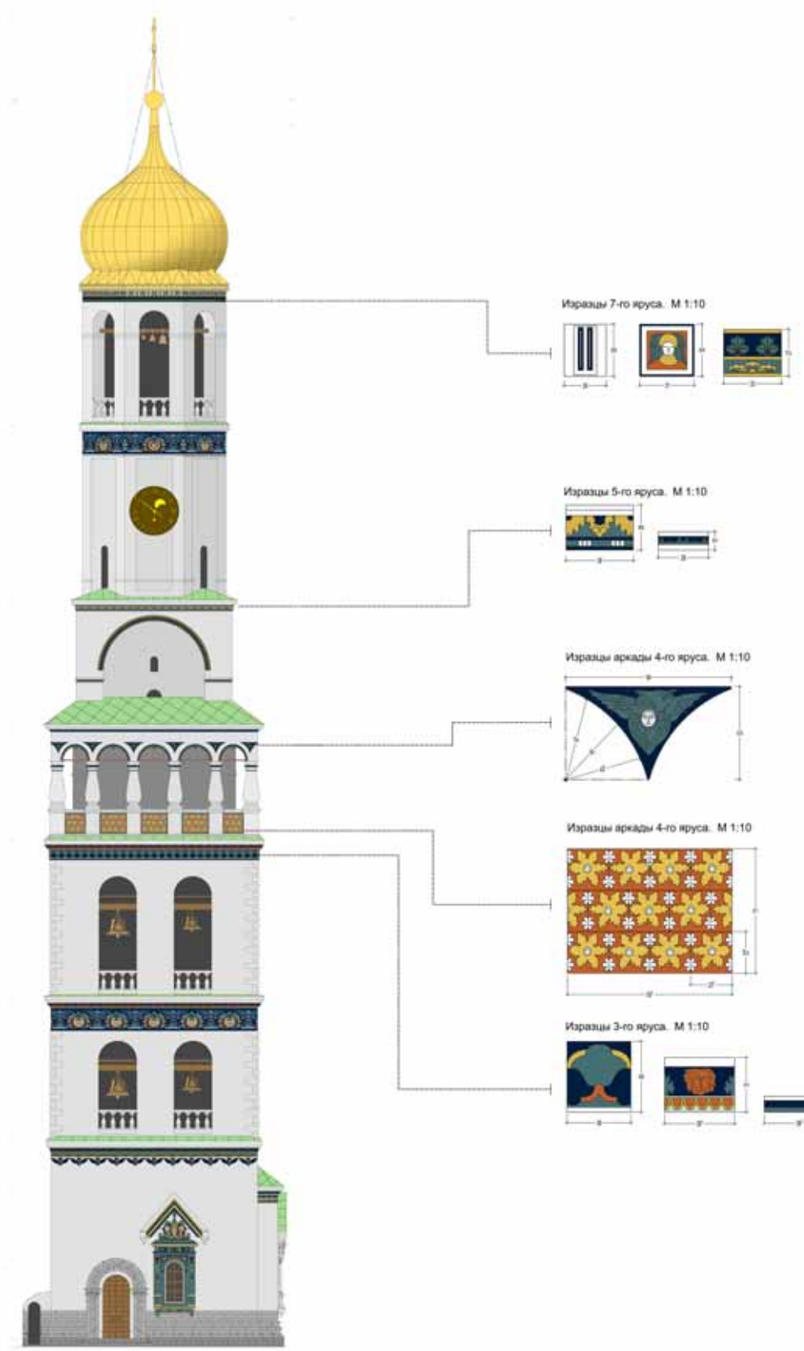
Памятник истории и церковного художества

Очерчивая перспективы восстановления и реставрации главного монастырского храма, нельзя не поставить во главу угла вопрос о бережном сохранении его древних частей. В первую очередь это касается основания разрушенной во время Великой Отечественной войны колокольни, где уцелел уникальный изразцовый иконостас придельной церкви Всех Святых. Следует сделать все возможное, чтобы сохранить кладку стен, особенно в алтаре, и оставить на своем месте, не демонтируя, иконостас XVII века, максимально укрепив его перед началом строительных работ.

В настоящее время архитекторами Центральных научно-реставрационных проектных мастерских созданы два эскизных проекта восстановления колокольни, и вопрос о приоритетах становится особенно насущным.

Колокольня – архитектурный объем Воскресенского собора, где до разрушения сохранялись пласты трех исторических периодов: XVII, XVIII и XIX столетий. Восстановить памятник целиком на один из них невозможно. Оптимальным представляется вариант, где за основу взят облик сооружения конца 40-х годов XVIII века, когда на фасадах колокольни сохранялось изразцовое убранство, имеющее аналоги в Воскресенском соборе, и существовали в первоначальном виде два яруса звона, впоследствии замененные одним. Это даст возможность восстановить набор из 15 колоколов, вылитых в Новом Иерусалиме при Патриархе Никоне. Вместе с тем часовой механизм, который в монастыре несколько раз заменялся на новый, предлагается восстановить в варианте, приближенном к XIX веку.

Что касается интерьера церкви Всех Святых, то здесь следует исходить из наличия и значимости уцелевших элементов убранства. Особую ценность, как было сказано выше, представляет иконостас, который отличается от других изразцовых иконостасов Нового



Эскизный проект восстановления колокольни Воскресенского собора на первую половину XVIII в.
Архитекторы В.Г. Стахин, А.А. Урадовских. 2010 г.

Фрагмент фриза иконостаса в церкви
Всех Святых с изображением двух херувимов (вверху). Изразец с мотивом гирлянды
из плодов на провисающих лентах (внизу)

Кувуклия Гроба Господня. Западный (слева) и северный фасады

Иерусалима фризами над первым и вторым ярусами.

Нижний фриз состоит из изразцов с изображением рога изобилия с плодами — нового для русского искусства мотива, символизирующего плоды духовные. Форма этой композиции, восходящая к античности, получила в христианском искусстве духовно-нравственное содержание. Это прослеживается в гравюрах киевских изданий XVII столетия, где изображения сопровождаются надписями. Мотив рога изобилия в Новом Иерусалиме связан, несомненно, с искусством Малороссии, и включение его в систему иконостаса является программным новшеством. Потеря каждого подлинного изразца из данного фриза невосполнима, несмотря на кажущуюся легкость замены подлинника новоделом.

Не менее значим в богословском и художественном отношении и верхний фриз, состоящий из изразцов с изображением двух херувимов. Один из них с ликом человеческим, другой с ликом львиным. Эта композиция восходит к видению пророка Иезекииля, относящемуся к Дому Божию «будущего века» (Иез. 41:17–19).

Думается, понятно, что следует отнестись к иконостасу не просто бережно, а трепетно и не допустить ни одной потери в процессе реставрационных работ. То же относится и к двум белокаменным плитам с резными эпитафиями погребенным здесь архимандритам Варсонофию († 1680) и Герману I († 1682). Они должны быть реставрированы и сохранены на своем историческом месте в стенах церкви.

В XVII веке храм Всех Святых был опоясан внутри изразцовым фризом с изображением гирлянды в виде провисающей ленты с кистями и плодами. Такой же фриз находился в интерьере ротонды Гроба Господня между вторым и третьим ярусами, где он служил подзором изразцовой надписи «Отдадим Образу пообразное...». В том и другом случае фриз сохранился фрагментарно, но восстановить его в полном объеме вполне возможно. Таким образом, есть все условия для оформления центрального объема церкви под колокольней на XVII век.

Вместе с тем алтарь, где уцелел лепной декор второй половины XVIII столетия, целесообразно воссоздать именно на этот период. На западной стене церкви Всех Святых сохранилось лепное обрамление утраченной медной вызолоченной «таблицы», текст которой повествовал о возобновлении храмового интерьера князем В.М. Долгоруковым-Крымским. Лепной картуш после реставрации может стать рамой для новой «таблицы», посвященной истории церкви и ее вкладчикам.

В колокольне как в капле воды отражаются основные проблемы восстановления Воскре-

сенского собора и его главной святыни – Кувуклии Гроба Господня.

Гроб Господень – духовный центр Русской Палестины. Промыслом Божиим Кувуклия Нового Иерусалима дошла до нас в облике XVII века. Несмотря на многочисленные утраты лицевых пластин керамического убранства и отсутствие настенных росписей, часовня является цельным и самодостаточным архитектурным объемом. Единственная серьезная проблема реставрации этой великой святыни – воссоздание завершения в виде восьмигранного кирпичного шатрика с окнами, который был возведен в первой половине 80-х годов XVII века.

Изобразительными материалами для восстановления венчающей части Кувуклии могут служить близкие по времени аналоги, например, восьмигранный шатрик над Елеонской часовней, сооруженной около 1686 года к востоку от Воскресенского монастыря[7]. Елеонская часовня, утраченная в 30-х годах XX столетия, известна по ряду изобразительных источников, и, что главное, образцом для ее завершения послужил шатрик Кувуклии Святого Гроба. В свою очередь Елеонская часовня Нового Иерусалима с шатровым завершением стала прототипом для часовни близ Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, сооруженной вскоре после Ново-Иерусалимской[8] .

Интересно, что колокольня Воскресенского собора, судя по гравюре начала XVIII века, тоже имела шатровое завершение – вероятно, первоначальное.

Оценивая шатрик Кувуклии с богословской и церковно-исторической точки зрения, нельзя не отметить шатровую форму кивориев, которые устраивались в храмах как образы Гроба Господня.

Шатровое завершение церковного сооружения символизирует в русском зодчестве Воскресение и Вознесение Христово. В Новом Иерусалиме оно связывало Гроб Господень и Елеонскую часовню. Эти памятники богословия в камне должны быть восстановлены в том виде, какой они имели в середине 80-х годов XVII века.

Восстанавливая завершение Кувуклии, приоритет следует отдать тем зодческим идеям, которые были воплощены учениками и последователями Патриарха Никона. И если Кувуклия завершалась, согласно монастырской Описи 1685 года, восьмигранным шатриком с медными «таблицами», где были написаны тексты воскресных тропарей всех восьми гласов, то именно это и подлежит восстановлению, как оптимальный в аспекте монастырской истории вариант.

Тропари над Гробом Господним могли читаться или петься паломниками, но они, подобно словам святителей в изразцовой надписи по окружности ротонды, звучали и сами по себе, наполняя своим зримым присутствием пространство вокруг Гроба Господня славословием воскресшего Спасителя и создавая образ вечной Пасхи в Царстве Небесном. Пасхальные поучения и тексты в надписях ротонды соответствовали уставным особенностям богослужения в Новом Иерусалиме, где молебны у Гроба Господня с чтением Воскресного евангелия, Пасхального канона преподобного Иоанна Дамаскина и возгласами «Христос Воскресе!» – «Воистину Воскресе!» совершались не только по воскресеньям (кроме недель Великого поста), но и в любой день по желанию богомольцев.

Худ. НА. Мартынов.
Елеонская часовня в Новом Иерусалиме.
Рисунок 80-х гг. XIX в.

Концепция восстановления надписей в ротонде и на шатрике Кувуклии Гроба Господня определяет конечную цель реставрации храма Воскресения Христова – возвращение ему многопланового богатства символов и смыслов.

Необходимость сохранить для будущих поколений все пласты истории Нового Иерусалима относится не только к XVII–XVIII столетиям. Столь же бережного отношения заслуживают более поздние и не только сугубо художественные произведения. Известно, например, что в 1904 году под руководством настоятеля монастыря архимандрита (впоследствии митрополита) Серафима (Чичагова; † 1937) был произведен ремонт храма Воскресения Христова. Святитель Серафим, расстрелянный на Бутовском полигоне, причислен к лику новомучеников и исповедников Российских, и будет исторически правильно выявить элементы архитектуры, относящиеся ко времени данного ремонта, и частично, в виде образцов, сохранить их. Это могут быть оконные переплеты, лестницы, фрагменты белокаменной выстилки пола и т. п.

Следует сохранить в неприкосновенности и уцелевшие стенописи, выполненные или поновленные в начале XX века монастырским служителем Михаилом Строевым († 1938), причисленным ныне к лику святых мучеников.

Восстановление Нового Иерусалима — это восстановление нашей исторической памяти. При исследовательских работах в Воскресенском соборе и других храмах нужно выявить и в дальнейшем четко обозначить места захоронений, чтобы паломничество по святым местам обители было и молитвенным поминовением погребенных здесь православных христиан, среди которых есть ученики Патриарха Никона, настоятели, благоустроители и благоукрасители монастыря.

Памятник книжности

Храм Воскресения Христова является памятником не только архитектуры, но и книжности и должен восстанавливаться именно в этом качестве. «Великая церковь» Нового Иерусалима имела множество надписей, выполненных в XVII–XIX столетиях в разной технике: изразцах, резьбе по камню, живописи по дереву, гравировке по вызолоченной меди и т. п. Это святоотеческие и вероучительные тексты, церковные песнопения, эпитафии, исторические указатели и «летописи», в том числе стихотворные.

Надписи составляют своего рода сборник, предназначенный для молитвенного, духовно-назидательного и познавательного чтения, которое совершается в процессе «хожения» по

Плиты «каменного путеводителя»
в Воскресенском соборе

святым местам. Надписи ведут паломников и богомольцев за собой, организуют динамику и ритмику их передвижения, обуславливают остановки и предстояние святыням. Их расположение и содержание «озвучивают» храмовое пространство, выявляя его символику и богослужебное предназначение.

Многие из надписей сохранились на своих первоначальных местах, некоторые утрачены, часть находится в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим». Следует выразить глубокую признательность музею за спасение и сохранение этих памятников эпиграфики, но не может быть сомнений в том, что все подлинники, происходящие из Воскресенского собора и других монастырских храмов, должны в них вернуться. Экспонирование белокаменных плит, деревянных и медных «таблиц» с текстами, отдельных изразцов и других фрагментов надписей в отрыве от тех святых мест, для «озвучивания» которых они предназначены, лишает их главного – духовного смысла.

Фрагменты изразцовой надписи
«Отдадим Образу пообразное...» в ротонде

Плита «каменного путеводителя»
в экспозиции музея «Новый Иерусалим»

Надписи XVII века на стенах Воскресенского собора составляют единое целое с символикой его архитектурных объемов и керамического убранства. Предстоит восстановить эту целостность в первоначальном виде, дополнив ее «таблицами» с историческими «летописями» более позднего времени, опираясь на основной церковно-исторический принцип: основным приоритетом в процессе реставрации и восстановления монастыря должен быть приоритет смысла.

В связи с этим все надписи XVII века внутри и снаружи храма должны быть отреставрированы и в случае утрат восстановлены. В первую очередь – два изразцовых пояса в интерьере Кафоликона и ротонды Гроба Господня.

Особого внимания заслуживают изразцовые фризы с надписями в интерьере Воскресенского собора.

1. Надпись 1665 года «Отдадим Образу пообразное...», расположенная в ротонде Гроба Господня над вторым ярусом и сохранившаяся в виде фрагмента в юго-восточной части. Текст,

известный по монастырским описям, составлен Патриархом Никоном из Слов на Святую Пасху святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста с авторскими добавлениями и с уникальной датировкой – от сотворения мира и от Воскресения Христова[9]. Надпись составляла в XVII веке единое целое с воскресными тропарями на гранях шатрика Кувуклии Гроба Господня, создавая образ вечной Пасхи в Царстве Небесном. Без восстановления этого фриза в ротонде Воскресенского собора нельзя говорить о полноценном восстановлении Нового Иерусалима.

2. «Сказание о церковных таинствах» 1666 года, расположенное по периметру крестовой части собора и уцелевшее почти полностью. Текст «Сказания» составлен Патриархом Никоном на основании сочинения преподобного Григория Синаита[10].

Сформулированный в XVII веке символ «мир есть книга» можно отнести и к миру Нового Иерусалима, создатели которого выполняли главное предназначение человека на земле – быть сотворцами, соработниками Бога. В этот процесс вовлекались и читатели. Постигая «каменную книгу» зодческих и словесных образов, развернутую во времени и пространстве, они должны были проникнуть в тайнозримое, увидеть сокрытый в видимых вещах внутренний, духовный акростих. Патриарх Никон вел свою паству к спасению путями любомудрия, и значение надписей в пространстве Нового Иерусалима во многом определяется его словами из книги «Рай мысленный»: «Предлагая чувственным очам чувственные писания, доставим мысленному уму их сокровенный смысл»[11]. Выявить и воссоздать этот сокровенный смысл, а также сделать его доступным для восприятия богомольцами и паломниками, предусмотрев помещение в храме переводов на современный русский язык, – вот главная задача восстановления Воскресенского собора как памятника книжности.

Ковчег для святынь и достопамятностей

Обратимся теперь к храму Воскресения Христова как к драгоценному ковчегу для святынь. При Патриархе Никоне в Новый Иерусалим стекалось множество христианских

Киот с Крестом и ковчег с частью святых мощей
мученицы Татианы в Успенском приделе

реликвий и частиц святых мощей угодников Божиих из разных стран православного мира. Восстановленный храм, несомненно, вновь наполнится святынями и достопамятностями.

Необходимо уже на стадии проекта реставрации собора предусмотреть создание максимально благоприятных условий для хранения духовных и материальных сокровищ. Имеется в виду температурно-влажностный режим, система отопления, вентиляции, освещения и охранной сигнализации. Все технические средства должны соответствовать современным требованиям и закладываться одновременно с реставрацией внутреннего убранства храма.

Пространство собора слагается из нескольких смысловых пластов, связанных с евангельской историей, историей храма Гроба Господня в Иерусалиме и церковной историей с IV века до наших дней. Этим особенностям собора соответствовали его святыни и реликвии.

В XVII–XIX столетиях в храме находились парсуны с изображением Патриарха Никона и ризница с его личными вещами, священническими облачениями и вкладами в обитель. Эти историко-художественные ценности поступили в советский период в государственный музей, образованный на территории упраздненного в 1919 году монастыря.

Вскоре после возобновления в Новом Иерусалиме богослужебной жизни в обитель начали поступать иконы, частицы мощей угодников Божиих и различные достопамятности. Хочу выразить признательность музею «Новый Иерусалим», сохранившему в годы лихолетья и передавшему в 1996 году Воскресенскому монастырю нашу великую святыню – длань правой руки святой мученицы Татианы, пожертвованную обители царевной Татианой Михайловной Романовой в конце XVII века. Сейчас ковчег с мощами хранится в приделе Успения Пресвятой Богородицы, где по воскресным дням совершается молебен мученице Татиане.

В Успенской же церкви, близ входа в Темницу Христову, установлен в полукруглом киоте Крест, куда вложены частицы мощей разных святых и многие палестинские реликвии.

Удивительно, что Господь посылает в Воскресенский монастырь святыни, прямо или косвенно связанные с историей обители и ее основателем – Патриархом Никоном. Так, на северной стене придела Собора Архистратига Михаила находится в раме под стеклом холщовый антиминс с изображением Положения Христа во гроб. По свидетельству надписи на нижнем поле, антиминс напечатан «при Великом Государе Святейшем Никоне, Патриархе Московском и всея Великия и Малыя Росии». К сожалению, сведения о происхождении святыни утрачены.

В приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи, где погребен Патриарх Никон, лежит на аналое икона XIX века с изображением Честной Главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Иконография этого образа, пожертвованного монастырю в наше время, повторяет иконографию иконы, написанной в 1666 году Патриархом Никоном в дар царевичу Иоанну Алексеевичу, получившему имя при святом крещении в честь Иоанна Предтечи.

Тихвинская икона Пресвятой Богородицы.
Первая половина XVIII в.

В трапезной Архангельского придела хранится в резном киоте Тихвинская икона Божией Матери. Это точный список с чудотворного образа, созданный в первой половине XVIII века. Икона происходит из местной приходской церкви, закрытой в советский период. Богомольцы сохранили святыню, а затем передали ее Ново-Иерусалимскому монастырю. Образ особо почитается в нашей обители, где с XVIII столетия существовал на хорах Воскресенского собора придел в честь Тихвинской иконы Божией Матери.

Большой радостью было пожертвование монастырю иконы Вознесения Господня второй половины XVIII века из праздничного ряда иконостаса подземной церкви святых равноапостольных Константина и Елены. Две другие иконы из этого уникального иконостаса хранятся в музее «Новый Иерусалим».

Можно сказать, что духовно связана с историей Нового Иерусалима икона второй половины XVIII века, где изображен Господь Вседержитель, восседающий на троне, и предстоящие Спасителю в молении Пресвятая

Господь Вседержитель с предстоящими.
Икона второй половины XVIII в.

Богородица, Архистратиг Михаил, святой Иоанн Предтеча и священномученик Харалампий. Под троном Господа Вседержителя помещен картуш с текстом молитвы «Отче наш», а ниже изображена река Иордан в обрамлении холмистых берегов. Происхождение иконы неизвестно, но относится она, по всей вероятности, ко времени правления императрицы Елизаветы Петровны, на средства которой поновлялся Воскресенский собор в XVIII столетии.

По-видимому, не случайно среди молящихся у престола Господа Вседержителя изображен священномученик Харалампий († 202). В день памяти этого святого, 10 февраля, родился великий князь Петр Федорович, будущий император Петр III. Знаменательно, что изображение этого святого было написано на южных вратах иконостаса придельной церкви святителя Иоанна Златоуста, устроенной тщанием императрицы Елизаветы Петровны на хорах Воскресенского собора в 1749 году.

Мы предприняли краткий обзор святынь, поступивших в нашу обитель в новейший период ее истории, с целью показать необходимость обустройства храмов обители как надежных хранилищ церковно-исторических и художественных ценностей.

Думается, целесообразно сохранить и преемственность частичной музеефикации Воскресенского собора. Во-первых, следует восстановить в прежнем назначении помещение монастырской ризницы в юго-восточной части хор «великой церкви». Во-вторых, определить и специально оборудовать места храма, где могут быть представлены фрагменты белокаменных деталей, лепного убранства и прочих артефактов из Воскресенского собора – подобно тому как в храме Гроба Господня в Иерусалиме размещаются древние капители колонн и другие архитектурные элементы разных строительных эпох.

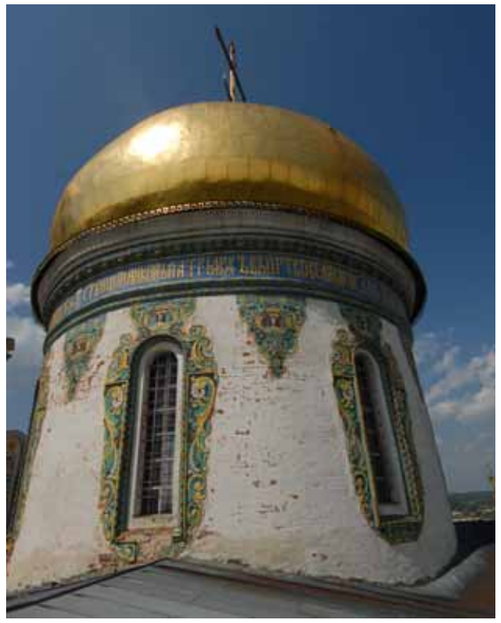
Воскресенский монастырь – это патриаршая обитель. Пожалуй, ни один монастырь Руси не связан так тесно с историей русского патриаршества, как Ново-Иерусалимский. Если основные приделы Воскресенского собора были освящены основателем обители Патриархом Никоном, то главный престол храма освящал Патриарх Иоаким, а Трапезные палаты с церковью Рождества Христова – Патриарх Адриан, последний Предстоятель Русской Церкви перед упразднением патриаршества царем Петром I. Не случайно именно Новый Иерусалим посетили участники Собора 1917–1918 годов, которые молились у Гроба Господня и у гробницы Патриарха Никона о восстановлении патриаршества в России.

В 90-х годах XX века Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освятил Успенский придел в Воскресенском соборе и церковь Рождества Христова в Трапезных палатах. Ныне в приделе Успения Пресвятой Богородицы хранится современная икона святителя Алексия, митрополита Московского. Этот образ пожертвовал Воскресенскому монастырю Патриарх Алексий II, почитавший святителя Алексия как своего небесного покровителя. Учитывая эти обстоятельства, в храме Воскресения Христова уместно поместить мемориальный комплекс Святейшего Патриарха Алексия II. Все это тоже следует предусмотреть в проекте восстановления собора.

Монастырю предстоит разработать и выдать авторам проекта реставрации храма свои предложения и пожелания по использованию каждого придела, святого места или святыни. Это особенно актуально в связи с тем, что в некоторых приделах разобраны каменные клиросы, западные стены и другие «преграды церковные»; святыни же, особенно камни – подобия палестинских первообразов, сдвинуты со своих исторических мест.

Уроки предшествующей реставрации

Размышляя над проблемами предстоящей реставрации Воскресенского собора, уместно коснуться некоторых итогов восстановления храма в советский период. Отдавая должное подвигу реставраторов, поднявших монастырь из руин и сделавших много открытий в процессе его изучения, нельзя не отметить те принципы, с которыми сегодня невозможно согласиться. Как известно, центральная глава Воскресенского собора была восстановлена в искаженных пропорциях и формах. Наряду с орнаментальным керамическим убранством, воссозданным на XVII век, на барабане снаружи воспроизведена керамическая надпись середины XIX столетия, изготовленная тогда, когда более ранние изразцы были уже утрачены. Однако дело не только в том, что в таком виде глава никогда не существовала, но и в том, что не была восстановлена уникальная изразцовая надпись первой половины 80-х годов XVII века, представлявшая собой написанную силлабическим стихом молитву Пресвятой Троице в искусном сочетании с «исторической летописью»[12]. Ныне мы видим на барабане главы обычный исторический текст, перечисляющий даты и царей, при которых строился храм[13]. Стихотворная же надпись под куполом «великой церкви» воплощала образ молитвы, устремленной к Богу. Она была духовным символом Русской Палестины и парила над окрестным пространством подобно венцу, сплетенному из вязи. «Летопись» XIX века была воссоздана только потому, что текст XVII века не был тогда известен. Разумеется, с позиций духовных приоритетов следует восстановить текст молитвы.



Большая глава Воскресенского собора

Облик большой главы собора не отвечает современным требованиям реставрации, и следует поставить вопрос о ее корректировке или замене, тем более что изразцовые наличники окон имеют многочисленные осыпи и утраты глазури.

Не менее показательно и внутреннее оформление придела Усекновения главы Иоанна Предтечи под Святой Голгофой. Здесь на стенах и сводах восстановлена лепнина XVIII– XIX веков, раскрашенная акриловой краской под золото, причем ее фон в алтаре – темно-красный, а в основном помещении – болотно-зеленый. Все это не соответствует ни историческому облику интерьера, ни, что главное, образу церкви под Голгофой, «издолбленной в камени», как сказано в надписи на ее изразцовом иконостасе. Вместе с тем на горнем месте не восстановлено лепное изображение главы Адама, которое придавало приделу, вслед за первообразом, значение часовни Адама.

Подобные примеры побуждают сформулировать важнейший церковный принцип реставрации собора — необходимость соответствия декоративного убранства придельных церквей не только историческому прошлому, но и смысловому содержанию святых мест, которые они воспроизводят.

Патриарх Никон в Успенской церкви и в приделах Написания титла, Разделения риз и Поругания Господня устроил великолепные изразцовые иконостасы, воплощающие тему победы над смертью, торжества жизни вечной. Это отражает духовный смысл святых мест храма, связанных с событиями Страстной седмицы — Пасхой Крестной, которая завершается Пасхой Воскресения.

Арочные проемы иконостасов повторяют изразцовое убранство Кувуклии Гроба Господня, подчеркивая значение погребального ложа Спасителя как престола и, вместе с тем значение престола как Гроба Господня. Изобразительные мотивы изразцов (колос, виноградная гроздь, плод граната, сердце с раскрытой завесой, увенчанное митрой-короной, и другие) символизируют Таинство Евхаристии, Новый Завет, единство Церкви Христовой.

Иконостас Успенского придела

Барочная же лепнина XVIII века, заполнившая первоначальную гладь стен собора, имеет преимущественно светский, дворцовый характер. Она обрамляет изразцовые иконостасы, порталы и святые места храма подобно пышным рамам, никак не связанным с содержанием святынь и зачастую отвлекающим от них внимание богомольцев. Кроме того, первоначальный фон лепнины представлял собой раскраску «под мрамор» – элемент имитации, неуместный для храма, в архитектуре которого нет ни одной ложной формы.

Лепнина XVIII века – это этап художественной истории Воскресенского собора, и уцелевшие ее участки нужно сохранить. Но если этот декор почти полностью или хотя бы наполовину утрачен, вопрос о необходимости его восстановления следует каждый раз решать отдельно, сообразуясь со значением конкретного места. В тех же случаях, когда барочное убранство противоречит священной топографии и (или) символике евангельского образа (как, например, в Предтеченском приделе под Голгофой), воссоздавать лепнину нецелесообразно.

Проблема оценки исторического прошлого и выбора художественных приоритетов – проблема не сугубо эстетическая. Это проблема духовно-нравственная и мировоззренческая, тесно связанная с осмыслением русской религиозной истории. Интересные мысли на данную тему высказывал наш современник, старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин; † 2006), обозначивший семь основных этапов этой истории.

По его словам, время от свержения монгольского ига и до императора Петра I было блестящим периодом свободы, подобным таинству брака. Душа народная, очищенная страданием монгольского нашествия, обручалась и всецело предавалась своему Небесному Жениху. На русской земле нераздельно царствовал Христос, русская земля украшалась бесчисленными святыми. Это было время свадебного пира – соединения народа с Богом. Более 150 новых святых встали перед престолом Божиим ходатаями за свой народ[14]. И не случайно именно в этот пир веры происходит основание Нового Иерусалима и его глубочайшее богословское осмысление, связанное

с личностью Святейшего Патриарха Никона и выраженное во всех видах церковного искусства, процветавшего в XVII веке в Воскресенском монастыре и соединившего в себе духовное наследие Византии, Руси, Украины и Белоруссии.

Следующий период, который принято называть синодальным, соответствует, по мнению архимандрита Иоанна, таинству елеосвящения. Исторически он начинается от царя Петра I и продолжается до Первой мировой войны. В течение этого времени русская интеллигенция разлагается и колеблется, уходит из России на Запад и приносит вместо былых своих добродетелей чуждые заблуждения. Число забывших Бога и избравших для себя кумиром царство земное лихорадочно растет. И река русской религиозной жизни замедляет свое течение[15].

Ново-Иерусалимская обитель не осталась безучастной к такому обустройству духовной жизни русского общества. Во второй половине XVIII века монастырские сооружения начали частично перестраиваться и оформляться в уже совершенно другом, чуждом для тогдашней России стиле западного барокко, эстетика которого отказывалась от присущих русской культуре представлений о гармонии и закономерности бытия, о заложенных Творцом безграничных возможностях человека, его воли и разума, и строилась на коллизии человека и мира, идеальных и чувственных начал, разума и власти иррациональных сил. Философия такого конфликта наложила свой отпечаток и на новый декор Воскресенского собора, и на новую концепцию его внутреннего пространства, и на отношение к зодческим принципам Патриарха Никона.

Мы помним, что почти все монастырские сооружения пострадали в годы воинствующего атеизма и Великой Отечественной войны, то есть в то время, когда, по словам архимандрита Иоанна, неверующие попирали святыню, когда «князю мира сего» попущено было до времени опять явить свою силу и власть. Но, пишет старец, даст Господь и седьмой период, дабы восполнить сосуды веры христианской, и Сам освятит русский народ Своею благодатию, которая даст силы во имя Христа снова и снова свободно избирать людям Царство Божие целью жизни на земле[16].

Храм — икона Града Горнего

Сегодня, когда началось комплексное восстановление монастырского ансамбля, духовное осмысление истории Нового Иерусалима в связи с историей России, традиция которого была во многом утрачена во времена революционных смут и последующего за ними государственного устроения, имеет первостепенное значение. Выбор приоритетов важен и по отношению к внешнему облику Воскресенского собора, и к оформлению его интерьеров, которые должны соответствовать образу храма-града, воплощенному в зодчестве «великой церкви».

Воскресенский собор создает снаружи образ города на горе, уходящей в небо. С восточной стороны он поднимается ярусами-уступами снизу вверх и спускается сверху вниз подобно лестнице, изображение которой в православном искусстве являет образ духовного восхождения. Свою символику имеют и кровли-гульбища, огражденные парапетом со сквозным балясником. Мотив балясника часто использовался в русской иконописи и украинской книжной графике XVII века как обрамление вертограда Христова, означающего Святую Церковь[17].

На кровли собора вели внутристенные лестницы и выходы из глав подземной церкви и Кафоликона; с одного яруса на другой можно было перейти по наружным «всходам». Эти особенности желательно, по возможности, восстановить, вернув храму первоначальный вид, не имеющий аналогов в русском зодчестве.

Внутри храма образ града создавали многочисленные приделы. Некоторые из них имеют двойное символическое значение. Так, Успенская церковь топографически воспроизводит пещеру-темницу на северном склоне Голгофы, где содержали узников, пока приготовлялись орудия казней. Церковь на Голгофе воспроизводит место Распятия Христова, но посвящена Воздвижению Креста Господня. Это дает возможность использовать практику посвящения престолов в честь двух праздников или святых, как это делал Святейший Никон в храмах Патриаршего дворца в Московском Кремле.

Воскресенский собор знаменует торжество Православия и является памятником рус-

Восточный фасад Воскресенского собора.
Реконструкция на конец XVII в.
Архит. Л.Э. Тепфер. 1984 г.

Стефон (Яворский), митр. Виноград Христов.
Киев, конец 90-х гг. XVII в.
Гравюра на титульном листе

ского благочестия. В храме находились престолы, устроенные членами августейшей семьи в честь своих небесных покровителей. Среди храмоздателей были как представители знатнейших фамилий России, так и простые боголюбцы, внесшие свою лепту в благоукрашение великой святыни. В результате внутри собора сочетались стили разных эпох. Изразцовые иконостасы XVII столетия соседствовали с иконостасами XVIII–XIX веков, выполненными в стиле барокко и классицизма.

Стилевое разнообразие приделов Воскресенского собора следует восстановить, не стремясь при этом к внешнему единству в убранстве храмового интерьера. Образ храма-града Иерусалима Горнего предполагает множество обителей угодников Божиих, отличных друг от друга.

Центральная часть храма не связана с евангельской историей и предполагает торжественные соборные богослужения. В алтаре и в крестовой части собора уцелели изразцовые фризы, барочная лепнина, картуши со стенописями разной степени сохранности. В данном случае все это убранство уместно, и его должно восстановить, дополнив резными хорами в большой главе, символическим «пупом земли» под куполом Кафоликона, многоярусными паникадилами и т. п.

Совершенно иной образ следует воссоздать на Святой Голгофе. Церковь воспроизводит место искупительной жертвы Спасителя, и ее убранство должно быть сосредоточено именно на этом. Для сугубых молитв не нужен яркий электрический свет, лучше ограничиться мерцанием свечей и лампад. Человека, взошедшего на Голгофу поклониться Кресту Господню, нельзя отвлекать от встречи с Богом декоративными украшениями: в данном случае они абсолютно неуместны.

Излишней представляется барочная лепнина и на столпах первого яруса ротонды Гроба Господня. Пространство вокруг Кувуклии не случайно называется в монастырских описях XVII века «двором церковным». Первоначально этот «двор» ограждала легкая строгая аркада. Впоследствии столпы были расширены прикладками и утяжелены лепным декором в виде каннелюр и массивных капителей. Сейчас лепнина местами сильно повреждена, местами полностью утрачена, и, думается, нет необходимости в ее воссоздании. Изначальная

гладь столпов в данном случае более уместна, поскольку концентрирует внимание не на красотах ордерного декора, а на главной святыне храма – Кувуклии Гроба Господня.

Иерархическое выделение главного — важнейший принцип восстановления Воскресенского собора, и осуществлять его следует не с помощью обилия золота и барочных украшений, а путем создания высокодуховной молитвенной атмосферы, которая предполагает погружение в глубины своей души, переживающей личную встречу с Господом.

В связи с этим заслуживает внимания концепция восстановления интерьера ротонды Гроба Господня, предложенная архитектором-реставратором В.П. Гришиным. По его мнению, Кувуклию и первый ярус колонн следует восстановить на конец XVII века. Подлежит воссозданию и ценинный фриз с надписью «Отдадим Образу пообразное...» Лепнина на столпах второго яруса, выполненная в невысоком рельефе и включающая изображение херувимов, а также декор третьего яруса столпов, расчлененных пилястрами, дают достаточное представление об убранстве XVIII столетия. Конструкцию металлического шатра следует оставить открытой, не скрывая перекрытие «двора церковного» каким-либо декором, как это всегда было в храме Гроба Господня в Иерусалиме. Таким образом, нижняя часть ротонды и Кувуклии составят единый стилевой и смысловой ансамбль XVII века. Верхние ярусы и шатер будут означать движение не только в пространстве, но и во времени – от XVIII века до современности.

Вряд ли можно найти иной, столь же гармоничный и четко выявляющий приоритеты вариант восстановления ротонды.

Главная и, пожалуй, самая сложная задача в реставрации Воскресенского собора – добиться симфонии разновременных пластов архитектуры и убранства при соблюдении строгой иерархии главного и второстепенного. В храме должно найтись благоприятное место не только для множества паломников и туристических групп, но и для одного человека, жаждущего уединения, тишины, сосредоточенной молитвы и покаянных слез. Именно в этом случае огромный собор – «Божие селение» – воистину будет, подобно Царству

Ротонда Воскресенского собора.
Конструкция шатра
над Кувуклией Гроба Господня

Небесному, Отчим домом, где «обителей много» (Ин. 14:2).

Новый Иерусалим во всех аспектах своего воплощения – это система образов, предназначенная для духовного созерцания и рассуждения. Показательна в этом отношении надпись, помещенная Патриархом Никоном на окладе иконы Спасителя из иконостаса Голгофской церкви: «...написан бысть сий образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа ко умному боговидению, всякому верующему в онь в присное поучение»[18]. Эти слова можно отнести и к созданию под Москвой пространственной иконы Святой Земли, в которой особо значим Вифлеем.

Образы Вифлеема

Церковь Рождества Христова с приделами в Трапезных палатах Воскресенского монастыря представляла собой комплекс святых мест, созданный в воспоминание о святынях в криптах первообраза – базилики Рождества Христова в Вифлееме. Предстоит восстановить существовавшие с XVIII века и уничтоженные после 1919 года приделы Поклонения волхвов, Бегства в Египет, 14 000 младенцев, от Ирода в Вифлееме избиенных, и Обрезания Господня.

Кувуклия Гроба Господня и три яруса ротонды
Воскресенского собора
с фрагментами лепного декора XVIII в.

Ныне монастырю передана лишь часть этих помещений. На месте придела Обрезания Господня находится монастырская библиотека. В маленьком притворе этой церкви ютится воскресная школа. На месте первоначального Вертепа Рождества Христова и яслей расположена Паломническая служба. Остальные церкви заняты экспозицией музея «Новый Иерусалим».

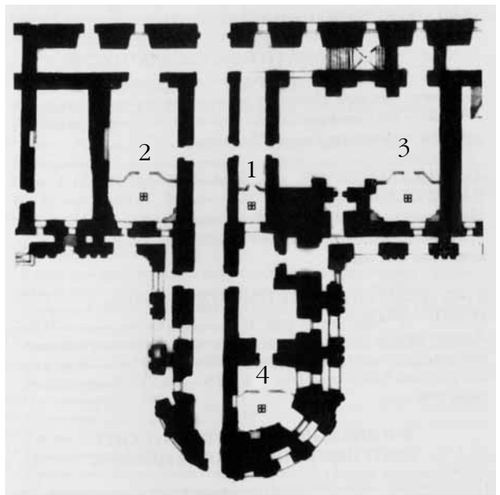
Необходимо вывести библиотеку и Паломническую службу в другие помещения, а под храмом Рождества Христова возобновить все перечисленные приделы. В зале, следующем за церковью в честь 14 000 младенцев, от Ирода в Вифлееме избиенных, целесообразно устроить крестильню с купелью для детей и взрослых.

В зале, примыкающем к приделу Поклонения волхвов с юга, будет размещаться ризница для хранения облачений, используемых при богослужениях в храме Рождества Христова и его приделах. Что касается Святого Вертепа и яслей, то они должны быть восстановлены в восточной части коридора, где находились в XVIII веке. Это местоположение соответствует первообразу и раскрывает богословскую идею планировки церкви Рождества Христова, расположенной перпендикулярно трапезным палатам, а не на одной оси с ними, как обычно. Вертеп Рождества Христова и алтарь верхнего храма ориентированы на ротонду и Кувуклию собора, наглядно выражая смысловое значение Пещеры Рождества Христова как прообраза Гроба Господня.

Следует также восстановить приделы Рождественского храма на втором этаже, в центральной трапезной палате, где были устроены в XIX веке церкви святой мученицы Татианы и преподобного Сергия Радонежского.

Архитектурного восстановления требует церковь Трех Святителей при Больничных палатах, сооруженных в 1698 году. В XVIII веке этот храм пострадал от пожара и был упразднен. Престол во имя Трех Святителей перенесли в новую церковь при Царском дворце, построенном над Больничными палатами. Планируется восстановить Трехсвятский храм на своем историческом месте, а церковь Царского дворца постройки М.Ф. Казакова освятить в честь Собора новомучеников и исповедников Российских с приделом во имя святых царственных мучеников.

Северная и южная и Трапезные палаты использовались со второй половины XIX века



Церковь Рождества Христова (вверху).
Восточный фасад.
План первого яруса (внизу).
Вифлеемские приделы:
1 – Поклонения волхвов; 2 – Бегства в Египет;
3 – 14 000 младенцев, от Ирода в Вифлееме избиенных; 4 – Обрезания Господня

и до 1919 года как монастырский музейный комплекс. Пришло время возродить в стенах Нового Иерусалима церковный музей на своем историческом месте. В северной палате предстоит воссоздать мемориальный Музей Патриарха Никона. Здесь будут экспонироваться изображения, личные вещи, облачения и вклады Первосвятителя.

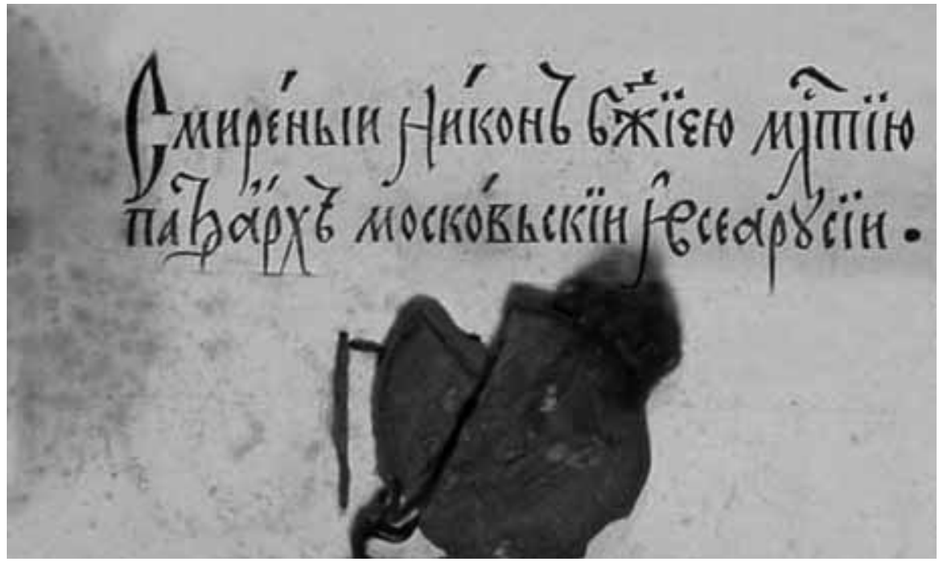
Южную палату займет монастырское Древлехранилище. Его основу составят комплексы по истории Нового Иерусалима, куда войдут богослужебные предметы и облачения из монастырской ризницы, изображения и личные вещи настоятелей обители, архивные документы. Экспозиция Древлехранилища будет органично связана с примыкающей к северной трапезной палате церковью Новомучеников и исповедников Российских.

Наш проект использования монастырских помещений исходит не только из нужд сегодняшнего дня, но и прежде всего из принципа следования историческим традициям Нового Иерусалима, которые необходимо возрождать в соответствии с каноническими установлениями Русской Православной Церкви и с учетом современных запросов общества.

Наряду с восстановлением упраздненных монастырских церквей предстоит возвратить Братским корпусам назначение келлий для братии и послушников, а Татьяниным палатам — функции Дома наместника. В качестве представительских помещений целесообразно воссоздать Царский дворец над Больничными палатами. Кроме того, в обители должны быть устроены художественные и реставрационные мастерские, создан паломнический, духовно-образовательный, информационный, издательский и катехизаторский центр, расширена библиотека, инженерные и хозяйственные службы.

Восстановленный Ново-Иерусалимский монастырь с его великими святынями, уникальными произведениями книжности и церковного художества будет способствовать столь необходимому для всего православного народа постижению духовного смысла тварного мира и для обретения путем «умного боговидения и присного поучения» глубокой, осмысленной и непоколебимой веры.

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ



ПОУЧЕНИЕ ПАТРИАРХА НИКОНА О МОРОВОЙ ЯЗВЕ

ГРАМОТА 1663 ГОДА

АКТ О РЕМОНТНЫХ РАБОТАХ В ВОСКРЕСЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ 1904 ГОДА

ПЕРЕДАТОЧНЫЕ АКТЫ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ 1933 ГОДА

Предлагаѧ чувственным очам чувственные писанїѧ, доставим мыленному уму их сокровенный смысл, заключенный в богосиянных словах блаженных и богодухновенных повествований, изложенных древними святыми и богоизбранными мужами для душевного просвещенїѧ. Писанїѧ их подобны манне небесной. Назову их Ангельским хлебом, присутствующим как на Пресвятой Трапезе и на преукрашенном Престоле, так и на книжных листах, приводя нас к разумению и насыщению духовному.

«Рай мысленный»

С.К. Севастьянова
Институт филологии СО РАН. Новосибирск

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ НИКОН. ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ О МОРОВОЙ ЯЗВЕ

(л. 1) Никон, Божиею милостию архиепископ царствующаго великаго града Москвы и всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России патриархъ. //

(л. 2) Всѣмъ, повсюду и коемуждо особно пребывающымъ, священнымъ и честнымъ архиереомъ, архимандритомъ, игумномъ и всему священному причту к сим благороднымъ боляром и прочимъ всѣмъ всякаго чина и возраста, мужеска полу и женска православнымъ христианомъ, возлюбленнымъ во святомъ Дусѣ чадомъ нашимъ благодать, миръ и милость отъ Вседержителя Бога Отца и единороднаго Его Сына, Господа нашего Иисуса Христа, и утѣшителя Святаго Духа и наше благословение // *(л. 3)* и молитва!

Настоящаго времене, нынѣшняго отъ создания мира 7164-го (1656) году, а отъ еже по плоти Рождества Господа Бога и Спаса Иисуса Христа 1656 *августа въ 6-й день*, извѣстно буди вамъ, яко во многихъ градѣхъ моровое повѣтрие есть, а отъ чего, то единъ Богъ Святый весть и никому о семъ знати не належитъ, разву, еже глаголати, *яко не бываетъ злоба, сирѣчь скорбь, ни во градѣ, ни въ селѣ, аще не Господь попуститъ, еже гладъ, губителства, недуги и язва и иная*, о нихъ же много здѣ писати // (*л. 4*) не належитъ.

Нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, и здѣ во царствующемъ градѣ Москвѣ объявилося повѣтрее, не во единомъ мѣстѣ. Но мы, яко же намъ належитъ, должни есмы сами о себѣ и о людехъ молитися и плакатися предъ Господемъ Богомъ, дабы Господь со всѣми нами сотворилъ святую свою милость. И васъ коегождо вкупѣ и особно молимъ о своихъ мимошедшихъ и о настоящихъ прегрушениихъ каятися и грухи своя святымъ чистымъ исповѣданиемъ очистити, и молитвою, и постомъ со слезами праведный гнѣвъ Божий // *(л. 5)* уставити, и по священнымъ правиломъ, повелѣвающимъ преданные Церкви четыре посты опасно хранити, молимъ поститися. На непостящихъ бо ся глаголетъ правило Святыхъ Апостолъ 69 сице:

«Аще который епископъ или презвитеръ или диаконъ или поддиаконъ или чтецъ или пѣвецъ въ 40 дней, сирѣчь въ Великий пост, не постится и в прочия посты и во все лѣто во всякия среды и пятки, да изверженъ будетъ. Аще же мирский человѣкъ не постится, да отлучится».

Тѣмъ же всякъ от вас, яко сын восточныя Церкве // *(л. 6)* по силѣ да постится. И елицы, по разсуждению отецъ своихъ духовныхъ, аще достоини явятся пречистыхъ и животворящихъ Таин Тѣла и Крове Христовы, да причастятся. Аще ли по сем нашем завѣщании, кто от злоб не отступит, и святым исповѣданиемъ, и постом, и молитвами не присвояется Господеви, и по разсуждению отец своихъ духовныхъ Святыхъ Таинъ не сподобится, и обрящет его Богъ, якова обрящетъ, по реченному во пророцѣ: *«В чем тя застану, въ томъ тя и сужду».*

И паки глаголет Господь // *(л. 7)* Вседержитель пророкомъ к пастырем[1]: *«Возопии, – рече, – крѣпостию, и не пощади; яко и трубу вознеси гласъ свой, и возвѣсти людемъ Моимъ грѣхи ихъ»*. И паки[2]: *«Сыне человѣчь! стража дахъ тя дому Израилеву, да слышиши слово отъ устенъ Моихъ и воспретиши имъ отъ Мене. Внегда глаголю беззаконнику: «Смертию умреши»!, и не возвестиши ему, ни сог-

[1] *На поле напротив сноска:* Исаия 58.
[2] *На поле напротив сноска:* Иезекииль глав[а] 3.

лаголеши, яко остатися беззаконнику и обратитися от пути его, яко же живу быти ему, беззаконник же той в беззаконии своем умрет, крови же его от руки твоея // *(л. 8)* взыщу. И ты же аще возвѣстиши беззаконнику, и не обратится отъ беззакония своего, и отъ пути своего беззаконна той беззаконникъ в беззаконии своем умрет, ты же душу свою избавиши»*. И еще.[3] *«Рцы пастухом, – се, глаголет Аданай Господь, – оле пастуси израилеви, еда пасутся пастуси сами! не овцы ли убо пасут пастуси? Се, млеко ядясте, и волною одѣвастеся, и тучное закаласте, а овец Моихъ не пасосте. Изнемогшаго не подъясте, и болящаго не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте, // *(л. 9)* и уязвеннаго не зарастисте, и плавающаго не обратисте, и погибшаго не поискасте»*.

Сего ради мы, яко же лѣпо пастырю, по Господни заповѣди, возвѣщаемъ вамъ, возлюбленная чада: да по заповѣдемъ Господнимъ, шествующе, постъ и молитву съ любовию Господнею имуще, къ животворящимъ тайнамъ приступите, въ преумножение всѣхъ благихъ, и с помощию Того Самого Иисуса Христа отъ морового повѣтрея, елико мощно, себе блюдите.

Аще ли кто отъ васъ, нерадѣния ради, о сихъ облѣнится, да вѣсть таковый, яко чистъ есмь азъ отъ всякаго // *(л. 10)* поречения, сказавъ вамъ волю Господню, о вашемъ здравии и спасении пекиися. Тѣмъ же убо вси вы, любезная чада, покаяниемъ и молитвою естественую Божию милость на щедроты премѣнити потщитеся и съ помощию Его, елико мощно, опасно отъ морового повѣтрия ходите, зане еже опасство отъ сего повѣтрия съ помощию Божиею имѣти добро есть и благоприятно.

Яко же и святый великий Афанасий свидѣтелствуетъ ко князю Антиоху въ 40-м и во 103-м отвѣт?, глаголя сице. //

(л. 11) *«Вопросъ 102. Откуду бывают смертная и чесо ради въ нѣкихъ странахъ пустынныхъ, языческихъ многажды не бываютъ, но яко же на мнозѣ во вселенныхъ и многонародныхъ градѣхъ и многовѣсныхъ? Отвѣтъ. Глубокъ воистину вопроса отвѣтъ и малымъ на земли вмѣщаемъ обаче же, яко же глаголетъ Господь: “Вмѣщаяй да вмѣститъ”. Аще бо рцемъ, яко многажды и отъ звѣздъ тлетворныхъ, и праховъ, и зловония мертвечинъ, и дождевъ лѣтнихъ, // *(л. 12)* и воздымлений, и воспарений земныхъ, и морскихъ недуги тѣлесныя, и тля, и смерти бывают, абие не наученнии нѣцыи сопротивляются намъ, аки безпромысленная, яже въ насъ глаголющымъ. Ихъ же нѣкихъ и вопросити хощемъ. Рцыте намъ, о сии! Како во градѣ нѣкоемъ смертно бываетъ изъ града же оного суть во иныхъ странахъ двѣ или три тысящи купльствующихъ мужей, и никто же отъ нихъ скончася? Аще бо Божии гнѣвъ на градъ онъ приспѣ подобаше весма и далече сущымъ // *(л. 13)* гнѣва вкусити, аще же и не всѣмъ, но любо нѣкимъ отъ нихъ обаче, да не дамы извѣта сия ищущымъ глаголемъ, яко многажды ова убо отъ смертныхъ и по Божию прещению бываютъ ова же и по звѣздъ и прочихъ винъ извѣтомъ, яже предрѣхомъ, яже яко наипаче и растлѣваютъ младенцы, яко немощшии. Обаче и звѣздъ и воздымлений творецъ есть Богъ, рекии: “Не двѣ ли птицѣ продаются на ассарии, и едина отъ нихъ не падетъ безъ Отца Моего, иже на небесѣхъ, ваши же и власи // *(л. 14)* главнии вси изочтени суть.” Вопросъ. Еда же ползуется или избавляется отъ смертнаго из града во иную страну бѣгая? Отвѣтъ. Пророку к Богу глаголющу, камо пойду отъ духа твоего и от лица твоего камо побѣжу? Явленно убо, яко Бога убѣгнути никто же можетъ, аще же воздухъ нѣкий или ина тварь вина есть губителное творящая, негли избѣгаетъ тоя во иную страну пришедъ»*. До здѣ убо блаженный Афанасий.

Но и Христосъ Спаситель, // *(л. 15)* наказуя насъ не пометати себе самыхъ в напасти: *овогда убо от Ирода, не требуя бѣжати, бѣгаше*; *овогда же хотящимъ на Нь непокоривым жидомъ каменние метнути, прошедъ сокровенно посредѣ ихъ*, *прохождаше, глаголя: «Не у прииде часъ Мой»*; *овогда же хотящимъ Его съ горы низринути, такожде утаился отъ жестосердыхъ, прохождаше*.

Ему же подобная и ученикъ Его, Павелъ Апостолъ, творяше. *Овогда убо отъ сонмища, хотящаго его убити, оконцемъ по стенѣ свѣшенъ*, *овогда же сотникомъ // *(л. 16)* восхищен бысть и избѣже ловления*. Иногда же иными образы, да несопротивенъ явится Учителю Христу, спасение себѣ устрояше.

И отвсюду явленно, яко не лѣть каждому себе самого въ напасти пометати: аще бо въ напасти себѣ самѣхъ пометающии оправдятся, убо и тии оправдятся, иже въ пучину себе самыхъ ввергшии,

[3] *На поле напротив сноска:* Иезекииль 34.

ради потопления, и оружие въ себѣ самыхъ подкнувшии. Аще бо на весь градъ гнѣва Божия пролияние было бы, еже дано будетъ, то никако же нигдѣ же укрытися мощно было бы. // *(л. 17)* Якоже бѣ и *на фараона с вои при Моисеи потопление*, или *в Самарии при Осии царѣ Израилевѣ: ассириане, за неже не восхотѣша прияти законъ Божий, лвы поядоша, и нигдѣ же отъ нихъ кому мощно бяше укрытися*. Аще бы убо было невозможно нигдѣ же убѣгнути или и бѣжати, отъ того было бы беззаконно, не бы Святый Духъ Афанасиева уста Великаго возвѣщение о семъ.

Всякому православному подвигъ, якоже и нынѣ благодатиею Божиею видимо // *(л. 17/18)*[4] есть на сотворшихъ прехождение от Москвы во время морового повѣтрея, иже бо на Бога надѣющеся и *Евангельскому велѣнию бѣжати отъ града во градъ от напасти повѣлевающу, послѣдующе** и пророческое речение на умѣ имуще: *«Ступайте, людие мои, внидите въ клѣть свою, затворите дверь свою, укрыйтеся вмалѣ, елико доиде же мимо идетъ гнѣвъ Господень»*, и великаго церковнаго учителя Афанасия Великаго, выше здѣ написанному наказанию не противишася, и во время бывшаго // *(л. 18/19)* тогда морового повѣтрея, якоже отъ Москвы, сице и отъ иныхъ градовъ въ здравыя мѣста прехождение сотвориша. И тамо, донде же моръ мимо иде, пребыша тии, яко исполнители евангельскихъ велѣний, милосердиемъ Божиимъ.

И нынѣ здравствуютъ, заповѣди спасителныя исполняюще, и присно поучаются на богоугодная дѣяния, и о спасении своемъ отъ оноя язвы хвалу Творцу своему воздающе. А иже непослушаниемъ своимъ прехождение сотворити не восхотѣша, и не точию самехъ себѣ отъ совѣсти // *(л. 19/20)* прелщаеми в вольную и непотребную напасть вринуша, но и прочимъ многимъ не наученнымъ ложная видѣния и лукавая вся сония сказующе, и сими тѣхъ прелстивше, лютою тою язвою своеволнѣ тѣхъ уморити сотвориша. За нихъ же восприимутъ местъ отъ Вседержителевы руки, мню, не менше убиицы вмѣсто бо, еже отъ погибели братию восхищати смерть тѣмъ самоизволну страстнымъ си розсказаниемъ прияти смыслиша. И еще и нынѣ буи и о семъ своемъ зломъ дерзновении // *(л. 20/21)* не стыдятся, и сами сопротивны евангельскому велѣнию и Афанасиеву праведному наказанию, паче же всей восточной Церкви суще.

Еже бо Афанасий мудръствуетъ сие и вся православная Церковь исполнителей Христовыхъ словесъ, и блаженнаго Афанасиа наказания совершителей дерзостнѣ укаряетъ и неправеднѣ и себе самыхъ отъ многия буисти во исполнение злобы своея похваляютъ, по реченному пророкомъ: «Мужаемся, – глаголюще, – и противимся», сирѣчь: «Мужаемся въ своемъ сопротивлении // *(л. 22/23)* и истиннѣ никогда же хощемъ покоритися».

И что много глаголати? Обличаетъ бо сихъ Самъ Вышний промысла Своего исполнениемъ: *егда бо умножится предъ Нимъ злоба людей содомских и гоморских – тѣхъ убо за беззакониа во градѣхъ ихъ огнемъ и жупеломъ на показание непокоривымъ потопи*, а его же восхотѣ отъ погубления спасти, – *праведнаго, глаголю, Лота – не во градѣ, но изведъ его оттуду вонъ, спасе, симъ путь спасения показа*. Яко еже отъ губительства бѣжати – не точию нѣсть грѣхъ, // *(л. 23/24)* но и воли Божия исполнение!

И что къ сему отвѣщаютъ они, противницы, иже сами себе и инехъ въ лютую язву вметати нудящиисяѣ Воистинну – ничто же! Аще ли кто лукаво и се помышляетъ, онъ, якоже хощетъ, да творитъ.

Нѣцыи же въ мимошедшая лѣта сами себѣ не внимающе, ни хранящеся сего. И отъ того размножися, грѣхъ ради, язва и яко молния во всю Россию простреся. И колико душъ православныхъ христианъ тою лютою язвою скончашася! Мнози же за умаление иереовъ, // *(л. 24/25)* ни же спутника добраго нашего, пречистаго Тѣла и Крове Христовы сподобишася.

Нынѣ же всѣмъ вамъ предповѣствуемъ и не точию нынѣшнею, грѣхъ ради, язвою къ подвигу доброму возставляемъ и поститися и молитися велимъ, но всегдашнымъ Господнимъ повелѣниемъ устрашаемъ, еже речеся во святомъ Евангелии: *«Бдите и молитеся, яко не вѣсть, въ кий часъ Господь вашъ приидетъ»*. И паки: *«Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть»*.

[4] *В оригинале нарушена нумерация листов: вместо 18-го проставлен 17-й лист, и далее книга пронумерована ошибочно. Мной сохранена изначальная нумерация листов, но в скобках через дробь исправляется ошибочная нумерация.*

А еже въ та же мимошедшая лѣта въ моровое повѣтрие мнози купно // *(л. 25/26)* и особь собирающеся о насъ глаголаху неподобная и грѣхи наша поминающе, ихъ же мы не точию не содѣяхомъ, но ни же во снѣ помыслихомъ, и отхождение наше отъ царствующаго града Москвы, еже бысть по указу великаго гоударя царя и великаго князя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца, за благовѣрною государынею нашею, царицею и великою княгинею Мариею Иличною, и за сыномъ его, царского величества, за государемъ нашимъ, царевичемъ и великимъ княземъ Алексиемъ Алексиевичемъ, виновно творятъ. *Буди // *(л. 26/27)* имъ милость Божия!* *И не постави имъ, Господи, грѣха!*, аще ли же живые или отшедшия; понеже требуютъ отшедшии, уже не имуще оправдания.

Но инии, дерзающе на ся восхищати судъ Божии, и судятъ искреннихъ, ихъ же отречеся нынѣ и Сам Сынъ Божий, глаголя: *«Аще кто услышитъ, – рече, – слово Мое и не приемлетъ є҆, Азъ не сужду ему: не приидохъ бо да сужду мирови, но да спасу миръ. Отметаяйся глаголъ Моихъ имать судящаго ему: слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдний день»*.

Тии же, которавшии на насъ не удовлившеся симъ, но и ложная // *(л. 27/28)* отъ лукаваго сердца видѣния и сония пред очи простѣйшихъ предлагаху, простии же и ненаученнии, не вѣдуще полезнаго и внимающъ баснемъ ихъ крамолнымъ, и бѣсовскимъ, и ложнымъ ихъ пророчествомъ, о нихъ же божественый апостолъ, предвидѣвъ, глаголетъ: *«Внимающе, – рече, – духовомъ лестьчим и учениемъ бѣсовскимъ, въ лицемерии лжесловесникъ, сожженыхъ своею совѣстию...»*

Мнози бо тогда, не внимающе правому велѣнию и от оныхъ крамолниковъ лживых баснословий напившеся, клеветаху, овъ на сего, овъ же на иного // *(л. 28/29)* яко повинныхъ творяще моровому повѣтрию, и мнози невегласи, бѣсомъ прелщени, пророчествоваху ложная. По нихъ же всѣмъ то явно, яко ничто же отъ глаголъ ихъ ложныхъ събыться, точию себе губяще и братию свою, и на Бога хуляще, аки имъ извѣщение бысть се. И се, отъ Бога да человѣцы то сотворятъ, на таковыхъ бо лживыхъ пророкъ Божественный гласъ вопиетъ сице:[5]*«Сие рече Господь Силъ: не хощите послушати словесъ пророкъ, иже пророчествуют вамъ и прелщают васъ; видѣние сердца своего глаголютъ, не отъ устъ Господнихъ. Рекутъ симъ, иже хулятъ Мя: // *(л. 29/30)* «Глаголалъ есть Господь: миръ будет вам». И всем, иже ходятъ в строптивствѣ сердца своего, рекоша: «не приидетъ на насъ лукаво». Кто бо бысть в совѣтѣ Господни и видѣ и слыша словеса Его? Кто помысли слово Того – и слыша?»*. *«Въ послѣдняя дни сразумѣете совѣтъ их»*.

*«Не послалъ пророки, а они течаху; не глаголахъ къ нимъ, и тии пророчествоваху. Аще бы стали въ совѣтѣ Моемъ, и возвѣстили словеса Моя людемъ Моимъ, отвратилъ быхъ убо Я отъ пути ихъ злаго и отъ помышлений ихъ строптивыхъ. Еда мниши, яко точию отъ близка // *(л. 30/31)* Богъ Азъ есмь, – рече Господь, – а не Богъ отдалеча? Аще утаится мужъ въ сокровенныхъ, а Азъ не узрю его? – рече Господь. Еда небо и землю не Азъ наполняю? – рече Господь. Слышахъ, иже рекоша пророцы, пророчествующе во имя Мое лжу. И рекуще: “видѣхъ сонъ”. Доколѣ то есть въ сердцы пророковъ, прорицающихъ лжу и пророчествующихъ лщениемъ сердца своего? Что хотяще творити, да будут людие Мои имя Мое ради сония ихъ, иже вѣщаютъ единъ кождо искреннему своему? Пророкъ, иже имать сновидѣние, вѣщаетъ сновидѣние. И иже имать // *(л. 31/32)* слово Мое – глаголетъ слово Мое истинно. Что плевелъ ко пшеницѣ? – рече Господь. Еда словеса Моя не суть, яко огнь горящий, – рече Господь, – и яко млат, стрыющий камень? Сего ради, Азъ – къ пророкомъ, – рече Господь, – иже крадутъ словеса Моя единъ кождо отъ искренняго своего. Се, Азъ – къ пророкомъ, – рече Господь, – иже восприемлютъ языки своя и глаголютъ: “рече Господь”. Се, Азъ – на пророки, мечтающия лжу, – рече Господь, – ти же провѣщаша та и прелстиша люди Моя во лжу свою и въ чудѣсехъ своихъ, яко Азъ не послахъ ихъ, ни заповѣдахъ имъ, они же ничто же успѣша людемъ симъ, – рече Господь»*.

И паки рече Господь: // *(л. 32/33)* *«Да не препираютъ васъ лживи пророцы, иже въ васъ; и не послушайте сновъ своихъ, яже вы видите; яко неправеднѣ тии прорицаютъ вамъ во имя Мое; Азъ не послахъ ихъ»*.

[5] *На поле напротив сноска:* Иерем[ия] 23.

До здѣ словеса, яже Богъ глагола чрезъ Иеремию на обличение и нынѣшнихъ лживыхъ пророковъ, иже лживе вопияху къ людемъ и неутверженыхъ сердца своимъ лукавымъ умышлениемъ возмущающе и глаголющимъ: «Видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ и извѣщение се, и се, прияхъ отъ Бога», дабы многихъ вслѣдъ себѣ отторгнули. И мнози, тому послѣдующе, по ихъ розсказанию погибоша, и ничто же бысть на ползу, точию не брегуще себѣ, // *(л. 33/34)* смущающе мя, вси тѣмъ огнемъ объяти лютую язву умножаху.

И не дивитеся, чада мои, симъ реченнымъ: не отъ себе бо къ вамъ сия глаголю, но Божия пророкомъ на обличение оныхъ лживыхъ сновидцовъ словеса, и великаго Афанасия Александрийскаго, его же святая православная восточная Церковь столпъ православия имѣетъ. Аще кто вѣруя симъ да творитъ, якоже той пишетъ во 102-й и во 103-й главѣ. Аще ли кто не покаряется, то да творитъ, что хощетъ себѣ и прочимъ. Аще ли не имущии благодати Божия, ни же боящеся Божиа прещениа начнут вѣщати // *(л. 34/35)* въ предъидущее время ложная вѣщания и сония, *ихъ же, по пророку, Богъ до конца отрину, заповѣдая, никако же послушати сихъ, не приемлете сихъ и глаголемымъ отъ нихъ, никако же вѣруйте, зане сопротивна суть Богови*. И аще кто хощет присвоитися Господеви, да никако же вѣруетъ отъ оныхъ лживыхъ пророкъ, сновидцовъ, глаголемыхъ, и не точию да не вѣруетъ имъ, но и обличаетъ ихъ скоро, яко сопротивниковъ Божиихъ и антихристовъ, о таковыхъ бо Апостолъ вѣщаетъ, яко *и нынѣ мнози антихристи суть отъ насъ бо изыдоша // *(л. 35/36)*, но аще бо убо были отъ насъ, пребыли убо быша съ нами, но да явятся, яко не бѣша съ нами*.

Да приводитъ къ намъ, пастырю, мы же данною намъ от Великаго Архиерея Иисуса Христа истиннаго Бога нашего властию вязати и рѣшати, подобающее обличение на таковыхъ лжесловницѣхъ наложимъ, по преданию святыя восточныя Церкви къ таковымъ бо лукавымъ лжесловнымъ сновидцомъ. Самъ Богъ вѣщаетъ пророкомъ:[6] *«Грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправдания Моя и восприемлеши завѣтъ Мой усты твоими, // *(л. 36/37)* ты же возненавидѣлъ еси наказание и отверглъ еси словеса Моя вспять?»*.

Аще убо Богъ на таковыя сице вопиетъ! Кто смѣетъ съ ними совѣщатися, развѣ Богу сопротивляяся? И отвсюду явленно, яко не точию не внимати лѣтъ есть лжесловесию оныхъ лживыхъ сновидцовъ, но и блюстися ихъ, яко губителей покрадывающихъ, яко незлобивая подобаетъ.

И се, Самъ Христосъ Спаситель, предвозвѣщая намъ, да не прелщени будемъ отъ нихъ, глаголетъ:[7] *«Блюдите, да никто же васъ прелститъ; мнози бо приидутъ во имя Мое, глаголюще: “азъ есмь Христосъ”, и многи прелстятъ... // *(л. 37/38)* и будете ненавидими всѣми, имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози; и друг друга предадят, и возненавидит друг друга; и мнози лжепророцы востанут и прелстят многихъ; и, за умножение беззакония, иссякнетъ любы многихъ; претерпевый же до конца (сирѣчь, пребываяи во учении Христовѣ и не послушаяй, по Евангелию, оныхъ лжесловесныхъ сновидцовъ и богоненавистнаго ихъ пророчества ложнаго, той, яко истинный христианин истиннаго нашего Учителя Христа послушник и ученик) спасется»*.

Зане Христосъ // *(л. 38/39)* Спаситель, до конца ненавидяи лжепророчествъ и лукавых сновидѣний, яко истинный Богъ, Сам истинно широчайше намъ отъ тѣхъ блюстися заповѣдаетъ, да не словесы лстивыми, якоже и нынѣшнии лживии сновидцы прелстят насъ. Сего ради самыми своими пресвятыми усты вѣщаетъ: *«Аще, кто речетъ вамъ: “се, здѣ Христосъ” или “ондѣ” – не имите вѣры; востанутъ бо лжехристи и лжепророцы и дадятъ знамения велия и чюдеса, якоже прелстити, еще возможно, и избранныя»*.

Нынѣшнии же лживии пророцы и сновидцы ничто же чюдесъ // *(л. 39/40)* сотвориша, ни же творятъ, развѣ послѣдующихъ имъ сотвориша безвременно и самоволне, въ бѣды себе пометати и многихъ прежде времени лстивыми своими словесы сотвориша умрети, такожде и сами вси умроша! И чюдо! Како и симъ таковымъ лживымъ сновидцомъ мнози ненаказаннии послѣдуютъ? По реченному апостоломъ: «Мнози, – рече, – послѣдуютъ нечистотам их, ими же истинный путь, сирѣчь Христово учение, похулится».

[6] *На поле напротив сноска:* Псалом 49.
[7] *На поле напротив сноска:* Матфей 97.

О них же Христосъ, самая истина, единородный Сын Божий, запрещает нам, глаголяй сице: «Се, прежде рѣхъ вамъ. // *(л. 40/41)* Аще убо рекутъ вамъ: «се, въ пустыни есть» – не изыдите; «се, въ сокровищихъ» – не имите вѣры».

Тако и вы, чада любезная, яко истиннии христиане истиннаго сего Владыки нашего Христа повѣления, никако же преслушайте о иныхъ лукавыхъ лжепророковъ, и ложныхъ ихъ сновидѣний, и лестных словесъ отнюд не послушайте, даже яко заповѣдей Христовыхъ исполнители Самого Того Христа, заповѣдавшего лжепророчествъ и лживыхъ сновидѣний не послушати, мзду многосугубну восприимете.

Якоже и древнии // *(л. 41/42)* християне, не послушавшии лживыхъ учителей. Бяху бо и тогда лживии апостолы, хотящии уподобитися Христовымъ истинным апостоломъ. Но не послушаху ихъ християне, постоянно во Христовѣ учении пребывшии къ нимъ же, коемуждо отъ нихъ Христосъ Спаситель вѣщаетъ:[8] *«Вѣмъ твоя дѣла, и трудъ твой, и терпѣние твое, и яко не можеши носити злыхъ, искусилъ еси глаголющая быти Апостолы, и не суть, и обрѣте я лжа; и понеслъ еси и терпѣние имаши, и за имя Мое трудишися и не изнеможе»*.

Судите сами, чада возлюбленная, // *(л. 42/43)* кого вамъ требѣ послушати? Они бо, лжепророчествующии, повѣлеваютъ вамъ послушати лукавыхъ своихъ сновидѣний, мы же молимъ васъ слушати Христа и Его святыхъ и непорочныхъ велѣний. И вѣмъ, яко всякъ отъ васъ восхощетъ послушати Христа и Его истинныхъ и извѣстныхъ учений. Еже и сотворивше – здраствуйте, чающе восприяти за доброе свое, еже ко Христу послушание, мзду многосугубну!

Но и о сихъ здѣ назнаменуемъ, яко мнози, не вѣдуще Божиа о нас промысла и не воспоминающе своихъ согрѣшений, грѣхи ко грѣхомъ прилагаютъ, глаголюще, яко «сего ради // *(л. 43/44)* человѣка или оного таковая язва бысть въ мирѣ»! И сие глаголютъ туне, забывше реченное Богомъ ко пророку, иже аще *«кто яст терпкое, тому имутъ быти и оскомины»*. Тако: еже кто согрешаетъ, за сие самъ и судъ восприиметъ, а не инии за него! А еже искренняго прегрѣшения воспоминати, никому же се не належитъ. Глаголетъ бо Христосъ: *«Не судите, да не судими будете; имъ же бо судомъ судите, осудитеся; и в ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ»*.

Сия слышаще, чада, разумѣйте, кая полза, еже искреннихъ судити, и не своя грѣхи смотряти? // *(л. 44/45)* Точию пагуба души и Богу сопротивление. И что сего ужаснѣе? *Самъ бо Христосъ Иоанна Саваитскаго, внегда онъ осуди нѣкоего, повелѣ отъ себе отринути, глаголя: «Изримте его, – рече, – вонъ, яко антихристъ Ми есть: преже Моего суда той осуди брата своего!»*

Сего ради молю, чада возлюбленная, престаните, Божий судъ на ся восхищающе, искреннихъ судити. Творяй бо се, самому Богу противникъ есть, по вышереченному Христову слову. Послушайте апостола, вѣщающа: *«Безъответенъ еси, о человѣче, всякъ, судяи, имъже бо судомъ, судиши другу, // *(л. 45/46)* себе осуждаеши, та же бо твориши, судяи. Вѣмы же, яко судъ Божий есть на творящихъ таковая. Помышляеши ли сие, о человѣче, судяи таковая творящим и творя самъ тожде, яко ты избѣжиши ли суда Божия?»*. И паки. *«Ты кто еси, иже судяи чюждему рабу? Своему Господеви стоитъ или падаетъ»*.

Тѣмъ не еже иныхъ судити, но еже своя грѣхи зрѣти и себѣ самѣхъ осуждати навыкните, вѣдяще сие, яко мы непрестанно о васъ молимъ Бога и молитися васъ самихъ молимъ.

Но приидете убо вси, яко же // *(л. 46/47)* тогда и мы нынѣ съ Богословцемъ Григориемъ возопиемъ и восплачемъ, вси православнии народи, мужи и жены и отрочата, всякаго чина и возраста, поклонимся, и припадемъ, и плачемъ предъ Господемъ, сотворшимъ насъ, возставимъ общь плачь на возрастъ и родовы раздѣлшеся. Возвысимъ гласъ моления вмѣсто ненавидимаго ему кричания, той во уши Господа Саваофа вознесем, предваримъ гнѣвъ Его, во исповѣдании восхощемъ Его видѣти, якоже прогнѣвана, тако и прелагаема.

*Кто вѣсть, – рече, – аще обратится и раскается и оставитъ по себѣ благословение? // *(л. 47/48)* Вѣмъ, се, явѣ. Азъ – Божия человѣколюбия испоручник. И еже чрезъ естества есть ему гнѣва оставль на еже по естеству обратится на милость. На оного отъ насъ нудится, на се же стремление имать и

[8] *На поле напротив сноска:* Апос[тол] 2.

аще поражаемъ нудимъ, како не оставитъ естествомъ примѣшаемъ, точию сами ся помилуемъ праведнымъ отца милосердиемъ путь отверзше. Съемъ со слезами, да въ радости пожнемъ, будемъ ниневитяне, а не содомите. Уврачюемъ злобу, да не злобою скончаемся, услышимъ Иону проповѣдующа да не огнемъ и жупеломъ потопимся. // *(л. 48/49)* И еще изыдемъ отъ Содома, взыдемъ къ горѣ, прибѣгнемъ въ Сигоръ, восияващу совнидемъ солнцу, не станемъ во всемъ обсельствии, не озримся, не огустеемъ в тѣло соли, тѣло воистинну безсмертно, и укоризну души въ злобу обращающися*.

*Сия убо мой страхъ и слово, и сице азъ болю къ язвѣ, и сице молюся молитвою, юже и приложу реченнымъ: *Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ, яко забыхомъ заповѣди Твоя*, и вслѣдъ мысли нашея лукавыя идохомъ; яко недостойнѣ званию и благовѣстию // *(л. 49/50)* Христа Твоего пожихомъ и святыхъ Его страстей и еже насъ ради истощания; яко быхомъ поношение Возлюбленному Твоему. Священникъ и людей отступихом вкупѣ, *«вси уклонихомся, купно и нетребѣ быхомъ; нѣсть творяй судъ и правду, – нѣсть до единаго»*. Затворихомъ щедроты Твоя и человѣколюбие Твое и милосердие милости Бога нашего злобы ради нашея и лукавства начинаний нашихъ, съ ними пожихом.[9] Ты благъ, но мы беззаконновахомъ; Ты долготерпѣливъ, но мы ранъ достоини. Вѣмы Ти благость, и убо // *(л. 50/51)* не разумѣюще ни мала ихъ же согрѣшихомъ биеми есмы. *«Ты страшен и кто противу станетъ Ти?»* *Трепетъ приемлютъ отъ Тебѣ горы, и величию мышцы Твоея кто противится? Аще затвориши небо, – кто отворитъ? и аще отверзеши[10] двери его, – кто содержитъ?* *Легко предъ очима твоима, ово убожити и богатити, оживити и уморити, поразити и исцѣлити*. И еже восхотѣти дѣяние есть совершено. *Ты прогнѣвася, и мы согрѣшихомъ*, – глаголетъ нѣкто отъ древнихъ, исповѣдуяся. Мнѣ же и сопротивное время рещи: // *(л. 51/52)* мы согрѣшихомъ, и Ты прогнѣвася. Сего ради *быхомъ поношение сосѣдомъ нашимъ*; *отвратилъ еси лице Твое, и безчестия исполнихомся*. *Но утоли, Господи, остави, Господи, очисти, Господи, не предаждь насъ до конца за беззакония наша*, ниже за нашихъ покажеши иныхъ ранъ, мощно намъ инехъ дѣлма муки уцѣломудритися киихъ? Сихъ, языкъ, не знающихъ Тя, – и царствъ, яже Твоей державѣ не покоришася. *Мы же – людие Твои, Господи, и жезлъ достояния Твоего*. *Сего ради накажи насъ, обаче благостынею, и неяростию Твоею, да не малѣхъ насъ // *(л. 52/53)* сотвориши*, и паче всѣхъ, живущихъ на земли, униженыя сими.

Азъ словесы привлачаю милость. Аще ли же и всесожженми или жертвами бы умолити о гнѣвѣ, ниже и тѣхъ убо пощадилъ бы. Вы же и сами подражайте учителя. Ей, чада любезная, ей, божественнаго наказания общницы и человеколюбия! Стяжите душ ваших покаянием, слезами, милостынею, любовию, правдою, смирением. Уставите гнев, лучша сотворите начинания ваша.*

Преклоните добьродетелными священных Евангелских заповедей исполненьми всещедрую // *(л. 53/54)* утробу Божию на милость, даже неисповедимою Его благостию зде многолетне, безбедне же и благополучне настоящаго жития время препроводим, и в будущем вечныя радости сподобитися, не лишимся молитвами преблагословенныя Девы Богородицы Марии, силою Честнаго и животворящего Креста и боговидных апостол и великих вселенских учителей Василиа Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, и великих чюдотворцов и учителей московских и всеа Русии Петра, Алексиа, Ионы и Филиппа, и всех святых. Аминь.

Примечания

Л. 3. *...августа въ 6-й день...* – Двунадесятый непереходящий праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, который всегда, как и в 1656 году, приходился на Успенский пост. Строгостью правил пощения Успенский пост превосходит посты Петров и Рождественский, но менее строг, чем Великий.

[9] *На поле напротив сноска:* Псалом 75.

[10] *Слово на поле напротив разрѣшиши, которое написано в строке.*

...яко не бываетъ злоба, сирѣчь скорбь... аще не Господь попуститъ, еже гладъ, губителства, недуги и язва и иная... – Слова, отдаленно напоминающие проповедь апостола Павла к Римлянам о наказаниях, ждущих человека за нелюбовь к Богу (ср. Рим. 8:35–37).

Л. 5. *«Аще который епископъ или презвитеръ или диаконъ или поддиаконъ или чтецъ... Аще же мирский человѣкъ не постится, да отлучится».* – Цитата из Кормчей с пропуском предложения из правила, которое подчеркнуто в источнике: «Аще который епископъ или презвитеръ, или диаконъ, или поддиаконъ, или чтецъ, или пѣвецъ въ 40 дней, сирѣчь в Великий постъ, не постится и во все луто во всякия среды и пятки, да изверженъ будет. Токмо аще не пакоститъ ему тѣлесная болѣзнь, немощному бо прощено есть по силѣ вкушати масла и вина. Аще же мирский человѣкъ не постится, да отлучится» (Кормчая. М., 1653. Л. 19 об.).

Л. 6. *В чем тя застану, въ томъ тя и сужду.* – Этих слов нет в Новом Завете, но Церковь считает их полинным изречением Иисуса Христа (проповедь архиеп. Чикагского и Детройтского Серафима: www.russianorthodoxchurch.ws/synod/ser_vlser.html). Слова эти сохранил для христианства мч. Иустин Философ. В конце 47-го диалога с иудеем Трифоном читаем: «Милосердие, человеколюбие и неизмеримое богатство милости Божией, по словам Иезекииля, кающегося во грехах принимает как праведного и безгрешного; а того, кто от благочестия или праведности впадает в нечестие и беззаконие, признает грешником, неправедным и нечестивым. Поэтому-то наш Господь Иисус Христос сказал: в чем Я найду вас, в том и буду судить» (см: www.osgf.ge/tta/books/patrologia/1-324/iustine_martvili/dialog_triponom.rar).

Л. 7–8. *Возопии, – рече, – крѣпостию, и не пощади; яко и трубу вознеси гласъ свой, и возвѣсти людемъ Моимъ грѣхи ихъ.* – Ис. 58:1. Ср.: «Възопии крѣпостию, и не пощади; яко и трубу възнеси глас свой, и възвѣсти людемъ Моимъ грѣхи ихъ» (Библия. Острог, 1581. Л. 89 об.; далее – Библия 1581).

Сыне человѣчь! стража дахъ тя дому Израилеву... ты же душу свою избавиши. Иез. 33:7–9. Ср.: «И ты сыне человѣчь! стража тя Есмь поставилъ дому Израилеву, но услышиши слово отъ устъ Моихъ и проповѣси имъ от Мене. Егда реку грѣшнику: “Грѣшниче! Смертию умреши!”, и не будеши глаголати грѣшнику, якоже снабдѣтися и нечестиву, якоже обратитися ему от пути его и живу быти ему, той безаконникъ безакониемъ своемъ умретъ, а крови его от руки твоея взыщу. Аще ли проповѣси нечестиву путь его, яко обратитися с него и не обратится с пути своего, той в нечестии своем // умретъ, а ты душу свою избавиши» (Библия. 1581. Л. 140 об.–141).

Л. 8–9. *«Рцы пастухом... и плавающаго не обратисте, и погибшаго не поискасте».* – Иез. 34:2–4. Ср.: «И рцы пастухомъ, – се, глаголетъ Аданай Господь, – оле пастуси израилевѣ, еда пасутся пастуси сами! не овца ли убо пасутъ пастусиѣ Се, млеко ядясте, и волною одѣвастеся и тучное закаласте, а овецъ Моихъ не пасосте. Изнемогшаго не подъясте, и болящаго не уврачевасте, и съкрушеннаго не обязасте, и уязвеннаго не зарастисте, и плавающаго не обратисте, и погибшаго не поискасте» (Библия. 1581. Л. 141 об).

Л. 11–14. *«Вопросъ 102. Откуду бывают смертная и чесо ради въ нѣкихъ странахъ пустынныхъ... негли избѣгаетъ тоя во иную страну пришедъ».* – Цитата-выписка двух вопросов (102 и 103-го) из сочинения Афанасия Александрийского, напечатанного в «Скрижали». Ср.: «Вопросъ 102. Откуду бывают смертная и чесо ради въ нѣкихъ странахъ пустынныхъ, языческихъ многажды не бываютъ, но яко же на мнозѣ во вселенныхъ и многонародныхъ градѣхъ и многовѣсныхъ? Отвѣтъ. Глубокъ воистину вопроса отвѣтъ // и малымъ на земли вмѣщаемъ обаче якоже глаголетъ Господь: “Вмѣщаяй да вмѣститъ”. Аще бо рцемъ, яко многажды и отъ звѣздъ тлетворныхъ, и праховъ, и зловония мертвечинъ, и дождевъ лѣтныхъ, и воздымлений, и воспарений земныхъ, и морскихъ недуги тѣлесныя, и тля, и смерти бываютъ, абие не наученнии нѣцыи сопротивляются намъ, аки безпромысленая, яже в насъ глаголющымъ. Их же нѣкихъ и вопросити хощемъ. Рцыте намъ о сии! Како во градѣ нѣкоем смертно бываетъ из града же оного суть во иныхъ странах двѣ или три тысящи // купльствующихъ мужей, и никто же от нихъ скончася? Аще бо Божии гнѣвъ на градъ онъ приспѣ подобаше весма и далече сущым гнѣва вкусити, аще же и не всѣмъ, но любо нѣкимъ отъ нихъ обаче, да не дамы извѣта сия ищущымъ глаголемъ яко многажды ова убо от смертных и по Божию прещению бываютъ ова же и по звѣздъ и прочихъ винъ извѣЪтомъ, яже предрѣхомъ, яже яко

наипаче и растлѣваютъ младенцы, яко немощишии. Обаче и звѣздъ и воздымлений творецъ есть Богъ, рекий Не двѣ ли птицѣ продаются на ассарии, и едина от нихъ // не падетъ без Отца моего, иже на небесѣхъ, ваши же и власи главнии вси изочтени суть. Вопросъ 103. Еда же ползуется или избавляется от смертнаго из града во иную страну бѣгая? Отвѣтъ. Пророку к Богу глаголющу, камо пойду отъ духа твоего и от лица твоего камо побѣжу? Явленно убо, яко Бога убѣгнути никтоже можетъ, аще же воздухъ нѣкий или ина тварь вина есть губителное творящая, негли избѣгаетъ тоя во иную страну пришедъ» (Скрижаль. М., 1655–56. Л. 142–145).

Л. 15. *...овогда убо от Ирода, не требуя бѣжати, бѣгаше...* – Патриарх Никон напоминает читателям эпизоды из земной жизни Иисуса Христа, когда во время правления царя Ирода Ему не раз приходилось покидать родные края. Так, согласно Евангелию, явившийся Иосифу во сне Ангел советовал взять Марию и Младенца Христа и бежать в Египет от преследований царя Ирода; после смерти правителя, в царство Архелая, сына Ирода, Мария, Иосиф и Иисус не смогли вернуться на родину, боясь преследований; в другой раз Иисус, услышав, что Иоанн Креститель находится под стражей, покинул Назарет. Ср.: «Отшедшим же им, – се, Аггел Господень во снѣ явися Иосифу, глаголя: “Востав, поими Отроча и Матерь Его, бѣжи во Египет и буди тамо, дондеже реку ти: хощет бо Ирод искати Отрочате да погубитъ Е”. Он же востав, поят Отроча и Матерь Его нощию и отъиде во Египет»; «Умершу же Ироду, – се, Аггелъ Господень во снѣ явися Иосифу во Египтѣ, глаголя: “Востав, поими Отроча и Матерь Его, и иди въ землю Израилеву: изомроша бо ищущии душию Отрочате”. Онъ же востав, поятъ Отроча и Матерь Его и прииде въ землю Израилеву. Слышавъ же, яко Архелай царствуетъ во Иудеи // вмѣсто Ирода, отца своего, убояся тамо ити; вѣсть же приемъ во снѣ, отъиде в предулы Галилейския»; «Слышавъ же Иисусъ, яко Иоанъ преданъ бысть, отъиде в Галилею и оставль Назаретъ» (Мф. 2:13–14, 19–22, 4:12–13 в: Евангелие. М.: Печатный двор, 1657. Л. 22–23, 24–25, 31; Далее – Евангелие. 1657).

...овогда же хотящимъ на Нь непокоривым жидомъ камение метнути, прошедъ сокровенно посредѣ ихъ... – Здесь Патриарх Никон вспоминает эпизод из земной жизни Иисуса Христа, когда иудейские превосвященники хотели закидать Его камнями за то, что Он называл Себя Богом. Ср.: «Я и Отец – одно. Тут опять Иудеи схватили каменья, чтобы побить Его. Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом... Ученики сказали Ему: Равви! Давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?» (Ин. 10:30–33; 11:8).

...прохождаше, глаголя: «Не у прииде часъ Мой»... – Эти слова Христос произнес при других обстоятельствах, при совершении первого чуда в Кане: когда Мать попросила Иисуса превратить воду в вино, он ответил, что не пришел Его час. Ср.: «Не у прииде часъ Мой» (Ин. 2:4).

...овогда же хотящимъ Его съ горы низринути, такожде утаился отъ жестосердыхъ, прохождаше. – Патриарх Никон напоминает эпизод из земной жизни Иисуса Христа, когда Он, пребывая в Назарете, в субботу, после спора со священниками в синагоге, был изгнан ими из города; священники впали в неистовство и пытались убить Его, сбросив со скалы. Ср.: «И исполнишася вси ярости в сонмищи, слышавшии сия, и восставше, изгнашя Его вонъ из града, и ведошя Его до верху горы, на ней же градъ ихъ создан бяше, да быша Его низринули; Онъ же, прошедъ посреду ихъ, идяше» (Лк. 4:28–30; Евангелие. 1657. Л. 416).

Овогда убо отъ сонмища, хотящаго его убити, оконцемъ по стену свѣшенъ... – Здесь говорится об эпизоде из жизни апостола Павла периода его обращения: будучи в Дамаске и проповедуя Христа, Павел (Савл) был схвачен иудеями, которые решили убить его, однако ученики Павла (Савла) ночью в корзине спустили его по стене. Ср.: «Увѣданъ же бысть Савлу совѣтъ ихъ; стрежаху же врата день и нощь, яко да того убиютъ. Поемше же его, ученицы нощию, свѣсиша по стѣнѣ в кошницѣ» (Деян. 9:24–25 в: Апостол. М.: Печатный двор, 1655. Л. 35; далее – Апостол. 1655).

Л. 15–16. *...овогда же сотникомъ // восхищен бысть и избѣже ловления...* – Здесь вспоминается эпизод из жизни апостола Павла: будучи узником, он направлялся под стражей в Рим; в Адриатическом море корабль, на котором он плыл, сел на мель, и воины решили всех убить, но один из сот-

ников удержал своих товарищей от убийства и предложил умеющим плавать спастись. Ср.: «Попали на косу, и корабль сел на мель: нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн. Воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь вплыв не убежал. Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения и велел умеющим плавать первым броситься и выйти на землю. Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит» (Деян. 27:41–44; 28:1).

Л. 17. *...на фараона с вои при Моисеи потопление...* – В Библии рассказывается, что однажды в пустыне Бог повелел Моисею вернуться в Египет и просить фараона, чтобы тот позволил израильтянам покинуть страну. Фараон отказал Моисею, и Египет подвергся десяти ужасным бедствиям. Только тогда фараон разрешил Моисею вывести евреев из Египта, но вскоре передумал и преследовал израильтян вплоть до Красного моря. Евреи перешли Красное море, а войско фараона утонуло (см: Исх. 14:26–31).

...в Самарии при Осии царѣ Израилев?.. кому мощно бяше укрытися... – Осия, последний царь Израиля, потерпел поражение от ассирийского царя Салманасара V и был вынужден платить ему дань. Когда Осия восстал, Салманасар взял его под стражу и бросил в тюрьму. Через три года Самария, столица Израиля, пала, а жителей угнали в Ассирию (см: 4 Цар. 17). В Библии рассказывается, что народы, переселенные ассирийцами в землю Израилеву, не почитали Господа, и Бог посылал на них львов, которые умерщвляли их. Тогда царь Ассирийский повелел отправить к ним священника, чтобы он научил иноземцев закону Бога (4 Цар. 17:24–28).

Л. 17/18. *...Евангельскому велѣнию бѣжати отъ града во градъ от напасти повѣлевающу, послѣдующе...* – По-видимому, здесь необходимо вспомнить евангельское высказывание: «Егда же гонятъ вы во градѣ сем, бѣгайте в другий» (Мф. 10:23 в: Евангелие. 1657. Л. 75).

Ступайте, людие мои, внидите въ клѣть свою... мимо идетъ гнѣвъ Господень. – Автор обращается к книге Пророка Исаии: «Пойди, народ мой, войди в покои твои и запри за собой двери твои, укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев» (Ис. 26:20).

Л. 22/23. *...егда бо умножится предъ нимъ злоба людей содомских и гоморских... на показание непокоривымъ потопи...* – Согласно Библии, города Гоморра и Содом были уничтожены стихийным бедствием в наказание за грехи их жителей. Пример этих городов служит предостережением Бога Его народу о суде и каре за грех (см: Быт. 13:8–13; 14; 19; Ис. 1:9–10; Иез. 16:48–50).

...праведнаго, глаголю, Лота... спасе, симъ путь спасения показа. – Лот, племянник Авраама, после ссоры между их пастухами поселился на плодородной равнине Содома. Он получил предупреждение о грядущей катастрофе, которая уничтожила Содом за грехи его жителей. По книге Бытия, Лот спасся по воле Бога (см. Быт. 11:31–14:16; 19).

Л. 24/25. *«Бдите и молитеся, яко не вѣсть въ кий часъ Господь вашъ придетъ».* – Мф. 24:42. *«Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть».* – Мк. 14:38.

Л. 25/26–26/27. *Буди // имъ милость Божия!* – Реминисценция: «Да будет милость Твоя, Господи, над нами, как мы уповаем на Тебя!» (Пс. 32:22).

Л. 26/27. *И не постави имъ, Господи, грѣха!* – «Господи! Не постави имъ грѣха сего» (Апостол. 1655. Л. 31).

«Аще кто услышитъ, – рече, – слово Мое и не приемлетъ е... слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдний день». – «И аще кто услышитъ глаголы Моя и не вѣруетъ, Азъ не сужду ему: не приидохъ бо да сужду мирови, но да спасу миръ. Отметаяися Мене и не приемляи // глаголъ Моихъ имать судящаго ему: слово, еже глаголахъ, то судитъ ему в послѣдний день» (Ин. 12:47–48; ср.: Евангелие. 1657. Л. 719–720).

Л. 27/28. *«Внимающе, – рече, – духовомъ лестьчим... сожженыхъ своею совѣстию...»* – 1 Тим. 4: 1–2.

Л. 28/29–29/30. *Сие рече Господь Силъ: не хощите послушати словесъ пророкъ... Кто помысли слово Того – и слыша?* – Иер. 23:16–18 (ср.: Библия 1581. Л. 104).

Л. 29/30. *Въ послѣдняя дни сразумѣете совѣтъ их.* – Иер. 23:20 (ср.: Библия. 1581. Л. 104).

Л. 29/30–31/32. *Не послалъ пророки, а они течаху... они же ничто же успѣша людемъ симъ, – рече Господь.* – Иер. 23:21–32.

Л. 32/33. *Да не препираютъ васъ лживи пророцы... Азъ не послахъ ихъ.* – Иер. 29: 8–9.

Л. 34/35. *...ихъ же, по пророку, Богъ до конца отрину... зане сопротивна суть Богови.* – Патриарх Никон здесь в общем виде напоминает сказанное выше пророком Иеремием о лжепророках и сновидцах, а также, возможно, заставляет слушателей припомнить и другие высказывания ветхозаветных и новозаветных пророков о лжецах, выдающих себя за пророков от Бога; например, Иер. 27: 9–10 (о предупреждении народов, по воле Бога вступающих под ярмо Навуходоносора, не слушать своих пророков и гадателей, сновидцев, волшебников и звездочетцев, призывающих к непокорению Саваофу); Зах. 10:2 (об обманах вещунов); Мф. 24:11–13, 24 (о предсказаниях Богом появления лжепророков и обольстителей); 2 Петр. 2:1–3; 3:3–9 (предостережения о появлении в «последние дни» ложных учителей, «ругателей», сомневающихся в обетовании Господа); 1 Ин. 4:1 (об испытании духа, поскольку много лжепророков развелось в мире).

Л. 34/35–35/36. *...и нынѣ мнози антихристи суть отъ насъ бо изыдоша, // ...но да явятся, яко не бѣша съ нами.* – Парафраза; ср.: 1 Ин. 2:19.

Л. 35/36–36/37. *«Грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши... и отверглъ еси словеса Моя вспять?»* – Пс. 49:16–17; ср.: «Грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправдания Моя и въсприемлеши завѣтъ Мой усты твоими, ты же възненавидѣ наказание и отъверже словеса Моя вспять?» (Библия. 1581. Л. 10).

Л. 36/37–37/38. *«Блюдите, да никто же васъ прелститъ; мнози бо приидутъ во имя Мое, глаголюще: «азъ есмь Христосъ», и многи прелстятъ...* // *...претерпевый же до конца... спасется».* – Мф. 24:4–5; 9–13. Патриарх Никон обращается в большому фрагменту из Евангелия от Матфея, но цитирует его, выпуская несколько стихов внутри и комментируя последнюю фразу о спасении того, кто будет соблюдать Закон Божий; ср.: «Блюдѣте, да никто же васъ прелститъ; мнози бо приидутъ въ имя Мое, глаголюще: «азъ есмь Христосъ», и многи прелстятъ. Услышати же имате брани и слышаниа бранемъ. Зрите, не ужасайтесь; подобаетъ бо всѣмъ симъ быти. Но не тогда есть кончина: въстанетъ бо языкъ на языкъ, и царство на царство, и будутъ глади и пагубы, и труси по мѣста; вся же сиа начало болѣзнемъ. Тогда предпдятъ вы в скорби и убиютъ вы; и будете ненавидими всѣми языки, имени Моего ради. И тогда съблазнятъся мнози; и другъ друга предадятъ, и възненавидит другъ друга; и мнози лжепророцы встанут и прельстятъ многыа; и, за умножение безакониа, изсякнетъ любы многыхъ; претръпѣвый же до конца, той спасется» (Евангелие. 1657. Л. 13 об).

Л. 38/39. *«Аще, кто речетъ вамъ... якоже прелстити, еще возможно, и избранныя».* – Мф. 24:23–24; ср.: «Тогда, аще кто речетъ вамъ: “се, здѣ Христос”, или “ондѣ” – не имѣте вѣры; въстанутъ бо лжехристи и лжепророцы и дадятъ знамения велиа и чюдеса, якоже прельстити, аще възможно, и избранныя» (Евангелие. 1657. Л. 13 об.).

Л. 39/40. *«Мнози, – рече, – послѣдуютъ нечистотам их... сирѣчь Христово учение, похулится».* – 2 Петр. 2:2.

Л. 39/40—40/41. *«Се, прежде рѣхъ вамъ. // Аще убо рекутъ вамъ... не имите вѣры».* – Мф. 24: 25–26.

Л. 41/42. *«Вѣмъ твоя дѣла, и трудъ твой, и терпѣние твое... и за имя Мое трудишися и не изнеможе».* – Откр. 2:2–3.

Л. 43/44. *«кто яст терпкое, тому имутъ быти и оскомины».* – Иер. 31:30. *«Не судите, да не судими будете... в ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ».* – Мф. 7:1–2 (ср.: «Не судите, да не судими будете; имже бо судомъ судите – судятъ вамъ, и в нюже мѣру мѣрите, – възмѣрится вамъ» (Евангелие. 1657. Л. 51).

Л. 44/45. *Самъ бо Христосъ Иоанна Саваитскаго... повелѣ отъ себе отринути, глаголя: «...преже Моего суда той осуди брата своего!»* – В Прологе под 22 октября есть рассказ о преп. Иоанне Саввaитском. У пришедшего к нему монаха Иоанн спросил об иноке, который не пользовался доброй славой; гость ответил, что инок не переменился, а Иоанн воскликнул: «Худо!» – и почувствовал себя как бы в восторге и увидел Иисуса Христа. Спаситель обратился к Ангелам, стоявшим окрест: «Изриньте Иоанна вон, поскольку он посмел осудить инока, брата своего, прежде Моего суда». По слову Спасителя Иоанна изгнали, но в дверях осталась его мантия, что означало лишение Иоанна покро-

ва Божьего и помощи. В этот момент Иоанн проснулся. С тех пор он юродил по пустыне семь лет, оставаясь без пищи и крова, пока не увидел Господа, возвратившего ему мантию. Ср.: Пролог. Октябрь, 22.

Л. 44/45–45/46. *«Безъответенъ еси, о человѣче, всякъ, судяи... таковая творящим и творя самъ тожде, яко ты избѣжиши ли суда Божия?»* – Рим. 2:1–3.

Л. 45/46 *«Ты кто еси, иже судяи чюждему рабу? Своему Господеви стоитъ или падаетъ».* – Рим. 14:4.

Л. 46/47–48/49. *Кто вѣсть, – рече, – аще обратится и раскается и оставитъ по себѣ благословение?.. тѣло воистинну безсмертно, и укоризну души въ злобу обращающися.* – Фрагмент, заимствованный из Слова 15 Григория Богослова, «говоренного в присутствии отца, который безмолвствовал от скорби после того, как град опустошил поля» (*Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Собрание творений: В 2 т. Репринтное изд. Свято-Троицкая лавра, 1994. Т. 1. С. 240).

Л. 48/49–52/53. *Сия убо мой страхъ и слово, и сице азъ болю къ язвѣ, и сице молюся молитвою... Уставите гнев, лучша сотворите начинания ваша.* – Фрагмент, дословно заимствованный из Слова15 Григория Богослова (*Святитель Григорий Богослов*. Собрание творений. Т. 1. С. 238–239).

Л. 48/49. *Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ, яко забыхомъ заповѣди Твоя...* – Дан. 9:5. Цитата (первые три слова) сочетается с парафразой, с переложением части стиха «своими словами».

Л. 49/50. *...вси уклонихомся, купно и нетребѣ быхомъ; нѣсть творяй судъ и правду, – нѣсть до единаго.* – Пс. 52:4.

Ты благъ, но мы беззаконновахомъ; Ты долготерпѣливъ, но мы ранъ достоини. – В основу первых частей фраз, построенных на антитезе, автор положил так называемые общие места стихов псалмов и их части, хорошо известные каждому христианину; ср. в первой фразе: Пс. 24:8; 85:5; 99:5; 111:4; 117:1, 29; 118:68; 134:3; 135:1; 144:9 и проч.; во второй фразе: Пс. 85:15; 102:8; 144:8 и пр.

Л. 50/51. *Ты страшен, и кто противу станетъ Ти?* – Ср.: Пс. 75:8.

Трепетъ приемлютъ отъ Тебѣ горы, и величию мышцы Твоея кто противится? Аще затвориши небо, – кто отворитъ? и аще отверзеши двери его, – кто содержитъ? – Библейская реминисценция; ср.: Ис. 64:1, 3.

Легко предъ очима Твоима ово убожити и богатити, оживити и уморити, поразити и исцѣлити. – Библейская реминисценция; ср.: 1 Цар. 2:6, 7.

Ты прогнѣвася, и мы согрѣшихомъ... – Ис. 64:5.

Л. 51/52. *...быхомъ поношение сосѣдомъ нашимъ...* – часть стиха псалма; ср.: Пс. 78:4.

...отвратилъ еси лице Твое, и безчестия исполнихомся. – Фраза основана на парафразе части стиха из книги пророка Исаии; ср.: Ис. 64:7.

Но утоли, Господи, остави, Господи, очисти, Господи, не предаждь насъ до конца за беззакония наша... – Библейская реминисценция; ср.: Дан. 9: 15–19; особенно Дан. 9:19.

Мы же – людие Твои, Господи, и жезлъ достояния Твоего. – Библейская реминисценция; ср.: Иер. 10:16.

Л. 51/52–52/53. *Сего ради накажи насъ, обаче благостынею, и неяростию Твоею, да не малѣхъ насъ // сотвориши...* – Библейская реминисценция; ср.: Иер. 10:24.

С.К. Севастьянова
Институт филологии СО РАН Новосибирск

«ВОЗРАЖЕНИЕ ИЛИ РАЗОРЕНИЕ СМИРЕННАГО НИКОНА, БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ПАТРИАРХА, ПРОТИВО ВОПРОСОВ БОЯРИНА СИМЕОНА СТРЕШНЕВА, ЕЖЕ НАПИСА ГАЗСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ПАИСИЮ ЛИКАРИДИУСУ И НА ОТВЕТЫ ПАИСИОВЫ». ВОЗРАЖЕНИЕ 13-ГО ВОПРОСА И ОТВЕТА

«ВОЗРАЖЕНИЕ» ПАТРИАРХА НИКОНА: ОПЫТ ИЗДАНИЯ ТЕКСТА*

В письменном наследии Патриарха Никона «Возражение» занимает особое место. В самом значительном своем сочинении московский Патриарх сформулировал собственные взгляды на актуальные вопросы современности (в частности, о соотношении святительской и церковной властей, о пастыре и светском правителе), изложил свою религиозно-богословскую систему. Именно поэтому «Возражение» до сих пор привлекает внимание в основном историков, которые видят в нем прежде всего исторический источник[1]; «Возражение» изучают как свод богословских и экклезиологических взглядов Патриарха Никона[2]. На анализе текста «Возражения» строятся противоречивые оценки историков о Никоне как писателе. Если В.Н. Берх, И. Ламанский и митрополит Макарий (Булгаков) были невысокого мнения о творческих способностях Патриарха Никона[3], то Н.А. Гиббенет, напротив, свидетельствовал о «глубоком знании» владыкой Священного Писания, его «начитанности и обширности ума», о способности к отражению на письме «характера и... душевного настроения»[4]. В.С. Румянцева, рассматривая тексты Патриарха Никона как важные документы, отразившие противоречия современной Никону эпохи, указывает на «трудности языка, стиля» владыки[5]; а Д.Ф. Полознев в работах о Патриархе Никоне подчеркивает высокую богословскую эрудицию автора, «опирающегося на библейскую и евангельскую историю, творения святых отцов, решения Вселенских и Поместных Соборов и законы византийских императоров»[6].

Совершенно очевидно, что это обширное по объему и сложное по содержанию полемико-богословское сочинение Патриарха Никона нуждается в тщательном филологическом изучении, и прежде всего как памятник, составленный в традиции полемической культуры и русской публицистики XVI–XVII веков.

«Возражение» представляет образец авторского стиля Никона, изучение которого продолжает исследование представлений Патриарха о словесном творчестве, начатое на материале его духовно-назидательных и эпистолярных сочинений[7]. Чтобы показать, что «Возражение» продолжает традиции русской публицистики XVI–XVII веков, необходимо сравнить художественную систему Никона с публицистической и литературной деятельностью писателей и публицистов XVI века (например, Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила, царя Ивана Грозного и др.[8]) и XVII века – современников Никона, писателей разных литературных школ (Александра, архиепископа Вятского, газского митрополита Паисия Лигарида, Афанасия, архиепископа Холмогорского, и др.).[9] Выявление методов авторского самовыражения Патриарха

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Литература и документ: две взаимодействующие системы текстов».

Никона, особенностей его концепции текста и способов отстаивания через письменное слово идейных воззрений позволит вписать «Возражение» в традицию русской публицистики XVI–XVII веков.

Выявление принципов работы Никона с разными типами источников – исследование, начатое при изучении эпистолярных сочинений патриарха[10], – позволит обнаружить в «Возражении» характерные для Патриарха способы построения авторского текста и описать их[11], показать важные интертекстуальные связи, пронизывающие письменное наследие московского владыки[12].

Важнейшая в изучении «Возражения» проблема – установление истории текста. Так, до сих пор не проведено текстологическое исследование памятника, несмотря на то что известны его 14 списков, которые, как показали предварительные наблюдения над текстом, представляют «Возражение» в двух редакциях: авторской (ее сохранило подавляющее большинство списков) и сокращенной, составленной историками XIX века, которые предельно кратко и конспективно изложили высказывания Патриарха Никона (три списка); кроме того, нами обнаружен особый список «Возражения», где автобиографическое повествование владыки дополнено учениками и последователями Патриарха неизвестными по другим источникам фактами и событиями из биографии Никона.

До сих пор не решена и проблема датировки сочинения[13], решение которой, в свою очередь, возможно, позволит объяснить особенность повествования в «Возражении» – переходы с первого лица на третье и обратно. Вероятно, проблема «коллективного книжного творчества», характерного для средневековых монастырских скрипториев, стала актуальной во второй половине XVII века и в Воскресенском монастыре.

Сочетание разных стилевых пластов в творчестве Патриарха Никона[14], что ярко проявилось и в «Возражении», не позволяет однозначно определить жанр произведения, в котором исследователи усматривают традиции и прения,[15] и завещания[16] и др.

Для решения всех поставленных задач при изучении «Возражения» первоочередным делом, как представляется, должно стать научное издание текста памятника с реальным, историко-филологическим комментарием. Существующие сегодня издания «Возражения» не отвечают этим критериям[17].

В качестве примера публикации, снабженной историко-филологическим комментарием, ниже приводится текст 13-го «возражения» по рукописи ГИМ, собр. Воскресенского монастыря, № 133 (60-х годов XVII века). Содержание этой главы объясняет название Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

В комментариях обозначаются источники 13-го ответа Патриарха Никона (и их виды – библейские, святоотеческие, богословские, законодательные); конкретные издания, с фрагментами из которых мной проводилось пословное сравнение авторского текста; со ссылками на архивные документы комментируются исторические даты, упомянутые в тексте. При воссоздании авторского текста в подстрочных примечаниях приводятся все пометы на полях рукописи.

Поскольку Патриарх Никон, составляя «Возражение», отталкивается каждый раз от содержания заданных боярином С.Л. Стрешневым вопросов и ответов на них газского митрополита Паисия Лигарида, мной отмечаются фрагменты вопросов-ответов этих оппонентов Патриарха. В качестве источника вопросов-ответов Стрешнева-Лигарида привлечено издание этого сочинения, выполненное Н.А. Гиббенетом[18].

Следует заметить, что издаваемый ниже текст не является окончательным вариантом, в котором выявлены и отмечены все источники. Дело в том, что некоторые из них можно точно назвать только после окончательной сверки всех фрагментов возражений, где они использованы. Речь, например, идет о преданиях Седьмого Вселенского Собора, читаемых в Неделю Православия во время Великого поста (в нашей публикации это л. 97–98 об.); о так называемых общих, находящихся на слуху, выражениях, восходящих к библейским высказываниям типа «имать стати мерзость запустѣния» (л. 89). Предлагаемая публикация – первый шаг к изданию текста «Возражения» Патриарха Никона с максимально полным перечнем источников и типов заимствований, исчерпывающим комментарием исторических дат и событий.

Текст издается по правилам ТОДРЛ.

ВОЗРАЖЕНИЕ 13-ГО ВОПРОСА И ОТВЕТА

(л. 85 об.) Глаголеши, совопросниче, яко «Никонъ строитъ нынѣ, по се время, одинъ монастырь и назвал его Новым Иерусалимом. Доведет ли ся, чтоб такъ свята града имя // *(л. 86)* было перенесено и иному даноѣ».

Не позорю азъ Староноваго Иерусалима, еже называю Воскресенской монастырь Новаго Иерусалима, понеже писано есть во пророцѣх: *«Из Сиона изыдетъ законъ, и слово Господне – изъ Иерусалима»*. Того закона есмь любитель и слова Господня хранитель. Не стыжюся и самъ иерусалимляниномъ нарицатися и со всѣмъ восльдующим намъ. Писано есть: [а],*«Отроча родися намъ; и Сынъ дастъся намъ; Ему же власть на рамѣ Его... и мирови Его нѣсть предѣла»* и помалѣ. Велия власть Его!, и мирови Его нѣсть предѣла! Да кто описалъ, есть от Сиона закону мусто? Писано есть: *«Не вси, иже от Израиля, сии Израильтяне; ни же иже от Авраама, сии суть сынове Авраамли»*. *Но иже дѣла Авраамова сотворит, той сынъ // *(л. 86 об.)* Авраамль есть*. Тако не вси от Иерусалима сии суть иерусалимляне, но иже законъ от Иерусалима изшедшии сохранитъ.

Да кто укоритъ мя о семъ, развѣе иже не любитъ Господа? Аще ли кто того Иерусалимомъ назоветъ – не погрѣшитъ истины. Зане начало тому бысть царскаго величества, и всего освященнаго Собора, и всего царьскаго сигклиту. *Зане и на освящении первыя церкви, Воскресения Христова, изволися великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу со всѣм сигклитом быти. Изволи же ся ему, великому государю, именемъ звати Новый Иерусалимъ и в своихъ царьских грамотах написать своею рукою на утверженье, еже и нынѣ таковая грамота ево, государева, // *(л. 87)* держится в честнѣ мѣстѣ*.

На ково ты, злоначальный человѣче, отвѣтотворче, злые поносы твориши, глаголя: *«О, недостоинство! О, неизвычена новость! Не называетъ тот монастырь новую обитель, но Новый Иерусалим!»*. Смотри и виждь откуду начася таковое звание. Не на него ли ты таково поношение износиши и досаду твориши? И паки глаголеши, издыха: *«...о, Никоне, ново писмо начинаешь, которого желаютъ и дожидаются себѣ жидове, что изыдетъ новый месия в Новом Иерусалимѣ, на удачю, не в твоемъ антихристова родителница»*.

Зѣло мнѣ видится, безумный человѣче: не вѣдѣти тебѣ божественнаго Писания, ни силы его. И глаголеши, яко ново писмя начинаю. // *(л. 87 об.)* Азъ и тебя по святымъ канономъ проклинаю, начинающаго чрезъ божественыя правила новыя законы издавати на соблазнъ людемъ. *Не погрѣшил бы тотъ истины, аще бы кто обязал о выи твоей жерновный камень и потопилъ в море, яко же во Евангелии пишется*. Аще не вѣси, идѣ же подобаетъ отцу твоему, Антихристу, родитися, мы ти от святыхъ книгъ покажем мѣсто, а не яко же ты, еже собою что смыслил, то и глаголеши; но ничто же истинно – вездѣ лжи полно, яко же и здѣ. Слыши, лжетворче, како имать Антихристъ родитися и гдѣ!

Господу глаголющу во святѣмъ Евангелии:[б] *«Блюдите, да никто же васъ прелститъ. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще, яко “аз есмь Христос”, // *(л. 88)* и многи прельстятъ. Услышати же имате брани и слышания бранемъ. Зрите, не ужасайтеся; подобаетъ бо всѣмъ симъ быти. Но не тогда есть кончина: востанетъ бо языкъ на языкъ, и царство на царство, и будут труси же велицы по мѣстом, и глади, и пагубы будутъ, страхования велия с небесе будутъ. Вся же сия начало болѣзнемъ. Тогда предадятъ вы в скорби и убиютъ вы; и будете ненавидими всѣми языки, имени Моего ради. И тогда соблазнятся мнози; и друг друга предадятъ, и возненавидитъ другъ друга. И мнози лжепророцы востанутъ и прелстятъ многия; за умножения беззакония изсякнетъ любы многихъ»*.

[в],*«Прежде же сихъ всѣх возло//*(л. 88 об.)* жатъ на вы руки своя и ижденутъ, предающе на сонмища и темница, ведоми ко царемъ и владыкамъ, имени Моего ради. Прилучитъ же ся вамъ во свидѣтелство»*. *«Предани же будете и родителию и братиею, и родом и други, и умертвятъ от васъ; и будете ненавидими от всѣхъ, имене Моего ради»*.

[а] *В рук. на поле напротив помета:* Исайя глава 9.

[б] *В рук. на поле напротив помета:* Марк 13; к Селун 2; Мф 24; Лука 21.

[в] *В рук. на поле напротив помета:* Лука 21.

«Претерпѣвыи же до конца – той спасется. И проповѣсться Евангелие Царствия по всей вселеннѣй, во свидѣтелство всѣмъ; и тогда приидетъ кончина. Егда убо узрите мерзость запустѣния, реченную Данииломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ, идѣже и подобаетъ, – иже чтетъ да разумѣетъ» и помалѣ.

г,*«Будутъ бо дние тии скорбь, якова не бысть такова от начала созданию, // *(л. 89)* еже созда Богъ, донынѣ, и не будетъ»*. *«Но в тыя дни, по скорби той, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды будутъ с небесе падающе, и силы, яже на небесѣхъ, подвигнутся. И тогда узрятъ Сына Человѣческаго, грядуща на облацѣх с силою и славою многою»* и прочая.

Виждь, человѣче, гдѣ имать стати мерзость запустѣния на мѣстѣ святѣ! Не иже ли во Иерусалимѣ? Пошедъ, скажемъ. Како ты сводиши таковыми безумными приклады, яко Антихристу изыти из Воскресенского монастыря Новаго Иерусалима?

Послушай же и апостола Павла, глаголюща:д *«Да никто же васъ прелститъ ни по единому же образу, яко аще не приидетъ отступление прежде и откроется человѣкъ беззаконию, сынъ поги// *(л. 89 об.)*бели, противникъ и превозносяися паче всякого, глаголемаго Бога или чтилища, якоже ему сѣсти во церкви Божии, аки Богу, показуя себе, яко Богъ есть. Не помните ли, яко еще живый, у вас сия глаголахъ вамъ? И нынѣ одержащее вѣсте явитися ему во свое ему время. Тайна бо уже дѣется беззаконию, точию держаяи нынѣ, дондеже от среды будетъ, – и тогда явится беззаконный, его же Господь Иисус убиетъ духомъ устъ Своих и упразднитъ явлениемъ пришествия Своего, егоже есть пришествие, по дѣйству сатанину, во всякой силѣ и знамениихъ и чюдесѣхъ ложныхъ, и во всякой льсти и неправдѣ в погибающих, зане любовь истинныя не прияша, во еже спастися имъ. И сего ради послетъ // *(л. 90)* имъ Богъ дѣиство лсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ приимутъ вси не вѣровавшии истинѣ, но благоволиша о неправдѣ»*.

с,*Навыкнемъ спасеная словеса, како всегда намъ утвержатися запоручаетъ. «Блюдитеся, – рече – да не прелщени будете. Мнози бо приидутъ о имени Моем, глаголюще, яко “азъ есмь”; ибо по еже вознестися Ему ко Отцу, бысть о них что: и восташа нѣцыи, глаголющии, яко “азъ есмь Христос”, якоже Симон волхвъ и инии мнози, им же нѣсть нынѣ время имянъ воспомянути. Тѣм же и в послѣдняя дни скончания подобает паки востати лжепророкомъ, мужем, глаголющим: “Се, здѣ Христос или ондѣ”. Не имитѣ вѣры!, но суетно мудрование стяжавшии // *(л. 90 об.)* и писания прилѣжно не почитающии взящутъ мя, еже обрѣсти, и не возмогут. Подобаетъ бо симъ первѣе быти, и тако явитися сыну погибелну, сирѣчь, диаволу.

Отнюду же и богословцы, апостоли, извѣстующе Господа Иисуса Христа свидѣтелство, кождо ихъ показа – скверныхъ и тлѣтворныхъ человѣк – показание и проповѣдаша явѣ тѣхъ неправедная дѣяния.

Первый, Петр – камень Церкве и вѣры, его же ублажи Христос, Богъ нашъ, учитель церковный. Первый ученикъ, иже ключи Царствия имѣющи, научи нас глаголя:ж “Сие же вѣдите, чада, яко внидут в послѣдняя дни ругатели, по своихъ похотехъ ходящии”; “И в вас будут ложнии учителие, иже введут ереси погибелныя”. С симъ же согласуетъ // *(л. 91)* святый Иоанн Богослов, возлюбленный Христу, взывая:з “Явѣ суть чада диавола, и нынѣ антихристи мнози быша”, но да не прелстятся во слѣдъ их. “Не всякому духу вѣруйте, яко мнози лжепророцы и лжехристи в миръ внидоша”. Таже Июда Ияковль, подобно сим, глаголетъ: “В послѣдняя времена будутъ ругатели, по своих ходящии похотѣхъ нечестивыхъ» – сии суть, иже «без страха себе пасущии”.

Разумѣсте ли богословец и апостол согласие и единомыслие учительства ихъ? Послушай еще к симъ Павлово дерзновение, како таковымъ явѣ открываетъ:и “Блюдитеся от злых дѣлателей, блюдитеся отсѣчения невѣрных”; “блюдитеся, да некто васъ будетъ крадыи философиею тщею и лестною”; // *(л. 91 об.)* “блюдите, како опасно ходите”, “яко дние зли суть”. Но скончания симъ слову давше, обратимъ повѣсть на послѣдующая нам.

Прочее же еже о Антихристѣ, отчасти вамъ скажемъ, но елика возможно, пророк ради, и Писанием воспроповѣм, еже на всю землю прелесть его и законопреступное прихождение.

Господу бо Иисусу Христу по плоти на землю пришедшу, от святыя чистыя Девы Июдино племя восприемшу, от него же прошедъ, царьское сродство изъяви, по Иакову, иже во благословении чадъ возглашающему к своему сыну:к “Июдо! тебе возхвалят братия твоя. Руцѣ твои на плещу враг твоих... Скименъ львов Июда, от лѣторасли, сыну мои, взыде. Возлегъ, поспа, // *(л. 92)* яко левъ и яко скименъ. Кто возбудит его? Не оскудѣет князь от Июды ни же вождь от стегну его, дондеже убо придет, Емуже щадится, и той чаяние языком”.

Видѣ ли Ияковли глаголы ко Июдѣ, глаголемы, и на Господѣ исполняеми? Таковая же убо и о Антихристе. Патриарх взывает тѣм же, яко и о Июдѣ пророчествова. Тако же и о сынѣ своем, Данѣ:л “Да будет Данъ змий, при пути сѣдя, хапля пяту коню”. Змий убо – кии сии?, но иже изначала льстецъ, прелстивый Адама!

Но понеже, многихъ ради, достоитъ показати глаголемая, не обленимся, яко убо во истину от колѣна Данова хощетъ родитися и противитися мучитель сый, царь и судия, лютый диавол. Рече пророк: // *(л. 92 об.)* “Дан судит людем своим, яко сый едино племя от Израиля”. Глаголет Иеремия: “Спѣхъ от Дана услышим, борзостию коня его потрясется вся земля”. И паки Моисей рече: “Скимен львовъ Дан изскочи от Васана”: якоже убо от колѣна Июдова родися Христос; сице, и от колѣна Данова родися Антихрист». И сотворитъ вся елика Христос сотвори! «Исперва июдеиский язык возлюбит, по сихъ же всѣхъ знамения сотворит и чюдеса страшна, не по истинѣ же, но по привидѣнию, яко прелстити подобныя себѣ нечестивыя, аще возможно, и избранныя отставити от любве Христовы». И всяку добродѣтель навыкнетъ! «И всѣх прелстит, во еже сотворити его царя. Исперва убо лстивнѣ приемлет // *(л. 93)* ложь, беззаконный, отречется славы своея; человѣцы же пребудут, моляще его, и поставят его царя. Та же вознесется сердцем своим во царствии своемъ и ополчитъ брань, и три цари убиет гнѣвомъ: Египетцкаго, Ливийскаго и Ефиопскаго. И по сих сотворит церковь, иже во Иерусалимѣ, и возставит ея Июдеомъ. Та же вознесется сердцемъ на всякого человѣка, не точию же, но и на Бога хулная речет, помышляя, окаянный, яко царь будетъ даже до вѣка, не вѣдыи, всестрастный, яко царство его вскорѣ разорится, и восприиметъ уготованный ему огнь со всѣми покаряющимися тому и сослужащими».*

Прочее же, пространнѣе хотяи навыкнути о хотящихъ быти сложение от святаго Евангелия и святыхъ апостолъ о сем, // *(л. 93 об.)* Ипполитово прочти и увѣси, или Мефодия, епископа Патарскаго, о Антихристѣ: *«Сей родится в селѣ Хоразинѣ и воспитается в Вивсаидѣ, и воцарится в Капернаумѣ. Возвеселитъ же ся весь Хоразинъ, яко родися в немъ, и Вивсаида, яко воспитася в немъ, а Капернаум, яко воцарися. Сего ради Господь во Евангелии рече по-трищи: “Горе тебѣ, Хоразине! Горе тебѣ, Вивсаида!.. Горе тебѣ, Капернауме!, яко до небесъ вознесеся и до ада низведешися”. И внидетъ сын погибелный во Иерусалимъ и сядетъ во церкви Божии»*, и прочее сотворитъ, елика во инѣх книгахъ пишетъ.

Такожде и святый Ефремъ пишет: *«Родится из скверныя жены и покажется во всемъ благъ и кротокъ. И возлюбят сквернии жидове, // *(л. 94)* чтити его начнутъ, и радоватися царству его. Онъ же, всескверный, тѣх почитати начнетъ, и мѣсто, и церковь имъ воздвигнетъ».*

Святый же Андрей въ девятомъ слове на толкование Откровения пишетъ:м *«Воспоминая Евфрата, яко от онѣхъ странъ исходитъ Антихристъ».* *«К сему же и Новый Иерусалимъ, возлюбленный градъ, взяти и поработити хотящий, из него же божественый законъ чрезъ апостоли во все-

г В *рук. на поле напротив помета:* Марк 13.
д *В рук. на поле напротив помета:* 2 Сол 275.
с *В рук. на поле напротив помета:* Священномуч Ипполит
ж *В рук. на поле напротив помета:* Петр 68.
з *В рук. на поле напротив помета:* 1 Иоанн 71.
и *В рук. на поле напротив помета:* Филипии 244.
к *В рук. на поле напротив помета:* Быт 49.
л *В рук. на поле напротив помета:* Быт 49.
м *В рук. на поле напротив помета:* Апок глава 9.

ленную протече, идѣже глаголютъ, яко и Антихристъ в храмѣ Божии сядетъ, или во июдеистѣм древле, убо божественнѣмъ, разрушеннѣм же за дерзость на Христа, и от него паки исправитися чаемѣмъ богоборцами Июдеями; или во истинну в божественнѣм храмѣ, в соборной церкви, туждаяи, себѣ // *(л. 94 об.)* присвояи, показуя себе, яко Богъ есть, якоже глаголетъ апостолъ. Но не надолго, глаголет, огнь с небесе сошедъ, или видимый, якоже на два пятьдесятники при Илии, или Христово славное пришествие, убиетъ духомъ устъ своихъ»*.

Доволно ли ти есть, лжесловче, о антихристовѣ пришествии, вкратцѣ реченная от святыхъ книгъ?

Мы же, от Спасителя Христа научившеся молитися, еже не внити в напасть, протяженнѣ и прилѣжнѣ о семъ помолимся, немощь свою познавше, избавитися прорекованных искуса, и ниже видѣти антихристово пришествие, ниже предглаголанных язык движение, ниже бѣду смертную от спасителныя вѣры отступити, насилующую, но свидѣтелство совѣсти по // *(л. 95)* силѣ соблюдающее, невредимо, неуязвлено ко искупившему насъ честною Своею Кровию Христу Богу распалениемъ любве, дѣлы благими показующе, вѣчных благъ сподобимся.

Глаголеши, отвѣтотворче, яко *«единъ есть Иерусалимъ на земли, а вторый на небеси».* Покажи ми описание, яко же небеснаго, тако же и земнаго качество и количество! А есть ли кто от Иерусалима изнесенный законъ чрез апостолы хранитъ, может нарицатись Иерусалимлянинъ или ни? Да почто во Антиохии почася христианское имя нарицатися? И еже нынѣ и повсюду нарицаются христиане, согрѣшаютъ ли в семъ христиане или ни? Да аще: нѣсть подобно держаи иерусалимскии законъ, Иерусалимлянинъ нарицатися, то ни же // *(л. 95 об.)* христианиномъ кому лѣпо есть нарицатися, развѣ единыя Антиохии, еже нынѣ всюду нарицаютъ. И аще: не лѣпо есть христианомъ нарицати, ни же от первообразных кому за любовь первообразнаго вообразити что любо, вещь кую, или именемъ тѣмъ нарещися, то уже все, елико от первообразных воображенная или нареченная – вся неправа суть, по твоему, безумный отвѣтотворче, списанию проклятому. То уже нѣсть праведно! И Евангелие, Богомъ преданое во Иерусалимѣ, гдѣ индѣ нарицати Евангелием, ни же святый Крестъ, развѣе святыя Голгофы, ни же церковь Воскресения Христова, развѣе церкви святаго Иерусалима града? И списать будетъ и от святого Еуангелия реченное Спасом слово: *«Шедше в миръ весь, // *(л. 96)* проповѣдите Евангелие всей твари. Иже вѣру имать, крестится, и спасенъ будет; а иже не имать вѣры, осужденъ будет».* [и] *«И рече имъ, яко тако писано есть и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути от мертвых третии день, и проповѣдатися во имя Его покаянию и отпущению грѣховъ во всѣхъ языцѣх, наченше от Иерусалима. Вы же есть свидѣтелие симъ»*.

Зри, отвѣтотворче суемудрене, яко не единому Иерусалиму предано святое и священное Евангелие, но в весь миръ, яко же пишетъ: *«И проповѣсться Евангелие во всемъ мирѣ... тогда приидетъ кончина».* Согрѣшаютъ ли в том, еже, преписавъ от оного иныя многия, содержатъ во всей вселеннѣй и нарицают Евангелие, а не образецъ? // *(л. 96 об.)* Такожде и святый Крестъ повсюду есть, еже поченшеся от святаго царя Константина и матере его Елены. Несть повсюду Крестъ? Такожде и святыя иконы зрим Владычния о насъ страсти, Крестъ, гробъ, адъ умерщвеный и разрушенный, апостолъ проповѣдание, мучениковъ подвиги, вѣнцы, самое Спасение, еже первый нашъ подвигоположникъ и подвигодатель, и вѣнечникъ посреди земли спасение[о] содѣла. Согрѣшаетъ ли кто, еже в славу Господу Богу с любовию созиждетъ храмъ во имя Святаго Восресения, по образу храма Воскресения, еже есть во Иерусалимѣ, величествомъ, и мѣрою, и добротою? Несть ли новая иная нарицатися можетъ, а не таяжде, яже суть иерусалимская? Или неподобно началъ той, кто любо // *(л. 97)* тако творит? Отвѣщай! И что суть множество повсюду святых церквей, еда не таяжде иерусалимская церковь и святый Сион? Развѣе иныя еретическия, другия церкви, нигдѣ же есть другая?

Послушай, прелестниче, еже прияла Святая Соборная Церковь предание святаго Вселенского собора в неделю Православия держати.

[и] *В рук. на поле напротив помета:* Лк 114.

[о] *В рук. слово между строк.*

*«Должное к Богу лѣтнѣе благодарение, в онь же день прияхомъ Божию Церковь, с показаниемъ благочестия догмат и развращениемъ злобы нечестия. Пророческимъ послѣдующе рачениемъ, апостольскимъ учениемъ покаряющеся и евангельскими повѣстьми учащеся, обновлении день празднуемъ. Исаия бо рече: “Обновляйтеся, острови, к Богу, от языкъ, гадателствуя, церкви // *(л. 97 об.)* бяху же”, убо церкви – не просто храмовъ здания и свѣтлования, но в тѣхъ благочествующих исполнение, и ими же они Божеству пѣснми и славословии служат. Апостолъ же, самому сему уча, во обновлении жизни ходити повелѣваетъ; и аще кая во Христѣ новая тварь обновлятися, словеса же Господня и пророческое показующе. “Состояние быша, – рече, – обновления во Иерусалимѣх, и зима бѣ”: или убо мысленая, в ню же родъ июдеиский на общаго Спаса сквернoубийства подвизаше бурю же и молву, или оскорбляющая тѣлесная чювства пременением воздуха на зимноту. Бысть же убо и на нас зима не прилучшаяся, но во истину великия злобы изливающая суровство. // *(л. 98)* “Помяни, Господи, поношение рабовъ Твоихъ, его же удержал еси в нѣдре моемъ многихъ языковъ; им же поносиша врази Твои, Господи, им же поносиша и знамѣние Христа Твоего”.

Измѣнение же убо бяше Христово – смертию Его искуплении, и вѣровавшии Ему словомъ же проповѣди и иконнымъ изображением, ими же велие дѣло смотрения избавленымъ познавается. Крестомъ же, и прежде Креста, и по Крестѣ страстьми же и чюдесы Его от нихъ же; и подражание страданий Его на апостолы, оттуду же на мученики преходитъ, и тѣми же даже до исповѣдниковъ и постниковъ преходитъ. Вѣрующим и проповѣдающимъ, си есть благовѣствующимъ словеса на писменах, вещи // *(л. 98 об.)* на начертаниихъ, и во едину обое совершати ползу, словесы же проповѣдание и иконами истинны извѣщение, словомъ освящающимъ устнѣ, таже слышателемъ, словом вѣдущимъ же и проповѣдающимъ, яко освящаются убо такожде честными иконами очи зрящих, воздвижетъ же ся тѣми умъ к боговидѣнию; яко же и божествеными храмы, и священными сосуды, и иными вещми в писаниихъ, и умышлениих в жертвах, в храмѣх, во изображениихъ тому убо, яко Богу и Владыцѣ поклоняющеся и чтуще. Сия вѣра апостольская, сия вѣра отеческая, сия вѣра православная, сия вѣра вселенную утверди»*.

Зриши, неправедный отвѣтотворче, како святии апостоли и святии отцы священными // *(л. 99)* изображении, и храмы, и жертвами, и священными сосуды, и иными вещми в писаниих и умышлениихъ? Очи зрящих воздвижетъ же ся тѣми умъ к боговидѣнию, яко же и Великому Василию мнится: «Священными иконами умъ на первообразное возводити».

Да которой грѣхъ от первообразныхъ в славу Божию, аще кто кую священную вещь преписати, яко же, глаголю, святое священное Евангелие и прочия святыя книги? Или иконнымъ изображениемъ, по заповѣди святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, еже суть Рождество Христово, и Крещение, евангельское проповѣдание, и еже от христоненавистных жидовъ укорение, поругание, оплевание, Распятие и смерть, во гроб положение, и Воскресение, и ада // *(л. 99 об.)* разрушение? Таже святыхъ и священных апостолъ проповѣдание, и страсти, и святых мучениковъ подвиги и мучение, и святыхъ и преподобныхъ житие и исправление, и святыхъ храмовъ, и прочихъ вещей, во славу Божию зиждемыхъ? Или самого того Иерусалима, кто бы по образу его во славу Божию святое ограждение создалъ на видѣние приснопамятнаго святого того Иерусалима, в нем же спасения содѣяшеся? Или мнится – безчестно есть?

Да аще града от первообразнаго ин создати – беззаконно есть, то и все ты, непреподобный, обругалъ! И ни же уже ктому мощно есть преписати кому Евангелие, или изообразение которое, или священныя храмы, и прочия // *(л. 100)* вещи от первообразных воображеныя.

И что различие, ты глаголеши, еже начертаными или воображеными, яже суть иконы, и яже суть храмы, и жертвенники, иже повсюду от первообразных размножишася? Вся, кромѣ церковнаго предания и учения, и изоображения святых и приснопамятныхъ отецъ, обновляемая или посемъ содѣянная, проклята!

Глаголеши, отвѣтотворче: *«будетъ вопросъ: кто истинный патриархъ Иерусалимский?»*. *Смотри хрисовула, святѣйшихъ вселенских патриархъ руками подписаннаго осмиюдесят со двема, и печатми утвержена, о чести московских патриархъ и сѣдалища о равночестии*. Аще самъ не вѣси, вопроси вѣдущих, яко ни града, ни же что любо ино есть, развѣе монастыря и святых церквей. //

Комментарии

Л. 85 об.–86. *«Никонъ строитъ нынѣ, по се время, одинъ монастырь... свята града имя // было перенесено и иному дано?»* – Патриарх Никон цитирует 13-й вопрос С.Л. Стрешнева Паисию Лигариду без заключительных слов «и опозорено». См.: Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. докум. Н. Гиббенет. СПб., 1884. Ч. 2. С. 530.

Л. 86. *«Из Сиона изыдетъ законъ, и слово Господне – изъ Иерусалима»*. – Ис. 2:3.

«Отроча родися намъ; и Сынъ дастъся намъ; Ему же власть на рамѣ Его... и мирови Его нѣсть предѣла». – Ср.: Ис. 9:6, 7.

Не вси, иже от Израиля, сии Израильтяне; ниже иже от Авраама, сии суть сынове Авраамли. – Ср.: Рим. 9: 6–7.

Л. 86–86 об. *Но иже дѣла Авраамова сотворит, той сынъ // Авраамль есть.* – Ср.: Ин. 8:39.

Л. 86 об.–87. *Зане и на освящении первыя церкви, Воскресения Христова... грамота ево, государева,// держится в честнѣмѣстѣ.* – 17 июня 1657 года Патриарх освятил в Воскресенском монастыре деревянную церковь во имя Воскресения Христова; на освящении присутствовал царь Алексей Михайлович с синклитом. По освящении царь и патриарх обошли весь монастырь и поднялись на гору Елеонскую, здесь царь нарек имя месту сему – Новый Иерусалим, что подтвердил письменно. Письмо царя Никон вложил в особый ковчежец и положил под крест на месте престола будущего каменного собора Воскресения или в камень при закладке и освящении места будущего собора. – Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 102–103.

Л. 87. *«О, недостоинство! ...но Новый Иерусалим!»*. – Патриарх Никон приводит цитату из ответа Паисия Лигарида на 13-й вопрос С.Л. Стрешнева. См.: Историческое исследование дела патриарха Никона. С. 531.

«...о, Никоне, ново писмо начинаешь... не в твоемъ антихристова родителница». – Никон продолжает цитировать ответ Лигарида. Однако в издании Н.А. Гиббенета этот фрагмент дан полнее, возможно, Никон намеренно убрал многословия митрополита (отсутствующие в тексте Никона слова даны мной курсивом); ср.: *«Не были пророчество о твоем не прямом Иерусалиме*, о, Никоне, ново писмо начинаешь, котораго желают и дожидаются себѣ жидове, что изыдетъ, *воплотится и родится* новый мессия, в Новом Иерусалимѣ, на удачю, не в твоемъ антихристова *будет* родителница» (Историческое исследование дела патриарха Никона. С. 531).

Л. 87 об. *Не погрѣшил бы тотъ истины, аще бы кто обязал о выи твоей жерновный камень и потопилъ в море, яко же во Евангелии пишется.* – Ср.: Мк. 9:42.

Л. 87 об.–88 *Блюдите, да никто же васъ прелститъ... за умножения беззакония изсякнетъ любы многихъ.* – Мф. 24:4–12.

Л. 88–88 об. *Прежде же сихъ всѣх возлo//жатъ на вы руки своя... Прилучитъ же ся вамъ во свидѣтелство.* – Лк. 21:12–13.

Л. 88 об. *Предани же будете и родителию и братиею... имене Моего ради.* – Лк. 21:16–17. *Претерпѣвыи же до конца... иже чтетъ да разумѣетъ.* – Мф. 24:13–15.

Л. 88 об.–89. *Будутъ бо дние тии скорбь... еже созда Богъ, донынѣ, и не будетъ.* – Мк. 13:19.

Л. 89 *Но в тыя дни, по скорби той, солнце померкнетъ... грядуща на облацѣх с силою и славою многою.* – Мк. 13:24–26.

Л. 89–90. *Да никто же васъ прелститъ ни по единому же образу... судъ приимутъ вси не вѣровавшии истинѣ, но благоволиша о неправдѣ.* – 2 Фес. 2:3–12.

Л. 90–93. *Навыкнемъ спасеная словеса, како всегда намъ утвержатися запоручаетъ... и воспримет уготованный ему огнь, со всѣми покаряющимися тому и сослужащими.* – Реферированная цитата-выписка из слова Ипполита папы Римского об Антихристе и втором пришествии Иисуса Христа. Ср.: Соборник. М., 1647. Л. 123–130.

В самом Слове папа Ипполит приводит ссылки на библейские тексты, используя разные формы введения традиционного источника (цитаты, свободное переложение, имя персонажа и др.), которые выявлены мной специально, поскольку при цитировании большого фрагмента из Слова

Патриарх Никон именно библейские ссылки сокращает или передает в сжатой форме либо вообще пропускает, акцентируя внимание читателя в основном на авторском слове Римского папы: Мф. 24:4–5, 24, 26 (*«Блюдитеся... Не имитѣ вѣры!»*), Деян. 8:9–24 (*«яко же Симон волхвъ и иныи мнози»*), 2 Пет. 3:3 (*«Сие же вѣдите... похотехъ ходящии»*), 2 Пет. 2:1 (*«И в вас будут... ереси погибелныя»*), 1 Ин. 2:18 (*«Явѣ суть чада диавола, и нынѣ антихристи мнози быша»*), 1 Ин. 4:1 (*«Не всякому духу вѣруйте... в миръ внидоша»*), Лк. 21:8 (*«но да не прелстятся во слѣдъ их»*), Иуд. 1:18 (*«В послѣдняя времена... похотѣхъ нечестивыхъ»*), Иуд. 1:12 (*«без страха себе пасущии»*), Флп. 3:2 (*«Блюдитеся от злых... отстѣчения невѣрных»*), Кол. 2: 8 (*«блюдитеся, да некто васъ будетъ крадыи философиею тщею и лестною»*), Еф. 5:15 (*«блюдите, како опасно ходите»*), Еф. 5:16 (*«яко дние зли суть»*), Быт. 49:8–10 (*«Июдо! тебе возхвалят братия твоя... и той чаяние языком»*), Быт. 49:17 (*«Да будет Данъ змий... хапля пяту коню»*), Быт. 49:16 (*«Дан судит людем... племя от Израиля»*), Иер. 8:16 (*«Спѣхъ от Дана услышим... потрясется вся земля»*), Втор. 33:22 (*«Скимен львовъ Дан изскочи от Васана»*).

Л. 93 об. *«Сей родится в селѣ Хоразинѣ... и сядетъ во церкви Божии.* – Патриарх Никон делает цитату-выписку из Слова епископа Мефодия Патарского о последних временах (из раздела об Антихристе). Ср.: Святого отца нашего Мефодиа, епископа Патарьскаго, Слово о царствии язык, последних времен, известно сказание от перваго человека до скончанья века // Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Николаем Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 246. Епископ Мефодий делает ссылку на фрагмент Евангелия, свободно перелагая традиционный текст: Мф. 11:21, 23 (»Горе тебѣ, Хоразине!.. до небесъ вознесеся и до ада низведешися»).

Л. 93 об.–94. *Родится из скверныя жены... и мѣсто, и церковь имъ воздвигнетъ.* – Патриарх Никон свободно перелагает Слово преп. Ефрема Сирина об Антихристе. Ср.: Слова Ефрема Сирина. М., 1647. Л. 300–300 об. (Слово 105-е).

Л. 94. *Воспоминая Евфрата, яко от онѣхъ странъ исходитъ Антихристъ.* – Неточная выписка из 9-го Слова (9-й главы) книги толкования св. Андрея Кесарийского на Откровение Иоанна Богослова. Ср.: Толкование Андрея Кесарийского на Апокалипсис. Киев, 1625. Л. 43.

Л. 94–94 об. *К сему же и Новый Иерусалимъ, возлюбленный градъ... убиетъ духомъ устъ своихъ.* – Цитата-выписка из Слова 21-го (20-й главы) книги толкования св. Андрея Кесарийского на Откровение Иоанна Богослова. Ср.: Толкование Андрея Кесарийского на Апокалипсис. Киев, 1625. Л. 101.

Л. 95. *...единъ есть Иерусалимъ на земли, а вторый на небеси.* – Патриарх Никон цитирует 13-й ответ митрополита Паисия Лигарида С.Л. Стрешневу. См.: Историческое исследование дела патриарха Никона. С. 531.

Л. 95 об.–96. *Шедше в миръ весь, // проповѣдите Евангелие... не имать вѣры, осужденъ будет.* – Мк. 16: 15–16.

Л. 96. *И рече имъ, яко тако писано есть... Вы же есть свидѣтелие симъ.* – Лк. 24:46–48. *И проповѣсться Евангелие во всемъ мирѣ... тогда пришедетъ кончина.* – Ср.: Мф. 24:14.

Л. 100. *...будетъ вопросъ: кто истинный патриархъ Иерусалимский?* – Патриарх Никон цитирует конец 13-го ответа митрополита Паисия Лигарида С.Л. Стрешневу. См.: Историческое исследование дела Патриарха Никона. С. 531.

Смотри хрисовула, святѣйшихъ вселенских патриархъ... и сѣдалища о равночестии. – Речь идет о решениях Константинопольских соборов 1590 и 1593 годов, определявших патриарху Московскому пятое место после патриарха Иерусалимского, но равночестное всем Патриархам Вселенским. В грамоте Константинопольского собора 1590 года (доставлена в Москву в мае 1591 года Тырновским митрополитом Дионисием) было написано: «...да поставим архиепископа московского и наречем его патриархом, что и иные нареченные именуютца. Первый – констянтинопольский и вселенский патриарх от святого вселенского перваго собора почтен достоинством блаженнаго и равноапостольнаго царя великаго Констянтина, а потом – александрейский, антиохейский и ерусалимский православные патриархи сю благодать умерения нашего своима очима видехом и порадовахомся от Бога царьствию сему распространнее и величество... Да он, архиепископ московский господин Иев, властвует пятый патриарх, и будет иметь патриаршеское достоинство и честь именоватись и почитатись с ыными патриархи вовеки всегда» (Цит. по изд.: Посольская книга по связям России с Грецией (правос-

лавными иерархами и монастырями). 1588–1594 гг. М., 1988. С. 69). О соборной грамоте 1590 года см.: *Regel W.* Analecta byzantinorussica. Petropoli, 1891. P. XCVIII–CIV, 85–91. Tab. III–IV; *Николаевский П.* Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1880. Ч. I. С. 135–143; *Шпаков А.Я.* Государство и церковь в их взаимном отношении в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912. С. 350–380; *Фонкич Б.Л.* Греческие грамоты советских хранилищ. 3. Из истории учреждения патриаршества в России. Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 251–257 (То же: Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 377– 384). Русское правительство, недовольное решением Константинопольского собора 1590 года и считавшее, что Московскому патриарху должно принадлежать по крайней мере третье место среди глав восточных патриархатов, обратилось ко Вселенскому Патриарху Иеремии II, Александрийскому патриарху Мелетию Пигасу, Софронию Иерусалимскому и Иоакиму Антиохийскому с просьбой о пересмотре решения собора. В Деяниях нового собора 1593 года были изложены канонические основания создания Московского патриархата и определения его главе пятого места в ряду православных Патриархов. Решение собора, оформленное в виде кодекса и скрепленное подписями его участников и патриаршими печатями, было доставлено в Москву. Признанное русским правительством, это решение явилось тем официальным документом, которым утверждалось основание патриаршества в Росии (*Фонкич Б.Л.* Акт Константинопольского собора 1593 г. об основании Московского патриархата. С. 385–399).

Оба постановления Константинопольских соборов конца XVI века стали известны Патриарху Никону в процессе подготовки Собора 1654 года. Как свидетельствует Предисловие к изданному в Москве в 1655 году Служебнику, в Патриаршей библиотеке Никон обнаружил соборную грамоту, составленную в Москве в 1589 году при основании Московского патриархата (Л. 4–6), и греческую книгу, писанную на соборе в Константинополе в 1593 году (Там же. Л. 6–8). Описанная книга и была Актом Константинопольского собора, которым утверждалось создание Московского патриархата. Текст Акта был переведен Епифанием Славинецким и включен Патриархом Никоном в Деяния Московского собора 1654 года (Скрижаль. М., 1656. Л. 1–59, 1–4) (*Фонкич Б.Л.* Акт Константинопольского собора 1593 г. об основании Московского патриархата // *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 386, 388–389).

Хрисовул и решения Константинопольских соборов Патриарх Никон неоднократно цитирует и пересказывает в «Возражении». Подробнее см.: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1988. С. 81–95, 496–504).

Т.А. Опарина

ГРАМОТА 1663 ГОДА О НАКАЗАНИИ СВЯЩЕННИКА, НЕ ПРИНЯВШЕГО УКАЗОВ О ЗАПРЕТЕ ПОМИНАНИЯ ПАТРИАРХА НИКОНА

Представленные к публикации грамоты относятся к периоду жизни Никона, лишенного власти, но не патриаршества. Как известно, в 1658 году Никон покинул кафедру и ушел в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Поместный собор 1660 года отстранил его от управления Церковью и запретил поминание его в богослужении. Власти нашли временный выход в православном универсализме. При отсутствии Предстоятеля Русской Церкви, не имея на тот момент канонической возможности поставить нового Патриарха, они предложили считать руководителями Русской Церкви православный собор четырех Восточных Патриархов.

Документы иллюстрируют ситуацию периода междупатриаршества. Церковно-обрядовая реформа 1652–1658 годов и затем устранение ее инициатора породили разлом общества, острый церковный кризис и размежевание духовенства. Резкие изменения дестабилизировали общество, лишили священников ориентира. В Русской Церкви возникло два оппозиционных течения: старообрядческое и последователей удаленного Никона. В оппозиции к официальной Церкови оказались как сторонники, так и противники реформы. Это положение было закреплено Собором 1666–1667 годов, когда и организатор реформы, и его оппоненты оказались под запретом. На старообрядцев была наложена анафема, Никон низложен и выслан в далекий Ферапонтов монастырь, а позже в Кирилло-Белозерский.

Еще до Собора начались гонения. Наказанию подвергались и отправлялись «под начало» лидеры старообрядчества и приверженцы Никона. Он и его противники считались мучениками и поддерживались рядовыми священниками. Часть приходского духовенства укрывала от властей старообрядцев, часть – проявляла горячую преданность Никону. К последним относился священник московской церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Барашах Иван Фокин.

Никон был связан с храмом в Барашевской слободе еще в период своего патриашерства. Только что рукоположенный, Никон 15 сентября 1652 года, в Никитин день, совершил крестный ход в Басманники – в богадельни. Он раздал денежную милостыню старицам в Барашах у церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы[1]. Участие и забота Предстоятеля не прошли бесследно. Иван Фокин стал его преданным сторонником , не отступившимся после Собора 1660 года. Именно тогда его имя впервые появляется в документах, связанных с «делом Никона». Первоначально он упоминается вместе с другим священником – Иродионом, служившим в церкви Ризположения, «что у государя на сенях».

Собор 1660 года породил новые споры о правомочности церковных реформ и правки в богослужебных книгах. Иродион не согласился с исправлениями Служебников и Требников. В 1660 году он подготовил список опровержений, которые адресовал любимому никоновскому справщику Арсению Греку. Текст он подал Федору Михайловичу Ртищеву. Созванные по указу царя Алексея Михайловича прения в Патриаршей Крестовой палате – очная ставка Иродиона и Арсения Грека – закончились победой ученого грека. Его доводы убедили придворного русского священника в правоте задуманной Никоном книжной справы[2]. Иродион принял все объяснения, согласился с аргументами Арсения Грека и стал го-

рячим последователем опального Никона. Причем свидетельствовать об Иродионе был призван целый круг лиц, в том числе «Введенский поп из Барашей Иван Фокин»[3].

После прений Иродиона перевели из кремлевской церкви в другой придворный храм – Софии, Премудрости Божией, на Берсеневской набережной. В новом сане в том же 1660 году совместно с Иваном Фокиным Иродион совершил паломничество в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Собрав паству (а Иродион в новом приходе сумел призвать 10 человек, Иван Фокин – 70 человек), священники отправились к Патриарху Никону. Их действия находились в явном противоречии с решениями Собора 1660 года. В Ново-Иерусалимском монастыре московские священники получили дары, язвительно перечисленные сторонником старообрядцев Саввой Семеновым[4].

Несомненно, личное общение с Никоном, его проповедь окончательно утвердили Ивана Фокина во мнении о несправедливости устранения Предстоятеля. Приходской священник отказался принимать правительственное распоряжение, отстаивая каноническое право Никона на патриарший престол. Свои воззрения он проповедовал пастве (недаром такое значительное число прихожан отправилось с ним в Ново-Иерусалимский монастырь). Храм в Барашах превратился в своеобразный центр почитания Никона[5]. Через три года Иван Фокин был наказан за ослушание.

Грамоты 1663 года свидетельствуют о нежелании Ивана Фокина отступаться от устраненного, но не низложенного пастыря. Священник не выполнил царский указ о поминании во время литургии лишь патриархов христианского Востока. Он не понимал, почему необходимо молиться за далеких патриархов при существующем законном русском Патриархе, за что и поплатился ссылкой в Кириллов монастырь. Отказ признать каноничность устранения Никона с патриаршей кафедры был серьезным преступлением как светским, так и духовным. Ивана Фокина постигло суровое наказание[6].

Ивана Фокина направили на епитимью в северный монастырь, издавна ставший местом ссылки (чуть позже там оказался и Никон). Приходского священника монастырские власти должны были держать в «цепях и железах».

Вероятно, он вскоре исправился, признал ошибочность своих воззрений и уже через два месяца был отпущен в Москву. Надо полагать, такое решение власти Патриаршего разрядного приказа приняли после получения из монастыря грамоты с текстом его раскаяния и исповеди. Незамедлительно церковное наказание было снято и последовала новая царская грамота, уже о возвращении Ивана Фокина в Москву. Грамоту 12 ноября 1663 года в Кириллов монастырь привез «Барашовские сотни торговои человекь Александрь Васильив». Очевидно, что прихожане ждали своего пастыря.

Собор 1666–1667 годов, очевидно, уже не вызвал активных действий Ивана Фокина. Тем не менее он продолжал поддерживать нововведения Никона в сфере новой образованности. Возможно, как и Иродион[7], Иван Фокин применял в богослужении партесное пение. Безусловно, при своей церкви в Барашевской слободе Иван Фокин устроил школу. На свои средства он построил двухэтажное здание, в котором обучались его прихожане.

В любом случае инцидент с недолгой ссылкой не имел серьезных последствий. Иван Фокин был приближен царем Алексеем Михайловичем. В 1672 году под покровительством государя в Мещанской слободе была возведена церковь свв. Адриана и Наталии с приделами Петра и Павла (затем связанная с именем Петра I). В новый приход Иван Фокин перенес из Барашевской слободы школу. Его школа в Мещанской слободе стала местом подготовки кадров для театральных постановок Алексея Михайловича, позже в ней преподавал Иван Волошенинов.

Все действия Ивана Фокина, несомненно, вызывали активное неприятие старообрядческих деятелей. Активно обличал Ивана Фокина Аввакум. Из ссылки на Мезени в послании к игумену Феоктисту Аввакум зло отреагировал на посещение Иваном Фокиным и Ириодионом Никона в Ново-Иерусалимском монастыре[8]. С далекого Севера Аввакум продолжал следить за судьбой Ивана Фокина. Священник скончался в болезни, что сразу отметили его недоброжелатели-старообрядцы. Аввакум внес имя Ивана Фокина в «мартилог нечестивых». В «Беседе о кресте к неподобным» Аввакум вставил

приходского священника в перечень умерших сторонников Никона: «Еще же и Иван Фокин, глухой еретик, погиб от земли, прогнело брюхо у него, и внутренняя его чревеса и утроба истече, яко у Ария зломудраго»[9]. Текст почти дословно повторен дьяконом Федором в «Послании к сыну Максиму»: «Того же их соборища лучший быв подражатель и Никонов поборник первый, паче всех московских попов, барашевской поп Иван Фокин, растерзан удицею Божиею, яко Арий, жив, и чревом вся внутренняя его вон изыде, и от того тако и скончася»[10].

Жесткая полемика свидетельствует о значительности деятельности Ивана Фокина, имевшей большой резонанс. Не случайно старообрядцы выделяли среди московского приходского духовенства именно его: «Никонов поборник первый, паче всех московских попов, барашевской поп Иван Фокин».

Как отмечалось, документы стали известны еще в XIX веке. Их пересказ, без указания шифров и места нахождения, находим в работе архимандрита Иакова[11]. Однако сами документы, представляющие несомненный интерес для историков Церкви, не были до сих пор опубликованы. Они сохранились в двух частных собраниях РГАДА и СПб. ИИ РАН, но представляют единый смысловой комплекс.

1663, 17 ИЮЛЯ.
ЦАРСКАЯ ГРАМОТА В КИРИЛЛОВ МОНАСТЫРЬ О НАКАЗАНИИ СВЯЩЕННИКА МОСКОВСКОЙ ЦЕРКВИ ПРАЗДНИКА ВВЕДЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ИВАНА ФОКИНА, ПОМИНАВШЕГО В СЛУЖБАХ ПАТРИАРХА НИКОНА

/л. 1/ От ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексъя Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самоде*р*жца

На Белоозеро Кирилова м(о)н(а)*с*т(ы)ря архимариту Никите да ста*р*цу Ма*т*вею Микифорову да келарю старцу Па*в*лу Ремезову з бра*т*(ь)ею.

С собору б(о)гомо*л*цов н(а)ших, преос(вя)щенных ми*т*рополито*в* и архиеп(и)*с*к(о)по*в* и еп(и)*с*к(о)па посла*н* к ва*м* в м(о)н(а)*с*т(ы)рь по*д* нача*л* ц(е)ркви Введения Пр(е)*с*(вя)тыя Б(ого-ро)*д*(и)цы, что на Москвъ в Барашах, попь Ива*н* Фокинь за то, что о*н*, противяся н(а)ш(е)му, великого г(о)*с*(у)д(а)ря указу и не повинова*л*ся ос(вя)щен*н*ому собору, по о*т*шествии с Москвы Никона Па*т*риарха, во окте*н*(ь)ях и во многолъ*т*(и)ях поминал имя его.

А по н(а)ш(е)му, великого г(о)*с*(у)д(а)ря, указ*у* и по совету всего ос(вя)ще*н*ного собора велено во октени*ях* и во многолътия*х* моли*ти* Б(о)га о /л. 2/ с(вя)тейшихь вселънскихь патриа*р*съхь.

А на Москвъ ис Патриарша розря*ду* о*т*да*н* онь, попь Ива*н*, Кирилова м(о)н(а)*с*т(ы)ря стряпчему Игна*т*(ь)ю Пъсновскому.

И какь к вамь ся н(а)ша, великого г(о)*с*(у)д(а)ря, грамота приде*т*, а того попа Ивана стряпче*и* ва*ш* Игнате*и* к вамь в м(о)н(а)*с*т(ы)рь пришле*т*, и вы *б* иво приня*в*, велъли де*р*жать по*д* кръпки*м* начало*м* в цепи и в желъзах и с м(о)н(а)*с*т(ы)ря иво спуска*т* никуды о*т*нюд(ь) не еле*т*(ь) до н(а)шего, великого г(о)*с*(у)д(а)ря, указ*у*.

А которого м(е)*с*(я)ца и числа того попа стряпче*и* вашь, Игнате*и*, к ва*м* в м(о)н(а)*с*т(ы)рь и с ке*м* имянемь пришле*т*, и вы *б* о то*м* к намь, великому г(о)*с*(у)д(а)рю, о*т*писали.

А о*т*писку велъли пода*т*(ь) в Па*т*риа*р*ше розря*д*е патриа*р*шу боярину Борису Ивановичю Неледи*н*скому да *д*ьяком Ивану Кокошилову да Ивану Калитину.

Писа*н* на Москвь вь лета 7171, июля в 17 де(нь).

(*На обороте:* На Белоозеро Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря архимариту Никите да старцу Матфею Никифорову да келарю старцу Павлу Ремезову з братьею

171 году августа в 7 день подал великого г(осу)д(а)ря грамоту Кирилова монастыря служка Васка Новозерец).

РГАДА. Ф 196. Оп. 2. № 69. 1663. Подлинник

1663, ПОСЛЕ 17 ИЮЛЯ.
ОТПИСКА ВЛАСТЕЙ КИРИЛЛОВА МОНАСТЫРЯ О ПРИБЫТИИ ССЫЛЬНОГО СВЯЩЕННИКА ИВАНА ФОКИНА

/л. 3/ Г(о)с(у)д(а)рю ц(а)рю и великому кн(я)зю Алексъю Михайловичю всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу твоего ц(а)рского б(о)гомолия Успения Пр(е)ч(и)стыя Б(огоро)д(и)цы Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря архимандрит Никита, черънець Матфъи Никифоровь, келар(ь) Павел Ремезов з братьею

Б(о)га молим и челом бьем

Прислана в Кириловъ м(о)н(а)ст(ы)рь твоя, великого г(о)с(у)д(а)ря, грамота ис Патриаршя розряду за припис(ь)ю дьяка Ивана Калитина,

А в грамоте написано:

С собору б(о)гомолцовъ в(а)шихъ, г(о)с(у)д(а)ревыхъ преос(вя)щенныхъ митрополитовъ и архиеп(и)ск(о)повъ и еп(и)ск(о)па послан в Кирилов м(о)н(а)ст(ы)рь подъ началь ц(е)ркви Введения Пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы, что на Москвъ в Барашахъ, попь Иванъ Фокинъ за то, что онъ, противясь вашему, великого г(о)с(у)д(а)ря указу и не повиновался ос(вя)щенному собору, по отшествии с Москвы Никона Патриарха, во октен(ь)ях и во многолътъ(и)яхь поминал имя его.

А по в(а)ш(е)му, великого г(о)с(у)д(а)ря, указу и по совъту всего освященного собора велено во октеньяхъ и во многолътияхь молити Б(о)га о с(вя)тъйших вселенских патриарсех.

И какь к нам /л. 4/ твоя, великого г(о)с(у)д(а)ря, грамота[1] придет, а того попа Ивана в Кирилов м(о)н(а)ст(ы)рь привезуть, и нам бы иво приняв, велеть держать под кръпкимь началом в цепи и в желъзах и с м(о)н(а)ст(ы)ря ево спускать никуды отнюд(ь) не велеть до твоего, великого г(о)с(у)д(а)ря, указу.

А которого м(е)с(я)ца и числа того попа хто имянем в м(о)н(а)ст(ы)рь привезет и нам бы о том к тебь, великому г(о)с(у)д(а)рю, отписат(ь).

А отписку велъть подать в Потриаршe розряде боярину Борису Ивановичю Нелединскому да дьяком Ивану Кокошилову да Ивану Калитину.

И в н(ы)нешнем, великий /л. 5/ г(о)с(у)д(а)рь, во 171 году Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря строитель старець Аврамеи Логинов того попа Ивана Фокина Кирилова жь м(о)н(а)ст(ы)ря с служки с Васкою Новозерцом с товарищи на м(о)н(а)ст(ы)рских подводех прислал. И в Кирилове м(о)н(а)ст(ы)ре тот попь принят и под началь отдан и в цепи и в желъзахь до твоего, великого г(о)с(у)д(а)ря, указу[2], держать велъли и с м(о)н(а)ст(ы)ря спускать никуды не велъли ж.

И отписку об нем велъли подат(ь) в Патриаршe розряде боярину Борису Ивановичю Неледитскому да д(ь)яком Ивану Кокошилову да Ивану Калитину.

РГАДА. Ф 196. Оп. 2. № 69. 1663. Подлинник

[1] Подписано сверху.
[2] Подписано сверху.

1663, ОКТЯБРЬ.
ЦАРСКАЯ ГРАМОТА О СНЯТИИ ЦЕРКОВНОГО НАКАЗАНИЯ С ИВАНА ФОКИНА И О ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО В МОСКВУ

/л. 1/ От ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексъя Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца на Белоозеро Кирилова м(о)н(а)ст(ы)ря архимариту Миките да старцу Матфею Микифорову да келарю старцу Павлу Ремезову з братьею.

В прошлом, во 171-м году июля в <>[1] день собору б(о)гомолцов преос(вя)щенных митрополитов и архиепископов и епископов послан к вам в монастырь под начал ц(е)ркви Введения Пречистыя Б(огороди)цы, что на Москвъ в Борашах поп Иван Фокин за то, что он противился н(а)шему, великого г(о)с(у)д(а)ря указу и не повиновался освященному собору по отществии с Москвы Никона Патриарха во октяньях и во многолътиях поминал имя иво. А по нашему, великого г(о)с(у)д(а)ря указу и по совъту всего осв(я)щеного собора велено во октяньях и во многолътиях молити Б(о)га о святъйших вселенских патриарсехь. А велено иво держать под кръпким началом до нашего великаго г(о)с(у)д(а)ря указу.

И ныне мы, великий г(о)с(у)д(а)рь, указали иво попа Ивана ис-под начала свободить.

И как к вам ся наша, великаго г(о)с(у)д(а)ря, грамота придет, и вы б иво попа Ивана ис-под начала велъли свободит(ь). А которого м(еся)ца и числа иво освободить, и вы б о том к нам, великому г(о)с(у)д(а)рю к Москве для въдома отписали. А отписку велъли подать в Патриаршь Розрядь к патриаршу боярину Борису Ивановичю Нелединскому да дъяком Ивану Кокошилову да Ивану Калитину.

Писан на Москве лъта в 7172-м октября в <>[2] день. Диак Парфенеи Иванов

(*На обороте:* На Белоозеро Кирилова монастыря архимариту Никите да старцу Матфъю Никифорову да келарю старцу Павлу Резанову.

172 году ноября в 13 день подал великого г(о)с(у)д(а)ря грамоту Барашовские сотни торговои человекь Александрь Васильив)

СПб. ИИ РАН. К. 260. Оп. 1. № 252. Отпуск

[1] Пропуск, оставлено пустое место.
[2] Пропуск, оставлено пустое место.

Н.В. Савушкина

АКТ
О ПРИЕМЕ РЕМОНТНЫХ РАБОТ В ВОСКРЕСЕНСКОМ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОМ МОНАСТЫРЕ. 1904 ГОД

В Российском государственном архиве древних актов хранится Дело «О назначении техника для осмотра зданий Воскресенского монастыря в виду предполагаемого ремонта оных и о капитальном ремонте» (РГАДА Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 46. Ед. хр. 81. 25.04.1904 г. – 6.11.1907 г.).

Дело состоит из 109 листов и посвящено в основном ремонтно-реставрационным работам, которые были проведены в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре под руководством настоятеля обители архимандрита Серафима (Чичагова; 1856–1937). Акт о приеме ремонтных работ входит в состав документа данного Дела *(л. 90–93)*.

Архимандрит Серафим получил назначение в Новый Иерусалим 14 февраля 1904 года и нашел знаменитый монастырь в совершенно запущенном состоянии. Капитальный ремонт храма Воскресения Христова и других сооружений обители не проводился более двадцати лет. Новый настоятель предпринял все возможные меры для организации ремонтно-реставрационных работ, которые были осуществлены в чрезвычайно короткий срок – с апреля по ноябрь 1904 года. Их результаты нашли отражение в публикуемом Акте, подписанном настоятелем, наместником, казначеем и ризничим Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

Акт содержит краткий перечень совершенных за семь месяцев работ, которые предварялись и сопровождались многочисленными документами. В их числе:

1) рапорты архимандрита Серафима в Священный Синод о состоянии монастырских построек с просьбой командировать в обитель техника для рассмотрения сметы и освидетельствования зданий;

2) Указ Его Императорского Величества о разрешении произвести капитальный ремонт с указанием необходимых сумм для него;

3) рапорт о предоставлении архимандритом Серафимом приходно-расходной книги монастыря;

4) рапорт о расходах на проезд в монастырь архитектора Косякова;

5) разрешение Архитектурного общества на замену полов в Воскресенском соборе;

6) ответ архимандрита Серафима Архитектурному обществу;

7) смета на устройство полов в Воскресенском соборе;

8) смета производства асфальтовых и бетонных работ;

9) отчет архимандрита Серафима от 17.12.1904 г. о произведенных работах с подробным указанием смет на них.

Публикация этих документов – дело будущего, но и по Акту от 21 ноября 1904 года можно судить о громадном объеме и значимости ремонта, следы которого сих пор сохраняются во многих монастырских сооружениях.

В настоящее время, когда начинаются огромные работы по восстановлению исторического облика Воскресенского монастыря, предстоит выявить элементы архитектуры, относящиеся к периоду ремонта 1904 года, и частично сохранить их образцы. Это будет сохранением памяти не только об истории реставрации сооружений обители, но и о деятельности архимандрита (впоследствии митрополита) Серафима (Чичагова), расстрелянного в 1937 году на Бутовском полигоне и причисленного ныне к лику новомучеников и исповедников Российских.

(л. 90) АКТ

1904 г. Ноября 21 дня, мы нижеподписавшиеся – Настоятель и старшая братия Ставропигиальнаго Воскресенскаго, именуемаго Новым Иерусалимом, монастыря, составили акт сей, в прием произведеннах в течении лета и осени 1904 года работ, по ремонту монастыря, согласно указам Московской Святейшаго Синода Конторы от 16го Июня 1904 года за № 1336 и от 29 Июля 1904 года за № 1635.

В виду того, что все здания, в которых пришлось произвести капитальный ремонт, – имеют не менее 200т лет и при составлении сметы, нельзя было предвидеть многия повреждения, которыя обозначились только во время ремонта, – в общем против сметы, сделано значительно больше ремонта и было обращено строгое внимание, чтобы из остатка по смете на каменныя работы, – покрылись эти затраты и не перетратилась разрешенная сумма в 82 820 р. 89 коп.

Подразделяя ремонт, принятый нами, по зданиям, выяснилось: 1) что монастырская ограда вся капитально исправлена, местами в прелых местах, – была выломлена, вновь заделана кирпичем, облицована и потребовалось особенно много работ в башнях, из которых – наибольшая, Елисаветинская, выходящая на запад и ближайшия к ней, – оказались до того ветхими, что кроме облицовки, пришлось вновь делать и своды в них. Весь низ ограды – из белого камня, – частями сделан заново и положен на цемент. Восточная башня, – в которой святыя ворота, въездныя ворота и во втором этаже – церковь, потребовала *(л. 90 об.)* переборки всех колонн, каменных пьедесталов, и настилки новых решетников и железных крыш в четырех ярусах. На храме позолочена глава. Въездных воротах сделан асфальт двойной толщины. Вся ограда с башнями и храмом, за три раза вновь побелена. Железныя крыши на ограде – частями исправлены, частью – вновь положены и все за три раза окрашены медянкою. По всей ограде сделаны железныя водосточныя трубы.

2) что Воскресенский собор, имеющий до 29 приделов, капитально ремонтирован, причем сделаны вновь три каменныя лестницы, – на Голгофу, во второй этаж и в подземный храм, паркетный пол на асфальт – в нижнем этаже и асфальтовый пол – в верхнем; в храмах, помещающихся в колокольне, – внизу – сделан вновь пол из каменных Тарусских лещадок, а вверху – из цемента. В коридорах – положен асфальтовый пол, а каменныя площадки все исправлены и покрашены. Внутренния стены соскоблены, в сырых местах пропитаны – противосыростным составом, и вновь покрашены за два раза. Лепныя работы исправлены. Орнаменты в арках и на колоннах возстановлены. Все 29 алтарей отделаны внутри и на престолы и жертвенники – надеты новыя облачения. Также сделаны вновь все завесы к Царским вратам. Вновь – сооружены, обиты медью и некоторые окрашены постаменты – под алтарями, на солеях и у многочисленных киотах. Весь громадный этот собор возобновлен, за исключением иконостасов. Главный алтарь – Воскресения Христова – с солеею – обит красным сукном и снабжен новыми коврами. Исправлены большие подсвечники перед местными и другими, отдельными, иконами. По всему собору положено до 800 аршин – дорожек линолеума, разной ширины. Снаружи *(л. 91)* окрашена крыша за два раза, – над кувуклией и вновь позолочена 5 крестов. Исправлены – желоба, пояски и часовни, – прилегающие к собору.

3) что зимний Рождественский храм весь капитально ремонтирован. Снаружи – сделаны новыя крыши, желоба, водосточные трубы и окрашены медянкой. Позолочены – две главки. Подъезд, – состоявшей из каменной арки, пришедшей в разрушение, был сломан и вновь построен по тому же рисунку. Все окна, в трех этажах – заменены железными, двойными рамами, с новыми стеклами. Стены соскоблены, перетерты и окрашены за два раза.

Внутри, – начиная с многочисленных каменных площадок в предельных храмах и в корридоре, пришедших в ветхость, все лещадки заменены новыми Тарусскими и сделана вновь каменная лестница, вместо старой деревянной, во второй этаж. Стены оскоблены, пропитаны противосыростным составом и окрашены за два раза. Сделаны вновь – две камерныя печи, для отопления собора. Все подоконники – положены из цемента, вместо бывших ранее деревянных. Рождествен-

ский собор, вместе с пределами весь вновь окрашен масляной краской, с возобновлением орнаментов. Пол в главном храме исправлен и сплошь покрыт линолеумом, также и в алтаре. Окрашены и все места для монашествующих, свечныя ящики и проч.

4) что в Елисаветинской зале, где помещается расхожая ризница и древняя библиотека, произведен также капитальный ремонт. Все рамы, – заменены двойными железными, подоконники сделаны цементныя, пол перебран и проведен душник из камерной печи, отапливающей Рождественский храм. Стены вновь окрашены. *(л. 91об.)* Для ризницы – сделано 10 липовых, новых шкапов, под красное дерево, в которых и хранятся приобретенныя 5 сортов облачений, для полного собора, а также подризники, покровы на аналои и престолы и одежды на престолы и жертвенники. Для библиотеки сделаны вновь 8 библиотечных шкапов, под красное дерево, витрины и проч. принадлежности.

5) что главная монастырская ризница, находящаяся в Воскресенском соборе – вся переустроена. Старые шкапы исправлены; сделаны новыя дверцы с большими стеклами. Вновь было заказано – три шкапа, под красное дерево и две больших витрины. Стены вновь покрашены. В неё помещены – те драгоценныя древния вещи, пожалованные царями, царицами и разными жертвователями, которые совсем более не употребляются, – как облачения, или употребляются весьма редко, как церковная утварь. Размещены эти вещи – по царствованиям и снабжены билетами с надписями.

6) что монастырский музей, помещающейся в так называемой Амвросиевской келии, также совершенно заново отделан и переустроен. Окна – заменены двойными, железными рамами; комнаты окрашены и вновь оклеены. Для вещей – потребовались новые витрины; для портретов – множество рам. Все предметы распределены теперь по отделам и снабжены – объяснительными подписами.

7) что в Царском помещении – вновь отделан храм во имя Трех Святителей. Деревянные рамы – заменены двойными железными. Потолок, пол, стены – окрашены; иконостас – вычищен, на престол и жертвенник, надеты новыя облачения, и в царских вратах – новая завеса.

В комнатах, – исправлены – печи, сделана ванна и водяной клозет.

(л. 92) 8) что в настоятельских келлиях – оклеены стены, покрашены – потолки и парадная лестница; исправлен клозет.

9) что в братских кельях, находящихся в одном корпусе, с Царскими и Настоятельскими покоями, – сделаны новыя, деревянныя рамы, исправлены полы, печи и чуланы; покрашены подоконники, полы и стены. На всем корпусе – исправлена крыша, вновь покрашена медянкой и устроены – новыя водосточныя трубы.

10) что в братском корпусе исправлена и покрашена железная крыша, сделаны – новыя водосточныя трубы и крыши над подъездами. Вновь сложены каменныя ступени на подъездах и выстланы полы в корридорах. Многия келлии ремонтированы, с исправлением печей. Старыя рамы и двери, – частью заменены новыми. Ремонтирована братская трапеза, кухня и хлебопекарня. В кухне и пекарне сделаны асфальтовые полы.

11) что в монастырской лавочке, – поставлена новая печь, исправлено крыльцо и сделаны новыя витрины.

12) что в просфорне – заново исправлено крыльцо, со ступенями и крышею, а также исправлена печь.

13) что по монастырю, от Св. ворот до Рождественскаго храма сделана новая бетонная, насыпная дорога с балясниками по бокам, в необходимых местах.

14) что по монастырю – по всем направлениям положены тротуары из железных и чугунных плит, вынутых из Воскресенскаго собора, при замене в нем пола паркетом.

15) что по монастырю проведен новый водопровод – в братский корпус, в Царские и настоятельские покои, в квасную, в школу и в гостиницы, с устройством водо- *(л. 92 об.)* стоков, люков и проч. принадлежностей.

16) что в монастырской школе – исправлена камерная печь и положена труба для стока грязной воды. Вся школа вновь ремонтирована, с классами, помещениями учителей и общежитием малолетних певчих. Классная мебель, парты – вновь отделаны.

17) что в новой, каменной гостинице – построен погреб, сарай для дров и палисадник обнесен – железною решеткою.

18) что весь Странноприимный дом заново – отделан, с вырытием канавы, пред домом и устройством водопровода и водостоков. Камерная печь, – отапливающая весь дом, – вновь сложена.

19) что от монастырских ворот до подъезда всех гостиниц и Странноприимнаго дома, – положен тротуар из чугунных плит, оставшихся от Воскресенскаго собора.

20) что весь сад, – расположенный против гостиниц, обнесен новым балясником и покрашен масляной краской.

21) что для простаго народа устроено новое отхожее место, вне монастырской ограды, на склоне горы.

22) что водокачка – фундаментально ремонтирована, с наложением четырех рядов кирпича на стенах, с постройкою новаго решетника на крыше и покрытием новым железом. Рамы, полы, подоконники исправлены. Починен – развалившийся дровяной сарай.

23) что совершенно заново ремонтированы и отделаны Самарянская – каменная и Силоамская – деревянная часовни.

24) что все лестницы, как каменная, так и три деревянных с мостами в Гефсиманский сад – сделаны вновь.

25) что в Гефсиманском саду – исправлены главныя *(л. 93)* дорожки и спуск к реке Истре.

26) что скит Святейшаго Патриарха Никона, – весь отделан вновь, с заменой старой крыши – цементной, всех водосточных труб и с исправлением лестниц.

Настоятель Архимандрит Серафим
Наместник Игумен Анастасий
Казначей Иеромонах Нил
Ризничий Иеромонах Евсевий

РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 46. Ед. хр. 81. 1904 г.

Н.П. Яковлева

ПЕРЕДАТОЧНЫЕ АКТЫ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ СОБРАНИЯ НИКОНОВСКОГО МУЗЕЯ ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ В ИСТРИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРАЕВОЙ МУЗЕЙ

Публикуемые документы составлены в 1933 году и представляют собой передаточные акты музейных предметов из собрания Никоновского музея Иверского монастыря в связи с его закрытием. Никоновский музей был открыт в январе 1919 года. После возвращения обители конфискованных в 1918 году вещей из монастырской ризницы из их состава для музейного собрания были отобраны древние, имеющие большое историческое и художественное значение предметы. Подготовка к открытию Никоновского музея Иверского монастыря началась в конце 1918 года.

Вопросами организации музея занимался его первый директор, Дмитрий Дмитриевич Франц (1870–1940).

Создание Никоновского музея Иверского монастыря имело огромное значение в деле сохранения уникальных художественных и исторических памятников XVII–XVIII веков: из обширного состава монастырской ризницы, книгохранилища, храмовых реликвий сохранилось только то, что оказалось в музейном собрании. Сегодня о нем можно судить по составленному Д.Д. Францем каталогу, изданному в 1920 году Новгородским губернским подотделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины[1]. В нем описаны 455 предметов, размещенных под 333 порядковыми номерами, соответствующими музейным инвентарям. При этом в подавляющем большинстве случаев каждый предмет имеет достаточно подробное описание со всеми необходимыми историческими пояснениями.

К моменту закрытия музея в 1933 году в его коллекции находились и вещи, не указанные в каталоге. Они были переведены в музейный состав из монастырских храмов и ризницы уже после издания каталога, то есть в 1920–1930-е годы[2].

В 1933 году в связи с закрытием Никоновского музея большая и лучшая часть его коллекции была передана Главмузеем Воскресенскому музею, расположенному в Ново- Иерусалимском монастыре, построенном, так же как и Иверский, Патриархом Никоном. В Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре Музей Святейшего Патриарха Никона, основанный архимандритом Леонидом (Кавелиным), был открыт еще в XIX веке[3].

Список передаваемых из Иверского монастыря вещей сохранился и находится ныне в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим». Список предваряется текстом Акта № 211а (292) приема-сдачи предметов музейной ценности для отправки в Москву от 6 февраля1933 года. Документ подлинный, заверен печатью Валдайского ОГПУ и подписью заведующего Валдайским музеем К.В. Борисова. Отпечатан на пишущей машинке на 14 листах. Листы не пронумерованы. Для того чтобы отделить начало и конец каждого из них, нами введено их номерное обозначение, указанное в начале текста каждого нового листа.

Сведения, приводимые в Акте № 211а, размещены в пяти столбцах. Большую часть листа занимает центральный широкий столбец с наименованием предметов и их описанием. Слева каждому описываемому музейному предмету предшествуют два столбца номерных обозначений. В первом слева столбце – актовый номер предмета по порядку, во втором – инвентарный номер Валдайского монастыря-музея, соответствующий номеру в каталоге Д.Д. Франца (номера с 1 по 333) и дополнительной описи музейных предметов (номера с 334 по 447). Справа от основного столбца с наименованием и описанием предметов – узкий столбец с обозначением количества экземпляров. Крайний правый столбец не заполнен и предназначен для размещения примечаний. Вместо него мы ввели два новых столбца: в одном указаны учетные обозначения предметов, хранящихся ныне в музее «Новый Иерусалим», в другом – ссылки на литературу.

Текст Акта № 211а отпечатан с большим количеством помарок и ошибок на низкокачественной, сильно пожелтевшей и обветшавшей бумаге; краска потерлась и выцвела, в связи с чем документ плохо читаем. Слова, в которых допущены ошибки, нами поясняются в скобках и приводятся курсивом. В целом же, сохраняя подлинность документа, мы публикуем его в том виде, в котором он существует, с соблюдением особенностей стилистики и орфографии.

Необходимо заметить, что наименования музейных предметов и их описание были взяты из каталога, составленного Д.Д. Францем. При перепечатывании материалов несколько сокращена описательная часть. Вследствие небрежности в работе, общей неграмотности, отсутствия специальной подготовки в области изучения церковных древностей, а также нарочитого пренебрежения к православным святыням в Акте допущено огромное количество ошибок.

Акт № 211а со списками музейных предметов подписан последним заведующим Валдайским монастырем-музеем К.В. Борисовым, при котором созданный в Иверском монастыре Никоновский музей получил антирелигиозную направленность.

В 1931–1932 годах, за время 10-месячного отсутствия К.В. Борисова в музее (по причине обучения на курсах повышения квалификации), замещавший его сотрудник Государственной академии истории материальной культуры[4] определил и отобрал наиболее художественно и исторически ценные вещи для вывоза их из Иверского монастыря.

В феврале 1933 года после «специальных дополнительных письменных распоряжений» представителя сектора науки Наркомпроса (и одновременно директора Истринского музея) Н.А. Шнеерсона в присутствии директора Валдайского монастыря-музея К.В. Борисова, начальника Валдайского РО ОГПУ П.Ф. Шевардина, представителя Валдайского райисполкома Устрицкого 153 музейных предмета, обозначенных в описи под 142 порядковыми номерами, были упакованы в два сундука и отравлены в Москву[5]. 1 марта 1933 года они были переданы научному сотруднику Истринского Государственного краевого музея Н.А. Баклановой, о чем свидетельствует публикуемый нами сдаточно-приемочный акт №211 (294) от 1 марта. 1933 года. Документ написан от руки и заверен подписями представителя Валдайского ОГПУ Н.Н. Калинина и научного сотрудника Истринского музея Н.А. Баклановой.

Необходимо заметить, что помимо вещей, указанных в Акте от 6 февраля 1933 года, в документ от 1 марта 1933 года были дополнительно вписаны еще три предмета[6]. Таким образом, из Иверского монастыря передавалось 156 музейных предметов. В их числе были 35 икон, 39 облачений, 7 напрестольных окладных Евангелий, 66 церковно-богослужебных предметов, выполненных в основном из серебра, 9 крестов напрестольных и наперсных. При этом 37 музейных предметов не значились в каталоге Д.Д. Франца, они поступили в собрание Никоновского музея позднее.

Если в каталоге Д.Д. Франца вещи указаны под 333 порядковыми номерами, то в Акте № 211а (292) от 6 февраля 1933 года значатся учетные обозначения до 447 номера[7]. Список музейных предметов каталога Д.Д. Франца был продолжен в дополнительной описи, которая вместе с каталогом и представляла собой книгу поступлений. Основой для ее составления являлись записи в Ризничной книге, которые тщательно выверялись, исправлялись, дополнялись. Д.Д. Францем была изменена и уточнена атрибуция некоторых вещей.

В Главной ризничной описи и до революции, и после нее делались пометки о движении ризничного собрания в связи с передачей того или иного предмета в Новгородский епархиальный музей, в Никоновский музей Иверского монастыря, в помощь голодающим и т. д.

Ризничная опись составлена в сентябре 1904 года. Записи сделаны от руки в книге с лис-

тами, разбитыми на графы, названия которых отпечатаны типографским способом. В книге 700 листов, некоторые из них утрачены. На последнем листе проставлен регистрационный номер Новгородской духовной консистории (№ 12282) и подписи члена консистории протоиерея Алексия Рождественского, секретаря Д. Андреева, столоначальника П. Виноградова.

На листе 615 об. сделана запись о сверке, проходившей в декабре 1906 года. На листах 614 об. – 615 поставлены подписи настоятеля Иверского монастыря архимандрита Иосифа, и. д. наместника иеромонаха Феофила, и. д. ризничего иеромонаха Антония.

Главная ризничная опись ныне хранится в Валдайском филиале Новгородского музея-заповедника[8].

Предметы, указанные в передаточном акте № 211а (292) от 6 февраля 1933 года, описаны в различных источниках. В дополнение к тексту документа 1933 года мы их указываем в специально введенной нами графе «Литература». При этом первая цифра указывает на источник, обозначенный под данным номером в списке литературы, приводимом в конце публикации, вторая – номер страницы.

Списки музейных предметов в Акте № 211а (292) от 6 февраля 1933 года составлены на основе данных каталога Д.Д. Франца; при создании самого каталога автор использовал не только записи в Ризничной книге, но и документы Иверского монастыря, изданные архимандритом Леонидом (Кавелиным) и известные как Акты Иверского Святоозерского монастыря[9]. Во вступительной статье к «Актам» архимандрит Леонид описывает наиболее интересные древности ризничного собрания и книгохранилища[10]. Необходимо заметить, что это одно из первых описаний ризницы Ивер-ского монастыря, если не считать «Опись иконам, утвари и прочему имуществу соборной церкви Иверского монастыря», составленную в декабре 1656/1657 года и опубликованную в XIX веке тем же автором[11]. Описание указанных в акте 1933 года предметов можно найти в работе П.М. Силина, посвященной Иверскому монастырю и изданной в 1885 году[12], а также в современных изданиях[13].

Возможно, публикация списков вещей, предаваемых из Валдая в Воскресенск, позволит выявить, атрибутировать и определить нынешнее местонахождение предметов из собрания Никоновского музея Иверского монастыря. Дополнительно к текстам списков даются известные нам учетные обозначения вещей, находящихся на хранении в музее «Новый Иерусалим». В этом отношении мы располагаем достаточно неполными сведениями и надеемся на то, что фондохранители, научные сотрудники Ново-Иерусалимского музея эти сведения дополнят.

Сдаточно-приемочный акт 294 № 211

(Дополнительно подписано красным карандашом. – Н.Я.)
(Второй экземпляр рукописного текста, написанного через фиолетовую копировальную бумагу. – Н.Я.)

1 марта 1933 г. представитель Валдайского ОГПУ тов. Калинин Н.Н. сдал, а научная сотрудница Истринского Государственного Краевого Музея Бакланова Н.А. приняла предметы музейной ценности, переименованные в акте от 6 февраля 1933 года, при чем все значащиеся в акте предметы получены полностью и в исправности. Кроме указанных в этом акте вещей приняты:

1) икона на дерева (*на дереве. – Н.Я.*), изображающая Илью пророка (*дополнительно подписано синими чернилами: «№9323 – Инв. книга № 3» – Н.Я.*)

2) чаша медная резная *(дополнительно подписано синими чернилами: «9324 – Ин. кн. № 3». — НЯ.)*

3) рипида серебряная вызолоченная 4-х угольная *(дополнительно подписано синими чернилами: «№ 9325 – инв. кн. № 3». — НЯ.)*

Сдал Представитель Валдайского О.Г.П.У. *(подпись синими чернилами: «Н. Калинин». — НЯ.)*

Приняла научн. сотр. Истринск. музея *(подпись синими чернилами: «Н. Бакланова». — НЯ.)*

1 марта 1933 года

Акт № 292 № 211а

(Дополнительно подписано красным карандашом. – Н.Я.) (второй экземпляр машинописного текста, напечатанного через черную копировальную бумагу. – НЯ.)

1933 г. февраля 6 дня, мы, нижеподписавшиеся, заведующий Музеем Борисов К.В., На-ч Валдайского РО ОГПУ ШЕВАРДИН П.Ф. в присутствии представителя РИКа тов. Устрицкого, настоящий акт составлен в том, что согласно акту комиссии от 3/II-§4 и дополнительных письменных распоряжений представителя Сектора Науки Наркомпроса тов. ШНЕЕРСОНА, первым / зав. Музеем Борисовым К.В./ переданы, а вторым / Нач. Валдайского РО ОГПУ Шевардиным П.Ф./, приняты для отправки в Москву нижеследующие предметы музейной ценности.

№ п/п	№ каталога и данной описи	Наименование предметов	Количество	Примечание	Литература
I.	I.	*Л. 1* Окладное напрестольное Евангелие, напечатано в Москве 5/X-1681 г. Оклад вокруг переплета серебряный вызолоченный. На верхней доске средник накладной 8-ми угольный, на нем в серебряных перегородках наважено изображение распятие, в верху звездочка 6-ти угольная, внутри ее изумруд, 3 простых красных камня, по сторонам 2 лазоревых яхонта, вокруг мелкие вставки из разноцветных камней, наугольники с изображениями евангелистов, также наважены финифтью. Под распятием накладное финифтяное изображение луны: в середине ее большой желтый топаз, по сторонам 4 вставки из разноцветных искорок. Над рогами луны запона эмалевая; внутри топаз, окруженный разноцветными камнями. По углам 4 жука эмалированные с 4 большими яхонтами, еще две запоны серебряные с эмалью меньшего размера. Вверху 4 вставки с красными камнями, а внизу с топазами. Вверху же против луны большая запона эмалированная, внутри большой топаз, по сторонам 4 вставки с разноцветными камнями, в серебряных гнездах. По чеканному борту верхней деки вставлены разноцветные камни в серебряных гнездах, задняя дека гладкая серебряная, средник накладной, чеканного серебра с позо-	1		2, стлб.39–41; 3, с. 47; 4, л.231–231об., № 1; 5, с.1–2, № 1.

№	№ кат.	Наименование предметов	Кол-во	Прим.	Литература
		лотой, изображает солнце, лучи эмалевые. По углам в эмалевых лучах 4 больших жука серебряных вызолоченных, застежки серебряные эмалированные.			
2.	2.	Л. 2 Евангелие в малый лист, обложено кругом фиолетовым бархатом, на лицевой стороне серебряный накладной вызолоченный средник с цированным изображением распятия, по углам вызолоченные наугольники (серебряные), на задней доске по углам 4 накладных серебряных выпуклых репья. Застежки серебряные, позолоченные на половину с бархатом.	1		4, л. 232–232 об., № 2; 5, с.2, № 2.
3.	3.	Евангелие в лист большого формата, с лицевой стороны обложено чеканным позолоченным серебром, средник и наугольники накладные серебряные вызолоченные. На средине в гнездах с чернью 4 мелких рубина. На доске в серебр. вызолоч. гнездах 4 простых камня, задняя доска медная вызолоченная. Ножки, корешок, и застежки серебряно-вызолоченные.	1		4, л. 232 об., № 3; 5, с.2, № 3.
4.	4.	Евангелие, форматом в малый лист, лицевая сторона обложена гладким серебром, средник и наугольники чеканного серебра, вызолоченные с изображением, задняя доска обложена малиновым бархатом. По углам 4 вызолоченные серебряные ножки с чеканными лучами, корешок серебряный чеканный.	1		4, л. 232 об.–233, № 4; 5, с. 3, № 4.
5.	6.	Евангелие, форматом в средний лист, по доскам обложено чеканным серебром, на лицевой доске вызолочены узоры, средник и 4 наугольника серебряные накладные с изображениями, на задней доске вычеканено изображение пророка держащего дерево. По углам 4 серебряные литые ножки. На корешке чеканное изображение, застежки серебряные литые вызолоченные с изображениями.	1		3, с. 47; 4, л. 233–233 об., № 6; 5, с.3–4, № 6.
6.	7.	Евангелие форматом в малый лист, обложено гладким серебром, на лицевой стороне серебряные накладные вызолоченные образа, на задней доске средник и 4 наугольника: с ножками серебряные вызолоченные, корешок и застежки серебряные вызолоченные с изображением.	1		4, л. 233 об.–234, № 7; 5, с. 4, № 7.
7.	8.	Евангелие большого формата, обложено чеканным, по глади вызолоченным серебром, на лицевой стороне средник и наугольники накладные с изображением чернью. Над средником чеканный образ «спасителя», а над ним в облаках накладка с чернью и надписью слева «Бог». На оборотной стороны (стороне. – *Н. Я.*) посредиде (по середине – *Н. Я.*) чеканное изображение. Корешок, застежки серебряно вызолоченные с изображениями.	1		4, л. 234, № 8; 5, с. 4, № 8.
8.	68.	Епитрахиль греческой работы времен патриарха Никона, красный штофной материи, на ней в кругах вышито золотом, серебром и шелками 14 изображений разных святых, на епитрахили 11 золотых пуговиц филигранной работы с яхонтовыми искрами (в 15-ти местах камни выпали), в низу 5 кистей шелковых с серебром.	1		2, стлб. 49; 3, с. 49;4, л. 327, № 376; 5, с. 16, № 68.

№	№ кат.	Наименование предметов	Кол-во	Прим.	Литература
9.	69.	Л. 3 Набедренник 17-го века, малинового бархата, шитый золотом и серебром с блестками, унизан жемчугом с серебряно-вызолоченными запонами, кои с разноцветными простыми камнями, вокруг них китайские зерна и тоже простые камни, по краям палицы нашит золотой газ (гас – *Н.Я.*) (позумент) с сеткой, внизу серебряная бахрома, подкладка желтого каленкора (коленкора – *Н.Я.*). (камней и китайских зерен в некоторых местах недостает).	1		2, стлб.49; 4, л. 337, № 461; 5, с. 17, № 69.
10.	70.	Пелена (покров) времен патриарха Никона, из красного атласа, на пелене в круге вышиты изображения распятие, от круга распространяется сияние шиток (шитое – *Н.Я.*) золотом, по углам пелены вышиты шелками, золотом и серебром изображения, подкладка желтого шелка.	1		2, стлб. 50; 5, с. 17, № 70; 11,с. 40.
11.	117.	Фелонь старинная коричневой шелковой материи, шелковыми цветами и узорами. Оплечье черного бархата с изображениями, подкладка из синей крашенины.	1		4, л. 309, № 257; 5, с. 27, № 117.
12.	118.	Фелонь старинная бледно-розовой шелковой материи с желтыми золотистыми шелковыми цветами, на оплечье по белому шелку вышито в круге распятие с предстоящими. Подкладка синей крашенины.	1		4, л. 309–309об., № 258; 5, с. 27, № 118.
13.	119.	Фелонь старинная серебряной парчи с золотыми цветами, оплечье малинового бархата шитого золотыми узорами, унизанными китайскими зернами, из коих многих не достает. Наподольник нашивной из шелковой материи с цветами, подкладка из синей крашенины.	1		4, л. 309об.–310, № 260; 5, с. 27, № 119.
14.	120.	Стихарь старинный из шелковой парчи с желтыми шелковыми цветами, оплечье малинового шелка с изображениями, зарукавья полосатого шелка, подкладка сурового холста.	1		4, л. 360–360об., № 630; 5, с. 27–28, № 120.
15.	121.	Стихарь старинный из коричневого шелка с парчовыми цветами, оплечье из черного бархата с изображениями, крест – из серебряного позумента, а подкладка сурового белого холста.	1		4, л. 360 об., № 631; 5, с. 28, № 121.
16.	127.	Икона «Спасителя» древнего письма на дереве, размер иконы 5х6 вершк., на ней серебряно-вызолоченная чеканная риза, весом 1 фунт 12 золотн. Риза унизана разноцветными простыми камнями, на полях ризы 3 крупных простых красных камня, а по углам 4 светлозеленых, одного из них недостает.	1	КП-9196 (утрачено)	4, л. 400, № 788; 5, с. 29–30, № 127; 8, с. 33.
17.	128.	Икона «Богоматери» старинного письма на дереве, размер иконы 7х6 вершк., на ней риза серебряная вызолоченная с чеканными узорами, в венце 16 разноцветных простых камней крупной величины. Вес ризы I фунт 48 зол.	1		4, л. 401 об., № 798; 5, с. 30, № 128.
18.	129.	Тоже старинного письма по дереву, размер иконы 5х5 вершк., на ней риза серебряная, вызолоченная с чеканными узорами, венец с короною и цата украшены 10-ю разноцв. камнями крупными и многими более мелкими.	1		4, л. 401 об., № 799; 5, с. 30, № 129.

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
19.	130.	Л. 4 Икона «Смоленская» старинного письма по дереву, размер иконы 6х5 вершк. Оклад серебряного басмена, в короне богоматери 5 чеканных изображений херувимов, по верхним зубчикам короны 10 разноцветных стекол (одного не достает), вес ризы с басменом 78 зол.	1	КП-9199 (утрачено)	4, л. 402, № 802; 5, с. 30, № 130; 8, с. 33.
20.	134.	Икона благоверного князя Михаила тверского и Арсения старинного письма по дереву. По краям и по средине оклада серебряного вызолоченного басмена, во многих местах поврежденного, размер иконы 7х6 вершк.	1	КП-9200 (утрачено)	4, л. 404 об., № 823; 5, с. 31, № 134; 8, с. 33.
21.	144.	Икона богоматери «Корсунская» старинного письма по дереву, на иконе серебряная чеканная риза, позднейшей работы, венец вызолочен, часть ажурной каймы на венце изломана, размер иконы 6х5 вершк., все ризы 88 зол.	1	КП-9201 (утрачено)	4, л. 403, № 809; 5, с. 33, № 144; 8, с. 34.
22.	145.	Икона «Иоанна Предтечи» старинного письма по дереву, поля иконы обложены серебряным позолоченным басменом, два венчика с цатами также серебряные вызолоченные, вес серебра 28 зол., размер иконы 6х7 вершк.	1	КП-9202 (утрачено)	4, л. 403, № 812; 5, с. 33, № 145; 8, с. 34.
23.	146.	Икона «преполовение» старинного письма по дереву, без ризы и венчика, размер иконы 7х6 вершк.	1	КП-9203 (утрачено)	4, л. 50, № 155; 5, с. 33–34, № 146;8, с. 34.
24.	147.	Икона «явление св. троицы» старинного письма по дереву. На иконе 3 венчика и 3 цаты серебряные вызолоченные с чеканными узорами. Поля иконы обложены серебром, вызолоченным басменом, местами обломанным, все серебра 18 зол. Размер иконы 7х6 вершков.	1		5, с.34, №147.
25.	148.	Икона евангелиста «Иоанна богослова» старинного письма по дереву, икона без ризы и венчика, размер ее 7х6 вершков.	1	КП-9205 (утрачено)	4, л. 403 об., № 813;5, с. 34, № 148; 8, с. 34.
26.	152.	Икона «рождества богородицы» старинного письма по дереву, на ней 2 серебряных вызолоченных венчика, на полях серебряный вызолоченный оклад с чеканными узорами, с несколькими вызолоченными на верху пластинками, размер иконы 7х6 вершк., вес серебра 74 зол.	1	КП-9207 (утрачено)	4, л. 50, № 159; 5, с. 35, № 152; 8, с. 34.
27.	154.	Икона «воскресение» старинного письма, по дереву, на иконе 2 серебряный (серебряных – *НЯ.*) вызолоченных венчика, поля покрыты серебряным вызолоченным басменом, вес серебра 14 зол., размер иконы 7х6 вершк.	1	КП-9208 (утрачено)	5, с .35–36, № 154; 8, с. 34.
28.	156.	Икона «введение во храм» старинного письма по дереву, на иконе 5 серебряно-вызолоченных венчика с резными узорами, поля иконы обложены серебряно вызолоченным басменом с тисненными узорами. Размер иконы 6х6 вершк.	1	КП-9209 (утрачено)	4, л. 115, № 420; 5, с. 36, № 156; 8, с. 34.
29.	377.	Л. 5 Жук: в эмалированной оправе с разными простыми камнями крупного размера.	6		

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
29-а.	67.	Стихарь турского бархата. Оплечье красное, а зарукавье зеленого бархата. В оплечье неск. камней не достает.	1		2, стлб. 49; 3, с. 49; 4, л. 360, № 629; 5, с. 16, № 67.
30.	125.	ВТОРОЙ ЯЩИК Икона «богоматери» старинного письма по дереву. В верхней части иконы в густой листве большого дерева покрыто серебряной вызолоченной ризой овальной формы, по краям иконы узкий серебряный вызолоченный оклад. Размер иконы 3х4 вершк.	1		4, л. 402–402об. № 803; 5, с. 29, № 125.
31.	131.	Икона «знамение» старинного письма по дереву, размер иконы 2х2 вершк., на ней риза, венец и цата серебряные, вызолоченные с 11-ью простыми цветными камнями, из коих I выпал. Венец надломлен. Весъ серебра 48 зол.	1		4, л. 401об., № 797; 5, с. 31, № 131.
32.	140.	Икона «рождества христова» старинного письма по дереву, на иконе 6 серебряных вызолоченных венчиков (позолота сошла), поля обложены серебряным вызолоченным басменом, с рельефными узорами. Вес серебра 14 золотн.	1	КП-9213 (утрачено)	4, л. 400 об,. № 790; 5, с. 32, № 140; 8, с. 33.
33.	141.	Икона «евангелиста Иоанна богослова», венец на ней серебряный вызолоченный, поля иконы обложены серебряным вызолоченным басменом, с рельефными узорами. Вес серебра 15 зол. Размер 7х5 верш.	1	КП-9214 (утрачено)	4, л.51 об., № 175; 5, с. 32, № 141; 8, с. 35.
34.	142.	Икона «тайной вечери» старинного письма по дереву, над головой спасителя серебряный вызолоченный венчик, весом в I/2 зол., размер иконы 7х6 вершк.	1	КП-9215 (утрачено)	4, л. 401, № 7955, с. 33, № 142;8, с. 35.
35.	143.	Икона «явление богоматери», на ней 5-ть серебряных венчиков с надписью. Под изображением на серебряно вызолоченной доске надпись вязью. Икона старинного письма по дереву. Размер ее 6х7 вершколы (вершков – *Н.Я*). Вес венца и басменного оклада 53 зол.	1	КП-9216 (утрачено)	4, л. 402 об., № 806; 5, с. 33, № 143;8, с. 35.
36	149.	Икона «преображение» старинного письма по дереву, оклад на иконе по внешнему краю из серебряного вызолоченного басмена с узорами. По внутреннему краю второй оклад также из серебряного вызолоч. басмена, с эмалевой инкрустацией. На иконе 3 венчика серебряные вызолоченные, - 2 с инкрустацией, 3 с резными узорами и I гладкий. На верху серебряная вызолоченная накладка с надписью вязью. Размер иконы 7х6 верш. Вес серебра 65 зол.	1		5, с. 34, № 149.
37.	150.	Икона «преображение» старинного письма по дереву, оклад на иконе по внешнему краю из серебряного вызолоченного басмена с узорами. По внутреннему краю Икона богоматери старинного письма по дереву. Поля иконы выложены серебряным вызолоч. басменом, изображение спасителя отделяется серебряно вызолоч. окладом с чеканн. узорами. На иконе 6 сереб. вызолоч. венчиков. Вес серебра 32 зол. Размер иконы 6х6 вершк.	1	КП-9218 (утрачено)	4, л. 50 об., № 164; 5, с. 34, № 150; 8, с. 35.
38.	151.	Л.6 Икона «апостолов Петра и Павла» старинного письма по дереву. По полям икона обложена серебр. вызолоченным басменом с узорами. Позолота почти стерлась, басмен местами поврежден. На иконе 3 серебр. вызолоч. венчика. Вес серебра 12 зол.	1	КП-9219 (утрачено)	4, л. 51, № 167; 5, с. 35, № 151; 8. с. 35.

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
39.	153.	Икона «воздвижение» старинного письма на дереве, на иконе 2 серебр. вызолоч. венчика, поля обложены серебряным вызолоч. басменом, во многих местах поврежден. Вес серебра 6 зол. Размер 7х5 верш.	1	КП-9220 (утрачено)	4, л. 50, № 154; 5, с. 35, № 153; 8, с. 35.
40.	155.	Икона «богоявление» старинного письма по дереву, На иконе 5 серебр. вызолоч. венчика с резьбой, поля обложены серебр. вызолоч. басменом с тиснеными узорами. Размер иконы 7х6 вершк.	1	КП-9221 (утрачено)	4, л. 115, № 417; 5, с.36, № 155; 8, с. 35.
41.	157.	Икона «благовещение» старинного письма по дереву. На иконе 2 венчика с цатами серебряно-вызолоч. с чеканными узорами. 3-й венчик меньшего размера с разными (резными – *НЯ.*) узорами. Ожерелье из 5-ти рядов мелких жемчужин (китайских зерен), голова украшена такими же зернами и 3-мя простыми цветными камнями в серебряной оправе. Поля иконы обложены серебром позолоченным, покрытом (покрытым – *НЯ.*) узорами тонкой работы чернью, размер иконы 7х6 вершк., На верху серебр. досчечка (дощечка – *НЯ.*) с резной надписью вязью.	1 1	КП-9223 (утрачено)	4, л.115 об., №421;5, с.37, №157;8, с.35.
42.	158.	Икона «варлаама хутынского» старинного письма по дереву, поля иконы выложены серебряным вызолоченным басменом с чеканными узорами, размер иконы 7х6 вершк.		КП-9224 (утрачено)	1, стлб. 239, № 87; 4, л. 404 об, № 824; 5, с. 37, № 158; 8, с. 36.
43.	159.	Икона «Алексея митрополита Московского» старинного письма по дереву, на иконе серебряно-вызолоченный венчик, поля иконы и фон ее в верхней половине выложены серебряно-вызолоч. басменом с тиснеными узорами. Вес серебра 15 зол. Размер иконы 7х5 вершк.	1	КП-9225 (утрачено)	4, л. 406, № 819; 5, с. 37, № 159; 8, с. 36.
44.	160.	Икона «Ал-дра Свирского» старинного письма по дереву, поля иконы и фон ее в верхней половине обложены серебряно-вызолоченным басменом с тиснеными узорами, на верхнем крае иконы с левой стороны серебряная накладная досчечка (дощечка – *Н.Я.*) с надписью. Вес серебра 13 зол., размер иконы 7х6 вершков, оклад во многих местах поврежден.	1 1	КП-9226 (утрачено)	4, л.405, №825;5, с.37, №160;8, с.36.
45.	161.	Икона «Николая Мирликийского» старинного письма по дереву, на иконе 3 серебр. венчика и узкий оклад также серебряный. Вес серебра 12 зол. Размер 3х2 вершка.		КП-9227 (утрачено)	4, л. 406, № 817; 5, с. 38, № 161; 8, с. 36.
46.	132.	Деревянный складень старинного письма по дереву, по краям серебр. оправа с резными узорами, размер иконы 6х4 вершка. Вес оправы 44 зол.		КП-9228 (утрачено)	5, с. 31, № 132; 8, с. 37.
47.	133.	*Л. 7* Медный складень старинного письма по дереву. На нем серебряные чеканные ризы, весом 12 зол. Размер складня 5х2 вершка.	1 1		4, л. 402 об.–403, № 808; 5, с. 31, № 133.
48.	366.	Дорожный миниат. медный складень с изображением в средней части Николая, а в затворах разные изображения.			
49.	419.	Складень с изображением «скорбящей» с 2-мя дверками.			
50.	420.	Медная икона с конусом в верху.	1		
51.	5.	ТРЕТИЙ ЯЩИК Крыша от раки мощей «Иакова Праведного» серебряная	1		3, с. 42; 5, с. 3,

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
		чеканная, в крыше в головной ее части сделано отверстие в виде окна, закрывающее (закрывающегося – *НЯ.*) дверцей на петлях. На дверце рельефное изображение Иакова. Внизу чеканное изображение вида Иверского монастыря. Крыша заключена в деревянную раму обтянутую вылинявшим бархатом. Размер крыши с рамой 43х16 верш.	1 1 1		№5.
52.	9.	Потир серебряный белый, пожалован монастырю патр. Никоном в 1653 г. На чаше изображение, на рукояти травы чеканные в мишенях, на поддонбе (на поддоне – *Н. Я.*) 4 мишени сердцевидные и в них травы. Вес потира 1 фунт 4 зол. Верхний край поврежден и запаян оловом.		КП-7148 Б-737 СБ-422	2, стлб. 41; 3, с. 49; 4, л. 245, № 40; 5, с. 4, № 9; 6, с. 53; 9, с. 224, 227; 10, с. 41; 12, с. 129.
53.	10.	Дискос серебряный вызолоченный, на дне вырезаны изображения «спасителя», на полях травы и олова (слова – *Н.Я.*) таинства. Весъ I ф. 27 зол.	1		2, стбл. 41–42; 3, с. 50; 4, л. 244, № 34; 5, с.5,№10.
54.	11.	Потир хрустальный, посредине выведен серебряным вызолоченным пояском с резьбой. На рукояти в серебряных гнездах 2 изумруда, поддон чеканного серебра позолоченный. В 2-х серебр. цветках по камню – 1 аметист, другой простой. Вес 2 фунта 7 зол. Чаша надтреснута.	1	КП-3149 ЗВ-80	2, стлб. 42; 3, с. 48; 4, л. 251, № 91; 5, с. 5, № 11; 6, с. 52; 9, с. 221; 12, с. 129.
55.	12.	Потир серебряный вызолоченный, на чаше резной кожух с чеканными изображениями, поддон также чеканный с изображениями. Яблоко под чашей с 6-ю простыми разноцветными камнями. Вес 3 ф. 90 зол.	1	КП-7123 Б-737 СБ-172	4, л. 244, № 33; 5, с. 5, № 12; 6, с. 53; 9, с.214, 224–225; 10, с. 35; 11.
56.	13.	Тарелочка серебряная вызолоченная с резным изображением иконы «знамение». На оборотной стороне резная надпись. Вес 86 зол.	1	КП-7026 Б-653 СБ-322	с. 37; 12, с. 129. 2, стлб. 42; 3, с. 50; 4, л. 244 об., № 38; 5, с. 5, № 13; 6, с. 52–53; 9, с. 223–224; 12, с. 128.
57.	14.	Тарелочка серебряная вызолоченная, посредине ее вырезаны крест, трость и копье. Вес 83 зол.	1	КП-7025 Б-654 СБ-321	2, стлб. 42; 3, с. 50; 4, л. 245 об., № 43; 5,с. 5, № 14; 6, с. 52–53; 9, с. 215, 223–224; 12, с.128.
58.	15.	*Л. 8* Тарелочка серебр. вызолоченная, на ней посредине вырезано изображение «Иоанна Предтечи», а не полях слова тропаря. На полях серебряной стороны разная надпись. Вес 84 зол.	1	КП-7161 Б-667 СБ-432	2, стлб. 42; 3, с. 50; 4, л. 246 ., № 45; 5, с. 6, № 15; 6, с. 52–53; 9, с. 215, 223–224; 10, с. 38; 12, с. 128.
59.	16.	Звездица серебряная вызолоченная, в верху яблоко с крестом наваженном чернью с надписью по краям. Вес 94 зол.	1	КП-6776 Б-584 СБ-148	2, стлб. 42; 3, с. 50; 4, л. 245 об., № 42; 5, с.6, № 16; 6, с. 54; 9, с. 216, 226; 10, с. 38; 12, с.130.
60.	17.	Ковш для теплоты, серебряный гладкий внутри позолочен. На дне в кругу изображен дельфин, плавающий в море. Ручка лопастью, на ней наведены чернью травы. Вес 44 зол.	1 1	КП-7127 Б-768 СБ-404	1, стлб. 239, № 87; 2, стлб. 46–47; 3, с.53; 4, л. 244 об., № 39; 5, с. 6, № 17; 6, с. 50–51; 9, с. 218, 220; 10, с. 40; 12, с. 128.
61.	18.	Ковш для теплоты, серебряный гладкий, внутри мишень с травами черневой наводки. Ручка резная. Мишень и ручка		КП-7126 Б-761	1, стлб. 239, № 89; 2, стлб. 46–47; 3, с. 53;

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
		позолочены. Снаружи венец и на нем надпись вязью. На поддоне вырезана надпись. Вес 24 зол. Ручька (ручка – *Н.Я.*) частью отломана.	1	СБ-1403	4, л. 245 об., № 44; 5, с. 6–7, № 18; 6, с. 50–51; 9, с. 217, 218, 220; 12, с. 128.
62.	19.	Ковш для теплоты, серебряный гладкий, снаружи венец вызолочен, на нем надпись вязью. Всесто (вместо – *Н. Я.*) ручки лопасть прорезная, представляющая человеческую фигуру в русском одеянии. Вес 24 зол. Ковш в 3-х местах поврежден и запаян.	1	КП-7146 Б-769 СБ-421	1, стлб. 239, № 89; 2, стлб. 46–47; 3, с. 53; 4, л. 248 об.–249, № 67; 5, с. 7, № 19; 6, с. 50–51; 9, с. 218, 220; 12, с.128.
63.	20.	Ковш для теплоты, серебряный гладкий, на дне изображен кит на волнующемся море, ручка прорезная с узорчатою черневой наводкой. Ручка в 2-х местах повреждена. Вес 27 зол.	1	КП-7131 Б-1121 СБ-408	1, стлб. 239, № 89; 2, стлб. 46;3, с. 53; 4, л. 249 об.–250, № 75; 5, с. 7, № 20; 6, с. 50–51; 9, с.218, 220; 10, с. 40; 12, с. 128.
64.	21.	Ковш для теплоты серебряный гладкий. В средине мишень, на ней кругом венок наведенный чернью. В венке в верхней половине изображена чалма, в нижней полумесяц с 6-ти угольной звездой. Вес 56 зол. Под ковшом круглый обруг (обруч – *Н. Я.*) припаянный на ребро для подставки. Ручка надломлена.		КП-6781 Б-765 СБ-150	1, стлб. 239, № 89; 2, стб. 47; 3, с. 53; 4, л. 247, № 53; 5, с. 7, № 21; 6, с.50–51. 9, с. 218, 220; 12, с. 128.
65.	22.	Потир 17-го века оловянный гладкий с резным крестиком.	1		5, с. 7, № 22.
66.	23.	Дискос оловянный 17-го века, без ножки (отломана) с резным изображением. По краю резная надпись.			5, с. 7, № 23.
67.	24.	Звездица оловянная 17-го века. На верху изображение креста. На ножках резные узоры.			5, с. 7, № 24.
68.	25.	Лжица оловянная гладкая без резьбы. Работа 17-го века.			5, с. 7, № 25.
69.	26.	Лжица перламутровая 17-го века.	1		5, с. 8, № 26.
70.	27.	Лжица перламутровая малого размера с крестиком на конце ее. Работа 17-го века. *ручка отломана (подписано от руки)*	1 1		5, с. 8, № 27.
71.	29.	Крест напрестольный 17-го века. Крест деревянный, обложен басмою серебряной вызолоченной с травами. Венец на спасителе серебряный с травами, обнизан жемчугом. Вес I фунт. 90 зол.	1 1 1		2, стлб. 43; 3, с. 46; 4, л. 238 об., № 16; 5, с. 8, № 29.
72.	30.	*Л 9* Крест напрестольный, серебряный вызолоченный, на лицевой стороне чеканное изображение, на оборотной стороне креста резные узоры и надпись. Вес 88 зол.	1	КП-6764 Б-1672 СБ-61	2, стлб. 43; 3, с. 46; 4, л. 238, № 14; 5, с. 8, № 30; 6, с. 54; 9, с. 210, 225-226; 10, с. 24–25; 11, с. 24; 12, с. 130.
73.	31.	Крест напрестольный кипарисного дерева, 1689 г. с резными надписями, на оконечностях 3 синих и 4 белых (под жемчуг) простых камня. Оборотная и боковая стороны обложены вызолоченным серебром. Вес в кресте 69 зол.	1	КП-9254 Б-1040 (утрачено)	4, л. 238 об.–239, № 17; 5, с. 9, № 31; 8, с. 50.
74.	33.	Крест напрестольный кипарисового дерева ажурной резной работы. На лицевой стороне вырезано распятие. На оборотной стороны богоявление. Крест заключен в серебряно-вызолоченный оклад. Вес серебра 73 зол.	1	КП-9255 (утрачено)	4, л. 241 об., № 28; 5, с. 9, № 33; 8, с. 49.

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
75.	34.	Крест напрестольный деревянный резной ажурной работы с разными изображениями на лицевой стороне. Крест в серебряном окладе и с серебряной рукояткой. На окладе резная надпись. Вес серебра 41 зол.	1		5, с. 9–10, № 34.
76.	35.	Крест напрестольный деревянный. На лицевой стороне резные изображения. Тоже самое и на оборотной. На кресте серебряно-вызолоченный оклад с резьбою. Рукоять креста серебряная вызолоченная круглая (круглая – *Н.Я.*) с резными узорами и резной надписью на оконечности. Вес серебра 77 зол.	1		5, с. 10, № 35.
77.	37.	Крест наперстный (наперсный – *Н.Я.*) 18-го века, серебряный с резными изображениями. На верху серебряно вызолоченное яблоко с резным изображением. На оборотной стороне надпись. Вес креста 20 зол. В кресте не достает 4 черебряных (серебряных – *Н.Я.*) гвоздиков.	1		3, с. 51; 4, л. 262об–263, № 114; 5, с. 10, № 37.
78.	39.	Звездица медная с изображением креста и на ножках по 2 херувима. Звездица 17-го века.	1		5, с. 11, № 39.
79.	41.	Тарелка времен патриарха Никона серебряная гладкая, на дне вырезано изображением креста и города Иерусалима. На задней стороне выцарапаны слова «Никон патриарх». Вес 69 зол. Тарелка поломана.		КП-7225 Б-651 СБ-461	2, стлб. 42; 3, с. 50; 4, л. 245 об., № 43; 5, с. 11, № 41; 6, с. 53; 12, с.128.
80.	42.	Тарелка серебряная гладкая, на две (дне – *Н.Я.*) вырезаны позолоченные изображения «знамение», на задней стороне выцарапаны слова «Никон Патриарх». Вес 74 зол. Тарелка с трещинами.	1 1	КП-7027 Б-665 СБ-323	2, стлб. 42; 3, с. 50; 4, л. 247, № 52; 5, с. 11, № 42; 6, с. 53; 9, с. 224; 12, с. 128.
81.	43.	Крест наперстный (наперсный – *Н. Я.*) серебряный, лицевая сторона позолочена с изображением чернью распятие и предстоящими. Вес 7 зол.	1		1, стлб. 236, № 87; 2, стлб. 44;3, с. 51; 4, л. 263, № 115; 5, с. 11, № 43.
82.	48.	Блюдо серебряное 1653 г. иностранной работы, по полям выпуклое изображение птиц, животных и плодов, на оборотной стороне резная надпись. Вес 3 фун. 12 зол.	1	КП-6760 Б-778 СБ-140	2, стлб. 45; 3, с. 52; 4, л. 385, № 752; 5, с. 12, № 48; 6, с. 49–50; 7, с. 67; 9, с. 224; 12, с. 128.
83.	49.	*Л. 10* Блюдо серебряное 17-го века иностр. работы, круглон (круглое – *Н. Я.*) на 3-х ножках, внутри мишень крунгая (круглая – *Н.Я.*) вызолоченная с выпуклым чеканным изображением группы из цветов и плодов. По краям между цветами выгравированы 3 эмблемы времен года (весна, лето и осень.). Вес 1 ф. 17 зол.	1		1, стлб. 238, № 87; 2, стлб. 45; 4, л. 385, № 753; 5, с. 12, № 49; 12, с. 128.
84.	50.	Тарелка серебр. гладкая, 1604 г., круглая диаметром в 4 S вершка, края вызолочены и на них разная надпись вязью. Вес 64 зол.	1	КП-7045 Б-652 СБ-342	2, стлб. 46; 3, с. 53; 5, с. 13, № 50; 6, с. 53; 9, с. 222, 224; 12, с. 128.
85.	51.	Блюдо серебряное позолоч. 17-го века, кайма сквозная чеканная, внутри накладной круг серебряный, прорезной с чеканными изображениями мальчика несущего грозди винограда. На краю чеканные узоры. Все блюда 66 зол.	1		1, стлб. , № 87; 2, стлб. 45–46; 5, с. 13, № 51; 12, с. 129.
86.	52.	Тарелка серебряная 17-го века на 3-х ножках, прсредине (по середине – *Н.Я.*) вырезаны цветы и узоры. Края в виде 8 фестонов, на оборотной стороне вырезано слово «Никон». Вес тарелки 76 зол. Фестоны в 5-ти местах надломлены.	1		2, стлб. 46; 3, с. 52–53; 5, с. 13, № 52; 12, с. 129.

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
87.	57.	Кадило 1653 г. серебряное вызолоченное, чеканной работы. Отдушины на крышке имеют форму крестов. А в стояке форму икон. На чаше надпись. Вес кадила 1 ф. 68 зол.	1 1	КП-6745 Б-1144 СБ-126	1, стлб. № 44; 2, стлб. 44; 3, с. 48; 4, л. 256, № 98; 5, с. 14, № 57; 6, с. 54; 9, с. 211, 226; 10, с. 22–23; 11. с. 22; 12, с. 130.
88.	58.	Кадило серебряное вызолоч. чеканной работы, на крышке отдушины в виде листьев, расположенных крестообразно и выше в виде овалов. На чаше, крышке и поддоне чеканные узоры и клеіма (клейма – *Н.Я.*). На крышке кругом чеканная надпись вязью. Вес кадила 1 фунт 62 зол.		КП-6733 Б-1128 СБ-116	2, стлб. 44; 3, с. 48–49; 4, л. 256– 256 об., № 99; 5, с. 14, № 58; 6, с. 54; 9, с. 226; 10, с. 40.
89	59.	Солонка серебряная имеет форму ладьи с раствором на верху, ручка на растворе литого серебра в виде льва стоящего на задних лапах. Весь солонки 1 ф. 2 зол.	1	КП-6731 СБ-114	1, стлб. 238, № 87; 2, стлб. 48; 3, с. 54; 5, с. 14, № 59; 6, с. 52; 9, с. 221; 10. с. 39; 12, с. 129.
90.	60.	Умывальница серебряная 17-го века чеканная овальной формы. На дне мишень выпуклая. На мишени вырезан венок из трав, а в венке надпись. «4 фунта 2 зол.». По краям 4 изображения херувимов. Вес умывальницы 3 фунта 72 зол. (повреждена).	1	КП-6759 Б-566 СБ-139	2, стлб. 45; 3, с. 54; 5, с. 15, № 60; 6, с. 52; 9, с. 223; 12, с. 129–130.
91.	62.	Стопа (стакан), 1655 г. серебряная гладкая, вся вызолочена, поддонок ввинчивается. На дне стопы вырезана надпись. Вес 1 фунт 48 зол.	1	КП-7088 Б-577 СБ-374	2, стб. 48; 3, с. 54; 4, л. 410 об., № 841; 5, с. 15, № 62; 6, с. 49; 9, с. 212. 219; 10, с. 39; 12, с. 129.
92.	63.	Стопа, 1655 г. серебряная с чеканными травами и узорами. Близ верхнего края в 5-ти мишенях вырезана надпись. К поддону в виде ножек припаяно 3 колокольца. Вес 42 зол.	1	КП-7096 СБ-382 Б-579	2, стб. 48; 4, л. 410 об., № 842; 5, с. 15, № 63; 6, с. 49; 7, с. 68; 9, с. 212, 219; 10, с. 39; 12, с. 129.
93.	64.	6 стаканов дорожных, вкладывающихся один в другой, 1655 г., серебряные гладкие. По верхнему и нижнему краям позолоченный, украшенный разными травами. На каждом стакане резная надпись. Вес стаканов 37 зол., 36 зол, 35 зол, 33 зол. И 2 стакана по 32 зол., а всего 2 ф.13 зол.	1	КП-7089-7094 Б-569-574 СБ-375-380	2, стб. 48; 3, с. 54; 4, л. 411, № 844–849; 5, с. 15, № 64; 6, с. 48–49; 9, с. 218, 220; 10, с. 39; 12, с. 129.
94.	65.	*Л. 11* Кубок серебряный вызолоченный двухярусный, украшен весь рельефными травами и узорами. На поддоне вырезан вес: 3 ф. 12 зол. Ныне кубок весит лишь 2 ф. 26 зол. Кубок иностранной работы.	6	КП-7122 Б-703 СБ-171	2, стб. 47–48; 3, с. 53–54; 4, л. 411, № 850; 5, с. 15, № 65; 6, с. 51; 9, с. 214, 220–221; 12, с. 129.
95.	66.	Митра 1692 г., малинового бархата с вышитыми на ней золотом и серебром изображениями. Украшена митра простыми разноцветными камнями. Обруч серебряный вызолоченный, опушка из серебряной бахромы. Под обручем шитая золотом и серебром надпись.	1		2, стб. 48–49; 3, с. 49; 4, л. 302 об., № 242; 5, с. 16, № 66.
96.	71.	Пелена из красного атласа, на пелене в круге вышиты золотом и шелками изображения распятие на кресте. По углам пелены, вышиты шелками, золотом и с серебром изображение 4-х евангелистов. На кайме вышиты кругом золотом и	1		5, с. 17, № 71; 11, с. 40.

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
		серебром слова тропаря на великий пяток. Края каймы обшиты разноцветной шелковой каймой, подкладка желтого шелка.	1		
97.	72.	Воздух из красного шелка, посредине вышито золотом, серебром и шелками снятие с креста в квадратной раме шитой золотом и серебром около соответствующих изображений вышиты надписи. Края воздуха обшиты разноцветной бахромой, подкладка полосатой тафты.			5, с. 17, № 72; 10, с. 38.
98.	73.	Воздух из красного шелка, посрединет *(по середине – Н.Я.)* вышито золотом, серебром и шелками вложение во гроб. Края воздуха обшиты разноцветной шелковой бахромой, подкладка из полосатой тафты.	1		2, стлб. 50; 5, с. 18, № 73.
99.	74.	Остаток ризы (по всей верчтности *(вероятности – Н. Я.)* фелони турского рытого бархата с разводами.			2, стб. 49; 5, с. 18, № 74.
100.	76.	Антеминс *(антиминс – НЯ.)* белого холста времен императрицы Екатерина 2-й с надписью. На поле антименса *(антиминса-Н. Я.)* рукою епископа Иова сделана надпись «протопопии Белоцерковской, в селе Скирин и Выдан 1772 г. марта. 14 дня».	1 1		3, с. 44–45; 4, л. 59 об., № 2585, с. 18, № 76.
101.	78.	Схима иеромонашеская черного шелка, вышита белыми шелками и нитями с 13-ью изображениями вышитых гладью белым шелком.	1		2, стб. 50; 5, с. 19, № 78.
102.	79.	Схима монашеская черного шелка, вышита белыми шелками и нитями, на ней вышито 2 изображения херувимов, вышитых гладью белым шелком.			2, стб. 50; 5, с. 19, № 79.
103.	80.	Янтарные четки, принадлежащие патриарху Никону, янтари крупные, граненые темно-желтого цвета, 2 янтаря больших, 10 малых и 32 средней величины.	1 1	КП-7364	2, стб. 50; 3, с. 54; 4, л. 410 об., № 838; 5, с. 20, № 80; 6, с. 47–48; 9, с. 208; 12, с. 130.
104.	101.	Митра кованого серебра вызолоченная, гладкая с 9-ью финифтяными образами. Образа обнизаны жемчугами – 4 средним, а другие 4 и образ богоматери крупным.	1		4, л. 301–301об., № 239; 5, с. 23, № 101.
105.	102.	*Л. 12* Митра золотой бити, унизана жемчугом с 5-ю финифтяными образами. Все 5 образов унизаны крупным жемчугом. Перекрестья из мелкого жемчуга. В них 24 простых камня в серебряных гнездах. Перекрестья и средина унизаны жемчугом. Среди жемчужных гирлянд 16 простых красных камней. На обруче решетка из такого же среднего жемчуга с 10-ью простыми красными камнями, внизу опушка из золотой канители. *Одного из красных камней не достает (подписано от руки – Н.Я.)*	1 1		4, л. 301об.–302, № 240; 5, с. 23–24, № 102.
106.	103.	Митра конца 13-го века из светло зеленого бархата украшена 9-ью финифтяными образами и вензелями. Митра унизана бусами и простыми камнями, внизу опушка из серебряной бахромы.			4, л. 303, № 245; 5, с. 24, № 103.
107.	105.	Набедренник 17-го века. Верхняя часть из малинного бархата, нижняя из красного штофа. По бархату вышито золотыми (золотом – *Н.Я.*) и серебром узоры, цветы и разводы. Посредине нашит крест из золотого позумента. Подкладка из синей крашенины.	1		4, л. 337, № 462. 5, с. 24, № 105.
108.	106.	Набедренник 17-го века красного шелка цветами и узорами, вышитыми гладью, золотом и серебром. Нижняя часть набед-	1		4, л. 337–337об., № 463

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
		ренника из малинового бархата, вышитого золотом и серебром с блестками. Посредине в верхней части нашит крест из золотого гаса . Подкладка синей крашенины.			5, с. 25, № 106.
109.	107.	Палица 17-го века малинового бархата (выгорел), по краям обшит серебряным позументом с 3-мя серебряными кистями на углах. Посредине крест шитый золотом и серебром, в нем финифтяный образ, а по углам 4 финифтяных изображения. На кресте 8 серебряных вызолоченных запон с простыми камнями, в верхнем углу серебряный крючек *(крючок – Н.Я.)*. Подкладка желтого каленкора *(коленкора – Н.Я.)*. Местами китайские полузерна стерлись и выпали.	1 1		4, л. 294–294 об., № 207; 5, с. 25, № 107.
110.	108.	Палица 17 века малинового бархата, посредине вышит золотом и серебром крест с лучами. В кресте 5 запон с простыми камнями, обнизанных китайским жемчугом, в перекрестьях такой же жемчуг. На концах креста по 2 простых камня- красный и зеленый и по 3 крупных китайских зерна. Подкладка желтого каленкора *(коленкора – Н.Я.)* (в средине не достает одного камня).	1		4, л. 294 об., № 208; 5, с. 25, № 108.
111.	109.	Палица красного бархата, обшита по краям золотым позументом с 3-мя золотыми кистями на углах, посредине вышит золотом и серебром крест с лучами, а по углам лики серафимов. Подкладка желтого каленкора *(коленкора – Н.Я.)*			4, л. 294 об., № 209; 5, с. 25–26, № 109.
112.	110.	Палица 17-го века из синего репса, по углам шитые золотом и серебром 4 вазы, посредине – Крест шитый по желтой фольге мишурной канителью. Подкладка толстого зеленого шелка.	1		4, л. 295, № 211; 5, с. 26, № 110.
113.	111.	Палица с нашитой на ней иконой «смоленской», изображения вышиты шелками, а венцы и одежды золотом по красному атласу. Подкладка синей нанки.	1		4, л. 294, № 206; 5, с. 26, № 111.
114.	136.	*Л. 13* Лампада серебряная вызолоченная с такими же цепями и колпачком. Вес лампады 65 зол.	1	КП-6894 Б-1164 СБ-207	4, л. 120 об., № 438; 5, с. 31, № 136; 6, с. 51–52; 7, с. 70; 9, с. 221; 12, с. 130.
115.	137.	Рипицы *(рипиды – Н.Я.)* низкопробного серебра, вызолоченные 4-х угольной формы с древками, вес серебра по 60 зол. в каждой.	1		5, с. 32, № 137.
116.	139.	Пацагиар (*панагиар – Н. Я.*) 17-го века чеканного серебра вызолоченный, с поддоном и крышкою. На дне панагиара изображение «знамение». Крышка прикреплена к петле с 2-мя цепочками. Вес его 3 ф.48 зол. Внизу на поддоне изображены цифры и буквы.	1	КП-7015 Б-1573 СБ-317	4, л. 251 об., № 61; 5, с. 32, № 139; 6, с. 52; 9, с. 213, 221; 12, с. 129.
117.	356.	Плащаница темно-фиолетового бархата, размер 1 арш. 3 верш.х11 вершк. с изображением спасителя с херувимами по углам, писанными красками. Венцы и крылья шиты вокруг золотом и серебром.	1		
118.	357.	Плащаница красного штофа с золотым и серебряным шитьем, изображение шито шелком. Размер плащаницы 1 ар. 1 верш. на 14 вершк.	1		
119.	447.	Дароносица оловянная с изображ. спасителя с предстоящими наведено чернью.			
120.	343.	Тарелочка серебряная вызолоченная, на ней разное изображение.	1		4, л. 249 об., № 73.
121.	344.	Такая же.			4, л. 249 об., № 74.

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
122.	345.	Кадило серебряное вызолоченное с чекан. узорами, с крышкой. На ней 3 ряда репья листьев. Цепи серебряные.	1		4, л. 256 об., № 100.
123.	346.	Тоже. Серебряное с чек. узорами на чаше и поддорье *(поддоне – Н. Я.)* с 3-мя круглыми ножками, крышка имеет вид листьев. Головка гладкая с крестом. И 4 серебряные цепи.	1		4, л. 257 об., № 105.
124.	337.	Потир серебряный вызолоченный. На чаше надет серебряный кожух, с 4-мя финифтяными изображениями. Поддон с 4-мя изображениями страстей в серебряно-вызолоченных *(серебряно-вызолоченных – Н. Я.)* оправах с серебряной шлифовкой вокруг.	1 1 1		4, л. 246, № 46.
125.	338.	Потир серебряный вызолоченный, на чаше серебряный кожух с 4-мя изображениями в серебряно-вызолоченных оправах, унизанных вокруг стразами. Чаша повыше изображения обведена поясом под вид аметистовых камней. На подносе 4 изображения страстей в серебряных оправах, унизанных стразами. Вес 4 ф. 50 зол.	1		4, л. 247, № 54.
126.	339.	Дискос серебряно-вызолоч. в середине резное изображение, поддон с виноградными чеканными ветвями. Вес 1ф. 33 зол.	1		4, л. 247 об., № 55.
127.	340.	*Л. 14* Такая звездица, на ней изображение в серебряной оправе осыпанное стразами, на перекрестках чеканное изображение.			4, л. 247 об., № 56.
128.	341.	Такая звездица (вторая), на ней вверху резной крест, а на перекрестьях разные травы. Крест и травы позолочены.	1		4, л. 244 об., № 35.
129.	342.	Такая же лжица, на ручке резное изображение распятие, на конце корона с крестиком.	1		4, л. 247 об., № 57.
130.	331.	Неристерий изображение голубя серебряное вызолоченное, отверстие с крышкой и крестом. Работа 17-го века.	1	КП-7114 Б-1572 СБ-398	5, с. 85, № 331; 6, с. 54; 9, с. 226; 10, с. 38; 12, с. 131–132.
131.	403.	Крест кипарисный резной работы с подставкой настольный.	1		
132.	405.	Стихарь малинового цвета шелковой материи с позолоченными цветами.	1		4, л. 360 об., № 632.
133.	406.	Эпитрахиль *(епитрахиль – Н. Я.)* на шелковой материи в полоску с блестками.			4, л. 327, № 378.
134.	407.	Тоже парчевый зеленого цвета с пуговицами.			4, л. 327, № 377.
135.	410.	Палица коричневого бархата с большим крестом посредине шитом серебром...., с 3-мя кистями на углах.	1 1		
136.	411.	Тарелка серебряная 4-х угодьная *(4-х угольная – Н.Я.)* на 4-х ножках по краю узор, 18-го века.	1		
137.	416.	Фелонь голубой шелковой материи с цветами и колоннами, оплечья желтой парчи.	1		4, л.312 об., № 298.
138.	417.	Стихарь такого же цвета.	1		
139.	418.	Поручья греческой работы, шитые золотой ниткой.			4, л. 361, № 633.
140.	419.	Эпитрахиль (епитрахиль – *Н. Я.*) голубого цвета шелковый старый.	1		4, л. 353, № 585. 4, л. 329, № 405.
141.	408.	Эпитрахиль *(епитрахиль – Н.Я.)* парчовый малинового бархата (турский бархат).	1		4, л. 330, №417.
142.	404.	Схима монашеская черная, шитая белыми шелковыми нитка-	1		

№	№ кат.	Наименование предметов	К-во	Прим.	Литература
		ми с изображениями и пришивными бархатными херувимами.	1 1		
		2 сундука занятых предметами деревянные, один из них большего размера с внутреным замком и ключем окованный железом, другой малого размера также окованный железом без замка.	1 1		
		СДАЛ: Зав. МУЗЕЕВ /Борисов/. ПРИНЯЛ: Нач. РО ОГПУ /Шевардин/. ПРИ СДАЧЕ-ПРИЕМЕ присутствовал представ. РИК /Устрицкий/. *Подпись от руки фиолетовыми чернилами: «С приятым верно. Зав. Музеями К. Борисов»*			

Литература

1. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные архимандритом Леонидом // Русская Историческая библиотека. Т. 5. СПб., 1878.

2. *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Исторический очерк Иверской Святоозерской обители в ее патриарший период (с 1653 г. по конец 1666 г.) // Русская Историческая библиотека. СПб., 1878.

3. *Силин П.М.* Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого первоклассного монастыря. СПб., 1885.

4. Главная книга. Ризничная опись и церковная Валдайского Иверского первоклассного монастыря. 1904. (НГМ КП 40193).

5. *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского музея в Иверском монастыре близь г. Валдая. Новгород, 1920.

6. *Рогожкина Е.И.* Личные вещи и вклады Патриарха Никона из фонда драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим» // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002.

7. Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белоозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М., 2002.

8. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и уничтоженных в период Второй мировой войны. Т. 12. Кн. 1. М., 2005.

9. *Рогожкина Е.И.* Личные вещи и вклады Патриарха Никона из фонда драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим» // Патриарх Никон, рожденный на земле Нижегородской. Нижний Новгород, 2007.

10. *Зеленская Г.М.* Новый Иерусалим. Образы дольнего и горнего. М., 2008.

11. *Зеленская Г.М., Берхина Т.Г.* Ильинка сквозь века. Патриарх Никон. М., 2008.

12. *Яковлева Н.П.* Никоновский музей Иверского монастыря // Ежегодник Новгородского государственного музея-заповедника. 2008. Великий Новгород, 2009.

Примечания

С.К. Севастьянова

ПОУЧЕНИЕ ПАТРИАРХА НИКОНА О МОРОВОЙ ЯЗВЕ И СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И БЫТА МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

[1] *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. № 270; Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 3. 1651–1675 / Сост. Л.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова. М., 2003. № 32. С. 74.

[2] ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 138. Л. 253–273 об.; № 349 (605). Л. 1–18 об.; РНБ, собр. Н.М. Михайловского (ф. 487) F–180. Л. 101–108.

[3] Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. С. 75. № 32.1.

[4] Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. М., 1788–1791. 2-е изд. Ч. 6. С. 162–182.

[5] ПСЗ РИ. Собр. первое. С 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 1. С. 393–401. № 188.

[6] *Никон, Патриарх.* Труды / Науч. иссл., подг. документов к изд. и общ. ред. В.В. Шмидта. М., 2004. С. 100–104.

[7] *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 191.

[8] *Адрианова-Перетц В.П., Еремин И.П., Воронин Н.Н.* Введение [Русская литература 1590-х – 1630-х годов] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.–Л., 1941. Т. 1. С. 11.

[9] ПСРЛ. М., 1968. Т. 31 (Летописцы последней четверти XVII в. Мазуринский летописец. Летописец 1619–1691 гг. Летописное сказание Петра Золотарева). С. 170; *Швец Г.И.* Выдающиеся гидрологические явления на юго-западе СССР. Л., 1971. С. 66; *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись... С. 334–335.

[10] *Павел Алеппский (архидиакон).* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 2005. С. 267.

[11] Повесть о рождении, воспитании и жизни святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанная его клириком Иоанном Шушериным. М., 1997. С. 56. Умерших хоронили в ямах при церквях и за заборами церковных кладбищ: «...да за тем забором, что ныне огорожено кладбище, в моровое поветрие кладены умершие и в том месте была знать яма, яма обвалилась и на ту яму насыпано песком» (при церкви Покрова на Рву). Напротив церквей «на Рву» и «на крови», выстроенных вдоль Кремлевской стены, умерших от чумы хоронили в восьми «обрубах» (см: Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные В.И. и Г.И. Холмогоровыми / При руководстве И.Е. Забелина. М., 1891. Т. 2. Стлб. 6, 7, 21, 22, 26, 27).

[12] РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 386. Л. 2–3.

[13] *Рихтер М.* История медицины в России. М., 1820. Ч. 2. С. 67–68.

[14] Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1850–1855. Т. 3. Стлб. 413.

[15] По словам Павла Алеппского, Никон «разговаривал с ними стоя, причем они докладывали ему все текущие дела, на кои он давал ответ, приказывал им, что должно делать... этот патриарх, благодаря своему проницательному, острому уму и знаниям, искусен во всех отраслях дел духовных, государственных и мировых... значение патриарха здесь равно царскому» (*Павел Алеппский (архидиакон)*. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 372–373).

[16] *Кошелева О.Е.* Боярство и дело патриарха Никона // Проблемы истории СССР. М., 1981. Вып. 12. С. 23.

[17] Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1848. Т. 3. С. 458–459 (3).

[18] ДАИ. Т. 3. С. 461.

[19] ДАИ. Т. 3. С. 453.

[20] Архиереи Русской Православной Церкви // *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. Справочно-библиографические материалы. С. 611.

[21] ДАИ. Т. 3. С. 458–459.

[22] 10 декабря 1654 года окольничий князь

И.А. Хилков и думный дьяк Алмаз Иванов представили патриарху Никону челобитную архиепископа Гавриила к царю, в которой Гавриил спрашивал разрешение царя на посвящение ставленников, поскольку архиепископ тяготился данным ему поручением. Никон особой грамотой извещал архиепископа о том, что сам он, Никон, по этому вопросу общался с царем, и разъяснял Гавриилу, что необходимо «ставленников в попы и диаконы» посвящать согласно «правилам святых Апостол и святых отец» (*Николаевский П.* Из истории сношений России с Востоком в половине XVII столетия // Христианское чтение. СПб., 1882. Кн. 1 (№ 1–6). С. 752).

[23] 8 августа 1654 года (под этим днем сохранилась выписка из 19-й главы «Хронографа» о знамениях и об избавлении жителей Новгорода от моровой язвы в 1390 году) новгородцы обратились к Патриарху Никону с просьбой молиться св. Афанасию для избавления от чумы (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1603). В Новгородских синодиках XVII века была сделана запись о том, что по грамоте патриарха Никона к новгородскому митрополиту Макарию велено поминать умерших от морового поветрия ежегодно 20 августа. (РНБ. Ф. 728. № 1549. Л. 56–57; № 1550. Л. 1550. Л. 27–28).

[24] 22 августа 1654 года список Грузинской иконы Пресвятой Богородицы в московской Троицкой церкви у Варварских ворот и московском Алексеевском монастыре (см: Покров Пресвятой Богородицы над Россией. Хронологический список явлений Пресвятой Богородицы и Ее прославление в знамениях, чудесах и иконах Русской Православной Церкви (1654–1696 гг.): список составлен игуменом Андроником (Трубачевым) на основе книги: *Поселянин Е.* Богоматерь. СПБ., б. г. // *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. Справочно-библиографические материалы. С. 598. 20 августа, перед отъездом из Троицы, патриарх Никон послал М.П. Пронскому Казанскую икону Пресвятой Богородицы, образ которой должен был защищать жителей города от мора (СГГД. СПб., 1828. Ч. 3. С. 532–533). 2 ноября избавлением от моровой язвы прославилась Шуйская икона Пресвятой Богородицы Одигитрии (Покров Пресвятой Богородицы над Россией. С. 598). Прекращение моровой язвы в Рыбинской слободе в июне – июле 1655 года местные жители связывали с принесением туда Югской иконы Пресвятой Богородицы; а прекращение эпидемии чумы в Казани – после сретения Смоленской иконы Пресвятой Богородицы, получившей тогда название Седмиезерной (от одноименной пустыни в нескольких километрах от Казани). (Покров Пресвятой Богородицы над Россией. С. 598). Прославилась и икона Богоматери Толгской; на выполненной в 2004 году в иконописной мастерской «Ковчег» иконе клеймо 13-е рассказывает о чуде спасения жителей Ярославля и его пределов от эпидемии чумы в 1654 году; источником рассказа послужило распространенное в рукописной традиции «Сказание о Смоленской иконе Богородицы Смоленского, что на бору, монастыря» (*Шабасова О.И.* Моровое поветрие 1654 г. в сказаниях о Ярославских иконах // VII Золотаревские чтения. Тез. докл. науч. конф., 23–24 ноября 1998 г. Рыбинск, 1998. С. 63–65; *Добрякова О.И.* Богоматерь Толгская со Сказанием и чудесами в 18 клеймах» // Электронный ресурс: http:/www.iconkovcheg.ru/articles/59).

[25] Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation» [«Возражение или разорение смиреннаго Никона, Божиею милостию патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисиовы», 1664 г.] / Edited, with introduction and notes by Valerie A.Tumins and George Vernadsky. Berlin–New-York–Amsterdam, 1982. С. 319.

[26] 23 января 1655 года датирована богомольная грамота патриарха Никона архиепископу Вологодскому и Великопермскому Маркеллу о совершении молебствия по случаю рождения царевны Анны Алексеевны и о посылке Маркеллом образа окладного для царевны (СПбИИ РАН, Колл. 12. Оп. 2. Д. 442; ДАИ. СПб., 1875. Т. 4. С. 120–121 (№ 81); Вологодские акты, 1500–1684 // ЛЗАК. 1864 год. СПб., 1865. Вып. 3. С. 121 (№ 134).

[27] РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 36. Л. 212–213 об., 618. С собой Никон взял Арсения Грека, но потом оставил его в Калязине монастыре, и «как ево оставили в монастыре жить, в приказ (дано) 5 рублев; да ему ж за одеяло овчиное, что взято у него государю патриарху, – рубль» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 38. Л. 147). В Троице-Сергиевом монастыре патриарх Никон и Арсений Грек приказали сделать список с находящегося в монастырской библиотеке Серапионовского служебника, за переписку книги монастырскому книгописцу старцу Гермогену и подьяку Матфею Кузьмину заплачено 20 алтын (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 38. Л. 145; *Николаевский П. Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. СПб., 1891. Кн. 2 (№ 7–8). С. 174).

[28] Вокруг Москвы уже в конце лета были выставлены засеки и заставы, через которые никого не разрешалось пропускать под страхом смертной казни, невзирая на чины и звания (ДАИ. Т. 3. С. 447). Караулы на заставах подчинялись только патриарху. Опасаясь распространения эпидемии за пределы территории карантина, Никон приказал перевезти денежную казну в Новоспасский монастырь, где ее велено было хранить до особого указа (ДАИ. Т. 3. С. 443–444). Никон распоряжался строительством новых дорог; по его распоряжению зараженный воздух очищали зажиганием огней. Все зараженные предметы, подозрительные товары, домашняя утварь сжигались. Дома вытапливались и окуривались дровами можжевельника и полыни. Письма на пути их следования многократно переписывались, а подлинники сжигали. Деньги перемывали в уксусе. Был прекращен ввоз и вывоз всех товаров, а также работы на полях (Медицина в Московском государстве XV–XVII вв. // Электронный ресурс: http:/bibliotekar.ru/ 432/18.htm). Это вело к неурожаю и голоду (*Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. С. 334–335). Чтобы воспрепятствовать переходу жителей из зараженных районов в другие местности, выставлялись посты; перекапывались и заваливались деревьями проселочные дороги (Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1948. Т. 3. С. 735–736, 745; *Фаясова Д.* Истоки сестринского дела в России // Электронный ресурс: http:/www.sygeplejersken.dk/nh/manuel/CHAPTER1.htm).

[29] ДАИ. Т. 4. С. 111 (№ 73).

[30] Письма русских царей и других особ царского семейства. М., 1896. Т. 5. С. 14.

[31] *Павел Алеппский (архидиакон).* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 357.

[32] Цит. по изд.: *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 150.

[33] Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по официальным документам Н. Гиббенет. СПб., 1884. Ч. 2. С. 473.

[34] Письмо окольничего Богдана Матвеевича Хитрова к патриарху Никону (1654 года) / Сообщил И. Забелин // ЧОИДР. М., 1848. Кн. 2 (№ 9). С. 303; ДАИ. Т. 3. С. 508–511.

[35] *Румянцева В.С.* «Чумной бунт» 1654 г. в Москве // История СССР. 1980. № 6.

[36] Очевидец событий 1654 года иностранный агент Иоганн де Родес писал по этому поводу: «...некоторые говорят, что это (отъезд из Москвы цар-ской семьи, патриарха и других знатных особ. – *С.С.*) произошло не только из-за страха чумы, но и вследствие предстоящего полнаго солнечного затмения, так как различные астрономы предсказывают мало хорошего этому городу в это время, каковые предсказания, хотя они считаются в здешней стране колдовством, патриарх приказал перевести на русский язык и, говорят, очень их боится» (Цит. по: *Лобачев С.В.)* Патриарх Никон. С. 150. О вере патриарха Никона в астрологические предсказания (Там же. С. 150).

[37] *Макарий, митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 170.

[38] По наблюдениям Павла Алеппского, Никон велел собрать иконы «даже из домов государственных сановников», писанные московскими мастерами «по образцам картин франкских и польских», и выколоть им глаза. Стрельцы носили их по городу, крича: «Кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание» (*Павел Алеппский (архидиакон).* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 357).

[39] Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 473–474. В следующее лето по приказу патриарха Никона в центре Успенского собора были собраны и уничтожены иконы, написанные по образцу католических картин. В Неделю Торжества Православия после литургии на одних иконах, по свидетельству Павла Алеппского, выскоблили лики святых, на других выкололи глаза. Патриарх Никон сказал пространное поучение об иконописании. После этого патриарх брал иконы, показывал народу, называл боярина, из дома которого была взята икона, и бросал на железные плиты пола, где иконы разбивались. Вместе с присутствовавшими при этом восточными святителями Никон предал анафеме и отлучил всех, кто станет изготовлять подобные образа или держать их у себя (*Павел Алеппский (архидиакон).* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 356–358). Протопоп Аввакум приписывал Никону введение «фряжской» манеры письма, например, в «Четвертой беседе» «об иконном писании» («Книга бесед». 1673–1675 гг.) и в «Беседе о внешней мудрости» (Житие протопопа Аввакума. С. 87, 282). Но к новому направлению в русской иконописи патриарх тоже относился резко отрицательно как к нарушению греческого стиля изображения святых. Отношение к языковому и к визуальному знаку у Никона не совпадало (см: *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 339–340, 357–358). Патриарх Никон видел в иконописи ту границу, через которую переступить нельзя: апологеты нового искусства считали художественное достоинство произведений западного искусства достаточным основанием для почитания их наравне с православной иконой (*Успенский Л.А.* Искусство XVII века // Электронный ресурс: http://nesusvet.narod.ru/ico/books/ouspensky/ouspensky_14.htm). При Никоне, как показывает

Успенский, наравне с православной иконой освящались и произведения западной живописи, и гравюры. Это показывает, насколько безразличие к вероучебному содержанию образа уже проникло в среду московского духовенства.

[40] Цит. по изд.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск, 1990. С. 131, 133–134; См. также: *Демин А.С.* Для чего Аввакум написал первую челобитную? // ТОДРЛ. М.–Л., 1969. Т. 24. С. 233–236; *Демкова Н.С.* К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума // ТОДРЛ. М.–Л., 1969. Т. 24. С. 228–232.

[41] *Булычев А. А.* Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 187–196; *Булычев АА., Поныpко Н.В.* Иосиф // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. С. 99–105.

[42] Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. С. 172–177.

[43] *Буланин Д.М.* Иона Сысоевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. С. 93–98; *Он же.* Иона Сысоевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4. С. 724–725; *Полознев Д.Ф.* Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу (1662 г.): (К истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона») // Проблемы истории и культуры. Ростов,1993. С. 69–73; *Румянцева В.С.* Патриарх Никон и Ростовский митрополит Иона: (Предварительные заметки и наблюдения над источниками) // История и культура Ростовский земли – 1995 г. Ростов–Ярославль, 1996. С. 118–124.

[44] Предстоятельство Патриарха Адриана (1690–1700) // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь // Электронный ресурс: http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=700.

[45] *Панич Т.В.* Окружное послание 1696 года Афанасия Холмогорского // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 241–249 (исследование), 249–264 (публикация текста).

[46] В дальнейшем ссылки на текст поучения даны по изданию XVII века (М., 1656) с указанием листов в круглых скобках после цитаты.

[47] *Иванов М.С.* Грех // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2006. Т. 12: Гомельская и Жлобинская епархия – Григорий Пакуриан. С. 330.

[48] *Иоанн Лествичник, преп., авва, игумен Синайской горы.* Лествица, в русском переводе. С алфавитным указателем. СПб., 1995. С. 300.

[49] *Иоанн Златоуст, свт.* Избранные творения. М., 1993. Т. 1. С. 6, 63.

[50] *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* Православно-догматическое богословие. М., 1999. Т. 1. С. 486.

[51] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* В помощь кающимся. СПб., 2005. С. 6–7.

[52] *Шиманский Г.И.* Грех // Дорога к храму.ru. Электронный ресурс: http://www.wlad.zachalo.ru/p29aal.html.

[53] *Иванов М.С.* Грех. С. 333–334, 336–337. О зависимости поведения отдельного человека от социальных настроений проповедовал свт. Игнатий (Брянчанинов): «Грех в обширном смысле слова... объемлет всех человеков без исключения; некоторые грехи составляют печальное достояние целых обществ человеческих; наконец, каждый человек имеет свои отдельные страсти... Заразителен грех: трудно устоять частному человеку пртив греха, которым увлечено целое общество... Увлеченный и ослепленный собственным грехом не может не увлечься общественным греховным настроением...» (*Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетическая проповедь. Поучения в неделю о расслабленном. О наказаниях Божиих // Электронный ресурс: http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=848).

[54] Евангельское учение о грехе (по всему Четвероевангелию) // Электронный ресурс: http://ref.net.ua/work/det-28964.html.

[55] «...как первоначальная вера заключается в том, чтобы уверовать словам Божиим, так и первоначальное покаяние заключается в сознании своих согрешений и своей греховности, в сожалении о них, в принесении этих сознания и соболезнования посредством искренней исповеди и усердной молитвы пред лице Божие, с решимостью и обещанием оставить греховную жизнь, и принять в правило поведения евангельские заповеди» (*Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1993. Т. 4. С. 13).

[56] *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение. О грехе вообще // Электронный ресурс: http://klikovo.ru/db/msg/1198; *Ефрем Сирин, св.* Творения. М., 1993. Т. 2. С. 390 («Знай, чадо, что восемь помыслов, которыми производится все худое: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, безвременная печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они-то ведут брань со всяким человеком»).

[57] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* В помощь кающимся. С. 3–6.

[58] «...грехи смертные, каковы: убийство, прелюбодеяние, ересь и другие подобные им. Эти грехи, хотя и менее пагубны, нежели самоубийство и ведущее к самоубийству отчаяние, хотя совершившему их остается возможность покаяния и спасения, но называются смертными. Пребывающий в них признается умершим душою; пребывающий в них не допускается правилами Св. Церкви к приобщению Святых Христовых Таин, к участию в Богослужении. Если смерть постигнет его не непокаявшимся в этих грехах, то вечная гибель его несомненна... Есть грехи не смертные: одни из них тяжелее, другие легче. Надо сперва отучаться от грехов тяжелых, а потом и от легких... Впрочем, и несмертные грехи, каковы: объядения, лакомство, роскошь, праздно-словие, смехословие и другие, выросши и объявши человека, могут очень близко подойти к грехам смертным. Грех, овладевающий человеком, называется страстию. Страсть подлежит вечной муке, сказали святые отцы (Нил Сорский. Сл. 1). И потому никак не должно пренебрегать грехами несмертными, особливо должно наблюдать, чтоб какой-нибудь грех не вырос и не образовалась в навыке к нему страсть» (*Игнатий (Брянчанинов), еп.* Письма о подвижнической жизни (555 писем). Paris: Bibliotheque Slave de Paris; М: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 173–174).

[59] *Иоанн (Маслов), схиархим.* «Симфония» по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2003.

[60] Изречения аввы Исаии // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. Т. 1. С. 455.

[61] Евагрия монаха наставления о подвижничестве // Добротолюбие. Т. 1. С. 574.

[62] «Эти восемь страстей, хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых... соединены между собою особым некиим сродством, по коему излишество предыдущей дает начало последующей... Потому против них надо сражаться тем же порядком, переходя в борьбе с ними от предыдущих к последующим... И остальные две страсти, – тщеславие и гордость, – таким же способом соединяются между собою...» (Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани, 4. Общее очертание страстей и борьбы с ними // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. Т. 2. С. 16–18).

[63] «Когда приходит время человеку духовному оживится в тебе, все умрет для тебя, и душа твоя согрета будет радованием... Но когда мир оживает в тебе, будут возрастать в тебе развлечение ума и малодушие без постоянства. Миром называю я страсти, зачинаемые от развлечения. Когда родятся они и возрастут в меру свою, они становятся грехами и человекоубийцами... грех не возрастает в меру свою без общения со страстями» (*Аверинцев Сергей.* Собр. соч. / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Переводы: Многоценная жемчужина. Пер. с сирийского и греческого. К., 2004. С. 172).

[64] *Ефрем Сирин, св.* Творения. М., 1993. Т. 2. С. 141, 392.

[65] См: *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 33.

[66] *Алмазов А.И.* Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Одесса, 1894. Т. 1. С. 337–339, 447–448.

[67] Далее выделение шрифтом сделано мной. – *С.С.*

[68] *Корогодина.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. С. 267–278.

[69] *Иустин Философ, св. мч.* Диалог с Трифоном иудеем. 47 // www.osgf.ge/tta/books/patrologia/1-324/iustine_martvili/dialog_triponom.rar.

[70] Повести о споре жизни и смерти. Исслед. и подгот. текстов Р.П. Дмитриевой. М.–Л., 1964; Повесть о споре жизни и смерти (Подготовка текста и комментарии Р.П. Дмитриевой, перевод Л.А. Дмитриева) // БЛДР. СПб., 2000. Т. 10 (XVI век). С. 94–99, 578–579.

[71] Кормчая. М., 1653. Л. 195–196. «Постимся постом приятным, благоугодным Господеви: истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголания, лжи и клятвопреступления» (Чтения на вечерне в понедельник первой седмицы Великого поста. Стихиры на стиховне, глас 3 // Триодь Постная. М., 1974. С. 88).

[72] «Все наше попечение да будет о спасении души и о том, как бы нам, обуздав телесные похоти, совершить истинный пост, то есть воздержание от зла, ибо в этом и состоит пост», – учит свт. Иоанн Златоуст (Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, избранные творения. Собр. поучений. М., 2006. Т. 1. С. 126 (48. В чем состоит истинный пост? Из 8-й Беседы на книгу Бытия).

[73] *Павел Алеппский (архидиакон).* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 229–231.

[74] *Дьяченко Григорий, прот.* Великий пост. К., 2006. С. 30–36.

[75] В дальнейшем ссылки на это издание в тексте – в круглых скобках после цитаты.

[76] *Иоанн (Маслов), архим.* Конспект по литургике. Глава «Богослужение великопостное (Период пения Постной Триоди)» // Электронный ресурс: http://klikovo.ru/db/msg/4906.

[77] *Матфей Властарь.* Алфавитная Синтагма. Начало буквы N. Глава 4. О посте // Электронный ресурс: http://starover.boom.ru/.

[78] *Григорий Нисский, свт.* О молитве // Антология. Восточные Отцы и учители Церкви IV века. М., 2000. Т. 2. С. 365–373. «С Богом бо воистинну беседуем во время молитвы, еюже и со Ангелы совокупляемся, и общения еже к без-

словесным являемся избегающе», – проповедовал и свт. Иоанн Златоуст; «Сия умная молитва есть един свет, просвещаяй всегда душу человека и возжизаяй в сердце его пламень любве Божия. Сия есть верига некая держащая соединенна и совокупленна Бога с человеком», – учил архиеп. Фессалоникийский Григорий Палама; цит. по изд.: Иже во Святых Отца нашего Иоанна, Архиеп. Константина града Златоустаго, Слово 1-е о молитве// Восторгнутые класы в пищу души, то есть несколько переводов из святых отцов старца Паисия Величковского. М., 1849. С. 1, 35).

[79] Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, избранные творения. Т. 2. С. 27 (8. О покаянии и исповедании грехов. Из 31-й Беседы на послание к Евреям).

[80] Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Марка Слово 1-е. О покаянии всем всегда приличествующем... // Восторгнутые класы в пищу души... С. 58–60.

[81] Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, избранные творения. Т. 2. С. 23, 24 (6. О цели и пользе поста. Из 10-й Беседы на книгу Бытия).

[82] «Знание же истины есть то знание, при котором ум поднимается превыше всего и озаряется постоянным размышлением о Боге; и одной лишь надеждой посредством мысли бывает он возвышен к Богу. [Это знание] не учит нас знанию страстей или служения и не показывает [нам их], но оно погружает нас в состязания и мысль о них, смешивая нас с Богом в своих движениях» (*Исаак Сирин, преп.* О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты / Пер. с сирийского, прим., предисл. и послесл. еп. Илариона (Алфеева). СПб., 2006. С. 126–127).

[83] Краткая исповедь перед духовниками... Извлечение из полной исповеди Святителя Димитрия, митрополита Ростовского.

[84] «Горе грешникам некающимся, – писал свт. Тихон (Задонский). – А кающимся и ищущим спасения своего молитвой и верой надобно ожидать милости Божией» (*Николай (Павлык), иеромонах*. Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского).

[85] *Корогодина.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. С. 25.

[86] Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. С иллюстрациями. Издание преемников А.П. Лопухина. Пг., 1904–1913. Т. 2. С. 508.

[87] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в Синодальном переводе с комментариями и приложениями. М., 2004. С. 1201.

[88] Толковая Библия... Т. 2. С. 239, 420.

[89] Свт. Иоанн Златоуст учил: «...священник, хотя бы и хорошо устроил свою собственную жизнь, но если не будет с должным усердием заботиться о жизни твоей и всех других, вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдет в геенну, и часто, невинный по своим делам, он погибает за ваши беззакония, если не исполнит надлежащим образом всего, что его касается» (Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, избранные творения. Т. 1. С. 71 (29. О почтении к священникам. Из 86-й Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова).

[90] *Геллей Генри.* Библейский справочник. СПб., 2004. С. 334.

[91] *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. Репринт. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2000. С. 492, 493.

[92] Ср.: Свт. Тихон (Задонский) называл гордость «признаком неисправной души» и говорил о «психологическом» начале гордости – «незнании человеком самого себя» (*Николай (Павлык), иеромонах*. Христианская нравственность в раскрытии свт. Тихона Задонского).

[93] Православное чтение. Информационно-просветительский журнал. Вып. 1 // http://www.zavet.ru/novo/duh/001.htm.

[94] Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани // Добротолюбие. Т. 2. С. 81.

[95] Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великаго и Иоанна Пророка. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Подворье Троице-Сергиевой лавры в Москве, 1995. С. 41–42. Оптинские старцы учили: «Если сильно проявляются гнев, ропот, то это верный признак души гордой» (преп. Анатолий); «Все происходит от гордости. Это главный источник всех наших грехов, зол и бедствий» (преп. Макарий); «Возношение, т. е. гордость, так пагубна, что и с высоты добродетелей низвергает в бездну страстей и пороков» (преп. Макарий) (Духовные поучения Старцев Оптинских // http://www.hesychasm.ru/library/athon/optina_ger.htm).

[96] Поучение Владимира Мономаха (Подготовка текста О.В. Творогова, перевод и комментарии Д.С. Лихачева) // БЛДР. СПб., 2000. Т. 1 (XI–XII века) С. 458.

[97] «На широком пути находится следующее, – учил св. Ефрем Сирин, – злоумие, искушения, чревоугодие, пьянство, распутство, непотребство, раздор, гнев, надмение, непостоянство и подобное тому. За ними следуют неверие, неповиновение, неподчиненность. Последнее же из всех зол есть отчаяние. Кто предан сему, тот заблудился с пути истины, и сам себе готовит погибель свою» (*Св. Ефрем Сирин.* 56. О духовном состоянии // *Св. Ефрем Сирин.* Творения. М., 1993. Т. 2. С. 396). Св. праведный отец Иоанн Кронштадтский в своем дневник «Моя жизнь во Христе» сделал заметки о гордости, которые по своему содержанию близки описаниям этого греха у патриарха Никона: «Гордость в вере проявляет себя тем, что гордый дерзает поставлять себя судьей веры и Церкви и говорит: я этому не верую и этого не признаю; это нахожу лишним, это ненужным, а вот это странным или смешным. Еще гордость в вере обнаруживает себя похвальбою в мнимом знании всего, тогда как весьма мало знает или совсем слепотствует душевными очами... Гордость в вере обнаруживается еще в нечувствии грехов своих, в фарисейском оправдании и самовосхвалении, – в нечувствии милостей Божиих, в неблагодарности Богу за все доброе – в нечувствии нужды славословия велелепоты Божией» (*Иоанн Кронштадтский, св., праведный.* Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. М., 2005. Кн. 2. С. 456). Свт. Игнатий (Брянчанинов) называл гордость «пагубнейшей из страстей» и учил, что «самомнение и гордость в сущности состоят в отвержении Бога и в поклонении самому себе. Они – утонченное, труднопонимаемое и трудноотвергаемое идолопоклонство». «Гордость есть смерть души в духовном отношении: душа, объятая гордостию, неспособна ни к смирению, ни к покаянию, ни к милости, ни к какому помышлению и чувству духовным, доставляющим живое познание Искупителя и усвоение Ему» (*Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетическая проповедь. Поучение 1-е в неделю мытаря и фарисея. Характер мытаря и фарисея // Электронный ресурс: http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=493).

[98] Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, избранные творения. Т. 2. С. 222; Т. 1. С. 45.

[99] *Николай (Павлык), иеромонах*. Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского // Электронный ресурс: http://www.stsl.ru/lib/book10/index.htm.

[100] Краткая исповедь перед духовниками. Подробное описание грехов и пороков. Извлечение из полной исповеди Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского // Электронный ресурс: http://www.dorogadomoj.com/d47isp0.html.

[101] Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, избранные творения. Собр. поучений. М., 2006. Т. 1. С. 46; Т. 2. С. 269.

[102] «Отчего иногда человек вдруг приходит в такое неистовство, что сильно горячится, быстро, отрывисто и несвязно говорит, ломает себе руки, рвет на себе волосы или в ярости бьет других, ломает безумно все, попадающееся ему под руки, и делает другие дела, свойственные умопомешанному и исступленному? Явно оттого, что в его сердце действуют духи злобы» (*Иоанн Кронштадтский, св., праведный.* Моя жизнь во Христе. Кн. 1. С. 114–115). «Прообраз же [символ] раздражительной части есть сердце» (Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания... С. 199). Преп. Дорофей писал, что «любовь есть узда раздражительности» (Там же. С. 205).

[103] *Герасимов С.А.* Совесть как феномен духа // http://www.russian-inok.org/page.php?page= ascetic1&dir=ascetic&month=0208.

[104] *Киприан (Керн), архим.* Святоотеческое учение о человеке. Начало: апостол Павел // http://www.portal-slovo.ru/rus/theology/6240/6772/.

[105] *Иannуарий (Ивлиев), архим.* Антропология в Новом Завете // http://www.spbda.ru/theology/bible_contents/01-101-ianuar-antr-nz.php.

[106] *Платон, архим.* О вере и нравственности по учению Православной Церкви. М., 1991. С. 328.

[107] *Саржан С.Е.* Ценностные ориентации христианства // http://www.iai.donetsk.ua/_u/iai/dtp/CONF/9/articles/sec6/s6a21.html.

[108] *Иоанн Лествичник, преп., авва, игумен Синайской горы.* Лествица. С. 111.

[109] *Савва, схигумен.* Плоды истинного покаяния. М., 2003. С. 6. Ср.: Совесть «как глас Самого Бога» (*Иоанн Кронштадтский, св., праведный.* Моя жизнь во Христе. Кн. 1. С. 86–87). Совесть – это данное Богом человеку сознание добра и зла (*Игнатий Брянчанинов, свт.* Слово о человеке // Богословские труды. 1989. № 29. С. 300; *Он же.* Аскетические опыты. М., 1993. Т. 1. С. 367).

[110] Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания... С. 49–50.

[111] *Зорин К.* Утрата смысла жизни // Православная беседа. 2004. № 1. «Потемняют, притупляют, заглушают, усыпляют совесть – произвольные согрешения... – учит Игнатий (Брянчанинов). – Постоянная и произвольная греховная жизнь как бы умерщвляет ее. Умертвить совесть невозможно. Она будет сопровождать человека до Страшного Суда Христова: там обличит ослушника своего» (*Игнатий Брянчанинов, свт.* Аскетические опыты. Т. 1. С. 367).

[112] *Герасимов.* Совесть как феномен духа.

[113] *Сурова Л.В.* Методика православной педагогики. Клин, 2002. Ч. 1. С. 41.

[114] Различие между добрым и дурным «совершается по данному нам, людям, от Бога нрав-

ственному закону. И этот нравственный закон, этот голос Божий в душе человека мы чувствуем в глубине нашего сознания, и называется он совестью. Эта совесть и есть основа общечеловеческой нравственности» (*Филарет (Вознесенский), игумен.* Конспект по нравственному богословию. М., 1990. С. 3).

[115] *Исаак Сирин, преп.* О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 222.

[116] *Иоанн Лествичник, преп., аввa, игумен Синайской горы.* Лествица. С. 70.

[117] *Никодим Святогорец, преп.* Невидимая брань / Пер. с греческого святителя Феофана Затворника. М., 2000. С. 270.

[118] *Герасимов.* Совесть как феномен духа.

[119] «Наблюдай время и храни себя от зла – и не постыдишься за душу твою: есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд – слава и благодать. Не будь лицеприятен против души твоей и не стыдись ко вреду твоему. Не удерживай слова, когда оно может помочь: ибо в слове познается мудрость, и в речи языка – знание. Не противоречь истине и стыдись своего невежества. Не стыдись исповедовать грехи твои и не удерживай течения реки», – написано в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

[120] Краткая исповедь перед духовниками. Подробное описание грехов и пороков. Извлечение из полной исповеди Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского.

[121] *Корогодина.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. С. 263–264.

[122] *Николаев Сергий, протоиерей.* Школа злословия: о грехе осуждения // Православие и мир. Электронный ресурс: http://www.pravmir.ru/article_1398.html.

[123] Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, избранные творения. Т. 1. С. 72–73 (29. О почтении к священникам. Из 86-й Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова).

[124] Новый Завет с толкованием блаженного Феофилакта, архиеп. Болгарского... Кн. 3. С. 117.

[125] Новый Завет с толкованием блаженного Феофилакта, архиеп. Болгарского... Кн. 1. С. 59.

[126] Новый Завет с толкованием блаженного Феофилакта, архиеп. Болгарского... Кн. 1. С. 642–643.

[127] Новый Завет с толкованием блаженного Феофилакта, архиеп. Болгарского... Кн. 2. С. 297–298, 381.

[128] По мнению архиепископа Аверкия (Таушева), одного из известных толкователей Священного Писания XX века, тема греха осуждения актуальна сегодня так же, как и много веков назад: «...запрещается не суждение о поступках ближнего и не осуждение злых его поступков само по себе, а злое чувство в душе по отношению к ближнему со стороны человека, который сам так же грешит или даже еще больше, не думая о своем собственном исправлении. Запрещается не объективное “суждение” о ближнем, не безпристрастное осуждение его недоброго поведения, а злые пересуды, злоречие, происходящее, как это часто бывает, из каких-либо самолюбивых и нечистых побуждений – из гордости и тщеславия, из зависти или обиды» (*Аверкий Таушев, архиеп.* Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. Т. 2. Отпущение грехов и мнимая христианская любовь и всепрощение // Электронный ресурс: http://www.omolenko.com/biblio/averkiy-tom2.htm?p=56).

[129] Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, избранные творения. Т. 1. С. 34–35 (13. О том, чтобы не осуждать ближних. Из 21-й Беседы на послание к Евреям).

[130] *Василий Великий, свт.* Алфавит духовный. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2006. С. 322–333.

[131] Иже во святых отца нашего Иоанна, архиеп. Константина града, Златоустого. Избранные творения. Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. Беседа 23. С. 260, 262–263.

[132] Православное чтение. Информационно-просветительский журнал. Вып. 1 // Электронный ресурс: http://www.zavet.ru/novo/duh/001.htm.

[133] В дальнейшем ссылки на это издание в тексте в круглых скобках после цитаты.

[134] Новый Завет с толкованием блаженного Феофилакта, архиеп. Болгарского... в трех книгах, с добавлением комментариев к словам блаженного Феофилакта, касающихся проповеди Слова Божия / Составитель комментариев Игнатий Лапкин. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 77.

[135] Толковая Библия... Т. 2. С. 353.

[136] В дальнейшем ссылки на тексты книг Нового Завета приводятся мной по изданиям Московского печатного двора середины XVII века: Евангелие (М., 1657) и Апостол (М., 1655); ссылки на эти издания – в круглых скобках после цитаты с пометами «Евангелие» и «Апостол».

[137] Новый Завет с толкованием блаженного Феофилакта, архиеп. Болгарского... С. 176–177, 296.

[138] О начале этого пути свт. Игнатий (Брянчанинов) писал: «Кто совершит великое дело – установит вражду со грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего» (*Игнатий (Брянчанинов), еп.* Зрение греха своего // *Игнатий (Брянчанинов), еп.* Соч. СПб., 1905. Т. 2. Аскетические опыты. С. 122).

[139] *Исаак Сирин, преп.* О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 36, 119.

[140] Перечень наиболее распространенных грехов с объяснением их духовного смысла. Сретенский монастырь. М., 1999 // Электронный ресурс: http://psylib.org.ua/books/perechg/index.htm.

[141] *Исаак Сирин, преп.* О божественных тайнах и о духовной жизни. С. 220. Ср. о том же: «Но пока не обрел человек истинного знания, не может он видеть в жезле Божием, причиняющем боль, нечто благое, и не перестает он жаловаться на промышление Божие о нем, [проявляющееся] по-разному в том, что различным образом промыслительно [уготовано] для него премудростию Божией под видом неприятностей... [Человек] немощный не видит перст [Божий], действующий через эти обстоятельства, но негодует, досадует и огорчается внешними событиями. О, несмысленное дитя! Зачем обвиняешь ты человека, или демона, или события, которые происходят рядом [с тобой]? Лучше взгляни на внутренние, более отдаленные и сокровенные причины этих [событий]. Перестань возмущаться действиями Божиими через людей, которые приводят их в исполнение, а также внешней стороной событий; и обретешь ты в них познание истины, смирение и другие блага...» (Там же. С. 263–264).

[142] Толковая Библия... Т. 2. С. 96, 326; Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета... С. 1111, 1181; *Геллей.* Библейский справочник. СПб., 2004. С. 319, 331.

[143] Отдельные назидания свт. Игнатия (Брянчанинова) о лжеучителях, пагубно воздействующих своими суждениями на людей с ослабленной верой, по содержанию и обличительному настроению близки фрагментам из грамоты патриарха Никона о лживых пророках: «Чтение еретических книг и внимание их поучениям – тяжкий грех против веры, грех ума, недугующего гордостию и потому свергающего иго послушания Церкви, ищущего вольности безумной, греховной. А ныне этот грех уже не ставят в грех! Ныне позволяют себе безразборчиво читать всевозможных еретических писателей. Против них Церковь прогремела анафемой! Но ослепленные грешники не внемлют грому церковному, или внемлют ему, но только для того, чтоб посмеяться над предостерегающим от погибели голосом Церкви, чтоб ее суд и определение несмысленно назвать суеверием и варварством... Истинные христиане всех времен со всевозможным тщанием хранились от яда смертоносного ереси и прочих учений лжию. Они неотступно держались догматического и нравственного Предания Церкви... Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном окудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим»; «Особенно ненавидят отеческие писания еретики всех времен: писания отцов открывают прямой смысл Священного Писания, который враги Истины хотели бы исказить для утверждения своих лжеумствований» (*Игнатий (Брянчанинов), свт.* Письма о подвижнической жизни. С. 201–202, 203; 205).

[144] Толковая Библия... Т. 6. С. 6–8.

[145] Ср.: «Новый человек [обновленный] находит удовольствие в послушании, а ветхий хочет противиться и непокорствовать... Ветхий наш человек с ветхими диавольскими делами постоянно находится с нами и действует в нас смертельно», – писал св. Иоанн Кронштадтский (*Иоанн Кронштадтский, св., праведный.* Моя жизнь во Христе. Кн. 1. С. 113, 279).

[146] Об этом еще в III веке н. э. писал св. Дионисий Великий, еп. Александрийский: «Если даже человек, всегда готовый вводить [других] в заблуждение по собственной воле, казался посторонним людям добрым предзнаменованием, то еще скорее люди заблуждаются относительно своих собственных обязанностей вследствие самолюбия. Между тем, подходя к внешним явлениям беспристрастно и со свободной мыслию, они оказываются более способными (к познанию) и у них скорее является ясность мысли. Впоследствии, укрепившись и сделавшись более сообразительными, они могут правильно судить и о себе самих, особенно после того, как сделаются уже проницательными исследователями истины в окружающих их явлениях» (*Дионисий Великий, еп.* «О природе» Дионисия, еп. Александрийского, против эпикурейцев, отрицающих Промысл и разлагающих вселенную на неделимые тела (фрагменты) // Творения св. Дионисия Великого, еп. Александрийского, в русском переводе / Пер., прим. и введение свящ. А. Дружинина под ред. э.о. проф. Л. Писарева. СПб., 2007. С. 53–54).

[147] «Для человека гибельнее всего, если он оставлен Богом без попечения и промысла. Это – величайшее наказание за величайшие преступления. Оно разлучает и удаляет человека от Бога. А тот, кто удалился от Помощника и Спасителя своего, тотчас же впадает в руки врагов и разбойников» (*Дионисий Великий, еп.* Из послания к Афродисию. С. 113).

[148] *Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006. С. 251–253, 40, 275.

[149] Там же. С. 64, 69.

[150] Там же. С. 81, 361.

[151] **«Не тако ли все, елико выше писанная, на нас збышася? Не выша ли морове велицы во царствующем градѣ Москвѣ и во всѣх градѣх? Лютою язвою и неисцѣлною не возболѣся ли сердце царево, егда морѣ бывшѣ, царицѣ же на Москвѣ со царевичем Алексием и со царевнами, и не вѣде, что сотворити и камо бѣжати? Не бысть ли князи в пагубѣ, яко же князь Михаилъ Пронской с товарищи в мор на Москвѣ умре. И от всенароднаго множества не ослабѣли всяка рука, яко же с князь Алексием Трубецким с товарищи два князь Семены Пожарский и Львов и прочии? И елико со инѣ воеводы, с Василие Шереметевым и с князь Иваном Хованским, коликия тмы скончашася мором по градом, и по селом, и по деревням, и на войнѣ? Не увояша ли ся душа человѣча? Не смыташа ли ся послы, от царя посылаеми до Москвы в мор, и от Москвы до царя? Не прияша ли болѣзни, яко жена раждающая? Не поболѣша ли друг о друзѣ? Не ужаснѣша ли ся ужасом велиим? Не выша ли лица их, яко пламы? Не выша ли день Господен без цѣлбы, полн ярости и гнѣва? Не положи ли Господь Москву и окрестны грады пусты? Не погуби ли грѣшники, и от них не расшири ли ад души своея? И не разверзе ли уст своих? Не снидоша ли славнии и велиции, богатии и нищии, о них же множествѣ нѣсть времена здѣ исписати, их же число един Бог вѣсть? Не все ли се збышася, по писанному, псом и свиниям на пожрение и расхищение, и птицам небесным и звѣрем земным на растерзание? Кто тѣх оплака? Кто же ли погребе? Никто же. Не се ли всѣх отдаде Господь в погибель всѣм царством земным? Яко же от всѣх слышится, от тамо приходящих, яко нѣсть дому во странах поганских, в нем же не бѣ христианина, неволника, то есть полоненика»** (Patriarch Nikon on Church and State. С. 439).

[152] *Игнатий Брянчанинов, свт.* В помощь кающимся. С. 17. Особо тяжкие, смертные, грехи оптинские старцы характеризовали как грехи, которые без покаяния убивают душу (Духовные поучения Старцев Оптинских // http://www.hesychasm.ru/library/athon/optina_ger.htm).

[153] По классификации высказываний свт. Тихона Задонского, предложенной схиархимандритом Иоанном (Масловым), их шесть: отчаяние, излишнее упование на милость Божию, «сопротивление истине Писания Святаго и догматов веры, апостол и отцы святыми утвержденныя», «зависть к духовным благим, яже ближний приемлет от Бога», «во гресех пребывание и состарение в злобе», нерадение о душевном спасении до кончины жизни своея (*Иоанн (Маслов), схиархим.* «Симфония» по творениям святителя Тихона Задонского). Содержание перечисленных грехов в полной мере соответствует содержанию «болезней» и страстей, определяемых и святителем Игнатием (Брянчаниновым) (*Игнатий (Брянчанинов), свт.* В помощь кающимся. С. 15, 18).

[154] *Новикова А.С.* Понятие греха в «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» схиархим. Иоанна (Маслова) и «Поучение о моровой язве» святейшего патриарха Никона // Глинские чтения. 27 июля 2006. Тезисы доклада // Электронный ресурс: http:/www.glinskie.ru/events/gch_07_06/sekcii/novikova.html.

[155] *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. С. 114–115.

[156] Там же. С. 201.

[157] *Никольский Н.М.* История Русской Церкви. М., 1985. С. 129–133.

[158] *Свт. Григорий Богослов, архиеп. Константинопольский.* Собрание творений в 2-х т. Св.-Троицкая лавра, 1994. Т. 1. С. 240, 238–239.

[159] *Ефрем Сирин, св.* Слава Христова Преображения // Электронный ресурс: http://www.kupola.info/listok_view.php?id=64

[160] Об этом поется в кондаке Преображению: «Да егда Тя узрят распинаема, страдание уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистинну Отчее сияние».

[161] *Иоанн Кронштадтский, св., праведный.* Поучение на Преображение Господне // Электронный ресурс: http://www.orthodox.spbu.ru/preobr.htm.

[162] *Фаддей (Успенский), свт.* Преображение Господне. Слово пастыря // Электронный ресурс: http://www.nikolski.kz/blagovest/nb069.htm.

[163] Обожение есть условие, предварение спасения. Именно поэтому Преображение – залог Воскресения. Глубокий назидательный смысл Преображения содержится в отдельных его символах. Высота горы означает, по блаженному Феофилакту, возвышенность духа над земными привязанностями. Сама гора знаменует необходимость двух подвигов – богомыслия и труда, без чего невозможно взойти на высоту. Гора указывает также на уединение и безмолвие, благоприятствующие молитве. Фавор по-еврейски означает «чертог чистоты и света». Из самого названия горы следовало, что для принятия Божественного Света необходимо очищение покаянием (См.: Преображение Господне // Электронный ресурс: http://www.xxc.ru/orthodox/pastor/preobrajenie/index.htm). «Священное событие Преображения Господня напоминает всем нам о том... что для того, чтобы войти в ту славу, какую Господь показал на Фаворской горе... мы должны преображать свою душу в дни земной жизни. Мы должны обновляться, восстанавливать в себе искажаемый грехами образ Божий, чтобы он воссиял в каждом из нас до конца этой жизни, за которой начинается новая жизнь» (*Николай (Ярушевич), митр.* Слово, сказанное в Преображенской церкви г. Москвы).

Н.П. Яковлева

НИКОНОВСКИЙ КОЛОКОЛ ВАЛДАЙСКОГО ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

[1] Имеются в виду 15 церковных колоколов на соборной колокольне и 5 колоколов Отходной пустыни патриарха Никона.

[2] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского музея в Иверском монастыре близ г. Валдая. Новгород, 1920. С.15. № 63.

[3] *Бобровницкая И.А.* Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. «Премудрая двоица» // Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. М., 2005. С. 8–15.

[4] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 218. Л. 602–603.

[5] *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. Документы, исследования. М., 1998. Ч. 1. С. 157.

[6] *Павел Алеппский, архидиакон.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 4. М., 1898. С. 111.

[7] *Кондрашина В.А.* Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 80; *Кондрашина В.А.* Обучение колокольному ремеслу на Московском пушечном дворе во второй половине XVII в. // Колокола. История и современность. М., 1993. С. 62–73.

[8] ГИМ. ОПИ. Ф. 440. Д. 381. Л. 31.

[9] Там же.

[10] *Бондаренко А.Ф.* Московские колокола XVII в. М., 1998.

[11] *Яковлева Н.П.* Колокольное производство в Валдае // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 184.

[12] Впервые обобщенные данные о Никонов-ском колоколе были опубликованы в информационном бюллетене «Колокольный мир» Музея колоколов: *Яковлева Н.П.* Никоновский колокол // Колокольный мир. 2001. № 7. С. 4.

Позднее более полная публикация на данную тему появилась в альманахе «Чело» Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого: *Яковлева Н.П.* Никоновский колокол Иверского монастыря. Материалы к истории // Чело. 2007. № 1 (38). С. 26–29.

[13] Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.), собранные архимандритом Леонидом // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 5. № 80.2. Стлб. 204.

[14] Акты... № 80.3. Стлб. 207.

[15] *Пыляев М.И.* Исторические колокола // Старое житье. СПб., 1897. С. 320; *Оловянишников Н.И.* История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912. С. 128.

[16] Обозрение священных древностей, находящихся в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре // Христианское чтение. СПб., 1853. Ч. 1. С. 174.

[17] Акты Иверского... № 80.2. Стлб. 204.

[18] *Амвросий, архим.* История российской иерархии. Т. 4. М., 1812. С. 221; *Петр, архим.* Описание первоклассного Иверского Богородицкого монастыря Новгородской епархии. Изд. 2. СПб., 1850. С. 18, 20–21; *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк Иверской Святоозерской обители в ее патриарший период (с 1653 г. по конец 1666 г.) // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 5. С. 19; *Силин П.М.* Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого монастыря. СПб., 1885. С. 16.

[19] *Никон, Патриарх.* Слово благополезное о создании монастыря Пресвятой Богородицы Иверской и Святого Нового исповедника и священномученика Филиппа, митрополита Московского и всей России чудотворца на Святем озере // Рай мысленный. СПб., 1998. С. 86.

[20] Акты Иверского... № 80.2. Стлб. 204.

[21] Акты Иверского... № 82.1. Стлб. 211.

[22] Обозрение... С. 173.

[23] Там же.

[24] *Яковлева Н.П.* Златозарные звоны благодатных духовных труб // Православный Валдай. 2006. № 28. С. 1.

[25] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. С. 202; *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 82.

[26] Обозрение... С. 174.

[27] *Жизневский А.К.* Поход великаго государя, святейшаго Никона, патриарха Московскаго, всея Великия, Малыя и Белыя России в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889. С. 39.

[28] *Никон, Патриарх.* Слово... С. 79.

[29] Главная книга. Ризничная опись и церковная Валдайского Иверского Богородицкого первоклассного монастыря. 1904. С. 17 об.

[30] Акты Иверского... № 21. Стлб. 42.

[31] Акты Иверского... № 22. Стлб. 46.

[32] *Никон, Патриарх.* Слово... С. 79.

[33] Акты Иверского... № 98.1. Стлб. 288.

[34] Акты Иверского... № 430.2. Стлб. 1040.

[35] Акты Иверского... № 406. Стлб. 987.
[36] *Рункевич С.Г.* Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1997. С. 163–164, 172, 174; *Амвросий, архим.* История... С. 221.
[37] *Рункевич С.Г.* Александро-Невская... С. 163.
[38] Там же. С. 221.
[39] Там же. С. 222.
[40] Там же. С. 405.
[41] Там же. С. 455.
[42] Обозрение... С. 174.
[43] *Чудинова ИА.* Пение, звоны, ритуал. Топография церковно-музыкальной культуры Петербурга. СПб., 1994. С. 26–36.
[44] *Башуцкий АП.* Петербургский день в 1723 году // Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX в. М., 1989. С. 157.

Л.А. Секретарь

О СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРИАРХА НИКОНА В ВОТЧИНАХ ВАЛДАЙСКОГО ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

[1] *Леонид (Кавелин), архим.* Акты Иверского Свято-Озерского монастыря. 1582–1706 // РНБ. Т. 5. СПб., 1878. Стлб. 54, 114–121.
[2] Акты Иверского... Стлб. 92–94.
[3] Акты Иверского... Стлб. 96–102, 335.
[4] Акты Иверского... Стлб. 106, 169.
[5] Акты Иверского... Стлб. 107–109.
[6] Акты Иверского... Стлб. 95, 127–130.
[7] Акты Иверского... Стлб. 131–133.
[8] Акты Иверского... Стлб. 134.
[9] Акты Иверского... Стлб. 150, 151, 188–190.
[10] Акты Иверского... Стлб. 1017–1022.
[11] Акты Иверского... Стлб. 211–212.
[12] Акты Иверского... Стлб. 314, 331–332, 699.
[13] Акты Иверского... Стлб. 427–429.
[14] Акты Иверского... Стлб. 696–697.
[15] Акты Иверского... Стлб. 701–703, 706, 716.
[16] Акты Иверского... Стлб. 482–484, 487–488, 574–575, 601–602, 613–614, 618–619, 631–632, 637–639, 643–645, 660, 666–669. СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 631. Л. 2.
[17] Акты Иверского... Стлб. 349–351, 690–695.
[18] СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 803. 1675. Л. 2об. Мстиславским алтарь называется, вероятно, потому, что его перевезли в Валдай из «литовского» г. Мстиславля, взятого русскими войсками в 1654 г. Мс.: ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. Стлб. 522.
[19] Акты Иверского... Стлб. 869.
[20] Акты Иверского... Стлб. 706–711, 715–721.
[21] Акты Иверского... Стлб. 1048–1066.
[22] Акты Иверского... Стлб. 722–726, 731–732, 738–740.
[23] Акты Иверского... Стлб. 482–483.
[24] Акты Иверского... Стлб. 134, 174, 218, 259–262; Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 631. Л. 1.
[25] Акты Иверского... Стлб. 157, 168–170, 202–206, 469.
[26] Акты Иверского... Стлб. 14.
[27] Акты Иверского... Стлб. 207–208; Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2244. Л. 1.
[28] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2177. Л. 4, 8, 11, 25, 26.
[29] Там же. Д. 2244. Л. 1.
[30] Там же. Д. 2177. Л. 4; Д. 2244. Л. 1.
[31] Акты Иверского... Стлб. 848–849.
[32] Акты Иверского... Стлб. 69–70, 202–206.
[33] Акты Иверского... Стлб. 67–68, 74–75, 79, 209, 286–290.
[34] *Секретарь ЛА.* Подворье Валдайского Иверского монастыря в Новгороде // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 34. СПб., 2007. С. 262–265.
[35] Акты Иверского... Стлб. 213.
[36] Акты Иверского... Стлб. 491.
[37] Акты Иверского... Стлб. 652–653.
[38] Акты Иверского... Стлб. 340–342.
[39] Ныне эта территория входит в Демянский район Новгородской области. Сохранилась и деревня с названием Вельё-Станы в Никольском сельском совете недалеко от села Никольское (см.: Новгородская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1989 года. Новгород, 1989. С. 42).
[40] Акты Иверского... Стлб. 529.
[41] Акты Иверского... . Стлб. 955.
[42] Акты Иверского... . Стлб. 314, 349–350.
[43] Акты Иверского... Стлб. 314, 383–384.
[44] Акты Иверского... Стлб. 382–383.
[45] Акты Иверского... Стлб. 529, 770.
[46] История Воскресенского Новоиерусалимского монастыря // ЧОИДР. Кн. 2. Отд. 1. М., 1875. С. 539.

[47] *Дегтярев АЯ.* Избранные труды по русской истории. Т. 1. М., 2006. С. 248.
[48] Акты Иверского... Стлб. 954–955.
[49] *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. Т. 2. С. 118–119; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2456. 1768. Л. 205.
[50] Новгородские писцовые книги (далее НПК). Т. 6. СПб., 1910. С. 911–912.
[51] НПК. Т. 6. С. 912–925; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1856. С. 192–194.
[52] Чудесное приплытие сосновой колоды с телом юноши произошло в 1544 г. А в 1572 г. по указу новгородского архиепископа Леонида мощи были освидетельствованы посланными из Новгорода священниками Трифоном и Постником и диаконом Семеном, которые подтвердили их чудодейственную силу. См.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 109; Сказание о святом Иакове праведном, Боровичском чудотворце. СПб., 1901; *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород., 1960. С. 128.
[53] *Корнилович М.* Описание Боровичского Святодухова монастыря // Северная пчела. 1832. № 306. 31 декабря.
[54] На месте древних погостов в соответствии с генеральным планом, разработанным в 1772 г. после учреждения города Боровичи, были устроены площади. Главная Екатерининская площадь была запланирована на правобережной стороне города. На Екатерининской площади в XIX в. выстроили Троицкий собор, сохранившийся в перестроенном виде до настоящего времени.
[55] СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 588. 1661. Л. 3.
[56] Там же. Л. 7; Д. 702. 1662. Л. 2, 4–5; Акты Иверского... Стлб. 367.
[57] Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 588. Л. 8.
[58] Там же. Л. 9.
[59] Акты Иверского... Стлб. 464–467.
[60] СПб. ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2177. Л. 4.
[61] Акты Иверского... Стлб. 1074.
[62] Там же. Л. 6.
[63] Акты Иверского... Стлб. 1074.
[64] СПб. ИИ РАН. Л. 23. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2177.
[65] Акты Иверского... Стлб. 527–529, 660.

Т.Г. Берхина

УЛИЦА ИЛЬИНКА В ЖИЗНИ ПАТРИАРХА НИКОНА

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2. С. 310.
[2] *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Лавра. М., 1903. С. 338.
[3] Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 352.
[4] Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 82.
[5] Полное собрание русских летописей. Т. 12. М., 1965. С. 148.
[6] *Брюсова В.Г.* Ипатьевский монастырь. Ярославль, 1965.
[7] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 19.
[8] *Макарий, архим.* Описание Новгородского Архиерейского дома. СПб., 1857. С. 118.
[9] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 27.
[10] *Тихомиров М.Н.* Новгородский хронограф XVII в. // Русское летописание. М., 1979. С. 289–290.
[11] Повесть о рождении, воспитании и жизни святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанная его клириком Иоанном Шушериным. Перевод на русский язык. М., 1997. С. 48.
[12] Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн.13. М., 1852.
[13] Там же. С. 4.
[14] Вероятно, родственник Иоанна Шушерина.
[15] Папертью здесь именуется крытая галерея, как правило, охватывавшая храм с трех сторон: юга, запада и севера. Храм во времена митрополита Никона, вероятнее всего, был каменным, поскольку, во-первых, в приведенной выше жалованной грамоте говорится о каменном храме, а во-вторых, в начале XVIII века в описании Новгородского подворья указано: «...На том же подворье по правую сторону от взъезжих ворот по Большой улице к Троицкому подворью... ограда каменная и старая разломанная, каменная церковь возле ограды, до той разломанной церкви порожняго места шесть сажен с аршином в церкви разломанной до Троицкого подворья с стена-

ми три сажени с двемя аршинами и стенами, в длину четыре сажени и с двумя аршинами» (СПбИИ РАН. К. 183. Д. 693). Это позволяет установить место расположения и размеры древнего Никитского храма.

[16] *Белокуров С.Б.* Чин избрания, наречения, благовестия, посвящения и шествия около города патриарха Никона // Христианское чтение. СПб., 1882. Кн. 2 (№ 7–12). С. 287–320.

[17] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 19.

[18] *Павел Алеппский (архидиакон).* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Перевод с арабского Г. Муркоса. М., 1898. Вып. III. С. 47.

[19] Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.), собранные архимандритом Леонидом // РИБ. Т. 5. СПб., 1878. Стлб. 658.

[20] РГАДА. Ф.153. Оп. 1. Д. 31.

[21] *Павел Алеппский (архидиакон*). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... Вып. 4. С. 179–180.

[22] Новгородский святой, мощи которого были перенесены патриархом Никоном в Иверский монастырь.

[23] *Голубцов А.П.* Чиновники московского Успенского собора. М., 1908. С. 264.

[24] *Протоиерей Лев Лебедев.* Москва патриаршая. М., 1995. С. 89.

[25] РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 41. Л.129.

[26] *Голубцов.* Чиновники московского Успенского собора. С. 273.

[27] Там же. С. 269.

[28] *Павел Алеппский (архидиакон*). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 176.

[29] *Севастьянова.* Материалы... С. 125.

[30] «Москва 850 лет». М., 1996. Т. 1. С. 189.

[31] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1876. С. 597.

[32] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2 (2). Д. 1163. Л. 38–40 об.

[33] ПСРЛ. Т. 13. М., 1904. С. 148.

[34] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 193.

[35] ИАХМНИ. Воздух КП-7362, ТЦ-459, СВ-260; покровец КП-7357, ТЦ-454, ЗВ-73.

[36] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 309.

[37] Там же. С. 519.

[38] *Невоструев К.И.* Запись о ставленниках Московских церквей 1645–1666 гг. М., 1869. С. 5.

[39] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 655.

[40] Там же. С. 664.

[41] Там же. С. 576–577.

[42] *Голубцов.* Чиновники московского Успенского собора. С. 280–281.

[43] РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 43. Л. 116, 120–121об.

[44] Известие о рождении и воспитании и о житии святейшаго Никона, патриарха Московскаго и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871.

[45] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 186.

[46] *Севастьянова.* Материалы... С. 184.

[47] Акты Иверского Святоозерского монастыря. Стлб. 585.

[48] Следовательно, у Никона были личные покои на обоих подворьях.

[49] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 186.

[50] Акты Иверского Святоозерского монастыря. Стб. 458.

[51] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 629.

[52] Акты Иверского Святоозерского монастыря. Стлб. 463.

[53] Там же. Стлб. 616.

[54] Там же. Стлб. 587–588.

[55] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 186–187.

[56] Акты Иверского Святоозерского монастыря. Стлб. 683.

[57] РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 1762. Л. 8–8 об.

[58] *Скворцов. Н.* Уничтоженные в Московском Китай-городе церкви. М., 1895. С. 17.

[59] Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 240.

Архимандрит Макарий (Веретенников)

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПАТРИАРХ ПИТИРИМ

[1] Некоторую литературу о Святейшем Патриархе см.: *Н.АА.* Питирим // ЧОИДР. М., 1848. № 1. С. 83–87; *Соловьев Н., свящ.* Сарайская и Крутицкая епархии // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 80–83; *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т. 2. С. 231; *Поныpко Н.В.* Питирим // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 3: П–С. СПб., 1998. С. 38–39; *Мануил митр. (Лемешевский).* Русские православные иерархи: 992–1892. Т. 2: Иоанн – Симеон II. М., 2003. С. 487–488; Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). СПб., 2006. С. 394.

[2] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 193.

[3] Цитата по: *Шмидт С.О.* К истории монастырской колонизации XVII в. («Повесть о начале Оранского монастыря») // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. М., 1964. Вып. 12. С. 308–309.

[4] *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. Стлб. 665.

[5] Там же. Стлб. 143.

[6] *Попов Г.М.* Материалы для истории Патриарха Московского Питирима // Христианское чтение. СПб., 1890. Ч. 2. Сентябрь – Октябрь. С. 489–492; *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности Патриарха Никона». СПб., 2003. С. 111–112.

[7] *Попов М.Г.* Материалы для истории Патриарха Московского Питирима. С. 491; *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1. С. 232.

[8] Цитата по: *Николаевский П., прот.* Патриаршая область и русские епархии в XVII веке // Христианское чтение. СПб., 1888. Ч. 1. С. 157.

[9] Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М.А. Салминой. М. – Л., 1964. С. 163.

[10] Повести о начале Москвы. С. 165.

[11] *Макарий митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 109.

[12] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности Патриарха Никона». СПб., 2003. С. 128.

[13] Там же. С. 129.

[14] Там же. С. 142; *Макарий, митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 7. С. 133.

[15] *Севастьянова С.К.* Материалы... С. 146, 147.

[16] Там же. С. 92; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 304.

[17] *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 307.

[18] Там же. С. 311.

[19] Там же. С. 312.

[20] *Татарский И.* Симеон Полоцкий (Его жизнь и деятельность). М., 1886. С. 50; *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С.178; *Поныpко Н.В.* Питирим. С. 38.

[21] Повесть о рождении, воспитании и жизни Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанная его клириком Иоанном Шушериным. М., 1997. С. 66. Первый в истории такой прецедент имел место в XV веке, когда из-за отсутствия взаимопонимания с Великим князем Иоанном III Митрополит Геронтий ушел в Симонов монастырь, покинув кафедру. Но тогда князь извинился пред главой Русской Церкви, и вопрос был исчерпан. При Василии III оставил престол Митрополит Варлаам (1511–1522 годы; † 1533). В малолетство Иоанна Грозного бояре свели с престола Митрополита Даниила (1522–1539 годы; † 1547) и Митрополита Иоасафа (1539–1542 годы; † 1555). После святительства Митрополита Макария (1542 – † 1563; память совершается 30 декабря) все последующие Предстоятели Русской Церкви времени Иоанна Грозного либо сами оставили престол, либо были сведены: Митрополит Афанасий (1564–1566 годы; † ?), святитель Филипп (1566–1568 годы; † 1569; память совершается 9 января), Митрополит Кирилл (1568–1572 годы; ?) и Митрополит Антоний (1572–1581 годы; ?). Царь Борис Годунов свел с престола Митрополита Дионисия (1581–1589 годы; ?). Учреждение Патриаршества не изменило данную ситуацию. Лжедмитрий I свёл с престола первого Всероссийского Патриарха Иова (1589–1605 годы; † 1606; память совершается 19 июня), царь Василий Шуйский свел ставленника самозванца – Патриарха Игнатия грека (1605–1606 годы; † около 1640). Во время Семибоярщины и польско-католического присутствия в Кремле был заточён в Чудовом монастыре и затем погиб Патриарх Ермоген (1606–1611 годы; † 1612; память совершается 17 февраля). Завершающая страница в этом перечне – трагическая судьба Патриарха Никона.

[22] *Севастьянова С.К.* Материалы... С. 177; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6: История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 11–12. С. 205.

[23] *Севастьянова С.К.* Материалы... С. 183; Дело о Патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 3. В ответ на это царь послал к Патриарху Никону П. Елизарова, который напомнил Патриарху Никону, что и он, будучи Новгородским митрополитом, совершал чин шествия на осляти (Дело о Патриархе

Никоне. С. 13–14). Местоблюститель митрополит Питирим совершил чин шествия на осляти также в 1660 и 1661 годах (*Успенский Б.А.* Царь и Патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 446–447).

[24] *Севастьянова С.К.* Материалы... С. 187. Текст «сказки» митрополита Питирима см.: Дело о Патриархе Никоне. С. 20–22, 64–65.

[25] Епископ Мефодий 22 февраля 1666 года в Киеве высказал П.В. Шереметеву негативное отношение к Киевскому митрополиту, если таковой будет поставлен в Москве. В ответ услышал: «Ты, епископ, поставлен в Московском государстве митрополитом Питиримом, и тебе под благословение Московского Патриарха быть можно, только как о том отпишут к великому государю Вселенские Патриархи» (*Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. Т. 11–12. С. 147).

[26] *Севастьянова С.К.* Материалы... С. 202; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6: Т. 11–12. С. 245. О документах, представленных иерархами, см.: *Полознев Д.Ф.* Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу (1662 г.) (К истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона»)// Проблемы истории и культуры. Ростов, 1993. С. 61–80.

[27] *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842. С. 560.

[28] Читатели изданий московской типографии в середине XVII века / Публикация документов и исследование С.П. Луппова. Л., 1983. С. 132.

[29] Там же. С. 134.

[30] Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857. С. 98, прим.

[31] *Попов Г.М.* Материалы для истории Патриарха Московского Питирима // ЧОИДР. М., 1896. Кн. 1. Смесь. С. 3–4.

[32] *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2: XVI – начало XVIII века. М., 1963. С. 296.

[33] *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 312.

[34] *Попов Г.М.* Материалы для истории Патриарха Питирима. С. 494.

[35] Цит. по: *Успенский Б.А.* Царь и Патриарх... С. 83.

[36] *Попов Г.М.* Материалы для истории... С. 495–498.

[37] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 274.

[38] *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 313.

[39] Митрополит Питирим давал рукополагаемому духовенству ставленые грамоты. Текст ставленой грамоты Новгородского митрополита Питирима соловецкому иеромонаху Аверкию см.: *Приклонский А.* Пертоминский архив. Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в музее Соловецкого общества краеведения. Соловки, 1927. С. 12.

[40] ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 202–203.

[41] Цитата по: *Тихомиров.* Русское летописание. С. 315. Через год в Великий Новгород была прислана милостыня царем после кончины царевича Алексия Алексеевича (Там же).

[42] ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 219–220.

[43] Там же. С. 232–233.

[44] Там же. С. 227.

[45] Там же. С. 208.

[46] Там же. С. 214–216. Позднее он послал грамоту в Нило-Столбенскую пустынь, запрещая держать в кельях «хмельное питие». С. 218.

[47] См.: *Амвросий, архим.* История Российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 273–276.

[48] ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 235–236.

[49] *Приклонский А.* Пертоминский архив. С. 12–14.

[50] АИ. Т. 4. С. 437–438.

[51] Дело о Патриархе Никоне. С. 164–169.

[52] Дело о Патриархе Никоне. С. 169–172. Еще ранее царь обращается с запросом к епархиальным архиереям о возможности поставления на архиерейство схимонаха, на что митрополит Питирим написал в конце 1664 – начале 1665 года отрицательный ответ (Дело о Патриархе Никоне. С. 114–116).

[53] Дело о Патриархе Никоне. С. 251–252.

[54] *Макарий, митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 7. С. 260.

[55] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. Т. 11–12. С. 248.

[56] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4: 1645–1676. СПб., 1842. С. 435–436.

[57] Цитата по: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 315.

[58] Цитата по: Там же. С. 315.

[59] Цитата по: Там же. С. 316.

[60] Там же.

[61] Там же. С. 317. Для митрополита Питирима новгородский мастер Григорий Иванов изготовил четыре стакана, различные изображения и орнаментику (*Бобровницкая И.А., Мартынова М.В.* Декоративно-прикладное искусство // Очерки русской культуры XVII века. Изд. МГУ, 1978. Ч. 2. С. 251–252).

[62] *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 317.

[63] ПСРЛ. Т. 3. С. 274.

[64] ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 241–243.

[65] *Маясова Н.А.* Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М., 2004. С. 54.

[66] *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 317.

[67] *Н.А.А.* Питирим... С. 86.

[68] ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 185.

[69] Цитата по: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 317.

[70] *Попов Г.М.* Материалы для истории... С. 499–509.

[71] *Дубенский Д.* Речь, глаголанная от Святейшаго Патриарха Питирима, по возведении его на Патриаршеский престол... // ЧОИДР. М., 1847. № 2. Смесь. С. 21; *Богданов А.П.* Русские Патриархи. М., 1999. Т. 2. С. 39.

[72] Цитата по: *Попов Г.М.* Материалы для истории... С. 510.

[73] Цитата по: Там же. С. 515.

[74] ПСРЛ. Т. 3. С. 274.

[75] ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 243.

[76] АИ. Т. 4. С. 503.

[77] Грамоты монастырей Деревяницкого и Коневского // ЛЗАК. 1865–1866. СПб., 1868. Вып. 4. С. 28–29.

[78] Опись имеющимся в домовотчинной его Преосвященства г. Преосвященнейшего Серапиона, епископа Вологодского и Белоезерского... // ЛЗАК за 1864 год. СПб., 1865. Вып. 3. С. 107.

[79] АИ. Т. 4. С. 500.

[80] *Маясова М.А.* Древнерусское лицевое шитье. С. 352–355.

[81] Повесть о боярыне Морозовой / Подготовка текстов и исследование А.И. Мазунина. Л., 1979. С. 141.

[82] Там же.

[83] Там же. С. 142.

[84] Там же. После этого последовали истязания узниц, в связи с чем автор Повести пишет: «Питирима же Патриарха вскоре постиже суд Божий и лютою смертию живота разлучися» (Там же. С. 147).

[85] *Татарский И.* Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 101.

[86] ПСРЛ. Т. 31. С. 186.

[87] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 180. Но дата кончины Питирима в Вологодской летописи – 9 апреля.

[88] *Тихомиров Н.М.* Русское летописание. С. 318.

[89] ПСРЛ. Т. 3. С. 274.

[90] *Попов Г.М.* Материалы для истории... С. 516–523.

[91] ПСРЛ. Т. 3. С. 193–196.

[92] *Попов Г.М* Материалы для истории... С. 523.

[93] *Попов Г.М* Материалы для истории... С. 523.

[94] ПСРЛ. Т. 3. С. 196.

[95] *Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы Московского Кремля: Святыни и древности. М., 1997. С. 41, 86; *Панова Т.Д.* Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 31.

[96] Цит. по: *Макарий, архим.* Погребения Всероссийских Патриархов // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 2001. № 3 (29). С. 145.

[97] ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 245.

[98] Надписи с русских древних памятников до конца XVII века // *Тихонравов К.* Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857. С. 53.

[99] Следует учесть также мнение о Патриархе Питириме старообрядцев, которые негативно относились к нему, считая его сообщником и слугой антихриста (*Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 357), тем не менее некоторые документы, относящиеся к митрополичьему периоду и противостоящие Патриарху Никону, попали в старообрядческую письменность (Там же. С. 56). Небезынтересно и мнение современного историка, который утверждает, «что Питирим был неумен. Впрочем, это и так довольно понятно из жизни и деяний властолюбца» (*Богданов А.П.* Никониане // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 494).

[100] Грамоты монастырей Деревяницкого и Коневского // ЛЗАК. 1865–1866. СПб., 1868. Вып. 4. С. 28–29.

А.Г. Авдеев

КНИЖНИКИ И КНИЖНОСТЬ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

[1] В настоящее время наиболее изученными являются краткие сказания и повести о Патриархе Никоне, созданные в старообрядческой среде. См.: *Бубнов Н.Ю.* Сказания и повести о патриархе Никоне // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П – С. СПб., 1998. С. 459–462.

[2] *Авдеев А.Г.* Краткое житие патриарха Никона // Человек и мир человека. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Вып. II. Ч. 1. Рубцовск, 2005. С. 286–294; *Он же.* Краткое житие патриарха Никона // Никоновский сборник. Сборник, посвященный 400-летию со дня рождения и 325-летию со дня преставления Никона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. М., 2006. С. 6–16.

[3] РНБ ОР. ОСРК. Q. I. 612. Выражаю искреннюю благодарность Л.И. Сазоновой за указание на этот сборник.

[4] *Дианова Т.В.* Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998.

[5] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.

[6] См. также: *Авдеев А.Г.* К биографии Иоанна Корнильевича Шушерина // Духовные истоки русской культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. Рубцовск, 2005. С. 307–310.

[7] *Бубнов Н.Ю., Лаврентьев А.В.* Иоанн Корнильев Шушерин-Рипатов // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И – О. СПб., 1993. С. 70.

[8] См.: *Майорова О.Ю.* «Известие о рождении, о воспитании и о житии Никона, патриарха Московского и всея Руси». (Вопросы истории текста) // Источники по истории народной культуры. Сыктывкар, 1991. С. 25–31.

[9] РГАДА. Ф. 396 (Архив московской Оружейной палаты). Оп. 1. Д. 19108. Л. 6—7; см.: *Парфентьев Н.П.* Профессиональные музыканты России XVI–XVII вв. Государевы певчие дьяки и патриаршие певчие дьяки и подьяки. Челябинск, 1991. С. 428.

[10] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 271.

[11] *Бубнов, Лаврентьев.* Иоанн Корнильев Шушерин-Рипатов... С. 70.

[12] РГБ ОР. Ф. 579 (собрание Братства св. Петра митрополита). № 10.

[13] Список издан В.В. Шмидтом [*Никон, патр.* Труды. Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В.В. Шмидта. М., 2004. С. 780–789] без палеографического описания и с многочисленными ошибками.

[14] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. Стлб. 37, 64. О митрополите Новгородском Иове см.: *Каган М.Д.* Иов // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И – О. СПб., 1993. С. 85–87.

[15] Благодарю С.К. Севастьянову за помощь в определении филиграней.

[16] В.В. Шмидт ошибочно читает «23 лет» (Никон, патр. 2004. С. 789. Прим. 405).

[17] Напр.: Известие о рождении и о воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России (с печатного издания 1817 г., сличенного с тремя древнейшими списками). М., 1871.

[18] Об архимандрите Германе см.: *Леонид, архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. СПб., 1876. С. 34, 58, 60, 549–554; *Позднеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии) // УЗ МЗГПИ. Т. I. М., 1958. С. 364–370; *Позднеев А.В.* Песни-акростихи Германа // ТОДРЛ. Т. XIV. 1958. С. 364–370; *Позднеев А.В.* Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. 1961. Т. XVII. С. 417–428; *Позднеев А.В.* Поэт XVII в. Герман (мастер акростиха) // Ceskoslovenska Rusistika. 1969. Roc. 14. № 4. С. 150–158; *Чижевский Д.И.* Акростихи Германа и старорусские акростихи // Ceskoslovenska Rusistika. 1970. Roc. 15. № 3. С. 102–104; *Панченко А.М.* Истоки русской поэзии // Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970. С. 18-20; *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 103–115; *Панченко А.М.* Герман // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А – З. СПб., 1992. С. 198–200; *Илюшин А.А.* Проблема барочной поэтической антропонимии: Имя поэта и его литературная репутация // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 223–225; *Васильева Е.Е.* Об одной модели звучащего стиха в творчестве архимандрита Германа // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения – 99». Петрозаводск, 2000. С. 415–425; *Васильева Е.Е.* Три воскресных гимна архимандрита Германа // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002; *Зеленская Г.М.* Почитание памяти Святейшего Патриарха Никона в XVII–XX веках // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 311–323; *Авдеев А.Г.* Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006. С. 76–84; *Dolskaya-Ackerly O.* German Voskresenskij: A Seventeeth-Century Poet-Musician // Slavic and East European Arts. 1993. Vol. 8. № 1. P. 6–17.

[19] *Панченко А.М.* Истоки русской поэзии... С. 19, 20.

[20] ГИМ ОР. Собрание И.А. Вахрамеева. № 451. Л. 110 об.

[21] Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1997. С. 181.

[22] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 220.

[23] *Михайлова Н.М.* Евфимий Чудовский и датировка парсуны «Патриарх Никон с клиром» // ПКНО–1993. М., 1994. С. 148–151.

[24] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 373–374.

[25] Подробную сводку мнений о парсуне см.: *Севастьянова С.К.* Материалы... СПб., 2003. С. 194–195.

[26] *Зеленская Г.М.* Парсуна «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря» // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Вып. II. М., 2005. С. 93.

[27] *Никон, патр.* Труды. Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В.В. Шмидта. М., 2004. С. 755.

[28] Известие о рождении... С. 162–165.

[29] ГИМ ОР. Собр. И.А. Вахрамеева. № 451. Л. 116–120.

[30] Рукопись описана: *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие А.А. Вахрамееву. М., 1892. Вып. 2. С. 497–453. № 451.

[31] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 1. 1649–1675 гг. С. 329–333. № 122.

[32] Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 123. № 211.

[33] *Дианова Т.В.* Филиграни XVII–XVIII вв. «Голова шута». Каталог // ТрГИМ. Вып. 94. М., 1997. С. 55. № 195.

[34] *Аполлос (Алексеевский), архим.* Начертания жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1859. С. 155–158; *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. СПб., 1866. С. 42–44; *Николаевский П.Ф.* Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 года. СПб., 1886. С. 125–126.

[35] РГАДА. Ф. 357 (Рукописное собрание Тамбовской Саровской пустыни). Оп. 1. Д. 157. Л. 346 об. – 351 об.

[36] РГАДА. Ф. 357 (Рукописное собрание Тамбовской Саровской пустыни). Оп. 1. Д. 157. Л. 157–159.

[37] ГИМ ОР. Воскресенское собрание. № 129. Л. 119 об. – 121 об.

[38] *Дианова Т.В.* Филиграни XVII–XVIII вв. «Голова шута»... С. 105. № 494.

[39] *Леонид, архим.* Историческое описание... С. 364. № 117, 118.

[40] *Николаев С.И.* От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в. СПб., 2004. С. 64.

[41] *Леонид, архим.* Историческое описание... С. 364. № 119–120.

[42] См.: *Николаев С.И.* От Кохановского... С. 59–75.

[43] См.: *Козлова Г.Г.* Александр Гваньини и его сочинения // *Гваньини А.* Описание Московии. Пер. с латинского, вводная статья и комментарии Г.Г. Козловой. М., 1997. С. 16.

[44] *Богословский М.М.* Имущество архимандрита Воскресенского монастыря Никанора 1686–1698 // ТрГИМ. Вып. 139: Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 308–313.

Г.М. Зеленская

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДНИКИ ВОСКРЕСЕНСКОГО АРХИМАНДРИТА ГЕРМАНА I

[1] *Авдеев А.Г.* Старорусская эпиграфика и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006. С. 74–95; *Буланин Д.М.* Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3, части 1–3) // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 681; *Васильева Е.Е.* Об одной модели звучащего стиха в творчестве архимандрита Германа // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения –

99». Петрозаводск, 2000. С. 415–425; *Васильева Е.Е.* Три воскресных гимна архимандрита Германа // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002; Русские поэты XVI–XIX веков. Сборник биографий. Урал Л.Т.Д, 2001. С. 26–27, 48–49; *Зеленская Г.М.* Почитание памяти Святейшего Патриарха Никона в XVII–XX веках // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 311–323; *Она же.* Герман // ПЭ. Т. XI. Георгий – Гомар. М., 2006. С. 239; *Панченко А.М.* Герман // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. СПб., 1992. С. 198–200; *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М., 1991. С. 3–6; *Илюшин А.А.* Проблема барочной поэтической антропонимии: Имя поэта и его литературная репутация // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 221; *Позднеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии) // Ученые Записки Московского государственного заочного педагогического института. Т. I. М., 1958. С. 5–112; *Позднеев А.В.* Песни-акростихи Германа // ТОДРЛ. Т. XIV. М.–Л., 1958. С. 364–370; *Он же.* Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. Т. XVII. М.–Л., 1961. С. 419–428; *Он же.* Рукописные песенники XVII–XVIII веков: Из истории песенной силлабической поэзии. М., 1996. С. 32–41; *Он же.* Поэт XVII века Герман. (Мастер акростиха) // Československà Rusistika. Roč. XIV. № 4. Praha, 1969. Č. 150–158; *Панченко А.М.* Истоки русской поэзии // Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970. С. 18–28; *Он же.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 103–113; *Чижевский Д.И.* Акростихи Германа и старорусские акростихи // Československà Rusistika. Roč. XV. № 3. Praha, 1970. Č. 102–104.

Духовное завещание архимандрита Германа (ГИМ ОР. Собр. И.А. Вахрамеева. № 451. Л. 107–115 об.) опубликовано Авдеевым А.Г. в настоящем сборнике (См.: *Авдеев А.Г.* Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII – начале XVIII в.).

[2] *Авдеев А.Г.* Старорусская эпиграфика... С. 76–79.

[3] *Зеленская Г.М.* Настоятели и братия Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в XVII – начале XXI веков // Пространственно-временные перекрестки культуры. Сборник материалов Всероссийской конференции «Человек и мир человека». 30 октября 2008 года / Составитель С.К. Севастьянова. Барнаул – Рубцовск, 2009. С. 352–353.

[4] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871. С. 96–97; *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. С. 40–43.

[5] Это блюдо хранится ныне в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим».

[6] Московские кирилловские издания в собрании РГАДА. Каталог. Вып. 3. 1651–1675 / Сост. *Л.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова.* М., 2003. С. 216. (№ 74).

[7] К сожалению, неизвестно, с какой разрешительной грамотой хоронили Патриарха Никона. Логично, если бы то была грамота Александрийского Патриарха Паисия, участвовавшего в суде над Патриархом Никоном. Это объяснило бы и желание архимандрита Германа иметь две разрешительные грамоты. Однако данный вопрос требует специального исследования.

[8] Плита с первой краткой эпитафией сохранилась фрагментарно. Вторая плита с текстом эпитафии в 50 строк и ныне стоит в изножии гробницы Патриарха Никона.

[9] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 593–595.

[10] Там же. С. 596.

[11] Там же. С. 315.

[12] Опись Воскресенского монастыря 1679 года. Список XIX века. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 173. (Далее – Опись 1679 года).

[13] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 43.

[14] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 116.

[15] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 88–91.

[16] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 728. В приходно-расходных книгах Воскресенского монастыря за 1693 год есть запись о заеме «у Кадашевцев Федора Иванова и его сына Андрея Турчиных на всякие монастырские расходы» 315 рублей и об отдаче 100 рублей из этого долга. См.: Там же. С. 380, 390.

[17] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 266.

[18] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 131.

[19] Опись 1679 года. Л. 173.

[20] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 42.

[21] Известие и рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 116.

[22] *Зеленская Г.М.* Новый Иерусалим. Путеводитель. М., 2003. С. 276–279.

[23] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 292.

[24] Там же. С. 310.

[25] *Амфилохий (Казанский-Сергиевский), архим.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875. С. 210–211.

[26] Там же. С. 194.

[27] Там же. С. 197.

[28] *Аполлос (Байбаков), архим.* Исторические достопамятности о начале и происшествиях ставропигиального Воскресенского монастыря, нареченного Новым Иерусалимом. Сочинил Архимандрит Аполлос. 1777. Рукопись. ЦГИА. Ф. Синода. № 834. Оп. 1. Ед. хр. 1762. Л. 34.

[29] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 130, 728. Возможно, одна из приведенных здесь дат является опечаткой.

[30] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи...». С. 261.

[31] *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М.: «Индрик», 2007. С. 457.

[32] Там же. С. 470, 472.

[33] Там же. С. 495.

[34] Там же. С. 521.

[35] Там же. С. 522.

[36] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 88.

[37] Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 375–376.

[38] *Бриллиантов И.* Ферапонтов Белозерский монастырь, место заточения Патриарха Никона. М., 1994. (Репринтное издание). С. 218.

[39] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 42–43.

[40] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 102.

[41] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 131.

[42] Там же. С. 407.

[43] Опись 1679 года. Л. 173–174 об.

[44] И.К. Шушерин отмечает, что ко времени освящения храма Рождества Христова в 1685 году в обители «братии было не менее двою сот, а с приписными монастыри и пустыни не менее четырех сот было братии» (Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 117). Архимандрит Никанор в надписи по листам Евангелия об освящении в 1692 году Трапезных палат с церковью Рождества Христова сообщает, что «братии тогда было не менее двою сот» (*Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 304). Это Евангелие, вложенное в Воскресенский монастырь царевной Татианой Михайловной, хранится ныне в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим».

[45] Там же. С. 59.

[46] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140а. Ч. 1. Л. 166–167. *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие... С. 473.

[47] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи...». С. 265, 284, 300.

[48] Там же. С. 291.

[49] *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 566.

[50] Там же. С. 565.

[51] В Ферапонтове монастыре Патриарху Никону было видение Христа тем образом, как пишется на иконе. Спаситель подал ему благодать чаши лекарственной со словами: «Отнято у тебя патриаршество, и тебе за то дана чаша лекарственная: лечи болящих». См.: *Бриллиантов И.* Указ. соч. С. 179.

[52] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи...». С. 314.

[53] Дело о патриархе Никоне / Издание Археографической комиссии по документам Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. 1897. С. 377–378. Иеродиакон Мардарий привозил из Москвы деревянное масло, росный ладан, «скипидар, траву чечюй, целибоху, траву зверобойную, ношатырь, квасцы, купорос, канфару да камень бузуй».

[54] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 99.

[55] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 59. В списке строителей и казначеев Воскресенского монастыря, составленном архимандритом Леонидом, много неточностей. См.: Историческое описание... С. 130–131.

[56] Дела святейшего Никона, паче же рещи чудеса врачебные // Чтение в ОИДР. 1887. Кн. 1. Смесь. С. 103.

[57] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 131.

[58] Там же. С. 638–648.

[59] Там же. С. 380. У П. Строева строители Афанасьевского монастыря XVII века после 1680 года не указаны. *Строев П.* Список иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стлб. 371.

[60] *Мельников А.В.* Неопубликованная статья академика М.М. Богословского 1924 г. «Имущество архимандрита Воскресенского монастыря Никанора 1686–1698» // ТрГИМ. Вып. 139: Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 308.

[61] *Зеленская Г.М.* Настоятели и братия Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря... С. 350–351.

[62] *Амфилохий (Казанский-Сергиевский), архим.* Описание... С. 186.

[63] *Авдеев А.Г.* Старорусская эпиграфика и книжность... С. 83.

[64] *Титов Ф.И., прот.* Типография Киево-Печерской Лавры. К., 1918. Т. I. Приложения. С. 527–528 (второго счета).

[65] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Книга шестая. М., 1996. С. 563.

[66] *Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греколатинской Академии // Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии. М., 1889. Кн. 3. Ч. 44. Прибавления. С. 623; *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи...». С. 52.

[67] *Макарий (Булгаков), митр.* Указ. соч. Прим. 483. С. 636.

[68] Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). РИБ. Т. 5. П., 1878. Стлб. 495–496.

[69] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 100–101.

[70] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 42.

[71] *Высоцкая Н.Ф.* Белорусские резчики в Москве во второй половине XVII века // ТрГИМ. Выпуск 99. Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 241.

[72] *Соколова И.М.* Новый Иерусалим в Кремле. Незавершенный замысел царя Федора Алексеевича // Макарьевские чтения. Выпуск VIII. М.: «Можайск–Терра», 2001. С. 505–506; *Она же.* Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков. Каталог. М.: Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», 2003. № 26, 27. С. 153–162.

[73] *Тихон (Затёкин), игумен.* Крестовоздвиженская часовня-крест Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник научных статей. Выпуск. II. М., 2005. С. 247–251; *Тихон (Затёкин), архим.* Крестовоздвиженская часовня-крест Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря // Патриарх Никон. Рожденный на земле Нижегородской. Нижний Новгород: Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь, 2007. С. 139–152.

[74] *Зеленская Г.М.* Парсуна «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря» // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Выпуск. II. С. 94.

[75] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 61.

[76] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 43.

[77] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона...С. 102.

[78] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 410.

[79] Опись1679 года. Л. 1, 173.

[80] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 43.

[81] Там же. С. 281.

[82] Там же. С. 43.

[83] Там же. С. 416, 419.

[84] Там же. С. 131.

[85] Там же. С. 414, 388.

[86] *Панченко А.М.* Герман // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. СПб., 1992. С. 200.

[87] *Григорий Дьяченко, свящ.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. С. 59.

[88] Опись 1679 года. Л. 28 об.

[89] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 364.

[90] *Зеленская Г.М.* Парсуна «Патриарх Никон с братией... С. 94.

[91] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 412, 415.

[92] Опись 1679 года. Л. 24.

[93] Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по официальным документам Н. Гиббенет. Ч. 2. СПб., 1884. С. 968.

[94] Там же. С. 974.

[95] Там же. С. 974–975.

[96] Там же. С. 981.

[97] Истринская земля. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. С. 773.

[98] Там же. С. 756. Деревня Рыжково находится на правом берегу речки Молодильни, в 23,7 км западнее г. Истры. Русаново – новая деревня, появившаяся рядом с Рыжковом в 1678 г. Напротив Рыжкова, через речку, располагается д. Рубцово.

[99] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 60.

[100] *Бубнов И.Ю, Лаврентьев А.В.* Иоанн Корнильев *Шушерин-Рипатов* // СККДР. XVII в. Ч. 2. И–О. СПб., 1993. С. 69–71; *Буланин Д.М.* Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3. Ч. 1–3) // СККДР. XVII в. Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 721; *Авдеев А. Г.* К биографии Иоанна Корниль-евича Шушерина // Духовные истоки русской культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 мая 2005 г. Ч. I. Рубцовск, 2005. С. 307–310; *Зеленская Г.М.* Новое в биографии Иоанна Шушерина // Человек и мир человека. Сборник статей. Всероссийская научная конференция. Вып. 3. Ч. 1. Рубцовск, 2006. С. 225–237; *Зеленская Г.М., Святославский А.В.* Некрополь Нового Иерусалима. М.: «Древлехранилище», 2006. С. 65–68, 129–133, 391–392; *Ханник К.* Биограф патриарха Никона Иоанн Шушерин // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 297–302.

[101] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 68.

[102] *Филимонов Г.* Церковь св. Николая чудотворца на Липне, близ Новгорода. Вопрос о первоначальной форме иконостасов в русских церквах. М., 1859. С. 6: Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. Кочетков И.А. М., 2003. С. 50.

[103] *Леонид (Кавелин), архим.* Месяцеслов Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1870. С. 25.

[104] *Парфентьев Н.П.* Указ. соч. С. 428; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 19108. Л. 6–7. Летопись занятий Археографической комиссии за 1901 г. СПб., 1902. Вып. 14. С. 48.

[105] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 118.

[106] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 308–309.

[107] Там же. С. 271.

[108] *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 589.

[109] Повесть о рождении, воспитании и жизни Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М.: Православная энциклопедия, 1997; Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М.: Сестричество во имя преподобному-ченицы великой княгини Елисаветы, 1997.

[110] *Авдеев А.Г.* К биографии Иоанна Корнильевича Шушерина // Духовные истоки русской культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. Рубцовск, 2005. С. 310.

[111] *Парфентьев Н.П..* Указ. соч. С. 428.

[112] *Авдеев А.Г.* К биографии Иоанна Корнильевича Шушерина. С. 310.

[113] *Леонид (Кавелин), архим.* Святая Русь, или сведения о всех святых и подвижниках на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых: Справочная книга по русской агиографии. М., 1891. С. 128–129. № 512.

[114] *Авдеев А.Г.* Старорусская эпиграфика и книжность... С. 83.

[115] Акты Иверского Святоозерского монастыря. Стлб. 826.

[116] *Парфентьев Н.П.* Указ. соч. С. 428; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 19108. Л. 6–7.

[117] Там же. С. 429; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 19108. № 132. Л. 14 об., 90.

[118] *Зерцалов А.Н.* Московский Китай-город в XVII в. (По Описи 1695 г.) // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 2. С. 18; *Парфентьев Н.П.* Указ. соч. С. 429.

[119] Церковная и ризничная опись Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря 1875 года с более поздними дополнениями. Опись храмов и придельных церквей. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1877. Л. 106. В примечании сказано, что «в притворе сего придела против Гробницы Патриарха погребено (1690 г.) тело его жизнеописателя Ивана Шушерина». Там же. Л. 109.

[120] *Зеленская Г.М.* Реставрационные и научно-исследовательские работы по Воскресенскому собору во 2-й половине 1990-х годов // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. статей. Выпуск I. М., 2002. С. 192.

[121] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 638.

[122] Там же. С. 386.

[123] Там же. С. 388.

[124] Опись 1679 года. Л. 174 об.

[125] Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 968.

[126] Акты Иверского Святоозерского монастыря. Стлб. 554, 576, 611, 618–619, 630–632, 645–646, 648–649.

[127] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 584.

[128] Там же. С. 572.

[129] Там же. С. 591. «Книги переписные селу Богословскому» датируются 1669 годом.

[130] *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи...». С. 264–266.

[131] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 593.

[132] Там же. С. 601–602.

[133] Там же. С. 408.

[134] Опись 1679 года. Л. 173.

[135] Там же. Л. 174.

[136] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 589.

[137] Там же.

[138] Там же. С. 589.

[139] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 86–87.

[140] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 592.

[141] *Амфилохий (Казанский-Сергиевский), архим.* Описание... С. 186.

[142] Опись 1679 года. Л. 173.

[143] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 130, 589.

[144] Там же. С. 222.

[145] Там же. С. 408.

[146] Там же. С. 411.

[147] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 584, 587.

[148] *Берхина Т.Г.* Патриаршии подворья в Москве // *Зеленская Г.М., Берхина Т.Г.* Ильинка сквозь века: Патриарх Никон. М., 2008. С. 59.

[149] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 130.

[150] Там же. С. 596.
[151] Там же. С. 590.
[152] Опись 1679 года. Л. 1, 173.
[153] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание. С. 43.
[154] Там же. С. 410.
[155] Там же. С. 595.
[156] Там же. С. 43.
[157] *Амфилохий (Казанский-Сергиевский), архим.* Описание... С. 207.
[158] Там же. С. 208; *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 360.
[159] *Панченко А.М.* Герман // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. С. 200.
[160] *Белоброва О.А.* Дамаскин // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. С. 246–247.
[161] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 588.
[162] Опись 1679 года. Л. 173.
[163] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 596.
[164] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 102.
[165] *Амфилохий (Казанский-Сергиевский), архим.* Описание... С. 192–193, 209–210, 212, 199–201.
[166] Там же. С. 192–193.
[167] Там же. С. 199.
[168] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 409.
[169] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 97.

Г.М. Зеленская

НОВОЕ В БИОГРАФИИ ИОАННА ШУШЕРИНА

[1] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871. С. III–VII; *Казминский. М.* Разбор сочинения Шушерина о жизни и деятельности патриарха Никона // Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. К.; Лейпциг, 1882. Т. 7. Отд. 3. Неофиц.; *Майорова О.Ю.* «Известие о рождении, о воспитании и о житии Никона, патриарха Московского и всея Руси». (Вопросы истории текста) // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 25–31; *Парфентьев Н.П.* Профессиональные музыканты России XVI–XVII веков. Государевы певчие дьяки и патриаршии певчие дьяки и подьяки. Челябинск, 1991. С. 428–430; *Бубнов И.Ю, Лаврентьев А.В.* Иоанн Корнильев Шушерин-Рипатов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 2. И–О. СПб., 1993. С. 69–71; *Буланин Д.М.* Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3. Части 1–3) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 721; *Авдеев А.Г.* К биографии Иоанна Корнильевича Шушерина // Духовные истоки русской культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 мая 2005 г. Ч. I. Рубцовск, 2005. С. 307–310; *Зеленская Г.М., Святославский А.В.* Некрополь Нового Иерусалима. М.: «Древлехранилище», 2006. С. 65–68, 129–133, 391–392; *Ханник К.* Биограф Патриарха Никона Иоанн Шушерин // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 297–302.
[2] Синодик Крестного монастыря. ОР РПБ. Q I 1561. XVII–XVIII вв. Л. 35.
[3] *Авдеев А.Г.* К биографии Иоанна... С. 309.
[4] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 19.
[5] *Парфентьев М.П.* Профессиональные музыканты России... С. 428.
[6] Там же. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 38. Л. 162, 363 об., 552, 583). Здесь и далее приводятся ссылки на труд Н.П. Парфентьева и (в скобках) на документы, послужившие ему источником.
[7] Там же. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 43. Л. 17, 231). Дата поездки в Новый Иерусалим приведена по изд: *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 163.
[8] *Парфентьев М.П.* Профессиональные музыканты России... С. 428. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 47. Л. 17, 315; № 51. Л. 14, 330).
[9] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 54.
[10] Там же. С. 42.
[11] *Амфилохий (Казанский-Сергиевский), архим.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875.
[12] *Панченко А.М.* Герман // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 1. А–З.

СПб., 1992. С. 198–200; *Буланин Д.М.* Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3. Части 1–3) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 681.
[13] *Парфентьев М.П.* Профессиональные музыканты России... С. 428. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 51. Л. 145–147, 472–473).
[14] Там же. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 54. Л. 6–13).
[15] Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по официальным документам Н. Гиббенет. СПб., 1882–1884. Ч. 2. С. 267–270, 869–871.
[16] Там же. С. 968.
[17] Там же. С. 969.
[18] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 57.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 75.
[21] *Гибеннет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона... Ч. 2. С. 1056.
[22] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 68.
[23] *Парфентьев М.П.* Профессиональные музыканты России... С. 428.
[24] *Филимонов Г.* Церковь св. Николая чудотворца на Липне, близ Новгорода. Вопрос о первоначальной форме иконостасов в русских церквах. М., 1859. С. 6; Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред-сост. Кочетков И. А. М., 2003. С. 50.
[25] *Леонид (Кавелин), архим.* Месяцеслов Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1870. С. 25.
[26] *Парфентьев М.П.* Профессиональные музыканты России... С. 428. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 19108. Л. 6–7. Летопись занятий Археографической комиссии за 1901 г. СПб., 1902. Вып. 14. С. 48).
[27] Там же. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 20343. Л. 3, 15, 39; № 20950. Л. 9).
[28] Там же. С. 50. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 21174. Л. 1–5; оп. 2. № 544. Л. 131 об.; № 545. Л. 59 об).
[29] Там же. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 118. Л. 158; № 122. Л. 167 об.; № 127. Л. 184; и др.).
[30] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 118; *Авдеев А.Г.* К биографии Иоанна... С. 310.
[31] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона... С. 109.
[32] Описи новгородского Софийского собора XVIII – начала XIX в. / Сост. Э.А. Гордиенко, Г.К. Маркина. М. – Л., 1988. С. 140–141.
[33] *Макарий, архим.* Археологическое описание церковных древностей Новгорода и его окрестностей. М., 1860. Ч. II. С. 327–328.
[34] *Зеленская Г.М.* Парсуна «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря» // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. М., 2005. Вып. II. С. 95.
[35] Описи новгородского Софийского собора... С. 141.
[36] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. С. 308–309. С украшениями этого креста была связана драматическая история, которую отмечала монастырская Опись 1704 года: «Со вкладнаго креста Ивана Шушерина сняты два изумруда зеленых, восемь зерен яхонтовых червчатых, восемь зерен кафимских, три лалика, три зерна бурмицких». А по сказке ризничего иеродиакона Сосипатра выше писанные все камни из соборной церкви украл чернец Иларион и продал на Москве, и за то в прошлых годах, по розыску из Поместнаго приказу, учинена ему смертная казнь». Впоследствии крест был украшен вновь усердием царевны и великой княжны Татианы Михайловны (Там же. С. 309). Судя по дате в исторической «летописи» на рукояти, крест был изготовлен в 1677 году, то есть до возвращения Иоанна Шушерина из ссылки. К сожалению, нет достоверных данных для истолкования этого факта. Предположения архимандрита Леонида по этому поводу (Там же. С. 308) не кажутся убедительными.
[37] Там же. С. 271.
[38] *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 589.
[39] *Амфилохий (Казанский-Сергиевский), архим.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875. С. 112.
[40] О завещании архимандрита Германа (ГИМ, собр. Вахромеева. № 451) см.: *Панченко А.М.* Герман. С. 200. Впоследствии книги архиепископа Лазаря Барановича «Аполлон Христианский» и «Лютня Аполлонова» с владельческими записями архи-мандрита Германа вошли в состав библиотеки Воскресенского монастыря. См.: *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 364. Возможно, их пожертвовал в обитель Иоанн Шушерин.
[41] Повесть о рождении, воспитании и жизни Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М.: Православная энциклопедия, 1997; Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елисаветы, 1997.
[42] Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. С. 535.
[43] РНБ. ОР. Ф. 579. № 10. Л. 54; *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 436.

[44] *Авдеев А.Г.* К биографии Иоанна... С. 310.

[45] *Парфентьев Н.П.* Профессиональные музыканты России... С. 428 (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 19108. Л. 6–7).

[46] Там же. С. 429 (Там же. № 132. Л. 14 об., 90).

[47] *Зерцалов А.Н.* Московский Китай-город в XVII в. (По Описи 1695 г.) // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 2. С. 18; *Парфентьев Н.П.* Профессиональные музыканты России... С. 429.

[48] *Парфентьев Н.П.* Профессиональные музыканты России... С. 428.

[49] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 379.

[50] Там же. С. 380–381.

[51] Вел. кн. Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. Т. I. 1914. С. 975–976.

[52] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 381–383.

[53] Церковная и ризничная опись Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря 1875 года с более поздними дополнениями. Опись храмов и придельных церквей. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1877. Л. 106. В примечании сказано, что «в притворе сего придела против Гробницы Патриарха погребено (1690 г.) тело его жизнеописателя Ивана Шушерина» (Там же. Л. 109).

[54] «Книга ризничная» 1756 года. (Книга сверочная Описи 1737 года с описями 1751–1755 годов). Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 216. Л. 147.

[55] В приделе Архистратига Михаила погребен, кроме Иоанна и Михаила Шушериных, стольник В.А. Юшков, умерший в 1726 г. См.: *Зеленская Г.М.* Реставрационные и научно-исследовательские работы по Воскресенскому собору во 2-й половине 1990-х годов // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Вып. I. М., 2002. С. 192.

[56] *Парфентьев Н.П.* Профессиональные музыканты России... С. 429.

[57] РГБ ОР. Ф. 579. № 10. Л. 50.

[58] *Авдеев А.Г.* К биографии Иоанна... С. 310.

[59] *Леонид (Кавелин), архим.* Святая Русь, или сведения о всех святых и подвижниках на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых: Справочная книга по русской агиографии. М., 1891. С. 128–129. № 512.

[60] *Зеленская Г.М.* Почитание памяти Святейшего Патриарха Никона в XVII–XX веках // Никоновские чтения... Вып. I. С. 88–98; *Она же.* Почитание памяти Патриарха Никона в конце XX – начале XXI века // Там же. Вып. II. С. 140–154.

Н.П. Яковлева

НИКОНОВСКИЙ МУЗЕЙ ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

[1] ГИАНО. Ф. 481. Оп. 1. Ед. хр. 427. С. 7.

[2] *Меньшиков М.О.* Материалы к биографии. Дневник 1918 года // Российский архив. Вып. 4. М., 1993. С. 40, 43.

[3] *Яковлева Н.П.* У истоков краеведения // Ленинский путь. 1984. № 108 (9255). С. 4.

[4] *Весновский Д.Н.* Краткий очерк Валдайской железнодорожной школы с 1918 по 1923 год. Валдай, 1923. С. 13.

[5] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского музея в Иверском монастыре близ г. Валдая. Новгород, 1920.

[6] Там же. С. 15. № 64.

[7] Там же. С. 47. № 200.

[8] Там же. С. 86. № 333.

[9] Там же. С. 38–39. № 162–170.

[10] Акт № 211а (№ 292) приема-сдачи предметов музейной ценности для отправки в Москву от 6. 02. 1933 г. Л. 5. № 29; Л. 7. № 48–50; Л. 13. № 117–126; Л. 14. № 127–129, 131–142.

[11] *Зеленская Г.М.* Музей Святейшего Патриарха Никона в ставропигиальном Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре// Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 263–271.

[12] *Весновский Д.Н.* Краткий очерк... С. 11.

[13] *Яковлева Н.П.* У истоков краеведения... С. 4.

[14] *Каулен М.Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри России. М., 2005. С. 470.

[15] *Порфиридов Н.Г.* Новгород. 1917–1941. Воспоминание. Л., 1987. С.143.

[16] НГМ КП 42853/57.

[17] Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л. 1.

[18] Сдаточно-приемочный акт №211 (294) от 1.03.1933 года.

[19] Акт № 211а (№ 292) приема-сдачи... Л.13. № 119.

[20] Главная книга. Ризничная опись и церковная Валдайского Иверского Богородицкого первоклассного монастыря. 1904. (НГМ КП 40193).

Л. 404 об. № 824; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 37. № 158.

[21] Главная книга... Л. 402. № 802; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 30. № 130.

[22] Главная книга... Л... №...; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 28–29. № 124.

[23] Главная книга... Л. 294. № 208; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 26. № 111.

[24] Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные архимандритом Леонидом // Русская Историческая Библиотека. Т. 5. СПб., 1878.

[25] *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк Иверской Святоозерской обители в ее патриарший период (с 1653 г. по конец 1666 г.) // Русская Историческая Библиотека. Т. 5. СПб., 1878. Стлб. 39–50.

[26] Акты Иверского... Стлб. 224–240 . № 87.

[27] *Франц Д. Д.* Каталог Никоновского... С. 19. № 78–79.

[28] Там же. С. 25–26. № 109.

[29] Там же. С. 55–56. № 229.

[30] Там же. № 331, 333, 230, 199, 171, 246, 267, 176, 177, 181.

[31] Там же. С. 1. № 1.

[32] Там же. С. 20. № 81.

[33] Там же. С. 6–7. № 17, 18, 20, 21.

[34] Там же. С. 5–6, 11, 13. № 13–15, 41–42, 52.

[35] Там же. С. 12. № 48.

[36] Там же. С. 15. № 62, 63.

[37] Там же. С. 15. № 64.

[38] Там же. С. 4, 5. № 9, 12.

[39] Там же. С. 15–16. № 65.

[40] Там же. С. 31–32. № 136.

[41] Там же. С. 20–21. № 85–88.

[42] Там же. С. 16. № 67.

[43] Там же. С. 20. № 80.

[44] Там же. С. 42, 49–50, 70. № 182, 209, 279.

[45] Необходимо заметить, что хранитель этих предметов в музее «Новый Иерусалим» Е.И. Рогожкина утверждает, что никоновские вкладные надписи имеются только на трех ковшах: № 17, 18, 21(см.: *Рогожкина Е.И.* Личные вещи и вклады Патриарха Никона из фонда драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим» // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 51).

[46] ИАХМНИ (Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим») КП 7127, Б 768, СБ 404; КП 7126, Б 761, СБ 404; КП 7131, Б 1121, СБ 408; КП 6781, Б 765, СБ 150.

[47] ИАХМНИ КП 7146, Б 769, СБ 421.

[48] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 7. № 19.

[49] Там же.

[50] Там же. С. 6–7. № 18.

[51] Главная книга... Л. 245об. № 44.

[52] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 6. № 18.

[53] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 50.

[54] ИАХМНИ КП 7127, Б 768, СБ 404; КП 7131, Б 1121, СБ 408.

[55] ИАХМНИ КП 6781, Б 765, СБ 150.

[56] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 12. № 48

[57] ИАХМНИ КП 6760, Б 778, СБ 140. *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 50; Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М., 2002. С. 67.

[58] НГМ КП 31123 КК 280.

[59] ИАХМНИ КП 6761, СБ 141; КП6762, СБ 142.

[60] Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л. 13 № 120–121; Главная книга... Л. 249об. № 73, 74.

[61] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 50.

[62] ИАХМНИ КП 7025, Б 654, СБ 321; КП 7026, Б 653, СБ 322; КП 7161, Б 667, СБ 432.

[63] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 5–6. № 13–15.

[64] ИАХМНИ КП 7225, Б 651, СБ 461; КП 7027, Б 665, СБ 323.

[65] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 11. № 41–42.

[66] Главная книга... Л. 244об.–247.

[67] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 12. № 49; Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л.10. № 83.

[68] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 13. № 51; Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л.10. № 85.

[69] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 13. № 52, 50; Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л.10. № 86, 84.

[70] ИАХМНИ КП 7045, Б 652, СБ 342.

[71] ИАХМНИ КП 7089–7094, Б 569–574, СБ 375–380; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 15. № 64.

[72] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 48–49.

[73] ИАХМНИ КП 7088, Б 577, СБ 374; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 15. № 62.

[74] Патриарх Никон. Облачения... С. 25.

[75] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 49.

[76] ИАХМНИ КП 7096, Б 579, СБ 382; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 15. № 63.

[77] ИАХМНИ КП 7124, Б752, СБ 401; *Рогожкина.* Личные вещи... С. 51; Патриарх Никон. Облачения... С. 68–69.

[78] ИАХМНИ КП 7148, Б 738, СБ 422; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 4–5. № 9.

[79] Патриарх Никон. Облачения... С. 66; *Рогожкина.* Личные вещи... С. 53.

[80] НГМ КП 30226/87 КК 170; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 66. № 266.

[81] ИАХМНИ КП 7123, Б 737, СБ 172.

[82] Главная книга... Л. 244. № 33; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 5. № 12.

387

[83] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 5. № 12.
[84] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 5. № 11; ИАХМНИ КП 3149, ЗВ 80.
[85] *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб. 47.
[86] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 15. № 65; ИАХМНИ КП 7122, Б 703, СБ 171.
[87] ИАХМНИ КП 7015, Б 1573, СБ 317.
[88] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 52.
[89] Главная книга... Л. 251об. № 61; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 32. № 139.
[90] ИАХМНИ КП 6731, СБ 114.
[91] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С.14. № 59.
[92] *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб. 48; *Силин П.М.* Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого первоклассного монастыря. СПб., 1885. С. 54.
[93] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 15. № 60; ИАХМНИ КП 6759, Б 566, СБ 139.
[94] *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб. 45.
[95] ИАХМНИ КП 6894, Б 1164, СБ 207; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 31–32. № 136.
[96] Главная книга... Л. 120 об. № 438.
[97] Патриарх Никон. Облачения... С. 70.
[98] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С 51–52; Патриарх Никон. Облачения... С. 70.
[99] Там же.
[100] Главная книга... Л. 120об. № 438.
[101] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 31–32. № 136.
[102] Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л. 13. № 114.
[103] ИАХМНИ КП 7364; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 20. № 80.
[104] Необходимо указать на неточность, допущенную сотрудниками музея «Новый Иерусалим» в каталожном описании четок, касающуюся количества бусин в них (см.: Патриарх Никон. Облачения... С. 88). Названо общее количество бусин, равное 38, тогда как на снимке отчетливо видны 44 бусины, что соответствует описанию Франца (см.: *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 20. № 80). Это же относится и к количеству бусин, составляющих крест четок: их не 5, а 6.
[105] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С 47–48; Патриарх Никон. Облачения... С. 88.
[106] Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л. 11. № 103.
[107] Дата вклада называется в тексте надписи, поставленной на кадиле: «Лета 161 (1653) Августа в 1 день». См.: Главная книга... Л. 256. № 98; *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб. 44; *Силин П.М.* Историческое описание... С. 48; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 14. № 57.

Е.И. Рогожкина цитирует в надписи другую дату: «Лета 160 (1652) Августа в 1 день». См.: *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 54.
[108] ИАХМНИ КП 6745, Б 1144, СБ 126; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 14. № 57.
[109] ИАХМНИ КП 6733, Б 1128, СБ 116; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 14. № 58.
[110] В статье Е.И. Рогожкиной ошибочно указан не Савво-Вишерский монастырь в Новгороде, а Саввино-Сторожевский в Звенигороде. См.: *Рогожкина Е. И.*. Личные вещи... С. 54.

В тексте вкладной надписи, приводимой в публикациях XIX – начала XX века, сказано: «Лета 7153, зделано сие кадило в Новгороде, Апреля в 1 день, Божиею милостию повелением государя царя и великаго князя Алексия Михаиловича, всеа Русии, в Новгороде в обителе преподобнаго отца Саввы, в соборную церковь Рождества Пресвятыя Богородицы...» См.: Главная книга... Л. 256. № 99; *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб. 44–45; *Силин П.М.* Историческое описание... С. 48; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 14. № 58.
[111] ИАХМНИ КП 6764, Б 1672, СБ 61; *Франц.* Каталог Никоновского... С. 8. № 30.
[112] *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб. 238; *Силин П.М.* Историческое описание... С. 46; Главная книга... Л. 238. № 14.
[113] ИАХМНИ КП 6776, Б 584, СБ 148; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 6. № 16.
[114] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 54.
[115] ИАХМНИ КП 7114, Б 1572, СБ 398; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 85. № 331.
[116] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 11–12. № 44–45.
[117] Там же. С. 32. № 137.
[118] Там же. С. 86. № 333.
[119] Там же. С. 15. № 61.
[120] Там же. С. 9. № 32.
[121] Там же. С. 32. № 138.
[122] Главная книга... Л. 262–262об. № 111–113.
[123] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 30. № 130; С. 28–29. № 124; С. 85–86. № 332.
[124] Главная книга...
[125] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 22–23. № 96–99.
[126] Там же. С. 28. № 23.
[127] Там же. С. 18. № 75.
[128] Там же. С. 24. № 104.
[129] Главная книга... Л. 302 об.–303. № 243.
[130] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 39–74. № 171–291.
[131] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 1–4. № 1–4, 6–8; Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л. 1–2. № 1–7.
[132] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 74–85. № 292–329.
[133] Там же. С. 38–39. № 162–170.

[134] Там же. С. 26. № 114–115.
[135] Там же. С. 20–21. № 85–88, 90.
[136] Там же. С. 10–11. № 36–38, 40.
[137] Там же. С. 22. № 95.
[138] Там же. С. 29. № 126.
[139] Там же. С. 23, 27. № 100, 116.
[140] Там же. С. 26. № 112, 113.
[141] Там же. С. 22. № 92–94.
[142] Там же. С. 21–22. № 89, 91.
[143] Там же. С. 12, 85. № 46, 47, 330.
[144] Там же. С. 13–14. № 53–56.
[145] Там же. С. 28. № 122.
[146] Там же. С. 31. № 135.
[147] Там же. С. 20. № 81–84.
[148] НГМ КП 38461/47; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 13. № 53.
[149] НГМ КП 38461/42; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 13. № 55.
[150] НГМ КП 38461/41; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 13–14. № 56.
[151] НГМ КП 38461/48; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 13. № 54.
[152] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 14. № 56.
[153] НГМ КП 38461/41, 47.
[154] НГМ КП 38461/42, 48.
[155] НГМ КП 38461/54, 55, 170.
[156] НГМ КП 30056/248 КР 88; *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк ... Стлб. 54.
[157] Главная книга... Л. 420 об. № 10.
[158] НГМ КП 35129/24; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 22. № 93.
[159] НГМ КП 35129/284, 285, 288, 331, 356, 361, 385, 389, 470.
[160] Акт № 13 от 26. 01. 1981 г. НГМ КП 30226.
[161] Акт № 31 от 29.02.1980 г. НГМ КП 29022–29040; Акт № 46 от 25. 03. 1980 г. НГМ КП 29172/1–10.
[162] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 63–64. № 255–258.
[163] *Лебедев Лев, протоиерей.* Патриарх Никон. Очерк жизни и деятельности // Богословские труды. Сб. 23. М., 1982. С. 178.
[164] Акты Иверского... № 208. Стлб. 552–553.
[165] *Леонид, архим.* Типография Оршанского Кутеинского и Иверского Валдайского монастырей (с 1630 по 1665 гг.) // Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1876. № 11–12. Т. I. С. 92–95.
[166] Акты Иверского... № 349. Стлб. 869.
[167] Там же. № 208. Стлб. 553.
[168] *Яковлева Н.П.* Никоновские колокола и особенности их смыслового значения // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2007. В. Новгород, 2008. С. 107–108.
[169] *Франц Д. Д.* Каталог Никоновского... С. 54. № 226.
[170] Там же. С. 53–54. № 225; С. 55–56. № 225.
[171] РГБ, МК, инв. кир. XV–XVIII вв. – 8573.
[172] *Франц Д. Д.* Каталог Никоновского... С. 55. № 229.
[173] Главная книга.... Л. 474; *Франц.* Каталог Никоновского... С. 67. № 267–268.
[174] *Франц Д. Д.* Каталог Никоновского... С. 51–52. № 215, 216.
[175] Там же. С. 51. № 214.
[176] *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб. 54.
[177] *Франц Д. Д.* Каталог Никоновского... С. 43–45. № 183, 188.
[178] *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб 51.; Главная книга.... Л. 420. № 13.
[179] *Голубев С.Т.* Описание и истолкование дворянских гербов южнорусских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. // Труды Киевской духовной академии, 1872. № 10. С. 373; *Перетц В.Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. М.–Л., 1962. С. 145.
[180] *Леонид (Кавелин), архим.* Исторический очерк... Стлб. 58.
[181] *Итигина Л.А.* Белорусские старопечатные предисловия XVI – первой половины XVII вв. (просветительные тенденции) // Русская старопечатная литература XVI – первой половины XVIII вв. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 31.
[182] Главная книга.... Л. 474–474 об.. № 638–640; *Франц Д. Д.* Каталог Никоновского... С. 68–69. № 274– 276.
[183] *Франц Д. Д.* Каталог Никоновского... С. 68–69. № 274.
[184] НГМ КП 30226/212 КК 375; Главная книга.... Л. 453 об.
[185] ИАХМНИ КП 7148, Б 738, СБ 422; *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 4–5. № 9; Патриарх Никон. Облачения... С. 66; *Рогожкина Е.И.* Личные вещи... С. 53.
[186] *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М., 2007. С. 314.
[187] *Франц Д. Д.* Каталог Никоновского... С. 1–2.№ 1.
[188] *Робинсон А.Н.* Симеон Полоцкий и русский литературный процесс // Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII в. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 37.
[189] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского... С. 47. № 200; С. 65. № 261.

389

Н.А. Кочеляева

КОЛОКОЛЬНЯ ХРАМА ГРОБА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

(По материалам «Православного Палестинского сборника»)

[1] Наиболее подробное изложение истории этого храма на русском языке см.: *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. Глава IV.

[2] *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971. С. 78.

[3] *Муравьев А.Н.* Письма с Востока в 1849–1850 гг. // Прибавления к творениям святых отцев в русском переводе. М., 1849. Ч. 9. С. 256.

[4] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. С. 79.

[5] Хождение архимандрита Агрефенья обители пресвятыя Богородица около 1370 г. // ППС. Т. XVI. Вып. III. Кн. 48. СПб. 1896. С. 3; см. также: Хожение архимандрита Агрефенья обители Пресвятая Богородица // *Малето Е.И.* Антология хожений русских путешественников, XII–XV века. Исследования, тексты, комментарии. М.: Наука, 2005. С. 267.

[6] Хожение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461–1462 гг. // ППС. СПб., 1896. Т. XV. Вып. III. Кн. 45. С. 6.

[7] Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока 1558–1561 гг. // ППС. Т. VI. Вып. III. Кн. 18. СПб., 1887. С. 44.

[8] Рассказ и путешествие по Святым местам Даниила, митрополита Эфесского, между 1493 и 1499 г. // ППС. Т. III. Вып. II. Кн. 8. СПб., 1884. С. 42.

[9] Восемь греческих описаний св. мест XIV, XV и XVI веков // ППС. Т. XIX. Вып. II. Кн. 56. СПб., 1903. С. 145.

[10] Там же. С. 166.

[11] Там же. С. 245.

[12] Три греческие безымянные проскинитария XVI века // ППС. Т. XVI. Вып. I. Кн. 46. С. 41, 44.

[13] Там же. С. 74.

[14] Восемь греческих описаний св. мест XIV, XV и XVI веков // ППС. Т. XIX. Вып. II. Кн. 56. СПб., 1903. С. 203–204.

[15] Проскинитарий по Иерусалиму и прочим святым местам безымянного нач. XVII в. // ППС. Т. XVIII. Вып. III. Кн. 54. СПб., 1901. С. 28.

[16] Проскинитарий по Иерусалиму и прочим святым местам безымянного между 1608–1634 гг. // ППС. Т. XVIII. Вып. II. Кн. 53. СПб., 1900. С. 53–54.

[17] *Арсений Суханов.* Проскинитарий. Ркп. ОР ГИМ. Син. № 575. Л. 190об.–193об. См. также: *Иеромонах Арсений (Суханов).* Обмеры храма Гроба Господня в Иерусалиме из «Проскинитария». Публикация Н.А. Кочеляевой // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М.: «Лето», 2005. С. 343–345.

[18] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание.... С. 74.

Г.М. Зеленская

ЛЕСТНИЦЫ ХРАМА ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

[1] Здесь и далее имеются в виду рисунки францисканского священника и архитектора Бернардино Амико, гравированные в начале XVII в. См.: *Куликова Л.В.* Гравюры начала XVII века с изображением святынь христианской Палестины из собрания музея «Новый Иерусалим» // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. Вып. II. М., 2005. С. 175–185; *Микеле Пичирилло.* Роль францисканцев в перенесении сакральных пространств из Святой Земли в Европу // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума / Редактор-составитель Лидов А.М.. М., 2006. С. 93–95.

[2] *Иеромонах Арсений (Суханов).* Обмеры храма Гроба Господня из «Проскинитария». Публикация Н.А. Кочеляевой // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Вып. II. М., 2005. С. 340. (Далее – «Проскинитарий».)

[3] *Зеленская Г.М.* «Преграды церковные» Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. Вып. I. М., 2002. С. 144–145.

[4] Опись Воскресенского монастыря 1679 года. Список XIX века. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 19. (Далее – Опись 1679 года.)

[5] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871. С. 49.

[6] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. С. 243. (Далее – Историческое описание... 1876.)

[7] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 326.

[8] Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1894. С. 37. (Далее – *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1894.)

[9] Краткое историческое описание о начале и устроении Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. С монастырской рукописи 1750-х годов. СПб., 1876. С. 22.

[10] Устроение придела св. Татианы связано, возможно, с императрицей Елизаветой Петровной, которая «по благоговейному и праведному своему усердию ко святой сей мученице» повелела в 1749 г. «умножить, возобновить и, якоже зрится, украсить» ковчежец с дланью правой руки святой мученицы Татианы — святыней, пожертвованной Воскресенскому монастырю в 1691 г. царевной Татианой Михай-ловной. См.: *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. С. 259.

[11] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. (Репринтное издание). Ч. I. М., 1990. С. 84–85.

[12] Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1995. С. 55.

[13] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1894. С. 37; Ставропигиальный Воскресенский, Новый Иерусалим именуемый, монастырь (Историческое описание). М., 1903. С. 31.

[14] «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Ответственный редактор Г.М. Прохоров. СПб., 2007. С. 46.

[15] Канон Воздвижению Креста Господня. Кондак 6-й песни // Праздничный каноник. М. – СПб., 2000. С. 44.

[16] Канон Вознесению Господню. Икос 6-й песни // Там же. С. 136.

[17] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 243.

[18] Там же. С. 83.

[19] Краткое историческое описание... С. 23.

[20] *Преображенский А., свящ.* Поездка в Новый Иерусалим в связи с воспоминаниями о путешествии в Святую Землю // Ярославские епархиальные ведомости. № 17. 1899. С. 234.

[21] «Проскинитарий». С. 349.

[22] Краткое историческое описание... С. 23.

[23] Ставропигиальный Воскресенский... С. 34. 1903.

[24] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1894. С. 39.

[25] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам... С. 107.

[26] Там же. С. 103.

[27] Из контекста это неясно, но перед тем автор говорит об уничтожении северной лестницы в древнем храме.

[28] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам... Указ. соч. С. 103.

[29] Путешествие... Трифона Коробейникова и Юрия Грекова. С. 58.

[30] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 46. Ед. хр. 81. 1904 г. Л. 90.

[31] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам... Указ. соч. С. 89.

[32] Ставропигиальный Воскресенский... С. 39. 1903.

[33] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам... С. 102.

[34] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 236.

[35] *Голицын С.Н., кн.* Новый Иерусалим. М., 1879. С. 27.

[36] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 71–72.

[37] Там же. С. 233.

[38] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам... С. 103.

[39] *Голицын С.Н., кн.* Новый Иерусалим. С. 15.

[40] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 76.

[41] «Проскинитарий». С. 341.

[42] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 77.

[43] Там же. С. 79.

[44] *Тепфер Л.Э.* Реконструкция Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря на конец XVII века // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Выпуск I. С. 131.

[45] *Витсен Николаас.* Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник. СПб., 1996. С. 182.

[46] Икона «Лабиринт духовный». XVIII в., холст, масло. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». НВФ 16671.

[47] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 87–88.

[48] *Муравьев А.Н.* Указ. соч. С. 55. Писатель перефразировал текст из Священного Писания: «*сеется в тлении, восстает в нетлении*» (1 Кор. 15:42).

[49] Там же. С. 94.

[50] Ставропигиальный Воскресенский... С. 40. 1903.

391

[51] Там же. С. 42.
[52] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 79.
[53] Посольство Кунрада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 165.
[54] «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю. С. 34.
[55] «Проскинитарий». С. 332.
[56] Там же. С. 347–348.
[57] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 72.
[58] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Ие-русалима. С. 159. Надпись на плите частично утрачена. Реконструкция принадлежит А.Г. Авдееву.
[59] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 84.
[60] Путешествие... Трифона Коробейникова и Юрия Грекова. С. 54.
[61] *Муравьев А.Н.* Путешествие... С. 101.
[62] *Белов Иосиф.* Путевые заметки и впечатления по Московской и Тверской губерниям. М., 1952. С. 107.
[63] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1894. С. 42–43; Ставропигиальный Воскресенский... 1903. С. 38.
[64] *Горчакова Е., кн.* Поездка в Новый Иерусалим, Саввин монастырь и город Дмитров. М., 1886. С. 17.
[65] Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1903. С. 251.
[66] *Троицкий В.И.* К истории зодчества на Истре // Историко-архитектурные исследования по б. Воскресенскому монастырю – Новому Иерусалиму в г. Истра Московской обл. М., 1957–1958. Машинопись. С. 78.
[67] *Зеленская Г.М.* Новый Иерусалим. Путеводитель. М., 2003. С. 140.
[68] *Горчакова Е., кн.* Поездка в Новый Иерусалим. С. 17.
[69] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4 (Делопроизводственные книги). Д. 5092. Л. 208.
[70] С XVIII века кровли Воскресенского собора скатные. Ныне выход из главы Подземной церкви ведет на чердак.
[71] «Проскинитарий». С. 333.
[72] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 73.
[73] *Муравьев А.Н.* Путешествие... С. 102.
[74] *Леонид (Кавелин), архим.* Месяцеслов Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1987. С. 20.
[75] Опись церковного и монастырского имущества и книгохранилища Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря 1679 года, учиненная по указу царя и великого князя Феодора Алексиевича Московского и всея России. Список XIX века. Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 19 об.
[76] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 234.
[77] *Муравьев А.Н.* Путешествие... С. 103.
[78] Там же. С. 103–104.
[79] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 78.
[80] Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А.П. Лопухина. Петербург, 1904–1913. 2-е изд. Институт перевода Библии. Стокгольм, 1987. Т. I. С. 165.
[81] «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю. С. 38.
[82] Путешествие... Трифона Коробейникова и Юрия Грекова. С. 76.
[83] РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 57. Л. 34–35; Д. 66. Л. 15 об.
[84] *Поздеева И.В., Давыдкин А.В., Пушков В.П.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. Книга I. М.: Наука, 2007. С. 94.
[85] Понедельник первой седмицы Великого поста. Песнь 4. Четверток первой седмицы Великого поста. Песнь 3. Триодь Постная. Ч. I. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. С. 91, 122.
[86] *Авдеев А.Г.* Старорусская эпиграфика и книжность: ново-иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006. С. 98.

Г.М. ЗЕЛЕНСКАЯ

ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО НАДВРАТНОЙ ЦЕРКВИ ВХОДА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМ ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVII–XIX ВЕКАХ

[1] *Зеленская Г.М.* Новый Иерусалим: Образы дольнего и горнего. М., 2009. С. 113–114.
[2] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. С. 120.

[3] Опись церковного и монастырского имущества и книгохранилища Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря 1679 года, учиненная по указу царя и Великого князя Феодора Алексеевича Московскаго и всея России. Список XIX века. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 176 об. Вид деревянной крепостной стены Воскресенского монастыря запечатлен на чертеже второй половины XVII века. См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4 (Делопроизводственные книги). Д. 5092.
[4] Церковная и ризничная опись Воскресенского монастыря 1875 г. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Оп. 1. Ф. 1. Д. 1877. Л. 118. В «Краткой летописи» надвратной церкви сказано, что она упоминается с 1685 г.
[5] Опись 1685 г., содержащая подробные, с обмерами, сведения о монастырской ограде, упоминает над Святыми вратами, как и Опись 1679 г., только четвероугольную башню. См.: РГАДА. Ф. 1209. (Поместный приказ). Оп. 4. Д. 5092. Л. 189.
[6] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 750.
[7] Там же. С. 751.
[8] Там же. С. 752.
[9] *Ильин М.А.* Зодчий Яков Бухвостов. М., 1959. С. 41.
[10] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... С. 753–754.
[11] Опись 1875 г. Л. 262–263 об. *Зеленская Г.М.* Новый Иерусалим. Путеводитель. М., 2003. С. 108–111.
[12] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 46. Ед. хр. 81. 1904 г. Л. 90.–90 об.
[13] Опись 1875 г. Л. 118.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же. Л. 118–118 об.
[18] Там же. Л. 118 об.
[19] Там же. Л. 119.
[20] Там же. Л. 119 об.
[21] Там же. Л. 120 об.
[22] Там же. Л. 121.
[23] Книга ризничная Воскресенского монастыря 1756 г. (Книга сверочная Описи 1737 года с описями 1751–1755 гг.). Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 216. Л. 155 об.
[24] Там же. Л. 156.
[25] Там же. Л. 156 об.
[26] Там же. Л. 157.
[27] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 193. 1853–1854 гг. Л. 1–12.
[28] Там же. Л. 1.
[29] Там же. Л. 1 об.
[30] Там же.
[31] Там же. Л. 3.
[32] Там же. Л. 4–4 об.
[33] Там же. Л. 9.
[34] Там же. Л. 10–10 об.
[35] Там же. Л. 11.
[36] Там же. Л. 12.
[37] Опись 1875 г. Л. 120.
[38] *Вереи С.В.* Мастера иконостаса собора Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде. М., 2007. С. 30.
[39] Приходно-расходная книга Воскресенского монастыря за 1853 г. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1663. Л. 57.

М. А. Крючкова

РЕМОНТ ШАТРА НАД РОТОНДОЙ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

[1] Музей «Новый Иерусалим». Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1524. Л. 1.
[2] Там же. Д. 1524. Л. 8–8об.
[3] Там же. Д. 1525. Л. 7 об.
[4] Там же. Д. 1525. Л. 8.
[5] Там же. Д. 1526. Л. 2 об.–3.
[6] ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 3. Д. 72. Л. 18 об.–19.
[7] Там же. Л. 20.
[8] Там же. Л. 28.
[9] Музей «Новый Иерусалим». Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1526. Л. 4–9.
[10] Там же. Л. 15.
[11] Там же. Л. 18 об.–19.
[12] Там же. Л. 82–84 об.
[13] Там же. Д. 1528. Л. 5–5об.
[14] Там же. Л. 24.
[15] Там же. Л. 27.
[16] Там же. Л. 32 об.
[17] Там же. Л. 60.
[18] Там же. Л. 21 об.

393

Е.И. Рогожкина

ПРЕДМЕТЫ ЦЕРКОВНОГО ОБИХОДА ИЗ ПРИДЕЛОВ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА, ХРАНЯЩИЕСЯ В ФОНДЕ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ МУЗЕЯ «НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ»

[1] *Зеленская Г.М.* «Новый Иерусалим». Путеводитель. М. 2003. С. 220–221.

[2] Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». КП 6861. Б-744. СБ-186. (Далее – музей «Новый Иерусалим».)

[3] Музей «Новый Иерусалим». КП 6617. Б-613. СБ-25.

[4] Музей «Новый Иерусалим». КП 7135, Б-630, СБ-412.

[5] *Зеленская Г.М.*. «Новый Иерусалим». Путеводитель. М., 2003. С. 276–279.

[6] Музей «Новый Иерусалим». КП 6720. Б-771. СБ-105.

[7] Музей «Новый Иерусалим». КП 7138. Б-710. СБ-415.

[8] Музей «Новый Иерусалим». КП 6618. Б-685. СБ-26.

[9] Музей «Новый Иерусалим». КП 7175. Б-1137. СБ-442.

[10] *Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова-Лосева М.* «Русское золотое и серебряное дело XV–XX веков». М.: «Наука», 1967.

[11] Музей «Новый Иерусалим». КП 7049. Б-606. СБ-346. КП 7050. Б-607. СБ-347.

[12] Музей «Новый Иерусалим». КП 7289. Б-1157. СБ-491.

[13] Музей «Новый Иерусалим». КП 7216. Б-1152. СБ-453.

[14] Музей «Новый Иерусалим». КП 7153. Б-705. СВ-175.

[15] Музей «Новый Иерусалим» КП 7315. КК-XVIII-142. Синодальная типография. М., 1782.

Ю.В. Василькова

РАБОТЫ ЖИВОПИСЦА ПАВЛА СОРОКИНА В НОВОМ ИЕРУСАЛИМЕ

[1] См.: *Юденкова Т.В.* Братья Василий и Павел Сорокины. Попытка реконструкции биографий художников // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сборник статей. Вып. 9 / Ред.-сост. И.В. Рязанцев. М.: НИИ РАХ, 2005. С. 282–296.

[2] Некролог – Новости. № 59. 29 февраля, 1892.

[3] Евграф Семенович Сорокин (1821–1892). См. о нем: *Кузьмина М.Т.* Евграф Семенович Сорокин // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников середины XIX века. М., 1958. С. 475–486; *Погодина А.А.* Сорокин Евграф Семенович // Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 3. Живопись первой половины XIX века. М., 2005. С. 267–269.

Василий Семенович Сорокин (1832–1918). См. о нем: *Юденкова Т.В.* Братья Василий и Павел Сорокины. С. 282–286.

Рафаил Семенович Сорокин – живописец и архитектор. Учился в Академии художеств с 1857-го по 1866 г. В 1861 г. был удостоен звания неклассного художника по живописи, а в 1866 г. получил звание свободного художника-архитектора за программу «Проект здания для женской гимназии на 600 девиц» (*Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник ИАХ. СПб., 1915. С. 187). Других сведений о жизни и творчестве Рафаила Сорокина не обнаружено. В настоящее время известен только один его эскиз (находится в Ярославском художественном музее).

[4] *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет существования. СПб., 1864–1866. Ч. III. С. 83.

[5] *Гаврилов А.* Постановления и распоряжения Св. Синода о сохранении и изучении памятников древности (1850-1880) // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. СПб., 1886. Т. VI. С. 66.

[6] *Гаврилов А.* Постановления и распоряжения... С. 60.

[7] *Баталов А.Л.* Историзм в церковном сознании // Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации / Под ред. А.С. Щенкова. М., 2002. С. 155.

[8] Петр Иванович Севастьянов (1811–1867) – путешественник, коллекционер, археолог. Местом его наиболее плодотворных исследований сделались Палестина, Святая Гора и Рим. На Афон им было организовано несколько экспедиций. В экспедиции 1859–1860 г.г. участвовали фотографы, художники и топографы, прикомандированные к П.И. Севастьянову Академией художеств. Собранные материалы, заключавшиеся в огромном количестве чертежей, планов, прорисей, копий с фресок и фотоснимков с икон и рукописей, были разделены П.И. Севастьяновым на две части. Одна часть поступила в Академию художеств в Петербурге, а другая, включая и личное собрание древних рукописей, была выставлена им в Публичном музее в Москве.

[9] *Боткин М.П.* Александр Иванов. Его жизнь и переписка. СПб., 1880. С. 344. А.А. Иванов. Письмо к брату 12 июня 1858 года из Петербурга: «Сорокина брат едет сегодня из Петербурга, и у него будет свидание с Евграфом Семеновичем в Берлине, откуда вместе двинутся в Рим».

[10] Цит. по: *Юденкова Т.В.* Братья Василий и Павел Сорокины. С. 289.

[11] Старший брат Павла Сорокина художник Евграф Семенович Сорокин тоже стремился побывать на Афоне. Об этом мы знаем из переписки Александра Иванова. В одном из своих писем (23 мая 1858 г.) он интересуется у брата Сергея, что ему известно о предполагаемой поездке Евграфа Сорокина на Афонскую гору, поскольку Сорокин писал Великой княгине Марии Николаевне, что получил уже на эти цели казенное содержание. В письме от 12 июня 1858 года А. Иванов сообщает, что на просьбу князя Гагарина выдать Е.С. Сорокину и Ф.И. Бронникову задаток за росписи в церкви св. Александра Невского в Париже, «чтобы на эти деньги отправить их на Афон», настоятель храма о. Иосиф (Васильев) ответил отказом, сославшись на недостаточность своих полномочий. (См.: *Боткин М.П.* Александр Иванов. Его жизнь и переписка. 1880. С. 327, 343).

[12] Цит. по. *Юденкова Т.В.* Братья Василий и Павел Сорокины. С. 290.

[13] РГАЛИ. Ф. 680. Оп.1. Ед. хр. 238. Годовые отчеты *П.С. Сорокина* в МХО. Л. 132.

[14] Цит. по: Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. М., 1886. С. 181–182.

[15] РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Ед. хр. 238. Годовые отчеты *П.С. Сорокина* в МХО. Л. 132.

[16] Книга вышла в свет лишь в 1890 г. (СПб.) под авторством протоиерея Павла Матвеевского и с названием «Евангельская история о Боге Слове, Сыне Божием» (2-е изд. М., 1912. 802 с.). В настоящее время книга с первоначальным названием и с приложением ряда подробностей истории ее составления и издания готовится к выпуску редакцией альманаха «К Свету».

[17] Степан Иванович Пономарев (1828–1913) – украинский и русский филолог, библиограф, краевед, публицист. В 1852 г. окончил Киевский университет. Сотрудничал и печатался в журналах «Отечественные записки», «Киевская старина», газете «Киевлянин». Составил библиографические указатели литературы о М.В. Ломоносове, Н.М. Карамзине, И.А. Крылове, А.С. Грибоедове, П.А. Вяземском, Н.В. Гоголе и других. Редактировал посмертное издание стихотворений Н.А. Некрасова и составил к ним обширные и ценные историко-литературные примечания. Из других библиографических работ С.И. Пономарева следует особо отметить «Указатель неофициального отдела Киевских епархиальных ведомостей за десятилетие их издания, 1861–1870». В письмах к о. Леониду (Кавелину) 1875 г. С.И. Пономарев рассказывает о своем путешествии по Святой Земле (ОР РГБ. Ф. 148. К. 9. Ед. хр. 7).

[18] РГАЛИ Ф. 402 (С.И. Пономарев). Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1–59. Письмо от 15 янв[аря] 73, Москва. Л. 36, 36 об., 37.

[19] Там же. Письмо от 10 апреля 1873 года, Москва. Л. 38, 38 об, 39, 39 об.

[20] Известно, что даже некоторые списки с афонских чудотворных икон, не поместившиеся в первой часовне, хранились в доме о. Арсения вплоть до возведения второй Афонской часовни. Это новое большое здание было построено на пожертвования москвичей также на Никольской улице в 1883 году.

[21] Эти сведения были сообщены игумену Петру (Пиголю) виднейшим исследователем Афона церковным историком архимандритом Иннокентием (Просвирниным) в 1992 г.

[22] *Юденкова Т.В.* Братья Василий и Павел Сорокины. С. 290.

[23] Фотография опубликована: Святая гора Афон. М., 1998. С. 128.

[24] Там же. С. 141.

[25] Фотография опубликована: *Булгаков Ф.И.* Наши художники. Т. II. СПб., 1890. С. 182.

[26] Есть также предположение, что на афонской фотографии запечатлен и художник А.П. Боголюбов (первый слева во втором ряду человек в офицерской форме), который, как известно из его воспоминаний, сопровождал в морских путешествиях Великого князя Алексея Александровича. Сохранилось множество изображений знаменитого пейзажиста, подтверждающих нашу гипотезу. Приближенный к членам Императорской фамилии, Алексей Боголюбов сыграл заметную роль в жизни братьев Евграфа и Павла Сорокиных. В 1858 г. он буквально «отбил» для них заказ

395

на роспись парижской церкви святого благоверного князя Александра Невского. Несколько лет спустя именно Боголюбов устроил Евграфу Семеновичу личное знакомство с будущим императором Александром III, вследствие чего художник получил заказ на исполнение образов для иконостаса в церкви Аничкова дворца, личной резиденции цесаревича.

[27] Источник любезно указан редакционной коллегией альманаха «К Свету».

[28] ОР РГБ. Ф. 148 (архимандрит Леонид (Кавелин)). Картон 7. Ед. хр. 40. Л. 1–119 об. Л. 43, 43 об., 44, 44 об.

[29] При российском посольстве в Константинополе было две домовых церкви. Одна из них, освященная в честь святых равноапостольных царей Константина и Елены в 1818 г., располагалась в Буюк-дере, на западной стороне Босфора, в летней загородной резиденции посла. В настоящее время от бывшей резиденции остались лишь развалины, а деревянная церковь разрушена до основания. Церковь святителя Николая была освящена в 1845 г. и занимала одно из помещений непосредственно в здании посольства, расположенном также на западном берегу Босфора, в квартале Пера. В настоящее время в этом здании помещается русское консульство, церковь ныне не существует.

[30] Все выписки в статье приведены в оригинальной орфографии и пунктуации, заменены лишь неупотребляемые ныне буквы и опущен «ъ» на концах слов.

[31] ОР РГБ. Ф. 148 (архимандрит Леонид (Кавелин)). Картон 7. Ед. хр. 9. Л. 1–131 об., Л. 13, 13 об. 14, 14 об.

[32] Там же. Л. 15, 15 об., 16, 16 об. Письмо от 9 декабря 1867 г.

[33] Там же. Л. 17, 17 об., 18, 18 об. Письмо от 10 января 1868 г.

[34] Согласно церковному календарю, в 1868 г. День Святой Троицы (Пятидесятница) праздновался 19 мая (по старому стилю).

[35] Цит. по: *Коробко Ю.А.* Афонский старец-духовник иеросхимонах Иероним (Соломенцев) и архимандрит Леонид (Кавелин) // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей / Ред.-сост. *Зеленская Г.М.* М., 2002. С. 221.

[36] РГАЛИ. Ф. 680. МУЖВиЗ. Оп. 1. Ед. хр. 238. Годовые отчеты П.С. Сорокина в МХО. Л. 33.

[37] *Зеленская Г.М., Святославский А.В.* Некрополь Нового Иерусалима. М.: Древлехранилище, 2006. С. 69–70.

[38] Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) – граф, директор азиатского департамента министерства иностранных дел, посол в Турции, министр государственных имуществ, министр внутренних дел, член Государственного Совета, председатель Славянского Благотворительного Общества. В его личном архиве сохранились письма Аркадия и Любови Суворовых (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 3935, 3936, 3937).

[39] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 3027. Письма о. Иеронима. Ед. хр. 3358. Письма о. Макария.

[40] С 1867 года по просьбе российского посла графа Н.П. Игнатьева на клиросе посольских церквей постоянно пели несколько насельников Пантелеимонова монастыря (как правило, от двух до четырех), часть из них содержалась монастырем, часть – посольством. (ОР РГБ. Ф. 148. К. 6. Ед. хр. 45. Письмо о. Иеронима и о. Макария к Н.П. Игнатьеву от 29 ноября 1867 года. Л. 1, 1 об, 2, 2 об.)

[41] РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Ед. хр. 32. Новый Иерусалим. Воскресенский монастырь. Опись 1875 года. Черновик рукописи хранится в музее Нового Иерусалима. Л. 151, 152, 152 об. Источник любезно указан Г.М. Зеленской.

[42] См. *Приложение*.

[43] РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Ед. хр. 32. Новый Иерусалим. Воскресенский монастырь. Опись 1875 года. Черновик рукописи хранится в музее Нового Иерусалима. Л. 151, 152, 152-об.

[44] Фотография воспроизведена в кн.: *Зеленская Г.М.* Новый Иерусалим. Путеводитель. М., 2003. С. 308.

[45] ОПИ ГИМ. Ф. 235. Ед. хр. 4. Дело по канцелярии главного архитектора комиссии по постройке Храма Христа Спасителя в Москве. О живописных работах. Т. V. Л. 39, 39 об. 40.

[46] Там же.

[47] *Епископ Порфирий (Успенский)* (1804–1885) – выдающийся представитель Русской Православной Церкви, востоковед, путешественник, переводчик Библии, знаменитый археолог, исследователь христианского Востока, создатель первой Русской Духовной миссии в Иерусалиме, автор многих сочинений и переводов. В середине 1845 г. еп. Порфирий отправился на Афон, где пробыл до июня 1846 г., посетив все афонские монастыри и тщательно изучив их библиотеки. Он составил подробный список рукописей, хранящихся на Афоне, а многие из них даже переписал. Результатом этой поездки явился его труд «История Афона» в трех частях (1877–1892 гг.), охватывающий период с древнейших времен до середины XIX века. В 1858–1859 годах он предпринял второе путешествие на Святую Гору с целью изучения храмовой живописи, в результате появилась его статья «Зографическая летопись Афона и мое суждение о тамошней живописи» (1884).

[48] *Порфирий (Успенский), еп.*, История Афона. М., 2007. Т. I. Ч. III. Глава 21; Зографическая летопись Афона и мое суждение о тамошней живописи. С. 931.

Феофан – живописец, прибывший на Афон с острова Крит вместе с сыном Симеоном. Расписал в 1535 г. в Лавре св. Афанасия Афонского соборный храм и трапезу (вместе с сыном), а в 1546 г. соборный храм в Ставроникитском монастыре.

Мануил Панселин – солунский художник, «полуисторическая» личность, оставившая по себе очень громкую славу на Афоне, но, к сожалению, слишком скудные сведения о своем происхождении, об обстоятельствах жизни и своих трудах. Еп. Порфирий (Успенский), специально занимавшийся фресками Панселина, считал, что ему принадлежат росписи в следующих афонских храмах: Карейского собора (1535–1536 гг.), церкви в прикарейской келье Моливоклися (1537 г.), соборном храме Старого Руссика (между 1554 и 1574 г.), собора в Хиландаре (между 1571 и 1582 г.). В современном искусствознании вопрос о времени жизни Панселина (его относят к XIV в.) и о принадлежности ему этих фресок считается открытым: возможно, в Протате работала целая бригада солунских мастеров (*Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 174, 258). По мнению специалистов, «общепризнанная заслуга Панселина заключается именно в том, что он сумел сообщить особую красоту и выразительность существующим типам, не отнимая их силы, не изменяя их сущности и мало посягая даже на внешнюю оболочку их» (*Никольский Л.Д.* Краткий очерк Афонской стенной живописи. Ч. 2. СПб., 1908, С. 96).

[49] *Порфирий (Успенский), еп.* Зографическая летопись Афона... С. 931.

[50] Еп. Порфирий писал об иконе Иисуса Христа работы одного из учеников Никифора монаха Митрофана: «Я видел ее. Кисть академическая!» (*Порфирий (Успенский), еп.* Зографическая летопись Афона.. С. 933).

[51] В настоящее время Андреевский скит принадлежит монастырю Ватопед.

[52] Иеромонах Василий (1825–1878) – живописец, прекрасный чтец и знаток нотного пения. Его мирское имя Владимир Селезнев, уроженец Воронежа, прибыл на Афон в 1851 году, в мантию пострижен в 1852 г., в схиму – в 1877 г. (*Иеросхимонах Мина (Буданов)*. Каталог умерших отцов. Копия документа хранится в частном собрании). Справка предоставлена редакционной коллегией альманаха «К Свету».

Некоторое представление о работах о. Василия еп. Порфирий все же имел: «В 1854 году в Руссике русский живописец Василий изрядно написал лики Спаса и Богоматери на стене в литийном притворе соборного храма» (*Порфирий (Успенский), еп.* Зографическая летопись Афона... Соч. С. 930).

[53] *Порфирий (Успенский), еп.* Зографическая летопись Афона... С. 937. Просопография – сказания о внешнем виде Богочеловека, Его Матери и святых (примечание – еп. Порфирия).

[54] Там же. С. 943.

[55] На VI Вселенском Соборе (Константинополь, 681 г.) 82-м правилом был установлен запрет на всякого рода символические изображения Христа в виде Агнца; на VII Вселенском Соборе (Никея, 787 г.) было вынесено постановление о неизобразимости Бога Отца (Деяния Вселенских Соборов. Т. IV. VI собор. VII собор. СПб., 1996. С. 293–294).

[56] Появление «Троицы Новозаветной» в иконографическом типе «Сопрестолие» в русских иконах XVI в. связывают с влиянием западноевропейского искусства. Самыми ранними примерами являются образ на наружной восточной стене Успенского собора Московского Кремля и часть большой композиции Страшного Суда в том же соборе (1513–1515 гг.; 1642–1643 гг.). Среди наиболее известных — новгородская икона «Страшный Суд» (ГТГ, инв. 14458, вторая половина XVI века), а также «Четырехчастная» икона из Благовещенского собора в Москве (вторая половина XVI в.).

[57] Подробнее об этом см. в кн.: *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. М., 1997. С. 441–493.

[58] Русский живописец Филипп Андреевич Малявин (1869–1940 гг.) с 1885 г. был послушником в монастыре святого Пантелеимона на Афоне и работал в иконописной мастерской.

[59] *Успенский Л.А.* Богословие иконы... С. 524.

[60] В 1880 г. Святейшим Синодом было вынесено определение, в котором «было признано весьма полезным посредничество Императорской Академии художеств между заказчиками и художниками при устроении целых иконостасов, отдельных киотов и образов» (Цит. по: *Успенский Л.А.* Богословие иконы... С. 529).

[61] *Новицкий А.П.* История русского искусства. М., 1899–1903. Т. 2. С. 245.

[62] Там же. С. 245.

[63] Цит. по: *Успенский Л.А.* Богословие иконы... С. 538.

Примером может послужить икона XVIII в. «Лабиринт духовный» (в экспозиции историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим»).

Г.М. Зеленская

ВОСКРЕСЕНСКИЙ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОНАСТЫРЬ В XVII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

[1] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871. С. 42.

[2] Опись Воскресенского монастыря 1679 года. Список XIX века. Историко-архитектурный и художественный музей »Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 173–174 об. (Далее – Опись 1679 года.)

[3] Вместе с насельниками приписных монастырей и пустыней число братии составляло около четырехсот человек. См.: *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. С. 132. (Далее – *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876.)

[4] *Святейший Патриарх Никон.* Духовное завещание-устав / Публикация *С.К. Севастьяновой* // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. Вып. II. М., 2005. С. 319–320.

[5] ГИМ. ОР. Собрание И.А. Вахрамеева. № 451. Список конца XVII в. Л. 117–119 об. См. публикацию в настоящем сборнике: *Авдеев А.Г.* Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII – начале XVIII века.

[6] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 323.

[7] ГИМ ОР. Собрание И.А. Вахрамеева. № 451. Л. 108–109. См. публикацию в настоящем сборнике: *Авдеев А.Г.* Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII – начале XVIII в.

[8] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. С. 106–107.

[9] Там же. С. 108.

[10] Историческое описание... 1876. С. 111–112.

[11] *Богословский М.М.* Имущество архимандрита Воскресенского монастыря Никанора 1686–698 // ТрГИМ. Вып. 139: Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 307–308.

[12] Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.), собранные архимандритом Леонидом // РИБ. Т. V. СПб., 1878 Стлб. 964–967.

[13] *Богословский М.М.* Имущество архимандрита Воскресенского монастыря Никанора. С. 309–310.

[14] ГИМ ОР. Воскресенское собрание. № 65. Л. 27; Там же. № 67. Л. 18.

[15] *Авдеев А.Г.* Старорусская эпиграфика и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006. С. 76–77.

[16] *Зеленская Г.М.* Герман // Православная энциклопедия. Т. XI. Георгий – Гомар. М., 2006. С. 239.

[17] Это мнение было высказано А.Г. Авдеевым в первом варианте его статьи «Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII – начале XVIII века», опубликованной в настоящем сборнике. В процессе подготовки статьи к печати автор снял свои возражения.

[18] Там же.

[19] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стлб. 288–289.

[20] С этими выводами согласен в настоящее время и публикатор «рода архимандрита Германа» А.Г. Авдеев.

[21] *Зеленская Г.М., Святославский А.В.* Некрополь Нового Иерусалима. М., 2006. С. 326.

[22] Известие о рождении и воспитании... С. 97.

[23] *Леонид (Кавелин), архим.* Месяцеслов Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1870. С. 54–55.

[24] Там же. С. 56.

[25] Русский биографический словарь. Т. 11. СПб., 1900. С. 83–84.

[26] *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные архиереи. 992–1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. I. С. 65. (Далее – Русские православные архиереи.)

[27] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. Второе издание. М., 1894. С. 21. (Далее – *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1894.)

[28] Главная церковная и ризничная опись Воскресенского монастыря. Историко-архитектурный и художественный музей »Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1877. Л. 233 об. –234.

[29] Музей «Новый Иерусалим». КП 1249. ТЦ-214.

[30] *Хромов О.Р., Топурия Н.А.* Описание Иерусалима Симона Симоновича и Христофора Жефаровича в русских лубочных изданиях. М.: Скрипторий, 1996. С. 6–8.

[31] Шитье иеродиакона Христофора хранится ныне в музеях России, в ризнице Патриаршей капеллы в Белграде (епитрахиль 1752 г.), в православной церкви в Пеште (плащаница ок. 1752 г). См.: *Лазарь Миркович.* Искусство церковного шитья // «Убрус». Вып. 2. 2004. С. 42. Ил. 5.

[32] Русские православные архиереи. Т. I. С. 142–144.

[33] РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 1762. Л. 1–36.

[34] Там же. Л. 31.

[35] Там же. Л. 6 об–7

[36] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. С. 348–350.

[37] *Зеленская Г.М.* Земной путь епископа Амфилохия (Казанского) // Журнал Московской Патриархии. № 9. 1993. С. 26–31.

[38] *Леонид (Кавелин), архим.* Месяцеслов... С. 3.

[39] Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1877. Список черновой, ветхий, с ошибками и утратами листов. Чистовой, более полный и прекрасно сохранившийся список описи 1875 года находится в РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 32.

[40] Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, издаваемый под редакцией Г. Д. Филимонова. 1874–1876 гг. № 11–12. М., 1876. Раздел «Смесь». С. 84–87.

[41] *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873.

[42] *Леонид (Кавелин), архим.* Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. Справочная книжка по русской агиографии. М., 1891. С. 128–129, под № 512.

[43] *Зеленская Г.М.* Архимандрит Леонид (Кавелин). К 100-летию со дня преставления // Глаголы жизни. Православный журнал. М., 1991. № 1. С. 30.

[44] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. С. 359–360.

[45] *Зеленская Г.М.* Архимандрит Леонид (Кавелин). С. 33.

[46] После кончины своего старца Кавелин издал «Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти старца Оптиной пустыни иеромонаха Макария, составленное Оптиной же пустыни иеромонахом Л<еонидом>». М., 1861.

[47] *Коробко Ю.А.* Афонский старец-духовник иеросхимонах Иероним (Соломенцов) и архимандрит Леонид (Кавелин) // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». 2002. С. 220.

[48] *Никон (Рождественский), архиеп.* Православие и грядущие судьбы России / Сост. Священник Я. Шипов. М.: Сретенский монастырь; «Ковчег», 2001. С. 332–334.

[49] Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1866. Л. 11–12.

[50] Великая стража. Книга первая. Иеросхимонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М., 2001. С. 768.

[51] *Коробко Ю.А.* Афонский старец-духовник иеросхимонах Иероним... С. 222.

[52] Послужной список архимандрита Вениамина за 1881 год. – Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1901. Л. 6.

[53] Здесь и далее использовано изд.: *Беловолов Геннадий, протоиерей.* Архимандрит Вениамин (Поздняков) – первый духовный наставник игумении Таисии Леушинской // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2005. Вып. II.

[54] В этом доме с 2002 г. находится церковный Музей игумении Таисии Леушинской.

[55] *Игумения Таисия Леушинская.* Келейные записки. СПб., 2004. С. 198. (Далее – Келейные записки.)

[56] Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX веков. Октябрь. М., 1909. С. 311.

[57] Келейные записки. С. 134–135.

[58] Там же. С. 198.

[59] Список монашествующих, послушников указных и временно живущих на испытании Ставропигиальнаго Воскресенскаго, Новый Иерусалим именуемаго, монастыря за 1889 год. Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 2011. Л. 4–8.

[60] *Голицын С.Н., кн.* Новый Иерусалим. М., 1879. С. 6–8.

[61] *Преображенский А., свящ.* Поездка в Новый Иерусалим в связи с воспоминаниями о путешествии в Святую Землю // Ярославские епархиальные ведомости. № 21. 1899. С. 299.

[62] Там же. № 15–16. 1899. С. 238.

[63] Там же. № 19. 1899. С. 284–285.

[64] Дело об определении иеродиакона Костромского Ипатьевского монастыря Далмата на годичное испытание в Воскресенский монастырь. Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1951; Список монашествующих... за 1889 год. Л. 4 об.

[65] Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1977.

[66] Дело о передаче монастырского имущества от бывшего казначея Анастасия новому, иеромонаху Далмату. Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 2081; Дело об увольнении казначея иеромонаха Далмата и назначении казначеем иеромонаха Нила. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2089.

[67] Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д.

[68] 1911 г. Дело о смерти иеромонаха Далмата. Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 2181.

[69] Ведомость о монашествующих, бельцах и послушниках ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря за 1875 год. Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1848. Л. 28. Сведения о рукоположении монаха Диодора в иеродиаконы приписаны карандашом.

[70] Список монашествующих... за 1889 г. Музей »Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1848. Л. 3 об.

[71] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 99. Л. 8.

[72] Дело о пожертвовании в Воскресенский монастырь великим князем Сергием Александровичем Палестинских святынь (от 28 октября – 19 ноября 1889 г.). Музей «Новый Иерусалим».

399

Ф. 1. Оп. 1. Д. 2007. Л. 2.

[73] Там же. Л. 3 об.

[74] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 99. Л. 7.

[75] *Зеленская Г.М., Святославский А.В.* Некрополь Нового Иерусалима. С. 104–105.

[76] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 99. С. 198–200.

[77] Там же. Л. 15.

[78] Там же. Л. 12.

[79] Там же. Л. 14 об.

[80] Официальный отдел Московских епархиальных ведомостей. № 2 от 17 января 1893 г.

[81] Официальный отдел Московских епархиальных ведомостей. № 15 от 9 мая 1893 г.

[82] Московские церковные ведомости. № 43 от 24 октября 1893 г. С. 564.

[83] *Зеленская Г.М., Святославский А.В.* Некрополь Нового Иерусалима. С. 126.

[84] Житие священномученика Серафима (Чичагова). СПб., 2000. С. 60.

[85] Там же. С. 105.

[86] *Зеленская Г.М., Святославский А.В.* Некрополь Нового Иерусалима. C. Die Russishen Orthodoxon Bischofe von 1893 bis 1965 Bio Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemesevskij) bis zur Gagenwart erganzt von P. Coelstin Patock OSA Teil IV. Band 23. Erlangen, 1986. T. VI. S. 72.

[87] *Николай Михайлович, вел. кн.* Русский провинциальный некрополь. Т. I. М., 1914. С. 368.

[88] Настоятели Ново-Иерусалимского монастыря и события во время их управления // Истринская земля. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. С. 780–781.

[89] По другим источникам – 27 февраля 1920 г.

[90] *Седов. Д.А.* Настоятели и наместники Саввино-Сторожевского монастыря (биографические материалы) // Саввинские чтения. 2006. Сборник трудов научной конференции по истории Звенигородского края. Звенигород, 2007. С. 183–184.

[91] Приходно-расходная книга за 1910 г. Музей «Новый Иерусалим». Оп. 1. Д. 2168. Л. 65, 73, 85.

[92] Дело о реставрации икон и стенной живописи в приделах подземной церкви, в скиту Патриарха Никона и Елеонской часовне. 1910 г. Музей «Новый Иерусалим». Оп. 1. Д. 2176; Книги прихода и расхода денежных сумм. Д. 2188; 2189. Л. 66.

[93] Счета за январь — июнь 1909 г. Музей «Новый Иерусалим». Оп. 1. Д. 2163.

[94] Настоятели Ново-Иерусалимского монастыря... С. 781.

[95] Послужной список епископа Орловского и Севского Александра. 31 октября 1909 г. Музей «Новый Иерусалим». Оп. 1. Ф. 6. Д. 8. Л. 1–7.

[96] РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 77.

[97] *Шленов В.* Перед вратами вечности // Митрополит Трифон (Туркестанов). «Любовь не умирает...». Из духовного наследия. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. 2007. С. 14.

[98] *Митрополит Трифон (Туркестанов).* Проповеди и молитвы. Материалы к жизнеописанию // Сост. Афиноген (Полесский), иером. М.: Сретенский монастырь. Новая книга. Ковчег, 1999. С. 23.

[99] *Филяновский Игорь, иерей.* «Слава Богу за все...». Жизненный путь митрополита Трифона (Туркестанова) // Журнал «Подъём». 2004. № 6. http://www.pereplet.ru/podiem/n6-04/Filian.shtml

[100] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание... 1876. С. 550.

[101] *Трифон (Туркестанов), митр.* Пещное действо // Митрополит Трифон (Туркестанов). «Любовь не умирает...». С. 500.

[102] *Цыпин Владислав, прот.* История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 16.

[103] [*Зеленская Г.М.,*] *Архиепископ Никон (Рождественский)* // Даниловский благовестник. М., 1992. № 1 (2). С. 61.

[104] По данным из послужного списка, архиепископ Иоаким родился в с. Драбовка Черкасского уезда Киевской губернии в семье дьячка. См: Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иоаким (Левитский) // Святители земли Нижегородской / Авторы-состав. игумен Тихон (Затёкин), О.В. Дёгтева. Нижний Новгород, 2005. С. 204.

[105] Там же. С. 204–214.

[106] Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы... М., 1994. С. 162.

[107] Во власти Губчека. М., 1996. С. 73–74.

[108] Истринская земля. С. 74–76.

[109] [*Зеленская Г.М.*]. Новый Иерусалим. Хроника церковной жизни. Лето от Рождества Христова 1994-е. М.: Издание Ставропигиального Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. М., 1995. С. 22–24.

[110] *Зеленская Г.М.* Реставрационные и научно-исследовательские работы по Воскресенскому собору во 2-й половине 1990-х годов // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. М., 2002. С. 185–204.

В.П. Гришин

РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

[1] *Гришин В.П.* История изучения и реставрации изразцового убранства Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. М., 2002. С. 163–170; *Черненилова Л.М.* Реставрация Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Там же. С.171–184; *Зеленская Г.М.* Реставрационные и научно-исследовательские работы по Воскресенскому собору во 2-й половине 1990-х годов // Там же. С. 185–204.

[2] Дымовые трубы, приспособленные под вентиляцию, представляют собой реконструкцию архитектора И.Ю. Коровина по аналогу дымников конца XVII века в Московском Новодевичьем монастыре.

Игумен Феофилакт (Безукладников)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО СТАВРОПИГИАЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ. ПРОБЛЕМЫ, ПРИОРИТЕТЫ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

[1] *Зеленская Г.М.* Образы дольнего и горнего. М., 2009. С. 108–110.

[2] «Скит монаха в стиле Рублевки» // Культура. № 39 от 8–14 октября 2009 г. С. 3.

[3] Новгородский хронограф XVII в. // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 296.

[4] Из странствия Стефана Новгородца // *Малето Е.И.* Антология хожений русских путешественников XII–XV века. М.: Наука, 2005. С. 254.

[5] *Кондаков Н.П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. М.: Индрик, 2006. С. 122.

[6] *Аполлос (Байбаков), архим.* Исторические достопамятности о начале и происшествиях ставропигиального Воскресенского монастыря, нареченного Новым Иерусалимом. Сочинил Архимандрит Аполлос. 1777. Рукопись. ЦГИА. Ф. № 834 Синода. Оп. 1. Д. 1762. Л. 6 об. –7.

[7] *Зеленская Г.М.* Елеонская часовня в Новом Иерусалиме // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник научных статей. Выпуск. II. М., 2005. С. 233–246.

[8] *Тихон (Затёкин), игумен.* Крестовоздвиженская часовня-крест Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник научных статей. Выпуск. II. М., 2005. С. 247–251.

[9] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 115–122.

[10] *Севастьянова С.К.* Традиции келейной исихастской литературы в монастырском уставе преподобного Иосифа Волоцкого и их развитие в трудах Патриарха Никона // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Сборник статей. М., 2008. С. 88–90.

[11] Рай мысленный / Перевод с церковнославянского Ю.А. Зинченко. Автор-составитель В.С. Белоненко. СПб., 1999. С. 22.

[12] Опись Воскресенского монастыря 1685 года. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5092. Л. 214 об. – 215.

[13] *Гришин В.П.* История изучения и реставрации изразцового убранства Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. М., 2002. С. 166.

[14] *Иоанн (Крестьянкин), архим.* Проповеди. М., 1993. С. 19.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 20.

[17] См., например, икону «Вертоград заключенный». Иконописец Никита Павловец (Ерофеев Никита Иванов Павловец), ок. 1670 г., ГТГ.

[18] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. С. 193.

С.К. Севастьянова

«ВОЗРАЖЕНИЕ ИЛИ РАЗОРЕНИЕ СМИРЕННАГО НИКОНА, БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ПАТРИАРХА, ПРОТИВО ВОПРОСОВ БОЯРИНА СИМЕОНА СТРЕШНЕВА, ЕЖЕ НАПИСА ГАЗСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ПАИСИЮ ЛИКАРИДИУСУ И НА ОТВЕТЫ ПАИСИОВЫ». ВОЗРАЖЕНИЕ 13-ГО ВОПРОСА И ОТВЕТА

[1] Библиографию работ о Патриархе Никоне см.: *Бубнов Н.Ю.* Никон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2: И – О. С. 400–404; *Румянцева В.С.* Патриарх Никон в отечественной историографии периода ее становления: конец XVIII — середина XIX века // Вопросы истории. М., 2005. № 10. С. 156–161; *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона» / Отв. ред. чл. корр. РАН Е.К. Ромодановская. СПб.:

401

Дмитрий Буланин, 2003. С. 459–483; *Шмидт В.В.* Никоноведение: библиография, историография и историософия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М.: РАГС, 2008. № 3–4 (44–45).

[2] *Шмидт В.В.* Религиозно-философские воззрения и система богословия Патриарха Никона. Автореферат диссертации на соискание ученого звания кандидата философских наук. М., 2000; Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации. Автореферат диссертации на соискание ученого звания доктора философских наук. М., 2007; *Воробьева Н.В.* Историко-канонические и богословские воззрения патриарха Никона. Автореферат диссертации на соискание ученого звания доктора философских наук. Омск, 2009.

[3] *Берх В.Н.* Царствование царя Алексея Михайловича: В 2 ч. СПб., 1831. Ч. 1. С. 76, 199, 200–305; Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. IX; *Макарий, митр. Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 279–280, 431–432.

[4] Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. докум. Н.А. Гиббенет. СПб., 1884. Ч. 2. С. 179.

[5] *Румянцева В.С.* Патриарх Никон и Стефан Внифантьев: к постановке вопроса о церковных реформах 50-х годов XVII в. // Патриарх Никон и его время: Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2004. С. 217–226.

[6] *Полознев Д.Ф.* Архиерейский корпус при патриархе Никоне и конфликты в нем // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. 10. С. 38–64.

[7] *Севастьянова С.К.* Материалы... С. 339–403; Духовное завещание патриарха Никона // Патриарх Никон и его время: Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2004. Труды ГИМ. Вып. 139. С. 226–247; Окружное послание патриарха Никона о Кийском кресте // Вестник Красноярского государственного университета. Красноярск, 2005. № 6. Сер.: Гуманитарные науки. С. 103–109; Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты / Науч. ред. чл.-корр. РАН Е.К. Ромодановская. М.: Индрик, 2007; Литературно-публицистическое наследие патриарха Никона: принципы работы автора середины – второй половины XVII века. Автореферат диссертации на соискание ученого звания доктора философских наук. Новосибирск, 2009; и др.

[8] По наблюдениям В.Б. Туминой, характер повествования патриарха Никона в «Возражении», отражающий его выразительную и пылкую устную речь, близок стилистической манере Ивана Грозного. См: *Тумина В.Б.* Краткое филологическое описание // Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation» [«Возражение или разорение смиреннаго Никона, Божиею милостию патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисиовы», 1664 г.] / Edited, with introduction and notes by Valerie A.Tumins and George Vernadsky. Berlin – New York – Amsterdam, 1982. С. 68–73.

[9] На близость художественной системы Патриарха Никона и писателей «московской школы», идеологов раннего старообрядчества – Аввакума, дьякона Федора, Авраамия и др. – впервые указала Е.К. Ромодановская. См: *Ромодановская Е.К.* Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1990. С. 58–64. А.С. Елеонская сравнила сочинения патриарха Никона и авторов, принадлежащих к противоположной Никону литературной традиции, которые были сторонниками сильной самодержавной власти московского царя. См: *Елеонская А.С.* Полемика о «царстве» и «священстве» в русской публицистике 50–60-х годов XVII века // Очерки по истории русской литературы / Под ред. проф. И.А. Ревякина. М., 1967. Ч. 1. (Ученые записки МГПИ. № 256). С. 61–71; Русская публицистика второй половины XVII века. М.: Наука, 1978. С. 29–60.

[10] *Севастьянова С.К.* Библейская цитата и фрактата в посланиях патриарха Никона царю // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте / Отв. ред. акад. РАН Н.Н. Покровский / Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск: Наука, 2008. С. 244–259; *Она же.* Книга Кормчая в эпистолярных сочинениях патриарха Никона // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Четвертой межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2009. С. 129–133.

[11] Выводы Н.В. Воробьевой в работах об источниках «Возражения» требуют, по моим наблюдениям, тщательной проверки, они не всегда верны. См.: *Воробьева Н.В.* Святые отцы-каппадокийцы в богословии патриарха Никона // Омский научный вестник. 2009. Сер.: Общество. История. Современность. № 4 (79). С. 111–118; *Она же*. «Кормчая» как источник «Возражения или Разорения» патриарха Никона // Вестник Тамбовского гос. унив-та. 2008. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 12 (68). С. 279–285; *Она же*. Византийские истоки воззрений патриарха Никона // Известия Алтайского гос. унив-та. Сер.: История, политология. 2008. Вып. 4/3. С. 42–52; *Она же*. Откровение Св. Иоанна Богослова в «Возражении или разорении...» Патриарха Никона // Омский научный вестник. 2006. № 9 (47). Декабрь. С. 14–21.

[12] *Севастьянова С.К.* Особенности текстопостроения духовно-назидательных сочинений патриарха Никона // Культура и текст: Культурный смысл и коммуникативные стратегии: Сб. науч. ст. / Под ред. Г.П. Козубовской. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 88–101.

[13] Существуют следующие точки зрения: после 18 июля 1663 года – *Вернадский Г.* Введение // Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation». С. 43; 1664 год – *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи: В 3 ч. Репринт с изд. 1931, 1934, 1938 гг. М., 1995. Ч. 3. С. 109; вскоре после 15 августа 1662 года – Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. докум. Н. Гиббенет. СПб., 1884. Ч. 2. С. 34–40, 41, 591–592; после 12 декабря 1663 года (когда вышло московское издание Библии), но до 13 января 1665 года (дата приезда в Воскресенский монастырь чудовского архимандрита Иоакима) – *Ундольский В.М.* Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича: Новые материалы для истории законодательства в России // Русский архив. 1886. Кн. 2. № 8. С. 616; 1662 год – *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 194–195; *Иоанн, митр. С.-Петербургский и Ладожский.* Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 221. Без объяснения причин современные историки время написания «Возражения» обозначают любой датой в периоде 1662–1664 годов.

[14] См., напр.: Письмо патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу / Подг. текста и коммент. Н.В. Шухтиной // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1998. Кн. 1. С. 669–674 (Комментарии).

[15] *Елеонская А.С.* Русская публицистика второй половины XVII века. С. 56.

[16] *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 128–129.

[17] «Возражение» издано в конце XIX в. среди трудов патриарха Никона Пальмером на английском языке в собственном переводе: *Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. History of the Condemnation of the Patriarch Nicon by a Plenary Council of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A.D. 1666–1667. Written by Paisius Ligarides of Scio. London, 1871–1876. Vol. 1–6. Приблизительно в это же время в России фрагментарно издано 26-е возражение: Записки Отделения русской и славянской археологии... Т. 2. С. 423–498. В 1982 году полный текст памятника издан Г.В. Вернадским и В.Б. Туминой по рукописи рубежа XVII–XVIII веков из Музея истории религии и атеизма: Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation». С. 80–673. Это издание снабжено филологическим и источниковым комментарием (впервые установлено большинство источников «Возражения»), но, к сожалению, эта публикация недоступна широкому кругу исследователей. В 2004 году по рукописи РГАДА памятник издан В.В. Шмидтом с грубыми ошибками прочтения: Патриарх Никон. Труды / Авт.-сост. В.В. Шмидт. М.: МГУ, 2004. С. 197–465.

[18] 15 августа 1662 г. Отписка к болярину Симеону Лукъяновичю Стрешневу митрополита Паисии Газскаго и на тридесять вопросов ответы новых обычаев Никоновых бывшаго патриарха московскаго, во 171-м году // Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 518–550. Вопросоответное сочинение Стрешнева-Лигарида сохранилось в списках на греческом и русском языках, поэтому рукописный источник, с которым непосредственно работал патриарх Никон и который цитировал в возражениях, предстоит еще выявить.

Т.А. Опарина

ГРАМОТА 1663 ГОДА О НАКАЗАНИИ СВЯЩЕННИКА, НЕ ПРИНЯВШЕГО УКАЗОВ О ЗАПРЕТЕ ПОМИНАНИЯ ПАТРИАРХА НИКОНА

[1] РГАДА. Ф. 235 (Патриарший Казенный приказ), Оп. 2. Д. 34. Л. 87 об. Милостыню нищим по указу патриарха раздавал подьячий Илья Гурьев.

[2] Материалы для истории раскола. Т. I. М., 1874. С. 471. Дело ризположенскаго попа Иродиона, происходившее в декабре 1660 г.

[3] Там же. С. 479: «...а для ответу будут Галицкои бывшеи протопоп Михаил, Введенский поп из Барашей Иван Фокин, стольник Федор Васильев сын Плещеев, Семен Потемкин».

[4] Там же. С. 480: Иродион «приехал из Воскресенского монастыря от патриарха Никона после Троицына дня. Да к Никону ж патриарху ездил с ним попом Родионом Введенский поп Иван Фокин, что в Барашах. И после того он же поп Иван ездил к патриарху Никону с женою, да с ним детей ево духовных из Барашевские слобо-

ды и иных чинов с 70 человек, а с попом Родионом человек с 10... И патриарх де Никон дал им попу Ивану косить пожню да рыбы семги воз. А попу Родиону хлеб да семгу. И ныне де они патриарха Никона похваляют и пение ево потому ж хвалят. И детей своих духовных поучают, чтобы они кресть воображали тремя персты. А не так, как протопоп Аввакум учил воображать. А которые де из не слушают и они тех проклинают».

[5] *Макарий (митрополит).* История Русской Православной Церкви. Кн. 7. М., 1996, С. 308.

[6] «Извлечения из архива книг и дел Кириллова Белоозерского монастыря. Сообщены настоятелем Кириллова монастыря архимандритом Иаковом» // Древности. Труды Московского археологического общества. М. 1880. Т. VIII. С. 145; *Иконников В.С.* Новые материалы и труды о патриархе Никоне. Киев, 1888. С. 30, 69; *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 211.

[7] Материалы для истории раскола. Т. I. С. 483: «Пришел к церкви Софеи премудрости Божиеи... поп Родион учал пети новое пение, чего исстари не бывало, а мощно де по тому пению и в гусли играть. Учал тем переводом петь с того времени, как он приехал из Воскресенского монастыря от патриарха Никона».

[8] Материалы для истории раскола. Т. V. 1879. С. 159–160: «Дщи вавилоня окаянная (так Аввакум называет Новоиерусалимский монастырь)... разширила и народила выблятков, Родиона и Ивана, и иных душепагубных волков, и пожирают стадо христово зле. И я, отче Феоктисте, видя их хищников, ловящих овец христовых, не умолчал ему Родиону и Ивану и начальнику их Илариону, понеже возбудил вас, рабов христовых приездом своим. А аще бы нам умолчать, камение возопиет».

[9] *Демкова Н.С.* Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М. – П.,1965. Т. XXI. С. 228.

[10] Материалы для истории раскола. Т. VI. С. 314; *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 84, 220.

[11] «Извлечения из архива книг и дел Кириллова Белоозерского монастыря. Сообщены настоятелем Кириллова монастыря архимандритом Иаковом» // Древности. Труды Московского археологического общества. М. 1880. Т. VIII. С. 145.

Н.П. Яковлева

ПЕРЕДАТОЧНЫЕ АКТЫ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ СОБРАНИЯ НИКОНОВСКОГО МУЗЕЯ ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ В ИСТРИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРАЕВОЙ МУЗЕЙ

[1] *Франц Д.Д.* Каталог Никоновского музея в Иверском монастыре близь г. Валдая. Новгород, 1920.

[2] Акт №211а (№ 292) приема-сдачи предметов музейной ценности для отправки в Москву от 6.02.1933 г. Л. 5. № 29; Л. 7. № 48–50; Л. 13. № 117–126; Л. 14. № 127–129, 131–142.

[3] *Зеленская Г.М.* Музей Святейшего Патриарха Никона в ставропигиальном Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 263–271.

[4] НГМ КП 42853/57.

[5] Акт № 211а (292) приема-сдачи... Л. 1.

[6] Сдаточно-приемочный акт № 211 (294) от 1.03.1933 года.

[7] Акт № 211а (№ 292) приема-сдачи... Л. 13. № 119.

[8] НГМ КП 40193.

[9] Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные архимандритом Леонидом // Русская Историческая библиотека. Т. 5. СПб., 1878.

[10] *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Исторический очерк Иверской Святоозерской обители в ее патриарший период (с 1653 г. по конец 1666 г.) // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Стлб. 39–62.

[11] Акты Иверского... Стлб. 224–240. № 87.

[12] *Силин П.М.* Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого первоклассного монастыря. СПб., 1885. С. 44–58.

[13] *Рогожкина Е.И.* Личные вещи и вклады Патриарха Никона из фонда драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим» // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 47—56; Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белоозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М., 2002. С. 23—27, 37; Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и уничтоженных в период Второй мировой войны. Т. 12. Кн. 1. М., 2005. С. 33–37, 49–50; *Рогожкина Е.И.* Личные вещи и вклады Патриарха Никона из фонда драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим» // Патриарх Никон, рожденный на земле Нижегородской. Нижний Новгород, 2007. С. 207–228; *Зеленская Г.М.* Новый Иерусалим. Образы дольнего и горнего. М., 2008. С. 22–25, 35, 38–41; *Зеленская Г.М., Берхина Т.Г.* Ильинка сквозь века. Патриарх Никон. М., 2008. С. 22, 24, 37, 40; *Яковлева Н.П.* Никоновский музей Иверского монастыря // Ежегодник Новгородского государственного музея-заповедника, 2008. Великий Новгород, 2009. С. 125–134.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Императорской Академии наук»
АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею»
БЛДР — «Библиотека литературы Древней Руси»
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИАНО — Государственный исторический архив Новгородской области
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ДАИ — «Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией»
ИАХ — Императорская академия художеств
ИАХМНИ — Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»
ЛЗАК — «Летописи занятий Археографической комиссии».
МУЖВиЗ — Московское училище живописи, ваяния и зодчества
МХО — Московское художественное общество
ОПИ — Отдел письменных источников
ОР — Отдел рукописей
ОИДР — Императорское общество истории и древностей Российских
ОСРК — Основное собрание рукописей и книг
ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
ППС — «Православный Палестинский сборник»
ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
ПЭ — «Православная энциклопедия»
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РИБ — «Русская историческая библиотека»
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СГГД — «Собрание государственных грамот и договоров Российской империи»
СККДР — «Словарь книжников и книжности Древней Руси»
ТОДРЛ —«Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук» (Санкт-Петербург)
ТрГИМ — «Труды Государственного Исторического музея»
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в г. Москве (с 1992 г. — в составе ГАРФ)
ЧОИДР —«Чтения в Обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете» (Москва)
УЗ МЗГПИ — Ученые записки Московского заочного государственного педагогического института

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архимандрит Макарий (Веретенников),
профессор Московской Духовной Академии, доктор теологии, магистр богословия, лауреат премии имени митрополита Макария (Булгакова), заведующий Регентской школой

Игумен Феофилакт (Безукладников),
наместник Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря

Авдеев Александр Григорьевич,
кандидат исторических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Берхина Татьяна Гемфриевна,
сотрудник храма пророка Божия Илии в Китай-городе в Москве

Василькова Юлия Валерьевна,
аспирант НИИ истории искусствознания Российской Академии художеств

Гришин Виктор Петрович,
главный архитектор Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим»

Зеленская Галина Митрофановна,
заместитель директора по научной работе Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим», заслуженный работник культуры Российской Федерации

Крючкова Мария Александровна,
кандидат исторических наук, заведующий Историческим отделом Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим»

Кочеляева Нина Александровна,
кандидат исторических наук, ученый секретарь Российского института культурологии

Опарина Татьяна Анатольевна,
кандидат исторических наук, зав. Отделом редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России

Рогожкина Елена Ивановна,
ведущий научный сотрудник Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим»

Савушкина Наталья Владимировна,
внештатный сотрудник Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального монастыря

Севастьянова Светлана Климентьевна,
доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск), лауреат премии имени митрополита Макария (Булгакова)

Секретарь Людмила Андреевна,
старший научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Яковлева Надежда Петровна,
старший научный сотрудник Валдайского филиала Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, заслуженный работник культуры Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю **3**

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ НИКОН. ЖИТИЕ, ДЕЯНИЯ, ДУХОВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ, УЧЕНИКИ, ПОСЛЕДОВАТЕЛИ, ПОЧИТАНИЕ ПАМЯТИ

С.К. Севастьянова
Поучение Патриарха Никона о моровой язве и способы описания духовно-нравственной жизни и быта московского общества середины XVII века **7**
Н.П. Яковлева
Никоновский колокол Валдайского Иверского монастыря **32**
Л.А. Секретарь
О строительной деятельности Патриарха Никона в вотчинах Валдайского Иверского монастыря **38**
Т.Г. Берхина
Ильинская улица в жизни Патриарха Никона 48
Архимандрит Макарий (Веретенников)
Всероссийский Патриарх Питирим 61
А.Г. Авдеев
Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII – начале XVIII века 70
Г.М. Зеленская
Наследство и наследники воскресенского архимандрита Германа I **85**
Г.М. Зеленская
Новое в биографии Иоанна Шушерина **118**
Н.П. Яковлева
Никоновский музей Иверского монастыря **127**

ВОСКРЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НОВОГО ИЕРУСАЛИМА. ПАЛЕСТИНСКИЕ ПЕРВООБРАЗЫ, ИСТОРИЯ, АРХИТЕКТУРА, РЕСТАВРАЦИЯ, КУЛЬТУРА, НАСТОЯТЕЛИ И БРАТИЯ

Н.А. Кочеляева
Колокольня храма Гроба Господня в Иерусалиме (По материалам «Православного Палестинского сборника») **153**
Г.М. Зеленская
Лестницы храма Воскресения Христова **158**
Г.М. Зеленская
Внутреннее убранство надвратной церкви Входа Господня в Иерусалим Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в XVII—XIX веках **188**
М.А. Крючкова
Ремонт шатра над ротондой Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря в середине XIX века **206**
Е.И. Рогожкина
Предметы церковного обихода из приделов Воскресенского собора, хранящиеся в фонде драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим» **213**

Ю.В. Василькова
Работы живописца Павла Сорокина в Новом Иерусалиме **222**
Г.М. Зеленская
Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в XVII — начале XXI века **236**
В.П. Гришин
Реставрация архитектурного ансамбля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в конце XX — начале XXI века **276**
Игумен Феофилакт (Безукладников)
Восстановление исторического облика Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального монастыря. Проблемы, приоритеты, предложения **287**

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Поучения Патриарха Никона о моровой язве

Грамота 1663 года

Акт о ремонтныйх работах в Воскресенском монастыре 1904 года

Передаточные акты музейных предметов 1933 года

Публикация С.К. Севастьяновой
Святейший Патриарх Никон. Окружное послание о моровой язве **313**

Публикация С.К. Севастьяновой
«Возражение или разорение смиреннаго Никона, Божией милостью Патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисиовы». Возражение 13-го вопроса и ответа **325**
Публикация Т.А. Опариной
Грамота 1663 года о наказании священника,
не принявшего указов о запрете поминания Патриарха Никона **335**

Публикация Н.В. Савушкиной
Акт о приеме ремонтных работ
в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. 1904 год **340**

Публикация Н.П. Яковлевой
Передаточные акты музейных предметов из собрания Никоновского **344**
музея Иверского монастыря в Истринский государственный краевой музей

Список сокращений **405**

Сведения об авторах **406**